Солженицынские тетради

Studying Solzhenitsyn

Cahiers Soljénitsyne

Русский Путь

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

Солженицынские ТЕТРАДИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва
Русский путь
2016

5

УДК 82.0
ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6
С-60

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Главный редактор *А.С. Немзер*
Оформление *С.А. Астафуров*
Макет *И.И. Антонова*

© Авторы, 2016
© Солженицын А.И. (наследники), 2016
© Чуковская Л.К. (наследники), 2016
© ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», 2016
© Оформление. ЗАО «Издательство “Русский путь”», 2016

ISBN 978-5-85887-465-2

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ:
Из наследия Александра Солженицына

Александр Солженицын

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНОЙ КОЛЛЕКЦИИ» (Об Анне Ахматовой)

Публикация, подготовка текста,
вступительная заметка и комментарии Н.Д. Солженицыной

В Архиве А.И. Солженицына хранится толстая тетрадь, озаглавленная «Литературные встречи и записи». Начата тетрадь в июле 1962 года, в ней с большой подробностью записывал А.С. встречи и разговоры с А.Т. Твардовским, обсуждения рукописей «Ивана Денисовича», «Матрены», «Круга», «Ракового корпуса» в редакции «Нового мира», а затем и на заседании Секретариата Союза писателей, — детальность этих записей обеспечила впоследствии фактологическую точность «Очерков литературной жизни» («Бодался телёнок с дубом»). Есть в тетради и записи встреч с А.А. Ахматовой, Б.А. Можаевым, В.Т. Шаламовым, труппой театра «Современник» и др. Некоторые из них сделаны кратко, в пути, на маленьких листочках из блокнотов, позже вклеенных в тетрадь.

Летом 1981 года в Вермонте Солженицын увлеченно читает недавно вышедший в Париже 2-й том «Записок об Анне Ахматовой» (1952–1962), откликается на них в письме к Л.К. Чуковской и упоминает, в частности, о своих заметках «по свежему следу»:

«В записи от 30.10.62 впервые прочёл, каково ж было впечатление Ахматовой от встречи со мной[1]. Мне и лестно, и тепло вспомнить ту встречу. Было их несколько, а вот не собрался я до сих пор их описать, хотя записи по свежему следу сделал, и целы. Может, когда посвободнею — так и доберусь. Если жизни хватит. Но сколько помню себя — мои взятые задачи всегда перевешивали успевание»[2].

В ответном письме Лидия Корнеевна пишет:

«Не сомневаюсь, что Ваши собственные записи о встречах с АА имеют интерес чрезвычайный»[3].

---

[1] См.: *Чуковская Л.К.* Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Согласие, 1997. Т. 2. С. 532–533.

[2] См. в наст. изд. письмо Солженицына к Л.К. Чуковской («Тяжёл искус такой разлуки…». Письмо **7** от 31 августа 1981. С. 46).

[3] Там же. Письмо **8** от 14 декабря 1981. С. 49.

Через шесть лет Солженицын все-таки «добрался» описать свои встречи с Ахматовой. Написал очерк 6 июня 1986 года и никогда более к нему не возвращался. О существовании этого текста знал Н.А. Струве, многолетний издатель и друг А.С. Готовясь отметить 100-летие Ахматовой в издаваемом им «Вестнике христианского движения», Струве писал Солженицыну:

«Я собираюсь издать за первое полугодие 1989 г. два номера, причем второй в значительной мере посвятить Ахматовой, и тут не могу Вас не спросить, не согласились ли бы Вы (сколько *не* от надежды на *да*!) дать в него Ваши коротенькие воспоминания о встрече с ней? Я знаю, что Вы считаете их неотшлифованными, но, м.б., можно их подать именно как ответ на просьбу редакции поделиться по случаю 100-летия воспоминаниями о встрече»[4].

Солженицын не счел свой очерк достойным юбилейного хора: «Сейчас Вы спрашиваете, не дам ли очерк об Ахматовой? — нет, он слаб, не разработан (да и никогда уже, наверно, не будет…)»[5].

Все-таки в «Литературную коллекцию» автор очерк включил, поместив его в рубрику «Некоторые литературные встречи мои. (По записям тех же дней)».

В настоящем выпуске «Тетрадей» мы предлагаем читателю первую публикацию очерка «Анна Ахматова». Текст печатается по рукописи, хранящейся в Архиве А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. Рукопись со многими вставками, вычеркиваниями, перестановками является первой и единственной редакцией очерка.

Существует в Архиве Солженицына еще один рукописный текст, посвященный Ахматовой: неоконченный набросок, передающий впечатления автора при чтении ее стихов. Рукой А.С. пометка: «нач. 1990». Текст не имеет названия, и по его поводу не оставлено ни указаний, ни пожеланий. Мы решили опубликовать его — в соседстве с очерком о встречах Ахматовой и Солженицына и окончанием переписки Л.К. Чуковской с писателем, в которой «АА» неизменно выступает героиней. Текст печатается по рукописи, хранящейся в Архиве А.И. Солженицына в Троице-Лыкове.

---

[4] Письмо Н.А. Струве к Солженицыну от 25 декабря 1988 (Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове).

[5] Письмо Солженицына к Н.А. Струве от 12 января 1989 (Архив Н.А. Струве).

АННА АХМАТОВА

В октябре 1962, когда «Иван Денисович» ещё не был напечатан, но низливались с верхов надежды, что — разрешён и в следующем номере будет, а «вся Москва» конечно давно прочла, Копелевы спросили: «А хочешь увидеть Анну Андреевну Ахматову?»[1] Я даже ошеломился: я не был готов ко встрече такой высоты. Да захочет ли она меня принять? Уверили, что — да, вот их, например, уже принимала. И тут же Копелев стал ей звонить — и по тону не застенчиво, и видно, что с той стороны отвечали одобрительно. Сговорились. На другой же день, 29 октября, среди дня, я ехал на Ново-Хорошевское шоссе, какой-то полубарачный писательский двор, где А.А. остановилась у Марии Сергеевны Петровых[2].

Я ехал, волнуясь: первый раз в жизни мне предстояло коснуться вживе настоящей русской литературы, да просто *никто* до этого срока не дожил, одна она. Литература, казавшаяся мне давно убитой и прерванной, — оказывается, ещё дотянулась, чтобы пожать мне руку в напутствие.

Не пожать, разумеется, — я ехал, чтобы начать с почтительно-внимчивого поцелуя её руки. Но вот промах: не догадался спросить у Копелевых: а как А.А. сейчас выглядит? Я не думал, что могу не узнать, я уверенно ожидал сухонькую тёмную старушку, загнанную ждановскими гонениями[3], иссушенную тяжкой жизнью. А вот: отворилась дверь, вступаю в крохотную прихожую, из неё дальше две двери, и в каждой стоит по женщине, обе улыбаются. Слева в двери — очень полная, седая, крупная — я и решил, что М.П.

---

[1] Лев Зиновьевич *Копелев* (1912–1997, критик, германист, тюремный друг Солженицына) и его жена Раиса Давыдовна Орлова (1918–1989, критик, писатель) познакомились с А.А. Ахматовой в мае 1962 года в Москве, с тех пор поддерживали связь. См. их совместный мемуарный очерк «Встречи с Анной Ахматовой» в кн.: *Орлова Р., Копелев Л.* Мы жили в Москве: 1956–1980. М.: Книга, 1990.

[2] *Петровых* Мария Сергеевна (1908–1979) — поэт.

[3] Погромное постановление Оргбюро ЦК ВКП(б): «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» было принято 14 августа 1946 года, опубликовано в «Правде» 21 августа: «Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Её стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии… не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодёжи и не могут быть терпимы в советской литературе». 15 августа член Политбюро А.А. Жданов «разъяснял» это постановление активу ленинградской партийной организации, 16 августа — собранию писателей, работников литературы и издательств в Смольном. В конце августа издан приказ Совета министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати № 42/1629-с: «§2.: приостановить производство и распространение следующих книг: Ахматова А.А. Стихотворения. 1909–1945 г. Гослитиздат. Ленинград, 1946. 340 стр. Тир. 10 000 экз. Ее же. Избранные стихи 1910–1946 г. Издательство “Правда”. Москва, 1946. 48 стр. Тир. 100 000 экз.» (История советской политической цензуры. М., 1997. С. 508). В сентябре М.М. Зощенко и А.А. Ахматова исключены из Союза писателей. Постановление было отменено лишь в октябре 1988 года.

А прямо в двери — более подходит к мысленному образу, наверно А.А.? Заколебался, и хорошо хоть не успел ошибиться, не вышло конфуза. Полная дама уверенно повела меня в свою комнату, но задуманный входной поцелуй руки не состоялся. Да я и без цветов — после зэчества и по скудости у меня такого обычая совсем не было. Пошли сели на диване.

Я сказал заготовленную фразу, упрощая тоном её возвышенность, но это именно то, что я чувствовал:

— Доводится мне прикоснуться к доброй старой литературе. Так пустыня и мрак — пройдены!

Ответила:

— Это возвышенно звучит, а на самом деле всё умеют исковеркать.

И разговор сразу принял печальный оборот. Она употребила такое сравнение своей жизни: «как воронка с половиной убитой кошки». (Точно записал в тот вечер, хотя сейчас не вполне понимаю.) Дала «одно в жизни интервью английскому корреспонденту — и всё искажено»[4]. На Западе пишут о ней «альковная поэзия», «странное молчание столько лет» — «а я ведь и ответить не могу». Американский издатель полного Гумилёва[5] «написал похабные строки вокруг стихотворения Гумилёва о размолвке», будто они разошлись давно, — и прислал ей же корректуру. И что ему ответить?

Я тогда ещё нисколько не вошёл в литературную обстановку, не мог оценить и охватить положение Ахматовой передо всем западным свинством и тупым непониманием — «долгое молчание»!.. Тут ещё (я потом сопоставил, разговору у нас о том не было): за несколько дней до того обошли её Нобелевской премией, куда выставляли её итальянцы (дали в тот год Стейнбеку), — да ведь не этот год один пропустила шведская Академия,— кого из русских писателей они способны оценить вовремя?[6]

---

[4] Алан Морей Уильямс (1915–1996), английский поэт и журналист, посетил А.А. весной 1961 года; их беседа, оформленная как статья Уильямса, появилась в «Нью-Йорк геральд трибьюн» 24 ноября 1961 года.

[5] 1962 году в США вышел первый том Собрания сочинений Н.С. Гумилева под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. В июне 1965 года в Лондоне Ахматова встретилась с Г.П. Струве и выразила ему возмущенное несогласие с его трактовками, о чем он писал в письме к А. Бахраху: «…два довольно продолжительных разговора главным образом в связи с нашими изданиями как Гумилева, так и ее сочинений… об издании Гумилева, особенно первом томе, отозвалась довольно сурово (и в сущности придирчиво-несправедливо), главным образом из-за моей биографической статьи» (Письмо Г.П. Струве А. Бахраху // Нерлер П.М. Материалы об О.Э. Мандельштаме в американских архивах // Россика в США: Сб. ст. М., 2001. С. 122).

[6] К 1962 году было два русских нобелевских лауреата по литературе — И.А. Бунин (1933) и Б.Л. Пастернак (1958). В 2000 году в беседе с Витторио Страда А.С. сказал: «Я считаю, что несколько российских нобелевских лауреатов по литературе пропущено в этом веке лишь благодаря тому, что знакомство с их творчеством возникало или после их смерти, или почти уже при смерти» (*Солженицын А.И.* На возврате дыхания: Избранная публицистика. М.: Вагриус, 2004. С. 654).

Сказала Анна Андреевна твёрдо:

— Я — предпочитаю Жданова: по крайней мере, всё ясно. А *там* [на Западе] — даже понять нельзя, такой сумбур и бессмыслица.

(Это я дословно записал. Но далеко ещё было мне тогда понять всю верность её слов, и что Ахматова чётко предваряла меня, что предстоит мне узнать вперёд за четверть века.)

Что я мог ей принести в утешение? От души:

— Для меня: Пушкин — Лермонтов — Блок — и вы!

Улыбнулась широко:

— Вы меня испортите.

— Я ответил Твардовскому, что уже и меня поздно испортить, а куда же вас!

Сказала она, что перенесла уже третий инфаркт[7]. Зарабатывает — переводами казахов, по подстрочнику. Переводов ответственных, как Шекспир — избегает.

Считает: почему Сталин её не уничтожил? — слишком нашумел, сделал заметной. Но лишили писательского пайка, иностранных посылок. Спрашивал злорадно: «А как поживайт монахиня?»

На Сталина я отозвался готовно и дерзко: разрешите, прочту стихотворение на его смерть? (Я — ей!!) Прочёл — «Пятое марта»[8]. У неё непринуждённо вырвалось:

— Здорово! — И сразу: — Сталин всё-таки не уничтожил, кого нужно. Вот — вас и меня, пропустил.

Я бестактно предложил, что прочту ещё 2–3 стиха — да не поэзию выставить, а передать ей накопленное лагерное чувство. Но забывал, путал строчки. Мягко выслушала, тактично заметила:

— О ваших стихах скажу ещё потом. А хотите — я вам почитаю?

Читала из «Поэмы без героя». Потом пошла за портфелем. Вырезка из «Литературы и жизнь» («ЛиЖи» называли тогда) — вот внезапно опубликовали несколько стихов, и с портретиком[9]; из *общества* (то есть «прогрессивного») упрекают Анну Андреевну, как можно публиковаться в ЛиЖи?

Я: Да не слушайте их, после стольких лет молчания — что вам выбирать? Какая разница? — все они одним миром мазаны.

Что «прогрессивных», что «реакционных», — всех их я тогда верно понимал как лживых услужливых холопов советского режима.

---

[7] Третий инфаркт случился в начале октября 1961 года. А.А. пролежала в 1-й ленинградской больнице им. Ленина (в Гавани) три месяца, вышла лишь 8 января 1962 года.

[8] *Солженицын А.И.* Пятое марта // Собр соч.: в 30 т. М.: Время, 2016. Т. 18: Раннее. С. 240.

[9] Отклонив два из четырех стихотворений, «Литература и жизнь» 5 апреля 1959 года напечатала «Летний сонет» («Здесь всё меня переживёт...», 1958; позднее название «Приморский сонет») и «Музыка» («В ней что-то чудотворное горит...», 1958), причем последнее — в переделанном для цензуры варианте.

Из портфеля же — вынула и ту молодую фотокарточку с разреженным чубиком, с которой этот типографский оттиск. О, как уже непохожа, как далека от той.

Сказала:

— Всё стараюсь писать короче. Всё кажется, что стихи ещё длинны, даже восемь строчек длинно.

Замечательно! Вот это — вершина.

Уговаривал её все силы приложить к оформлению сборников и циклов.

Про «Ивана Денисовича»: надо, чтоб эту вещь прочли 200 миллионов. В ней «нет просто наблюдений, всё служит цели». (Сравнила с Хемингуэем: рыба два раза плюнула, но ничего из этого потом не выходит.) С каких лет вы пишете?

— Да смешно сказать, чуть не с 9 лет решил, что буду писателем.

— Так и должно быть. — (И ведь верно!) — У вас есть *ещё* рассказ?..

— У меня…

Тут я замялся. Лагерная выдержка. Что уже в «Новом мире», то да, два рассказа[10]. А что есть роман готовый («Круг»), что задумал и начал систематический обзор всей лагерной системы («Архипелаг») — этого не сказал. (Потом Л.К. Чуковская будет упрекать меня за эту скрытность: «Уж Анне Андреевне можно было довериться, умела хранить тайны, как никто».)

— Будете переезжать в Москву?

— Да нет, не думаю. Не тянет в Москву.

— Вам предстоят жестокие испытания славой. Пастернак — не выдержал.

Я, уверенно: что выдержу, даже не понимаю, что тут выдерживать?

— Сорок четыре года? Это очень мало, какой вы молодой.

Очень тепло расстались. С Петровых так и не поговорили (а говорят — незаурядная).

Через месяц, 30 ноября, по приглашению А.А. снова был у неё, в этот раз на квартире Глен, редакторши Гослитиздата[11]. (В Москве у А.А. не было угла, она гостила у одних, других, переезжая, чтоб не слишком отягощать собой — а себя всегда ощущая бездомной.)

А.А. хотела видеть меня и просто, и с особой целью: единственный послевоенный сборник её, «Стихотворения», издан в чёрном переплёте, а малая серия — в белом. Эту — она держит для избранных и теперь достала ещё

---

[10] «Матрёнин двор» Солженицын передал А.Т. Твардовскому в декабре 1961 года, 2 января 1962-го состоялось редакционное обсуждение рассказа в «Новом мире»; «Случай на станции Кочетовка» был написан в начале ноября 1962 года и 15 ноября передан Твардовскому. А.Т. надеялся напечатать их вослед «Ивану Денисовичу», в ближайших номерах.

[11] *Глен* Ника Николаевна (1928–2005) — переводчица, с 1956 по 1983 год — сотрудница Гослитиздата, с 1958 по 1963 год — «частный» литературный секретарь Ахматовой.

свободный экземпляр для меня[12]. Надписала при мне: «А. Солженицыну в дни его славы»[13]. (Разумно предвидя, что будут всего лишь д н и.)

— Штурм и натиск на вас — весь впереди, это только начало.

Но и я — то трезво видел, как быстро натиск славы и любопытства оборвётся или, вернее, станет злобным — в этом нисколько не обманывался.

Конечно, и я принёс ей журнальный оттиск «Денисовича». Не помню, как подписал, но, видимо, не ошибся, потому что сказала недовольно:

— А мне теперь подписывают без фамилии.

То есть по имени-отчеству? Очевидно, ценила «Ахматову». Никогда не спросил её: а почему она взяла татарский псевдоним?

Передавала, что в «Современнике» молодые актёры завидуют своим старшим, которым я читал «гениальную пьесу»[14]. (Таков был раскат и моей славы, и лагерной темы — по советским масштабам «гениально» уже то, что это не из пальца высосано, а — кровью сердца. Да истосковался русский читатель, уж очень зажаждалось «гениального».)

— По Москве в деталях известен наш с вами разговор: что вы мне сказали, что я вам сказала.

— Ну, уж это не от меня! Я — просто никому не говорил.

Плутовато улыбаясь:

— Ну, возможно, от меня…

(Вот так и рассказывай вам тайны! Нет, моя закалка лагерная не сдаст. О наших встречах и разговорах А.А. действительно широко рассказывала, а из тех, кто выслушал её — некоторые потом писали и свои пересказы в своих мемуарах, уже доплетая и вымысел, и искажения.)

---

[12] Речь идет об издании: *Ахматова А.* Стихотворения (1909–1960). М.: ГИХЛ, 1961. Тираж 50 000 экз. Книге предпослан автобиографический очерк А.А. «Коротко о себе»; послесловие А. Суркова. (Это — второй послевоенный сборник Ахматовой, первый вышел в 1958 году, также в Гослитиздате, тираж 25 000 экз.) Об этом издании Н.Н. Глен пишет: «Примечание для библиофилов. Эту книгу, с легкой руки Ахматовой, ее друзья стали называть “лягушкой” — за зеленоватую обложку. Увидев, что и обложка ее огорчила, я попыталась уговорить художников и “производственников” издательства выпустить хотя бы часть тиража в другой одежде, но удалось сделать только 100 штук для самой Ахматовой — 75 черных и 25 белых» (*Глен Н.Н.* Вокруг старых записей // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В.Я. Виленкина и В.А. Черных, коммент. А.В. Курт и К.М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991).

[13] См. ил. между с. 16–17 наст. изд. — *Ред*. В подаренном экземпляре есть правка рукой Ахматовой.

[14] «В конце ноября [1962], через десяток дней после появления рассказа, художественный совет “Современника”, выслушав мою пьесу (“Олень и шалашовка”…), настойчиво просил разрешить им ставить т о т ч а с, и труппа будет обедать и спать в театре, но за месяц берётся её поставить! <…> Да упущено было время: уже сказывалось давление на театры после декабрьской кремлевской “встречи” [Хрущева с интеллигенцией]. “Современник” не решился приступить даже к репетициям, и пьеса завязла на многие годы» (*Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. М.: Согласие, 1996. С. 52, 53).

Нынешняя комната была втрое меньше, чем мы встречались первый раз: стены как будто соступались на Ахматову, всё верней выражая зажатость её жизни. И — нездорова она была, одетая — но лежала, а я сидел близ дивана. Говорила, что лучше всего ей живётся в доме творчества в Комарове, так там тихо, не захочу ли я туда приехать? (Но я никак не спешил воспользоваться — да за годы ни разу и не воспользовался — этим писательским правом. Чужд я оставался всей этой среде и её обычаям.)

Тут Анна Андреевна сказала: «Я штатная пушкинистка» — (я понятия не имел!) — и кое-что ей удалось открыть, чем она гордится. (Я прочёл лишь через много лет, в Вермонте. Оказалось, что исследования или текстологические, или по личной судьбе, но — охватного объёма и значения.)

Записи этой встречи у меня, к сожалению, не подробны: записывал в крохотном блокноте, где-то в пути, в метро или в электричке. Говорили о музыке. Она очень любит Мусоргского, сошлись на Бетховене, Шуберте и Шопене. (Моцарт у меня не записан, не знаю отчего.)

Рассказывала о гибели Гумилёва, и как всё дело его было дуто (4–25 августа 1921).

Вдруг спросила:

— А знаете ли вы Булгакова? Как вы к нему относитесь?

Я оживился: ещё бы! Он — моя особая любовь, ещё от «Турбиных», до войны. А вот в «Александринке» видел и «Бег»[15]. Ощущаю с ним — духовное родство.

— А хотите познакомиться с его вдовой?

Я очень обрадовался.

Тут же, у дивана, телефон, набирает.

— Елена Сергевна! У меня сидит сейчас самый большой. Самый главный и самый популярный в Москве. Догадались? Он хочет с вами познакомиться, передаю ему трубку.

Кажется, А.А. относилась к Е.С. несколько прохладно. Но я был безмерно рад. И это имело продолжение[16].

Анна Андреевна тут же сказала:

— Вы — сильней Булгакова.

Хотела ли меня подбодрить? Постоянный ли счёт такой идёт между писателями? Но это не соответствовало моим чувствам к Булгакову: я не меряться хотел с ним, а продолжать — белогвардейскую линию.

---

[15] Параллельно ростовскому физмату учась в московском МИФЛИ, Солженицын в январе 1941 года сдавал зимнюю сессию и 7 января был на спектакле «Дни Турбиных» во МХАТе. Пьесу «Бег» он видел летом 1958 в Ленинградском драматическом театре им. А.С. Пушкина.

[16] О знакомстве и дружбе с Е.С. Булгаковой, о чтении у неё в доме неопубликованных рукописей М.А. Булгакова Солженицын рассказал в очерке «Мой Булгаков» (Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2013. Вып. 2. С. 5–27). См. также фрагменты переписки Е.С. Булгаковой и А.С. («Неожиданному другу…» // Там же. С. 28–42).

14 февраля 1963 я снова посетил А.А.[17] — на этот раз в квартире Ардовых, в Замоскворечьи[18], и это была уже не комната, а настоящий тюремный бокс: между дверью и маленьким окошком стояла вдоль только кровать, занимая две трети ширины, А.А. сидела на кровати, а я — на единственном стуле для посетителя, так что колени упирались в кровать же.

Как А.А. жила в Москве гостем, и всё у чужих — так тем более наезжал и я, жить негде, приезжаю из Рязани на считанные дни и часы, всё делаю плотно, динамично, — и всё только *дело*. И в этом темпе я допустил непростительную ошибку. Не успевая осознать, насколько ж для меня это касание к Ахматовой неповторимо, сколько традиции и прошлого я могу и должен перенять у неё, — я в этот раз вздумал проверить у А.А. суждение Твардовского о «Дороженьке»[19]. То есть поэтическим достижением я и сам её не считал, но, может, всё-таки восполняется содержанием? Хотелось получить решающее мнение. И я попросил её разрешения почитать ей из поэмы. Слушала невозмутимо — а я 1-ю главу, потом 2-ю, кажется, и кусок из 3-й. Она не останавливала, но я ощутил: не то, неуместно, бессовестно так читать.

Сказала:

— Не надо такого линейного развития. В стихах должна быть тайна. Слишком лобово, что это — биография. Есть лишние слоги. Интересно (может, лишь потому, что это — вы), но растянуто. Впрочем, для меня теперь всё растянуто, что больше четырёх строчек. Проза у вас великолепно защищена, а это — незащищённое, не печатайте сейчас[20].

---

[17] Этой третьей встрече предшествовали новогоднее письмецо Солженицына (из Рязани в Ленинград) и ответная телеграмма Ахматовой (публикуются впервые):

«27.12.62. Дорогая Анна Андреевна! От души поздравляю Вас с Новым Годом, желаю в нем Вам — здоровья и той же ясности духа, стихам Вашим — увидеть свет (и чтобы побольше!). Дали мне вёрстку № 1 “Нового мира” с моими рассказами, и я с удовольствием обнаружил, что мы с Вами там по соседству. Да будет это символом того, что мы с Вами будем видеться в 1963-м! Всего-всего доброго и благополучного! Ваш А. Солженицын» (ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 1003).

Телеграмма подана в Москве 11 января 1963 года:

«Рязань 23 1-й Касимовский 12 кв 3 Александру Исаевичу Солженицыну

Благодарю новогоднее поздравление скоро поеду Ленинград когда будете Москве приходите = Ахматова» (Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове).

[18] *…в квартире Ардовых, в Замоскворечьи…* — Виктор Ефимович Ардов (1900–1976, писатель-сатирик) и его жена Нина Антоновна Ольшевская (1908–1991, актриса) жили на Большой Ордынке (дом 17, квартира 13). В Москве А.А. чаще всего останавливалась у них.

[19] Солженицын вспоминал, как в редакцию «Нового мира» «снёс несколько глав старой лагерной повести в стихах… Твардовский справедливо отверг её. “Я понимаю, — говорил он, — в лагере надо же что-то писать, иначе мхом обрастёшь. Но…” Он волновался, не обижусь ли. Я успокоил» (Бодался телёнок с дубом. С. 87).

[20] А.С. и не печатал свою лагерную повесть в стихах 46 лет. Первая публикация — в сборнике: *Солженицын А.* Протеревши глаза. М.: Наш дом — L’Age d’Homme, 1999. (См. также: Собр. соч.: в 30 т. Т. 18: Раннее.)

Мне стало неловко, что я столько времени её отнял.

Записаны слова её от той встречи, без сплошной связи:

— Письма от читателей? Больше получаю просьбы о деньгах. Вам ещё не присылают?

— Поэзия всё время наступает на прозу и отвоёвывает у неё кусочки… «Евгений Онегин», как шлагбаум, закрыл всем движение — Лермонтову, Баратынскому, Блоку с «Возмездием». Обойти этот шлагбаум сумел Некрасов. Лирика его плоха, но поэмы есть замечательные, — «Мороз Красный Нос». Это — удивительный поэт, засорённый эпохой, временем.

Очень для меня неожиданно было это суждение о Некрасове — я привык обходить его и презирать за компанейство с ревдемократами.

Ещё о себе рассказывала. В 1925 состоялось какое-то особое постановление, и Ахматову запретили печатать[21]. Троцкисты Лелевич, Селивановский лили на неё потоки грязи[22]. Но в 1939 Сталин спросил о ней — и сразу начали печатать[23].

Доберутся ли когда-нибудь наши перья до той распроклятейшей «красной свободы» 20-х и половины 30-х годов?..

---

[21] Возможно, имеется в виду резолюция ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы»: «Отсеивая антипролетарские и антиреволюционные элементы… борясь с формирующейся идеологией новой буржуазии среди части “попутчиков” сменовеховского толка, партия должна терпимо относиться к промежуточным идеологическим формам, терпеливо помогая эти… формы изживать» (О партийной и советской печати: Сб. док-тов. М., 1954. С. 345).

Анна Ахматова: «После моих вечеров в Москве (весна 1924) состоялось постановление о прекращении моей лит<ературной> деятельности. Меня перестали печатать в журналах и альманахах, приглашать на лит<ературные> вечера. (Я встретила на Невском М. Шаг<инян>. Она сказала: “Вот вы какая важная особа: о вас было пост<ановление> ЦК: не арестовывать, но и не печатать”) <…> Между 1925–1939 меня перестали печатать совершенно» (Записные книжки Анны Ахматовой. М.; Torino: Einaudi,1996. С. 28).

[22] *Г. Лелевич* (наст. имя и фам. Лабори Гилелевич Калмансон; 1901–1937), поэт, критик, член редакций журналов «На посту» и «Октябрь» и Алексей Павлович *Селивановский* (1900–1938), критик, журналист — видные руководители Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП). Выступали с резкой критикой «непролетарских писателей» — Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Александра Грина, Бориса Пастернака. Расстреляны.

[23] «В феврале 1939 года на приеме в честь писателей-орденоносцев Сталин что-то спросил об Ахматовой. Вскоре появилось сообщение о том, что ее новые стихи (после пятнадцатилетнего перерыва) напечатают в “Московском альманахе”. Эта публикация, правда, не состоялась, но в следующем году случилось нечто совсем уж неожиданное.

Выход сборника “Из шести книг” был событием… — за книгой с утра, до открытия книжного магазина, стояла длинная очередь на Кузнецком Мосту. <…> Появление ахматовской книги требовало каких-то объяснений — прошел слух, что книгу издали по распоряжению Сталина, дочь которого любила ахматовские стихи, и сборник получил прозвище “папин подарок Светлане”» (*Тименчик Р.Д.* Предисловие // Анна Ахматова. Requiem. М., 1989. С. 21).

И ещё летом 1963 я был в Ленинграде — и посетил (в этот раз с женой Н.А.[24] и с большим букетом) А.А. на Широкой, где жила она у падчерицы[25].

Эта встреча у меня не записана, да и в памяти почему-то не осталась, кроме, единственно, моей грубости. Уже прочтя её «Реквием», а в груди нося весь план будущего «Архипелага», я сказал:

— По-моему, название «Реквием» не подходит к этой поэме. Реквием, по традиции, включает «Dies irae»[26], Страшный Суд и сотрясение Вселенной; миллионные масштабы. Одинокое горе матери — это ещё не реквием.

Уверен, что я её обидел, и ведь несправедливо. (Другим говорила, что я не понимаю определения, что такое «реквием».)

В Париже она рассказывала Н. Струве о наших встречах[27], в том числе: «Читал мне поэму, я сказала — “пишите прозу, вы в ней неуязвимы”, — он воспринял хорошо», — всё так, но: «После этого не появлялся». То есть обиделся на критику? Вот уж — это не я.

Значит, и не запомнила нашу четвёртую встречу в Ленинграде. Может и лучше? Тогда не запомнила и что я о «Реквиеме» сказал?

Я не могу точно объяснить, почему у меня не возникло к А.А. устойчивого сердечного сродства, потребности чаще видеть её и духовно от неё питаться? — ведь я чрезвычайно люблю её поэзию. В том боевом напряжении, в котором я тогда находился, в той неразвёрнутости к свободному движению я не получил и двадцатой доли того, что мог бы получить от встреч с Ахматовой.

И с тех пор — мы уже не виделись с ней никогда, только в июне 1964 я послал телеграмму к её 75-летию[28]. Позже от Л.К. Чуковской узнал отрывочное[29]:

---

[24] Наталья Алексеевна Решетовская (1919–2003) — первая жена А.И. Солженицына.

[25] *…на Широкой, где жила она у падчерицы*. — Широкая улица была переименована в улицу Ленина в 1923 году. Последний ленинградский адрес Ахматовой — дом писателей, ул. Ленина, 34, кв. 23, куда она переехала в 1961 году вместе с семьей Пуниных — Ириной Николаевной Пуниной, дочерью ее бывшего мужа Н.Н. Пунина, и Анной Каминской (дочерью И.Н. Пуниной) с мужем.

[26] «День гнева» (*лат.*).

[27] Никита Алексеевич *Струве* (см. о нем на с. 274 наст изд.) встречался с А.А. Ахматовой в Париже 19, 20 и 21 июня 1965 года, его воспоминания «Восемь часов с Анной Ахматовой» опубликованы неоднократно (см., напр.: *Ахматова А.* Сочинения. München: Междунар. лит. содружество, 1968. Т. 2; см. также: Звезда. 1989. № 6).

[28] Телеграмма от 22 июня 1964 года хранится в отделе рукописей РНБ (Ф. 1073. Ед. хр. 1003). Публикуется впервые.

«Ленинград Ленина 34 квартира 23 Ахматовой

В три четверти столетия по-прежнему благоухающую поздравляю = Солженицын»

[29] См. в наст. изд. письмо Л.К. Чуковской к автору («Тяжёл искус такой разлуки». Письмо **8** от 14 декабря 1981 и примеч. 1 к нему. С. 48–51).

— А.А. оспаривала вероятность «Случая на станции Кречетовка» (Сталинград-Царицын?.. удивительно, что никто не верит, но было именно точно так, в этом же эпоха!).

— А.А. обиделась, что я не дал ей прочесть «главы о тюремном свидании» (вероятно — те несколько глав из «Круга», которые как «Отрывок» предлагал Твардовскому, он забраковал[30], и я больше не давал им движения, но слушок, очевидно, пошёл).

— Осуждала меня, что я отказался подписать письмо в защиту Бродского. (Я — и не помнил. Но действительно, меня к этому призывали Эткинды, а я отказался без малейшего колебания и угрызения: нося в себе «Архипелаг» и «Красное Колесо», считал я себя свободным от всяких «писем протеста». Одно дело, когда знакомого мне Жореса Медведева посадили в психушку — я и вкатил[31], а тут ленинградскому юноше предстоит небольшая ссылка? — да только черпнёт немного настоящей жизни.)

Л.К.Ч. очень корила меня, что я не приоткрыл Ахматовой «Архипелага» (в 1964–65 он писался уже на полном ходу): «А.А. всегда была настороже от стукачей, видя их иногда там, где их и не было. Замечала слежку. Держала “Реквием” незаписанным 24 года! Политическая осторожность была её манией»[32]. Но, боюсь, что и я был прав: если А.А. так открыто рассказывала даже о политических подробностях наших разговоров.

Скорбно: великому соотечественнику, современнице, такому большому понимающему сердцу — и не открыться, нельзя…

Так что, встретясь несколько раз, мы с А.А. в главном — как бы проминули друг друга.

---

[30] См.: Бодался телёнок с дубом. С. 91.

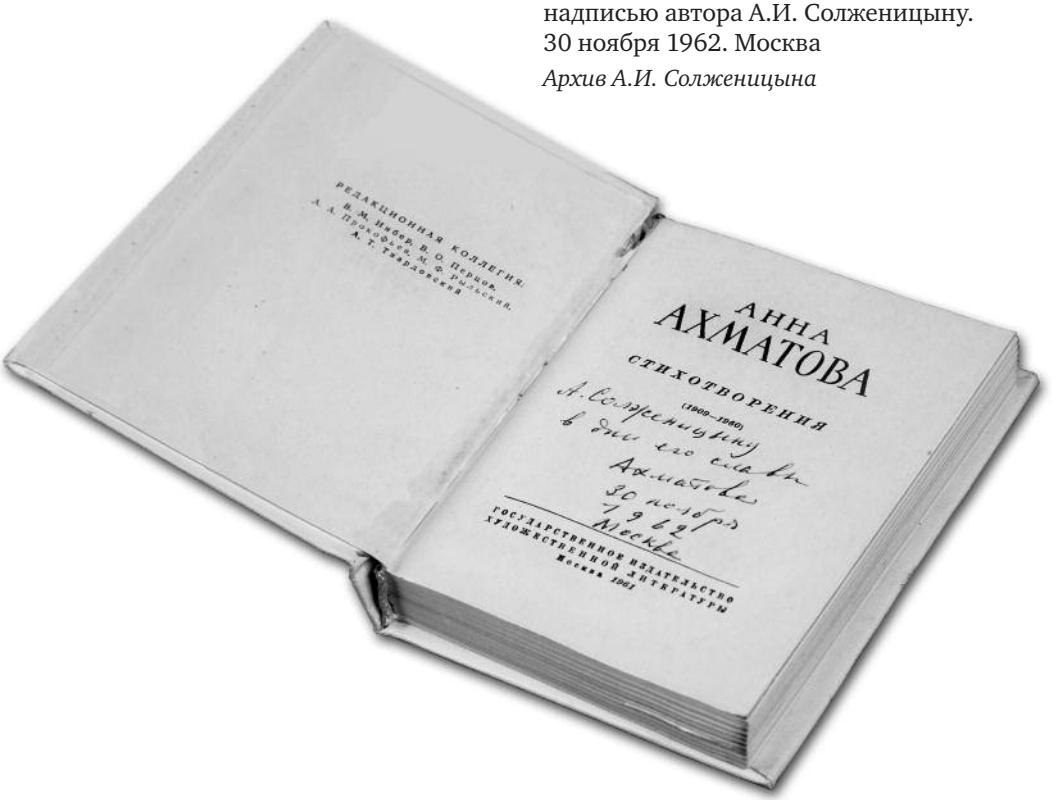
[31] См.: «Вот как мы живём» // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волжск. кн. изд-во, 1995–1997. Т. 2. С. 39–40.

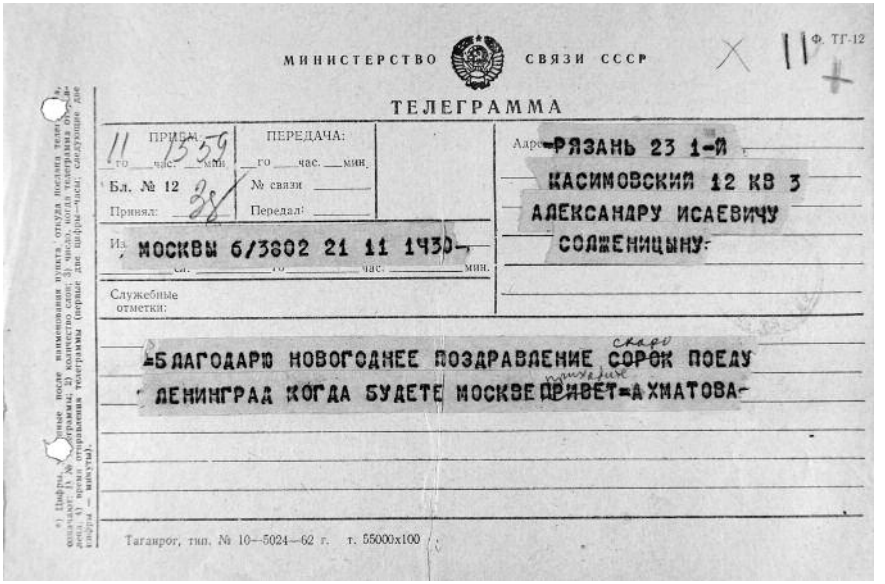
[32] Сокращенная цитата из письма-отзыва Л.К.Чуковской по прочтении рукописи «Бодался телёнок с дубом» (см.: «Слово “Самиздат” пишется с большой буквы…» // Солженицынские тетради. М., 2013. Вып. 2. С. 68–72 (письмо 21 от 4 мая 1971).

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНОЙ КОЛЛЕКЦИИ»
(ОБ АННЕ АХМАТОВОЙ)

Сборник Анны Ахматовой «Стихотворения (1909–1960)» (М.: ГИХЛ, 1961) с дарственной надписью автора А.И. Солженицыну. 30 ноября 1962. Москва

Архив А.И. Солженицына





МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

Ф. ТГ-12

ТЕЛЕГРАММА

11 ПРИЕМ: 1359 го час. мин.

ПЕРЕДАЧА: го час. мин.

Бл. № 12 № связи

Принял: Передал:

Из: МОСКВЫ 6/3802 21 11 1430

ст. го час. мин.

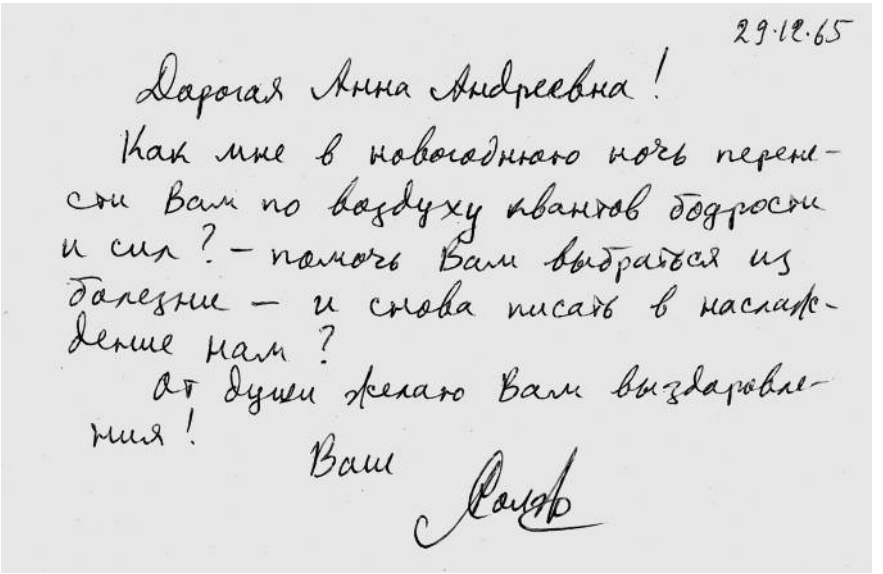
Адрес: РЯЗАНЬ 23 1-Й КАСИМОВСКИЙ 12 КВ 3 АЛЕКСАНДРУ ИСАЕВИЧУ СОЛЖЕНИЦЫНУ

Служебные отметки:

БЛАГОДАРЮ НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОРОК ПОЕДУ ЛЕНИНГРАД КОГДА БУДЕТЕ МОСКВЕ ПРИВЕТ АХМАТОВА

Таганрог, тип. № 10—5024—62 г. т. 55000x100

Телеграмма, посланная А.А. Ахматовой из Москвы в Рязань А.И. Солженицыну. 11 января 1963. Карандашные пометки рукой Солженицына
Архив А.И. Солженицына



29.12.65

Дорогая Анна Андреевна!

Как мне в новогоднюю ночь перенести Вам по воздуху кванты бодрости и сил? — помочь Вам выбраться из болезни — и снова писать в наслаждение нам?

От души желаю Вам выздоровления!

Ваш

Солж

Письмо А.И. Солженицына к А.А. Ахматовой. 29 декабря 1965
Архив Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

[«ОНА — ОТНАЧАЛА СОВЕРШЕНСТВО»]

(Сборник 1961 года, который она мне подарила[33].)

Может быть, на впечатление моё повлияло и то, что я читал её сразу вослед Пастернаку. И от этого: как будто вернулся на родину. Пастернак кипуче *работает* над стихом, и чтенье его — тоже большая работа. Ахматова льётся — как если б мы её стихи знали отроду, ещё и не читав.

Она — отначала совершенство, от самых первых-первых молодых стихов 1909 года. Какой лаконизм и скупость на слова, ничего лишнего — и сколько же чувства! Какая интимность, задушевность — и во многих стихах подряд. 1911: «Я тоже мраморною стану»[34] — и сбылось. И долго: в ряду её стихов нет такого, который не хотелось бы выделить: ах, хорошо! ах, отлично! Не находишься сделать замечания, потому что стихи не сделаны, не рукотворны. И какая афористичность: никаким ненужным словом не засорённые строчки так и просятся запомнить их. Всегда — чёткий рисунок чувства, выраженный лаконично и простейшими словами. Какая простота средств! Уверенное властное чувство и звук — и никакой нарочитой метафоричности, поиска образов. Редко-редко встретится:

— И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется стрелой[35].
— Осень смуглая в подоле
Красных листьев принесла[36].
— Было солнце таким, как вошедший
в столицу мятежник[37].
— …шхуны, как голубки,
Друг к другу нежно, нежно прижимаясь[38].

Вместо всяких метафор у неё — точно найденные эмоциональные детали. Например, «Смятение» в «Чётках». И все же стихи — по 8, 12 строк. Знаменитая её перчатка с левой руки, надетая на правую. («Песня последней встречи».)

Такое впечатление, что никаких «формальных поисков» у неё за всю жизнь не было: просто жила, и когда из души лилось, так и писала в простоте.

— Рифм — у неё совсем никогда не замечаешь (за главным течением чувства, она не охотится за ними и не выставляет их). Нет ярких находок, ка-

---

[33] *Ахматова А.* Стихотворения. 1909–1960. М.: ГИХЛ, 1961. (Библиотека А.И. Солженицына; с пометами на полях.) Также см. в наст. изд. «Анна Ахматова». С. 10–11.

[34] «…А там мой мраморный двойник…» («В Царском селе»–2, 1911).

[35] «Слаб голос мой, но воля не слабеет…» (1912).

[36] «Вновь подарен мне дремотой…» (1916).

[37] «Небывалая осень построила купол высокий...» (1922).

[38] «Покинув рощи родины священной…» (1915).

кие врезались бы, но и никакие (долго) не кажутся примитивными, потому что рифмы у неё совсем не живут отдельно, они органическая часть стиха. Даже множества простых глагольных рифм долго не замечаешь, завороженный общим чувством и естественностью звучания.

И какое владение белым стихом — затопляющее чувство. («Эпические отрывки» из «Белой стаи».)

Хотя она и настаивала, в разговорах, что она не поэтесса, а поэт, — но она почти не бывает «поэт вообще», а всегда прежде всего — женщина. Такие и льются сборник за сборником: какие же женские стихи! И какие женские жесты:

— И сухими пальцами мяла
Пёструю скатерть стола[39].
— Сжала руки под темной вуалью…[40]

А «Шиповник цветёт» — снова какая страсть! — и это между её 57 и 67 годами! (Форма частей, как бы сонаты, очень хороша. Но переобременена эпиграфами.)

— Однако с какого-то момента думаешь — а ведь из женских переживаний она мало и выходит, — и «Вечер», и «Чётки», и «Белая стая», и «Подорожник». Только с «Тростника» появляется философская созерцательность, более общий взгляд. Вот в «Воронеже» — и чувство русской истории, и чувство красоты города (чего нет у сосланного туда Мандельштама, ему не до того?). «Данте». Но — не много такого. В «Подорожнике» же (1917):

Мне голос был. Он звал утешно…
Оставь Россию навсегда.

Переживание — вровень с Семнадцатым годом, — и тут она смело отвечает традиционным старинным, даже как бы из Священного Писания:

Руками я замкнула слух[41].

И исключительное — «В сороковом году» («Когда погребают эпоху…», «Лондонцам» — какое органическое ощущение единства с Европой и какая ответственность перед историческим моментом!).

«Почернел, искривился бревенчатый мост…» (1917) — редкое у неё (жаль!) с прямыми народными мотивами, или некрасовской интонацией.

Но в *общем* охвате всего написанного: камерность, крупного явления Мира — нет. Не широк диапазон мыслей и сюжетов. Не только с Пушкиным она в этом не идёт в сравнение, но и Блок — куда шире и разнообразнее её.

---

[39] «Не тайны и не печали…» (1915).

[40] «Сжала руки под темной вуалью…» (1911).

[41] «Когда в тоске самоубийства…» (1917).

— Отдельной струйкой у неё — стихи о самом стихотворчестве. Это — удивительное «Творчество» (1936) и «Они летят, они ещё в дороге» (ненаписанные стихи, 1916) — как ярко ощущение творящего поэта! Это редчайше у кого найдёшь. — И весь цикл «Тайны ремесла».

— Кроме уже названных сильно выдаются:

«Широк и желт вечерний свет…» (1915)
«Эта встреча никем не воспета…» (1916)
«Как мог ты, сильный и свободный…» (1922)
«И упало каменное слово…» (1934)

Частности.

«Маяковский в 1913 году» (1940) — кажется фальшивым. Неужели и в 1940 она считает: «на свою великую борьбу», «имя… всей страной хранимо»?

— Неожиданно удачны патриотические: «Первый дальнобойный в Ленинграде», «Мужество», «Nox» (1941–42). Но уже и в «Мужестве» делает усилия с горлом, это — не её звук. Другие — слабы. «С самолёта» (1944) — казённые стихи. «Приморский парк Победы» (1950) — как будто ничего низкого нет, но невыносимо всякое прикосновение к казённости. Только в тяжкие свои годы она могла это написать. И в «Прошло пять лет…» (1950):

Ты стала вновь могучей и свободной,
Страна моя!

Хочется «руками замкнуть слух». — «Говорят дети» (1950) — туда же, и тоже искусственно[42].

— Ташкентский цикл «Луна в зените» — как она уверенно вошла в новую обстановку. (Уж слишком замкнул её Петроград.)

Поэмы[43]

У самого моря (1914) (Ожидание обещанного царевича, а он не прибыл, мёртв.) Море, Крым, молодое настроение, белые стихи.

---

[42] В 1949 году был снова арестован Л.Н. Гумилев, сын А.А. Стихи 1950 года — «это поступок отчаяния», — пишет Л.К. Чуковская. «Цикл “Слава миру” (фактически — “Слава Сталину”) написан Ахматовой как “прошение на высочайшее имя”» (Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 411). «Когда, в 1950 году, Ахматовой намекнули “сверху”, что, если она напишет стихи в честь Сталина, это может облегчить участь сына, она сочинила целый цикл… в котором прославляется Сталин. Это унижение было для нее одним из самых тяжких в жизни. Тут ее покинула даже так называемая техника, даже ремесленные навыки» (Там же. С. 705).

[43] Каким именно изданием пользовался автор, читая поэмы Ахматовой, установить не удалось.

Блок ей об этой поэме: «не надо уравнений с десятью неизвестными»[44]. Да, есть искусственность, он прав: что-нибудь *этакое* придумать.

Путём всея земли (1940). Воспринимаю как набор фрагментов, неопределённо блуждающую мысль-воспоминание.

Поэма без героя (в том же 1940 захватно начата, доделывалась позже). Как будто заложены те же недостатки: и уравнение уже со *ста* неизвестными, и бессвязно блуждающие воспоминания, — но как это обворожительно отлилось! Играющее легкомыслие, бал капризов, скорей французская вещь. Сам стих, даже где теряешь (а чаще теряешь) смысл, — так и втягивает, завораживает. При таком ритме — такие схватчивые стихи, так и впиваются в уши и в душу. Извержение фантазий, блистательная вереница. И правильно, что она не бралась никому объяснять: тут и всё очарование в необъяснённости. (Л.К. Чуковская: «Пир памяти».) Многая загадочность украшает эту поэму. Это и — порыв пережить снова свою молодость.

…казалось, что это
Я пишу для кого-то либретто,
И отбоя от музыки нет.

Дышат — и старый Петербург, и культура перед 1914.

Чуть более понятно — с системой издательских примечаний. А примечания автора (иногда объяснения, откуда взяты цитаты) — зря, иногда с остроумием, а иногда и вовсе нет. (Обилие реминисценций законно входит в этот жанр.)

Совсем новый приём: авторские прозаические пространные ремарки перед стихотворными главами. Что ж, это неплохая новизна. Разные шрифты — тоже законно. А уж вертикальная запись — это неуместно.

И опять — перегрузка эпиграфами. Почти все они — не нужны, только портят.

Тут же и — включение в поэму не вошедших в неё вариантов («Через площадку») — это уже скупость, этого делать не следует.

— Совсем отделён, пристроен эпилог: об осаждённой столице (по воображению увеличено её разрушение: «От Гавани до Смольного всё как на ладони»), о войне, полёте на Урал в эвакуацию: вдруг такая серьёзность. Но странно: этот чёткий эпилог как-то подкрепляет прежнюю призрачность.

— Мейерхольд и Иоанн Креститель в одной строке[45] — фу.

---

[44] Письмо А. Блока от 14 марта 1916 года: «…не надо мертвого жениха, не надо кукол, не надо “экзотики”, не надо уравнений с десятью неизвестными» (*Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1960–1963. Т. 8. С. 458–459).

[45] «Этот Фаустом, тот Дон Жуаном, / Дапертутто, Иоканааном…» — строки из главы первой части первой. «Доктор *Дапертутто*» — псевдоним Вс.Э. Мейерхольда, взятый из «Приключения новогодней ночи» Гофмана. *Иоканаан* — так назван в пьесе О. Уайльда «Саломея» святой Иоанн Креститель.

— Вой ветра в трубе — «умело спрятанные обрывки реквиема» — хорошо!
— Непробудная с о н ь (редкость для неё).

Реквием

Снова — прозаическое Предисловие (1957), как в «Поэме без героя» — этот приём у неё отлился и удался.

Высшим я нахожу в «Реквиеме» не основной текст (1–10), а прибавления в начале и конце: *Посвящение* (подругам по тюремным очередям, 1940), *Вступление*, а затем второй *Эпилог* (1940). Тут — и «осуждённых полки», и «безвинная корчилась Русь… под шинами чёрных марусь», и «каторжные норы», «И если зажмут мой измученный рот, которым кричит стомильонный народ», — это и есть размах, достойный Предмета. А стихи 1–10 — цельны, но камерны, горе матери о сыне, одинокое личное горе, для н а ш е г о Реквиема — мало, нет масштабов. (И я об этом опрометчиво сказал Анне Андреевне, быть может обидев её, — сам в тот момент упустив, что размах навёрстывается в Посвящении-Вступлении и Эпилоге.)

В 3 и 4 особая выразительность от незаконченных строф и фраз.

Некоторые строфы — как из камня высечены, выделяются афоризмами:

— И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
— Буду я, как стрелецкие жёнки,
Под кремлёвскими башнями выть.
— И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.

(Это — она под 1934-м включала в сборник, но без названия «Приговор», можно было подумать, что — интимное переживание.)

— Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

Да и — миллионам известная бытовая зарисовка:

— Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.

Как хорошо, что А.А. и написала и сохранила «Реквием»: это — и выдающийся памятник нашей литературы, и — вершина её социально-исторического ощущения.

«ТЯЖЁЛ ИСКУС ТАКОЙ РАЗЛУКИ»

Из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской (1980–1993)

Публикация, подготовка текстов и комментарии Е.Ц. Чуковской и Н.Д. Солженицыной, вступительная заметка Н.Д. Солженицыной

Памяти Е.Ц. Чуковской

Завершаем публикацию переписки Лидии Чуковской с Александром Солженицыным, длившейся более четверти века — с марта 1967-го по декабрь 1993 года.

Мы начинали печатание вместе с Еленой Цезаревной Чуковской, сделавшей львиную долю работы, кончать же приходится уже без нее.

В первых трех выпусках «Солженицынских тетрадей» напечатано 31 письмо Лидии Корнеевны и 40 писем Александра Исаевича, по 1979 год включительно[1]. Во вступительных заметках даны сведения о специфике каждого из опубликованных периодов.

В настоящем выпуске публикуется переписка за 1980–1993 годы, 36 писем (с некоторыми сокращениями), вплоть до возвращения Солженицына на родину, когда на смену переписке пришли личные встречи и телефонные разговоры. Все письма передавались с оказией, за исключением поздравительной телеграммы из Москвы в декабре 1988-го и факса от 11 декабря 1993 года.

Первая половина 1980-х годов была тяжела для обоих корреспондентов: не только произведения их не печатались на родине, но сами имена были запрещены к упоминанию. Публикация на Западе сопряжена с большими трудностями и неурядицами, Лидия Корнеевна остро переживает потерю в парижском издательстве рукописи второго тома «Записок об Анне Ахматовой», пишет об ужесточении

[1] «Открытую почту нам Москва обрубила в оба конца…»: Из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской (1974–1977) // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 47–100; «Слово “Самиздат” пишется с большой буквы…»: Из переписки… (1967–1974) // Там же. 2013. Вып. 2. С. 43–92; «…Работаю радостно и много»: Из переписки… (1977–1979) // 2014. Вып. 3. С. 11–50.

обстановки на родине, ссылке А.Д. Сахарова, арестах диссидентов. В письмах Солженицына все ощутимее горечь изгнанничества. Обсуждают и качество литературы в эмигрантских журналах, и недобросовестную полемику, но главное содержание и постоянно пульсирующий нерв переписки — прошлое и будущее России. Читатель обретает высокий образец спора и несогласия при уважении и взаимной любви спорящих.

Немалое место занимают в переписке отзывы Лидии Корнеевны на новые главы «Красного Колеса» и публицистические статьи Солженицына, а с наступлением *гласности* письма встречно переполняются тревогой о состоянии русского языка. Но памятником времени становятся слова Солженицына: «Вот, вижу “Архипелаг” в “Новом мире” — у самого глаза на лоб лезут: неужели такое возможно читать советскому читателю?» — и отклик Чуковской: «…спешу поздравить Вас — и всех, всех, всех! — с возвратом Ваших книг на родину. …Это совершилось и, я убеждена, перевернет судьбу многих и многих вступающих в жизнь людей».

Оригиналы всех писем Л.К. Чуковской и А.И. Солженицына находятся в Архиве Солженицына в Троице-Лыкове. По мере разбора архивов обнаружились (и вероятно, еще обнаружатся) письма двух корреспондентов, не успевшие войти в соответствующие выпуски «Солженицынских тетрадей». Они будут напечатаны, когда придет время полной публикации этой высокозначимой переписки.

Письма печатаются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением авторских особенностей. Подчеркивание передано курсивом, разрядка сохранена. Бесспорные сокращения слов, имен и фамилий развернуты без угловых скобок (исключение составляют постоянно встречающиеся инициалы Л.К., А.И. (Ал. Ис.), К.И., А.Д., А.А.[2]), купюры обозначены многоточием в угловых скобках.

Еще раз кланяюсь Е.Ц. Чуковской за ее самоотверженный труд. Эту завершающую публикацию естественно посвятить ее светлой памяти.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БТД — Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. М.: Согласие, 1996.
Вестник — Вестник русского христианского движения (Вестник РХД).
Зёрнышко — Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания.
НМ — журнал «Новый мир».
Публицистика — Солженицын А. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995–1997.
Записки — Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Согласие, 1997.

[2] Соответственно: Лидия Корнеевна, Александр Исаевич, Корней Иванович, Александр Дмитриевич, Анна Андреевна.

1. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

16 марта 1980. Вермонт

16.3.80

Дорогая Лидия Корнеевна!

Беспокоюсь о Вашем здоровьи и изумляюсь, как Вы держитесь при всём том. Особенно — как глаза? Может быть, есть смысл прервать работу для операции? Тем более пришёл в ужас, узнав о пропаже Вашей рукописи!![1] Ту типографию когда я посетил в 1975 — я ужаснулся: там просто проезжий двор. И так печатался «Архипелаг» мой тоже. Если б я узнал это в своё время — умер бы от разрыва сердца, оттуда гебисты легко его могли бы выкрасть. Но, как я понял, слава Богу, экземпляр был не единственный, а у Вас есть более поздний и к тому же правленный? Иначе такой потери невозможно было бы пережить! Представляю, как Вы это пережили. Ну, даст Бог, всё исправится.

Спасибо Вам за «Процесс исключения», тепло вспоминал наши последние с Вами месяцы[2].

О, если бы хоть Олимпийское бедствие миновало москвичей — так ведь не минует…[3]

В эмиграции выходит куча журналов — а литературы не получилось: одной свободы оказалось для того недостаточно. Правда, «Ковчега» и «Эха»[4] я не читаю, но что-то инстинктивно не доверяю им. А большинство остальных даже и не пытается упражняться в литературе, а либо в очерке, либо — в полемике и публицистике, причём эта кампания всё сгущается, ожесточается — и почти концентрированно направляется на меня. Причём характерные черты:

— мои художественные произведения совсем игнорируются, как будто их не бывало (в том числе и 300 страниц новейших исторических глав[5]). А все усилия оппонентов обрушиваются на мою публицистику — и то совершенно нечестно: во множестве сочиняются цитаты, никогда мне не принадлежавшие, этой прямой ложью заняты многие, начиная с Эткинда и кончая Чалидзе, Яновым и старым эмигрантским публицистом Рафальским[6]. Эткинда я никогда не трогал, ни сном ни духом — он неожиданно выступил во французской, немецкой и итальянской прессе, облыгая меня беззастенчиво, приписывая мне небывалое. Я ответил ему довольно мягко, и всего 50 слов о нём, и даже избежал слово «ложь»[7], — он не только не извинился, но выступил с новой статьёй в 1500 слов — и с новыми лжами. Лжей у всех столько, что можно было бы 100 раз подать в суд (чем я, разумеется, не занимаюсь) или печатать вместо ответов только перечни их перевираний (но и этим не занимаюсь). Чалидзе написал преогромнейшую пакостную против меня статью, полную лжей и мусора. И Сахаров — и это больней всего! — подхватил, что он «вполне присоединяется» и просит напечатать

в «Континенте» (№ 23)[8]. И это — из его последних писем перед высылкой. А Сахарову-то я отвечать не могу! Дирижирует же всем исподтишка Синявский, который и открыто дал против меня 3 больших интервью, затем «посвятил» мне «Синтаксис» № 6[9]. Наверно, очень хотят, чтоб я начал с ними цапаться, но мне не до этого: если пишу статьи — то только на общие темы. А то — Узлы и Узлы.

Тут обнаружились вдова и сын Коли Давиденкова. От них узнал его западную историю точней, чем мы её знали с Вами. Очень прошу Вас: сохраните тот листик его стихов!! храните в надёжном месте. А если будет возможность перепечатать или переснять и прислать — пришлите, пожалуйста — осчастливим вдову и сына[10]. Обнимаю Вас, дорогая Л.К.!

Живите! Не болейте! Исправьтесь со зрением.

Ваш *А. Солженицын*

---

[1] В издательстве «YMCA-Press» пропала рукопись 2-го тома «Записок об Анне Ахматовой». Когда Л.К. получила это известие, она слегла. Всю книгу пришлось заново печатать в Москве на машинке, вычитывать и искать возможность снова переправить ее в Париж в издательство.

[2] Солженицын откликается на недавно изданную в Париже книгу Л.К. Чуковской (Р.: YMCA-Press, 1979), где она описывает исключение из Союза писателей 9 января 1974 года. Той зимой А.И. по приглашению Л.К. жил на даче Чуковских в Переделкине. В письме от 11–12 мая 1978 Л.К. пишет: «Теперь должна Вам покаяться. Я про Вас написала. Я никогда не думала про Вас писать. Но я в последние месяцы решила кончить свою книгу “Процесс исключения” (I часть написана сразу), и там теперь есть глава, как я возвращаюсь после Секретариата на дачу и наш с Вами разговор. Захотелось немного дать штрихи Вашего облика, быта, Вашего труда, Вашей самообреченности на труд. Не знаю, удалось ли и будете ли Вы сердиться. <…> Просьба к Вам: когда дойдет до Вас книга, прочтите главу о Вас и напишите, не сфальшивила ли я где-нибудь хоть невольно» («…Работаю радостно и много» // Солженицынские тетради. М.: Русский путь, 2014. Вып. 3. С. 28 (письмо 7)).

[3] *Олимпийское бедствие…* — летние Олимпийские игры (игры XXII Олимпиады) прошли в Москве с 19 июля по 3 августа 1980 года. Это были первые в истории Олимпийские игры, проведенные в социалистической стране. Хотя более 50 стран бойкотировали московскую Олимпиаду из-за ввода советских войск в Афганистан (декабрь 1979), мероприятие проводилось с большим размахом. Олимпиаде предшествовали большие строительные работы; из Москвы было удалено за 101-й километр множество нежелательных лиц (от уголовников и бродяг до диссидентов); столица была переполнена сотрудниками спецслужб для контроля за контактами граждан с иностранными туристами.

[4] Литературные журналы третьей волны эмиграции, выходившие в Париже. «Ковчег» (1978–1981, вышло 6 номеров), редактор — Николай Боков; «Эхо» (1978–1986, вышло 14 номеров), редакторы — Владимир Марамзин, Алексей Хвостенко.

[5] В 1978–1979 годах А.С. напечатал главы из готовящихся к изданию Узлов «Красного Колеса»: «Этюд о монархе» из «Августа Четырнадцатого» (*Вестник.* 1978. № 124; в последнем Собр. соч. (М.: Время, 2006–…) — Т. 8, гл. 74); обзорные главы из «Октября Шестнадцатого» — «Прогрессивный блок», «Государственная Дума, 1 ноября» (*Вестник*. 1978. № 126, 127; в Собр. соч. — Т. 10, гл. 62, 65), «Государственная Дума, 3 и 4 ноября»,

«Кадетские истоки», «Александр Гучков» (*Вестник*. 1979. № 128, 129, 130; в Собр соч. — Т. 10, гл. 71; Т. 9, гл. 7; Т. 10, гл. 41).

[6] *Эткинд* Ефим Григорьевич (1918–1999) — филолог, переводчик, теоретик перевода; *Чалидзе* Валерий Николаевич (р. 1938) — правозащитник, публицист; *Янов* Александр Львович (р. 1930) — политолог, публицист; в эмиграции сответственно с 1974, 1972, 1974 годов. *Рафальский* Сергей Милич (1896–1981) — эмигрант первой волны, писатель, публицист.

[7] Речь идет о статьях Е.Г. Эткинда, напечатанных в газетах «Monde» (11 июня 1979) и «Zeit» (28 сентября 1979); ответ Солженицына «Персидский трюк» см.: Новое русское слово. 1979. 20 нояб.; Русская мысль. 1979. 22 нояб.; см. также: *Публицистика*. Т. 2. С. 511–512.

[8] Статья «Хомейнизм или национал-коммунизм» (Новое русское слово. 1979. 27 окт.). Затем в журнале «Континент» был напечатан расширенный вариант статьи, полемика с ней Вл. Буковского и письмо А.Д. Сахарова в поддержку статьи: *Чалидзе В.* О некоторых тенденциях в эмигрантской публицистике; *Буковский В.* «Почему русские ссорятся?»; *Сахаров А.* В редакцию журнала «Континент»: Открытое письмо // Континент. München, 1980. № 23).

[9] *«Синтаксис»* — журнал, издававшийся в Париже с 1978 по 2001 год А.Д. Синявским (1925–1997) и М.В. Розановой (р. 1929).

[10] *Давиденков* Николай Сергеевич (1915–1950) — биолог, литератор, приятель Льва Гумилева. Перед войной в тюремных очередях с ним познакомилась Л.К. Во время войны он был ранен, попал в немецкий плен, вступил в Русскую освободительную армию (РОА), с 1945 года — в советском лагере, где и погиб. Незадолго до смерти ему удалось переслать Л.К. свои стихи. Последнее письмо и стихи Давиденкова Л.К. показывала Солженицыну еще в Москве. Подробно судьба Н. Давиденкова изложена в «Архипелаге ГУЛАГе» (Ч. III, гл. 18). См. также: *Записки*. Т. 1. С. 302–303.

2. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

18 апреля 1980. Переделкино

18 апреля 80
Переделкино

Снег лежит, а птицы поют.

Дорогой Александр Исаевич. Колины стихи и письмо хранятся надежно. Именно поэтому нужен некоторый — небольшой — срок, чтобы послать фотокопию жене и сыну. Но я постараюсь исполнить их просьбу скорейше. И у меня просьба к ним (и к Вам). Я хотела бы знать Колину биографию, потустороннюю, хоть в самых общих чертах. Более же всего интересуют меня две вещи: его книга и одна его статья — книга о 37 годе и статья об Ахматовой. Я их читала. В обоих, особенно в статье, существуют абзацы, которые Коля написать *не мог*. Я не люблю терять друзей даже и посмертно. Я хочу понять, кто и как исказил написанное Колей, знал ли он об этом, если знал — почему допустил? вообще литературно-издательскую историю его писаний.

Здоровье мое сносно. Оперировать глаза не буду. Здесь это весьма рискованно; на Запад — туда и назад — меня не пустят, а эмигрировать я не желаю. Пока я в силах писать — буду писать, хотя, говоря правду, последняя история с моим II томом отбивает охоту. Т.е. писать, по-видимому, нужно, а вот печататься — надо ли? Остатки сил (и дней) — стоит ли тратить на пересылку — ожидание — распутыванье чьего-то вранья — бесконечной растраты труда, времени, своего и чужого?

От истории со 2 томом я долго еще не оправлюсь, если вообще оправлюсь когда-нибудь. Мне все время сообщали, что он вот-вот выйдет — даже объявление я видела в каком-то журнале, что 2 том выходит в конце 79 года. И вдруг получаю от издателя письмецо, что «со II томом вышла заминка, типография прогорела и рукопись потеря*лась*». Да ведь не сгорела же типография, почему же рукопись могла потеряться? И кто же сдает рукопись в типографию (40 листов, над которыми я работала в общей сложности 17 лет), не оставив себе фотокопию? И почему о случившемся мне сообщают 4 месяца спустя? Когда я прочитала эту записку, у меня на полминуты отнялись ноги, и я не могла перейти с дивана на кровать… Далее — невнятный перечень неизвестно куда девшихся страниц.

Мы в это время занимались созданием нового комментария к I тому — за последний год ахматоведенье сильно продвинулось, опубликованы архивные материалы и пр. Да и во 2 томе я нашла наконец подходящую ф о р м у комментирования и делала комментарий к I-му *заново*… Ну вот. Получив известие о пропаже чего-то (неизвестно чего) во II томе, мы решили подготовить *заново весь* экземпляр II тома. (I бросили.) На это ушло более двух месяцев… Послали. Он получен. Но когда выйдет? Ведь весною и летом книги выпускать не принято… Когда же?

Но на этом не окончились беды. Год назад были затеяны переводы на французский и английский языки I и II тома. Я просила переводчиков, просила французскую издательницу (приезжала сюда) не выпускать книгу на языках, пока я не кончу перерабатывать примечания и комментарии. Из-за типографской истории переработка затянулась. И теперь я узнала, что I и II том в доисторическом виде вышли на французском языке. (А мы I том в надлежащем виде только неделю назад послали, он еще и до места назначения не добрался.)

Теперь жду новых бед — разнообразных. В комментарии ко 2 тому множество документов — стенограммы, отрывки из дневника К.И. и т.д. Их можно печатать отдельно, ими можно спекулировать, шантажировать — что угодно… А французское издание (преждевременное) я и видеть не хочу. Оно сделано не мною, не по-моему, вопреки моей воле… Жду русского издания, но понимаю, что единственный правильный способ остаться в живых — это ровно ничего не ждать.

Здесь худо. Аресты, обыски, суды, ссылки + отъезды — уничтожают жизнь. Иные отъезды равны сдаче крепости во время войны. Об арестах уж и не говорю. Судьба А.Д. может казаться легчайшей по сравнению с другими судьбами, но это не так. Его оторвали от научного, необходимого ему, общения и от человеческого[1]. Конечно ему легче, чем его коллегам — Ковалеву или Орлову[2]. Он как бы на воле. Но «По-разному убивают поэтов. Твардовского убили тем, что отняли у него “Новый мир”»[3]. Да, убили не пулей в затылок и не лагерем, а всего лишь тем, что отняли редакторское кресло. Подумаешь! А вот ведь — умер. А.Д. в Горьком занят препирательствами с местным отделением милиции; не навещать его — грех, а когда навещают друзья — их волокут в милицию у него на глазах. С ним намеренно грубы (более, чем с приезжающими), я все время боюсь за его сердце: «Россия — страна удушенных возможностей». Воистину так. Сахаров обречен на ежедневные изматывающие сражения с капитаном Шуваловым. Он работает — но тó врываются к нему какие-то личности, объясняющие, что его необходимо расстрелять, то пытаются проникнуть друзья — и он спешит в милицию, куда их поволокли, стараясь выручить… В Москве Руфь Григорьевна одна; Люся мечется между Москвой и Горьким[4] — вот *так* истребляется чудо, именуемое «Сахаров». А один раз, когда он пришел выручать Шихановича[5], его в милиции швырнули на пол — и его и Люсю — Вы знаете это? Так что и не поймешь, что лучше — ездить к нему или не ездить? Радио он тоже лишен: «индивидуальное глушение».

То, что Вы пишете о нашей эмиграции — что литературы она не создает — увы! справедливо. Накидываешься с интересом — такие все интересные заглавия и темы! иногда даже и читаешь с интересом, а потом ничего не остается в голове, будто и не читал. «Эхо» я видела один номер и более никогда в руки не возьму. В «Континенте»[6] прочла с интересом Некрасова о Берлинской стене: это содержательный очерк, не более того[7]. Ну и на том спасибо. Впрочем, «Континент» сюда почти не доходит. Видела два номера «Времени и мы»[8] — мне показалось поживее, поинтеллигентнее. Статья о Вас — в уважительном тоне. Но прозы и там нет.

Вы пишете, что на Вас с грубой статьей внезапно накинулся Эткинд, хотя Вы его ничем и нигде не задели. С Эткиндом у меня было так: он дважды написал мне, что Ваша проповедь реакционна, что на Западе Вы с каждым днем теряете авторитет, что Вас разлюбили и пр. Меня это рассердило, и я ему ответила: «Меня не интересует, как оценивают великого русского писателя другие люди, у меня своя голова на плечах; пожалуйста, ничего мне о нем не пишите». Это было уже давно, года полтора тому назад. Он послушался и в своих письмах ко мне (он ведает моими литературно-издательскими

делами после того, как я отобрала доверенность у Жореса[9]), более никогда не упоминал Вашего имени. Поэтому его выступление против Вас осталось мне неизвестным. Теперь я попрошу его прислать и его статью, и Ваш ответ (обе его статьи)[10]. Но вот что я хочу сказать Вам. Вы пишете: «Я его нигде ничем не обидел, ни сном ни духом». То же Вы писали мне, удивляясь злости Льва[11]. И это правда: как человек, верный дружбе и благодарный, Вы их нигде не задели. Но 1) Вы их разлюбили, а они ведь были влюблены в Вас и это почувствовали, 2) Вы оскорбили не их, а всю интеллигенцию — кажется, я единственный человек в Москве, не обидевшийся на «Образованщину»[12]. *Я признаю заслуженность нами* этого оскорбления, но признаю с болью, с надсадой, потому что ведь и интеллигенция была колесована и четвертована не менее других слоев; а что среди нее не нашлось белокрылых ангелов — то в какой категории лиц нашлись они? Да ни в какой… А проповедь Ваша — о, я хотела бы понять ее! Но это мудрено, и именно потому, что Вы всегда художник, и в проповеди своей — художник (и даже в письме, где Вы отказываетесь явиться в прокуратуру). Мне кажется, я понимаю Ваши мысли о Западе (интервью, статьи); а о прошлом и будущем России — не берусь изложить. Понимаю: не надо коммунизма, он изначально преступен; нужна религия, нужна церковь… Так; а каков, по-Вашему, должен быть строй? Я бы ответить за Вас не взялась, а им кажется, что они Вашу мысль понимают, и они опровергают ее. Эткинд человек образованный, доброжелательный, очень работоспособный — и чрезвычайно поверхностный. Трудно ему, наверное, понять Вашу мысль о России во всей глубине ее; и мне трудно — да я зато и не полемизирую с Вами, и не спорю, не только вслух, а даже в душе (ну разве что о Герцене), а стараюсь, стараюсь понять. «Красное Колесо», наверное, будет понятно только тогда, когда Вы его кончите: вещь-то ведь полифоническая (как «Поэма без героя»).

Мечтаю о «Круге» и «Раковом корпусе». Пыталась достать эти книги здесь — не удалось. Александр Исаевич, может быть, Вы поможете?

Обнимаю Вас. Иногда надеюсь еще когда-нибудь увидеть (а в первое время не верилось, что́ не увижу). А эмиграция — Бог с ней: были бы Узлы.

P.S. Колины стихи и письмо пришлю скоро.

Л.Ч.

P.S. О надвигающемся олимпийском лете боюсь думать. Уж все теперешние мерзости — явно предпраздничные, — что же мы в праздник-то хлебнем?.. Наш подъезд Вам известен. Сидит лифтер (теперь мужчина). Прямо напротив — опорный пункт милиции. Прибавился «код»: дверь открывается даже днем, только если человеку (гостю) известно, какие нажать кнопки на щите перед дверью. Кажется, надежно, «мой дом — моя крепость» — не правда ли? Так вот, месяц назад шел ко мне приятель, с которым мы долго по телефону уславливались о дне и часе. «Ровно в девять». Он и вошел ко мне ровно в 9 — но в крови.

Лифтера не оказалось. Он стоял у лифта, а сверху (где почтовые ящики) сбежали двое парней, избили, бросили на пол… Как же они туда попали, если «код», и куда же делся лифтер? Мы с Финой[13] оказали пострадавшему первую помощь и побежали вниз встречать вдвоем Люшу — она как раз должна была прийти. Пришла благополучно. Мы вызвали опера. (Красавец; гвардеец; учтив; обольстителен.) Я ему говорю: «Как же такие случаи в подъезде, запертом, в 9 вечера, да еще прямо против вас?» Он мне: «То ли еще бывает».

Да, то ли бывает и будет. Вот вчера по радио я услышала горестную новость: эмигрирует Войнович. Я никогда с ним особо дружна не была, но всегда любовалась отточенностью его таланта — он в своем деле мастер, первое перо — и мужество. Вел он себя, несмотря на постоянные запугивания его и близких, не только независимо и гордо, но и вызывающе. Они его ненавидят особой, *личной* ненавистью — остро он изобразил Тех Кого Надо. Я знаю, что уезжать он не хочет — у него сложная семейная ситуация, любимый сын от первого брака, которого не пустят с ним — да и вообще — не хочет. Но ему отравляли жизнь годами ежедневно, методически. И вот — нет больше сил — шляется к нему участковый: «почему не работаете?», ломают ему машину, преследуют родных… И я не в силах упрекнуть его, потому что писателю нужен хоть minimum покоя. Но останется ли он там писателем? Здесь он пишет с натуры и натуру знает насквозь. (Замечательна у него глава «Персональное дело» в «Претенденте на престол».)[14]

Читаю Ваше «Сквозь чад»… Будь проклят Ржезач, но иногда я ему… благодарна. Если б не он — Вы не написали бы изумительных страниц о выходе из окружения, да и многих, обращенных к Кириллу… Так что и от Сумы есть польза[15].

ЛЧ

---

[1] А.Д. Сахаров в январе 1980 года был сослан без суда в г. Горький, в то время закрытый для посещения иностранцами.

[2] *Ковалев* Сергей Адамович (р. 1930) — биофизик, правозащитник, в 1974 году арестован и приговорен к 7 годам лагерей строгого режима и 3 годам ссылки; *Орлов* Юрий Федорович (р. 1924) — физик, правозащитник, арестован в 1977-м, приговорен к 7 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки.

[3] Неточная цитата из «Поминального слова о Твардовском» Солженицына (*Публицистика*. Т. 2. С. 41–42).

[4] *Люся* — домашнее имя Елены Георгиевны Боннэр (1923–2011), жены А.Д. Сахарова; *Руфь Григорьевна* — Р.Г. Боннэр (1900–1987), мать Е.Г. Боннэр.

[5] *Шиханович* Юрий Александрович (1933–2011) — математик, педагог, правозащитник, редактор «Хроники текущих событий», друг А.Д. Сахарова.

[6] «*Континент*» — литературный, общественно-политический и религиозный журнал, издававшийся в Париже с 1974 по 1992 год ежеквартально, основатель и гл. редактор — писатель В.Е. Максимов (1930–1995); с 1992 по 2013 издавался в Москве (гл. ред. — И.И. Виноградов (1930–2015).

[7] Упомянут очерк Виктора Некрасова «По обе стороны Стены» (Континент. 1978. № 18. С. 55–116).

[8] *«Время и мы»* — русский литературный и общественно-политический журнал. Выходил с 1975 по 1980 год ежемесячно в Тель-Авиве, с 1981 по 2001 — 6 раз в год в Нью-Йорке. Основатель и гл. редактор — Виктор Перельман.

[9] *Жорес* — Жорес Александрович Медведев (р. 1925) — ученый-биолог, писатель, диссидент. Наиболее известная из его книг, циркулировавших в самиздате, — «Биологическая наука и культ личности» (1962). В 1970 году был насильственно помещен в психиатрическую лечебницу, вскоре выпущен после протестов видных академиков и писателей (см.: *Солженицын А.* Вот как мы живём // *Публицистика.* Т. 2. С. 39–40). В 1973-м уехал в Англию, где с тех пор живет и работает. В том же году Л.К. Чуковская послала Ж.А. Медведеву доверенность на все ее издательские дела и гонорары, но в 1975-м, будучи несогласна с его публичными политическими высказываниями на Западе, свою доверенность отозвала.

[10] См. примеч. 7 к письму 1 (от 16 марта 1980).

[11] *Лев* — Лев Зиновьевич Копелев (1912–1997), критик, германист, тюремный друг Солженицына.

[12] *«Образованщина»* (*Публицистика*. Т. 1. С. 87–132) — одна из трех статей Солженицына, написанных для сборника «Из-под глыб» (Р.: YMCA-Press, 1974).

[13] *Фина* — Жозефина Оскаровна Хавкина (1942–2013), многолетняя литературная помощница Л.К. и Е.Ц. Чуковских.

[14] *Те Кто Надо* — оборот (и схожие с ним), постоянно возникающий в романах о Чонкине, которым автор «шифрует» сотрудников госбезопасности.

«Претендент на престол» — продолжение романа В.Н. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» (Р.: YMCA-Press, 1979).

[15] *«Сквозь чад»* (Р.: YMCA-Press, 1979) — брошюра-ответ Солженицына на клеветническую книжку чешского агента Томаша Ржезача (см. примеч. 5 к письму 8 (от 28 ноября 1978) — «…Работаю радостно и много» // Солженицынские тетради. 2014. Вып. 3. С. 32–33). Позже вошел в виде отдельной главы в «Зёрнышко» (*НМ.* 1999. № 2. Ч. 1, гл. 5: Сквозь чад. С. 107–134).

Кирилл — Кирилл Семенович Симонян (1918–1977), школьный друг Солженицына, хирург.

Сума — «переметной Сумой» автор именует Ржезача.

3. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

1 ноября 1980. Вермонт

1.11.80

Дорогая Лидия Корнеевна!

А ведь вот уже скоро *семь* лет, как мы не видались, 7 лет как я вне родины, — это задохнуться можно, как долго. В 1974 никогда бы не предположил, казалось: не больше 3-х лет. А потому что за границы всех человеческих воображений продлился октябрьский кошмар — 7-е десятилетие! И ведь всё не кончается! — и если кто в мире явно хиреет, то не он. Так и полопает все

наши жизни. Семь лет! Уже не могу утверждать, что у меня свежее ощущение советской действительности, что я «недавно» оттуда. Постепенно и мы присыхаем к окаменелому остову эмиграции. Они ведь в 1920 г. тоже думали, что «ненадолго».

Конечно, спасает непрерывность и динамика работы — всей высылкой прервалась разве что месяца на 2–3, а то продолжаю гнать все годы, и даже интенсивнее, чем когда-либо прежде, и только здесь смог достать действительно все возможные материалы, которых тьма. Собственно, кроме работы в нашей жизни и нет ничего — в окружающей жизни страны мы совершенно не участвуем, а корреспонденты мои большей частью — 80- и 90-летние русские старики с их воспоминаниями революционных лет (бывают уникально свежие и яркие). И вот постепенно грандиозная гора как бы переходится, бóльшая часть работы за плечами — и начиная с 1982 года думаю начать публиковать Узлы — сперва двухтомный «Август» (всё прежнее + добавки), затем двухтомный «Октябрь (1916)» и наконец четырёхтомный «Март (1917)». Не знаю, много ли найдётся терпеливых читателей, чтоб одолеть такую махину. Сам я осуждаю длинные вещи (правда, если они не плотные), — но изложить революцию в подробностях — я не мог короче. Вещь, конечно, совсем не обычная, и для массового читателя будет, возможно, тяжела. Но ведь и событьице не мелкое! — и кто позже соберётся о нём написать? там свои события будут.

А хватит ли сил на следующие Узлы — уже не знаю, не уверен, что должен их писать (и сколько это будет ещё томов!), и хватит ли жизненного разгону?

Одновременно эти годы готовим и Собрание сочинений[1] — всё вдвоем с Алей. У неё — очень чуткое литературное ухо и приглядчивое зрение, она очень мне способствует в той последней завершающей редакции, какой и является прижизненный выпуск Собрания. Изготовляем в день по несколько страниц — и каждое тире и каждая буква как под терпеливой лупой. И затем всю техническую часть она выполняет на компоузере, что требует, например в томе пьес и сценариев, виртуозности. (Сейчас кончили такой том, 8-й — четыре пьесы, два сценария.) В моём возрасте это утешительное и даже очистительное занятие: когда рядом с расплавленной рекой сегодняшней работы ежедневно течёт и прозрачная река давнишней.

Так к весне думаем сдать 9 томов — а уже подошла пора объявлять и набирать следующие 9. Впрочем, в отрыве от родины это похоже на детскую игру: ведь в современной эмиграции писателей — поверьте — больше, чем читателей. Издательств полудюжина, списки у всех — многодесятные, повсюду объявления о выходе новых книг, — но никто этих книг не продаёт и не покупает (3-я эмиграция предпочитает что-нибудь повещественней, чем книги). Так что всё это — как бы и самообман. Писательское и издательское дело в эмиграции — в кризисе. И ещё неизвестно, к чему бы это привело,

если бы воспроизводилось в масштабе свободной России. Массовая грамотность порождает и многотысячность писателей.

Надеюсь, «малышки» моего Собрания постепенно достигают и Вас? Заказано специально для Вас, но плохо с каналами. И потом: как же Вам читать малышки при Вашем зрении? — это невозможно? А больших (и тяжёлые они) не провезти[2].

Как Ваше зрение, Л.К.? Держится ли ещё? Можете ли работать? И всё так же беспощадны к себе в распорядке? (И всё так же делите время между дачей и городом?) И что удалось и что надеетесь сделать?

Порадовались Вашей премии[3]. И близкому выходу новой «Ахматовой», 2 тома, — уже объявленье в газете.

Так же и журнальных, и газетных изданий эмиграции — неисчислимо много. Если всё это читать или даже только смотреть — не останется время ни для работы, ни для чтения хорошей литературы. За последнее время стало модным спортом ругать и поливать меня. Может быть, ждали, что я буду отвечать? Но я не только не отвечаю, а даже и в руки многого не беру, например «Синтаксиса», так что всё это скользит мимо.

Нет, распространяется какая-то словесная горячка при безответственности перед событиями, ожидающими нас. Жизнь бьётся и колотится по поверхности, вместо того чтобы значительно течь в глубине.

Дети — растут, и как же тяжело обучать их, когда в Америке, можно сказать, нет вообще школ. Образование школьное стоит здесь ниже самого глухого невежественного казахстанского уголка: можно сказать — *ничему* не учат, разве что уроки секса и смотреть телевизор. Великая идея состоит в том, чтобы воспитать «свободных граждан», а для этого пусть дети делают что желают, не испытывая принуждения. Ну, они и желают — наркотиков. Происходит многомиллионное погубление молодого поколения. Узнают наши дети только то, чему успеваем обучать их дома: английский язык, русский, русская история, алгебра, геометрия, теперь начал с ними и физику. Ну, ещё живопись, музыка. Ужасная страна Америка — и большие сокрушения и неудачи ждут её в близком будущем. Не опора она для человечества. (Но и Европа тоже уже не опора.)

Теперь о Коле Давиденкове (Николае Сергеевиче). В окончательном издании «Архипелага» (С. соч., т. 6, стр. 455) я привожу исправления моей прошлой версии — но и они не окончательные, с тех пор получил ещё исправления. Можно понять, почему он не решился сказать Вам правду: в те первые послевоенные годы весь образованный слой корёжился от слова «власовцы», никто не знал, что это было неудавшееся народно-освободительное движение. Коля боялся, что и Вы от него отвернётесь, потому и сплёл фантастическую историю. — Попавши в плен, он при первой же возможности ушел в РОА (Русскую освободительную армию) и был её поручиком. Позже почему-то перешёл в казачьи части генерала Краснова. Он никогда бы добровольно

не вернулся в СССР, но был среди тех, кого (в Австрии, в мае 1945) англичане предательски выдали коммунистам. — Какие-то месяцы военных лет он имел свободу передвижения и частной жизни, за это время и была у него невеста Н.В.К., потом — жена Вера Ушакова, от которой оставил и сына Сергея (и уже 3-х внуков, они теперь живут в Калифорнии).

Успел написать (но не напечатать) — роман «Предатель» — из довоенной жизни ленинградского студенчества — о стукаче (студент дворянского происхождения) и будто бы что-то о тюрьмах НКВД, — но ничего этого я не знаю, не видел, отдельными книгами ничто не выходило. Так же ничего не знаю о «статье об Ахматовой» и вообще писал ли он такую. В эмигрантской печати писали, что в Париже в 1947 большевики выпустили «роман»-фальшивку — о том, будто Давиденков вёл переговоры по поручению генерала Власова с Петеном и Лавалем[4], — но это фальшивка. — Писали, что он был ассистентом у академика Павлова, — но не знаю тоже, так ли это. Впечатление, что вся информация мало точная. Ещё когда что узнаю — напишу.

Обнимаю Вас, дорогая Л.К., желаю Вам здоровья — *зрения*! — и бодрости.

Ваш *А. Солженицын*

---

[1] Собрание сочинений Александра Солженицына (в 20 т. Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1978–1991). На контртитуле указано: «Восстановлены подлинные доцензурные тексты, заново проверенные и исправленные автором. Иные произведения печатаются впервые». Ко времени написания этого письма вышли из печати семь томов: в 1978-м — Т. 1–2: В круге первом; Т. 3: Рассказы. В 1979-м — Т. 4: Раковый корпус. В 1980-м — Т. 5–7: Архипелаг ГУЛАГ.

[2] *«Малышки»* — тома Собрания сочинений Солженицына, которые печатались помимо обычного еще и в уменьшенном формате на тонкой бумаге.

[3] Л.К. получила «Премию Свободы», присужденную ей Французской академией «за совокупность творчества, напечатанного на французском языке». К этому времени по-французски вышли повести Лидии Чуковской «Софья Петровна» и «Спуск под воду», а также «Процесс исключения» и «Записки об Анне Ахматовой» (Т. 1 и Т. 2).

[4] *Петен* Анри Филипп (1856–1951) возглавлял с 1940 по 1942 год «правительство Виши», сотрудничавшее с Германией, оккупировавшей Францию. *Лаваль* Пьер (1883–1945) был премьер-министром этого правительства с 1942 по 1944 год.

4. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

Зима 1980–1981. Москва

[*Без даты*]

Дорогой Александр Исаевич. Получила я Ваш подарок — новый «Круг» и «Корпус» — спасибо. О зрении моем не беспокойтесь, потому что читаю я любой шрифт все равно только с лупой — лишь бы был отчетливо черный на белом. Мелкость не трудна, трудна бледность краски, серость бумаги. С жадностью жду других томов, выходящих из-под пресса (?) Вашего непонятного мне станка. Как хорошо, что Вы и Аля овладели им, какие молодцы. Жду, конечно, и Узлов. (Книжки выглядят очень элегантно.)

Получила на днях Ваше письмо от 1 ноября 80 г. Обрадовалась очень. А потом перечла и перечла, и ощутила грусть. Оно полно удач, рассказа об удачах, а — грустное, хоть Вы и не жалуетесь. Подумать только, какое счастье: Вы работаете еще интенсивнее, чем здесь! Работаете и над новым и над старым. Дети здоровы. Аля Вам помогает. Главная гора работы уже за плечами. Детей Вы сами учите — находите и на это время. И дети, я уверена, хорошие… А письмо грустное, его читать тяжело. Понимаю: 7 лет уже, а Вы рассчитывали на 3. Но подумайте о том, как плодотворны для Вас оказались эти 7 лет. Без них не видать бы Вам архивов, не встретиться со стариками. Но, конечно, понимаю Вашу боль: Россия. Здесь не так же, как было, когда Вы уезжали, а хуже. Свежие, прекрасные силы есть, но силы зла, пожалуй, укрепились, и не видно им ни конца ни краю. Конечно, я — свидетель плохой, живу в полной изоляции («одних уж нет, а те далече»[1]), но всеми порами чувствую, как наваливается и наваливается непробивная, неизбывная тяжесть… Польша — счастье, но ведь Польша — и беда[2]. Каждый день боюсь радио включить, с опаской подхожу к телефону: вдруг скажут ужасное слово. (Радио в Москве почти не слышно, а на даче — слышу.)

(Не странное ли совпадение: мой 2-й ахматовский том, который только что вышел, кончается такой сценой: я читаю АА статьи Герцена в защиту Польши?[3])

Я прочла Вашу главу о Гучкове — великолепная глава. Все удались — и Гучков, и Шипов, и очень хорош Николай, показанный на этот раз не изнутри, а извне. Государыня только мелькнула — и та видна[4]. Ну, а в № 131 «Вестника» мне не удалось дочитать Вашу главу[5] — заторопили меня, а я ведь не могу быстро. Заметила на первых страницах этой главы 2 словесные неудачи: 1) «дама-активистка», 2) «за столом восемь гостей». Думаю, слово активистка — комсомольское, в 16 г. его не было (у Пастернака в «Лейтенанте Шмидте» «агитаторша-девица»); восемь гостей, восемь де-

тей — так стали говорить — и писать! — недавно (пошла дурная мода не склонять числительные) — по-русски следует либо «восемь человек гостей», либо «восьмеро гостей» (семеро детей). Но это вздор, а далее я не читала. Зато успела прочесть «Чем грозит…»[6]. Очень замечательная статья, на многие недоумения (относительно Ваших мнений) она отвечает — и победоносно. Однако не на все. Переход к освобождению — авторитарность. Пусть так. Но что Вы под ней разумеете? Военную диктатуру? Царя? Генерала де Голля? Вы об этом умалчиваете. Затем Вы пишете, что церковь, по-Вашему, должна быть отделена от государства. Я — приветствую. Я за свободу веры и неверия. Но Вы в пример ставите Израиль. Да разве там религия отделена от государства? Помилуйте! Государство там насильничает над неверующими вовсю. Нет гражданского брака — Толя, чтоб не идти в синагогу, ездил со своей невестой на о. Крит: там их зарегистрировали. По пятницам нельзя ездить в такси… Нет, это не отделение государства от религии, это полное насилие государства над своими гражданами, над их совестью. Государство не смеет лезть в душу, в совесть, пусть занимается делами житейскими.

А в письме Вашем ко мне меня заинтересовали школы в Америке. Вы пишете: там ничему не учат. Худо. Когда и учиться-то, как не в детстве, ведь у детей гениальная память? Но если школы так плохи — то откуда же в Америке передовая техника, например? Кто же ее создает? И отчего из этих своевольных детей вырастают люди, умеющие работать? А где учится Митя? И кем он будет по профессии?

Мне кажется, Вы не получили одного моего письма — или я одного Вашего, или мы оба не получили по одному. 9 мая 80 г. я, по Вашей просьбе, послала Вам фотокопию и пленку последнего Колиного письма ко мне. Вы написали мне: «осчастливим вдову и сына». Но в Вашем последнем, теперешнем письме, от 1 ноября 80, Вы ни словом не упоминаете о моей посылочке, хотя о Коле пишете много. Поэтому я посылаю фотокопию его письма ко мне *вторично* и, кроме того, новооткрытый материал: ко мне внезапно пришел архитектор, сидевший с Колей 3 года в лагере Находка; я записала его рассказ и с его слов — Колины стихи. Пожалуйста, если соберетесь писать мне, подтвердите получение. За истинность рассказа я, конечно, ручаться не могу, хотя человек этот производит впечатление очень любящее. Но — 70 лет, память и пр. Скажите мне: Н. Анин — это Колин псевдоним? Н. Анин?[7]

Об эмиграции и писать неинтересно. «Синтаксис», «Эхо», «Ковчег» — в руки не беру. Когда Синявского передают по радио — выключаю. «Конти-

нент», «Вестник» и «Время и мы» читаемы, но перепадают редко, да и в каждом № каждого из этих журналов я читаю немногое. Присланы мне были 22 рецензии на мою изуродованную французскую книгу[8] — все хвалебные — и все удивительно глупые. Вообще, за все время моего печатания на Западе я читала о себе 1 интересную рецензию: сэра Исайи Берлина, оксфордца, на мой 1-й ахматовский том[9]. Остальное неинтересно. Главный французский мотив: «старая, слепая, больная — а пишет книги». Благодарю покорно… А одна здешняя француженка, живущая здесь уже 4 года, сказала Люше, что АА и я смотрим на иностранцев как расисты!

Вообще же мои издательские дела совершенно для меня з а г а д о ч н ы. Меня издают, переводят и хвалят, но денег я не получаю совсем или какой-то грош в виде милостыни. После того как YMCA потеряла рукопись в типографии и я все сделала заново — я поставила условием мой copyright. Мне передали согласие. Вот теперь дошел до меня мой 2-й том; гляжу — опять copyright YMCA. Что это значит? Конечно, меня печатают на Западе не в таком изобилии, как некоторых моих здешних коллег — но я вижу, как они получают очень большие гонорары, как живут на них, а я не получаю ничего или чепуху. Я уж махнула рукой и ничего не пытаюсь выяснить — отсюда это невозможно.

Вы спрашиваете, как и над чем я работаю. Я живу так: в городе перечитываю свои Дневники (не об Ахматовой, а общие); на даче — пишу впрок, ни для кого, для себя, историю гибели моего мужа, М.П. Бронштейна. Сейчас о нем много пишут как об ученом, но о гибели, конечно, молчок, а я должна написать о гибели, пока жива я и живы немногие из его друзей. Снова, опять, опять пишу я о тюрьмах, об очередях 37–38 гг. Я ведь «Софью Петровну» писала как внутренний монолог не свой, не от себя, а одной «советской служащей»; она ничего не понимает, любит слова «кооптировать» и «пленум», обожает т. Сталина — ну, и пр. — я таких видала тогда сотни и *от них*, с их точки, написала. Ну а теперь пишу прямо от себя — и не о ее сыне-комсомольце, а о моем муже, ученом — не комсомольце. Пишу, пишу, пишу, конца не видно[10].

Врачи хотят оперировать (оба глаза). Я пока не даюсь. Я пока работаю благодаря каплям, расширяющим зрачок часов на 5–6 в день. Они — американские. Мне прислали 2 флакона Янкелевичи[11], спасибо им, но мне этого мало. Если можете, Александр Исаевич, пришлите! «Cyclogyl», фирма Алкона. Мне присылал Ефим Григорьевич из Парижа замену, но она плохая… Планы мои? План один: каждый день, пока глаза видят, работать. Это не планы, это долги; выплачу ли? Вряд ли. (Вот Вы свои — выплатите; и не только в Вашем великом Божьем даре дело, но и в великой Вашей, Вами выработанной, воле.) А у меня и дар небольшой, и силы иссякли. Признаю же я за собою долги такие: 1) разоблачить чудовищные лжи Н.Я. Мандельштам[12], 2) воспоминания о Корнее Ивановиче, 3) Ахматова 3-й том (1963–66), 4) воспоми-

нания о Чистополе, где я встретилась с Цветаевой за 5 дней до ее конца… Но первый мой долг — перед мужем.

Обнимаю Вас.

Л.Ч.

P.S. Завтра иду прощаться с В. Войновичем[13]. Еще одним смелым человеком и мастером литературы здесь остается меньше… Москва, конечно, не Россия, но и Москвы из России не вычеркнешь, и «Чонкина» из литературы — тоже.

P.P.S. Еще о Вашей статье в № 131. Вы пишете, что охранка была и гуманнее, и малочисленнее ЧК-КГБ. Конечно! Это правда. Но ведь охранка все равно гнусность, зло, и стремиться к охранке вместо КГБ — нет охоты.

---

[1] *…«одних уж нет, а те далече»…* — «Иных уж нет, а те далече» — строка из последней строфы «Евгения Онегина», прочитываемая как намек на судьбы декабристов.

[2] Имеются в виду забастовки польских рабочих летом — осенью 1980 года в Люблине и Гданьске и создание независимого самоуправляемого профсоюза «Солидарность».

[3] *…статьи Герцена в защиту Польши…* — См.: *Записки*. Т. 2. С. 577–580 (запись от 29 декабря 1962), 798 (примеч.); Л.К. Чуковская читала Ахматовой фрагменты статей «1861–1863», «Концы и начала», «Руфин Пиотровский», опубликованных в 16-м и 17-м томах издававшегося в те годы тридцатитомного Собрания сочинений А.И. Герцена (1954–1966).

[4] *…главу о Гучкове…* — Из Узла II «Октябрь Шестнадцатого»: (Александр Гучков) // *Вестник*. 1979. № 130. С. 188–213; в Собр. соч. — Т. 10, гл. 41.

[5] В «Вестнике РХД» № 131 напечатана глава 24 (17 октября 1916) «Из Узла II “Октябрь Шестнадцатого”» (с. 85–108); в Собр. соч. — Т. 9, гл. 26 (гости в квартире Шингарева ожидают известий о событиях на Выборгской стороне — забастовках и шествии).

[6] В том же «Вестнике РХД» № 131 напечатана статья А. Солженицына «Чем грозит Западу плохое понимание России» (с. 182–216); см. также: *Публицистика.* Т. 1. С. 336–381. Статья посвящена опровержению распространенного на Западе постулата: СССР — естественное продолжение старой России. На самом деле, пишет А.С., «переход от дооктябрьской России к СССР есть не продолжение, но *смертельный излом хребта*, советское развитие — не продолжение русского, но извращение его… Соотношение между ними такое, как между человеком и его болезнью». Автор призывает Запад видеть друзей в русском народе, а не в его коммунистических властителях.

[7] Г. Суперфин передал Л.К. статью «Ленинградские ночи», напечатанную в «Парижском вестнике» № 62 за 1943 год. Автор статьи Николай Анин. По словам Г. Суперфина, Николай Анин — псевдоним Николая Давиденкова. В статье — некоторые воспоминания автора об Анне Ахматовой и резкие антисемитские высказывания. Л.К. отказывалась верить, что автор статьи — действительно Николай Давиденков.

[8] Перевод 1-го и 2-го томов «Записок об Анне Ахматовой» вышел по-французски (Entretiens avec Anna Akhmatova. P.: Albin Michel, 1980), причем без согласия автора издательство внесло изменения в текст перевода.

[9] *Берлин* Исайя (1909–1997) — английский славист, философ, профессор Оксфорда, адресат многих стихотворений Анны Ахматовой. Л.К. упоминает его отзыв о ее «Записках…» в «Times literary supplement» (23 ноября 1979).

[10] *Бронштейн* Матвей Петрович (1906–1938) — астрофизик. Расстрелян в годы Большого террора. Его судьбе посвящена автобиографическая повесть Л.К. Чуковской «Прочерк», которую она не успела закончить. «Прочерк» опубликован посмертно (впервые: *Чуковская Л.* Прочерк // Сочинения: в 2 т. М.: Арт-Флекс, 2001; см. также: *Чуковская Л.* Прочерк. М.: Время, 2009.

[11] *Янкелевичи* Татьяна Ивановна (р. 1950) и Ефрем Владимирович (1950–2009) — дочь Е.Г. Боннэр и ее муж.

[12] Резкое неприятие вызвала у Л.К. «Вторая книга» Н.Я. Мандельштам (Париж: YMCA-Press, 1972).

[13] *…прощаться с В. Войновичем.* — В декабре 1980 года писатель В.Н. Войнович (р. 1932) эмигрировал из СССР под давлением властей.

5. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

28 апреля 1981. Вермонт

28.4.81

Дорогая Лидия Корнеевна!

Надеюсь, глазное лекарство намного обгонит это письмо, и Вы его уже получили. Там — годовой запас, но сроки годности здесь объявляют очень жёстко, на самом деле остаётся годным и после срока.

Нет, я не получил Вашего первого письма с копией Колиных стихов, — только теперь, второе. Спасибо! Вдова счастлива безмерно.

Качество западных рецензий пусть Вас не удивляет: убожество западной мысли, и в частности западного литературоведения, верней, газетно-журнального рецензирования — за всеми мыслимыми пределами, близко к африканскому уровню. Пресса — в самых бессовестных и безответственных руках. Рассвинели от беспросветного благополучия. (На том же уровне оценили недавно в Америке «Телёнка».) Содержательные мысли, умные статьи — большей частью из России.

Вы спрашиваете, как может совмещаться передовая техника с плохими школами. Удивительно, но это именно так. Очевидно, в более зрелом возрасте конкуренция вгоняет людей в серьёзную работу. Но школы — ужасно плохи, слов нет, как примитивны и как мало дают — за 12 лет!

Но и рабочие американские — только добились высокой оплаты, всяких льгот и успокоились, — а ленивы, недобросовестны, и производительность низкая (на почасовой оплате, а такая чаще всего). Да то и дело Вы же слышите в новостях, что они то атомную бомбу уронили в море, то протаранили торговый пароход. Неряхи. Недобросовестность работы разъела западный мир в основном за последние 10–15 лет.

Моральные пропасти — повсюду. Вы помните знаменитый случай, когда израильские командос геройски освободили самолёт в Уганде?[1] Ну и что бы остаться на том уровне? Нет, эти 70 евреев-пассажиров предъявили к

Эр Франс иск «за пережитые потрясения». Так и Ольга Карлайль судится со мной[2].

Юридический уровень решения проблем, каков он сейчас на Западе, — недостоин человека.

Но Вы пишете: не хочу «охранки» в будущем государстве. «Охранка» — это злой ярлык, но охрана общественного порядка после злодейского XX века ещё век неизбежна. «Охранка» не имела ни одного узника совести и не преследовала ни за устное, ни за письменное изложение мнений. Но она боролась с террором, грабежом банков, вооружёнными восстаниями, — а что ж, не бороться? Целый год Америка кипит, кипит, выбирает президента. Перевес — подавляющий, проявлена воля народа. Является сопляк, стреляет — и только чудом не убивает[3]. И вот вам цена всего демократического процесса! Кажется, если на нас нападает волк — мы же не подвергаем его психиатрическому исследованию, может быть, он, бедняга, больной? — а просто убиваем. Так надо и с террористами: напал? взял заложников? — и казнить в 24 часа, не разбираясь. И тогда прекратится во всём мире террор, даже и «психически ненормальных». — А теперь этот мерзавец будет несколько лет исследоваться, судиться, жить в комфорте, напишет книгу, станет знаменит, получит свою возлюбленную. Американские законы все составлены в пользу преступников. Если к вам в дом ворвётся убийца — то вы должны отступать до последней комнаты, уговаривая его, и не делать первого выстрела, и отвечать из калибра не более крупного — иначе будут судить *вас*.

Вероятно, у Вас верное ощущение, что сила зла там у нас давит как никогда. Но и здесь разложение, разврат и падение духа никогда ещё не были такими крайними. Очевидно, спасение человечества, если оно возможно, — на каких-то новых и третьих путях. И во всяком случае — не на бескрайней «идеологии прав человека», как говорят диссиденты и Сахаров тоже: нельзя говорить о правах, упуская обязанности: человечество тут же и рассыпется. «Идеология прав человека» это давно знакомая нам — *анархия*.

Вы спрашиваете — каков наш «печатный станок»? Это действительно чудо. Электрический компоузер — размером с большую пишущую машинку с широкой кареткой. Даёт возможность набирать разными шрифтами при любом расстоянии между строками, а в самих строках — сгоняет или разгоняет буквы по заказу — и равняет правый край.

Старые виды набора будут теперь умирать.

Очень изредка переписываемся со Львом.

Ещё Вы спрашивали меня, будет ли Вам платить YMCA. Я запросил Н. Струве, он ответил: да, 5% с русского издания, и будут % с иностранных (если они будут), кроме французского, которое Эткинд отделил и полностью взял себе. Но вообще должен сказать, что когда хилая ИМКА или хилый «Посев» платят авторские гонорары — это из сочувствия к подсоветским

авторам, которые ещё больше бедствуют, чем сами издательства. Вообще же издательства эти не сводят концов с концами, работают в *убыток*, и им не только не из чего платить, но они собирают пожертвования, часто автор оплачивает половину издания сам. Я, например, никогда не брал с них ни копейки, а только помогал.

Другие издательства 3-й эмиграции — в лучшем положении, они связаны с западным финансовым миром. Вообще 3-я эмиграция принята и живет в *20 раз* лучше, чем две предыдущих. Но взамен этого литература её — убогая: «самовыражение», самолюбование — полный уход из русла русской литературы, измена ей.

От души желаю Вам наилучшего состояния здоровья из возможного.

Обнимаю Вас!

Ваш *А. Солженицын*

Прибавляю статью о Вашем детстве[4].

---

[1] 27 июня 1976 года в угандийском аэропорту Энтебе совершил посадку захваченный террористами французский авиалайнер. На его борту находились 250 пассажиров, из которых больше 80 были израильтянами. Террористы решили взять в заложники только израильских граждан, отпустив всех других иностранцев. 3 июля Израиль освободил заложников путем силовой операции.

[2] *Карлайль* Ольга Вадимовна (р. 1931) — журналистка, художница, внучка Леонида Андреева. О прискорбной роли Карлайл в судьбе английских переводов книг А.С. см.: *Зёрнышко // НМ*. 1998. № 11. Ч. 1, гл. 2: Хищники и лопухи. С. 98–104; см. также письмо Солженицына к Л.К. и Е.Ц. Чуковским 5 от 25 марта 1974 и примеч. 8 к нему — «Открытую почту нам Москва обрубила в оба конца…» // Солженицынские тетради. 2012. Вып. 1. С. 54, 56. О том, как Карлайль подала в суд на Солженицына и судья в Сан-Франциско признал ее иск несостоятельным, см.: *Зёрнышко // НМ*. 2000. № 9. Ч. 2, гл. 7: Тараканья рать. С. 166–168.

[3] Президентскую кампанию 1980 года выиграл Рональд Рейган, 20 января 1981 он вступил в должность в качестве 40-го президента Соединенных Штатов, а через два месяца, 30 марта, на него в Вашингтоне было совершено покушение: некто Джон Хинклимладший (р. 1955), дожидавшийся в толпе выхода президента из отеля «Хилтон», где он выступал с речью перед делегатами профсоюзов, выпустил 6 пуль, серьезно ранив президента, его пресс-секретаря Джеймса Брейди, полицейского и агента спецслужб. После извлечения пули президент поправился, а Брейди парализовало, и следующие 30 лет он провел в инвалидном кресле.

[4] *Германов М*. Дом на Моховой // Новое русское слово. 1981. 21 марта. Статью написал соученик Л.К. Чуковской по Таганцевской гимназии в Петрограде. Автор вспоминает 1920 год, детскую постановку «Дюймовочки», которою осуществили К.И. Чуковский и художник Ю.П. Анненков.

6. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

14 июня 1981. Москва

14/VI 81

Дорогой Александр Исаевич. Вот истинно «Нечаянная радость» — письмо от Вас. Я всегда вздрагиваю от этой нечаянной радости — уж и не ждешь! — и вдруг Ваш почерк.

16-го мы праздновали будущий день рождения А.Д., здесь, в Москве, на улице Чкалова. Набилось в этой комнатушке человек 100. Я сидела рядом с Надеждой Васильевной[1], и она показала мне фотографии Ваших мальчиков — троих. Теперь уж не скажешь «мал мала меньше», а один другого больше. А волосы такие же золотые, как были, не темнеют, хорошо. Н.В. говорит, что Ермолай — рисовальщик, Игнат — Баха исполняет; ну, думаю, быть Степушке математиком или писателем… А как вокруг них насчет собак, лошадей и прочей милой твари? Помню, в детстве лошадиные губы, «добрые мягкие губы» — такой были необходимостью для сердца.

Не очень давно я прочитала в котором-то «Вестнике» Вашу главу о Николае, Аликс и Распутине[2]. Чудесно там изображено «ремесло царя», и Распутин весь виден в его телеграммах. Царица (когда изнутри) удается Вам меньше, чем изнутри — царь. Его как-то бывает жалко, а ее нисколько, хоть и понимаешь, как она страдала из-за больного мальчика.

Теперь перехожу к ответу на Ваше письмо (от 28/IV). Иду по абзацам. Вы пишете, что послали мне капли глазные, которые я просила (Cyclogyl 1%, фирма Алкона). Спасибо, что послали, но до меня они не дошли. Ни слуху ни духу. Затем, Вы пишете, что вторично посланные мною копии Колиных стихов дошли и вдова «счастлива безмерно». Рада от души, но надеюсь, не только стихи, но и копия его письма ко мне, прощального; письма, по-моему, очень замечательного. Я часто думаю, кем бы он был, если бы о с т а л с я б ы т ь: художником, прозаиком, поэтом? Во всяком случае, человеком — сильным, стойким, раскованным. Талантливым человеком. Да, сердце щемит за него — уж сколько лет прошло, а все щемит — как щемит за теперешних талантливых людей, уничтожаемых с беспощадной жестокостью: Ковалев, Орлов, Великанова, Стус[3] и пр., и т.п., и т.д. Орлова они безусловно хотят убить, это видно по обращению с ним, о с о б о жестокому.

Россия мать о детях тужит…
Доколе коршуну кружить?
Доколе матери тужить?[4]

Насчет необходимости беспощадной расправы с террористами — я с Вами совершенно согласна: бросил бомбу — военно-полевой суд и рас-

стрел. Ваше сравнение нынешних западных террористов с нашей Народной волей — правомерно, а приравнивание одних к другим — нет. Желябов и Перовская не брали заложников; Каляев — не бросил бомбу в коляску великого князя, увидав там детей. Они пытались карать тех, кого считали повинными в злодействах, а не подкладывали бомбы в магазины, на вокзалы, в автобусы и пр. Я все равно против них, против народовольческих бомб, но к нынешним не приравниваю. Также не согласна с Вами и насчет охранки. Охрана — это одно, охрана — необходимая часть необходимого государственного устройства; охранителю я руку подам, а вот сотруднику охранки — нет. Это неверно, будто охранка преследовала только террористов. Нет, любых революционеров любого толка; охранка — организация шпиков и провокаторов, подстрекательница к еврейским погромам, мерзость. Герцен, споря с Бакуниным, отрицавшим необходимость государства, писал: «Государство необходимо; уничтожить его — то же, что снять бинты с незаживших ран: польется кровь». И я думаю, что государство необходимо (вроде ОРУД'а[5] на улице: не езжай на красный свет! переходи улицу на положенном месте! и пр.); значит, и охрана нужна, но охранять — не значит подличать, насильничать над малыми народами, подсылать провокаторов и даже пытать на допросах (было и такое).

Каким образом защита прав человека ведет к анархии (по Вашим словам) — это для моего ума непостижно. На Западе, по Вашим словам, у человека слишком много прав и нет обязанностей; худо, если так; но у нас ведь наоборот: прав никаких, а от груза обязанностей даже молодой, здоровый и среднего достатка человек — с ног валится. Конечно, юридическим правом не может исчерпывать общество свой идеал; это только самое начало алфавита: А Б В Г, но начало необходимое. А Сахаров — он как был чудом, таковым и остался; «творит дело милосердия» и проповедует «дело милосердия» повседневно. Я очень обрадовалась, что Вы его поздравили[6]; между им и Вами любой холод — зло.

Вы пишете, чтоб я не огорчалась западной критикой. А я ее и не читаю, нет ее здесь, а и попадается — все некультурная ерунда. Случайно прочла Н. Горбаневскую в «Континенте» и удивилась почтительной злобе и полной недобросовестности[7]: она вычитала во 2 томе моих «Записок» нечто дурное о К.И.! Полемика иногда ведется для выяснения истины; иногда, чтоб причинить оппоненту боль. Боль я испытала, это так, но очень недолгую. Хулы на К.И. в моем тексте никак не могло оказаться, потому что ее нет в моем сердце. Если Н. Горбаневской угодно злобствовать не по адресу, это ее дело. Но чуть номер «Континента» дошел до Москвы — посыпались звонки возмущения ею (и прежде всего от деятелей «Памяти», которые ей ответа *не* поручали).

Вы правы — русская печать на Западе невежественна и клубится в каком-то безвоздушном пространстве. Я не читаю никого и ничего, кроме

Ваших глав в «Вестнике». Остальное либо малограмотно, либо чуждо (как «Вестник»). И никакой русской литературой не пахнет.

Если Вы возьмете в руки т. 2 моих «Записок», то прочитайте только 1) 30 окт. 62, где о Вас, не наврала ли я, 2) «Немного истории» (предисловие) и 3) За сценой.

Обнимаю Вас. Счастлива, что Вы работаете.

ЛЧ

P.S. Спасибо за «Дом на Моховой», о нашем детстве и К.И. Там есть ошибки памяти, но их немного. А подпись — псевдоним[8].

P.P.S. На днях уезжает С.Э.[9] Будет мне совсем пусто.

P.P.S. Вы пишете: «надо искать третий путь». Согласна. Но каким способом его искать, если у тебя и у других — кляп во рту? Мычанием? Вот и начинаешь требовать (как АД) пресловутой гарантии свободы слова… Без этого никуда не двинешься, ни на какие поиски. Я послала А.Д. к 60-летию телеграмму. Она была довольно забористая; в частности о незаконном изъятии его дневников[10] (Вы пережили изъятие архива, понимаете, *что это такое*). Моя телеграмма не дошла. Квитанция есть, но *управы* — нет. Вот и ищите третий путь без права общения.

PPS. В Америке вышла книга Липкина «Воля». Я ее не читала, но знаю, что там есть поэма «Техник-интендант» — замечательная. (Я когда-то пересказывала Вам содержание.)[11]

---

[1] *Надежда Васильевна* Бухарина (1901–1982) — «городская Матрена», «баба Надя», помогавшая в быту многим опальным семьям, в том числе Сахаровым, Солженицыным. О ней А.И. написал в «Невидимках» (*БТД*. Пятое дополнение. Гл. 10: Череда в тени. С. 516–517).

[2] Упомянута глава 62 «Из Узла II “Октябрь Шестнадцатого”» (*Вестник*. 1980. № 132; в Собр. соч. — Т. 10, гл. 64).

[3] *Великанова* Татьяна Михайловна (1932–2002) — математик, правозащитница, активно участвовала в издании «Хроники текущих событий», арестована в 1979-м, приговорена к 4 годам лишения свободы и 5 годам ссылки. С 1989 года преподавала математику в известной московской школе № 57.

Стус Василий Семенович (1938–1985) — украинский поэт, диссидент, арестован в 1972-м, приговорен к 5 годам лагеря и 2 ссылки; через несколько месяцев после освобождения арестован вторично и в 1980 году приговорен к 10 годам лишения свободы и 5 годам ссылки; умер в лагере.

[4] Неточная цитата из стихотворения Александра Блока «Коршун» (1916).

[5] *ОРУД* — Отдел по регулированию уличного движения, подразделение милиции, существовавшее в СССР с 1931 по 1950-е годы.

[6] 14 мая 1981 года Солженицын направил Сахарову в горьковскую ссылку поздравительную телеграмму: «Дорогой Андрей Дмитриевич! Поздравляю Вас с 60-летием, за которое Вы успели проделать такой редкий путь от избыточных к угнетенным… Желаю Вам, чтобы вопреки насилию ссылка оказалась для Вас духовно плодотворна и открыла

бы Вам новые глубины в служении своему народу. Обнимаю Вас». Так как всякая переписка Солженицына с адресатами в СССР была арестована с ноября 1974 года и было ясно, что телеграмму адресату не доставят, А.С. опубликовал ее (см.: Русская мысль. Париж, 1981. 21 мая. С. 1; также см.: *Публицистика*. Т. 2. С. 553).

[7] Речь идет об ответе Н.Е. Горбаневской Лидии Чуковской. В «Континенте» № 25 (1980) была напечатана рецензия Н. Дюжевой на очередной выпуск исторического сборника «Память» (составляли в Ленинграде А.Б. Рогинский (гл. редактор), А.И. Добкин, Ф.Ф. Перченок, публиковали за границей), где среди прочего были напечатаны «Воспоминания Е. Шварца и Л. Пантелеева о К.И. Чуковском» (Память: историч. сб. Р.: YMCA-Press, 1980. Вып. 3. С. 287–328). В рецензии говорилось, что «благодаря своей дочери, Лидии Корнеевне, он [Корней Чуковский] как бы приобрел новый кредит посмертного морального доверия». Возражая на рецензию Дюжевой, Л.К. пишет, что Корнея Ивановича при жизни «одаривали своим доверием Репин, Блок, Пастернак, Ахматова… Моральный авторитет писателя создается его книгами: интерес к произведениям Чуковского не падает, а растет» (Открытое письмо в редакцию журнала «Континент» // Континент. 1981. № 27. С. 377–380). В том же номере журнала Н. Горбаневская от имени редакций «Континента» и «Памяти» отвечает Л.К., беря под защиту Дюжеву: «Я не буду приводить дополнительных аргументов в пользу оценки К. Чуковского рецензенткой и редакцией сборника “Память”: эти аргументы легко найти во втором томе Ваших “Записок об Анне Ахматовой”» (С. 380–381).

[8] См. примеч. 4 к письму **5** (от 28 апреля 1981).

[9] *Бабенышева* Сарра Эммануиловна (1912–2007) — критик, преподавательница Литературного института в Москве, приятельница Л.К.

[10] Л.К. пишет Сахарову в своей поздравительной телеграмме в Горький: «…хочу пожелать Вам, чтобы нравственная мощь взяла верх над грубым насилием, чтобы отнятые у Вас сокровища были возвращены Вам…» (Сахаровский сборник. М.: Книга, 1991. С. 8).

[11] *«Воля»* — первое полноценное издание поэтических сочинений С.И. Липкина (1911–2003), составленное И.А. Бродским, было выпущено в свет издательством «Ardis» (Ann Arbor, 1981). Поэма «Техник-интендант» (1961), посвященная бегству разгромленных частей Красной армии (1942) и депортации калмыков (1944), вызвала восхищение Ахматовой.

7. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

31 августа 1981. Вермонт

31 авг. 81

Дорогая Лидия Корнеевна!

Какая же досада, что Вы не получили вовремя глазных капель, которые мы послали тотчас по Вашему письму, и годовой запас — и уже дважды. Сейчас проводим вдогон поиски — где они могли задержаться, и чтобы подтолкнуть. Сейчас посылаем ещё 3 бутылочки. Из них одна раскупоренная, но не опасайтесь, это из рук врача, мы не успели в аптеке.

Не перестаю удивляться Вашему мужеству, как Вы год за годом работаете при таких глазах и не приходите в отчаяние. И столько сделали именно за эти «незрячие» годы — даже кажется больше всего именно в них.

У Вас преданность к литературе как таковой, к самой литературной атмосфере — и собственная незаурядная, и ещё поколенческая — в Вашем поколении это было ещё нередко, и сохраняло характерность, и литературную традицию — а в нынешних даже литературных кругах этого как-то нет, всё посерело и поделовело, литературная жизнь стала больше формой заработка и известности. И Ваши качества и верность традиции так и пронизывают «Записки об Ахматовой». Они неузнаваемо расширились, и доработались, и прокомментировались от того варианта, который Вы давали мне читать в 1970 году. Какое место ни открой — везде не оторваться. Очень, очень большое дело Вы сделали, и благодарность будет Вам ещё от многих поколений читателей.

В записи от 30.10.62 впервые прочёл, каково ж было впечатление Ахматовой от встречи со мной[1]. Мне и лестно, и тепло вспомнить ту встречу. Было их несколько, а вот не собрался я до сих пор их описать, хотя записи по свежему следу сделал, и целы. Может когда посвободнею — так и доберусь. Если жизни хватит. Но сколько помню себя — мои взятые задачи всегда перевешивали успевание.

Вы упомянули о «холодности с Сахаровым». Если такая и создалась (в общественном мнении, а лично мы расстались осенью 1973 самым тёплым образом), то создал и холодность, и противопоставление — Сахаров, а не я. Я до десятка раз выступал в его защиту, иногда в очень критический момент для него («арабские террористы»)[2], выдвигал его на Нобелевскую премию[3], защищал от Жореса (тот развенчивал Сахарова именно в Осло)[4]. И даже когда я его критиковал, то всегда мягко: статью о его меморандуме дал прочесть *ему одному* и 4 года не показывал в Самиздат[5]. Я всегда выступал, даже споря с ним, крайне почтительно и расположенно. И во всяком случае, никогда не говорил, что Сахарова «взгляды опасны». А Сахаров в первом же выступлении против меня (с переполошенной скоростью переданном по телефону Чалидзе в Нью-Йорк, была уверенность, что КГБ не прервёт такую передачу — а она занимала страниц 18) спешил объявить на весь мир, что мои «взгляды опасны»[6]. И оттуда и пошла нынешняя лавина, ныне захватившая и 3-ю эмиграцию и половину западной интеллигенции: что «Солженицын опаснее Брежнева». Я ответил ему в «Континенте» № 2 исключительно почтительно[7]. Он не отвечал мне (в «О стране и мире»: «не хочу ни с кем сейчас вести дискуссий»), это его право. Но когда осенью 1979 появилась гнусная статья Чалидзе против меня, самого низкого уровня и с жульническими передёргиваниями, — то Сахаров публично восторженно приветствовал её — что это как раз то самое, что сейчас нужно[8]. По иронии судьбы это было его *последним* публичным заявлением перед высылкой.

А между тем, если оглядываться на опасность, то она именно у Сахарова в одностороннем превознесении прав человека. В борьбе с нашим подавлением это возникло естественно, но он употребляет даже «идеология прав человека» — а что это за диво? Да просто *анархия*, которая уже один раз погуби-

ла Россию в 1917, ворота в новый тоталитаризм. Если уж он хочет подняться до *идеологии* — то должен формулировать и весь свод, и говорить также об *обязанностях* человека, в том числе и перед государством (не коммунистическим, конечно).

Вы предлагаете «не равнять» сегодняшних террористов с прежними российскими — но почему же? Идейны? — и сегодняшние тоже уверены в своей идейности. Безжалостны к невинным? — те тоже. Это раздутая красивость об один раз пощажённом ребёнке рядом с Сергеем Александровичем. Но на Аптекарском острове убили тридцать, ранили полсотни, и вождь максималистов «Медведь» Соколов сказал: «Не жалко, хоть и больше»[9]. А в Свеаборге убили несколько сот неповинных солдат, а сами зачинщики после этого сбежали.

И охранка: *не* вела следствия, *не* судила, *не* расстреливала, т.е. ни одной функции ЧК, а только защищала государство от подрывных действий. А как же государству защищаться? (И никогда русская охрана не провоцировала погромов, это всё ложь, а в случае Плеве-Кишинёв — грубая подделка английского корреспондента[10]. Но она шла по ветру времени и была охотно подхвачена.) Вот сейчас в Канаде поддались левому подстроенному возмущению — и ликвидировали так называемую mounted police[11] (22 тыс. опытных служак), на которой только и держался порядок в Канаде. Через несколько лет развалится и Канада.

Исправляюсь: вместе с Колиными стихами я получил и письмо его односидчика к Вам, всё в порядке.

Дорогая Л.К.! Желаю Вам возможного здоровья и бодрости в ужасное время, уже наступившее и уже наступающее.

Обнимаю Вас.

Ваш *А. Солженицын*

---

[1] См.: *Записки*. Т. 2. С. 532–533.

[2] В октябре 1973 года в Москве на квартиру Сахаровых было совершено нападение якобы «арабских террористов». Солженицын в открытом письме Сахарову по этому поводу писал: «…я утверждаю, что в нашем отечестве при условии сквозной слежки и подслушивания, какие установлены за Вами, такое покушение невозможно без ведома и поощрения властей… Посмели б они у нас шевельнуться, не получив разрешения! — нелепо и подумать знающему наши условия» (Письмо А.Д. Сахарову // *Публицистика.* Т. 2. С. 60).

[3] В сентябре 1973 года в Подмосковье Солженицын написал статью «Мир и насилие» (тут же широко распубликованную: Aftenposten. 1973. 11 Sept.; New York Times. 1973. 15 Sept.; Neue Zürcher Zeitung. 1973. 16 Sept.), в которой выдвигал кандидатуру А.Д.: «Пользуясь правом нобелевского лауреата выдвигать кандидатов на Нобелевские премии и не имея возможности обратиться к Нобелевскому комитету иначе как посредством этой статьи в газете “Афтенпостен”, — я прошу считать эти мои строки формальным выдвижением Андрея Дмитриевича Сахарова в кандидаты на присуждение Нобелевской премии мира 1973 года» (см.: Мир и насилие // *Публицистика*. Т. 1. С. 146–147).

[4] В сентябре 1974 года по приглашению норвежского ПЕН-клуба Ж.А. Медведев делал доклад в Осло о политической обстановке в СССР. Будучи спрошен о А.Д. Сахарове в связи с возможностью присуждения ему Нобелевской премии мира, Медведев дал уклончивый расхолаживающий ответ.

[5] См.: *Солженицын А.* На возврате дыхания и сознания (по поводу трактата А.Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе») // *Публицистика.* Т. 1. С. 26).

[6] См.: *Сахаров А.Д.* О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза» (3 апреля 1974) // Собр. соч.: в 8 т. М.: Время, 2006. Т. 1: Тревога и надежда. С. 211–227).

[7] См.: *Солженицын А.* Сахаров и критика «Письма вождям» // Континент. 1975. № 2. См. также: *Публицистика*. Т. 1. С. 215–222); Ответы журналу «Тайм» (3 мая 1974) // *Публицистика*. Т. 2. С. 82–84; *Зёрнышко // НМ.* 1998. № 9. Ч. 1, гл. 1: Без прикрепы. С. 64–67.

[8] См. примеч. 8 к письму 1 (от 16 марта 1980). О статье Чалидзе и «Заявлении» Сахарова от 18 января 1980 года см. также: *Зёрнышко // НМ*. 2000. № 9. Ч. 2, гл. 6: Русская боль. С. 135, 144–153.

[9] *Соколов* Михаил Иванович (1880–1906) — один из руководителей боевой организации эсеров-максималистов, совершившей ряд крупных терактов, в том числе — покушение на премьер-министра П.А. Столыпина 12 августа 1906 года на Аптекарском острове (убито 27 человек, ранено 33, пятеро позже скончались). Военно-полевым судом приговорен к смертной казни.

[10] *…грубая подделка английского корреспондента.* — Имеется в виду публикация 18 мая 1903 года в лондонской «Times» ее петербургского корреспондента (J. Braham), где приводится письмо министра внутренних дел В.К. Плеве к кишиневскому губернатору фон-Раабену с советом: если в Бессарабской губернии произойдут беспорядки против евреев, ни в коем случае не подавлять их, а только увещевать. Однако «текст опубликованной в лондонской газете “Таймс” телеграммы Плеве… большинство исследователей считает подложным» (Краткая еврейская энциклопедия: [в 10 т.]. Иерусалим, 1976–2001. Т. 6. С. 533.

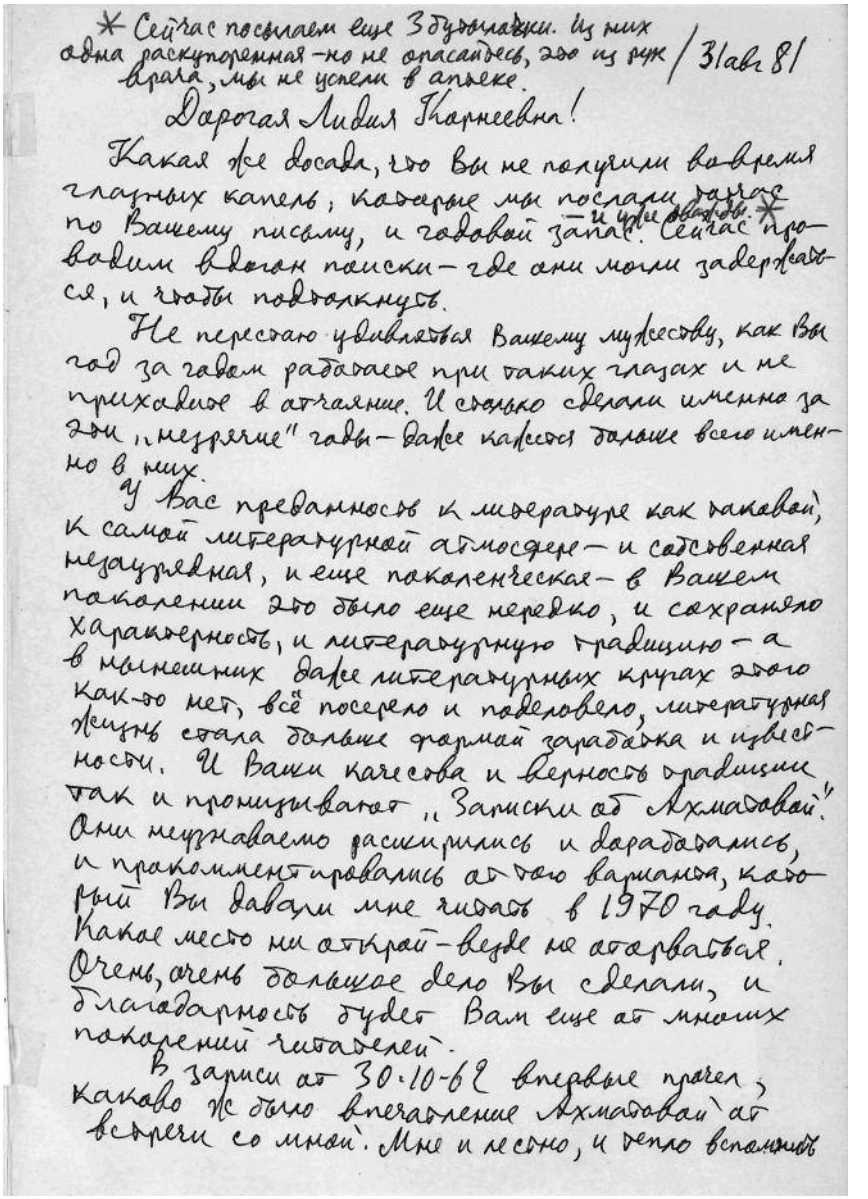
[11] *Mounted police* — конная полиция (*англ.*), официальное название — Royal Canadian Mounted Police. В завершение долгой атаки на национальную полицию Канады был опубликован отчет «Комиссии Макдоналда» от 25 августа 1981 г. (Toronto Star. 1981. 26–27 Aug.), по рекомендации которой правительство Канады немедленно ликвидировало службу национальной безопасности, входящую в состав национальной полиции (Royal Canadian Mounted Police Security Service).

8. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

14 декабря 1981. Москва

14/XII 81

Дорогой Александр Исаевич. С некоторым опозданием отвечаю на Ваше письмо от 31 августа. Письмо Ваше меня и обрадовало и огорчило, и какое-то было физически и душевно трудное время — не писалось. Простите меня. Прежде всего — спасибо Вам и Але за глазные капли, такой



* Сейчас посылаем еще 3 бутылочки. Из них одна раскупоренная – но не опасайтесь, это из тех врага, мы не успели в аптеке. / 31 авг 81 /

Дорогая Лидия Чарнеевна!

Какая все досада, что Вы не получили вовремя глазных капель, которые мы послали давно по Вашему письму, и годовой запас – и при аварии *. Сейчас пошлем в вагон поиски – где они могли задержаться, и чтобы подтолкнуть.

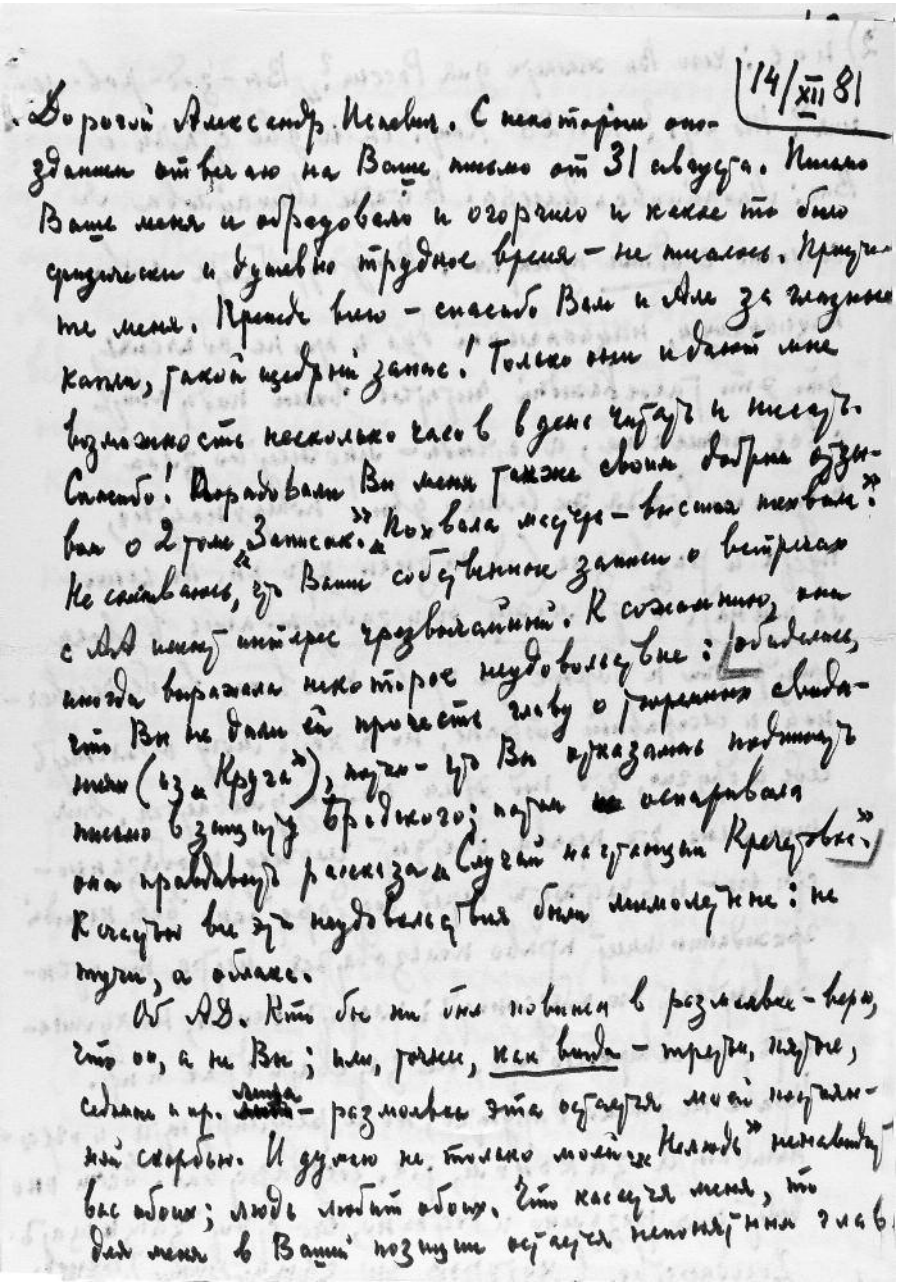
Не перестаю удивляться Вашему мужеству, как Вы год за годом работаете при таких глазах и не приходите в отчаяние. И сколько сделали именно за эти „незрячие" годы – даже кажется больше всего именно в них.

У Вас преданность к литературе как таковой, к самой литературной атмосфере – и собственная незаурядная, и еще поколенческая – в Вашем поколении это было еще нередко, и сохраняло характерность, и литературную традицию – а в нынешних даже литературных кругах этого как-то нет, всё посерело и подешевело, литературная жизнь стала больше формой заработка и известности. И Ваши качества и верность традиции так и пронизывают „Записки об Ахматовой". Они неуклонно расширились и дорабатались, и прокоммент провались от того варианта, который Вы давали мне читать в 1970 году. Какое место ни открой – везде не оторваться. Очень, очень большое дело Вы сделали, и благодарность будет Вам еще от многих поколений читателей.

В записи от 30.10.62 впервые прочел, каково же было впечатление Ахматовой от встречи со мной. Мне и лестно, и тепло вспоминать

Письмо А.И. Солженицына к Л.К. Чуковской. 31 августа 1981. Кавендиш (Вермонт). Первая из трех страниц. Папиросная бумага. Черная шариковая ручка

Архив А.И. Солженицына



14/XII 81

Дорогой Александр Исаевич. С некоторым опозданием отвечаю на Ваше письмо от 31 августа. Письмо Ваше меня и обрадовало и огорчило и какое-то было физически и душевно трудное время — не писалось. Простите меня. Прежде всего — спасибо Вам и Але за посылку каши, такой щедрый запас! Только они и дают мне возможность несколько часов в день читать и писать. Спасибо! Порадовали Вы меня также своим добрым отзывом о 2 томе „Записок". „Похвала мастера — высшая награда". Не сомневаюсь, что Ваши собственные записи о ветеранах с АА имеют интерес чрезвычайный. К сожалению, они иногда выражали некоторое недовольство: обиделись, что Вы не дали ей прочесть главу о Гаранине свидания (из „Круга"), потом — что Вы отказались подписать письмо в защиту Бродского; потом оспаривала правдивость рассказа „Случай на станции Кочетовка". К счастью все эти недовольства были мимолетные: не тучи, а облачка.

Об АА. Кто бы мне ни сказал, что в разговоре — верю, что он, а не Вы; или, точнее, как всегда — трусы, подлые, сволочи и пр. — разговоры эти остаются моей постоянной скорбью. И дружно не только мои „Надежды" ненавидят вас обоих; люди любят обоих. Что касается меня, то для меня в Ваших поступках остается непонятная злая

Письмо Л.К. Чуковской к А.И. Солженицыну. 14 декабря 1981. Москва. Первая из шести страниц. Бумага обычная. Черный фломастер

Архив А.И. Солженицына

щедрый запас! Только они и дают мне возможность несколько часов в день читать и писать. Спасибо! Порадовали Вы меня также своим добрым отзывом о 2 томе «Записок». «Похвала мастера — высшая похвала». Не сомневаюсь, что Ваши собственные записи о встречах с А.А. имеют интерес чрезвычайный. К сожалению, она иногда выражала некоторое неудовольствие: обиделась, что Вы не дали ей прочесть главу о тюремных свиданиях (из «Круга»), потом — что Вы отказались подписать письмо в защиту Бродского; потом оспаривала она правдивость рассказа «Случай на станции Кречетовка»[1]. К счастью, все эти неудовольствия были мимолетные: не тучи, а облака.

Об А.Д. Кто бы ни был повинен в размолвке — верю, что он, а не Вы; или, точнее, *как всегда* — третьи, пятые, седьмые и пр. лица, — размолвка эта остается моей постоянной скорбью. И думаю, не только моей. «Нелюдь» ненавидит вас обоих; людь любит обоих. Что касается меня, то для меня в Вашей позиции остается непонятным *главное*: чего Вы желаете для России? «Вы-здо-ров-ле-ния»[2]. То есть? В № 28 «Континента» были две статьи о Вас: Михайлова и Геллера[3]. В статье Михайлова я согласна с *одним* пунктом: Вы употребляете слова национализм, национальный дух и пр., не объясняя, что это такое. Каждый читатель волен подставить *свое* понимание, а отсюда — множество злой чепухи… Статья же Геллера — увы! поверхностна, пуста и развязна. (Я не знаю, кто он, не слыхала имени.) Быть может, я и заблуждаюсь в своем пристрастии к борьбе за права человека в бесчеловечной и бесправной стране, но я хоть могу объяснить себе и другим, что под этим подразумевается. Для меня ясно, что права диктуют человеку и обязанности его — и в частности, перед государством. Если каждый гражданин имеет право пользоваться метро, то отсюда вытекает его обязанность: платить деньги, не хулиганить, не сквернословить, не затевать драк и пр. Права не только даруются, но и регулируются и ограничиваются з а к о н о м, т.е. государством. Если оно ведет себя разумно и достойно, его стоит защищать. Государство, в котором его защитник, Трепов, приказывает избить заключенного (Боголюбова), — я защищать не стала бы. Я — против террора, но кто из двоих более отвратительный террорист: охранявший охранку Трепов или стрелявшая в него Вера Засулич?[4] Мне Вера Засулич гораздо симпатичнее… Охранять-то ведь государство можно по-разному — не обязательно убивая простых людей, пришедших ко дворцу к *своему* царю. Можно было обливать толпу из пожарной кишки. Нет, стреляли ведь.

Когда Вы изображаете Николая II, одного из персонажей Вашего художественного произведения, когда Вы влезаете в его шкуру и смотрите от *него* — я понимаю его чувства и мысли. Но меня интересуют также и мысли автора. И вот их я уловить не могу.

Вы пишете мне, что охранка н е вела следствия, н е устраивала погромов… Простите меня, но я знала людей, которые прошли с л е д с т в и е

в охранке (напр. Б.С. Житков[5], участник революции 905 г.); я читала «Дом № 13» Короленко (о Кишиневском погроме). В Кишиневе громили евреев не русские, а главным образом молдаване. (Но это все равно.) Короленко не пишет, что охранка организовала погром; нет, но она ему не препятствовала: наблюдала до времени, как убивают и грабят; потом, когда удовлетворилась содеянным, вмешалась и прекратила.

Вы пишете, что у меня собственная и «поколенческая» любовь к русской литературе. Да, это так. И именно эта любовь обязывает ненавидеть охранку и радоваться падению самодержавия. *Вся* русская литература (не только либерального толка) — сплошной обвинительный акт против самодержавия. Я даже не думаю, что оно было свергнуто: оно упало.

А русские террористы — я не люблю их. Из-за них, случалось, страдали невинные люди, но приравнивать к нынешним не могу: они не подкладывали бомб на вокзалы или в магазины «просто так»… Они не брали заложников. Расстреливать теперешних? Думаю, да, это ими заслужено; одна беда — смерть не страшит их (*молодые* люди не очень боятся смерти).

Теперь о другом. Я иногда — правда, редко — читаю толстые эмигрантские журналы — или, точнее, перелистываю их. (Читаю — Вас.) И меня поражает и огорчает, что все три: «Вестник», «Континент», «Время и мы» — все три при всех их различиях — совершенно не интересуются кропотливой, трудоемкой, сжигающей жизнь, всегда уродуемой мерзавцами — и все-таки *существующей* русской культурой. Вот Вы отметили доблесть писателей, которым удается писать хорошие книги на любезную Вашему сердцу деревенскую тему[6]. Но ведь и поэты тут существуют замечательные! О них никогда нигде ни слова. И другие «культурные явления». Вот вышел 22-й том нового Собрания сочинений Достоевского — все собрание снабжено обширнейшим комментарием[7] — разве это не есть культурное событие? Ни звука. Два тома «Литературного наследства» к столетию Блока. Там — горы чепухи и драгоценные зерна правды… Вот — статьи Карякина[8] о Достоевском… Вот — в разных полузакрытых институтах — лекции Шилова[9] об Ахматовой, о Цветаевой, о Булгакове. Вот — лекции Непомнящего[10] о Пушкине… Россию за последние 5–7 лет совершенно лишили книг — это одна из главных катастроф нашего времени — в магазинах и библиотеках одна макулатура, все уходит в «Березку»[11] или черт его знает куда; целые поколения растут без возможности купить и прочесть «Войну и мир»; и всё-таки в этой стране пробивается, пробивается из-под земли и питает людей — литература. Но все зарубежные журналы заняты только — каждый своим, как будто русской литературы (и культуры) и на свете нет. «Литература Третьего рейха». Неправда!

Я пробиваюсь к 3 тому «Записок» — т. е. около года писала нечто не для Самиздата и не для Тамиздата: впрок. Кончаю. Остались «Записки» 1962–66. (А написала я о своей тюрьме и ссылке 1926–28 гг. и о попытках ученых — С. Вавилова, Фока, Тамма, Иоффе и Корнея Ивановича и С.Я. Маршака спасти моего мужа в 37–39 гг. У меня сохранились их письма, и я описала весь «процесс борьбы».)

Очень тревожусь о судьбе переводов моих «Записок». Ходят слухи, что их переводят на итальянский, немецкий, английский. Кто? Где? Как?.. Сегодня написала очередной (тщетный!) запрос Е.Г. и Н.А…[12] Ответа не жду.

Обнимаю Вас! Спасибо. С Новым годом!

ЛЧ

---

[1] О главе из «Круга» см. записи Л.К. от 17 и 20 октября 1963: *Записки*. Т. 3. С. 81–82; 93–94), о письме в защиту Бродского — запись от 22 марта 1964 (Там же. С. 187–188), о рассказе «Случай на станции…» — записи от 20 января и 17 февраля 1963 (Там же. С. 16–17; 28–29). Также см. очерк Солженицына «Анна Ахматова» на с. 7–16 наст. изд.

[2] Так кончается радиоинтервью, взятое у Солженицына компанией Би-би-си в феврале 1979, тогда же переданное на СССР, вскоре затем опубликованное на русском (*Вестник*. 1978. № 127), английском, французском: «И какой же вы видите будущую Россию? — Я вижу ее — в вы-здо-ров-лении. Отказаться от всех захватных международных бредней — и начать мирное, долгое, долгое, долгое — выдоровление» (*Публицистика*. Т. 2. С. 483–504).

[3] *Михайлов* Михайло (Михаил Николаевич; 1934–2010) — югославский диссидент, публицист, писатель, сын русских эмигрантов, дважды сидел в тюрьме в Югославии, с 1978 года преподавал в университетах США.

Геллер Михаил Яковлевич (1922–1997) — историк, критик, публицист, советский заключенный (1950–1957), в 1963 году эмигрировал в Польшу, затем жил в Париже. Автор фундаментальных исторических трудов, например многотомной истории СССР «Утопия у власти» (совместно с А. Некричем).

Речь идет о статьях: *Михайлов М*. Возвращение Великого Инквизитора // Континент. 1981. № 28. С. 181–211; *Геллер М*. Время бросать камни? // Там же. С. 212–220.

[4] *Трепов* Федор Федорович (1809–1889) — генерал-адъютант (1867), генерал-от-кавалерии (1878), с 1873 по 1878 год — санкт-петербургский градоначальник с правами губернатора; при нем проложен водопровод из центра на Васильевский остров, Петербургскую и Выборгскую стороны, основаны железопрокатный, проволочный, вагоностроительный заводы, открыты Александровский сад, гостиница «Европейская», бульвар на Малой Конюшенной, памятники А.С. Пушкину и Екатерине II. С апреля 1863 года в России действовал закон о запрете телесных наказаний. Приказ Ф.Ф. Трепова (1877) подвергнуть порке заключенного студента А.С. Боголюбова был нарушением этого закона.

Засулич Вера Ивановна (1849–1919) — народница, примыкала к нечаевцам, бакунинцам, затем к марксистам, вошла в группу «Освобождение труда». В феврале 1878 года пришла на прием к Ф.Ф. Трепову, выстрелила дважды в живот, тяжело ранив. Через два месяца была полностью оправдана судом присяжных (судья А.Ф. Кони), в тот же день уехала в Швейцарию. Участвовала в российских революциях 1905 и 1917 годов на позициях меньшевиков.

[5] *Житков* Борис Степанович (1882–1938) — писатель, педагог, путешественник, естествоиспытатель; автор романа о революции 1905 года «Виктор Вавич», циклов детских рассказов «Что я видел», «Что бывало».

[6] Солженицын не раз высоко отзывался о литературе «писателей-деревенщиков» (см., напр.: *Солженицын А.* Беседа со студентами-славистами в Цюрихском университете // *Публицистика.* Т. 2. С. 224–226), но здесь, вероятно, имеется в виду вышеупомянутое радиоинтервью Би-би-си (см. выше, примеч. 2), ответ на вопрос о состоянии литературы в СССР (см.: *Публицистика*. Т. 2. С. 489–491).

[7] Имеется в виду Полное собрание сочинений Достоевского в 30 томах (Л.: Наука, 1972–1990), выходившее под редакцией Г.М. Фридлендера (1915–1995).

В 22-й том вошел «Дневник писателя» за январь – апрель 1876 года.

[8] *Карякин* Юрий Федорович (1930–2011) — литературовед, специалист по Достоевскому, публицист, общественный деятель.

[9] *Шилов* Лев Алексеевич (1932–2004) — звукоархивист, сотрудник Литературного музея. В 1970–80-е годы выступал с циклом лекций о писателях. Эти лекции собирали большие аудитории и были встречены с огромным интересом.

[10] *Непомнящий* Валентин Семенович (р. 1934) — литературовед, пушкинист.

[11] Сеть фирменных магазинов «Березка», где товары продавались привилегированным гражданам за валюту. Располагались в крупных городах и некоторых портах. Существовала в СССР с 1964 по 1988 год.

[12] *Е.Г. и Н.А.* — Ефим Григорьевич Эткинд и Никита Алексеевич Струве.

9. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

22 марта 1982. Вермонт

[*Телеграмма*]

Дорогая Лидия Корнеевна!

Сердечно поздравляю Вас с Вашим 75-летием и желаю ещё долгой жизни. Всегда радуюсь Вашей самоотверженной преданности русской литературе и Вашему собственному вкладу в неё, через все тяжести и сопротивления жизни. Вместе с Вами верю в воскрешение русской литературы.

Любящий Вас *Солженицын*
22 марта 1982

10. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

31 мая 1982. Вермонт

31.5.82

Дорогая Лидия Корнеевна!

Много месяцев не было у нас путей связи — и только теперь могу отозваться на Ваше от 14.12, когда уже сильно поостыло. Зато надеюсь, если всё будет благополучно — до конца года снабдить Вас комплектом моих томиков-малышек.

Надеюсь, каким-нибудь образом, не по телеграфу конечно — но по радио? но из «Русской мысли»? — до Вас дошла моя телеграмма к Вашему 75-летию?[1] Рад узнать, что Вы продолжаете «Записки» — хоть и впрок. От души желаю Вам работоспособности!

По спорным вопросам — кратко. Что права предполагают *не меньше* того обязанностей — это перестали говорить (и думать?). Сахаров даёт формулу: «идеология прав человека», а это — что? Анархизм, ничто другое, мы его уже видели в 1917. (Потому нельзя кратко сказать о «падении самодержавия» — у меня написано о том 8 томов, больше 6000 страниц. Дай Бог прочтёте когда, и я приеду — тогда можно поговорить.) — Государство должно быть достойно защиты? А например, американское — достойно? А его молодёжь не хочет защищать, только за хорошие деньги. — Что значит «выздоровление России»? — в самом простом смысле, как человека: излечиться от болезней и вырождения (по сегодняшнему демографическому вырождению русским угрожает исчезнуть к XXII веку). Здоровья телу — детскому, женскому и мужскому. Нерахитичности. Неалкоголизму. Продлению жизни. Отказу от гадких привычек и появлению духовных потребностей. Не известно, приведёт ли быстрый парламентаризм именно к этому пути. Почитали бы Вы американские еврейские газеты: они с опозданием в несколько лет повторяют *мою* безжалостную критику Америки[2]. — Террор? да, от начала века, конечно, развились и «усовершенствовались», но и «Медведь» Соколов убил 32 невинных на даче Столыпина и не сожалел[3]. — А нынешние, хотя бы итальянские, смерти о-о-о-чень боятся! — да только кроме Турции нигде их не казнят. — Совершенно с Вами согласен, что эмигрантская литература ушла в дешёвое «самовыражение» (и в мат, и в распущенность), а отечественного культурного процесса не ценят и не замечают даже. Не хватает любви к отечеству и ответственности. Впрочем, «Время и мы» не обязано, ибо это журнал — израильский, а не русский.

С переводами — вообще *катастрофа*, об этом много бы рассказывать.

Обнимаю Вас!

Ваш *А.С.*

[1] См.: Русская мысль. Париж, 1982. 8 апр. С. 1. (См. также примеч. 6 к письму 6.)

[2] Солженицына-изгнанника огорчало выветривание на Западе высоких форм свободы, оттеснение нравственных понятий понятиями юридическими, и он не раз выражал это публично: «Всю жизнь проведя под коммунизмом, я скажу: ужасно то общество, в котором вовсе нет безпристрастных юридических весов. Но общество, в котором нет других весов, кроме юридических, тоже мало достойно человека». В этой критике он не был поддержан публицистами «третьей волны», однако в статье «Наши плюралисты» (1982) отмечал, что в газетах «третьей, еврейской, эмиграции в Штаты… круг авторов, а значит и читателей, далеко обогнал наших плюралистов в понимании Запада. Они — всё яснее видят язвы Америки и всё отчётливей о них говорят» (*Вестник*. 1983. № 139. См. также: *Публицистика*. Т. 1. С. 406–444).

[3] См. примеч. 9 к письму 7 (от 31 августа 1981).

11. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

29 июля 1982. Москва

29/VII 82. Москва

Да, дорогой Александр Исаевич, я и слышала и видела Ваше поздравление к моему грустному дню, и была счастлива и горда Вашим откликом. Признаюсь, не очень много у меня радостей, а это была радость. И вот Ваше письмо от 31/V. Каждый раз, как я беру в руки Ваши листки, мне кажется, что этого не может быть и что это, во всяком случае, в последний раз.

Спасибо и за обещание прислать книжки. Мне они необходимы. Но — сомневаюсь, не очень-то верю. До Москвы-то они дойдут, но дойдут ли до меня? Буду надеяться и ждать.

О да, я тоже всей душой хотела бы, чтобы Россия излечилась от своих болезней, а все другие страны — от своих, но мне не дано видеть пути излечения. Понимая собственную беспомощность, я пытаюсь понять, что надлежит делать м н е, хотя бы мне самой, и то не умею… Здесь болезней все больше, здоровья все меньше. Совершенно, например, расхворался язык — а ведь это страшный признак, вроде сыпи при скарлатине. Л. нашла в газете: «обнаружено недовложение свеклы в борщ». Телефонистка, в ответ на вопрос: почему не дают заказанный номер? отвечает: «у нас неограниченная ожидаемость». Судя по языку, Россия выродится и исчезнет гораздо раньше XXII века. Я взяла в руки «Сахаровский сборник»[1] (когда он составлялся, я его не видела) и с отчаянием прочитала: «процесс над», «контроль вооружений», «смириться с», «идея об», «поменять одно на другое» и т.д. Интеллигентные люди спокойно перенимают чиновничьи и радиообороты и разговаривают так: «Куда вы собираетесь летом? — Мы планируем на Кавказ».

Спорить о правах человека, думаю, нам с Вами и в самом деле не стоит. Прежде всего, потому, что (Вы наверное согласитесь со мною) поговорка

«истина рождается в спорах» — совершенно ложная. Истина, как и ребенок, не от спора рождается. Так что — не стоит. Тем более, что, если бы вы были *здесь* — и пока Вы были *здесь*! — Вы и сочувствовали этой борьбе, и вели ее. Ну так вот: быть может, А.Д. философски с недостаточной точностью формулирует свои мысли, но борьба его — «за правое дело». И подвижничество его неоспоримо. Шпаны вокруг много — но таков удел всякого не только великого, но и просто знаменитого человека. И «западничество» его — это такая русская черта! И я по-прежнему чувствую — какая беда происходит от Вашего душевного разлада — беда для вас обоих и для многих и многих, любящих Вас и его. Ведь в сознании тысяч людей вы — некое единство, и обе ваши фамилии произносятся единым дыханием, слитно.

Что меня потрясло — среди многих потрясающих событий — это дело Хинкли. Мне кажется, судью и присяжных следует отправить в сумасшедший дом. Их решение — это уж совсем по Алексею Конст. Толстому:

Хоть убил, — говорят, — не виновен ни в чем[2].

Ведь первое, что они обязаны были сказать, это: «да, виновен, да, преступен» — а потом уже можно устанавливать, достоин ли снисхождения. Они же совершенно утратили нравственный компас. И что за идиотская формула: «в момент покушения он был психически невменяем». Да кто же в тот момент, когда идет на смерть — свою и чужую — бывает «психически вменяем»? Надеюсь, приговор будет пересмотрен и нравственное чувство победит[3].

Читали ли Вы в журнале «Дружба народов» маленькую повесть Можаева? Это прелесть, непременно прочтите. Ни единого грана неправды (неправдой он отделывается в послесловии). Каков у него вор — Чиженок! Каковы вообще люди, обыватели маленького советского городка! Каждый характер — правда, каждый эпизод видишь. Прочтите скорее — «Дружба народов», № 6[4], единственное, чего не хватает Борису Андреевичу — это гоголевского умения угадывать в каждом заурядном и падшем человеке минуты духовного прозрения, взлета — вспомните Чичикова — уж куда ниже! — что видит он за плечами 16-летней девушки. Одна минута — и он снова погружается в грязь. Но она все же была, эта минута…

Вы пишете, что «Время и мы» израильский журнал и потому не обязан интересоваться здешним культурным процессом. Не знаю. Думаю, он формально израильский, а выпускают его ровно такие самые москвичи, как и те, что выпускают, например, «Континент», — приехавшие отсюда кто в Париж, кто в Бостон, кто в Израиль. Я, правда, редко вижу все тамошние журналы, но «Время и мы» числю русским, издающимся «американцами русского происхождения».

Обнимаю Вас. Жду, жду, жду обещанные книги.

Л.Ч.

[1] Сахаровский сборник / сост. А. Бабенышев, Р. Лерт, Е. Печуро. [N.Y.]: Khronika Press, 1981.

[2] Строка из стихотворения А.К. Толстого «Поток-богатырь» (1871).

[3] О покушении Джона Хинкли на президента Рейгана 30 марта 1981 года см. примеч. 3 к письму **5** (от 28 апреля 1981). Спустя 15 месяцев, 21 июня 1982 года, суд признал Хинкли невиновным по причине невменяемости и приговорил его к принудительному лечению в госпитале Св. Елизаветы в Вашингтоне, где он находился до 10 сентября 2016 года, когда вышел на свободу (согласно решению суда: «больше не опасен»).

[4] Повесть Бориса Можаева «Полтора квадратных метра» напечатана в № 4 журнала «Дружба народов» за 1982 год.

12. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

27 января 1983. Переделкино

27/I 83
Переделкино

Дорогой Александр Исаевич. Прочла я тот отрывок из Вашего письма, в котором Вы говорите о «Новом мире», о Лакшине и Твардовском…[1] Что ответить? Трудно, потому что здешняя действительность, сейчасная, трудно изобразима, и даже Вы, с Вашим опытом и Вашею зоркостью, вряд ли в силах *точно* представить себе, каким эхом отдается здесь каждое Ваше *тамошнее* слово… Навещала я однажды Вениамина Александровича[2]. Он очень стар и очень болен. Он с Лакшиным дружен, а после подленькой статейки Лакшина «в защиту Твардовского»[3] — был мною предупрежден, что я встречаться с Лакшиным не желаю. Ну вот, пьем чай, В.А. меня спрашивает: «Л.К., Лакшин говорит, что А.И. перед ним извинился, правда это?» Я: «Ничего такого не читала, не слыхала, но думаю, что А.И. не в чем перед Лакшиным извиняться». (В общем, по одесскому анекдоту: «Наверное не скажу, но, по всей вероятности, навряд ли»…) Ну вот. А через месяц (или два, не помню) дали мне на денек Ваши добавления к «Теленку»… Читала, не понимая, зачем все это написано, пока не дочитала до последних абзацев: написано, чтобы упрекнуть нашу распутную тамошнюю журналистику, которая и меня доводит до бешенства — и, главное, до того, что я бросила ее читать. Основного русского языка они не знают, пишут на радио-газетном (я даже завела особую тетрадку и собираю перлы); редакторского искусства нет никакого (оно вообще — одно из редчайших); вкуса — нет (о направлении скажу ниже, когда перейду к плюралистам). Первый, кого я возненавидела, был Синявский — сразу, чуть прочла его статьи в «Континенте» (писала тогда Вам об этом), и уж насмерть — когда прочла подлую, лживую, наглую книжонку о Пушкине[4]. Я тогда написала на титуле «Нельзя ли для прогулок / Подальше выбрать закоулок. Фамусов». И приписала: «Лучше быть Фамусовым, чем секундантом

г-на Жоржа Дантеса». И подарила книжонку Льву[5], который от нее в восторге. (Как и многие…) Все дело в стиле, в тоне письма. Не любишь Пушкина? Не люби, дело твое. Но он издевается не только над его стихами (шулерски их перетолковывая), а и над кончиной… С тех пор ни его книг, ни журнала в руки не беру: грязь.

Итак, Вам справедливо захотелось попрекнуть тамошнюю журналистику — опытом Твардовского. Это я понимаю. Это заслуженно. Но прибегли Вы для этого к приемам, для меня непостижным. Твардовский в «Теленке» написан Вами во весь рост, уважительно и с любовью. Отношения между этажами в «Новом мире» написаны *верно* (это подтверждают все «новомирцы»). Я по-прежнему думаю, что — когда разгоняли «Новый мир», когда надежды выжить не было уже *никакой*, а внизу бурлили и кипели возмущенные и любящие люди — достойнее было бы составить вместе с ними протестующий документ, чем сидеть у себя в кресле и ждать звонка от Воронкова[6]. *След* главного своего укора надо было оставить. Повредить «Новому миру» это уже не могло, потому что судьба его была уже решена; и боялся тогда Твардовский уже не за журнал, а за свой партбилет… И зачем было, после разгона, идти на какой-то очередной съезд и фотографироваться там с какою-то швалью — не то с Грибачевым[7], не то еще с кем-то? Это уж не ради «устойчивости журнала» делалось, а только ради своей партийной устойчивости.

Не согласился он в сейфе держать «Круг», и Вы этим его зря попрекнули? А теперь пожелали этот упрек снять? Ну что ж, захотелось Вам в своей ошибке покаяться — это делает Вам честь. Но перед Лакшиным Вам каяться не в чем, и на Асю взводить, будто она давала Вам какие-то неточные, неверные сведения… Это зачем? Лакшину до сих пор хорошо платят за то, что он «защитил Твардовского от клеветы Солженицына» (через день — его сытая физиономия, вполне ихняя — на телевидении), Асе же до сих пор не дают работы — за то, что она всею душой (и по правде) «помогала Солженицыну». Она почти слепа, с трудом ходит, денег нет совсем. Никогда, ни на минуту, она от Вас не отказалась, ни разу в своей помощи Вам не покаялась. А Ваши «добавления» ее ранили тяжело. Ведь все знают, что сведения о внутренних делах «Нового мира» Вы получали именно от нее, от Аси…[8] Я понимаю, Вы такого отзвука на свои «дополнения» не ожидали, не хотели — но — он таков.

Перехожу к Вашим — «Нашим — плюралистам»[9]. Начну со смешного совпадения. Несколько месяцев тому назад я в двух письмах к двоим своим друзьям, живущим теперь на Западе, написала, что от термина «плюрализм» меня тошнит. Почему? А вот почему: плюралистическим, по моему убеждению, непременно быть должно *общество*, а плюралистический человек — это чепуха. Для того-то общество и должно сохраняться в плюра-

листическом состоянии, — писала я, — чтобы мог воспитываться очень *определенный* человек. С *определенными* убеждениями, стойкими, твердыми: нравственными, художественными, политическими. Для того и нужно разнообразие свободно выражаемых мыслей, чтобы человек, хотя бы к середине своего жизненного пути, мог что-то отвергнуть, что-то принять, т.е. выработать *себя*, *личность*. Плюралистическое *общество* учит также человека быть внимательным к чужому мнению, уважать чужие пути. Но человек, который столь плюралистичен, что ни в чем не уверен и готов в любую минуту *принять* чужое мнение — это просто безнравственный или пустозвонный человек. Как пример подобной безнравственности я приводила некоторые поступки нашего милого, доброго Ефима Григорьевича. Писала я так: «Еф. Гр. трудился несколько лет над переводами стихов Пушкина на французский язык. Работа каторжная (и безнадежная, но сейчас речь не о том); Еф. Гр. читает о Пушкине лекции в университете… и то и другое — доказывает его любовь к Пушкину. Так как же мог он сойтись с Синявским и опубликовать в “Синтаксисе” статью о Пушкине прохвоста Андрея Кленова?[10] Это не плюрализм, — писала я, — это безнравственность полная».

Писала, ничего не зная, ведать не ведая о Вашем памфлете. (Мои адресаты вряд ли поверят.) Прочла я его только дня 3 назад. К сожалению, в собственности у меня его нету — потому простите, если я буду цитировать Вас по памяти, не точно, как поняла и как запомнила.

По существу Вы правы. Примеры, приводимые Вами, убийственны для Ваших оппонентов. Пустозвонства и самоутверждения у них много, познаний мало, да и просто ума. Любовь к России, жалость к уничтожаемому народу? Может быть, у некоторых и есть, но ведь они — дети другой России, чем Вы, Александр Исаевич, и требовать от них любви к той, Вашей, не совсем справедливо. Языка не знают вовсе — а откуда бы им знать его? И кто сейчас его знает — в эмиграции или дома? На испорченном языке пишут и говорят не только в Париже или в Бостоне, но и в Москве и в захолустье. (Это и есть, на мой взгляд, главный из внешних признаков *умирания* русского народа, о котором Вы пишете.) Вообще *умирает* народ наш, распадается страна, и

Тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
И клонятся головы ниже…[11]

да, так и есть, и не спится от этого, и голова, понуренная, мутна.

Перехожу к тому, в чем с Вами не согласна или согласна не совсем. В Советском Союзе каждый человек и все вместе лишены прав. Пока Вы жили здесь, Вы были мастером «качать права». Это естественно. Теперь Вы живете там, где прав слишком много, а обязанностей маловато. Вы стали мастером

«качать обязанности»… Но мы-то остались здесь! А у меня чувство такое, что Вы не уважаете теперь тех здешних деятелей, которые продолжают «качать права». Не в смысле «соблюдения законов» или «защиты конституции» — этим уже не занят никто, — а просто в смысле защиты *людей*.

<…>

О феврале с Вами спорить не стану — не вооружена, чувствую себя невеждой. Опереться на память? В том кругу, где я жила, все были счастливы падением самодержавия. От всего дворцово-церковного разило пошлостью. (И кровью страстотерпцев, которых убивали *с детьми* 9 января.) Примечание: Убийство царской семьи — одно из самых чудовищных зверств. Оно показывает уровень бесчеловечья новых властителей. Царя и царицу следовало судить, а детей отправить за рубежи. Убийство царской семьи — гнусность, но убийство рабочих — тоже. Но мне было тогда 10 лет. А потом я 17-м годом не занималась (несла его последствия на себе, попав в тюрьму и ссылку девятнадцати лет).

Итак, о феврале я с Вами не спорю — образования не хватает. Отчего молчат все? Думаю, обсуждать Вашу грандиозную эпопею по *частям* — было бы очередным легкомыслием. *Вся* Ваша мысль, целиком, — о прошлом и будущем России — не в отдельных Узлах она заключена. (Ведь когда Вы влезаете в шкуру Николая II или Александры Федоровны — Вы думаете *их* мыслями, а не своими…) Как же Вас *окончательно* понять? С чем именно спорить? Ну хорошо, Вы правы: плюралисты и просто негодяи нарочно искажают Ваши мысли и слова, выдергивают цитаты и пр. Это — мошенники. Но представьте себе *честного* критика. Ведь Вы в своих статьях и в романе НЕ договариваете — умышленно или нет, не знаю, — и из-за Ваших недомолвок возникают кривотолки. Когда (10 лет назад!) меня исключали из Союза, Грибачев кричал: «Ваш Солженицын мечтает о батюшке-царе». Я ему: «Помилуйте! Да у него в “Августе 14-го” Николай II бездушен, и бездумен, и бездарен, и чем генералы ближе к престолу, тем бездарнее». Так я отвечала тогда. А теперь спросить меня: «Ну вот, Александр Исаевич хочет, чтобы религия торжествовала, чтобы Церковь открыто и свободно проповедовала слово Божье — а — как насчет царя? Солженицын монархист или нет?» Я не знаю. Вы желаете России «выздоровления». Я тоже. Не через переворот. Я тоже. Вы против теократии. Я тоже. Но входит ли в программу выздоровления — монархия? Для меня — нет, а как для Вас? Не знаю. Вы — молчите.

В своем ответе плюралистам Вы верно пишете, что не кровь характеризует человека, а степень его принадлежности к преемственной духовной культуре. Святые слова. Но зачем же в «Ленине» Вы сообщили нам, каков в Ленине % русской и не русской крови? (Лучше бы: сколько % ге-

моглобина и лейкоцитов, это яснее очертило бы стороны его характера.) Я Вашего «Ленина в Цюрихе» очень люблю, а внимания к крови — не понимаю.

В статье «Наши плюралисты» Вы, по-моему, опять и опять неверно трактуете 37 год. (Я сейчас кончила большую книгу о нем, но публиковать не собираюсь.) По-Вашему, это был год расправы Сталина с оппозицией. Неверно. Сталин убил Кирова, чтобы расправиться с оппозицией (и параллельно выслал из Ленинграда тысячи дворян, как «питательную среду для контрреволюционеров»). Расправа с оппозицией — 35 год, 36. А с осени 36 по осень 38 — «ежовщина» — это была массовая облава на горожан, вообще горожан, преимущественно беспартийных. (Аресты в редакции Маршака и близ нее: 13 человек, из них партийных — двое.) Да и в многотысячных очередях, в которых я стояла, подавляющее большинство — жены беспартийных. Не об оппозиционерах рыдания Ахматовой: «Это было, когда улыбался / Только мертвый, бесчувствию рад, / И ненужным привеском болтался / Возле тюрем своих Ленинград. / И когда, обезумев от муки, / Шли уже осужденных полки / И короткую песню разлуки / Паровозные пели гудки»[12]. Что же — эти «полки» — эти десятки и сотни тысяч — это все были оппозиционеры?.. Нет. И потому тогдашние люди не понимали происходившего (и даже Вы не понимаете до сих пор), что смысл тогдашнего организованного кровавого хаоса был: бессмыслица. Человеческий разум привык искать причинно-следственных связей, а тут их *не было* (об *этом* — моя «Софья Петровна»). Именно эта бессмыслица и сбивала с толку общество. «Нет, не может быть, чтоб брали людей *просто так*. Наверное что-то есть». А причины *не было* никакой, и вели облаву так: уничтожали эсперантистов, писателей, чистильщиков сапог, физиков, завмагов, директоров заводов, домохозяек, студентов, поляков… Да, были и крупные обкомовцы и райкомовцы, но из них полка не составишь. В Вашей фразе: «заметили только 37 год», «расправу с оппозицией», «космополитизм» и «дело врачей» таится какое-то неудовольствие. В интонации. Понимаю: Вы перед этим пишете, что НЕ заметили раскулачивания… Упрек Ваш вполне справедлив: горожане мало чем связаны были с деревней, и это — трагедия и грех. Но слава Богу, что 37 «заметили», и «космополитизм», и «дело врачей». Многие жаждали *и этого не заметить*… А заметить следовало: каждое из этих явлений было кровавым, грозным тело- и душевредительством. И было им.

Еще мелочь: Вы пишете, что незачем нам обращаться к Западу, Запад еле на ногах стоит. Верю. Но когда я писала свои открытые письма — еще не глушили радио, и голос мой, через западные станции, доходил до *здешних* людей. Отклик я получала большой. Да и не во мне дело. До начала 70-х годов вслушивались во все протестующие голоса. Самиздат расходился не в 4 экземплярах, как теперь! а в тысячах. Ну, да Вы сами помните. А сейчас к

Самиздату общество глухо, да и к Тамиздату не очень-то (глухота взаимная: Тамиздатские журналы прилетают как бы с Луны).

<…>

Обнимаю Вас. Не сердитесь, если сказала что не так. Примите поздравления с 65-летием.

Л.Ч.

P.S. На месте русских писателей, находящихся за границей, я образовала бы Общество охраны авторских прав — в защиту тех, кто работает здесь, а печатается там.

P.P.S. Скоро 10 лет, как мы не виделись.

---

[1] Неточность Л.К.: речь идет не о письме, а о трех небольших отрывках из — как тогда предполагал А.С. — следующих Дополнений к «Телёнку»: «Аппенцель», «Ещё о “Новом мире”», «…Но, по русской пословице…» (Отрывки из второго тома «Очерков литературной жизни» [«Бодался теленок с дубом»] // *Вестник*. 1982. № 137. С. 120–130). Впоследствии эти отрывки вошли в книгу «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания» (см.: *НМ.* 1999. № 2. С. 93–97 (ч. 1, гл. 4: В Пяти ручьях); *НМ.* 2000. № 9. С. 129–130 (ч. 2, гл. 6: Русская боль)).

[2] *Вениамин Александрович* — В.А. Каверин (1902–1989), писатель, друг и сосед Л.К. по Переделкину.

[3] *Лакшин В.* Солженицын, Твардовский и «Новый мир» // Двадцатый век: обществ.-полит. и лит. альм. 1977. № 2. С. 151–218. Также см. письмо 2 от 1 июня 1977 (Солженицынские тетради. 2014. Вып. 3. С. 14–15).

[4] *Терц А.* <А.Д. Синявский>. Прогулки с Пушкиным. L.: Overseas Publications Interchange, 1975.

[5] Лев Зиновьевич Копелев. См. примеч. 11 к письму **2** (18 апреля 1980).

[6] *Воронков* Константин Васильевич (1911–1984) — секретарь правления Союза писателей СССР (1959–1979).

[7] *Грибачев* Николай Матвеевич (1910–1992) — поэт, один из функционеров Союза писателей.

[8] *Ася* — Анна Самойловна Берзер (1917–1994), редактор отдела прозы «Нового мира». О ее исключительной роли в судьбе «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицын пишет в «Теленке» (*БТД*. Обнаруживаясь. С. 24–25). В отрывке «Еще о “Новом мире”» Солженицын, в частности, пишет: «Лакшин, очевидно, прав, коря меня, что о внутренней обстановке “Нового мира” я судил по слишком беглым своим, всегда налету, впечатлениям, да по недостаточно проверенным рассказам сотрудников. Допускаю, что я весьма неполно вник в соотношение “1-го” и “2-го” этажей».

[9] См. примеч. 2 к письму **10** (от 31 мая 1982).

[10] Упомянута статья: *Клёнов А.Н.* Пушкин без конца // Синтаксис. Париж, 1982. № 10. С. 90–131.

[11] Строки из стихотворного цикла Анны Ахматовой «В сороковом году» (1).

[12] Начальные строки «Вступления» к «Реквиему» Анны Ахматовой. В каноническом тексте во второй строке «…спокойствию рад».

13. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

28 мая 1984. Вермонт

28.5.84

Дорогая Лидия Корнеевна!

Прерывалась у нас возможность посылки писем, отвечаю только сейчас на Ваше от [27] января.

Мой отрывок о «Новом мире» конечно не был никаким «извинением перед Лакшиным», это уж он бесстыдно извращает, только потому, что я прямыми словами не назвал его жуликом и мерзавцем? но я же показываю, как он жульничает с цитатами, как подлаживается к режиму и убог мыслями. Но — вовсе и не для «подколки» эмигрантским журналам написаны эти страницы, Вы тоже не так поняли, из-за такой мелочи не стал бы я огород городить. Они написаны действительно как извинение, но перед Твардовским. Во всей нашей дружбе-столкновениях я всегда считал (и так написан «Телёнок»), что я — верней оценивал обстановку, чем он. А с годами — среди мерзости эмигрантской псевдо-литературы (литературное разложение и совсем не продолжение той русской литературы, как мы её понимаем) я увидел: было и такое, что он понимал, а я — нет. Для меня все помехи сводились к цензуре, и я считал, что надо взрывать её всеми возможными способами. А он — понимал опасность той безответственности, которая вот сейчас и захлестнула нас. И в этом смысле он видел дальше меня. И осуществлял эту политику в ряде мелочей, которых я и не понимал в «соотношении 2-го и 1-го этажа», а «2-й этаж» — это прежде всего сам Твардовский. Ещё лет 10–15, и это расщепление литературного понимания станет ясней. Советская цензура когда-нибудь и оборвётся — а вот восстановится ли наша литература?[1]

Только в этом году я прочёл «Прогулки» Синявского и устыдился за всех нас, что мы 8 лет сносим эту пощёчину — и решил ответить. (Это пока между нами. Будет скоро.) Очень рад, что мы с Вами сходимся в отвращении к этому опусу. И я тоже удивляюсь, как Эткинд спокойно проглотил поношение Пушкина.

Ваша мысль о невозможности и пагубности «плюралистического человека» очень хорошо сформулирована. Верно! (Упустил я сказать такое в статье.)

И очень Вы правы относительно важности редактуры и редкости этих качеств. Эмигрантские книги — совсем безредакторные, это верно, а то могли бы быть получше. К моему счастью, Аля — как раз первоклассный редактор, и в моём одиночестве, где так легко сорваться, очень сильно мне помогла, выручила.

Февральской революцией у Вас, конечно, уже нет времени заниматься, я Вас и не призываю. Но поразительно, что и *никто* в стране и в эмиграции ею

не занимается, она слишком заслонена последующими событиями. А между тем она — главное событие мирового XX века и со своими *неизбежными* продолжениями нисколько не уступает французской 1789–93 и дальше. И октябрьский переворот и *всё* сегодняшнее наше есть *прямое* и *неотвратимое* следствие Февральской революции. А началась она, безошибочно можно сказать, с 1901–02–03 годов.

Но очень меня удивил Ваш упрёк, что я «молчу, уклоняюсь сказать о монархии». От кого угодно ожидал бы, но не от Вас. Ведь я не политическую программу для будущего пишу, а художественно описываю события прошлого. Я и описываю и нашу думскую монархию, и нашего монарха такими, какими они были, и последовательно все события с ними. Во 2-м томе «Августа» об этом много. В «Октябре» добавится и спор персонажей о монархии и республике — но я не навязываю читателю никакой точки зрения. А с «Марта» и в «Апреле» я широко описываю так называемое народовластие, как оно конкретно проявилось, читатель может всё сам сравнить.

Если же бы (но это — не моя работа) я писал бы программу для будущего, то прежде всего я отодвинул бы вопрос *формы* государственного строя на 3-е или 4-е место: не ею и не постоянной политической лихорадкой должна определяться наша жизнь на земле. Важна *суть*: делается или не делается всё для народного благосостояния, здравия и естественного развития. Это может быть достигнуто при весьма разных формах, и в каждой стране есть свои склонности и свои размеры. А в управлении главное — предусмотреть, чтоб и районом, и областью, затем и центром управляли бы *местные* люди, связанные со своими местностями, а не — 500 столичных болтунов, большей частью адвокатов и журналистов, которые честолюбиво ищут только следующего переизбрания, а вовсе не народного блага.

Ещё один Ваш упрёк меня удивил: «неуважение к тем, кто лишен прав в Союзе»? Что же можно было сделать больше, чем напечатать «Архипелаг», а затем учредить Фонд помощи преследуемым, да действовать под советской властью? Кто сделал больше? Только вот упущено: что «права» не только у диссидентов, но у миллионов «бытовиков», зажатых бытовыми статьями, их миллионы, мы их не знаем и не помогаем. Так такое «неуважение» разрешите вручить и всем тем, кто «уважает» одну свободу слова да эмиграцию.

О Ленине. К этому месту все придрались совершенно предвзято, а многие и злонамеренно. Из *всего* моего повествования ясно, что Ленин *именно духовно никак* не связан с Россией, не впитал из неё, из истории, из духа — ничего, он сплетён из марксизма и бланкизма, и ему всё равно, где жить и делать революцию — в Швейцарии, Швеции или Соединённых Штатах. И в раздражённом внутреннем монологе он спрашивает сам себя: да что, в конце концов, его связывает с этой идиотской страной, неужели четвертушка крови? Ответ ясный: *ничто* не связывает, и эта четвертушка тоже.

<…>

О 1937-м — ну, это я выразился неудачно, его массовый характер я отразил в «Архипелаге» достаточно.

Желаю успеха в отстаивании дачи.

Всего Вам доброго, светлого и прежде всего — здоровья, сколько можно.

Ваш *А. Солженицын*

---

[1] В конце главки «Ещё о “Новом мире”» Солженицын пишет: «После годов глубокого одиночества — вне родины, и вне эмиграции, — я увидел Твардовского ещё по-новому, то есть разглядел, чего не видел рядом с ним и в пылу борьбы… У Твардовского был спокойный иммунитет к фальшивой безответственной новизне… Он и тогда видел, что цензура — не единственная опасность для литературы» (*Вестник*. 1982. № 137. С. 130).

14. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

4 августа 1984. Москва

4/VIII 84

Дорогой Александр Исаевич. Вы пишете: «Советская цензура когда-нибудь прекратится, а вот восстановится ли когда-нибудь наша литература?» Хочу открыть Вам один секрет: наша литература никогда, на мой взгляд, не прерывалась. Ее убивали, ее искажали, ее замусоривали, ее заражали дурными болезнями — но не прекращалась она никогда. Ни на одно десятилетие. Конечно, не каждое десятилетие рождало звезды или целые созвездия исполинов, но ведь беспрерывного цветения ни от какой литературы и нигде в мире требовать нельзя. И сейчас она п р о д о л ж а е т с я. Во всяком случае — здесь. (Эмигрантскую не читаю, потому что она почти не доходит, а когда доходит — у меня решительно нету времени.) Здесь же она жива — у одних в ящике стола, а у других — случается такое — и в напечатанных книгах. При всем своем пессимизме, я думаю, что клятва Ахматовой: «И мы сохраним тебя, русская речь, Великое русское слово»[1] — будет выполнена.

Что касается эмиграции, то я не делю ее на 1-ю, 2-ю и 3-ю. Да, конечно, «волны» разные, и брызги разные. Но к сожалению, у всех трех есть одна общая черта: быстро возникающая «психическая даль» между ними и «материком». Вглядываясь в покинутую родину, они — наперекор поговорке — из-за леса не видят деревьев. Так, чохом, они зачеркнули и вычеркнули всю русскую жизнь с 17 года по нынешний год. Разумеется, 1000 лет несравненно значительнее, чем несчастные 67. Но из песни слова не выкинешь. «Но песня — песнью все пребудет / В толпе всё кто-нибудь поет»[2]. И эту песню требуется с л ы ш а т ь, р а с с л ы ш и в а т ь. А для этого — не знаю уж, ка-

кой чуткостью слуха надо обладать. Заняты перебранкой между собою, политикой, политиканством, заработком, диалогом «Восток — Запад», — они находят для нашей жизни только слова унижения и оскорбления. А я опять прибегну к Блоку: «Ведь, право, может только хам / Над русской жизнью издеваться»[3]. Над русско-советской жизнью издеваться легко; расслышать ее — гораздо труднее… Кое-что можно было бы расслышать сквозь выходящие здесь книги, но они среди русских эмигрантов обсуждению не подлежат. А я вот читаю и перечитываю книгу стихов М. Петровых[4], стихи Чухонцева[5], книгу Непомнящего о Пушкине[6]; прочла кое-что «из стола» — и — и — не теряю надежды. (А я ведь и за здешней литературой не имею возможности следить, это я назвала Вам случайно прочтенные книги.) Что касается свободы слова — то *без нее* вообще *ничего* совершиться не может; ни художество, ни проповедь. Она не цель, а средство. Конечно, если это средство используется для того, чтобы употреблять в печати словцо «*дерьмократия*» — то лучше бы свободы слова не существовало. Дальше уже остается только заборная брань. (Но существует ли в демократических странах священное право писать *на заборах*?) Если свобода слова приводит к появлению таких книг, как «Прогулки с Пушкиным» — то тут невольно призадумаешься. Впрочем, и в этом случае я все-таки за, потому что слыхала, что, к чести русских людей за границей, книга эта вызвала многочисленные негодующие письма, а Р. Гуль опубликовал статью под названием: «Прогулки хама с Пушкиным»…[7] А теперь вот и Вы будете возражать… Так что невольно думаю: нет, я за свободу слова!

Книга Терца о Пушкине имела здесь некоторый успех. Я же, прочитав, хотела выбросить ее в мусоропровод, но потом подарила одному из поклонников. Книга лживая, циническая. Отвратителен тон. Он извращенно толкует стихи Пушкина (например, «Бог помочь вам, друзья мои» — превращая слова «царская служба» чуть ли не в службу у Дубельта и Бенкендорфа… хотя Пушкин имел в виду своих лицейских товарищей — по-видимому дипломата Горчакова или адмирала Матюшкина — да и вообще ведь всякая государственная служба тогда была царской (и Лермонтов написал о полковнике: «Полковник наш рожден был хватом. Слуга царю, отец солдатам». И это не значило, что полковник служил в III отделении). Даже если бы Пушкин был не Пушкин, а Чушкин — в чем хочет нас уверить Терц, — то и тогда не постыдно ли смеяться («судьба выкинула “*фольтик*”») над раной в живот! А последний абзац книги, который помню и сейчас наизусть: «прогуляться с ним стоит, а вот жить всю жизнь — нельзя»[8] имеет смысл разговора о публичной девке: «переспать с ней две ночки стоит, а вот жениться… ни за что». Тьфу.

Мне усердно объясняют, что все эти пассажи, плевки будто бы не в Пушкина, а в хрестоматийный глянец, школьные программы и казенные торжества. Ну в них и плевался бы, а при чем тут Пушкин?

Насчет Ленина и ¼ русской крови. Понимаю, что эти рассуждения не Ваши, а его внутренний монолог. Т.е. Вы думаете — *он* так думал. Вряд ли. Русская политическая интеллигенция, к которой принадлежал Владимир Ильич (как и художественная, впрочем) мало тогда рассуждала о том, какая кровь течет в ее жилах, и не рассчитывала %. Ленин думал о крови в другом смысле: о той, которая потечет, к его радости, по земле… как это у Вас и показано далее.

<…>

Над 3-м томом своих «Записок об АА» я работаю, но трудно, медленно. Уж очень он сложен, и очень уж мало осталось у меня сил. А в последнем томе столько всего! И моя работа над «Бегом времени»[9]; и «дело Бродского»; и 2 осени в Комарове, когда я жила в Доме творчества и мы виделись каждый день, и канун ее смерти, и смерть. Конечно, я *обязана* послать 3-й том туда же, куда посылала 1-й и 2-й (впрочем, может быть, и не обязана?) — но, признаюсь, думаю о предстоящей отправке (очень еще не скоро!) с отвращением. Книги выпускать на Западе, живя здесь, *немыслимо*. Сначала опасность, потом униженность и неизвестность… Пора снова, снова и снова писать и *не* печатать. (Разве что какую-нибудь мелочь.) Недавно я кончила книгу, над которой трудилась 3 года: о моем муже, о 37-м, об Институте истории искусств, о редакции Маршака и разгроме ее, о попытках спасать и спасаться; о своей тюрьме и ссылке 26–28 гг.; о маленькой Люше… О том, что мы тогда понимали, а что нет. (Вот в этом пункте не наврать очень трудно: не выдавать свое *теперешнее* понимание — за тогдашнее.) Память — опасная вещь: дает метастазы, и в книге все время оказываются отступления к отступлениям. Удачно или нет, но я рада, что *этот* свой долг перед памятью 20-х и 30-х годов, перед памятью мужа и других погибших — я выполнила… Самиздата не существует более, а печататься *там* у меня охоты нету. Что ж! Моя «Софья Петровна» пролежала без движения 27 лет, пусть и эта лежит… Еще очень хочу окончить работу над разоблачением Н.Я. Мандельштам; да ведь вычерпывать из этой лживой книги всю ее ложь — это то же, что ведром пытаться вычерпать море… Но противостоять этой лжи — дело чести, и я не теряю надежды — успеть. Затем хотелось бы расширить и углубить свои воспоминания о К.И. В общем, как видать, собираюсь жить 105 годов.

Спасибо за Ваше доброе пожелание отстоять дом. Ах, милый Александр Исаевич, Вы теперь его не узнали бы. Красив; блистает чистотой и прочностью, весь — от нового фундамента до новой крыши, снаружи и внутри *восстановлен*. (Один балкон остался недоделанным.) Работали — добровольно! — около 100 человек два лета, 82 и 83 года, отдавая этому дому все свои субботы и воскресенья. Студенты, инженеры, геологи, рабочие автозавода, сейсмологи, дворники, доктора наук — да всех и не перечесть. Разумеется, не все 100 сразу, а было одно постоянное ядро из 9 человек — остальные сменялись. И площадка костровая восстановлена — и эстрада, и скамьи, и та скамеечка, где сиде-

ла АА… Литфонд не продал нам ни одного листа железа, ни одной машины цемента или песка, ни одной доски. Мы покупали материал в других местах, а когда досок не хватило — люди сделали их сами из валяющихся деревьев. Сейчас это самый прочный и красивый дом в поселке. Посетителей столько, что одной Кларе Израилевне[10] не управиться; работают 4 экскурсовода (среди них, по воскресеньям, Люша). Лекции не дилетантские, как прежде, а разработаны для разных уровней и для разных возрастов — по-разному… Когда дом был отстроен — Литфонд велел нам выехать; когда мы отказались — подал на нас в суд. (Во все инстанции и газеты посылались письма — сотни писем.) Суд в 1-й инстанции мы выиграли… потому что суд, в полном составе, выехал «на место преступления» — т.е. осмотрел дом. Во время суда *прокурор* перешел на нашу сторону… Разумеется, это решение было отменено через 10 дней. Но мы продолжаем и будем продолжать — теперь уж и перед строителями, и перед защитниками стыдно. Разумеется, нас выселят; против мощи т. Верченко[11] всякий суд бессилен; но сколько мы увидели друзей К.И. — и какое это счастье.

Обнимаю Вас.

ЛЧ

P.S. Мы, конечно, понимаем, что главное дело — спасти дом великого поэта, но там оборона поставлена слабо, Женя уж очень оказался хлипок[12] — в отличие от Люши. Она превратилась в юриста. Очень хорошо держится в суде: я тоже говорила дважды.

P.P.S. Восстановив дом и изнывая в судах, мы продолжаем аккуратно платить арендную плату — тем, кто нас выселяет и кто довел дом до аварии.

P.P.S. Дорогой Ал. Ис., я с терпеливым нетерпением жду Вашей эпопеи в полном виде. Думаю, что о Вашей главной мысли по отрывкам, даже и завершенным, судить нельзя.

Вы правы, отвергая попытки предсказаний, каково должно быть грядущее устройство России. История непредсказуема. Правы Вы и в доверии к местной власти: она, конечно, более любяща, чем абстрактный центр. Но огромная мешалка революции, гражданской войны, мировой войны, ГУЛАГа, она так перемешала национальности и семьи, что теперь уже трудно понять, кто где местный, а кто — пришлый… Затем: и на местную власть должна быть управа… Но конечно, все эти формы выработаются только постепенно и только — работой.

Еще раз — о доме К.И. Борьба изнурила нас; я совсем больна, а Люша жива, по-моему, одним кофеем — ее замучила беготня по инстанциям, писание жалоб, стройка, служба, моя болезнь, 4 суда… Но скольких людей, мужественных и самоотверженных, мы узнали за эти тяжкие годы — и, главное, в местах совершенно неожиданных. Так, например, «средние звенья» советских учреждений — а уж сколько у нас было Комиссий! — все идут нам

навстречу, но все п а н и ч е с к и боятся… руководства СП… Злость против нашего дома со стороны СП — неистовая; я все время боюсь (против Люши) автомобильных аварий или избиения на лестнице…[13] Еще раз обнимаю.

ЛЧ

Против нас фальшивки и лжесвидетельства пущены в ход.

---

[1] Строка из стихотворения Анны Ахматовой «Мужество» (1942).

[2] Строки из поэмы А. Блока «Возмездие» (1910–1921).

[3] Там же.

[4] *Петровых* Мария Сергеевна (1908–1979) — поэт. Речь идет о недавно вышедшей книге «Предназначенье» (М.: Сов. писатель, 1983).

[5] *Чухонцев* Олег Григорьевич (р. 1938) — поэт.

[6] См. примеч. 10 к письму **8** (от 14 декабря 1981). Имеется в виду, вероятно, книга В.С. Непомнящего «Поэзия и судьба. Статьи и заметки о Пушкине» (М., 1983).

[7] *Гуль Р.* Прогулки хама с Пушкиным // Гуль Р. Одвуконь-2: Статьи. Нью-Йорк: Мост, 1982. С. 5–17.

[8] Неточные цитаты; у Синявского: «…за судьбой оставался последний выстрел… Не этот ли заключительный фортель он предчувствовал». Последний абзац: «Некоторые считают, что с Пушкиным можно жить. Не знаю, не пробовал. Гулять с ним можно» (*Терц А.* <А.Д. Синявский>. Прогулки с Пушкиным. L.: Overseas Publications Interchange, 1975).

[9] Л.К. много помогала Анне Ахматовой в составлении этого сборника (подробнее см.: *Записки*. Т. 2).

[10] *Клара Израилевна* Лозовская (1924–2011) — секретарь К.И. Чуковского, в 1970-е годы — сотрудница его переделкинского музея.

[11] *Верченко* Юрий Николаевич (1930–1994) — оргсекретарь Союза писателей СССР.

[12] *…дом великого поэта…* — дача Бориса Пастернака в Переделкине; *Женя* — Евгений Борисович Пастернак (1924–2012), его старший сын.

[13] В конце 1972 года на Е.Ц. Чуковскую в охраняемом подъезде их дома напал «неизвестный»; летом 1973-го на Садовом кольце грузовик внезапно атаковал такси, в котором ехала Е.Ц., получившая жестокое сотрясение мозга.

15. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

16 декабря 1984. Вермонт

16.12.84

Дорогая Лидия Корнеевна!

Просто изумляюсь, как Вы с Люшей выдерживаете эту долгую борьбу за дом. Неприятнее, чем судебная процедура, мало что есть на земле — а ещё если она отягощена закулисным засилием и директивными «звонками». Как тяжело расставаться с культурным гнездом, столькой душевной памятью лет и ещё со столькой недавно вложенной работой по спасению самих стен. Борьба съедает силы, нервы и годы жизни.

Да всё это так вписывается в общее запустение и падение. Вот скоро 11 лет, как я вне родины — и сужу по стольким признакам, как всё ухудшается и ухудшается. А весь наш Дом — Россия — во что его превращают? Чтó оставят внукам, продавши все недра на три поколения вперед, отравив всю природу? — оставят их жить на ограбленной и отравленной земле. С каждым годом идёт этот невосполнимый процесс, и только вот последнего удара не хватает — чтобы повернули северные реки[1] и уже изгадили бы Россию непоправимо.

Мне ещё издали многое не видно, чтó вы там чувствуете на месте. Вы, конечно, верно пишете, что у всех эмиграций по отношению к метрополии возникает «психологическая даль», — это, конечно, верно, но это относится не, как Вы пишете, к трём эмиграциям из России-СССР, а ко *всем* эмиграциям всех наций и всех веков. Но, чем общей положение, тем меньше в нём реального содержания. А реальное содержание — в *резком* различии 1-й русской эмиграции и 2-й и 3-й советских — разница такая, как будто они все три из разных стран (да так оно и было: 1918–20, 1943–44 и 70-е гг. — это разные страны и есть). Уникальной (но не всеобщей) чертой 3-й эмиграции является презрение и ненависть не только к вождям, но к самой покинутой стране. А в литературе — открытый мат, все лучшие надписи всех общественных уборных. Так что уравнивать эмиграции никак не справедливо.

Пока дойдёт к Вам это письмо — я, надеюсь, дойдёт до Вас и № 142 «Вестника» с моей посильной защитой Пушкина от Синявского и его псевдонимного подкрылыша (в «Синтаксисе»)[2].

Мне бы хотелось, чтобы Вы закончили книгу, толчком к которой послужили воспоминания Н.Я. Мандельштам[3]. С некоторых пор я немало задумываюсь над литературой 20–30-х годов — и, мне кажется, там много ещё не выясненного и не сказанного.

И конечно, я с Вами совершенно согласен, что наша литература в метрополии никак не прекратилась сегодня (как её поносят многие эмигранты, считая за литературу только свою свободную).

<…>

Я от души желаю Вам долгого здоровья и работоспособности, какую только позволяют глаза.

Обнимаю Вас.

Ваш *А. Солженицын*

---

[1] *…повернули северные реки…* — Проект поворота северных рек (переброски части стока Иртыша и Оби в безводные области Казахстана) активно обсуждался с 1968 года. Проект вызвал многочисленные протесты, в том числе — публичные. Работы по его осуществлению, грозящему экологической катастрофой, были остановлены решением политбюро ЦК КПСС 14 августа 1986 года.

[2] Речь идет о статье А. Солженицына «…Колеблет твой треножник», посвященной полемике с автором «Прогулок с Пушкиным» (*Вестник*. 1984. № 142; *Публицистика*. Т. 3. С. 226–250). …*подкрылыш* (*в «Синтаксисе»*) — статья Андрея Кленова «Пушкин без конца» (см. примеч. 10 к письму **12** (от 27 января 1983)). Возражения Солженицына и начинаются с разбора этой статьи.

[3] В конце 1972 года Л.К. начала писать свои возражения на «Вторую книгу» Надежды Яковлевны Мандельштам. Она неоднократно упоминает эту работу в письмах к А.И. См. письмо 27 от 19 ноября 1972 (Солженицынские тетради. 2013. Вып. 2. С. 77); письмо 17 от 14 июня 1976 (Там же. 2012. Вып. 1. С. 98); письма 1 и 3 от 31 марта и 8 июля 1977 (Там же. 2014. Вып. 3. С. 13 и 16); письма от зимы 1980–1981 и 4 августа 1984 (наст. публикация, письма **4** и **14**). Работа осталась неоконченной, завершенные семь глав опубликованы посмертно (впервые: *Чуковская Л.* Дом поэта: в 2 т. М.: Арт-Флекс. 2001. Т. 2. С. 7–238; см. также: *Чуковская Л.* Дом поэта. М.: Время, 2012).

16. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской[1]

30 ноября 1985. Вермонт

30.11.85

Дорогая Лидия Корнеевна!

Воображаю, сколько боли и горя внёс Вам Люшин перелом, и мучительная затяжка лечения[2], и какое ещё новое расстройство в Вашей жизни, быту, а значит, и работе. И ещё же суды не кончились! И как Вы всё переносите, как держитесь?

Сейчас Ермолай кончает выводить в книжный шрифт всю нашу с Вами переписку с 1974 года — и выглядит чудесно, как уже готовое (хотя оно ещё только подготовительное) издание — и легко, охватно читается, не то что с почерка и фломастера[3]. И если бы Вы знали, какое интересное и неотрывное чтение — Ваши письма, и как значительно в литературном смысле. Если Вы дадите согласие, то когда-нибудь мы это издадим.

Годы идут, идут, и хотя я не снизил темпа работы и пока, слава Богу, не болею — а уже начинаю примеряться, что Левиафана, может быть, и не пережить: уж больно он долгожитель, и ничто его не берёт.

Скучать мне не приходится: одновременно с тем, что в московском фильме поносили меня и объявили мой Фонд — порождением ЦРУ[4], — в те же недели началась довольно дикая свистопляска в американской, да и другой западной печати, что я — антисемит: на том основании, что не скрыл в «Августе» еврейское происхождение Богрова (о котором он сам с гордостью говорил даже и перед казнью). Самое замечательное даже не то, что выступает любой «историк» и безответственно печатает любую чушь — вроде того, что Богров был православный, или я называю террористку «Маня Школьник», «тогда как на самом деле она была Мария, вот цена исторических знаний Солженицына!» (на Западе Маня и Мария —

разные имена, но кликали-то её действительно «Маня»). Самое замечательное, что повторяется полностью советский приём: лепится политический ярлык на книгу, которой *никто не читал* (в том числе половина рецензентов) и даже *не может достать нигде* — ибо она по-английски ещё *не существует*! И даже доходит до комедии: разбором, антисемитский роман «Август» или нет, занимается *комитет конгресса США* (в связи с радио «Свобода») — и *тоже* никто не читал, но 120 страниц стенографического отчёта заседания! Можно ли поверить?[5] Как в 1937 в Строгановском училище создали комиссию для исследования статуэтки «Психея и Амур» — не является ли скрытой свастикой? Автор-студент крикнул им из зала: «А вы залезли бы под стол, оттуда, может быть, виднее?»[6] И читатели статей могут так понять, что 2 тома неведомого «Августа» целиком посвящены еврейскому вопросу.

Лев впал в истерику и разослал десятку знакомых несколько наших с ним писем, где я с ним был очень уговорителен, а он меня поносил. Пришлось мне ему разок твёрдо ответить — но *этого* письма он уже на базар не понёс.

Синявский порывается *судиться* с «Вестником», почему тот не печатает его *ответ на мой литературный разбор* (о Пушкине) — и это в суд! Совсем с ума сошёл. Наследники Пушкина гораздо больше оснований имеют подать на него. — Сейчас мечется, как отметить своё 60-летие в эмигрантской печати — не все хотят отмечать…

За 12 лет (как это уже долго!) трудно сохранить ясное ощущение, что ж именно происходит на родине под наружной, почти неизменной коркой. Первые годы ещё живёшь остатком впечатлений, потом они тревожно иссякают, а жизнь там меняется сама собой. Живя бы в крупном западном городе, можно бы пытаться просматривать разные советские издания, но я и в Союзе на это время не терял, ибо всё забито макулатурой, жемчужные зёрна не ищутся, а передаются изустно: вот, посмотрите там-то. А уж в лесу мы тем более ограничены в обзоре. Эмигрантская пресса лишь изредка, отдельные немногие авторы помещают рецензии на что-либо из культурных явлений в СССР, большинство же их топится в презрении, что при несвободе ничто произрастать не может, — а между тем, если и вырастет, то именно на родине.

Тяжёл искус такой разлуки. А вот Плеханов, уехав на несколько месяцев, пробыл за границей 37 лет! Вернулся в 1917 с самыми добрыми намерениями — а что ж? уже слабый, никому не нужный старик.

Болит сердце за Льва Тимофеева: как-то беззащитно он публиковался на Западе под собственным именем, да даже всего чуть-чуть — а вот и схвачен. А ведь он как раз из тех редких, кто переходил из богатого класса — к страдающим. Добровольно[7].

И такая же обречённая Ирина Ратушинская[8] с её такими искренними стихами.

От души желаю Вам перестоять все трудности этих лет.

Ваш *А. Солженицын*

P.S. Непроходимость сведений взаимная: издал я по-русски «Август» в 1983, «Октябрь» в 1984 — и вот начинается 1986 — а я не получил *ни единого* частного отклика из России. Владыки своего добились. И сколько там экземпляров малышек просачивается?..

---

[1] Это письмо не дошло до Л.К., т.к. было конфисковано на обыске у Вильгельмины Германовны (Мишки) Славуцкой (1905–2005) в феврале 1986 года.

[2] Е.Ц. Чуковская попала в больницу с переломом позвоночника.

[3] *Ермолай* — старший сын А.И. и Н.Д. Солженицыных (р. 1970), участвовал в общей работе, перевел из рукописи в машинопись тексты двух книг для издаваемой в «ИМКА-Пресс» серии воспоминаний («Всероссийская мемуарная библиотека») и переписку Л.К. Чуковской с его отцом.

[4] «В СССР показали по телевидению (а до того на многих киноэкранах) фильм-агитку “Заговор против Советского Союза”, — вспоминает Солженицын, — с гнусной атакой и на меня, и на Русский Общественный Фонд, и мы “агенты ЦРУ”» (*Зёрнышко // НМ.* 2001. № 4. Ч. 3, гл. 12: Тревога сената. С. 111). Фильм (1984) произведен Центральной студией документальных фильмов (ЦСДФ), режиссер Е. Вермишева, она же — одна из сценаристов.

[5] Положение писателя «промеж двух жерновов» наиболее выпукло представлено в большой главе «Зёрнышка» «Тревога сената» (см.: Там же. С. 105–124). «Когда я давал “Телёнку” подзаголовок “очерки литературной жизни” — то иронически: вот, мол, к чему сводится “литературная жизнь” под коммунистическими клыками, одни только рожки да ножки от неё. Но никогда бы не подумал, что и в Соединённых Штатах литературная жизнь может подпасть под Слушания и Расследования» (Там же. С. 123).

[6] *Автор-студент* — Доброхотов-Майков Александр Сергеевич (1918–1945), однополчанин Солженицына, выведенный им под своим именем в стихотворной пьесе «Пир победителей».

[7] *Тимофеев* Лев Михайлович (р. 1936) — публицист, писатель, правозащитник, один из последних политзаключенных Советского Союза. Самиздатская работа «Технология черного рынка, или Крестьянское искусство голодать» (1981) была издана на Западе по-русски и переведена на английский и итальянский языки. В 1985 году осужден на 6 лет лагерей и 5 ссылки по 70-й статье УК РСФСР. Освобожден из лагеря вместе с большой группой политзаключенных в феврале 1987-го.

[8] Ратушинская Ирина Борисовна (р. 1954) — поэтесса, прозаик. Была арестована (1982) за стихи, ходящие в самиздате, за участие в «Хронике текущих событий», приговорена к 7 годам лишения свободы, отбывала в колонии строгого режима, освобождена досрочно в начале перестройки (1986), вслед за тем лишена советского гражданства, с 1987 года жила в Англии, в 1998-м вернулась в Россию.

17. А.И. Солженицын — Л.К. и Е.Ц. Чуковским

30 сентября 1986. Вермонт

30.9.86

Дорогие Л.К. и Л.!

Вот в таком, прилагаемом составе (копии) мои письма к Вам от 30.11.85 были захвачены в Москве на обыске ГБ в феврале или в марте 1986. Я сам узнал об этом с опозданием. И только сейчас, кажется, открывается оказия написать Вам об этом.

За это время умерла Екатерина Фёдоровна Зворыкина[1], вы, конечно, знаете, глубоко жаль её.

Как будто некоторая литературная оттепель? — в обгон и в отрыве ото всего остального в стране. Поживём — увидим.

Ещё раз — всего Вам доброго!

Ваш *А.С.*

---

[1] *Зворыкина* Екатерина Федоровна (1918–1986) — первая жена Е.Г. Эткинда. После публикации «Одного дня Ивана Денисовича» в 1962 году написала письмо Солженицыну и познакомилась с ним.

18. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

18 апреля 1987. Москва

Дорогой Александр Исаевич. Ваше письмо от 30 декабря[1] 1985 года я получила 25 февраля 1987. Получила в самый разгар болезни: аритмия, воспаление легких, слепота. Теперь у меня «послеоперационный период»: один глаз спасли, другой и спасать не будут[2]. И на том спасибо.

«Малышек» здесь мало, гораздо меньше, чем доходило раньше, в 1000 раз меньше, чем требуется. В миллион раз меньше. Но то, что попадает или уже попало сюда, читается г л у б ж е, чем раньше, и любовь к Вам и понимание — глубже. Спорят горячо, но всегда влюбленно. С риском — но распространяют. Не могу судить о широте распространения, но говорю об интеллигентной интеллигенции, которую вижу. Идиотские выходки газет по поводу Вашей связи с ЦРУ, — не вызывают ровно никакого интереса. «Читающая Россия» подобных сочинений не прочитывает дальше первого абзаца, а «хрюкающая Россия» — та даже имени Вашего не знает и ей все едино, кто там «оказался» очередным ставленником ЦРУ… Наемные статееписцы никому не интересны — даже, я думаю, и господам нанимателям. Здесь, на родине, Ваше имя окружено благоволением, а как Ваши книги читаются там — отсюда не

разберешь. Надеюсь, Вы не для басурманов и не для эмигрантов пишете… Ходят слухи, будто в США люди и вообще разучились *читать*. Где же им читать Солженицына!

Ваши «столыпинские главы» я слушала трижды. По степени выразительности и виртуозности они представляются мне сверхсильными даже для Вас. Мне кажется, во всей русской литературе никому еще не удавалось влезть в шкуру столь разных людей и изнутри, из каждого взглянуть на одно и то же событие и, думаю, каждому это событие пережить. И Столыпин, и ленивые дельцы, и охранка, и царь и царица, и Богров думают и говорят и поступают в происходящих обстоятельствах так, как ему или ей свойственно.

Чья пуля явилась в России матерью, бабушкой, прабабушкой тех пуль, которыми убиты были впоследствии царь, царица и их дети? Пуля, убившая Столыпина? Пуля, убившая лейтенанта Шмидта по приказу Николая II и графа Витте? Пули, которыми, по приказу Чухнина, убивали пехотинцы в Севастополе доплывших до берега матросов? «Очаков» горел, подожженный картечью; г о р я щ и е матросы бросались в море; кое-кто из них доплывал до берега, — и тут их поджидали штыки и пули братьев-солдат[3]. «Чухнин, Чухнин, погромщик бесноватый»…[4] Столыпин — государственный ум, замысливший, на благо России, дельные реформы… Если он умен, то почему же ему, перед смертью, хотелось сказать царю — явно непригодному — что он, Столыпин, желал бы умереть за него?.. Нет, мне симпатичнее Шмидт, который умер за п о р у г а н н ы х матросов (когда они позвали его на гибель). Мне понятнее эти матросы, которые вверились не Чухнину, не царю, а Шмидту…[5] Так чья же пуля породила впоследствии подлые пули, расстрелявшие царя и семью его? Пули Чухнина или пуля Богрова? Которая из пуль дала чудовищные всходы?.. Я не историк, не философ, не специалист, — я — читательница, одна из тысяч. Пожалуйста, не вздумайте хворать раньше, чем одолеете своего Левиафана. Конечно, художественное произведение не обязано иметь о д н о, е д и н с т в е н н о е толкование, иначе оно и не художественное… Но все-таки, все-таки… «Сынки с автоматами»…[6] Неповинные, ничего не ведающие сынки…

Теперь о другом. О нашей переписке. Со своими письмами вы вольны, конечно, поступать, как Вам угодно — но на публикацию моих, до моей смерти, я разрешения не даю. Существует предрассудок насчет недопустимости печатания любовных писем, пока корреспонденты живы. А почему, собственно, *только* любовных? Всякое общение между двумя людьми — интимно. И даже, я позволила бы себе сказать, таинственно. Ток от одного к другому, от этого человека к этому человеку — вот п и с ь м о. Когда я пишу Вам — я пишу конкретному Вам; *я — Вам* (другое дело «Письмо Шолохову», или «Не казнь, но мысль», или «Гнев народа»[7]). Те — тысячам, вслух, для газеты и радио, а это — Вам. Тому, кого помню, с кем связана общностью

ассоциаций или даже наоборот — противоположностью их. Пишу то, что пишется мною в эту минуту, не оставляя себе ни копий, ни черновиков. Пишу, как в омут бросаюсь — в омут своей и чужой души — беззащитно и со всей полнотою доверия, с надеждой на понимание. Так вот: пока я жива, не печатайте, прошу Вас, моих писем, а после моей смерти обратитесь к наследнице, к Люше.

<…>

Прочитала я пушкинскую Вашу статью. Порадовалась, что именно *Вы* ответили на эту гнусность. Статья Ваша хороша, особенно во второй части, где Вы показываете мерзостность тона, выводите наружу хамство. Я понимаю, что Вам хочется (т.е. верится искренне), будто Синявский произошел от Писарева. Я думаю иначе. Фигуры разные, времена разные, причины разны. Писарев — мальчишка, кидающийся на Пушкина с позиции ложной теории. (Потом и Толстой утверждал, что дело надо делать, а не стишки писать — и высмеивал Пушкина. Был у него такой период… Потом — вернулся к Пушкину.) Ну вот, если бы Писарев прожил дольше, он мог бы и излечиться от дешевой базаровщины… А Синявский — это Передонов[8]. Таков он по природе своей. Тут не теория, тут натура. Необходимость, потребность извращенной души любую вершину объявить низменностью, вытоптать, заплевать, оболгать — существование выси оскорбляет его. Не терпится благоухание заменить смрадом, объявить смрадом.

Виделась с Сережей. Просила его, если судьба сведет его с Вами, передать мой привет и обещание мое написать Вам. Вот, написала. А какой у Сережи — лик. И какое несчастье — изгнание[9]. Теперь Вас прошу передать ему мою любовь. Если с ним свидетесь.

Будьте здоровы.

ЛЧ

18 апреля 87 г.

P.S. Люша написала Вам два месяца назад, а я тогда не могла.

Здесь печатается кое-что интересное. Но читаю я мало. Как всегда — читаю стихи. Замечателен Корнилов («Знамя», 86, № 11; «Новый мир», 87, № 3); внезапно интересен Приставкин (в «Знамени»)[10].

---

[1] Описка. Имеется в виду письмо А.И. от 30 ноября 1985.

[2] В феврале 1987 года хирург-офтальмолог Святослав Николаевич Федоров (1927–2000) сделал Л.К. операцию и вернул ей зрение в одном глазу.

[3] *Чухнин* Григорий Павлович (1848–1906) — вице-адмирал, с 1904 года — главный командир Черноморского флота и портов Черного моря. Отличился энергичным и жест-

ким подавлением революционных выступлений на флоте. Приговорен эсерами к смерти «за расстрел “Очакова”» и убит 28 июля 1906 года.

[4] Строки из поэмы Б. Пастернака «Лейтенант Шмидт» (ч. 2. (3); 1926).

[5] Л.К. в конце 1930-х годов писала сценарий о лейтенанте Шмидте, военном руководителе восстания на крейсере «Очаков» в Севастополе, и изучала материалы, связанные с ним. После подавления восстания Петр Петрович Шмидт был расстрелян (1906).

[6] Название одной из глав «Архипелага…» (Ч. 5: Каторга. Гл. 9).

[7] Открытые письма Л.К. Чуковской — «Михаилу Шолохову, автору “Тихого Дона”» (1966), «Не казнь, но мысль. Но слово. (К 15-летию со дня смерти Сталина)» (1968), «Гнев народа» (1973) распространялись в самиздате, передавались зарубежными радиостанциями. На родине были напечатаны впервые через (соответственно) 25, 21 и 16 лет.

[8] *Передонов* Ардальон Борисыч — герой романа Ф.К. Сологуба «Мелкий бес».

[9] *Сережа* — Ходорович Сергей Дмитриевич (р. 1940) — инженер-программист, распорядитель солженицынского фонда с 1977 года до своего ареста в 1983-м. После четырех лет тюрьмы и норильского лагеря эмигрировал во Францию. Л.К. видела его перед отъездом.

[10] Начиналась перестройка, и в журналах стали печатать произведения, непредставимые в советской прессе. Упомянут цикл стихотворений Владимира Корнилова, чье имя появилось в печати впервые после его исключения из Союза писателей в 1977 году.

…*Приставкин в «Знамени»* — повесть «Ночевала тучка золотая» о трудном военном детстве и депортации чеченского народа (Знамя. 1987. № 3–4).

19. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

3 декабря 1988. Вермонт

3.12.88

Дорогая Лидия Корнеевна!

Радуюсь, что Вы снова — с глазами, и как сказал Кома[1], в неплохом здоровьи и работоспособности. У Вас сейчас напряжённый момент выпуска нескольких книг сразу, тяжело — но зато ж это и искупается их выходом. Всё-таки дожили до серьёзных перемен, в чём-в чём, а в публикациях действительно эпоха, и правильно, что Вы её используете.

Со мной — сложней. Когда в начале лета «Новый мир» выразил намерение печатать «Раковый корпус» и очевидно было, что тогда и «Иван Денисович» с рассказами тоже возобновятся — решение не было лёгким. Соблазнительно казалось согласиться — как же отказываться? Но если подумать, это давало только внешнюю показуху, что я «вписался в перестройку», разумеется одобряю и разделяю, а границы гласности — совсем безграничны, раз печатают уже и меня. Но при сегодняшнем информационном взрыве — какую общественную информацию принесли бы «Корпус» и «Иван Денисович», предназначенные для обстановки 25 лет назад? — никакую, нолевую, а до их художественных качеств мало у кого и внимание бы дошло, не до этого сейчас людям. А зато — я своими бы руками удушил бы «Архипелаг» и

«Колесо» — уж тогда бы их появление можно было бы незаметно отодвинуть в XXI век. Войти с тем малым, что сказано в прежних повестях, — значило бы для меня сейчас добровольно отказаться от права говорить всё, что думаю, которое я отстоял ещё к 1970 году, — а теперь добровольно согнуть голову и замолчать?

Нет, прошедшие месяцы показали, что решение об «Архипелаге» было правильное — и даже удивляюсь той чёткой развязке, к которой привёл Вадим Медведев: впервые на меня власти не клевещут, и все расхождения названы чётко и достоверно[2].

Остаётся ждать до новых сроков — да только жива ли будет к тому времени сама измученная страна? Ведь счёту нет болезням, нарывам, запущенности, вырождению — может ли это ещё быть спасено? За 4 года — не сделано к выздоровлению ничего успешного, так сколько надо? 150? 200 лет?

Я уже 6-й год воздерживаюсь от публичных заявлений (спасаю свою работу) — и думаю и дальше так: каким поверхностным суждением описать происходящее? Слава Богу, что хоть начало двигаться, — но в сущности народной жизни ничего и не продвинулось.

С сочувствием узнал от Комы, что Вы не спешите возвращаться в ССП[3]. Я тоже считаю это — совершенно невозможным.

Пришло ещё одно свидетельство о Давиденкове — от его однодельника, который в 1950-м сидел с ним вместе в краснодарской тюрьме в ожидании расстрела (свидетель уцелел, Коля расстрелян). Оказывается, вот что Коля учудил в лагере: имел доверенность начальника КВЧ[4] ночевать в его кабинете, слушал Би-Би-Си и «Голос», излагал услышанное в листовках и развешивал их по лагерю! Потрясающе!

Ефим Григорьевич после смерти Екатерины Фёдоровны совсем потерял узду, что с ним делается: понёс и в СССР, и в эмиграцию, что я «сеятель ненависти»!..[5]

Спасибо за Вашу поддержку в этой эпопее с «Новым миром». Всяческого Вам здоровья!

Поклон от Али. Обнимаю.

Ваш *А. Солженицын*

---

[1] *Кома* — Вячеслав Всеволодович Иванов (р. 1929) — филолог, переводчик, лингвист, сын писателя Всеволода Иванова. Выехав за границу, звонил Солженицыным в Вермонт, сообщил общественные новости и сведения о друзьях.

[2] Солженицын настаивал, чтобы его печатание на родине началось с публикации «Архипелага ГУЛАГа». Вадим Андреевич Медведев (р. 1929), член политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС по идеологии, пытался воспрепятствовать такой публикации. «Русская мысль» сообщает (со ссылкой на московский независимый журнал «Референдум» № 20): «9 ноября [1988], выступая перед руководителями средств массовой информа-

ции, [Медведев] дал понять, что запрет на публикации опального писателя не снимается. “Хватит раскачивать наш корабль. Ленина трогать не дадим”». И на собрании идеологических работников в Риге 12 ноября: «В ЦК, в президиум Верховного Совета СССР в последнее время поступило много обращений о политической и литературной реабилитации Солженицына. Это не борец против извращений социализма, против сталинизма и всяких дел. Это противник нашего строя как такового. Противник Ленина, противник всей нашей идеологии. Короче говоря, тут есть вопросы, по которым идейные уступки невозможны. Мы не поступимся нашим социалистическим выбором» (Русская мысль. Париж,1988. 25 нояб. С. 4).

[3] *ССП* — Союз советских писателей.

[4] *КВЧ* — культурно-воспитательная часть.

[5] В начале перестройки, 2–4 марта 1988 года, под Копенгагеном, в музее современного искусства «Луизиана» проходила первая встреча советских и эмигрантских писателей по теме «Творческая интеллигенция и перестройка». Конференцию организовал университет Южной Ютландии. Присутствовали с советской стороны — Ю. Афанасьев, Г. Бакланов, Г. Белая, А. Герман, В. Дудинцев, С. Есин, Я. Засурский, Н. Иванова, Ф. Искандер, О. Попцов, М. Шатров; со стороны русского зарубежья были представители третьей волны эмиграции — В. Аксенов, Б. Вайль, К. Любарский, А. Синявский, Е. Эткинд.

Участница встречи Г. Белая вспоминает, как до последней минуты перед отправкой делегации им говорили: «Какая встреча с изменниками родины, эмигрантами?!» И как в Дании советский посол Б.Н. Пастухов их наставлял: «Вы оттуда уезжайте, гуляйте, а на конференции пусть эти писатели сами с собой разговаривают». Все же эта первая встреча состоялась, и Е. Эткинд выступил там с докладом «Советская литература — апология насилия» (*Белая Г.* «Я родом из шестидесятых…» // Новое литературное обозрение. М., 2004. № 70).

Выступление Е.Г. Эткинда вызвало неоднозначную реакцию и в эмиграции, и в метрополии. Н.А. Струве писал: «В широковещательной речи на встрече советских и зарубежных литераторов… не только произнесенной, но и еще и транслируемой Радио “Свобода” на всю Россию… проф. Эткинд вкрадчиво вставляет уничижительную ремарку об А. Солженицыне, называя его не более и не менее как “сеятелем ненависти”. Где это, в каком произведении (в “Иване Денисовиче”? В “Раковом корпусе”? В “Архипелаге ГУЛАГе”? Или во всеохватывающем “Красном Колесе”?) А. Солженицын показал себя таким извергом? Проф. Эткинд не удосуживается уточнить» (*Струве Н.А.* В ленинском духе (о выступлении проф. Эткинда в Дании, март 1988 г.) // *Вестник*. 1988. № 153. С. 136–138).

20. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

8 декабря 1988. Москва

[*Телеграмма, латиницей*]

Дорогой Александр Исаевич от всей души желаю чтобы великая проза Архипелага ГУЛАГ как можно скорее вернулась на родину и привела за собою следом все Ваши книги. Лидия Чуковская

21. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

20 февраля 1989. Вермонт

20.2.89

Дорогая Лидия Корнеевна!

Дошла до нас любительская киносъёмка вечера в доме архитектора[1] — и я глубоко тронут был Вашим видом, голосом и самим сказанным. Вы хорошо поняли, что скрывалось за моей постоянной бешеной торопливостью и якобы «занятостью собой». В менее зажатом состоянии я не мог бы написать всё, что мне тогда удалось. Оглядываясь, даже сам не верю, как я мог эту работу и вытянуть: я был уже физически при конце.

Поздравительную телеграмму Вашу я получил, спасибо, — но получил с задержкой и не прямую из Москвы, а дубликат, посланный мне уже внутри Соединённых Штатов. (Косвенно знаю о посылке телеграмм и от целых вечеров — но дошла только от одного ленинградского и десяток случайно прорвавшихся из разных мест, даже иногда глухой провинции, где не разобрались.)

Сравнительно с тем, что ныне печатаемые почтенные авторы почти все уже умерли — радуюсь за Вас, что Вам удалось дождаться своих книг на родине при жизни.

Спасибо. Лучшего здоровья! Обнимаю Вас.

А. Солженицын

---

[1] В декабре 1988 года в Доме архитектора прошел вечер, посвященный 70-летию Солженицына. Среди выступавших на вечере была и Л.К.

22. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

1 октября 1989. Вермонт

1.10.89

Дорогая Лидия Корнеевна!

Спасибо за присланные Ваши книги. Очень рад, что Вы дождались всех этих изданий[1].

По надписям — некрупным и синим цветом, вижу что глаза Ваши не узнаваемы с того времени, когда Вы еле-еле видели жирный чёрный фломастер. Слава Богу.

Вы напрасно думаете, что я не читал «Спуска под воду», Вы мне давали в машинописи, и хорошо помню Ваши беседы-споры с соседом по дому творчества.

Время — сильно неузнаваемое, и всё равно нельзя понять, куда оно идёт, и как далеко зайдёт. Думаю, что ни единый человек в нашей стране не способен сейчас это предсказать.

Вот, вижу «Архипелаг» в «Новом мире» — у самого глаза на лоб лезут: неужели такое возможно читать советскому читателю?[2] А вместе с тем — ведь это только начало-начало, и нет никакой уверенности, что моё печатание на родине пройдёт сколько-нибудь до конца. Теперь надо торопиться. Ну, поживём — увидим.

Обсуждать текущие события — бесполезно угнаться, хоть читать успевать.

От души желаю Вам здоровья и всего самого лучшего.

Аля кланяется Вам.

Ваш *А. Солженицын*

---

[1] В России после начала перестройки были изданы «Повести: Софья Петровна; Спуск под воду» (М.: Моск. рабочий, 1988) и «Записки об Анне Ахматовой» (М.: Книга, 1989. Т. 1: 1938–1941).

[2] В «Новом мире» (1989. № 8, 9) было начато печатание глав из «Архипелага ГУЛАГа» (Ч. 1: Тюремная промышленность. Гл. 2, 3, 7–12).

23. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

9 сентября 1990. Вермонт

9.9.90

Дорогая Лидия Корнеевна!

Сердечно прошу простить меня, что я — при вообще теперь редких письмах — давно уже не писал Вам. В работе не разгибаюсь — да как и Вы.

По моей работе — мне б ещё долго не хотелось бы возвращаться в публицистику, но летом этого года понял, что невозможно больше молчать, и какие мысли за годы во мне накопились — высказать именно сейчас. Вскоре после этого моего письма, — Вы, наверно, уже сможете прочесть и эту мою статью[1], надеюсь, её напечатают.

Саша Горлов передавал мне о беседе с Вами — спасибо за Ваше доброе неизменное ко мне внимание и сочувствие[2].

От души желаю, чтоб Вам удалось воплотить все Ваши литературные замыслы, несмотря на все трудности жизни и помехи нездоровья.

Сейчас достигают меня, хоть бессистемно, многие газетные статьи и журналы из СССР — пока только их прочтёшь или просмотришь — изобилие впечатлений, уже и никакое другое чтение не помещается. Но сам себя — в темпе этих статей и в череде этих интервью — не вижу, не моё это дело.

Екатерину Фердинандовну Вы, может быть, увидите[3], а Аля кланяется Вам.

Посылаю Вам мягкий очешник, какой используют вермонтские фермеры и мастеровые, чтобы не раздавить очки[4]. Мне тоже понравилось, и я таким пользуюсь.

Всего-всего Вам доброго и здоровья прежде всего!

Ваш *А. Солженицын*

---

[1] Речь идет о статье «Как нам обустроить Россию?», которую Солженицын писал весной и летом 1990 года. Была достигнута договоренность, что «Комсомольская правда» напечатает статью, как только получит текст.

[2] *Горлов* Александр Моисеевич (1931–2016) — инженер, ученый, друг семьи Солженицыных. О нем см. на с. 312–325 наст. изд. См. также примеч. 12 к письму 13 от 2–5 апреля 1975 (Солженицынские тетради. 2012. Вып. 1. С. 85). После вынужденного отъезда из СССР в 1975 году впервые побывал в Москве в 1990, навещал Л.К.

[3] *Екатерина Фердинандовна* Светлова (1919–2008) — мать Н.Д. Солженицыной. 9 сентября 1990 года впервые за годы изгнания полетела в Москву, с нею А.И. послал и это письмо, и статью, которая появилась в «Комсомольской правде» и «Литературной газете» 18 сентября 1990 года.

[4] Крупный очешник, снаружи — кожа, внутри — мех.

24. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

11–13 сентября 1990. Переделкино

11/IX 90 Дача

Дорогой Александр Исаевич. Прежде всего, — спасибо за письмо и за подарки. Дары, что называется, в самый раз. И фломастеры, и папки, и календарь — 91-й, увы! на носу, а он будет похлеще 90-го! И очешник… Фина увидала очешник и говорит: «Лидия Корнеевна! Ал. Ис. прислал Вам дубленку для очков!» Действительно — похоже. А мне он напомнил мое финское детство, — там, в Куоккале, у финских рыбаков, всё было — меховое и кожаное: рукавицы, шапки.

Екатерину Фердинандовну я еще не видала — она была у нас в городе, у Люши, когда я дежурила в наших переделкинских руинах, я говорила с ней только по телефону, а вот в теперешний мой приезд в город увидимся уж непременно, и я замучаю ее расспросами о Вашей жизни, о Ваших малышах, которые уже взрослые, обо всем, обо всем, чего отсюда не увидишь и не представишь себе никак, сколько ни напрягай воображение. Чужая планета, хоть Вы и не тамошний инопланетянин… и тогда я вручу ей это длинное письмо… Как это вышло несчастно и счастливо, что сестра ее заболела прямо к ее приезду! Что попала она не в плохую больницу! (так говорит Е.Ф. — о! в

какой ужасной лежала Люша, когда сломала позвоночник!) — что Е.Ф. могла бывать возле нее каждый день! Конечно, лучше бы сестра ее не болела совсем, но ведь, когда Е.Ф. возле — ей легче, да и Е.Ф. спокойнее, чем издалека.

Спасибо и за то, что разрешили Люше показать мне Ваши приложения к «Теленку»[1]. Прочла я не все (дадено было ненадолго!), но, конечно, в первую очередь о Люше. Я, разумеется, всегда знала (чуяла всеми порами!), что она вместе с Вами на смертно опасной работе, хоть и не знала прозвищ всей цепочки и всех человеческих судеб, и всех ролей. (Кто встречается с Люшей «по Вашей линии», всегда догадывалась.) Однако сейчас читала с новой тревогой, с новой болью, за Вас, за рукописи, за Воронянскую, за всех, за всех… Понимала я и смысл и причину Люшиного избиения в парадной и потом автомобильной аварии… Но одно дело понимать и догадываться, а другое дело — читать об этом. «Все, что не приведено к слову, можно полагать лишь наполовину существующим», — говорит нелюбимый Вами, а все-таки великий писатель Герцен[2]. Теперь, «приведенное к слову», оно существует… Сначала Л. хотела «запретить», потом отдумала. А я? А я испугалась сначала, что снова рассвирепеют против нее «органы». Но она меня уверила, что «органам» и так про нее всё известно. Ей просто не хочется «фигурировать», это не ее позиция в жизни. Она говорит: «Быть знаменитым некрасиво»[3]; да, в этой мысли Пастернака есть нечто, достойное внимания; да и Ахматова написала:

Молитесь на ночь, чтоб с утра
Вам не проснуться знаменитым…[4]

Но я считаю, что раз Вы написали все по правде, то пусть оно и существует, а то ведь столько находится охотников переписывать историю — просто беда. И сейчас строчат вовсю — новую ложь с удивительным бесстыдством. И не только о том, что было 50 лет назад (тогдашние свидетели все либо убиты, либо умерли естественной смертью), но и о том, что было 25–30 лет назад, хотя все свидетели живы и живут без кляпа во рту. (Так, недавно выступил в печати Я. Лернер, в 62-м году посадивший в тюрьму Бродского[5] — написавший о нем 2 погромные статьи! — выступил теперь с интервью, в котором утверждает, будто он всегда защищал Бродского, а вот Фрида Вигдорова не была на процессе, и ее запись фальшивка, и я, написавшая к этой записи, опубликованной нынче в «Огоньке», предисловие[6], *никогда* знакома с Фридой не была (!), а выпущен Бродский был, оказывается, благодаря его, Лернера, защите![7] (Десятки людей готовы подтвердить и подтверждают в печати — что Ф.В. на процессе была, как и они; что запись ее — точная; я храню 90 писем от моего ближайшего друга, Ф.В.; и все документы по делу Бродского, и список поручителей за него тоже храню — нет, все равно: Ф.В. на суде не была, и запись ее — фальшивка…) И вот так — все время.

Но это в сторону. Я хочу о Ваших приложениях.

Знаете, что меня в них огорчило? Ваши строки о Льве[8]. Не менее Вашего меня раздражал их дом. Вечная толкучка, трескотня, ненадежность, корреспонденты. Я дважды с ними обоими — и Львом, и Раей — ссорилась, да Фрида нас мирила. И отнять у Льва его доброту, и забывать, сколько и этот дом в свое время принес пользы — (да, да! пользы! Например, все мои рукописи, почти все, ушли на Запад через них!), сколько они доставали для здешних больных лекарств с Запада — тоже не следует. Вас они любят с т р а с т н о и очень ревниво. Лев — человек добрый, а это ведь тоже не пустяки. Мне кажется, в «Круге» Вы изобразили его точнее, чем в приложениях. Проникновеннее в его суть, а здесь поверхностнее. И больно ему будет читать это теперь, когда Раи возле него больше нет[9] и он — ранен.

Да, еще о Люше. Очень естественно, что помогала она с подготовкой «Архипелага» — охотно, а от «Глыб» отстранилась[10]. Для того, чтобы сочувствовать первой книге — надо быть просто не скотиной, а человеком; для того, чтобы второй — человеком философски образованным и притом религиозным. Хотя она

Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет[11], —

но и философски не образована, и не религиозна.

(Коня, правда, еще не останавливала. По той единственной, вероятно, причине, что коней вокруг пока нет, а вот в горящую детскую библиотеку К.И. входила[12]; — вынесла оттуда чудесную картину Конашевича «Чудо-Юдо Рыба-Кит»). Да еще много на ее счету подвигов в наше страшное время.

«Как обустроить Россию» — я уже прочла, и не один раз. Мне все время не хотелось, чтобы Вы включались в здешний срам и блуд, в здешнюю кровавую муть, потому что я понимаю, что значит жить внутри своей книги и каково выходить из нее наружу, когда она еще не окончена и все-таки уже виден конец. Но я понимала, что, пребывая в беде, «читающая Россия» ждет Вашего голоса и вправе рассчитывать на отклик. Отклик раздался наконец. Даже я не ожидала такой глубины, продуманности, обоснованности. Это не статья, это в самом деле целый трактат. Я читала, часто внутренне вздрагивая от совпадения мыслей. Да, ну конечно же, и Литву, и Латвию, и Эстонию надо было отпустить сразу же. Чуть они объявили свою независимость; и конечно же нечего нам без конца козырять, что мы русские, русские, русские — а то ведь и от Смирнова-Атошвили[13] окажемся неподалеку; и с кавказскими республиками мы постыдно напутали; и школа у нас ничему не научает, кроме

грубости, и приводит в конце концов к «дедовщине». (Явление чудовищное; верный градусник падения и разложения нации: молодые люди, ни за что ни про что *истязают* тех, кто моложе их на год! И к а к! Изобретательные садисты. В армии тяжелее, чем в лагере! Выходит оттуда все взрослое население страны изувеченным физически и душевно!) Конечно, учитель школьный должен быть первейшим лицом в государстве. А у нас дети кончают школу, не зная даже названия русских букв: отсюда ФеРГ и СэШеА или СыША — хотя ни Фе, ни Сы, ни Сэ, ни Кэ, ни Лэ, ни Ме — в русском алфавите не существуют. Это, конечно, мелочь, но что вообще происходит с языком — уму непостижимо. Стоило плохому переводчику в 75-м году в заключительном акте Гельсинкского соглашения[14] перевести по ошибке вместо «гуманный» — «гуманитарный», как вся интеллигенция мгновенно согласилась с этой путаницей и вместо: «из гуманных соображений» повторяет вслед за телевизором и радио — «из гуманитарных соображений». Поправишь кого-нибудь, а тебе в ответ: «это уже вошло в язык». Конечно, вошло из телевизора и газет. Но я опять в сторону. На главке «Женщину надо вернуть в семью» я чуть спотыкнулась. Это выражено не совсем точно. Мысль у меня такая: «Женщине надо дать возможность вернуться в семью». Т.е. чтобы мужчина мог своим трудом прокормить жену и детей. Это так. Но ведь бывает и иначе: мужчина хорошо зарабатывает, достаток есть, а женщина все равно решает работать — не из-за денежной необходимости. *Обязанности* для каждой женщины быть т о л ь к о в семье — я не признаю, а вот возможность такая у нее должна быть. Затем вот еще что вызвало мои недоумения и вопросы: я тоже, когда слышу об отделении Украины и Белоруссии, думаю: а хорошо бы, если бы они остались с нами! Сколько у нас исторических и культурных связей! Я когда-то занималась Шевченкой Тарасом — да и бабушка, папина мама, пела нам его стихи-песни; я объездила всю Украину «по Шевченковским местам», знала его стихи наизусть. Написала книгу о Тарасовом детстве[15]. И вот что поражает в этом истинно украинском гении. Стихи свои он писал по-украински, проклиная в них москалей и Богдана Хмельницкого, а вот интимный Дневник — по-русски! (Сейчас там с языком беда: украинский почти исчез, русский искажен, и говорят там невесть на каком.) Белоруссию я не знаю. Вы обратились к ним с такой искренностью, с такою нежностью! Так и надо было… Однако там сейчас ненависть к России — раскаленная, и вряд ли они послушаются. Кроме того, кто-то — не очень умный! — из тамошних — обиделся, что Вы один раз на протяжении трактата назвали их малороссами.

Вообще. Тянет вас в прошлое… По этому поводу объяснюсь, постараюсь быть точной. Конечно, по сравнению с нынешней Россией, да и не сегодняшней, и вчерашней, вообще — по сравнению с послереволюционной Россией — дореволюционная была несравненно л у ч ш е. В 100 или в 1000 раз — лучше.

Но как идеал, к которому надо стремиться, я бы ее не приняла, и цветущей не назвала бы. Вы правы, говоря о необходимости самоуправления на местах. Все так. Но если это будет самоуправление настоящее, то оно само и найдет для себя соответственное имя. Вы же пишите «земство», «волость», «гласные». Почему Вы полагаете, что прошлое должно возрождаться тютелька в тютельку таким, каким было? И как можно цветущей называть страну, где столько неграмотных? Где в таком презрении находились юкагиры, чукчи и пр.? Где существовала черта оседлости? Где произошла (не из-за большевиков!) революция 905 года? Где в последнее десятилетие правил Распутин? Страна, над которой навзрыд рыдала спокон веку вся великая русская литература? Ведь не выдумка же, не мираж — Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Щедрин, Достоевский, Чехов, Лев Толстой, Блок? Короленко? Где постоянно вспыхивал то в одной, то в другой губернии — голод, и Толстой, и Короленко, и другие писатели ездили — открывать столовые и больницы? Да, да по сравнению с теперешней — она сверхцветущая.

И вот чего я не поняла. Вы пишете, что христианин каждую нацию должен любить, как свою. Но в таком случае, почему же, если такие чужие и чуждые нам республики — не Украина и Белоруссия, а, скажем, Карабах или Грузия захотят соединиться с нами — Россия должна не допустить их в свой Союз?.. Тесный, близкий? А только Украина, Белоруссия и северные народы?

Дорогой Александр Исаевич, не отвечайте мне, не тратьте времени! Просто я должна была высказаться. И простите мне раскидистость мыслей, помарки и пр. Я только недавно снова научилась писать. У меня был тяжелый спазм головного мозга, я не могла ходить, стоять (падала), читать, писать. И теперь еще — не очень-то, хотя мне уже гораздо лучше. И часа 3½–4 я могу работать. (А что за такую малость времени наработаешь? Передо мной гора неохватная несделанного и недоделанного. А меня еще и теребят нещадно, а я не так обороноспособна, как Вы… Сегодня вышла моя старая книжка «Процесс исключения» — впервые в России[16]. Звонки и письма обрушатся.)

Люша занята сверх головы. Я, сидя трое суток одна в Переделкине, звоню в город по три раза в день — очень боюсь за нее и за Фину, кругом жизнь бандитская. Трушу за них… Между прочим, одно из наших с Л. достижений: мы добились, чтобы нам показали в КГБ дело моего мужа, Люшиного отчима, М.П. Бронштейна, это сейчас бывает — показывают. Ну, я вижу желтые листы и плохую машинку еле-еле, но Л. за 3½ часа нашего пребывания там — успела переписать почти все, очень многое. (Между прочим, там и все заступниче-

ские письма вшиты — и письмо физиков, и письмо К.И. к Сталину, и мои, и Маршака…) Знаем имена следователей. А Люшка еще углядела, на каких листах подпись М.П. поддельная. Теперь мы потребовали графологическую экспертизу[17]. Они у меня требуют: «Дайте его рукописи». А все рукописи при обыске изорвали в клочья. Я им указала фонды Ленинградской Академии наук, где сохранились его письма к Фоку[18]. Теперь ждем ответа. Мне, по правде сказать, все равно — выдержал он или не выдержал «конвейер» и избиения. Но хочется их уличить в подделке. Обнимаю Вас.

Л.Ч.

P.S. Город. 13/IX 90, накануне встречи с Ек. Ферд. Продолжаю.

Бич нашей теперешней жизни — отъезды. Уезжают не только евреи, но и вообще. Уезжают люди, семьи не из боязни тюрьмы и лагеря — как уезжала Третья Волна — а просто потому, что т а м лучше. Валом валят. Наиболее трудоспособные, необходимые з д е с ь. Иногда откровенно — навсегда. Часто «прикровенно» — завербовавшись на 2, на 4 года. Очень сержусь я на любимого и уважаемого мной Кому Иванова: он 1) депутат Верховного Совета СССР, 2) директор Библиотеки иностранной литературы, 3) заведует каким-то научным отделом, 4) возглавляет секцию переводчиков СП — и бывает в Москве 2 недели раз в год… Почему же взял на себя все эти обязанности?.. Разве это честно? И здесь он был вполне благополучен… Уехала наша Клара Израилевна с дочкой и внуком — Клара, проработавшая секретаршей К.И. — 17 лет, а после его смерти — 20 лет у нас в Музее. Кем ее заменить? Вообще, отъезды, даже недолгие, — большая помеха для всякой работы — и своей, и чужой. Ведь мы-то все только и держимся и держались — на дружбе. Помните у Твардовского: «А на кого же вы нас / Кидаете, сыночки?»[19] — Я обижаюсь.

P.P.S. Я еще чего не поняла в Вашем прекрасном трактате — в самом деле очень верном: отказ от содержанки — Кубы и пр. растраты денег. Да, все так. Но вот почему презрительное: «избранцы»? Суффикс *ан* в большинстве случаев презрительный. (Оборв*ан*цы, голодр*ан*цы, образов*ан*цы — правда, новобр*ан*цы и иностр*ан*цы — невинны). А за что Вы презираете в с е х выбранных? Много там шпаны (как и всюду), но много и думающих и бескорыстных работников. (У меня — среди ленинградских друзей, которых знаю всю жизнь.) Делают что могут. Или мне почудилось в Ваших «избранцах» — огульное осуждение?

Еще раз обнимаю!

Л.Ч.

---

[1] А.И. прислал с Е.Ф. «Невидимки» — машинопись «Пятого дополнения» к «Теленку», где в 14 очерках рассказано о более чем 100 его невидимых помощниках. Очерки были написаны летом 1974 и 1975 годов и спрятаны в сейф ввиду их острой опасности для самих невидимок. После того как был напечатан на родине «Архипелаг ГУЛАГ», Солженицын

стал готовить к печати и «Невидимок». Он просил Е.Ц. Чуковскую поговорить с каждым из персонажей (или с его родными): согласны ли они на публикацию этих глав. «Невидимки» впервые напечатаны в «Новом мире» (1991. № 11. С. 119–146; № 12. С. 5–76).

[2] А.И. Герцен в статье «О развитии революционных идей в России» писал: «Немота поддерживает деспотизм; то, что не осмеливаешься высказать, нужно считать лишь наполовину существующим» (Полн. собр. соч. и писем: [в 22 т.] / под ред. М.К. Лемке. М.; Пг., 1917. Т. 6. С. 364).

[3] Начало стихотворения Б.Л. Пастернака (1956).

[4] У Ахматовой: «Молитесь на ночь, чтобы вам / Вдруг не проснуться знаменитым» (1960-е).

[5] *…Я. Лернер, в 62-м году посадивший в тюрьму Бродского… — Лернер* Яков Михайлович (1918–1995) — командир отряда народной дружины. Бродский был арестован 13 февраля 1964 года после публикации клеветнической статьи А. Ионина, Я. Лернера, М. Медведева «Окололитературный трутень» (Веч. Ленинград. 1963. 29 нояб.).

[6] *Чуковская Л.* Судилище: [Предисл. к записям Ф. Вигдоровой обоих судов над Иосифом Бродским] / публ. А.А. Раскиной // Огонек. 1988. № 49. С. 26–30.

[7] *Лернер Я.* Маскарад: Откровения участника судебного процесса над Бродским // На страже родины. 1990. 1 июля. С. 4–6.

[8] *…строки о Льве.* — См.: Невидимки. Гл. 10: Череда в тени // *НМ*. 1991. № 12. С. 38–39; см. также: *БТД*. С. 522–524. В нескольких абзацах рассказано о Л.З. Копелеве в роли невидимки, о его участии в судьбе «Ивана Денисовича», о дальнейшей полемике. Текст о Копелеве кончается словами: «И всё же я продолжал любить Льва, не забывая его большую лохматую фигуру, и прямодушные движения его сердца: он был ко всем щедр и, когда не во гневе, добр».

[9] Р.Д. Орлова, жена Л.З. Копелева, умерла в 1989 году.

[10] Речь идет о трех статьях Солженицына, написанных для сборника «Из-под глыб», и реакции на них Е.Ц. Чуковской при первом прочтении (Невидимки. Гл. 8: Елена Цезаревна Чуковская // *НМ.* 1991. № 12. С. 20; см. также: *БТД*. С. 482–483).

[11] Строки из поэмы Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос» (1863).

[12] 27 марта 1978 года возник пожар в переделкинской детской библиотеке, которую построил на свои средства и подарил государству К.И. Чуковский.

[13] Имеется в виду *Смирнов-Осташвили* Константин Владимирович (1936–1991) — политический и общественный деятель, русский националист, председатель Союза за национально-пропорциональное представительство «Память».

[14] *Хельсинкские соглашения* — Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный в Хельсинки 1 августа 1975 года главами 35 государств. В Соглашениях формулировались межгосударственные договоренности о закреплении политических и территориальных итогов Второй мировой войны, о согласовании мер укрепления доверия в военной области, в области экономики, науки и защиты окружющей среды, в области прав человека и основных свобод.

[15] *Чуковская Л.* Повесть о Тарасе Шевченко: (Детство и юность). М.; Л.: Гос. изд-во, 1930.

[16] *Чуковская Л.К.* Процесс исключения. М.: Междунар. ассоциация деятелей культуры «Новое время»; журнал «Горизонт», 1990.

[17] Подробнее о знакомстве с делом М.П. Бронштейна см.: *Чуковская Л.* Прочерк. М.: Время, 2009. С. 496–506.

[18] *Фок* Владимир Александрович (1898–1974) — физик, академик.

[19] *Твардовский А.Т.* Дом у дороги (1942–1946). Гл. 5.

25. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

20 октября 1990. Вермонт

20.10.90

Дорогая Лидия Корнеевна!

Печатаю на машинке, ибо через факс, вдогонку оказии.

Очень тронут Вашим таким тёплым письмом, но сокрушаюсь, что Вы тратили на него свои такие теперь короткие часы работы. С большим интересом его читал, многое разделяю, уж на то не откликаюсь.

Несколько замечаний. — О терминах. Я там оговорился: беру дореволюционные, чтоб не строить третьего ряда; я не навязываю их, а что привьётся[1]. Но и этимологически и фонетически эти слова прекрасны. — «Избранец» — всякий избранный, другого существительного и не построишь, никакого тут «презрения» нет! — «Вернуть женщину в семью» — я и разумел как *возможность* для неё. Раздел «Семья и школа», абз. 3: «Женщина — должна *иметь возможность* вернуться в семью» — вот мои слова в статье. — Если мы не мним себя «ответственным Старшим братом», то и у нас должно быть такое же равное право на отделение от остальных, как и у них. Для нашего спасения — неизбежно отделиться.

Откуда Вы взяли, что Герцен — у меня «нелюбимый»? Я ценю его непрерывные напряжённые умственные поиски и интересные особенности в слоге.

Украинские политики дали маху в слове: «Малороссия» — это почётное слово: та Малая Русь (ядро), из которого выросло всё остальное. А «украин» у нас в 18 веке числилось 4–5, тут и волжская, и уральская, просто — окраина чего-то большого.

От души желаю Вам здоровья, обнимаю.

Ваш *А. Солженицын*

---

[1] В обсуждаемой статье «Как нам обустроить Россию?» в разделе «Демократия малых пространств» Солженицын пишет: «Много лет занимавшись государственной историей предреволюционной России, я использую тут опыт наших лучших практических деятелей и умов… Разумеется, тот опыт не может быть просто перенесен в сегодняшнюю растерзанную страну, где искажены самые основы жизни, но и без него вряд ли наш подъём произойдёт здоровыми путями. Я использую тут и предреволюционные русские понятия и выражения, чтобы не строить ещё третий ряд. Какие-то из них жизнь заменит, другие — приживутся» (*Публицистика.* Т. 1. С. 586).

26. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну[1]

8 июня 1991. Москва

[*Без даты*]

Дорогой Александр Исаевич. Обретя зрение, спешу поздравить Вас — и всех, всех, всех! — с возвратом Ваших книг на родину. Как бы там ни было, а это совершилось и, я убеждена, перевернет судьбу многих и многих вступающих в жизнь людей.

Треть года — 4 месяца! — я жила почти слепая, ни читать, ни писать не могла. Да и с мозгом было плохо — ведь «глаза — отростки мозга», как объяснил мне Федоров. Я не могла с л у ш а т ь чтение… Теперь возвращаюсь в жизнь[2]. Зачем? Не знаю.

Обнимаю Вас.

Л.Ч.

---

[1] Это приписка, сделанная рукой Л.К. на письме Е.Ц. Чуковской Солженицыну от 8 июня 1991 года.

[2] В ноябре 1990 года у Л.К. произошло отслоение сетчатки, и в декабре С.Н. Федоров сделал ей вторую, очень сложную операцию по спасению глаза (о первой см. в наст. публикации примеч. 2 к письму **18** от 18 апреля 1987 года). Выступая с воспоминаниями об Л.К. на вечере в Доме литераторов (27 мая 1997), С.Н. сказал: «…случилось чудо. Это был совершенно безнадежный глаз, с точки зрения всех офтальмологов, глаз, который нельзя было восстановить. Но каким-то чудом зрение восстановилось, и она снова читала, писала и работала. Такого не было еще в моей практике, а я прооперировал тысячи людей» (*Чуковская Е.* Гениальный хирург // Святослав Федоров: 600 тысяч часов полета: Книга памяти. 2-е изд. М., 2005. С. 301).

27. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

24 июля 1991. Вермонт

24.7.91

Дорогая Лидия Корнеевна!

Очень тронут был Вашей припиской, да ещё таким мелким почерком — как это Вам удалось? От души желаю Вам устойчивого возврата зрения. И не спрашивайте — з а ч е м Вы «возвращаетесь к жизни»: жизнь — и дар нам, и долг наш, и мы должны неунывно и энергично выполнить его до конца.

Уверен, что Вы уже втянулись в занятия. А кончится летнее изнурение — Вам станет ещё легче.

Обнимаю Вас.

Ваш *А. Солженицын*

28. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

22 октября 1991. Москва

22/X 91 Москва

Дорогой Александр Исаевич! Спасибо за привет и поздравления. Да, я не думала, что доживу[1]. Но знаете — вот дожила, а душой моей владеет страх. Страх за молодых и не совсем молодых. Многое ведь мне приходилось пережить в жизни, и хуже было (мне), но как-то не осиливал меня страх. А теперь, наверное, оттого, что сил меньше, я *боюсь*. Не за себя, честное слово. 19/VIII у меня было давление 200, а t° 38,2 — но когда позвонили мне из о с а ж д е н н о й газеты, я ответила четко, недвусмысленно. (Хотя и кратко)[2].

За себя во мне живет один страх: не успею сделать, кончить заданные уроки — основные при этом. Вы-то успели сделать главное и еще успеете, а мне ведь через полгода — 85.

Вы правы — ехать сюда Вам — не дай Бог. Работать не дадут, а жизнь без работы для писателя — какая жизнь?

Обнимаю Вас. Видите, благодаря С.Н. Федорову — я могу писать. И читать!

Ваша *Л.Ч.*

---

[1] Это — ответ на приписку, сделанную Солженицыным в его письме к Е.Ц. Чуковской от 10 сентября 1991: «Мои самые тёплые чувства передайте Лидии Корнеевне. Я поздравляю её, что мы дожили до падения коммунизма. Ведь за мрачные эти 70 лет можно было и потерять надежду».

[2] Речь идет о путче в августе 1991 года. Л.К. вспоминает, как ей позвонили из «Независимой газеты», когда на улицах Москвы стояли танки. Ее ответ см. в подборке: С кем были мастера культуры: Интеллигенция о перевороте. [Отклик на путч 19 августа 1991] // Независимая газ. 1991. 24 авг. С. 7.

29. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

6 февраля 1992. Москва

Дорогой Александр Исаевич.

Пишу «просто так», чтобы поблагодарить за добрые Ваши, дружеские слова.

Я как раз перечитываю «Раковый корпус». Я его хорошо помню и открыла наугад, посередине — но пришлось бросить такое чтение и начать всё сначала. Для Вас, наверное, эта книга — пройденный этап, а я читаю как новую — до того она увлекательна и современна! И как написана! Один дуэт «Русанов — Чалый» перл создания! Правда, у меня явились некоторые при-

дирки, но писать о них долго, длинно — и они (эти придирки) мелки. Например, почему «роспись писателя» вместо «подписать», или «*по*мыть» вместо «вымыть»… Но как обрисован каждый характер и как расставлены все акценты. Странно думать, что когда-то кто-то пытался добиться печатания. Книга вся не в бровь, а в глаз режиму, и — глубже — о предсмертии.

Будьте здоровы. Обнимаю Вас.

Л. Чуковская
6/II 92

30. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

24 февраля 1992. Вермонт

24.2.92

Дорогая Лидия Корнеевна!

Спасибо за весточку. Мне радостно было узнать, что даже при таком дефиците времени и стеснении зрения — Вы нашли время перечитывать «Раковый корпус».

От души желаю Вам возможной крепости и здоровья!

С любовью *А. Солженицын*

31. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

25–29 октября 1992, б.м.

25–29 /X 92

Дорогой Александр Исаевич. Прежде всего, об интервью с Е.Г. Боннэр в «Новом русском слове» — том, которое Вы прислали мне[1]. Прежде всего: я никогда, ни одной минуты, не была с нею «на ты». Поэтому никак не могла сказать ей: «*Знаешь*, я думаю»… По имени, Люсей, правда, я ее называла, потому что и она, и А.Д. этого настойчиво требовали. Называла Люсей — и снова назову — в том случае, если она еще когда-нибудь позвонит мне… Дальше — о сквернословии. Я ненавижу его и в жизни, и в литературе. Для интеллигенции, в особенности женской, считаю позором. Тащить в литературу можно — в случае художественной необходимости (как у Вас в «Иване Денисовиче»). Благодаря мату, с которого начинается повесть, читатель сразу оказывается в каком-то ином мире. Гнусном мире. Между прочим, однажды произошел спор между мной и Люсей. Мы были втроем: А.Д., она и я. Люся о ком-то заговорила — и вдруг разразилась. Я попросила ее при мне так не разговаривать. «Иначе я уйду», — сказала я. Люся умолкла, потом признала: «Да, конечно, если каждый раз думать, что́

это значит — это неприятно»… Я ответила: «А зачем же думать каждый раз? Мне кажется, довольно подумать один раз». А.Д. молчал. Люся сказала: «Ну, Л.К., при вас я не стану… Но вообще — это фронтовая привычка и очень облегчает душу»… При мне, правда, эта фронтовая привычка более никогда в ход не пускалась.

Вообще, в разные периоды наши отношения были разные — до Горького, во времена Горького, после Горького; до смерти А.Д.; после смерти А.Д. …

Когда общество «Апрель» присудило мне «за гражданское мужество в литературе» премию им. Сахарова[2] — Люся прислала поздравительную телеграмму. Там говорилось, что А.Д. безусловно был бы согласен с выбором. Это меня тронуло.

Теперь — обоюдное молчание. Без всякой ссоры. Она много болеет, много выступает, много ездит, очень занята. Я — тот лежачий (сидячий!) камень, *под который* вода не течет.

О языке ваших книг, о «выдумывании слов», об архаике она говорит (в своем интервью) полный вздор. Она не понимает отношения художника, пишущего на родном языке — истинный художник относится к языку, как к глине — понадобилось — и вылепил новое небывалое слово, родственное старому корню или новому ростку. Он тут и хозяин, и работник, он не Бог, а потому в работе бывают погрешности, бывают удачи. Он не Бог, но он творец и не живет, не работает на готовом. Судить же об удачах и промахах могут только люди с повышенным слухом к слову, — ну вот как о музыке — люди со слухом, вкусом, знаниями. (Даже рядовому читателю нужен слух, навык к восприятию слова, — не только тому читателю, который берется критиковать.) Критик не самая важная профессия в литературе, но самая редкая. Хотя судачить о литературе имеет право, разумеется, каждый. А какое новое вымысленное слово примет народ, какое отвергнет — неизвестно.

Но это все — в сторону. Я хотела написать Вам о боли, которую испытываю ежечасно, слушая радио, слыша говор вокруг, читая газеты, журналы, книги — боли, которую со мной не разделяет никто. Всем кажется, что это пустяки — ну путает человек «одеть» и «надеть», ну говорит вместо «скажите, пожалуйста» — «не подскажете ли, как пройти на могилу Пастернака?» — подумаешь, беда! А я, слушая современную речь и читая, как люди пишут (частные письма, или статьи, или прозу), — я прихожу в отчаяние. Это не пустяки, это крушение национальной культуры, обвал, это Чернобыльская катастрофа.

(Не сомневаюсь, разумеется, что язык и должен меняться, обновляться в соответствии с новыми явлениями жизни. Не сомневаюсь также, что и сейчас народ — «языкотво́рец» — творит сильные и необходимые слова. Но всё отбору поперек, летит без отбора, или, иначе говоря, совершается и в этой области прежний противоестественный отбор.)

Ну, конечно же, наплыв ненужных иностранных слов — большая беда. Зачем нам «эксклюзивно», когда у нас есть «исключительно»? Зачем «рейтинг», если уже давно усвоено, хотя тоже иностранное, но обрусевшее «популярность»? Зачем «акция» (в смысле поступка), если у нас существует и поступок, и действие, и происшествие, и преступление? «Эта акция была совершена под давлением». Зачем акция? Зачем «консенсус»? если существует «согласие»? зачем «мэрия», если можно назвать так: «городское управление» или «управление городом»? («Управа» слишком похоже на «расправу», «я на тебя управу найду!» — неприятно. И насчет того, что «мэрия» мычит — я с Вами не согласна[3] — ведь русское слово «мера» — не мычит… А «мэрия» — просто не нужно, противоестественно.) Я думаю, если нет своего — можно брать чужое.

Но панталоны, фрак, жилет —
Всех этих слов на русском нет, —

объяснял Пушкин в «Онегине» (глава I). Нет — так бери. И взяли (хотя «панталоны» и приобрели другой смысл…), и фрак взяли, и жилет — и в свое время галоши — не приняв выдуманные Шишковым «мокроступы».

Наплыв ненужных иностранных слов — бедствие, но еще не главное. Я думаю, народ нужные возьмет — вопреки радио — а ненужное отвергнет — извергнет — или «обрусит».

Вторая тяжкая опасность, уже давняя, но удесятерившаяся, — та, о которой еще К.И. писал в книге «Живой как жизнь» — бюрократизация языка, омертвение его, бюрократические штампы… Спросишь кого-нибудь — где вы собираетесь провести отпуск?» — тебе ответят: «Я планирую в Подмосковье». Не «собираюсь», не «намерен», не «поеду в» — а «планирую». Он сам себе Госплан… «Прочитать письмо» публично он не может — но только: «Сейчас я вам зачитаю письмо». Так же и в частном разговоре. «Я получила письмо от мамы. Сейчас я вам его зачитаю»… Ну, перечислять не стану, Вы знаете, о чем я говорю… Слушать уже не могут, могут только заслушивать. Даже стихи… Новые достижения бюрократизации: «задействовано министерство» и «мы вышли прямо на министра» (с вилами?). Как выкорчевать эту беду? Не знаю. Но перехожу к следующей беде — самой опасной и самой характерной для нашего времени.

Совершается расшатывание, разваливание, размывание языка. Основного русского языка. Это тяжело и само по себе, и как признак.

Снялись с якоря и перепутались смыслы слов, приставки, предлоги. Почему: «ведущий программ*ы*» (ед. число), а не «ведущий программ*у*»? Ведь ведут кого-нибудь или что-нибудь, а не чего? Почему «я живу в Переделкин*о*, Одинцов*о*, Кратов*о*», а не в Одинцов*е*, Переделкин*е*, Кратов*е*? Следует ехать — *куда?* В Кратов*о*, но жить *где*? В Кратов*е*. Язык попал в капкан, когда

женщины стали заниматься мужскими профессиями. Даже у Вас в «Раковом корпусе» — «врач ушла». Ну, тут, конечно, единственный выход — дать врачу женское имя, но, я понимаю, это не всегда возможно. (Если фигура мелькнула — и только.) Но, скажите на милость, почему по образцу «врач ушла» и «инженер велела» стали писать: «учитель (женщина!) сказала» — когда существует «учительни*ца*»? Вместо «переводчи*ца* Нина Петровна» пишут «переводч*ик* Нина Петровна»? «наш воспитат*ель* Антонина Ивановна»?

«Мы собираемся *по*менять квартиру». Почему не обменять квартиру (обмен), разменять (хоть это и вульгарно, а законно), поменять*ся* квартира*ми*? Приставка «по» истинно взбесилась. «Постирай платье», «постирай скатерть». Почему не окончательно: «выстирай»? «Помой руки», а не «вымой»?

Истинная катастрофа случилась со словом «подпись». Оно спуталось с росписью, подпиской и «распиской». «Роспись», как известно, значит: «настенная живопись». Но в Сберкассе мне говорят: «Нам нужна ваша роспись. Поставьте в этой графе вашу роспись». Об издательском договоре: «Поставьте вашу роспись на 4-х копиях». На почте: «Выдайте нам подписку, что вы это отправление получили».

Истинно взбесились ударения. «Вклю́чить», «на́чать», «при́нять» — так говорит вся Россия. «Сейчас мы вам вклю́чим электричество». Когда я поправила своего приятеля и сказала: «Сережа! Надо «включи́ть», а не вклю́чить», он ответил: «Лидия Корнеевна, вы одна во всей стране говорите “включи́ть”»… Он — рабочий, монтер на автомобильном заводе. Но также говорят и врачи: «Не пугайтесь, больная, мы сейчас вклю́чим этот аппарат»… Наверное, я одна в стране говорю «мусоропрово́д» (по естественной аналогии с «водопрово́дом»). Говорю «газопрово́д». Между тем «про́вод» — это нечто тонкое, узкое, гибкое: электропро́вод… «обнаруже́ние» — очевидно в лад с «вооруже́нием» и «разоруже́нием». А надо ведь «обнару́жение».

Почему-то: «разберемся с этим делом», а не «в этом деле». Почему-то «ситуация с правами ребенка»… и наряду с этой беспрерывно повторяемой «ситуацией» — ситуация такова, что язык не просто путается, колеблется, путает, теряет и яркость, и выразительность, и основу здоровой мысли — грамматику — но непрерывно скудеет… Бросаю. *Простите длину*, описки, вычерки.

Наташа говорила, что Вы читаете стихи Пастернака. Не думаете ли, что стихотворение, начинающееся строкой «Не как люди, не еженедельно» — молитва?[4] Я думаю.

Обнимаю Вас, привет Наташе и Е.Ф., не отвечайте на это письмо, если времени мало.

Л.Ч.

Извините! P.P.S! SOS!

Детей в школах не учат названиям русских букв. Отсюда СыША и ФеэРГе. А ведь у нас в алфавите нету ни Сэ, ни Сы, ни Фе — а только эС и эФ. Значит, эФэРГе. И зачем Сы или Сэ, если можно США, ведь мы без затруднений произносим «с шапкой», «с шашкой», «с шаром».

Еще раз простите длину, мазню, бессвязность, описки.

Посылаю вам и Наташе с этой же оказией свою книжку стихов[5]. На строгий суд и н е л и ц е п р и я т н ы й.

Еще раз обнимаю.

Л.Ч.

«Инвалид первой категории по зрению».

---

[1] *Ярмолинец В.* Елена Боннэр: «Я — за принцип самоопределения» // Новое русское слово. 1992. 3 июля. Статья была приложена к письму Солженицына Е.Ц. Чуковской от 27 июля – 14 августа 1992: «Посылаю… для Лидии Корнеевны — статью Елены Боннэр с её лингвистическими упражнениями».

[2] …*общество «Апрель»*… — ассоциация «Писатели в поддержку перестройки» в 1990 году учредила Премию им. Сахарова «За гражданское мужество писателя»; вручалась ежегодно в день рождения А.Д., 21 мая. Л.К. стала первым лауреатом этой премии.

[3] В начале сентября 1992 года центральный телеканал «Останкино» показывал два дня подряд большое телеинтервью с А.И., снятое в Вермонте режиссером С.С. Говорухиным. На вопрос о состоянии русского языка А.И. ответил: «Это меня мучит, я болею от того, что́ делается с русским языком. Ведь, как обезьяны, перенимаем что-нибудь с Запада. *Рейтинг, брифинг, прессинг*. Неужели нельзя сказать «давление»? Почему *рейтинг*, а не «мера успеха»? *Консенсус* — почему не «взаимное согласие»? А ещё надумали — *мэрия*, хотя есть «городская управа», всем понятное слово; нет, *мэ-э-эрия*, как будто корова мычит, *мэр рабочего посёлка*, — зачем это копирование?» (*Публицистика.* Т. 3. С. 373).

[4] Начальная строка стихотворения Бориса Пастернака (1915).

[5] *Чуковская Л.* Стихотворения. М.: Горизонт, 1992.

32. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

28 ноября 1992. Вермонт

28.11.92

Дорогая Лидия Корнеевна!

Рад был Вашему письму (и по виду его не сказать, чтоб Ваше зрение ухудшилось в сравнении с прошлыми годами).

Падение нынешнее русского языка — неизбежное следствие общего падения народной жизни и человеческого уровня. В эту ослабевшую среду и вливается в изобилии этот внешний поток иностранных слов — как в XVIII в. голландских и немецких, так, вот, теперь — англосаксонских, верней —

только американских. (И это — всемирное явление сегодня.) Оно выражает и наше смиренное унижение перед американским (нравственно-мнимым) превосходством. Но это не главная беда: как со временем смыло голландские, так смоет когда-нибудь и американские. Самое страшное, что ослабело само языковое Поле, которое прежде приводило к общему единообразию и выражений, и ударений. Вот эти «вклю́чим» и «на́чать» — это уже полный развал, так можно скоро вообще перестать понимать друг друга. (Другое дело, что бывают смены ударений эпохальные, непреодолимые: профессора́ и шофера́ — уже не повернёшь.) Что утеряны названия букв — это следствие всего лишь неграмотного обучения в школе, это не так трудно исправить. Словечки новые порой рождаются очень меткие, это подаёт надежду, что ещё выживем. К неграмотности отношу и «на флоте» вместо «во флоте».

Но что боли о страдающем языке никто не разделяет в *литературной* сфере — вот это самое поразительное и ужасное. Все писатели нового поколения изощряются в поисках какого-то «постмодернизма» или «концептуализма» (что это такое — разброд мнений, сами не знают), «мир как текст, произносимый мною» — а сохранять или развивать русский язык им и в голову не приходит, пользуются самыми стёртыми медяками слов. В лексическом отношении они все бедны, и даже авторы не могут отличить живой русской речи от неживой.

Да ведь эта бесчувственность к языку в советской литературной среде уже давняя. Когда Шкловский (которого я нисколько не ставлю высоко) придумал свое «остра́ннение» — то именно литераторы, критики, охотно подхватив слово, тут же упустили, не заметив одно из «н» — получилось «остране́ние» — т.е. скорее взгляд со стороны к явлению[1].

Спасибо за Вашу книгу стихов. В них — пунктир Вашей жизни за эти долгие-долгие-разные годы,

С тех пор, как я живу ничья…

и пронесенных через них страданий — порой до того, что

…газом жажду утолить,
и поиск углубиться
Во что-то глубже, чем душа.

С этой книжечкой в руках я как бы хорошо и долго поговорил с Вами, — откровеннее, чем когда-либо. А переделкинские стихи для меня и зримо овеществлены.

Пастернаковское «Не как люди, не еженедельно» — это раннее прозрение в нём, ещё молодом, — и просвечивает, каким крупным поэтом он станет к концу.

Екатерина Фердинандовна и Аля шлют Вам самый тёплый привет.

Желаю Вам возможного здоровья и бодрости.

Ваш *А. Солженицын*

---

[1] *Шкловский* Виктор Борисович (1893–1984) — писатель, критик, основатель формальной школы в литературоведении. Понятие «остра́ннение» было введено им в работах «Воскрешение слова» (СПб., 1914) и «Искусство как прием» (сб. «Поэтика». Пг., 1919). Автор подразумевал неожиданный, непривычный, «странный» взгляд на ставшее привычным как основу художественного эффекта. Поздний Шкловский, однако, берет на себя часть вины за терминологическую и содержательную путаницу при пользовании термином: «…я тогда создал термин “остранение”; и так как уже могу сегодня признаваться в том, что делал грамматические ошибки, то я написал одно “н”. Надо “странный” было написать. Так оно и пошло с одним “н” и, как собака с отрезанным ухом, бегает по миру» (*Шкловский В.Б.* О теории прозы. М., 1983. С. 73).

33. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

10 января 1993. Москва

10/I 93

Дорогой Александр Исаевич.

После очередного разговора с Наташей Люша обрадовала меня, сказав, что Вам и Наташе понравились какие-то листки из второго тома моих «Записок об Анне Ахматовой». Это был для меня новогодний сюрприз. Я никогда не дарила Вам моих книг раньше, в прошлые годы, ясно представляя себе, сколько пудов получаете Вы со всего мира! и уважала Вашу строгую рабочую занятость. О «Записках» своих, между прочим, думала, что, буде Вы пожелали бы, Вам преподнес бы их издатель, Никита Алексеевич.

Теперь обновленный том 2 выйдет (если выйдет) в № 4 журнала «Нева». (То есть начнется: он будет разбит на 3 части. Сотни новых книг пришлось прочесть для этого тома, для комментария, потому что 1) 1989 — столетие со дня рождения АА. 2) гласность. Десятки новелл написать.

Вы удивляетесь — почему «на флоте», а не «во флоте». Я тоже. А «на студии Мосфильм» не удивительно разве? Станиславский ездил в студию…

Обнимаю Вас. Привет Наташе, Екатерине Фердинандовне и всему клану.

Ваша *Л.Ч.*

P.S. Посылаю свою фотографию.

[*К письму приложена фотография с дарственной надписью:* «Дорогим Александру Исаевичу и Наташе на добрую память. Москва, 10/I 93. Снимок сделан летом 1992».]

34. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

5 мая 1993. Вермонт

[*Фотооткрытка*]

Дорогая Лидия Корнеевна!

Вот ещё одно кожаное изделие нашего Вермонта[1].

А река — тоже наша соседняя, Коннектикут-ривер (кстати, 6-я по величине в Штатах и Канаде)[2].

Сердечно желаю Вам здоровья и всего доброго!

Ваш *А. Солженицын*

5.5.93

---

[1] А.И. послал в подарок Л.К. кожаный переплет с отделениями для бумаги и писчих принадлежностей.

[2] *…река… наша соседняя…* — Коннектикут, самая длинная река Новой Англии, течет вдоль всей границы штатов Вермонт и Нью-Хэмпшир; от вермонтского городка Кавендиш, где жили Солженицыны, до нее всего 15 миль (24 км).

35. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

15–23 июня 1993. Москва

15/VI 93 – 19/VI 93 – 23/ VI 93. Москва

Дорогой Александр Исаевич.

Начинаю вам писать задолго до Наташиного отъезда[1]. Да все о том же — о наблюдаемом мною русском языке. Мало ли что еще на эту тему добежит… Если же в моих перечислениях встретятся и такие слова, о которых я уже писала, — не сетуйте и извините мою бестолковость… а пишу загодя еще и на всякий случай — вдруг обвалится на меня очередная корректура или какое-нибудь недомогание — я не успею дописать.

(А корректуры — это мой бич, хоть мне и помогают Фина и Люшенька — я все равно ничего не могу со своего «стола» отпустить без себя. Сыплется же это бедствие (гранки и верстки из «Невы») всегда внезапно и

всегда срочно. Там идет мой чрезвычайно расширенный (в примечаниях) 2-й том «Записок об А.А.». В редакции нет техреда, никто ничего не проверяет. К тому же никогда не известно, сколько именно времени после всех наших срочных поисков оказии в Питер корректура проваляется в типографии: там тó клея нет, тó обложки для очередного номера). Почта же почти отмерла.

Конечно, мне грех жаловаться: меня все-таки, хоть по черепашьи, но печатают… А я вот жалуюсь: я должна успеть написать книгу о своем муже[2] — а при внезапных корректурных обвалах (2-й том публикуется в четырех номерах, и я читаю то гранки одного, то верстку другого) — как же писать свою книгу? Я не умею прерываться. Если пишу, то уже погружаюсь в глубь ее, чтобы меня не вытаскивали на поверхность. Ну ладно. Мне жаловаться грех. Всем, всем и всем несравненно хуже, даже и сравнивать стыдно.

Теперь начинаю перечислять свои языковые придирки и изумления. Конечно, Вы понимаете, что мои «почему?» — чисто риторические, условные. Ответов не ожидаю.

Почему в словах «мусоропровод» и «газопровод» — люди ставят ударение на втором *о*? «Мусоропрóвод»? Ведь «прóвод» — это нечто тонкое, гибкое (электрический прóвод), а в словах «мусоропровóд» и «газопровóд», мне кажется, надо ставить ударение по образцу «водопровóда».

Почему «*О*бщина» превращается в «общи́ну»?

Почему «догмáт» — когда всю жизнь был «дóгмат»?

О словах «нáчать», «при́нять» и даже «предпри́нять» я вам, кажется, уже писала.

Ужасно для моего уха: «минкульт задействовал». Минкульт — министерство культуры. А в этом соединении слышится не культура, а «мина» и «культя». «Задействован» становится уже не спецификой бюрократической речи, а вломилось уже в повседневную речь. «У нас Оля заболела». — «А врач уже задействован?»

Я это слышала своими ушами — и не по радио, и не раз.

А что, собственно, значит: «Между нашими странами нет проблем»? Слово «проблема» когда-то обозначало некое отвлеченное понятие: «проблемы физики», «проблемы нравственности» и т.д. Теперь же — «проблемы угольщиков», «проблемы железнодорожников», «проблемы пенсионеров», «у Франции много своих проблем».

Глагол «довлеть» повернулся очень удивительно. Ведь «довлеть — *чему*»! («Довлеет дневи злоба его» — и у Мандельштама:

Так отчего ж и теперь
Этот город довлеет
Мысл*ям* и чувств*ам* моим
По старинному праву…[3]

Город довлеет — чему? Мыслям и чувствам.

Теперь стали говорить и писать и печатать «довлеет *над*»! «Надо мною довлеет совесть», или «долг», или даже просто «налог». Иногда довлеет *на*! Т.е. попросту «давит»!

Так что кроме «консенсуса», «эксклюзивности» и прочих ненужностей — в основном языке торжествуют некие беды… «Расправа над» вместо «с». «Смириться *с*» вместо «*при*мириться *с*» и «смириться *перед*». Иногда слышишь меткое русское слово, но тогда оказывается, что оно из воровского жаргона. И уже давнишнее и только для меня в новинку.

Главный вопрос: какой человеческий слой создает без устали все эти перемены? Ну, предположим, бюрократы, политики и просто неряхи культивируют, вводят все эти «конверсии» и печатают «согласно этому соглашению». Но — кто создает этот новый хлам? Какой «новый класс»?

Все Ива́новы превратились в Ивано́вых. Критикессы Наталья Ивано́ва, Татьяна Ивано́ва — иначе их никто не зовет. Остались Ива́новыми только Вячеслав, Георгий, Всеволод, Тамара Вл. и Кома[4]. В чем секрет?

Да, вот еще забыла написать: перемена смысла самых обыкновенных слов. Например: «освободить» или «рынок». Освободить для говорящего означало всегда нечто положительное: «освобождение Руси от татарского ига» или «освобождение крестьян». Теперь же услышишь: «с 1 июня будут о с в о б о ж д е н ы цены на молоко и хлеб» — и — поймешь: цены на молоко и хлеб вздорожают… Или слово «рынок», «рыночник». Вы не сомневаетесь, что я социализм ненавижу. Но вот вспоминая: в детстве (я родилась в 1907 году, т.е. «при капитализме») — слово «рынок» во многих случаях было словом ругательным: «работа грубая, рыночная» говорили о плохом изделии. «Ну, ей на рынке селедками торговать, а не в рассуждения о Пушкине пускаться» — говорили о какой-нибудь глупой даме. И потому, когда теперь я слышу: «Сидоров — убежденный рыночник» — в похвалу, или это постоянное «переход к рынку» — я пугаюсь. Хоть умом понимаю, что страна должна перейти от планового хозяйства к какому-то другому — но — к какому? Пока что она переходит от одной формы безумия к другой. Слава Богу — дают кое-кому кое-какую землю — в собственность. Но облагают такими налогами, что не

многие осиливают. Фундаментальная наука гибнет, потому что она-то ведь не может, нигде не может содержать себя. Гибнут библиотеки (по-всякому) и музеи — тоже по-всякому. Фонд культуры и Мемориал — миф. Ну да если я начну перечислять все, что гибнет, то я никогда не кончу… У литераторов берут (это не точно) около 80% гонорара.

Спасибо Вам большое за подарок, такой подходящий и умный — кожаный, бумага, карманчики — удобно писать. Я мечтаю начать свою книгу — на той бумаге, той ручкой, в той коже. (Только вот — успею ли начать?) Все время думаю, что бы послать Вам? Но пока еще не придумала ничего осмысленного, а ненужное — зачем посылать? Но вот посылаю пока одно стихотворение Маршака, которое вам вряд ли известно — оно не детское. Мне оно нравится.

Обнимаю Вас. Привет измученной прилетевшей отсюда Наташе, Екатерине Фердинандовне и «детям».

Привет тайге. Я больше люблю деревья, чем цветы.

Будьте здоровы.

Л. Чуковская

P.S.

23/VI 93

Дорогой Александр Исаевич. Никак не могу отстать от вас — пока Наташа не уехала. И я все о том же: о словах. Кругом стали говорить: «у этой женщины пять детей». Разве не пятеро? («Волк и семеро козлят».) Вообще, ощущается тенденция не склонять числительные. Если написано: «у меня не хватает 2573 р.» — то так и прочтут, а не станут утруждать себя склонением: двух тысяч пятисот семидесяти трех».

Прочла «Стремя “Тихого Дона”». Поздравляю Вас. Замечательно там Ваше предисловие, наконец-то попадаешь в стихию «основного русского языка» — как говорил Маршак. Кроме того, образ вора — Шолохова — совершенно ясен. Работа Ир. Ник.[5] (я помню ее молодой, очень красивой, в большом кружевном воротнике) весьма убедительна, доказательна. «Тихий Дон» написал не Шолохов. А вот кто — автор — это неясно. Крюкова я читала только в «Русском богатстве» — там — нет, не тянет он на мощь и художество. Других его работ не знаю… А т е п е р ь узнать, кто автор, уже будет трудно. Разве что «в порядке чуда». Но не безнадежно. Ведь вот нашелся же архив Карамзиных, из которого много разъяснилось в истории последней дуэли Пушкина — нашелся не в СПб., а… в Нижнем Тагиле! Около 150 лет со дня гибели Пушкина.

Окончила свою бесконечность. Будьте здоровы.

Л.Ч.

[1] В январе 1993 года Н.Д. Солженицына приезжала в Москву с заботой об устройстве жилья ввиду предстоящего возвращения семьи на родину.

[2] См. примеч. 10 к письму **4**.

[3] Из стихотворения Осипа Мандельштама «С миром державным я был лишь ребячески связан…» (1931).

[4] Названы поэты Вячеслав и Георгий Ивановы, а также писатель Всеволод Иванов, его жена Тамара Владимировна и сын Вячеслав (домашнее имя Кома).

[5] *Ир. Ник.* — Ирина Николаевна Медведева-Томашевская (1903–1973) — литературовед. Ее работа об авторстве «Тихого Дона» вышла под псевдонимом, с предисловием Солженицына (*D**. Стремя “Тихого Дона”: загадки романа. P.: YMCA-Press, 1974). Об И.Н. Медведевой-Томашевской см. также публикацию Г.А. Тюриной «Мне предстоит нелегкое с вами состязание» (Солженицынские тетради. 2014. Вып. 3. С. 247–270).

36. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

11 декабря 1993. Москва

[*Факс*]

Дорогой Александр Исаевич.

С тем же чувством счастья, гордости и тревоги, с каким я поздравила Вас четверть века назад, я снова поздравляю Вас сегодня. Я с нетерпением жду новых Ваших книг и еще одной книги, созданной автором до сих неведомым, в которой будут представлены в совершенном единстве Ваша жизнь и Ваше творчество — во всем его необъятном богатстве, во всей сложности, прямоте и непреклонности Вашего пути. Исполнить этот замысел под силу только художнику, потому что сами Вы создаете свою жизнь, как художник.

Примите мои поздравления и передайте праздничный привет Вашим близким.

Лидия Чуковская

11/XII 93 г., Москва

М.Е. Федянина

«АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА КАК ЭПОПЕЯ: ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ

Определение жанра «Архипелага ГУЛАГа» представляется достаточно непростой задачей: исследователи неоднократно отмечали, что это произведение содержит в себе черты исторического очерка и автобиографии, исповеди и летописи, энциклопедии и хроники[1]. Такая постановка вопроса, безусловно, свидетельствует о сложности текста, но вместе с тем не исключает возможности предположить, что существует объединяющее жанровое определение: наиболее адекватным здесь видится термин «эпопея»[2]. Данная статья посвящена анализу черт поэтики «Архипелага ГУЛАГа», типологически сопоставимых с отличительными художественными особенностями архаических эпопей. Эпопейную природу «Архипелага…» отмечали неоднократно. Так, например, Нива назвал «Архипелаг…» в том числе и эпосом-буфф[3]. Гипотеза эта интересна, однако буффонное начало актуально для сравнительно небольшой части текста, что не позволяет использовать предложенный исследователем термин в качестве жанрового определения. В книге Л. Токер «Архипелаг…» мельком характеризуется как «монументальный эпос»[4], что скорее является риторической фигурой, поскольку словосочетание используется только для обоснования необходимости посвятить «опыту художественного исследования» отдельную главу, в которой термин «эпос» уже не

---

[1] Так, например, Ж. Нива в своей книге о Солженицыне приводит расширенный, но не систематизированный список черт различных жанров, ни один из которых не может быть признан доминирующим (см.: *Нива Ж.* Солженицын / пер. с фр. С.П. Маркиша в сотрудничестве с автором. М.: Худож. лит., 1992. С. 71–72, 89, 103).

[2] Для снятия омонимии эпоса как жанра и эпоса — рода литературы здесь и далее используется термин «эпопея».

[3] См.: *Нива Ж.* Живой классик // Между двумя юбилеями: 1988–2003: писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына. М.: Русский путь, 2005. С. 542.

[4] *Toker L.* Return from the Archipelago: Narratives of Gulag Survivors. Bloomington: Indiana University Press, 2000. P. 250. Не касаясь проблемы определения жанра, исследовательница предлагает концепт «литературы свободы» (термин заимствован из бихевиоризма), т.е. определённого типа дискурса, что представляется Л. Токер более значимым (см.: Ibid. P. 101, 112).

употребляется. Сам Солженицын считал, что «эпопея — это следующая по крупности за романом прозаическая форма: где единичные судьбы персонажей уже не столь центральны, не столь даже и важны, не ими замыкается обзор, но поднимается выше — к событиям эпохи, целой страны…»[5]. По замечанию А.М. Ранчина, «Архипелаг ГУЛАГ» «подаётся… как большой эпос нового, советского времени, описывающий не менее “грандиозные”, чем Гомер, события — сорокалетнее истребление властью собственного народа»[6]. Масштаб изображаемого, бесспорно, является одним из основных критериев определения жанра, однако вряд ли правомерно считать его достаточным основанием для относительно точной жанровой дефиниции. И потому стоит обратиться к другим отличительным особенностям поэтики эпопей, присущим и «Архипелагу ГУЛАГу».

В первую очередь стоит отметить, что для эпопей характерна неоднородность, отражающаяся в основном в исторической перспективе, из-за чего вариации обсуждаемого жанра в рамках разных литературных и общекультурных парадигм значительно отличаются друг от друга. Так, по замечанию М.Н. Эпштейна, «целостность древних мифо-эпических представлений о мире», проявлявшаяся в эпопеях, в дальнейшем «расчленяется на эпическую и мифологическую…»[7]. По мнению учёного, такая ситуация сохраняется вплоть до последних десятилетий XX в., когда в мировой литературе происходит своеобразный синтез этих «целостностей», иной, но всё же сопоставимый с синкретизмом архаических эпопей, что, как ни парадоксально, делает жанр особенно актуальным для литературы конца XX — начала XXI в. Такая тенденция позволяет по-новому взглянуть на «Архипелаг ГУЛАГ», где черты архаических эпопей играют достаточно значительную роль. Так, один из самых характерных признаков этого жанра — постоянные эпитеты и повторы[8] — имеет достаточно существенное значение для солженицынского текста, хотя и явлен читателю в свете авторской иронии, направленной в первую очередь на критику господствующей идеологии. Например, два синонимичных сочетания постоянного эпитета с существительным («Передовое Учение» и

---

[5] *Солженицын А.И.* Приёмы эпопей: из Литературной коллекции // Новый мир. 1998. № 1. С. 172. Здесь и далее в цитатах сохраняется авторская орфография и пунктуация, принципы которой изложены Солженицыным в статье «Некоторые грамматические соображения» (см.: *Солженицын А.И.* Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхн. Волга, 1997. Т. 3. С. 524–539).

[6] *Ранчин А.М.* «Архипелаг ГУЛаг» как художественный текст // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М.: Наука, 1999. Т. 58, № 5/6. С. 28.

[7] *Эпштейн М.Н.* Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX–XX веков. М.: Сов. писатель, 1988. С. 254.

[8] Е.М. Мелетинский, опираясь на М. Парри и А. Лорда, говорил о «формулярности» эпического стиля, где постоянные эпитеты не только сохраняют «тавтологический, украшательный характер» или «указывают на идеальный признак предмета», но и переводят «определённый предмет из обыденного мира и обыденной речи в эпический мир и поэтическую речь» (*Мелетинский Е.М.* Народный эпос // Теория литературы: в 3 т. М.: Наука, 1964. Т. 2. С. 90).

«Передовая Теория»), которые характеризуют основы государственной политики, «оправдывая» зверства, явно дискредитируют советские постулаты. Та же функция у постоянных эпитетов «единственно-научное» (определение нации в «Этнографическом очерке Фан Фаныча» (5, 402–428)[9]), «всемирно-историческая» (победа). И потому можно вслед за Ранчиным заключить, что «“Архипелаг ГУЛаг” в этом контексте оказывается огромной пародией на советскую героическую эпику»[10], или, шире, — ироническим комментарием к ненаписанной советской эпопее (это предположение подтверждается и представленным в солженицынском тексте анализом советских источников, в том числе коллективной книги советских писателей, «впервые в русской литературе восславившей рабский труд» (4, 13)[11]).

Впрочем, гораздо шире и своеобразнее в «Архипелаге ГУЛАГе» проявляется другая особенность поэтики архаических эпопей — постоянные метафоры, сопоставимые со сравнительными конструкциями[12] в «Илиаде», «Песни о Роланде» и т.п. К таким метафорам относится и заглавие книги. Архипелаг — понятие географическое, вполне соотносимое с лагерным миром, «острова» которого разбросаны по государству, приспособленные для выживания «туземцев» едва ли не хуже, чем глубины океана. Опираясь на географическое соответствие и сходство тематики, Ранчин сравнивает «Архипелаг ГУЛАГ» с «Островом Сахалин». Это сравнение, безусловно, справедливо, к нему неоднократно подталкивает нас и автор. Однако оно открывает лишь одну из многочисленных антитез книги Солженицына: «прошлое — настоящее»[13], которая последовательно демонстрирует, как из гуманистически автономного (иначе — антропоцентрического) общества исчезает гуманность[14]. Гуманизм как мировоззрение, постепенно всё увереннее утверждающее человеческую личность в качестве основного аксиологического критерия, казалось бы, не предполагает бесчеловечности. Однако практика эпохи Возрождения, претворяющая это мировоззрение в жизнь, ярко демонстрировала обратное. В самом деле, когда человек начинает восприниматься как некое

---

[9] Здесь и далее в круглых скобках указаны номера томов и страниц издания: *Солженицын А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006– …

[10] *Ранчин А.М.* «Архипелаг ГУЛаг» как художественный текст. С. 28.

[11] См.: Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства. [М.]: ОГИЗ, 1934.

[12] С.М. Боура в исследовании героической поэзии разбирает сравнительные конструкции, сравнения и метафоры как тождественные элементы поэтики (см.: *Боура С.М.* Героическая поэзия / пер. с англ. Н.П. Гринцера, И.В. Ершовой. М.: Нов. лит. обозр., 2002. С. 357–376).

[13] Что, впрочем, отмечал и сам исследователь: «“Чеховский” код в “Архипелаге” выражает одну из основных оппозиций солженицынской книги: прошлое (старая Россия и старая каторга) — настоящее (послереволюционная Россия и Советский Союз и созданная в них система насилия)» (*Ранчин А.М.* «Архипелаг ГУЛаг» как художественный текст. С. 28).

[14] Здесь важно помнить, что гуманность, т.е. человечность, на понятийном уровне отнюдь не тождественна гуманизму как антропоцентрической тенденции.

подобие земного божества, он естественным образом возводит себя в ранг «высшего судьи» своей жизни и своих поступков, что позволяет ему не считаться с любыми этическими нормами. Тогда «правомерной» оказывается индивидуалистическая свобода, понимаемая как вседозволенность и порождающая многочисленные убийства, разнузданные оргии и детские скелеты в грязных стоках близ женских монастырей, о которых писал А.Ф. Лосев[15]. В этом контексте «кровавый преступник и бесстыдный насильник вроде Цезаря Борджиа» и «красиво мысливший неоплатонический поэт и философ Ренессанса, бесконечно человечный и бесконечно гуманистический» становятся равно закономерными результатами одной и той же ориентации на освобождение «от всего объективно значащего»[16], т.е. на признание только своих внутренних нужд и потребностей. В XVII в. европейское общество, как известно, отшатнулось от ужасов ренессансного гуманизма, но, воспитанное в атмосфере вседозволенности, не спешило отказываться от приобретённых «прав», а со временем посчитало нужным найти им разумное объяснение. Такое объяснение возникает в эпоху Просвещения: выдвигая идею природной доброты человека и отрицая в нём внутреннее зло, философы XVIII в. «обнаруживают» причину творимых несправедливостей и преступлений в «неправильном» общественном устройстве[17]. Таким образом закономерно возникает потребность повсеместного улучшения социальных условий, что, по гуманистической логике, обуславливает существование исключительно «неиспорченного», «от природы гуманного» человечества. Неизбежность нравственного совершенствования за счёт улучшения общего материального положения мыслится настолько неоспоримой, что общественные преобразования превращаются в самоцель, а вопросы «добродетелей и пороков» отходят на второй план, если не забываются вовсе. Такое мировоззрение и послужило стимулом для возникновения коммунистических идей, которые легли в основу советской идеологии[18]. Равное материальное благополучие для всех, ощущаемое как очевидная и единственная необходимость, казалось достижимым за счёт уничтожения условий «существования классовой

---

[15] См.: *Лосев А.Ф.* Эстетика возрождения. М.: Мысль, 1978. С. 122–133.

[16] Там же. С. 137. О Цезаре Борджиа см.: Там же. С. 130–131.

[17] Так, напр., один из самых ярких проповедников этой идеи, Ж.Ж. Руссо, настаивая на природной склонности человека к состраданию, утверждая таким образом его изначальную («естественную» в терминологии Руссо) добродетельность, считал зло следствием развития наук и цивилизации (см., напр.: *Руссо Ж.Ж.* Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми / пер. с франц. А.Д. Хаютина // Руссо Ж.Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 31–108).

[18] В западном обществе гуманистическое мировоззрение развивалось менее последовательно. По словам О.А. Седаковой, «христианские ценности свободы и человеческого достоинства на Западе из храмов и монастырей распространились в мир и стали общими основаниями гражданской цивилизации даже в ее нынешнем секуляризованном образе» (*Седакова О.А.* Ветер с запада // Континент. 2010. № 146. С. 428), — т.е. христианская традиция незримо присутствовала (и до сих пор присутствует) в европейских социальных и политических преобразованиях.

противоположности»[19] «посредством насильственного ниспровержения буржуазии»[20] пролетариатом. В советской России эта борьба не ограничилась достижением формального господства рабочего класса: следуя заповедям Маркса и Энгельса, большевистская партия стремилась уничтожить «классы вообще»[21], точнее — *истребить* целые классы, т.е. «целесообразность» дальнейшего физического существования каждого человека определяет то, «какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия»[22]. Построенная на этом подходе государственная система и представляет собой результат последовательного развития логически обоснованной гуманистической аксиологии, где вседозволенность, мыслимая априорной, ограничивается коллективистским представлением о человеке, т.е. аксиологическим центром становится определённый социальный класс, и в жертву абстрактным интересам этого класса приносится жизнь и свобода отдельной человеческой личности. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГе» описывает именно этот вариант развития антропоцентрического мировоззрения.

Если отвлечься от антитезы «прошлое — настоящее», можно увидеть в «архипелаге» аналогию с островом — с «Утопией» Томаса Мора, «прадедушки социализма», как называет его Солженицын (см.: 5, 465). Принципы государственного устройства этого «идеального» острова легли в основу господствующей идеологии, что отмечает и Солженицын[23]. Вместе с тем, по словам Ранчина, «ГУЛаг — самая сущность, квинтэссенция бытия, построенного на заповедях “передового учения”»[24]. Таким образом, «архипелаг» становится своеобразным «полигоном», где в полной мере и наиболее последовательно испытывается гуманистическая аксиология[25].

---

[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии / пер. с нем. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 447.

[20] Там же. С. 435.

[21] Там же. С. 447.

[22] *Лацис М.И.* Красный террор // Красный террор: еженедельник Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на чехословацком фронте. 1918. 1 нояб. № 1. Цит. по: ВЧК уполномочена сообщить… Жуковский; М.: Кучково поле, 2004. С. 276.

[23] Солженицын пишет: «В чём лагеря оказались экономически выгодными — было предсказано ещё Томасом Мором, прадедушкой социализма, в его “Утопии”» (5, 465), тем самым указывая на непосредственное родство идеологий, порождающих эти топосы. В «Утопии» занятия, «недостойные свободных людей», возложены на рабов, которыми становятся те, кто «допустит позорный поступок» (*Мор Т.* Утопия / пер. с лат. Ю.М. Каган. М.: Наука, 1978. С. 230), то есть официальные причины смены социального статуса утопийца соответствуют официальным причинам тюремного заключения в СССР.

[24] *Ранчин А.М.* «Архипелаг ГУЛаг» как художественный текст. С. 27.

[25] Окончательно утвердив антропоцентрическую картину мира как единственно возможную и тем самым отказавшись видеть в человеке не обусловленную классом порочность, советское правительство «доверчиво» препоручило тщательно подобранным охранникам «клас-

Для поэтики «Архипелага ГУЛАГа» значимым оказывается глубоко архаическое по своей природе сопоставление «страна — тело» (см. истории о происхождении мира[26] в «Энума элиш», древнегреческих мифах и т.п.). В тексте Солженицына эта метафора заявлена прямо — в характеристике Брестского мира, который «не отрубал у России головы, а только часть туловища» (4, 326). Однако гораздо масштабнее в «Архипелаге…» проявляется расширенный вариант этого сопоставления. В частности, на этом уровне обыгрывается пропагандируемое и реальное значение ЧК-ГБ[27]: «*Органы* (этим гадким словом они назвали себя сами)» (4, 41) — низводятся Солженицыным до «гибкого, цельного, живого существа, обитающего в государстве, как солитер в человеке» (4, 144), — органичная часть человеческого тела превращается в независимого паразита, который в дальнейшем метафорически преобразуется в злокачественную опухоль, поглощающую здоровые клетки.

Сравнение ГУЛАГа с раковой опухолью открывается описанием Соловецкого лагеря, так как здесь «начал свою злокачественную жизнь Архипелаг ГУЛАГ и скоро разошлёт метастазы по всему телу страны» (4, 56). Эти «метастазы» позже «разрастутся осьминогом» (см.: 5, 109), что сформирует заявленное ранее («*Органы*… не отмирали ни единым щупальцем» (4, 41)) и продолженное впоследствии («И на всякий спрос орган был создан, размножен, щупальцы его дотягивались до каждого острова» (5, 374)) метафорическое отождествление ЧК-ГБ с этим головоногим моллюском. Особенно зловещей эта метафора становится, если вспомнить гомеровское чудовище Харибду, которая «море… тревожит… / Три раза в день поглощая и три раза в день извергая / Чёрную влагу»[28] (как известно, осьминоги способны перемещаться, набирая в полость тела воду и выталкивая её, а если они испугаются, жидкость может окраситься в чёрный цвет), — государственная инстанция приобретает мифологические черты, и вместе с тем актуализуется «одиссеевский» код «Архипелага ГУЛАГа», который, по мнению Ж. Нива, представляет «сокрушительное путешествие заключенных… культурным путём человечества»[29]. Впрочем, мотив опасного путешествия сам по себе

сово-чуждых» заключённых. Мешавшие устремлениям к «светлому будущему» на воле, «классово-чуждые» фактически оказываются перенесены в его наивероятнейшую реализацию, где «заповеди Передового Учения» претворены в жизнь максимально последовательно, т.е. где упразднена частная собственность (включая личные вещи), общество механически «выравнено» (всё исключительное максимально искореняется), физический труд стал наиболее почётным («откосить» от общих работ можно только с помощью подлости) и др.

[26] Синекдохическое отождествление «страна — мир» актуально не только для архаического мировоззрения, оно следует «из… закрытости, выдаваемой за национальную гордость» (4, 506) и принципиальной враждебности по отношению к другим государственным системам.

[27] Аббревиатура принадлежит Солженицыну: «ЧК-ГБ (вот так, пожалуй, и звучно, и удобно, и кратко называть это учреждение, вместе с тем не упуская его движения во времени)» (5, 282).

[28] *Гомер.* Одиссея / пер. В.А. Жуковского. М.: Наука, 2000. С. 138.

[29] *Нива Ж.* Солженицын. М., 1992. С. 139.

не может быть основанием для типологического соотнесения солженицынского текста с древнегреческой эпопеей[30], а многочисленные реминисценции «Одиссеи», встречающиеся на страницах «Архипелага…», формируют исключительно культурный контекст, служат «метафорой ГУЛаговской вселенной»[31]. Гомеровский эпос, наравне с «Островом Сахалин» А.П. Чехова и «Записками из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского, формирует одну из сфер поэтики «Архипелага…»[32]. Такой подход не позволяет говорить о типологической близости «Одиссеи» солженицынскому тексту, однако не опровергает возможности их соотнесения на жанровом уровне.

К постоянным метафорам, тесно связанным с поэтикой архаических эпопей, можно отнести многочисленные номинации Сталина (ср. наименования античных богов, номинативные конструкции в «Калевале» и исландских сагах), как иронические (Венценосец, Мудрейший из Мудрейших), так и прямо отражающие отношение автора (Убийца, Мясник) (см.: 6, 596). Есть в тексте и ряд предикативных номинаций[33], выполняющих в первую очередь ситуативную функцию: в частности, автор называет Сталина «Главным Режиссёром» только при описании судебных процессов, которые сравнивает с театральными постановками (см.: 4, 363–373). Такой же принцип номинирования можно встретить, например, в «Старшей Эдде», где Один называет себя Гримниром (букв. «скрывающийся под маской»), когда неузнанным приходит в страну Гейррёда[34].

В ряду метафор-номинаций Сталина особое место занимает идентифицирующая номинация, встречающаяся только один раз в конце третьего тома: «…зловещее лицо сатаны, искалечившего всю мою жизнь» (6, 369), — пишет Солженицын о портрете советского диктатора. Эта единичность прямого уподобления сатане суммирует многочисленные косвенные указания на близость Сталина к дьяволу, которые представлены, в частности, как очевидно градационное перечисление лиц, которым подчиняется ОСО[35] («…министру внутренних дел, Сталину и Сатане[36]» (4, 262)), и как своеобразный оксюморон: «…ювелирная тонкость бегемота, которой так отличался Сталин» (4, 222). Слово «бегемот» в качестве номинации дьявола используется и

---

[30] См. тот же мотив в «Симплициссимусе» Г.Я.К. Гриммельсгаузена, «Дон Жуане» Дж.Г. Байрона, «Докторе Живаго» Б.Л. Пастернака и др.

[31] *Нива Ж.* Солженицын. С. 139.

[32] «Коды» этих произведений частично были рассмотрены Ранчиным в процитированной выше статье.

[33] Используемая классификация номинаций представлена в монографии: *Исакова И.Н.* Литературный персонаж в системе номинаций. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 46–51.

[34] См.: Старшая Эдда / пер. с древнеисл. А.И. Корсуна. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1963. С. 35.

[35] Особое совещание при НКВД СССР.

[36] Написание слова «Сатана» с прописной буквы в данном контексте обусловлено использованием этой номинации в качестве имени собственного.

в «ленинских» главах «Октября Шестнадцатого», где, как отмечает П.Е. Спиваковский, двойник Парвуса (по мнению учёного, Парвус в этом эпизоде представляет собой некий псевдометафизический симулякр, доступный для восприятия Ленина в силу его болезненного состояния) наделён «бегемотской кровью», а ранее его посланник является с баулом «из кожи крокодиловой или бегемотовой» (10, 154), что и позволяет исследователю говорить о псевдоинфернальной природе представленного в данном эпизоде двойника[37]. В этом контексте образ Сталина приобретает черты языческого божества[38], могущественного, но не всесильного (ср. зависимость древнеисландских богов от судьбы[39], беспомощность Укко после пропажи солнца и луны[40] и т.п.). Так появляется «историческая личность» (4, 96), которая хоть и «капризничает над исторической необходимостью» (4, 96), однако нуждается в «благоразумных кроликах» и правящей элите, «безжалостно… послушно» (4, 127) уничтожающей «себе подобных» (4, 127).

В ряду постоянных метафор особое внимание стоит обратить на определения людей, которые концентрируются в основном вокруг двух «животных» метафор: «кролики» и «собаки». Одним из важнейших свойств этих тропов в «Архипелаге ГУЛАГе» является их устойчивость и практически отсутствующая вариативность, что позволяет сопоставить их с кеннингами («воина», «женщины» и др.) в эддической поэзии. Боура в своём исследовании героической поэзии включал такие метафоры в группу «формул», которые используются «всякий раз, когда возникает подходящая для этого ситуация»[41]. Так, например, Солженицын называет людей «кроликами», когда они отказываются защищаться от произвола, и «собаками», когда они проявляют агрессию. Знаменательно, что это деление не всегда соответствует оппозиции «жертв» и «палачей»: «собаки» становятся практически всеобъемлющей ме-

---

[37] См.: *Спиваковский П.Е.* Ленин и чёрт: История одной (не)встречи в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо» // Записки Русской академической группы в США = [Transactions of the association of Russian-American scholars in the U.S.A.] New York, 2010. Vol. XXXVI. P. 121–139. «Бегемотское» происхождение двойника Парвуса отмечала и И.Б. Роднянская (см.: *Роднянская И.Б.* Ленин: Художественно-исторический портрет за гранью идеологий. Посев. 2009. № 12. С. 28–34).

[38] Как известно, с христианской точки зрения, все языческие божества — бесы.

[39] См., например, неспособность повлиять на ход событий в «Прорицании вёльвы» (Старшая Эдда. С. 9–15).

[40] См.: *Лённрот Э.* Калевала: Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / пер. с финск. яз. Э. Киуру, А. Мишина. Петрозаводск: Карелия, 1999. С. 526–527.

[41] *Боура С.М.* Героическая поэзия. С. 294. Здесь важно отметить, что исследователь распространяет это определение на все постоянные метафоры и на значительную часть повторов (это во многом связано с их генезисом), что не применимо к тексту солженицынской эпопеи в силу существенно большего внимания автора к семантической наполненности каждого элемента.

тафорой[42]. В тексте «Архипелага…» «псами» прямо названы «лагерщики»[43] («Псовая служба», ч. 3, гл. 20), но и советские пленные на подачки союзников «бросаются как свора собак на кость» (4, 199). Очевидно, что для автора в первую очередь актуально сходство с определёнными собаками — с лагерными овчарками, основное свойство которых — тщательно воспитываемая агрессивность. С другой стороны, определение «собачий» чаще всего используется в значении «нечеловеческий, невыносимый для человека» («собачьи условия» жизни в лагере (см.: 5, 204), «собачий заполз» бутырской камеры (см.: 4, 520) и т.п.). Таким образом опровергается марксистская максима «бытие определяет сознание»: в «собачьих» условиях человек зачастую может остаться человеком (самый яркий пример в «Архипелаге…» — христиане, к которым «совсем не пристала лагерная философия и даже язык» (5, 245)), а условия существенно лучшие ещё не делают из «пса» человека. Принципиально важным фактором, по Солженицыну, является последовательный отбор и «правильное» воспитание сотрудников МВД, которые впоследствии и становились «помещиками-пролетариями», т.е. теми же озлобленными «псами» с правами рабовладельца (см.: 5, 429–452) и упрощённым вариантом марксистского оправдания: «…просто служба собачья…» (6, 219). В этом контексте интересно сравнить свидетельство Солженицына о бежавших заключённых («угнетённые чаще великодушны, чем угнетатели» (5, 320)) с утверждением Лермонтова, который предполагал, что «люди, когда страдают, обыкновенно покорны; но если раз им удалось сбросить ношу свою, то ягнёнок превращается в тигра: притеснённый делается притеснителем и платит сторицею — и тогда горе побеждённым!..»[44] — солженицынские «ягнята» (эта метафора иногда употребляется в «Архипелаге…» наряду с «кроликами») не всегда становятся «тиграми». Так, например, беглец Степан*, избивая своего преследователя-казака «со всей злостью, как животное рвёт клыками другое <…> увидя кровь, остановился» (6, 177–178), а восставшие заключённые «пожалели… и отпустили» (6, 266) пленённого старшего лейтенанта Медвежонка. Очевидно, для Солженицына связь жестокости с преодолённым угнетением не так прямолинейна, как для Лермонтова.

Типологически характерной для поэтики архаических эпопей можно назвать и своеобразную формулу, описывающую поведение заключённых, которое могло бы привести к крушению ГУЛАГа, если бы стало массовым. Обобщающий смысл этой формулы обозначен после описания потенциально активного противостояния людей при массовых арестах: «Если бы… если

---

[42] Стоит отметить, что подобное соотношение не чуждо и официальной пропаганде. Так, Солженицын отмечал, что в государственных источниках «у пролетариата главное почему-то — чутьё… Всё через ноздри» (4, 363), не оговаривая, впрочем, что обоняние традиционно считается наиболее развитым и наиболее важным именно для собак.

[43] Индивидуально-авторский неологизм Солженицына по аналогии с тюремщиками.

[44] *Лермонтов М.Ю.* <Вадим> // Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Воскресенье, 2002. Т. 6. С. 14.

бы… Мы просто заслужили всё дальнейшее» (4, 31). Эта фраза появляется всякий раз, резюмируя ситуации, когда люди могли сопротивляться, но не сопротивлялись, и тем самым усиливает ощущение гибельности и недопустимости покорности людей. Отчасти такая формула может быть сопоставима с эддической: «Советы мои, / Лоддфафнир, слушай, / на пользу их примешь, / коль ты их поймешь»[45], после которой следует ряд назидательных положений. Для формулы Солженицына дидактическая основа тоже актуальна, с той лишь разницей, что предлагаемая модель поведения основывается на реальных фактах биографий отдельных людей, а не на потенциальных результатах их поступков.

Несколько иначе дело обстоит с теми повторами, что лишены иронической окраски и потому функционально отличаются от устойчивых метафор. В первую очередь это эмоциональное подчёркивание, акцентирующие внимание читателя на конкретной фразе. Такой повтор осуществляется в рамках нескольких страниц и представляет собой своеобразный «ответ-реплику». Например, описывая ожидания амнистии, Солженицын ёмко замечает: «Но — на милость разум нужен» (4, 250), после чего приводит рассуждения «тех немногих трезвых… кто каркал, что никогда за четверть столетия амнистии политическим не было — и никогда не будет» (4, 250), описывает невнимание остальных к «рассудительным» и неизменность арестантской надежды на амнистию (см.: 4, 251), а после самого веского лжеаргумента (надписи в «выходном вестибюле бутырской бани… “Ура!!! 17 июля амнистия!”» (4, 252)) повторяет своё первоначальное замечание, служащее одновременно риторическим ответом на ожидания арестантов и репликой в сравнительной критике режимов («Была амнистия многим политическим и в день трёхсотлетия Романовых» (4, 250)), а также заключительным аргументом философского рассуждения о духовном смысле военных поражений[46] (см.: 4, 250–251). Частично схожая функциональность, но значительно меньшая семантическая наполненность свойственна повторам в архаических эпопеях. Например, в первой песне «Калевалы» дважды повторяется фраза: «…не родится плод чудесный, / не выходит незачатый»[47], а в промежутке описаны физические страдания Илматар, которая «десять жизней человечьих»[48] вынашивала Вяйнямёйнена. Таким образом в обеих эпопеях осуществляется одна из основных целей повторов — «акцентировать внимание на чём-то в пределах небольшого пространства текста»[49].

---

[45] Старшая Эдда. С. 25.

[46] В этом рассуждении Солженицын приходит к выводу, что поражения в войнах приносят государству социальные свободы, причиной которых становится духовное возвышение побеждённых, которое способствует и появлению необходимого для милости разума.

[47] *Лённрот Э.* Калевала: Эпическая поэма… С. 20.

[48] Там же.

[49] *Боура С.М.* Героическая поэзия. С. 356.

Гораздо более характерен для поэтики архаических эпопей повтор: «Канал строится по инициативе и заданию товарища Сталина!» Сначала (см.: 5, 75–77) он дважды приводится в качестве цитаты, что характеризует позицию правящей элиты, оправдывающую нечеловеческие условия труда исполнением воли «божества». В дальнейшем же (см.: 5, 78–79) эта фраза приводится не полностью (опущена часть «и заданию товарища Сталина») и, уже в качестве авторского текста, обращает внимание читателей на причину строительства Беломорканала, тем самым в очередной раз подчёркивая отсутствие фактической необходимости в этом грандиозном предприятии. Здесь можно отметить функциональное сходство с особым типом повторов, характерным для поэтики архаической эпопеи. Этот повтор связывает два отрывка текста, во втором из которых представлен «истинный смысл происходящего»[50]: вне пропагандистского контекста описаны непригодные для выживания условия, отсутствие жилья и еды (см.: 5, 78–79), что раскрывает настоящую цель сталинской «инициативы»[51] — уничтожение «классовых врагов» (или причисленных к ним).

Другие повторы «Архипелага ГУЛАГа» строятся схожим образом: автор сначала цитирует источник, а позже приводит факты действительности, которые противоречат пафосу цитаты, тем самым доказывая жизненную несостоятельность заявленной установки. Функционально такие повторы сопоставимы с так называемыми отрицательными, которые маркируют получение неожиданного результата или «провал некоего плана или идеи»[52]. Боура в качестве примера такого повтора приводит строки из сербской эпопеи «Королевич Марко», где в начале песни мать просит Марко прекратить воевать с турками и заняться земледелием, а в конце королевич объявляет о своей победе над врагом, представляя её результатом «пахоты»[53]. Функционально схожие повторы в «Архипелаге ГУЛАГе» правомернее назвать полемическими: фраза — цитата из официального источника, выражающая неприемлемую для автора точку зрения, впоследствии воспроизводится в другом контексте, который проясняет одну из причин этого неприятия — противоречие данного высказывания окружающей действительности. Так, после лозунга общелагерной газеты «Перековка» («*Потопим своё прошлое на дне канала!*» (5, 86)) Солженицын описывает принципы соревнования, ударничества и круговой поруки, что заставляет его переосмыслить лозунг, превратив его в риторический вопрос: «На дне какого канала утопить нам э т о прошлое??!» (5, 93). Таким образом обнажается противоречивость и бессмыс-

[50] Там же. С. 350.

[51] См. характеристику стройки, которую даёт Солженицын: «Если б она была не срочной — то они б не умирали и не расчищали бы площадки для нового общества» (5, 73).

[52] *Боура С.М.* Героическая поэзия. С. 352.

[53] См.: Там же.

ленность содержательного плана агитпропа, жестокости псевдогуманных мер для «исправления» (а фактически — истребления) «врагов народа».

Отражение становления нового «мира» и новой «нации» также стоит отнести к чертам архаической эпопеи. «Архипелаг…» начинается с описания «переходного» состояния — ареста, а уже во второй главе первой части потоки-реки сливаются в «океан», из которого потом «возникнет» первый остров ГУЛАГа. Но, в отличие от естественных рек, эти потоки рукотворны, а «население» создаваемого ими «мира» подлежит уничтожению. И потому архипелаг возникает из метафорической канализации, которая, подобно реальной, скрыта и «по возможности» не замечается: «Это всё — рядом с вами, впритирочку с вами, но — невидимо вам (а можно и глаза смежить)» (4, 435). Понимание ГУЛАГа как мифического пространства отражается и в «одиссеевском коде», который начинается с каламбура: зарёй «нового мира» становятся «выстрелы “Авроры”»[54] (5, 9). Однако более существенной оказывается реминисценция Книги Бытия. По словам Ранчина, «создание Соловецкого лагеря представлено как сотворение дьявольского антимира, кощунственной пародии на Божий мир. Первое деяние Бога в Книге Бытия — отделение земли от неба; так и страшный Архипелаг в книге Солженицына появляется, вырастает из моря»[55]. Это, безусловно, справедливо, однако сходное происхождение мира мы видим и в архаических эпопеях[56]. В каком-то смысле такое сопоставление будет более точным, так как в языческих мифах мир часто «возникал» на костях антропоморфного существа: так, например, в «Энума элиш» небо и земля созданы из двух половин тела поверженной праматери Тиамат[57], богини моря и солёных вод[58]. То, что «фундаментом» ГУЛАГа, по Солженицыну, являлись живые люди, ярче всего подтверждается описанием образования новых лагерей: «…по свойству красных эшелонов приходить в пустоту, конец этапа нередко становится днём открытия нового лагеря»

---

[54] Солженицын указывает на гомеровскую природу этого каламбура в самом начале третьей части: «Розовоперстая Эос, так часто упоминаемая у Гомера, а у римлян названная Авророй, обласкала своими перстами и первое раннее утро Архипелага» (5, 9), тем самым явление природы из языческой эпопеи превращается в механизм (корабль), что уже свидетельствует о рукотворной природе возникающего антимира.

[55] *Ранчин А.М.* «Архипелаг ГУЛаг» как художественный текст. С. 29–30.

[56] Стоит отметить, что ряд исследователей рассматривает Библию в контексте архаических эпопей, например: «…ирландский эпос, “Илиада” или Библия могут быть надёжным источником…» — писал Е.М. Мелетинский, доказывая историческую достоверность архаических эпопей (*Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М.: Вост. лит., 2004. С. 6).

[57] См.: Победа Мардука над Тиамат: отрывок из поэмы о сотворении мира «Энума элиш» // Ассиро-вавилонский эпос / пер. с шумерского и аккадского В.К. Шилейко. СПб.: Наука, 2007. С. 388.

[58] Здесь важно помнить, что аналогия с языческими эпосами не более чем типологическая и первичность библейской отсылки очевидна.

(4, 502), — то есть новый «остров» архипелага возникает одновременно с приездом первых заключённых, а следующие «этапы» привозят на относительно «подготовленное» место.

Концепция «антимира», которую предлагает Ранчин, подтверждается и замечанием Спиваковского об онтологической символике эпопеи «Красное Колесо»: «Скрытое провиденциальное значение невольного столыпинского антиблагословения левой рукой состоит в том, что на смену относительно нормальному миру приходит своего рода антимир, где правое заменено левым и наоборот. “Лево-руция”[59] оказывается (на метафорическом уровне) торжеством “левшей” — апофеозом антиповедения»[60], — исходя из этого ГУЛАГ, который, по Солженицыну, является закономерным следствием революции («…Архипелаг родился под выстрелы “Авроры”» (5, 9)), представляет собой антимир — результат антиповеденческого «созидания». «Перевёрнутость» «всего лагерного бытия в целом»[61] отмечал и А.В. Урманов, обращая внимание читателя на знаковую, по его мнению, деталь: «…ноги Ивана Денисовича, засунутые в рукав телогрейки»[62]. По Солженицыну, годы становления советского государства — «это годы изворота всей народной психологии: высмеивается оглядчивая народная мудрость, что быстро хорошо не бывает, и выворачивается старинная пословица “тише едешь…”» (4, 57–58). Здесь важен мотив «выворачивания», насильственного и уродливого искажения, появляющийся и позднее: «И пора… пословицу вывернуть: не бойся судьи — бойся закона» (4, 273). Эти искажённые, перевранные пословицы отражают массовый перелом в сознании и восприятии, произошедший в начале XX века и, по Солженицыну, насильственно навязанный «простому народу». Тем самым вводится оппозиция «советский — русский», которая во многом связана с антитезой «прошлое — настоящее». Эта оппозиция проявляется в первую очередь на языковом уровне: «русский советский язык плохо понимается туземцами, ряду… представлений — например “рабочая честь”, “сознательная дисциплина” — на их убогом языке даже нет эквивалента» (5, 410),

---

[59] Каламбур, основанный на народной этимологии слова «революция», приведённый Солженицыным в эпопее «Красное Колесо» в рамках несобственно-прямой речи солдат, выражающий их психологическую точку зрения.

[60] *Спиваковский П.Е.* Система онтологических символов в эпопее «Красное Колесо» // «Красное Колесо» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: международный сб. науч. тр. Благовещенск: изд-во БГПУ, 2005. С. 86. Стоит отметить, что символика правого и левого, о которой пишет исследователь, отражается и в «Архипелаге ГУЛАГе»: так, рассуждая о возможных путях развития в лагере, Солженицын отмечает, что «вправо и влево пойдут дороги, одна будет набирать высоту, другая низеть. Пойдёшь направо — жизнь потеряешь, пойдёшь налево — потеряешь совесть» (5, 485).

[61] *Урманов А.В.* «Один день Ивана Денисовича» как зеркало эпохи ГУЛАГа // «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Сб. науч. тр. Благовещенск: изд-во БГПУ, 2003. С. 69.

[62] Там же.

что свидетельствует о взаимной непереводимости языков, сопоставимых с оруэлловскими «староязом» и «новоязом», где второй «предназначен для того, чтобы ложь выглядела правдой, убийство — достойным делом, а пустословие звучало солидно»[63].

Оппозиция «советский — русский» существует как антитеза «прямого» и «перевёрнутого». Показателен эпизод, в котором бежавшего из лагеря з/к обнаруживают в стоге сена железнодорожный обходчик и его жена. Тот сразу признаётся, что он беглый заключённый. В ответ на это «обходчик сказал: “Да мы ж русские люди. Только сиди, не показывайся”. Ушли. Но беглец не поверил им: они ведь — советские, они должны донести» (5, 328). Русские донести не могут, советские — должны, ведь в перевёрнутом мире не просто «государственное выше личного» (5, 283), но миллионы личностей приносятся в жертву абстрактной «советской» общности (ср. вопрос следователя к потенциальному доносчику: «Вы — советский человек?» (5, 284)). По словам М.М. Голубкова, «писатель фиксирует оскудение народной нравственности, проявившееся в озлоблении и ожесточении людей, замкнутости и подозрительности, ставшей одной из доминант национального характера»[64]. Учёный видит причину этого оскудения в образовании своего рода «химеры» (в терминологии Л.Н. Гумилёва) из «двух русских культур», которая и оказалась способна породить «миллионный “кадр” палачей» под эгидой развившегося к началу XX века массового общества[65]. Как пишет исследователь, «Архипелаг, описанный Солженицыным, стал квинтэссенцией русского варианта господства массового человека, тотального унижения всего индивидуального и неравного массе»[66]. Урманов в исследовании «Одного дня Ивана Денисовича» описал своеобразное и временное «превращение» з/к Шухова в такого человека: «Колонна… поглощает заключённых, превращает их в однородную массу. В этой массе Иван Денисович незаметно для самого себя меняется, усваивает настроение и психологию толпы»[67]. Однако возможна и другая трактовка «замкнутости и подозрительности» советского человека: «Вся кровавая утопия социализма, — пишет Ранчин, — представлена в солженицынской книге как грандиозная, чудовищная стройка. <…>

И экибастузский БУР, и элитарный дом — подобия Вавилонской башни, свидетельства богоборчества и великой гордыни “строителей нового общества”, но также — и тщеты их нечестивых помыслов»[68], — таким образом, че-

---

[63] *Оруэлл Дж.* Политика и английский язык / пер. с англ. В. Голышева // Оруэлл Дж. Лев и Единорог: эссе, статьи, рецензии. М.: Моск. шк. полит. исследований, 2003. С. 356.

[64] *Голубков М.М.* Русский характер в процессе деформаций // Голубков М.М. Русская литература XX в.: После раскола. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 246.

[65] См.: Там же. С. 245–261.

[66] Там же. С. 249.

[67] *Урманов А.В.* «Один день Ивана Денисовича» как зеркало… С. 44.

[68] *Ранчин А.М.* «Архипелаг ГУЛаг» как художественный текст. С. 30.

ловеческая разобщённость оказывается закономерным следствием попытки «сведения небес на землю».

Гулаговский антимир строится на внешне схожих с Божьим миром принципах, однако «приспосабливает» его под свои «перевёрнутые» нужды. Так, например, по словам Солженицына, многие монастыри были переоборудованы в тюрьмы, «ведь само заключение тела в монастыре и заключение его государственным законом в тюрьме преследуют физически-сходные задачи, и оттого здания всегда легко приспосабливаются» (4, 427), — монастыри, лишённые духовной цели, преобразуются в места принудительной изоляции. Интересно в этом смысле и следующее место из биографии начальника работ Беломорстроя: «Всякий истинный пророк приходит именно тогда, когда он крайне нужен. Френкель явился на Архипелаг к началу метастазов» (5, 64). Воплощая и угадывая, творчески преобразуя желания Сталина, он «стал нервом Архипелага» (5, 64), довёл лагеря до «окончательной и единой формы, отдающей совершенством» (5, 64). В этом же ряду стоит упомянуть и книгу о Беломорстрое, которая описана как «том форматом почти с церковное Евангелие и с выдавленным на картонной обложке барельефом Полубожества» (5, 67), а на одной из её фотографий старорусский крест был взят «опорой электрическим проводам» (5, 83). Таким образом демонстрируется превосходство научно-технического прогресса, связываемого с «Передовым Учением», над «реакционным» религиозным мировоззрением, а внешнее сходство некоторых атрибутов утверждает бравирующее торжество гуманистического сознания.

Художественная обработка, которой Солженицын подвергает реальные факты, также имеет отношение к архаической эпопее: безусловно, в героических эпосах «исторические реалии должны рассматриваться как материал эпических обобщений, а не как самодовлеющий элемент», однако «сам эпос должен трактоваться как отражение исторической жизни народа… как выражение прежде всего точки зрения широких народных масс на своё историческое прошлое»[69], — таким образом, можно заключить, что архаическая эпопея воспринималась современниками как правдивый исторический источник. Немаловажно, что, по Солженицыну, «система, постоянно боящаяся информации[70]» (6, 216), быстро превращает любые факты в мифологемы: «…три четверти истинно происходившего… так аккуратно вырезаны… что… обратились в миф» (6, 203), — сходным образом часто воспринимаются либо сами тексты архаических эпопей, либо основные их детали (см., например, споры о местонахождении Трои и фактически подтверждённую версию Генриха Шлимана, который проводил раскопки,

[69] *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. С. 13.

[70] В данном случае речь идёт о тоталитарной системе СССР. — *М.Ф.*

основываясь на мельчайших подробностях «Илиады»[71]), что, в частности, свидетельствует о потенциальной правдивости многих мифологических (или мифологизированных) текстов. Важно также отметить, что, в представлении Солженицына, эпопея тяготеет «к лицам уже не сочинённым, а историческим, и к действиям их в реальных событиях»[72], что более чем соответствует тексту «Архипелага ГУЛАГа», где вообще нет вымышленных персонажей.

Прямым указанием на документальность предваряется первая глава этого текста: «В этой книге нет ни вымышленных лиц, ни вымышленных событий. <…> всё было именно так» (4, 11). Такая категоричность в постановке вопроса, казалось бы, порождает противоречие: Солженицын явно ориентирован на достоверность, в то время как архаическая эпопея, пусть и основана на исторических фактах, обрамлена мифологическими сюжетами. Однако не стоит забывать, что эти мифологические сюжеты отражали архаическое мировоззрение и не вступали в противоречие с действительностью в понимании слушателей. Эти «сведения о мире» есть и в эпопее Солженицына, однако эпоха с возросшим значением естественно-научного метода познания требует иного способа передачи онтологической информации, и потому в «Архипелаге…» она приобретает форму физико-математических метафор. Надо сказать, что образность солженицынского текста достаточно часто основана на сопоставлениях из этой сферы реальности, однако она не порождает настолько широких развёрнутых метафор, как географический «архипелаг» и медицинская «злокачественная опухоль». Помимо очевидной близости физико-математической сферы к личному опыту автора, можно отметить и художественно оправданную мотивацию такого предпочтения. Ей оказывается та же концепция рукотворного антимира — единственного мира, который способно породить последовательно антропоцентрическое общество. Но то, что, по Солженицыну, имеет происхождение божественное (например, искусство[73]), остаётся в рамках биологической метафорики: «…на четвёртом месяце все блокноты моих военных дневников… зашвырнуты были в адский зев лубянской печи… брызнули там красной лузгой ещё одного погибшего на Руси романа и чёрными бабочками копоти… взлетели из самой верхней трубы» (4, 133).

---

[71] Знаменитый археолог вычислял расстояния между городом и греческим лагерем на основе времени, затраченного на переходы героев в «Илиаде», обращал внимание на временной промежуток между проблеском зари и восходом солнца и т.д. См. об этом: *Шлиман Г.* Илион: город и страна троянцев / пер. с англ. Н.Ю. Чехонадской. М.: Центрполиграф, 2009. Т. 1. С. 274–311.

[72] *Солженицын А.И.* Приёмы эпопей. С. 172.

[73] В «Нобелевской лекции» Солженицын говорил об искусстве: «Ещё в предутренних сумерках человечества мы получили его из Рук, которых не успели разглядеть» (*Солженицын А.И.* Нобелевская лекция // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. М., 1995. Т. 1. С. 8).

Физико-математические метафоры, в «Архипелаге…» функционально отчасти соответствующие мифологическим вставкам архаических эпопей, представляют интересный пласт для исследования. Например, для обозначения тенденции на основе нескольких частных случаев Солженицын отмечает:

«Чтобы провести прямую, достаточно отметить всего лишь две точки. <…>

И на эту людоедски-незамысловатую прямую укладываются в промежутке бессчётные воспоминания миллионов» (4, 134) — здесь автор использует известную геометрическую аксиому для объяснения фактов окружающей действительности. Та же функция у описания образа жизни «блатных», которые крадут вещи у других заключённых и практически сразу же пропивают или проигрывают их: «Через сутки и у них ничего не будет, как и у тебя. Это — второе начало термодинамики: уровни должны сглаживаться…» (4, 455). Этот метафорический пласт отражает своеобразный параллелизм: нематериальное в человеке развивается по тем же законам, что и материальное в природе. Показательна в этом смысле фраза: «Однако легкомысленный Крыленко, вступая в новую для себя страну инженерии, не только не знал сопромата, но даже о возможном сопротивлении душ совсем ещё не имел понятия, несмотря на десятилетнюю уже громкую прокурорскую деятельность» (4, 344), — «сопротивление душ» сопоставляется с сопротивлением материала физическим воздействиям.

Другая «математическая» метафора отражает представление автора о наличии «метафизического» измерения, недоступного материалистическому сознанию, живущему в трёхмерном мире: «…лагерщики отнюдь не посягают на строй твоих мыслей. <…> И это создаёт ощущение свободы гораздо большее, чем свобода ног бегать по плоскости» (5, 489), — таким образом заключённый в каком-то смысле становится свободнее человека, оставшегося на «замордованной» воле, где постоянный страх, скрытность, недоверчивость, предательство и ложь становятся нормой человеческого существования, а пропаганда — единственным источником информации (см.: 5, 509–527).

Однако достоверность в «Архипелаге ГУЛАГе» не сводится к отражению научного взгляда на мир. Как писал Урманов, «по Солженицыну, правдивость… выразительность отдельных деталей художественно воссоздаваемой действительности мало что значит, если при этом нарушена историческая правда, искажена общая картина, сам дух эпохи»[74], и потому автор «Архипелага…» осовременивает своеобразную «документальность» архаической эпопеи, подчиняя её исторической правде, которая основывается на доказательствах, актуальных для человека XX века. В.А. Котельников замечает,

[74] *Урманов А.В.* «Один день Ивана Денисовича» как зеркало… С. 66.

что «столь же эпично, как и в древнерусских повествованиях, предстаёт в книге вся реальность русской жизни (только шире захваченная, подробней прописанная и в фактичности своей доведённая до документальной точности, без чего современник не признает её за истину)…»[75]. Стоит отметить, что стремление к правдивости отражается и в особом подборе фактов. Так, Солженицын настаивает на значимости обличительной функции (что позволяет некоторым исследователям, в частности Л. Токер, говорить о её первостепенности[76]): «обо всём будет рассказано» (4, 12), «прочтёт о том весь свет» (5, 118), — постоянно обещает автор. При этом обличение подчинено стремлению максимально точно отобразить историческую правду, и потому, представив как тенденцию ряд частных случаев, в действительности происходивших, Солженицын при первой же возможности приводит какое-нибудь противоречащее свидетельство. Показателен в этом смысле фрагмент из 20-й главы третьей части, где автор, логически доказав невозможность существования «хорошего» лагерного служащего, тут же добавляет: «Ну, честно скажу, знал я одного очень хорошего эмведешника, правда, не лагерщика, а тюремщика <…>. Он был немолод, служил в МВД долго. Не знаю — как. Загадка» (5, 443). Такая беспристрастность в описании глубоко чуждых автору групп людей свидетельствует о стремлении строго придерживаться заданной в начале установки на достоверность.

«Архипелаг ГУЛАГ» позволяет читателю ощутить эпопейный масштаб описываемых событий, а значит, и осознать глобальность происходящего. По крупицам собирая свидетельства и факты из жизни самых разных людей, автор складывает их в единую мозаику, где пламя костра освещает не только несчастную «наказанную» девушку (5, 116–118), но и необозримое море народной боли.

---

[75] *Котельников В.А.* Человек эпический — Александр Солженицын // Путь Солженицына в контексте Большого Времени: сб. памяти: 1918–2008. М.: Русский путь, 2009. С. 120.

[76] Концепт «литературы свободы», который предлагает исследовательница, предполагает обнажение «аверсивных условий» существования и описание возможных механизмов воздействия на «контролирующую силу», способных ослабить или уничтожить её (*Toker L.* Return from the Archipelago… P. 112).

И.Е. Мелентьева

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ В «РАКОВОМ КОРПУСЕ»

Статья первая

Труды по биологии сыграли большую роль в истории как русской, так и мировой литературы. Весьма многие писатели (в том числе — большие) XIX–XX веков касались в своих сочинениях серьезных медико-биологических тем, которые широко обсуждались обществом, входили в ряд мировоззренческих доминант эпохи. Писатели изучали причудливость наследования, влияние среды и воспитания на человека. А биологический термин «вырождение» стал девизом культуры рубежа XIX–XX вв. В писатели шли профессиональные врачи — В.И. Даль, А.П. Чехов, В.В. Вересаев, А. Конан-Дойль, С. Моэм, М.А. Булгаков, А. Кронин — и так до Г. Горина и Ю. Крелина. И напротив — И.-В. Гете был не только великим поэтом, но и ученым-естественником, оставившим след в биологии, анатомии, оптике, геологии, минералогии. Физиолог И.П. Павлов писал стихотворения в прозе. А на Нобелевскую премию по литературе в 1904 году был номинирован знаменитый энтомолог, создатель 10-томной «Жизни насекомых» Жан Анри Фабр. Труды биологов и медиков становились основой художественных произведений, цитировались, обсуждались. Так появляются в романах И.С. Тургенева значимые для характеристики персонажей рассуждения о галках, хищных и ручных, полигамных и моногамных животных. А у Льва Толстого, который скептически относился к медицине, не верил в существование микробов и издевался над пьющими «отварную» (т.е. кипяченую) воду, герои предпочитает любому освежающему напитку «лесной квасок» — ржавую болотную водицу. Один из центральных символических образов повести А.П. Чехова «Дуэль» — два крота, которые, встретившись, обязательно затеют смертельный поединок, восходит к «Жизни животных» А. Брема, откуда и взяты сведения об «обычаях» этих млекопитающих[1].

---

[1] Приведем соответствующие цитаты. «Никогда еще ни один крот не уживался в дружбе с себе подобным, все равно будь этот другой одного с ним пола или нет. Два крота, встретившись во всякое, кроме спаривания, время, тут же сразу начинают взаимную борьбу, которая в большинстве случаев ведет к смерти одного из них, а иногда даже и обоих. Весьма понятно, что ревностнее и свирепее дерутся между собой кроты одинакового пола, и исход та-

Солженицын — наследник и продолжатель традиций русской литературы, университетски образованный человек — интересовался трудами биологов. Свидетельство тому — письма Солженицына из лагеря. Например, юмористическое описание поведения друга юности Кирилла Симоняна, прозванного Страусом, уверенно ведется писателем с точки зрения концепции естественного отбора: «Бедный Страус, ему со школьной скамьи судьба — веселить многолюдные женские общества. Строго по Дарвину у него выработались нужные для этого качества — балагурство и способность танцевать до упаду». Примерно в это же время Солженицын пишет из заключения о том, что есть «много книг по математике и физике, которые непременно хотелось бы проработать, потом — биология (сам Дарвин, Тимирязев, Брем, Корнер, Реклю)»[2]. Можно предположить, что планировалось прочесть труды Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» и «Происхождение человека и половой отбор», книги К.А. Тимирязева «Чарлз Дарвин и его учение», а также «Жизнь растения», научно-популярную работу немецкого зоолога А. Брема «Жизнь животных», многотомный труд французского географа Э. Реклю «Земля и люди. Всеобщая география». Упоминается в тексте письма и английский ботаник Э.Д.Г. Корнер, но трудно сказать, какую именно его книгу собирался проштудировать Солженицын. Кстати, характерно, что все эти ученые много путешествовали, много видели своими глазами и много рассуждали об эволюции всего живого. Следы интереса Солженицына к Дарвину и дарвинизму есть и в «Раковом корпусе», где для характеристики (или самохарактеристики) героя используется эволюционистская лексика: «неприспособленный» и «приобретённые черты». «С одной стороны, такой ловкий, а с другой — такой неприспособленный»[3], — думает Гангарт о Костоглотове. «Это я в лагере изнахалился, Зоенька. Я таким не был. Вообще у меня много черт не моих, а приобретённых в лагере», — пытается успокоить симпатичную ему медсестру Костоглотов (3, 205).

кой драки решительный: слабейший бывает тотчас же съеден. …Как только соперники сойдутся, начинается жестокая борьба. …Оба расширяют проход, в котором встретились, для места сражения и затем начинают драться на жизнь и на смерть» (*Брэм А.* Жизнь животных: в 10 т. СПб.: Изд-во т-ва «Общественная польза», 1893. Т. 2. С. 391–392). «У крота сильная грудная клетка, как у летучей мыши… страшно развитые кости и мышцы, необыкновенное вооружение рта. Если бы он имел размеры слона, то был бы всесокрушающим, непобедимым животным. Интересно, когда два крота встречаются под землей, то они оба, точно сговорившись, начинают рыть площадку; эта площадка нужна им для того, чтобы удобнее было сражаться. Сделав ее, они вступают в жестокий бой и дерутся до тех пор, пока не падает слабейший» (*Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1977. Т. 7. С. 407–408).

[2] *Решетовская Н.А.* В круге втором: Откровения первой жены Солженицына. М: Алгоритм, 2006. С. 57, 75.

[3] *Солженицын А.И.* Раковый корпус // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006–… Т. 3. С. 195. В дальнейшем, если нет специальных оговорок, произведения Солженицына цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы в круглых скобках.

С биологией Солженицын знакомился не только по книгам. Писатель лично знал выдающегося генетика Н.В. Тимофеева-Ресовского, с которым первый раз встретился в 75-й камере «санатория Бутюр». Этот яркий человек обладал широким научным кругозором, был прекрасным рассказчиком, блестяще разбирался в искусстве. В 1946 году в Лубянской и Бутырской тюрьмах зэк Тимофеев-Ресовский «затеял коллоквий» (одним из участников которого был Солженицын), где ученый «читал доклады о биофизике ионизирующих излучений, о хромосомной теории наследственности, о копенгагенских общеметодологических принципах, о значении этих принципов для современной философии онтологического направления, для современной онтологии»[4]. К тому же Тимофеев-Ресовский, приходившийся внучатым племянником П.А. Кропоткину, анархисту и ученому-естественнику, — встречался и спорил со знаменитым родственником.

О Кропоткине в «Раковом корпусе» упоминает Шулубин — биолог, окончивший сельскохозяйственную академию, неординарный, но «опустошённый человек»[5], сломавший себе жизнь из-за ложных представлений о счастье семьи. Его речь так горяча, формулировки так красноречивы и ему так явно сочувствует Костоглотов, что многие читатели (и даже исследователи) воспринимают этого героя как резонера (этакий аналог Потугина из тургеневского «Дыма») и приписывают Солженицыну одобрение шулубинского «нравственного социализма»[6].

По Шулубину, задача человеческой жизни (и любой человеческой деятельности, в частности науки) — «взаимное высветление человеческих душ» (3, 323). Этому высветлению Шулубиным противопоставляется «облагороженная стадность. Боязнь остаться одному. *Вне коллектива*» (3, 365). Шулубин рассуждает о том, что такое человек («…мы думали: достаточно изменить способ производства — и сразу изменятся люди. А — чёрта лысого! А — нисколько не изменились. Человек есть биологический тип! Его меняют тысячелетия!» (3, 369)), чем отличаются от людей «люди-звери» (3, 369) («И не на избытке товаров можно построить социализм, потому что, если люди будут буйволами, — растопчут они и эти товары» (3, 369); «Счастлив и зверь, грызущий добычу, а взаимно расположены могут быть только люди» (3, 371)).

---

[4] *Тимофеев-Ресовский Н.В.* Воспоминания: Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами. М.: Согласие, 2000. С. 355–356 (цит. по: *Радзишевский В.В.* Комментарии // Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 3. С. 492).

[5] *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 322.

[6] Пересечения рассуждений Шулубина и самого Солженицына, конечно, есть — это шулубинские слова о жизни колхозной птичницы (3, 323) и солженицынский «Ответ молодому ученому» (см.: *Солженицын А.И.* Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волжск. кн. изд-во. 1996. Т. 2. С. 14).

Шулубин ставит Кропоткина в один ряд с великими русскими писателями — Л. Толстым и Достоевским: «А Кропоткина хоть страницу читали? “Взаимопомощь среди людей…?» (3, 371). В упомянутой работе Кропоткин утверждает, что «война всех против каждого вовсе не является преобладающим законом природы. Взаимная помощь — настолько же закон природы, как и взаимная борьба»[7]. Ведь «первая же прогулка в лесу, первое наблюдение над любым животным обществом или даже ознакомление с любым серьезным трудом, где говорится о жизни животных в еще густо не заселенных человеком материках… должны заставить натуралиста задуматься над ролью, которую играет общественная жизнь в мире животных, и предостеречь его как от понимания природы в виде всеобщего поля битвы, так и от противоположной крайности, видящей в природе одну гармонию и мир». «Ошибка Руссо, — полагал Кропоткин, — заключалась в том, что он совершенно упустил из виду борьбу, ведущуюся клювом и когтями, а Гёксли повинен в ошибке противоположного характера; но ни оптимизм Руссо, не пессимизм Гёксли не могут быть признаны беспристрастным научным истолкованием природы»[8].

Говоря о взаимоотношении животных, Кропоткин пользуется термином «общительность». Общительность, по Кропоткину, это не любовь и симпатия: «свести общительность животных к *любви* и *симпатии* значит сузить ее всеобщность и ее значение, — точно так же, как людская этика, основанная на любви и личной симпатии, ведет лишь к сужению понятия о нравственном чувстве в целом. Я вовсе не руковожусь любовью к хозяину данного дома — весьма часто я даже его не знаю, — когда, увидав его дом в огне, я схватываю ведро с водой и бегу к его дому, хотя бы нисколько не боялся за свой. Мною руководит более широкое, хотя и более неопределенное чувство, вернее инстинкт, общечеловеческой солидарности, т.е. круговой поруки между всеми людьми, и общежительности. То же самое наблюдается и среди животных. Не любовь и даже не симпатия (понимаемые в истинном значении этих слов) побуждают стадо жвачных или лошадей образовать круг с целью защиты от нападения волков; вовсе не любовь заставляет волков соединяться в своры для охоты…»[9]

Ученый делает вывод о том, что те виды животных, «у которых борьба между особями доведена до самых узких пределов, а практика взаимной помощи достигла наивысшего развития, оказываются неизменно наиболее многочисленными, наиболее процветающими и наиболее приспособленны-

---

[7] *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. М.: Кн. дом «Либроком», 2016. С. 48.

[8] Там же. С. 30.

[9] Там же. С. 21–22.

ми к дальнейшему прогрессу»[10]. В своей книге Кропоткин описывает «общественную жизнь» животных, очеловечивая их, так как для него важны не животные сами по себе, а то, что взаимная помощь есть нечто естественное. Основа жизни, по Кропоткину, не только борьба, но и взаимная помощь, кооперация (столь милая сердцу Солженицына).

Вот образчики немного наивного и очеловеченного повествования о «нравах», «душевных качествах» и «характерах» некоторых зоологических видов из книги Кропоткина.

О бурундуках он пишет: «Сродный обыкновенной белке бурундук отличается еще большей общительностью. Он — большой скопидом и в своих подземных ходах накопляет большие запасы съедобных корней и орехов, которые осенью обыкновенно грабят люди. По мнению некоторых наблюдателей, — отмечает Кропоткин, — бурундук даже знаком с радостями, испытываемыми скрягою. Но тем не менее он остается общительным животным»[11]. «Что же касается кроликов, — продолжает Кропоткин, — то они постоянно живут обществами, и вся их семейная жизнь покоится на началах древней патриархальной семьи; молодежь находится в полном подчинении у отца и даже у дедушки. В данном случае мы имеем даже очень интересный случай: эти два близких вида, кролики и зайцы, не выносят друг друга не потому, чтобы они питались одинаковою пищею, как обыкновенно принято объяснять подобные случаи, но, вероятнее всего, потому, что страстный заяц, большой индивидуалист притом, не может вести дружбу с таким покойным, смирным и покорным созданием, как кролик. Их темпераменты настолько различны, что должны быть препятствием дружбе»[12].

Как видим, стиль естественника достаточно жив и близок к литературному. Солженицын считал, что слог научных текстов не должен быть сухим и выхолощенным: писателю не нравились ни интеллигентская гладкопись нерусского толка, ни псевдонаучная заумь. «Своей авторской речью, — отзывался Солженицын на статью филолога академика В.В. Виноградова, — он подаёт нам худой образец. Он не ищет выразительных, ёмких слов и мало озабочен их гибким русским согласованием. Говорить о великом предмете нам бы стараться на уровне этого предмета. …Такие “Заметки” угнетают наше чувство языка, затемняют предмет, вместо того чтобы его разъяснить, горчат там, где надо сдобрить»[13].

---

[10] Там же. С. 238.

[11] Там же. С. 57.

[12] Там же. С. 59.

[13] *Солженицын А.И.* Не обычай дёгтем щи белить, на то сметана // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Т. 2. С. 7–8.

Конечно, перед академиком Виноградовым не стояла задача популярного изложения научных выводов. Солженицын же стремился к единству науки и искусства, которым, как представляется, пронизано его творчество[14]. Стоит лишь вспомнить жанр «Архипелага ГУЛАГа» — *опыт художественного исследования* — и использование математической терминологии для объяснения собственной поэтики или названия частей композиции — связка плоскостей, узловые точки и т.п.

И в «Раковом корпусе», самом «толстовском» тексте Солженицына, основные вопросы ставятся и решаются не только через толстовские тексты, но и с помощью зоологического кода. И конечно, когда в литературном произведении говорится о животных, всегда имеются в виду люди. Это замечает, например, А.В. Урманов: «Частое использование зооморфных сравнений и метафор — важная черта поэтики Солженицына, имеющая опору в классической традиции. Их применение — наиболее короткий путь к созданию наглядных экспрессивных образов, к выявлению сути человеческих характеров, а также к опосредованному, но весьма выразительному проявлению авторской модальности». В то же время А.В. Урманов считает, что иногда «зооморфные сравнения разрушают органическую целостность образа, размывают контуры характера. Такое происходит при чрезмерном обилии сравнений». Анализируя образ Гопчика из «Одного дня Ивана Денисовича», Урманов пишет о том, что в портрете этого героя «совмещены черты *поросёнка, телёнка, белки, зайчишки, козлёнка, а кроме того, волчонка*», поэтому «*физиономия* Гопчика не имеет портретной доминанты», «его образ теряет отчётливость и выразительность, оказывается размытым»[15]. Образ Дёмки аналогичен по конструкции образу Гопчика. Этот персонаж «Ракового корпуса» несколько раз сравнивается с животными: «ногу он поджал, как котёнок» (3, 43), «стал тыкаться как поросёнок» (3, 336) и пр., что не делает его образ размытым и неясным, а акцентирует детскость Дёмки:

---

[14] Здесь хочется привести слова русского биолога середины XX века, прошедшего ГУЛАГ, Б.С. Кузина, который динамично и выразительно, на живом великорусском языке говорит о задачах научного познания: «…армия ученых-биологов растет. Они интенсивно разрабатывают разнообразные отделы биологии… Кроме главных. Здесь большинство их пасует перед грандиозностью идей, открывающих перспективы познания самой сущности жизни. Но желание проникнуть в эти тайны, конечно, у биологов имеется, и они с жадностью ищут ключа к ним, устремляя свои усилия по тем каналам, успешное продвижение по которым возможно без приближения к необычным для естествоиспытателя идеям. Эти идеи постигаются полусознательно-полуинтуитивно. В их царстве стирается граница между творчеством ученого и художника. Там царит то единство науки и искусства, в котором они находились при своем зарождении и к которому, по предвидению Гете, они должны прийти вновь» (*Кузин Б.С.* О принципе поля в биологии // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 155–156).

[15] *Урманов А.В.* Люди или нелюди?: (О роли зооморфных сравнений в рассказе «Один день Ивана Денисовича») // Урманов А.В. Художественное мироздание Александра Солженицына. М.: Русский путь, 2014. С. 56–58.

«И мягко делал губами так, как её будущий ребёнок с этой грудью уже не сделает никогда» (3, 337).

В «Раковом корпусе» тоже присутствуют зооморфные сравнения:

«главврач, как тигр, бросился к тумбочкам» (3, 204);

«укрючливо матюгался, подцепляя, что там святей и дороже, и наслаждался коленами многими, как соловей» (3, 88)[16];

«взвилась она рассерженно, как лошадь взвивается с передних» (3, 335)).

Встречаются окаменевшие метафоры, связанные с животными:

«И так это Дёмке опостыло, что пойлом свиным казалось ему то, о чём его сверстники думали с задрогом» (3, 111);

«Он выздоровел, но от бычьих доз рентгена все окружающие ткани стали непомерно чувствительны и расположены к образованию новых злокачественных опухолей» (3, 57);

«Нет, ишачить не буду» (3, 356).

Фразеологизмы:

«На всякое дерево птичка садится» (3, 173);

«Главврач мышей не ловит» (3, 261);

«А неделю дома поживёшь – уже хвост поджимается» (3, 299).

Ругательства:

«Вообще, мы её Жабой зовём» (3, 118);

«Индюки надутые!» (3,118);

«А масса, граждане наши, сидят глазеют: вот гады врачи!» (3, 311).

Парафраз:

«Наши родные в красноярской тайге на четвереньках бегают, известно!» (3, 252).

Глаголы, обозначающие действия, свойственные животным, применительно к человеку:

«Э-э-эх, мне бы в таких пойти — вот бы хахали табунились!» (223);

«Настоящая боль была в его голосе, но Костоглотов не пожалел его, а только отгавкнулся» (3, 181);

«Не брыкаетесь?» (3, 205).

Части тела человека, названные частями тела животного:

«Лев Леонидович сидел на отставленном стуле, заложив одну длинную ногу за другую, а растопыренные лапы всунул под жгут белого пояска, завязанного у него на животе» (3, 301);

«На койке против Ефрема с самого укола спал этот белорылый курортник» (3, 93);

«Лев Леонидович косился на славную, хотя и лисью, мордочку её» (3, 309).

---

[16] При освобождении конструкции от распространяющих ее оборотов и слов, получается такое оксюморонное: «матюгался… как соловей».

Слова и выражения, связанные с животными, употребляются в повести в разных контекстах. Это может быть лексика, обозначающая звуки, издаваемые животными, одежду, еду, меру объема, способ двигаться, способ оплаты, способ мести, образ болезни и др.

Персонажи могут «мычать» (3, 113), «по-звериному взвыть на капкан» (3, 258), «кудахтать» (3, 258) и т.п. Одежда, связанная с животными, характеризует социальное положение героев. Супруги Русановы предстают как ценящие комфорт и достаток (недаром они опасаются плохо одетых людей). Капитолина Матвеевна одета богато — объята «по плечам двумя чернобурками» (3, 11), ее муж, владелец котиковой шапки (3, 11), ходит в «тёплых комнатных туфлях с меховой оторочкой» (3, 13). Костоглотов тоже носит меха, но его «бараний уш-терекский полушубок» (3, 255) деревенски демократичен. А вот у зэков в лагере шапки-сталинки и вовсе «поддельного меха» (3, 269).

Какая животная пища присутствует в художественном мире «Ракового корпуса»?

«На базаре у греков всегда молоко, у курдов баранина, у немцев свинина» (3, 40) — так рассказывает Костоглотов о своей «Прекрасной Ссылке». А в городских магазинах: «В мясном отделе было пусто, и продавец даже ушёл. В рыбном нечего было брать — селёдка, солёная камбала, консервы» (3, 87). Плотолюбивый и плотоядный Чалый предвкушает прием пищи: «Телятина. Сочно зажарена, не пересушена» (3, 267). И оправдывает свою полигамность: «…командировочным удобно: в каждом городе комната с куриной лапшой» (3, 270). Костоглотов «раскидывает чернуху»: «По базару хожу и хмуро торгуюсь, как только зэки, наверное, умеют (на жирную бело-жёлтую курицу прогундосить: “и сколько ж, тётка, за этого туберкулёзного цыплёнка просишь?”)» (3, 252). Курятина в «Раковом корпусе» играет маркирующую роль — именно куриное мясо поглощает Русанов («нырнул в тумбочку за курятиной» (3, 94); «глодает курячью косточку» (3, 95); «объедал куриную ножку, двумя руками держа её за концы» (3, 96)). В то время в СССР куриное мясо ценилось «на вес золота». Его, пишет Солженицын, «невозможно достать даже для диетического больного»[17].

Через использование зоослов возможно передать даже объем предмета: «Многие женщины в трамвае, как и Людмила Афанасьевна, были не с малоёмкими дамскими сумочками, а с сумками-баулами, куда можно затолкать живого поросёнка или четыре буханки хлеба» (3, 86). Большая неженская сумка в общественном транспорте вызывает на память строки из крохотки Солженицына «Колхозный рюкзак» (1958–1963): «Когда вас в пригородном автобусе больно давят в грудь или в бок его твёрдым углом, — вы не брани-

[17] *Солженицын А.И.* Иметь мужество видеть: Полемика в журнале «Foreign Affairs» (1980) // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Т. 1. С. 387.

тесь, а посмотрите хорошо на него, этот лубяной плетёный короб на широком брезентовом разлохмаченном ремне. В город возят в нём молоко, творог, помидоры за себя и за двух соседок, из города — полста батонов на три семьи» (1, 548). И это не столько признак практичности, сколько эмблема тяжкой женской и — шире — народной доли.

И еще одна крохотка Солженицына, «Способ двигаться» (1958–1960), пересекается с текстом «Ракового корпуса»: «Чтó был конь — играющий выгнутою спиной, рубящий копытами, с размётанной гривой, с разумным горячим глазом! Чтó был верблюд — двугорбый лебедь, медлительный мудрец с усмешкой познания на круглых губах!» (1, 544). Автомобиль — «безобразнейшее из творений Земли, на резиновых быстрых лапах, с мёртвыми стеклянными глазами, тупым ребристым рылом, горбатое железным ящиком» (1, 544). Солженицын использует здесь этакое толстовское переназывание и новое описание предмета (рассматривание незамыленным глазом) для выявления его истинных свойств. «Что ж, каковы мы — таков и наш способ двигаться» (1, 544). Вот доктор Орещенков «в момент панического отступления полка вскочил на лошадь, завернул полк и увлёк его» (3, 351). Вадим мечтает о несбыточном — «сесть на коня и ехать в поле» (3, 257). Костоглотов вспоминает об Уш-Тереке, где верблюд не только транспортное средство, но и часть пейзажа: «А какие живописные базары, вы бы видели! Все в национальных костюмах, приезжают на верблюдах» (3, 40). А аппаратчик Русанов с семьей разъезжает на автомобиле, пугая прохожих.

Патриархальная взятка учителю (почти натуральный обмен) — шкурка каракуля: «…третий секретарь райкома, который возжелал сдать экстерном за среднюю школу, но, не зная ни одной из математик, прокрался ночью к ссыльному учителю и поднёс ему шкурку каракуля» (3, 230). И мстить, оказывается, можно с помощью животного (пусть и дохлого): «Один полковник в отставке, мне рассказывали, твёрдо стоял, сказал — не доплачу ни копейки! Так рабочие заложили ему в сток ванной дохлую крысу — и вода плохо сходила, и вонью несло» (3, 158).

В солженицынской повести олицетворяется, дается через лексику, связанную с животным миром, и образ раковой болезни. Вот ее пугающие именования: «внутренняя жаба» (3, 51), «жаба-опухоль» (3, 64), «гадина» (3, 174), «змея» (3, 215), «страшная прилепина» (3, 172), «эта сволочь» (3, 174), «зараза гнетучая» (3, 300) и др.

Ефрем Поддуев говорит: «Рак людей любит. Кого рак клешнёй схватит — то уж до смерти» (3, 17). Персонаж очень точно передает внутреннюю форму слова, связанную с его этимологией. Ещё знаменитый Гиппократ заметил внешнее сходство злокачественной опухоли с распространяющимся вокруг центра воспалением с животным — крабом и назвал данное заболевание carcinom (краб, *греч.*). Римский врач Авл Корнелий Цельс перевел это слово на латынь как cancer (рак), и в этом виде слово вошло во все языки мира.

В художественном мире «Ракового корпуса» опухоль может думать (3, 105), вспыхнуть (3, 57), укусить (3, 78), говорить и чувствовать (3, 67), но в то же время она «глухая, бесчувственная» (3, 22). Рак может доедать (3, 207) свою жертву. С болезнью, словно с живым существом, возникают различные отношения: на нее досадуют (3, 230), ее боятся, надеются прибить (3, 254), сбросить (3, 248), она заслоняет весь мир (3, 22), перековеркивает жизнь (3, 121), обороняется сама и обороняются от нее (3, 73). Смерть также представляется анималистично — пантерой, «уже виляющей чёрным телом, уже бьющей хвостом, уже прилегшей рядом» (3, 216), готовой напасть и «загрызть» (3, 380)[18].

Постоянные устойчивые зоологические обозначения имеют некоторые герои повести. Вера Гангарт — это газель и антилопа. Образ изящной и недоступной возлюбленной в виде грациозного копытного встречается в литературе и до солженицынского «Ракового корпуса». Яркий пример — «Zoo. Письма не о любви, или Третья Элоиза» В. Шкловского, где адресат героя — женщина, чьим прототипом является тонконожка Эльза Триоле, — ассоциируется с ламой: «Очень красивы были ламы. У них теплое шерстяное платье и голова легкая. Похожи на тебя»[19].

Газель, антилопа — воплощение стройности и грациозности (у Даля эти животные описаны сходно: «с оленьим станом и козьими рогами» и «рога козьи, стан олений»[20]). Первое, что Костоглотов замечает в Веге, — это ноги, поэтому в тексте появляется лирически-лейтмотивное: «Её ноги, ноги её газельи» (3, 202). К середине XX в. в поэзии сформировалось устойчивое сочетание «газельи глаза» (или «глаза газели»). См., например: «И в глаза твои газельи» (А. Фет «Под палаткою пунцовой…»); «Вот девушка с газельими глазами» (Н. Гумилев «Вот девушка с газельими глазами…»); «Прекрасная дева смотрела глазами газели» (К. Бальмонт «Песня араба») и пр. Но Солженицын обновляет фразеологизм. И определение «газельи» делает Вегины легкие, невесомые ноги почти совсем бесплотными и невещественными. Таким образом, появляется Вега-газель-антилопа — «чудо духовности… на стройных лёгких ногах» (3, 426), с «крупными доверчивыми и — милыми! да, милыми глазами!» (3, 426).

Алексей Филиппович Шулубин с «молчанием сычёвым» (3, 274), «недобрыми отёчными глазами» (3, 274), «неловкими, взлетающими и подре-

---

[18] См. об этом: *Спиваковский П.Е.* Система онтологических символов в эпопее «Красное Колесо» // «Красное Колесо» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Междунар. сб. науч. тр. / отв. ред. А.В. Урманов. Благовещенск: Изд-во БПГУ, 2005. С. 51–77.

[19] *Шкловский В.Б.* Приложение. Zoo, или Письма не о любви, или Третья Элоиза // Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. М.: Новости, 1990. С. 297.

[20] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и национальных словарей, 1956. Т. 1. С. 18, 340.

занными, птичьими движениями» (3, 324) подобен не самой симпатичной птице. Филин, сыч, ворон — таким видят его и враждебный Русанов, и сочувствующий Костоглотов. В.Г. Краснов отмечает, что «Шулубин, с его большими и пронизывающими круглыми глазами, часто сравнивается с “ночной совой”, при этом, — полагает исследователь, — подразумевается не только пресловутая «“мудрость” совы, но и то, что на протяжении всей своей карьеры он был верен себе только по ночам»[21]. В зоопарке сидит еще один зооаналог Шулубина — «задумчивый шимпанзе» (3, 424).

Пчела — основная зоологическая ипостась Зои, которая, по мнению В.Г. Краснова, «ассоциируется и сохраняется в памяти читателя как… положительное создание, старательное, полезное и не приносящее вреда, если не нарушить его покой. Живая и динамичная, она позволяет Костоглотову пить мёд её поцелуев в поддержку его физического выздоровления»[22]. «Зоя — это жизнь!» — торжественно провозглашает героиня (3, 151). Зоя отчетливо сознает свою близость к «зоо-предкам» (и губы у нее «как рыльце» (3, 141)): «Добываем пищу, кормим детёнышей. Разве это плохо?» (3, 151). В Зое сконцентрированы различные зоо-качества: и животная чуткость, и животная эгоистичность, что, если рассуждать, не плохо и не хорошо, но слишком мало (или слишком много) для Костоглотова. Эта «пчёлка с чёлкой» (3, 39), с «алчными огневатыми губами» (3, 210) «в своём теле, в соотношении его частей, и в своём характере тоже, и в своём понимании всей жизни целиком… ощущала равновесие и гармонию» (3, 139).

Посмотрим некоторые пословицы и загадки о пчелах из словаря Даля: «Работяща, как пчела»; «Сидит девица в темной темнице, вяжет узор, ни петлей, ни узлом»; «Сидят девушки в горенках, нижут бисерок на ниточки»; «В темнице девица бранину собирает, узор вышивает, ни иглы, ни шелку»; «В тесной избушке ткут холсты старушки»; «Летит птица крутоносенькая, несет тафту крутожелтенькую; еще та тафта ко Христу годна?»[23] и др. Как видим, у Даля пчела ассоциируется с женщиной, которая рукодельничает — шьет, вяжет и вышивает, вообще имеет тесные отношения с тканью, поэтому совершенно органичным оказывается, что у пчелки Зои вышивание в руках и что иноземное слово «мулине», неизвестное Костоглотову, обозначает особый вид ниток: «Зоя… достала и развернула вышиванье: небольшой кусочек, натянутый на пяльцы, на нём уже вышитый зелёный журавль, а лиса и кувшин только нарисованы» (3, 38). Журавль в данном случае, скорее всего, проекция Костоглотова. «Разве, тебя, журавля долгоногого, спутаешь с кем? Один такой у нас, нещечко», — говорят герою (3, 275). Кстати, по свидетель-

---

[21] *Краснов В.Г.* Солженицын и Достоевский: Искусство полифонического романа. [Б.м.], 2012. С. 180.

[22] Там же.

[23] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. С. 545–546.

ству лечащего врача И.Е. Мейке, во время лечения Солженицын «весь парк исходил вдоль и поперёк. И когда санитарка вызывала его на процедуры, она говорила: «Господи, да этого длинноногого журавля где искать?»[24] А рыжая Зоя-«золотончик» с «лакомым» голоском чем не лиса! Образы журавля-жениха и лисицы-девицы, матримониальная тематика разговоров, конечно же, напоминают сюжет русской сказки «Лиса и журавль», где наметившиеся любовные отношения между героями («Лиса с журавлем подружилась…») сойдут на нет: «С тех пор и дружба у лисы с журавлем врозь»[25]. Это символически предсказывает читателю, чем закончатся еще почти и не начавшиеся отношения Зои и Костоглотова.

С образом Зои связана и обезьяна — девушка шьет себе замечательный костюм для бала-маскарада, но грубое озорство незнакомых парней не дает возможность ей получить столь желанную премию за костюм (3, 137).

Хирург Лев Леонидович (как пишет Р. Темпест, «Лев в квадрате, а то и в кубе!»[26]) обладает сердцем льва и внешностью обезьяны, вернее горрилоида. Вега «с удовольствием увидела ещё издали во встречном нижнем коридоре крупную, сильную и мило-смешную фигуру гориллоида — Льва Леонидовича… Как бы непомерно тяжёлые, слишком большие руки свисали у него, чуть не перетягивая и плеч, и были как будто пороком фигуры, а на самом деле украшением её» (3, 297). Это же слово «горрилоид» встречается в «Архипелаге ГУЛАГе» в значении уголовник, урка, у которых «жестокие гадкие хари с выражением жадности и насмешки» (4, 444), «глазками ровно того размера, чтобы видеть всегда знакомые предметы и не удивляться красотам мира, он смотрит на меня как кабан на оленя, зная, что с ног сшибить может меня всегда» (4, 479). Но в «Раковом корпусе» акцент делается не на безобразной физиономии, а на длинных обезьяньих руках («эти волосатые обезьяньи руки» (3, 258)) — на надежных и умелых руках хирурга, которые спасают.

Такая концентрация обезьяньего в героях должна же чем-то объясняться. Не стоит ли опять обратиться к словарю Даля? Вот что написано об обезьянах в знаменитом (читаном-перечитаном Солженицыным в лагере, расчерченном и размеченном, ставшем основой «Русского словаря языкового расширения») втором томе: «Вообще, это животные, по внешности своей, более прочих похожие на человека, а некоторые крупные виды (оранг, шимпанз, гибон, сиаманг) показывают и умственную способность, которая выше животной побудки (инстинкта), именно: разнообразие в постройке шала-

---

[24] *Радзишевский В.В.* Комментарии // Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 3. С. 524.

[25] Лиса и журавль // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984. Т. 1. С. 44.

[26] *Темпест Р.* Эстетическая тайнопись Солженицына: «Один день Ивана Денисовича» как род художественной медитации // Международная научная конференция «“Ивану Денисовичу” — полвека»: К 50-летию публикации рассказа Александра Солженицына. Москва, 15–16 ноября 2012 г. М.: Викмо-М, 2013. С. 118–119.

шей или хижин и употребленье приспособленного оружия, дубинки, камня; все прочие животные строят жилье свое однообразно, по природе своей, и, кроме когтей и зубов, оружия не знают. …Если некоторые виды обезьян и оказывают высшие, противу прочих животных, умственные способности, то не менее того, человек стоит неизмеримо выше, и до него нет постепенного перехода: данное животному подобие разума и воля его соединены, сплавлены в одно, и образуют слепую побудку; посему животное и не может просвещаться, не может расти духовно и нравственно, а стоит раз навсегда с побудкой своей на одной точке. В человеке, напротив, разум и воля раздельны, и человек даже сам сознает в себе этот спор умственной и нравственной стихий; следовательно, духу его дано еще третье, высшее начало, созерцающее и личность свою, и внешний мир, и самого Творца; в этом тайнике души преобразовалось Божество; тайник этот отличает человека от всякого животного и обеспечивает ему навсегда личную самостоятельность, бессмертие. Посему правильно говорится, что: Из хорошей обезьяны не сделаешь и плохого человека»[27].

Широкая анималистическая панорама, зоо-эпизоды и инкрустация в текст биолого-медицинских мотивов в «Раковом корпусе» — это одна из тех многочисленных ниточек, что связывает Солженицына с русской классической литературой. При этом у писателя сильный собственный голос, гармонично звучащий, но не сливающийся с хором предшественников. Вспомним, что Нобелевский комитет присудил в 1970 году Солженицыну премию «за нравственную силу, с которой он продолжил извечную традицию русской литературы»[28].

С помощью зоологического кода Солженицын в «Раковом корпусе» дает ответы не только на вопрос «Чем люди живы?», но и на вопрос, чем человек отличается от животных, и кто такой человек, и что за любовь, которой люди живут. И связано это оказывается с тем, что «любовь к животным мы теперь не ставим в людях ни в грош, а над привязанностью к кошкам даже непременно смеёмся. Но разлюбив сперва животных — не неизбежно ли мы потом разлюбливаем и людей» (3, 235).

---

[27] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 578.

[28] Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии: К 95-летию со дня рождения / авт.-сост. Н.Д. Солженицына, Г.А. Тюрина. М.: Русский путь, 2013. С. 262.

Г.А. Тюрина

«ЯЗЫК САМ ЗНАЕТ, ЧЕГО ОН ХОЧЕТ»

Сорок лет работы Солженицына над «Русским словарем языкового расширения»[1]

В 2015 году из печати вышло очередное, четвертое издание «Русского словаря языкового расширения»[2]. Впервые словарь напечатан в 1990-м, в последующее десятилетие дважды переиздавался (1995, 2000), затем стал фактически недоступен. Тем не менее в последние годы был опубликован ряд работ, посвященных языку Солженицына, с опорой на его словарь. В центре внимания исследователей по преимуществу вопросы узкоспециальные (например, «сложные окказиональные субстантивы» или «коннотативный аспект семантики соматических окказионализмов»). Авторы этих содержательных трудов, буквально по косточкам разбирая лексемы или синтаксические построения Солженицына, оставляют вне поля зрения более общие и, на наш взгляд, очень важные вопросы — чем лексикографическая работа была для самого писателя? какую роль сыграла она в жизни Солженицына? как сказалась на его поэтике? Вот вывод диссертации, посвященной анализу нескольких сотен примеров солженицынского словоупотребления: «Проведение сопоставительного семантического анализа лексики словаря Даля и языка произведений Солженицына показало, что обращение Солженицына к словарю Даля не является случайным. Оно имеет многофункциональный характер. Цель такого обращения — возрождение лексем Даля, их возвращение в языковой обиход. Возрождая лексику Даля к новой жизни, Солженицын преследовал цель языкового расширения, сохранения и закрепления далевских слов в современном литературном и речевом обиходе»[3]. Не оспаривая вы-

---

[1] Доклад на семинаре отдела по изучению наследия А.И. Солженицына 30 ноября 2015 года в ДРЗ. — *Ред*.

[2] Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. М.: Русский путь, 2015.

[3] *Коваленко К.В.* Семантика окказиональной лексики языка произведений А.И. Солженицына и «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. Вып. 103. С. 132.

вода, позволим себе отметить долгожданное переиздание солженицынского словаря размышлениями над языковой стороной творчества писателя с позиции не лингвиста, но, скажем так, — заинтересованного читателя.

Уникальный во многих отношениях труд Солженицына возрождает уснувшую в XX веке традицию — составление словаря вновь стало делом писателя, т.е. человека, для кого *слово* является синонимом *дыхания*[4]. Поставив перед собой задачу скорее *художественную*, Солженицын создал словарь, в первую очередь, *для чтения*. Эта книга — не вспомогательное пособие и не справочный материал: она дает возможность погрузиться в стихию родного языка, от которой мы все дальше отодвигаемся *затёртостью сегодняшней письменной речи*[5]. В самом начале творческого пути Солженицына эта живительная стихия открылась ему на страницах «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, о чем он неоднократно упоминал впоследствии: «…я — захлебнулся от этого языкового изобилия и точности, и разветвлённости значений. Я только инстинктом мог раньше предчувствовать это богатство! — а теперь эти россыпи все лежали передо мной — черпай!»[6] Эта счастливая встреча (впрочем, в мало счастливых обстоятельствах — в спецтюрьме МГБ[7]) положила начало стремительному профессиональному росту начинающего писателя, поставив перед ним главной творческой задачей овладение родным языком. «Если не владеешь тем языком, на кото-

---

[4] Не удаляясь глубоко в историю отечественной лексикографии, след в которой оставили весьма многие значимые фигуры, причастные к словесности, выделим «золотой» XIX век, и в первую очередь А.С. Пушкина и несомненную причастность его божественного вдохновения к успешному завершению беспрецедентного проекта В.И. Даля.

Этот грандиозный труд полностью заслонил от внимания исследователей лексикографические опыты других писателей, и сегодня не изученные в должной мере. В первую очередь такого исследования заслуживают языковые изыскания Н.В. Гоголя и А.Н. Островского, которые довели свои лексические наблюдения до конечной формы — составили словари. Гоголь, еще прежде Даля задумавший собрать «Объяснительный словарь русского языка», ограничился коллекцией диалектной лексики, включившей 1700 единиц, озаглавленной «Сборник слов простонародных, старинных и малоупотребительных». Островский во время своих командировок-путешествий по Волге изучал слова «судоходные, рыболовецкие, промысловые». Свой «Опыт волжского словаря» писатель впоследствии переработал в «Материалы для словаря русского народного языка». См.: *Байрамукова А.И.* Корреляция писательской и лексикографической деятельности В.И. Даля в контексте лексикографической работы писателей XVIII–XIX веков // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. СПб.: Изд-во ЛГУ, 2011. № 3. Т. 1. С. 81–91.

[5] См.: Объяснение составителя к словарю: Русский словарь языкового расширения. С. 3–6.

[6] Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии: К 95-летию со дня рождения: [Выставка в ГМИИ им. А.С. Пушкина, 9 декабря 2013 – 9 февраля 2014] / авт.-сост. Н.Д. Солженицына, Г.А. Тюрина. М.: Русский путь, 2013. С. 130.

[7] Полное издание словаря Даля 1863 года заключенный Солженицын обнаружил в библиотеке «оптической» шарашки в Загорске, где он пребывал в марте – июне 1947 года. См.: Там же. С. 124–130.

ром пишешь, — вообще никакая литература настоящая невозможна. “Владеть”… — не то, что знаешь его, а сливаешься с ним»[8].

Лексикографическая работа Солженицына стала следствием многолетних занятий, направленных на обретение собственного художественного *слова*. Ежедневный урок, состоящий из чтения, выписок из словарей и произведений русских авторов, собственных наблюдений над речью окружающих, помог писателю обрести почву, на которой взросло самобытное и в то же время крепко укорененное в традициях отечественной словесности дерево языка его прозы.

Язык Солженицына всегда узнаваем. В статье Т.Г. Винокур, написанной после публикации самого первого рассказа «начинающего» автора и не утратившей своей актуальности и сегодня, отмечен творческий подход Солженицына к освоенным языковым источникам: «Как показало сопоставление основного круга внелитературной лексики, использованной в повести, с данными “Толкового словаря живого великорусского языка” В.И. Даля, Солженицын, стремясь прежде всего к достоверности словесного отбора, выверял по словарю каждое слово, заимствованное не из своего собственного, личного словарного запаса, а извне. Причем цель, с какой Солженицын изучал словарь Даля, была именно проверить действительное существование услышанного слова, его значение, а не выискать слово “почудней”. Об этом убедительно говорит тот факт, что диалектная и обиходно-просторечная лексика у Солженицына, как правило, не идентична соответственным словам у Даля, а лишь сходна с ними.

Например, *доболтки*, *зяблый*, *захрясток* — в повести; *доболтка* (только в ед. ч.), *зябливый*, *захрястье* — у Даля»[9].

Благодарно откликнувшись автору статьи личным письмом, Солженицын несколько подправил вывод исследовательницы: «Так много пишут о чем угодно, кроме того, что́ с профессиональной точки зрения здесь было самое трудное и интересное — язык, все его слои и переходы. Я благодарен Вам за Вашу наблюдательность и понимание. <…> Взаимоотношения мои с Далем несколько сложней, чем Вы представили в Вашей работе. Если слово слышано в жизни, уж так ли важно проверять, есть ли оно у Даля? — оно уже имеет право быть. Самое важное, что дает мне давний (и постоянный) контакт с Далем, — это ощущение д у х а языка. Когда удается поддерживать в себе это ощущение (а удается не всегда, для этого нужны некоторые условия) — то о любом словообразовании удается легко судить — оно в духе язы-

---

[8] *Солженицын А.И.* Беседа со студентами-славистами в Цюрихском университете, 20 февраля 1975 // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхн-Волж. кн. изд-во, 1995–1997. Т. 2. С. 216.

[9] *Винокур Т.Г.* О языке и стиле повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // «Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник: 1962–2012. М.: Русский путь, 2012. С. 302.

ка или не в духе. Во втором случае его надо сразу отбросить, в первом сразу принять, не задумываясь над тем, есть ли оно в словаре или оно “новое”»[10].

Дух подразумевает не только лексическое своеобразие, но и ритм, интонации, *склад* звучащей речи[11]. В дополнение к словарю Даля ежедневным чтением Солженицына стали сборники русских пословиц — по его убеждению, именно в пословице, краткой синтаксической единице, нагруженной глубоким смыслом (часто — несколькими смыслами), сохраняется через столетия природный *склад* языка[12]. Целый ряд пословиц, встречающихся в произведениях самого Солженицына, усвоен отечественной культурной традицией в качестве народных: «за что не доплатишь, того не доносишь», «одно слово правды весь мир перетянет», «не стоит село без праведника» и многие другие. При этом заимствованная из Даля пословица почти всегда претерпевает у Солженицына художественную обработку. Таковы две последние приведенные выше пословицы. Речение «не стоит село без праведника» восходит к ритмически менее напряженному выражению «не стоит город без святого, селение без праведника»; а «одно слово правды весь мир перетянет» стянута из трех далевских, «мир за себя постоит», «мира не перетянешь», «придет пора, что правда скажется (или: перетянет)».

Этот же подход — не механическое копирование, но поиск живых соков слов и выражений — лежит в основе работы писателя над своим словарем. В

---

[10] *Капанадзе Л.А.* Три письма А.И. Солженицына Татьяне Григорьевне Винокур // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т.Г. Винокур. М.: Наука, 1996. С. 309.

[11] По Далю: *склад* — свойства языка для сочетания слов.

[12] См.: *Дюран К.* Некоторые заметки об использовании пословиц в литературе, в особенности в русской литературе, в частности в «Красном Колесе» Александра Солженицына // Жизнь и творчество Александра Солженицына: На пути к «Красному Колесу»: Материалы Международной научной конференции: Москва, 7–9 декабря 2011 года / сост. Л.И. Сараскина. М.: Русский путь, 2011. С. 406–426.

О своем отношении к пословицам Солженицын говорил неоднократно. Так, о тяжелой осени 1965 года, после захвата КГБ части архива, он пишет: «Очень утешало меня в эти месяцы ежедневное чтение русских пословиц, как молитвенника. Сперва:

— Печаль не уморит, а с ног собьёт.

— Этой беды не заспишь.

— Судьба придёт — по рукам свяжет. <…>

— Всё минется, одна правда останется!

Последняя утешала особенно, только неясно было: а как же мне этой правде помочь? Ведь

— Кручиной моря не переедешь.

И такая с прямым намёком:

— Один со страху помер, а другой ожил.

И ещё загадочная:

— Пришла беда — не брезгуй и ею.

Получалось, что надо мне “от страху ожить” <…>

Отвага — половина спасения! — нашёптывала мне книжечка пословиц»

(*Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие. С. 128–129, 131).

противовес основному принципу лексикографии — собрать как можно больше лексических единиц, относящихся к так или иначе заданному «полю», писатель составил свой словарь по принципу строгого отбора, причем никак не слов *почудней*. В центре его внимания не оригинальные колоритные слова, редкие и непривычные для литературно воспитанного читателя, но еще не отмерший окончательно лексический пласт, граничащий с зоной активного словоупотребления, находящийся вне ее, но *очень близко*. По убеждению Солженицына, его еще можно немножко передвинуть, подтянуть, наложить на нашу обиходную речь и таким образом вернуть ей утраченное за последние десятилетия богатство средств выражения. Предлагаемые к употреблению слова, «никак не заслуживающие преждевременной смерти, ещё вполне гибкие, таящие в себе богатое движение»[13], не очень привычны, но понятны нам, носителям языка, без дополнительных пояснений (например, глагол *авосьничать* или известный всем с детства *багрец*).

Таких языковых единиц в словаре Солженицына около 30 000. Своеобычный жанр книги открывает составителю свободу в организации материала: принятый за основу алфавитный принцип то и дело нарушается переходом к малым гнездам, что ломает однообразный словарный ритм и делает чтение увлекательным. Подчеркнуто ненаучный, сугубо субъективный подход к отбору слов — лишь тех, что созвучны языковым ощущениям писателя, — делает труд Солженицына богатым источником, отразившим его жизненный и творческий опыт, обнаруживающим круг его языковых интересов и пристрастий (по словарю, помимо Даля, это локальная лексика, церковнославянизмы, произведения отечественных писателей, от Пушкина до Астафьева).

Примечательны два тематические раздела, добавленные к основному корпусу словаря в качестве приложения. Первый, озаглавленный «О лошадях», сложился, по-видимому, в память самого первого погружения писателя в пучину народной русской речи, когда вчерашний учитель, городской интеллигент, ограниченно годный по здоровью к военной службе, после неудачных попыток попасть на фронт оказался в гужтранспортном батальоне и наравне с опытными деревенскими мужиками должен был ухаживать за табунами лошадей: «…началась война, и Нержин сперва попал ездовым в обоз и, давясь от обиды, неуклюжий, гонялся за лошадьми по выгону, чтоб их обротать или вспрыгнуть им на спину. Он не умел ездить верхом, не умел ладить упряжи, не умел брать сена на вилы, и даже гвоздь под его молотком непременно изгибался, как бы от хохота над неумелым мастером»[14]. Вместе с навыками обращения

---

[13] Русский словарь языкового расширения. С. 4.

[14] *Солженицын А.И.* В круге первом // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006–… Т. 2. С. 483.

Свою жизнь в обозе Солженицын описал в автобиографической повести «Люби революцию», которую сочинял на Марфинской шарашке в 1948 году. См.: *Он же*. Люби революцию: Неоконченная повесть // Там же. Т. 18. С. 253–389.

с лошадьми Солженицын вынес тогда массу наблюдений и знаний, которые впоследствии очень ему пригодились: лошадь — непременный спутник героев и «новомирских» рассказов, и исторической эпопеи.

Возможно, тогда же, в «лошадином обозе», значительно обогатился словарный запас Солженицына для выражения негативных чувств. Во втором дополнительном разделе словаря писатель предлагает сплотку бранных слов, отразившую богатые возможности русского языка в области, где оскудение словоупотребления ощущается особенно остро.

Реальность намеченного писателем пути языкового расширения проверена им на собственном опыте — Солженицын следовал ему все годы творческой работы: с первой самодельной книжечки, сделанной на шарашке в 1947 году, куда он стал заносить выписки из словаря Даля для дальнейшей обработки («первый экстракт»), через лагерь, ссылку, годы подпольного писательства до изгнания из СССР, во время «благополучной» работы над «Красным Колесом» в ожидании возврата в Россию. «Русский словарь языкового расширения» увидел свет в 1990 году в Москве с машинописи, сделанной в начале 1980-х младшим сыном писателя Степаном (на листах обильная рукописная правка Солженицына — самый последний «экстракт» перед публикацией)[15]. Издание подвело итог сорокалетней истории словарной работы писателя. Готовя труд к печати, он свидетельствовал: «Эта работа помогла мне воссоздать в себе ощущение глубины и широты русского языка, которые я предчувствовал, но был лишён их по своему южному рождению, городской юности»[16].

Языковую сторону *додалевского* периода творчества Солженицына проанализировать нет возможности. Интуитивно предугаданное им еще в детстве литературное призвание развивалось под влиянием школьной учительницы Анастасии Сергеевны Грюнау, коренной москвички, жившей в Ростове-на-Дону с сосланными туда родителями[17]. Однако, перечитав в кон-

---

[15] См.: Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии. С. 315–317.

[16] Русский словарь языкового расширения. С. 3. По свидетельству Солженицына, в словарь включена лишь пятисотая часть собранных им слов. См.: Там же.

В своих выступлениях, а главное — текстах писатель неоднократно давал примеры практического использования словаря. Одним из них служит памятный всем конец рассказа «Один день Ивана Денисовича»: «Засыпал Шухов вполне удоволенный».

Примечательно, что далеко не все «необычные» слова из собственных произведений писатель включил в словарь. Это обстоятельство весьма осложняет работу переводчиков Солженицына, держащихся за «Русский словарь языкового расширения» как за спасательный круг — редкая удача, когда автор сам предоставляет свод собственных лексических предпочтений и пристрастий, да еще в сопровождении ряда грамматических соображений (посвященная этой стороне языка статья была написана еще до завершения словаря, см.: *Солженицын А.И.* Некоторые грамматические соображения // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Т. 3. С. 524–538.

[17] Спустя десятилетия любимая учительница станет героиней рассказа своего ученика: *Солженицын А.И.* Настенька // Собр. соч.: в 30 т. Т. 1. С. 356.

це жизни свои юношеские произведения, Солженицын запретил их к публикации. Мы располагаем только одним документом — комментарием автора к первым главам «Р-17», будущего «Августа Четырнадцатого», работа над которыми шла в 1937–1939 годах: «…первые попытки написаны еще совершенно детским почерком… Надо сказать, что композиционно эти несколько глав, приезд Воротынцева в штаб армии, первые события с Самсоновым, — так и сохранились. Изменилась фактура, само написание, язык, но композиция осталась прежней»[18].

Что же питало *дух* языка Солженицына того времени? Он родился и вырос в Предкавказье. Приметы *городской юности* и *холостящего советского обычая*[19] накладывались на природную разговорную среду этого региона, имевшую свою ярко выраженную специфику, далекую от литературных норм и выразительными средствами, и словарным составом. Будто о Солженицыне сказано Корнеем Чуковским: «В самом деле, невозможно понять, как этот южанин, в юности лишенный вкуса, совершенно оторванный от стихии того языка, на котором писали Толстой и Тургенев, не знавший элементарных его законов и требований, стал после пяти-шести лет поденной литературной работы недосягаемым мастером русского слова, раз навсегда овладевшим тайнами его причуд и оттенков? <…> От большинства этих оборотов и слов так и разит южнорусским мещанством. Это тот чуждый северянам, искаженный язык, который Чехов впитал в себя с самого раннего детства. Он слышал этот язык и в семье и на улице. Другого языка он не знал»[20]. Языковой опыт Солженицына пополнялся еще оборотами крестьянского просторечия с украинским колоритом (с дедом по материнской линии он говорил только по-украински). Красоту и стройность литературного языка будущий писатель открыл в семь-восемь лет, когда начал читать (любимым автором был Лермонтов, в десять лет Солженицын прочитал уже «Войну и мир»)[21]. Многое в языковом отношении, как уже было указано, дали ему уроки литературы[22].

---

[18] Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии. С. 75.

[19] Русский словарь языкового расширения. С. 3.

[20] *Чуковский К.И.* О Чехове // Собр. соч.: в 15 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2001. Т. 4. С. 258–259.

[21] См.: Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии. С. 57.

[22] Советский подход к классической литературе неизбежно проникал и на уроки А.С. Грюнау, окончившей пединститут уже в новых исторических условиях: «В литературе, которую теперь на лекциях разворачивали перед ней, — она что-то не узнавала прежнюю. За Пушкиным хотя и признавали, мимоходом, музыку стиха (а прозрачная ясность в ощущении мира и не упоминалась), но настоятельно указывали, что он выражал психоидеологию среднего дворянства в период начавшегося кризиса российского феодализма: оно нуждалось и в изображении благополучия крепостной усадьбы и проявляло боязнь крестьянской революции, что ярко сказалось в “Капитанской дочке”» (*Солженицын А.И.* Настенька // Собр. соч.: в 30 т. Т. 1. С. 359).

Специальное внимание этой стороне творческого процесса Солженицын уделял во время учебы в Московском институте философии, литературы и искусства[23]. Однако для того чтобы обрести собственный творческий язык, этого было недостаточно.

В отзывах рецензентов, которым Солженицын отправлял юношеские стихи и рассказы, фиксируется несомненное присутствие у начинающего автора литературных способностей, но вместе с тем говорится о необходимости большой работы, в том числе и над языком. Датированный 1944 годом отзыв Бориса Лавренева на рассказ «Лейтенант» вполне положительный, произведение даже рекомендуется к печати. Вывод таков: «…автору следует продолжать работу над литературой, а не бросать её. Зрелость в литературе не всегда приходит мгновенно. Способность Солженицына к литературному труду не вызывает у меня сомнений, и мне думается, что в спокойной обстановке, после войны, отдавшись целиком делу, которое он, очевидно, любит, автор сможет достигнуть успехов»[24].

Спокойной обстановки после войны Солженицыну не суждено было дождаться, тем не менее именно совершенствование в творческом ремесле стало главным содержанием его тюремно-лагерно-ссыльных лет[25]. Встреча со словарем Даля стала ответом на его стремление, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, следовать своему призванию[26]. В самом начале заключения, в стенах лубянской камеры, получив из тюремной библиотеки том Лескова с «Житием одной бабы», он пишет: «Вообще произведение не сильное, не больше как вольная литературная обработка фольклорных материалов… Но поражают диалоги!.. Это высшее достижение нашей русской литературы в передаче подлинно народного разговорного языка, того языка, который хотя и состоит из самых простых русских слов, но сложен и почти

---

[23] С мая 1940 года, когда Солженицын начал учиться на русском отделении литературного факультета МИФЛИ, на младших курсах преобладали предметы «языковые» и близкие к ним: латынь, старославянский, древнерусская литература, фольклор. См.: *Сараскина Л.И.* Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 170–171.

[24] Там же. С. 247.

[25] Сочиненное в те годы Солженицын опубликовал в конце жизни (впервые в 1999 году), предпослав сборнику пояснение: «Здесь помещены мои ранние произведения тюремно-лагерно-ссыльных лет. Я складывал их в уме и нёс в памяти все лагерные года, не доверяя бумаге. Они были моим дыханием и жизнью тогда. Помогли мне выстоять». В 2016 году из печати вышел включивший их 18-й том 30-томного собрания сочинений Солженицына (М.: Время, 2006–…).

[26] Используя возможность держать в руках бумагу и карандаш, Солженицын стремился как можно больше извлечь для себя из словаря Даля. «Я понимал, что времени на этой шарашке мне никак не хватит на словарь, даже только на первый том, — но тем более бешено я спешил, отдавая Далю все вечера», — напишет он впоследствии. Не прекратит этого занятия писатель и в каторжном лагере. См.: Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии. С. 130–131.

непонятен для интеллигентного уха в такой же мере, в какой разговор интеллигентных людей, говорящих по-русски, совершенно непонятен для присутствующего при разговорах мужика»[27].

Мысль об отсутствии общего языка у народа и интеллигенции станет одной из ключевых в произведениях Солженицына[28]. Овладение родной речью соединится у писателя со стремлением преодолеть этот разрыв, способствовать *собиранию* отечественного культурного пространства посредством художественного слова. «Теоретические» наработки, накопленные в годы заключения, впоследствии были оживлены погружением в сохраненную вдали от городской суеты разговорную среду. *Тоска* по певучей русской речи определила выбор места жительства писателя после освобождения из «вечной» казахстанской ссылки[29].

Через десять лет после начала занятий языком из-под пера Солженицына одно за другим выходят произведения, художественный уровень которых восторженно оценивается самыми взыскательными критиками. А.Т. Твардовский, первый публикатор Солженицына, предваряет рассказ «Один день Ивана Денисовича» утверждением, что в литературу вошел *зрелый мастер*[30]. В личном письме Солженицыну Корней Чуковский пишет: «Это никакая не заслуга: прочитать великое произведение искусства и обрадоваться ему как долгожданному счастью. “Иван Денисович” поразил меня раньше всего сво-

---

[27] Этот текст опубликован Н.Д. Солженицыной с машинописной перепечатки несохранившейся рукописной записи Солженицына, озаглавленной «Лесков». В правом верхнем углу рукой автора сделана помета: «Записано в 1945–46 по читанному в Лубянке». См.: *Солженицын А.И.* Из «Литературной коллекции»: Николай Лесков // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 17.

[28] Напомним фрагмент «Одного дня Ивана Денисовича», где характеристика столичной речи дается от лица главного героя: «Они, москвичи, друг друга издаля чуют, как собаки. И, сойдясь, всё обнюхиваются, обнюхиваются по-своему. И лопочут быстро-быстро, кто больше слов скажет. И когда так лопочут, так редко русские слова попадаются, слушать их — всё равно как латышей или румын» (*Солженицын А.И.* Один день Ивана Денисовича // Собр. соч.: в 30 т. Т. 1. С. 91–92).

[29] Правильность этого выбора подтвердила первая же встреченная автобиографическим героем рассказа «Матрёнин двор» женщина: «Меня поразила её речь. Она не говорила, а напевала умильно, и слова её были те самые, за которыми потянула меня тоска из Азии» (Там же. С. 118).

[30] Ср. также: «… “Один день Ивана Денисовича“ <…> произведение художественное, и в силу именно художнического освещения… оно является свидетельством особой ценности, документом искусства… <…> Впечатление от этой вещи, столь необычной по своей неприкрашенной и нелёгкой правде, как бы освобождает душу от невысказанности того, что должно было быть высказано, и тем самым укрепляет в ней чувства мужественные и высокие. <…> И ещё один простой и поучительный вывод: истинно значительное содержание, верность большой жизненной правде, глубокая человечность… не могут не призвать к жизни и соответствующей формы. В “Одном дне“ она ярка и своеобразна, менее всего озабочена самой собою и потому исполнена внутреннего достоинства и силы» (*Твардовский А.И.* Вместо предисловия // Новый мир. 1962. № 11. С. 8–9).

ей могучей поэтической (а не публицистической) силой. Силой, уверенной в себе: ни одной крикливой, лживой краски; и такая власть над материалом; и такой *абсолютный* вкус. А когда я прочитал “Два рассказа”, я понял, что у Льва Толстого и Чехова есть достойный продолжатель» (12 марта 1963)[31]. Уже упомянутая Т.Г. Винокур в самом начале своей статьи отмечает присутствие в текстах писателя определенной Л.Н. Толстым приметы истинной художественности — «единственно возможный порядок единственно возможных слов»[32].

Независимость своей языковой позиции писатель отстаивал в течение всей долгой творческой жизни[33]. По сути дела, языковые изыскания (и словарная работа, в частности) стали неотъемлемой частью его художественного делания, направленного на сохранение народной памяти, восстановление поруганного в годы большевизма человеческого и всенародного достоинства. О связи языка и национальной культуры Солженицын говорил неоднократно: «…русский язык от потрясений XX века — болезненно покорёжился, испытал коррозию, быстро оскудел, сузился потерею своих неповторимых красок и соков, своей гибкости и глубины. А с разложения языка начинается и им сопровождается разложение культуры. Это — и символичное, и духовно опаснейшее повреждение»[34].

Сугубую ответственность за сохранение живых соков языка, по мнению Солженицына, несут писатели. В октябре 1965 года, приступая к работе над «Архипелагом…», Солженицын пишет: «…быть может, настали решающие десятилетия, когда еще в наших силах исправить беду — совместно обсуждая, друг другу и себе объясняя, а больше всего — строгостью к себе самим. Ибо главная порча русской письменной речи — мы сами, каждое наше перо, когда оно поспешно, когда оно скользит слишком незатрудненно»[35]. И если в тексте «Архипелага…» Солженицын, по выражению Л.К. Чуковской, воскрешает и возвращает к жизни людей, которые должны были быть из нее

---

[31] Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии. С. 210.

[32] *Винокур Т.Г.* О языке и стиле повести… С. 294.

[33] Далеко не у всех критиков языковая свобода Солженицына встречала понимание и сочувствие. Самая первая встреча его произведения с редакторским карандашом состоялась в «Новом мире» в октябре 1961: «Взял Кондратович, и с первых же строк понял, что безымянный (подписана фамилия не была, тем я как бы замедлял враждебный ход событий) тёмный автор лагерного рассказа даже расстановки основных членов предложения толком не знает, да и слова-то пишет какие-то дикие. Пришлось ему карандашом исчёркать первую, вторую, пятую, восьмую страницу, возвращая подлежащие, сказуемые да и атрибуты на свои места. Но рассказ оказался весь до конца неграмотный, и Кондратович с какой-то страницы работу эту бросил» (*Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. С. 25).

[34] *Он же*. Наука в пиратском государстве: Слово при получении Большой Ломоносовской медали Российской академии наук // Независимая газета. 1999. 3 июня. № 99.

[35] *Он же*. Не обычай дёгтем щи белить, на то сметана // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Т. 2. С. 12.

стерты, будто их и не было вовсе[36], то в своем словаре писатель воскрешает вытесненные за несколько десятилетий из живой жизни в небытие слова.

Поступь истории слышна не только в русском, но и во всех европейских языках. Но русский язык в начале XX века претерпел беспрецедентную агрессию со стороны тех, кто стремился разрушить старую Россию и построить новый мир. Разрушение подразумевало уничтожение всех значимых связей с прежней жизнью, крепчайшей из которых был язык. Самые рьяные могильщики традиционного уклада русской жизни настаивали на полном отказе от славянской азбуки и переводе письменной речи на латиницу. Приведем несколько выдержек из положений, разработанных в 1929–1930 годах комиссией при Главном управлении научными, научно-художественными и музейными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР:

«Речь идет не просто о создании новой национально-буржуазной разновидности латинского алфавита, какие мы имеем в современной Западной Европе, но о едином международном латинизированном алфавите социализма, разработанном на основе последних достижений материалистической лингвистики, современной техники полиграфии и марксистской педагогики».

Обозначенные достижения к тому времени уже были применены в отношении кавказских и среднеазиатских языков, переведенных на латиницу: «Территория русского алфавита представляет собою в настоящее время род клина, забитого между стенами, где принят латинский алфавит Октябрьской революции (новотюркский алфавит), и странами Западной Европы, где мы имеем национально-буржуазные алфавиты на той же основе. Таким образом, на этапе строительства социализма существование в СССР кириллицы представляет безусловный анахронизм, — род графического барьера, разобщающий наиболее численную группу народов Союза от революционного Востока и от трудовых масс и пролетариата Запада».

«Русский гражданский алфавит является пережитком классовой графики XVIII–XIX вв. русских феодалов-помещиков и буржуазии — графики самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма и насильственной руссификации для большинства национальностей СССР… и в то же время наследием экспансии русского царизма за рубежом (появление русского гражданского алфавита взамен кириллицы в Болгарии и Сербии). Он до сих пор связывает население, читающее по-русски, с национально-буржуазными традициями русской дореволюционной культуры»[37].

---

[36] «Открытую почту нам Москва обрубила в оба конца…»: Из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской (1974–1977) // Солженицынские тетради: Материалы и исследования / гл. ред. А.С. Немзер. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 97.

[37] *Яковлев Н.Ф.* О необходимости латинизации русского алфавита // Письменность и революция. М., 1936. № 2. С. 25–38.

Разработчики проекта стремились претворить в жизнь заветы вождя мирового пролетариата: «Я не сомневаюсь, что придет время для латинизации русского шрифта… когда мы окрепнем, все это представит собою незначительные трудности», — цитата из письма В.И. Ленина А.В. Луначарскому[38].

В духе советской риторики защитники реформы в качестве главного аргумента выдвигали ее пользу для народных масс — коренные изменения непременно способствовали бы повышению уровня всеобщей грамотности[39]. Этому, по счастью не осуществившемуся, проекту предшествовала реформа орфографии. Она готовилась еще до революции, но официально была объявлена Временным правительством 11 (24) мая 1917 года публикацией «Постановлений совещания по вопросу об упрощении русского правописания» (большевики в декабре 1917-го лишь подтвердили реформу своим декретом). Литературной, словесной частью интеллигенции реформа была воспринята тяжело. Отзывы И.Е. Репина, И.А. Ильина и многих других представителей творческой среды хорошо известны[40]. Напомним экспрессивное высказывание И.А. Бунина: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевистского правописания. Уж хотя бы по одному тому, что никогда человеческая рука не писала ничего подобного тому, что пишется теперь по этому правописанию»[41].

Одним из авторов полемических статей на эту тему был выдающийся ученый своего времени, математик, основатель научной школы на юге России Дмитрий Дмитриевич Мордухай-Болтовской (1876–1952)[42]. Он начал преподавательскую деятельность в Варшавском университете, а после его эвакуации в 1915 году стал значимой фигурой в организации учебного процесса в новом, Ростовском университете. По свидетельствам студентов, его отличали не только выдающиеся преподавательские способности, но и непонятно чем объяснимая свобода общения со слушателями. Живописный образ этого человека спустя десятилетия представит в романе «В круге первом»

---

[38] Письмо впервые опубликовано в «Красной газете» 6 января 1930 года.

[39] Сегодня, общаясь при помощи современных средств связи, мы отчасти проходим этот опыт. Сколь катастрофично сказывается он на грамотности, пояснять нет нужды.

[40] См. колоритные пассажи из писем Репина: Илья Репин, Корней Чуковский: Переписка: 1906–1929. М.: Нов. лит. обозр., 2006. С. 149.

«Зачем все эти искажения? Для чего это умопомрачающее снижение? Кому нужна эта смута в мысли и в языковом творчестве??

Ответ может быть только один: всё это *нужно врагам национальной России*. Им; именно им, и только им» (*Ильин И.А.* О наших орфографических ранах // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. 2. С. 125).

[41] *Бунин И.А.* Окаянные дни. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 165.

[42] О нем см.: *Минковский В.А., Мокрищев К.К., Налбандян М.Б., Хапланов М.Г.* Д.Д. Мордухай-Болтовской: (к 100-летию со дня рождения) // Вопросы истории естествознания и техники. М.: Наука, 1977. Вып. 3–4. С. 102–103.

его бывший студент Солженицын[43]. Писатель точен в деталях: Мордухай-Болтовской обладал принятой в дореволюционной ученой среде широтой знаний и интересов, много занимался переводами с древних и европейских языков, в частности, выпустил книгу латинских трудов Исаака Ньютона[44], а затем и древнегреческого Евклида[45].

Помимо академических занятий, Мордухай-Болтовской принимал активное участие в общественной жизни, откликаясь то и дело на происходящее в стране статьями в местных газетах. Так, в 1917–1918 годах он неоднократно выступал с поддержкой Белого движения в газете Войска Донского «Приазовский край»[46]. В декабре 1917 года, после обнародования декрета большевиков о реформе орфографии, напечатал в газете «Ростовская речь» статью под названием «Буква Ѣ»[47]. Приведем несколько цитат, отражающих настрой значительной части интеллигенции в отношении языковых изменений на фоне революционных событий.

«В хмурую, сырую осень, осыпанные мокрым снегом, мы хороним самое дорогое нашему сердцу: честь нашей родины, наши культурные богатства, нашу молодежь[48]. <…>

В этой трагичной атмосфере, в этой сфере стонов и воздыханий — какой злой насмешкой над нашим горем выступают эти смешные фигуры, этот

---

[43] «Горяинов-Шаховской! Маленький старик, уже неопрятный от глубокой старости, то перемажет мелом свою чёрную вельветовую куртку, то тряпку от доски положит в карман вместо носового платка. <…> В 30-м году, когда университет перестряпали в “индустриально-педагогический институт” — был *вычищен* пролетарской комиссией по чистке как элемент буржуазно-враждебный. И ничто не могло б его спасти, если б не личное знакомство с Калининым — говорили, будто отец Калинина был крепостным у отца профессора. Так или нет, но съездил Горяинов в Москву и привёз указание: этого не трогать!

И не стали трогать. До того стали не трогать, что вчуже становилось страшно: то напишет исследование по естествознанию с математическим доказательством бытия Бога. То на публичной лекции о своём кумире Ньютоне прогудит из-под жёлтых усов:

— Тут мне прислали записку: “Маркс написал, что Ньютон — материалист, а вы говорите — идеалист.” Отвечаю: Маркс передёргивает. Ньютон верил в Бога, как всякий крупный учёный.

Ужасно было записывать его лекции!» (*Солженицын А.И.* В круге первом // Собр. соч.: в 30 т. Т. 2. С. 58).

[44] *Ньютон И.* Математические работы / пер. с лат., введ. и коммент. Д.Д. Мордухай-Болтовского. М.; Л.: ОНТИ, 1937.

[45] Начала Евклида / пер. с греч. и коммент. Д.Д. Мордухай-Болтовского под ред. М.Я. Выгодского и И.Н. Веселовского: в 3 т. М.; Л.: ГИТТЛ, 1948–1950.

Библиография Д.Д. Мордухай-Болтовского состоит из трех сотен названий книг и статей.

[46] См.: *Сараскина Л.И.* Солженицын. С. 139.

[47] Статья опубликована 8 декабря 1917 года.

[48] Какой именно эпизод борьбы против большевиков, которая развернулась на Дону в ноябре 1917 года, упоминает автор, мы не можем указать с точностью. Возможно, речь идет о поражении отряда офицеров и юнкеров, к которому присоединились донские гимназисты и кадеты. В ночь на 28 ноября отряд был разбит революционными войсками.

грубый балаган, оскорбляющий наши чувства. Вот молодой присяжно-поверенный, которого счастливо миновала тяжелая воинская повинность, в роли главнокомандующего десятимиллионной армией, при столкновении с врагом совершающий опереточный побег с переодеванием. Безграмотный солдат в роли командира полка по избранию... Служитель — в должности директора Эрмитажа…

В этом шутовском хороводе кружится и буква Ѣ. Она смеется над нами, смеется над нашими глупыми надеждами!»

«Мы думали увидеть Геркулеса, совершающего двенадцать подвигов!.. Думали, что Министерство народного просвещения свободной России раскроет двери средней школы если не всем детям бедных классов, то наиболее способным… Думали, что наряду с нежною, трогательной и чрезвычайно дорогой заботой о матросах и солдатах, правительство позаботится и об учителе, даст возможность, улучшив его материальное положение, сократить давящее его число уроков и освободить время для научных занятий, что оно даст не только сколько, чтобы он не умер с голоду, а чтобы мог бы еще поделиться куском хлеба с голодающим учеником своим».

«Ах, если бы обстановка не была бы так тяжела, если бы улыбка не была бы диссонансом в общем настроении гнетущего горя, каким бы гомерическим смехом пришлось бы разразиться, увидя вместо ожидаемого Геркулеса — этого маленького сморщенного карлика, этого социалистического ублюдка, побрякивающего шутовским колпаком с гордым сознанием того, что он согнал с насиженных мест, хотя еще не успел совсем выгнать, капризную букву!»

В студенческой жизни Солженицына Мордухай-Болтовской занимал особое место еще и потому, что задолго до университета Саня встречал чудаковатого профессора в гостях у семьи Федоровских, где часто бывал с матерью, Таисией Захаровной. Впечатления от этих встреч отражены в тексте поэмы «Дороженька»[49] — детская память Солженицына сохранила содержание

---

[49] «К столу хозяйка подводила
Старинного любимца дома,
Механика и астронома,
Горяинова-Шаховского.
Седой полнеющий старик,
Учёный с титлом мирового,
Владелец шапочек и мантий,
Известный автор многих книг,
Не утерял ещё таланта
Прикрывши грудь волной салфетки,
Следить за вкусами соседки <…>
И оживлённо средь мужчин
Поговорить о Лиге Наций,
О том, куда идёт страна,
И о записках Шульгина»
(*Солженицын А.И.* Дороженька // Собр. соч.: в 30 т. Т. 18. С. 62–63).

разговоров с участием Болтовского, которые добавили свою особую краску к фону юных лет будущего писателя[50]. Впрочем, Саня Солженицын и сам хорошо ориентировался в происходящих в стране событиях: увлекаясь чтением газет, он многое знал, например, о судебных процессах 1930-х годов, когда целые направления отечественной науки приносились в жертву идеологическому курсу молодой советской страны[51]. К моменту взросления будущего писателя все, что связано с гуманитарным знанием, окончательно перешло в разряд инструментов государственного строительства. Впрочем, в студенческие годы марксистско-ленинская риторика на время увлекла успешно учившегося Солженицына, открывая ему уже проторенную стезю очередного «инженера человеческих душ».

И все же поиск собственного места и собственного слова в литературе привел Солженицына к необходимости обратного движения: к освобождению своей речи от оков советского языкового воспитания, возвращению к природным основам родного языка, «заражению» себя его *духом*, открывающим беспредельную перспективу свободного художественного делания. Достигнутый писателем результат стал плодом многолетнего ежедневного труда — именно это обстоятельство определило универсальность его языковых возможностей и обеспечило ему долгое творческое дыхание.

Найти свой язык, почувствовать себя органичной частью многовековой отечественной культуры предлагает Солженицын читателям «Русского словаря языкового расширения». Нужно сделать только первый шаг, чтобы установилась *связь с языком*. А дальше — «язык сам знает… чего он хочет»[52].

---

[50] Перекрестья с темами, волновавшими Мордухай-Болтовского, то и дело встречаем у Солженицына. См., напр.: «Я с детства рос в тайном сочувствии к Белой армии, беззаветно, благородно защищавшей Россию — и проигравшей свои последние бои — вот тут, на камнях нашего Ростова и Новочеркасска»; «В 1928 году — ещё одно чудо: опубликовались в СССР две сенсационные книжечки В.В. Шульгина — «Дни» (о Февральской революции) и «1920 год» (о белом, противобольшевицком подпольи на юге России). Главную-то, первейшую для меня, тогда я ещё не мог оценить, но вторая будоражила: а я — мог бы вот так, в подпольи?» (*Он же*. Из «Литературной коллекции»: Мой Булгаков // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2013. Вып. 2. С. 7).

[51] Не обминула классовая борьба и раздел науки о языке. С конца 1920-х годов традиционное сравнительно-историческое языкознание переместилось в разряд наук буржуазных, а единственным истинно марксистским учением была признана лженаучная теория Н.Я. Марра (ревнителем внедрения марризма в преподавание был ректор МГУ А.Я. Вышинский). Была пресечена деятельность многих творчески энергичных кружков и сообществ. Так, закончил свое существование ОПОЯЗ, оставив наработанные труды для освоения будущими поколениями литературоведов и лингвистов.

[52] *Солженицын А.И.* Беседа со студентами-славистами в Цюрихском университете. С. 219.

Г. Пшебинда

СОЛЖЕНИЦЫН И ПОЛЬША. ГОДЫ 1962–1989

Буквально на второй день после публикации в журнале «Новый мир» «Одного дня Ивана Денисовича» свет увидел польский перевод произведения, опубликованный в десяти номерах — с 1 декабря 1962-го по 2 февраля 1963 года[1] — либерального по тогдашним меркам варшавского еженедельника «Политика». Переводчиками рассказа, сразу ставшего сенсацией в кругах польской интеллигенции, были поэт Витольд Домбровский и его жена Ирэна Левандовская. Переводчица вспоминала об этом в интервью, данном почти полвека спустя, сразу после кончины Александра Исаевича в августе 2008: «Кто-то из моих знакомых... прочитал в “Литературной газете”, что в русском литературном журнале “Новый мир” появился такой рассказ. Мы получили этот текст, прочитали и сразу решили, что нужно его перевести. Начав, не могли закончить. Риск принятия решения взял на себя заместитель главного редактора “Политики” Михал Радговский <...>. “Политика” начала печатать фрагментами. Тираж вырос, что вызвало беспокойство “наверху”. Пришло требование ускорить работу по переводу и закончить весь цикл как можно скорее. Поэтому вместо полуколонки печаталась целая колонка рассказа Солженицына. Мы переводили понедельно, так что качество первого перевода было так себе». А на вопрос журналиста о последовавших каких-либо контактах с Солженицыным переводчица отвечала: «Никогда. Мы ему отправили через кого-то вырезки из “Политики”. Он взял, принял к сведению, но с нами не связался. У Солженицына были тогда уже совсем другие проблемы. Наш товарищ, который говорил с ним, рассказывал, что слово “ага” стало его единственной реакцией на перевод»[2].

---

[1] Публикуя вторую часть рассказа в номере от 8 декабря 1962 года, редакция «Политики» снабдила текст перевода небольшой статьей «Разговор с Солженицыным» корреспондента АП «Новости» Виктора Буханова. Из этой статьи польский читатель мог почерпнуть основные биографические данные о писателе, о котором тогда не было ничего известно не только в Польше: Rozmowa z Sołżenicynem // Polityka. 1962. 8 grudnia. № 10. S. 12.

[2] *Lewandowska I.* Sołżenicyn w druku, nakład «Polityki» rośnie: Rozmowa z Ireną Lewandowską, pierwszą polską tłumaczką Sołżenicyna i dziennikarką «Gazety» /rozmawiał Marcin Wojciechowski // Gazeta Wyborcza. Warszawa. 2008. 5 sierpnia. № 182. S. 14. Пер. Дм. Клебанова (далее — Д.К.).

Польский инженер Венгерский

Появление в печати польского «Одного дня Ивана Денисовича» — совершенно независимо от того, насколько этот рассказ повлиял на польскую интеллигенцию, в то время весьма интересовавшуюся переменами в СССР[3], — имело еще одно — неожиданное — следствие. Дело в том, что в номере «Политики» с третьей частью «Одного дня...» редакция журнала разместила также фотографию Солженицына[4]. Эта фотография чрезвычайно взволновала Ежи Венгерского, польского инженера и товарища Александра Исаевича — с 1949 года — по лагерю в Экибастузе. Много лет спустя, осенью 2003-го, он вспоминал об этом на страницах журнала «Новая Польша»: «В декабре 1962 еженедельник “Политика” начал печатать с продолжением повесть Солженицына “Один день Ивана Денисовича” в переводе с оригинала, вышедшего в № 11 “Нового мира” за тот же год. Меня поразило, что описанная Солженицыным топография лагеря, в котором происходит действие, живо напоминает мне один из лагерей, в котором

---

[3] Об этом говорили, также сразу после кончины Александра Исаевича, всемирно известный польский философ Лешек Колаковский (1927–2009) и бывший диссидент, подпольный писатель, а ныне главный редактор либеральной «Газеты выборчей» Адам Михник. Колаковский, в частности, сказал: «Хорошо помню, как мы читали “Один день Ивана Денисовича”, когда его опубликовали в “Новом мире”. Мы уже много тогда знали о советском мире, и само существование лагерей не было для нас новостью. Но это была первая повесть о лагерях, изданная в Советском Союзе, и впечатление от прочитанного было огромным: советский мир меняется. Уже само разрешение напечатать эту повесть можно считать бессмертной заслугой Хрущева, — даже если бы он не имел других» (*Колаковский Л.* Свидетель коммунистического зла // Континент. 2008. № 138. С. 21). Михник вспоминал: «“Один день Ивана Денисовича” потряс Россию. А вскоре эту повесть в переводе Ирэны Левандовской и Витольда Домбровского напечатал и крупнейший польский еженедельник “Политика”. “Один день” выходил по частям, вызывая к жизни болезненные воспоминания о сталинских преступлениях. <...> Александр Солженицын восстанавливал наше достоинство. Говоря словами Чехова, Солженицын учил нас день за днем по капле выдавливать из себя раба» (*Михник А.* Легенда и беспокойная совесть России // Там же. С. 13). Оба фрагмента в переводе Бориса Филиппова. Виктор Ворошильский (1927–1996) — известный польский писатель, а также переводчик «Крохоток» Солженицына — писал в октябре 1978 года: «Когда в шесть часов утра 7 (20) ноября 1910 на станции Астапово умер Лев Толстой, мир внезапно стал иным — миром без Льва Толстого. <...> Когда в ноябре 1962 в руки читателей попали голубые книжки “Нового мира” с повестью до сих пор неизвестного автора “Один день Ивана Денисовича”, мир снова преобразился, он стал миром с Александром Солженицыным, миром Александра Солженицына. В этом мире мы с тех пор и живем» (*Ворошильский В.* В мире, в котором... // Континент. 1978. № 18. С. 398). Польский вариант послания был опубликован в нашем самиздате (*Woroszylski W.* W świecie, którym... // Biuletyn Informacyjny. Warszawa. 1978. № 26. S. 42–43.

[4] Средних размеров фотография писателя с карандашом в руке, выполненная Александром Лазаревичем Лессом, была опубликована на первой странице «Политики» 15 декабря 1962.

я был. Сначала я не мог припомнить, который это был лагерь, однако начал предполагать, что автор повести в каком-то из лагерей сидел вместе со мной. Фамилия писателя мне ничего не говорила: в лагерях я сталкивался с очень многими русскими. Но в том номере “Политики”, где напечатали третью часть повести, поместили фотографию Солженицына. Меня осенило: это же Саша, мой бригадир из 104-й бригады техников и механиков в Экибастузе! Я вспомнил также, что в лагере он делал заметки; теперь я знал зачем»[5]. Взволнованный Венгерский немедленно отправил на адрес главного редактора «Нового мира» Александра Твардовского «коротенькое письмо» с просьбой передать его в руки автора «Одного дня...» и вскоре получил ответ от самого Солженицына, датированный 10 января 1963 года. Ниже полный текст ответа:

10.01.63

Дорогой Юрий Юрьевич!

Среди сотен писем, которые я теперь получаю, было особенно радостно и приятно получить Ваше.

Я искренне Вас любил и люблю, часто вспоминал эти годы. Удивительное в Вас сочетание с одной стороны доброты и человеческого расположения, с другой стороны выдержки и чувства чести. Никогда не забуду Вас вечером 26-го января, как Вы отказались идти на ужин. А первого знакомства нашего Вы, наверное, и не помните: Вы были десятником на постройке «сто какого-то» жилого квартала, а я работягой и пришел просить у Вас складной метр. И хотя Вы очень дорожили им, а меня не знали — но дали.

Спасибо Вам за Ваше теплое поздравление.

Жизнь иногда устраивает чудеса — может быть, мы когда-нибудь с Вами еще и увидимся?

Мои самые лучшие пожелания

Вам и Вашим родным

А. Солженицын

Рязань, 23

1й Касимовский пер 12, кв 3[6].

Ежи Венгерский вспоминает, что его переписка с Александром Солженицыным, «вначале частая, потом пореже, продолжалась до 1968 го-

---

[5] *Венгерский Е.* Память о Гулаге // Новая Польша. 2003. № 10. С. 48.

[6] Там же. В тексте письма, к сожалению, некоторые неточности. Я восстанавливаю интегральный текст по публикации факсимиле письма: Drogi Juriju Jurijewiczu...: Listy Aleksandra Sołżenicyna do Jerzego Juliana Węgierskiego/opracował i wstępem opatrzył W. Paźniewski. Katowice: Muzeum Śląskie, 2007. S. 18.

да»[7], но еще в 1983-м он получил из Вермонта — через знакомого польского историка — записанное на магнитофонной пленке личное послание от автора «Архипелага ГУЛАГа», которое, к сожалению, не сохранилось[8]. Сохранились пять писем Венгерскому, написанных Солженицыным от руки во время пребывания в Рязани. Во втором из них, датированном 12 февраля 1963 года, Солженицын, поблагодарив своего польского товарища из Мертвого дома за «милое письмо и любезный подарок — альбом Татр»[9], добавляет: «...этот год я занят был напряженно, не работал только то время, что спал <…>. Если альбомом Татр Вы думали заманить меня в гости, то дело здесь не в моем желании, конечно — а может быть когда-нибудь поездка осуществится, кто знает?»[10] В третьем письме, от 11 марта 1964, писатель отвечает на следующее приглашение в Польшу, на этот раз на защиту кандидатской диссертации Венгерского в «Силезской политехнике» в городе Гливицы[11]: «Да, я был бы не против… присутствовать, посетить Вашу страну, которую высоко ценю и которой искренне симпатизирую (северную Польшу я прошел с фронтом в 1944 го-

---

[7] *Венгерский Е.* Память о Гулаге. С. 48.

[8] Drogi Juriju Jurijewiczu... S. 35. В другом, уже цитированном выше источнике Венгерский уточняет: «Торуньский историк, коллекционер автографов Ежи Ярузельский как-то обратился ко мне с просьбой об автографе Солженицына; я отдал ему конверт, адресованный мне Солженицыным собственноручно. Когда в 1983 вышла (по-польски, в переводе Ежи Помяновского. — *Г.П.*) книга Солженицына “Август Четырнадцатого” с описанием разгрома в Восточной Пруссии русских войск, которыми командовал генерал Самсонов, Ярузельский во время пребывания в США передал Солженицыну фотографию памятника-валуна, установленного на месте самоубийства Самсонова. Взамен он привез мне привет от Солженицына, записанный на магнитофонной пленке» (*Венгерский Е*. Память о Гулаге. С. 49). Здесь, однако, следует уточнить, что польский перевод «Августа Четырнадцатого» вышел только в 2010 году, а автором этого перевода был не Помяновский (он перевел «Архипелаг ГУЛАГ» и роман «В круге первом»), а Михал Б. Ягелло.

[9] Сам Венгерский вспоминает: «После первого письма он прислал мне своего “Ивана Денисовича”, опубликованного в № 1 “Роман-газеты” за 1963 год с дарственной надписью. В знак благодарности я послал ему альбом Татр» (*Węgierski J.J.* Bardzo różne życie. We Lwowie. W sowieckich łagrach. Na Śląsku. Katowice, 2003. S. 360. Пер. Д.К.).

[10] Drogi Juriju Jurijewiczu... S. 20.

[11] Этот вуз, существующий и сегодня, был основан в 1945 на т.н. возвращенных землях — территории, отобранной — решением Сталина и его западных союзников — у Германии и переданных Польше. Основателями «Силезской политехники» были бывшие профессора «Львовской политехники», старейшей технической школы Восточной Европы, основанной еще в 1844 в польской части Австро-Венгрии. Стоит добавить, что сам Ежи Венгерский (1915–2012) родился во Львове и там же был арестован НКВД в феврале 1945, во время второй советской оккупации города (первой оккупацией считается период 1939–1941, когда Львов был занят Красной армией на основании положений пакта Молотова — Риббентропа). Об этом см. историческую работу самого Венгерского: *Węgierski J*. Lwów pod okupacją sowiecką 1939–1941. Warszawa: Editions Spotkania, 1991. В советской историографии это событие считалось присоединением Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР.

ду[12]). Но когда это удастся? <…> 17-го прямо из Рязани, не через Москву, я уезжаю в противоположную сторону — в Ташкент, недели на три по командировке “Нового мира”. Очень-очень жаль, что в этот раз мы не повидаемся. Но, как Вы предсказываете, я тоже надеюсь, что встреча обязательно наша состоится когда-нибудь, в Москве или в Польше»[13]. Затем были еще два письма Солженицына, написанные 30 апреля 1964 и 24 января 1968: в первом из них писатель вновь выразил надежду на личную встречу с Венгерским, не исключено, что в Польше[14]. Однако такая встреча волею судьбы никогда не состоялась. Как бы то ни было, намного более важным, а для образа Польши в творчестве Солженицына имеющим фундаментальное значение является то, о чем писатель упомянул в письме Венгерскому от 12 февраля 1963: «Этот год я занят был напряженно, не работал только то время, что спал». Сегодня мы уже знаем о том, что тогда было абсолютной тайной — именно в это время Солженицын работал в уединении над «Архипелагом ГУЛАГом», которому суждено было через десятилетие «потрясти мир». В этой книге Солженицын создал среди прочего яркий портрет Венгерского, основанный не только на лагерных воспоминаниях, но и навеянный перепиской с польским товарищем по несчастью. В «Архипелаге…» Ежи Венгерский появляется дважды. Первое упоминание — в ситуации будничной, но для жестокого лагерного мира нетипичной: «…иногда на стройке побежишь попросить у заключённого десятника складной метр — замерить надо, сколько выложили. Ме-

---

[12] Точнее говоря, тогда это еще не была территория Польши, а Восточная Пруссия (нем. *Ostpreußen*, польск. *Prusy Wschodnie*) со столицей в Кенигсберге, бывшая частью Третьего рейха. Солженицын воевал в регионах Восточной Пруссии, которые летом 1945 года, после Потсдамской конференции были переданы Польше. В январе 1945-го капитан Красной армии Солженицын участвовал в освобождении от немцев Нидзицы (*нем*. Neidenburg) и Ольштына (*нем*. Allenstein). В ночь с 9 на 10 февраля он был арестован в небольшом городке Вормдитт (сегодня польская Орнета в Варминско-Мазурском воеводстве). Из города Остероде (сегодня польская Оструда на реке Дрвенце) он был отконвоирован пешком в Бродницу (70 км). Эти события отражены писателем в лагерной поэме (повести в стихах) «Дороженька» (1947–1952): «В СМЕРШ фронта пеших, помнится, / Из Остероде в Бродницы / Нас гнал конвой казахов и татар» (*Солженицын А.И.* Дороженька: Повесть в стихах // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2016. Т. 18. С. 152). Стоит добавить, что в 2008 году жители Бродницы установили в городском парке им. Иоанна Павла II мемориальную доску в память о трехдневном пребывании Александра Исаевича в казематах НКВД (здание из красного кирпича сохранилось) (см.: *Drogorób B.* Do Brodnicy tatarski konwój gnał nas w jasyr. Co łączy Sołżenicyna z naszym regionem? // Gazeta Pomorska. Toruń, Brodnica, Golub-Dobrzyń, Chełmża, Nowe Miasto Lubawskie, Rypin. 2008. 16 grudnia. № 293. S. 7. Ср.: *Глушковский П.* Польша и поляки в творчестве А.И. Солженицына // Путь Солженицына в контексте Большого времени. М.: Русский путь, 2009. С. 415). После Бродницы Солженицын попал в Белосток — город, в октябре 1939 занятый Красной армией, в 1941–1944 годах — оккупирован немцами, а в июле 1944 освобожден от них Красной армией. Сегодня это польский город с белорусским меньшинством на пограничье с Беларусью.

[13] Drogi Juriju Jurijewiczu… S. 23.

[14] Ibid. S. 27.

тром этим он очень дорожит, а тебя в лицо не знает — тут много бригад, но почему-то сразу безоружно протянет тебе свою драгоценность (в лагерном понимании это просто глупость!). А когда ты ему этот метр ещё и вернёшь — он же тебя будет очень благодарить. Как может быть такой чудак в лагере десятником? Акцент у него. Ах, он, оказывается, поляк, зовут его Юрий Венгерский. Ты ещё о нём услышишь»[15]. И действительно, услышали вскоре после бунта в экибастузском лагере и последовавшего за ним «кровавого вторника» 22 января 1954, когда лагерный дивизион открыл пулеметный огонь по взбунтовавшимся и несколько осужденных были убиты. Требуя «судить виновников расстрела»[16], бараки объявили голодовку, но вскоре уступили: «Мы устали! Мы хотели есть! Тот таинственный закон, который спаял наши чувства и нес их вверх, теперь затрепетал крыльями и стал оседать <…>. — Девятый барак!.. Девятый сдался!.. Девятый идет в столовую! Мы вскочили все. Из комнат другой стороны прибежали к нам. Через решетки, с нижних и верхних нар вагонок, на четвереньках и через плечи друг друга, мы смотрели, замерев, на это печальное шествие. <…> Я почувствовал, что плачу. Покосился, стирая слезы, и у товарищей увидел их же. Слово 9-го барака было решающим. Это у них уже четвертые сутки, с вечера вторника, лежали убитые. Они шли в столовую, и тем самым получалось, что за пайку и кашу они решили простить убийц»[17]. Но финал, как оказалось, был еще впереди: «Мы расходились от окон молча. И тут я понял, что́ значит польская гордость — и в чем же были их самозабвенные восстания. Тот самый инженер поляк Юрий Венгерский был теперь в нашей бригаде. Он досиживал свой последний десятый год[18]. Даже когда он был прорабом, — никто не слышал от него повышенного тона[19]. Всегда он был тих, вежлив, мягок. А сейчас — исказилось его

---

[15] *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч. М., 2010. Т. 6. С. 103. Венгерский в своих поздних воспоминаниях пишет, что не помнит этой первой встречи с Солженицыным. См.: *Węgierski J. J.* Bardzo różne życie. S. 238.

[16] *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ// Собр. соч. Т. 6. С. 232.

[17] Там же. С. 233–235.

[18] Венгерский впоследствии уточнил, что это был его не десятый, последний год в лагере, а лишь шестой. См.: *Венгерский Е.* Память о Гулаге. С. 47. Добавим, что после этого проявления протеста Е. Венгерский был переселен в суровый лагерь Джезказган в центральном Казахстане, где просидел уже до конца срока, т.е. до 1954 года. В Польшу он вернулся год спустя вместе с освобожденной из заключения матерью.

[19] В своих поздних воспоминаниях Венгерский объясняет, почему быстро отказался от функции прораба в экибастузском лагере: «Уже после серии убийств “стукачей” меня — бригадира 18-й бригады — вызвал к себе оперуполномоченный и предложил сотрудничать с ним. “Я не хочу, чтобы меня зарезали”, — коротко ответил я и отказался. Тот не настаивал. Тем не менее, опасаясь дальнейшего давления, а еще больше — того, что, будучи бригадиром, могу попасть под подозрение в доносительстве, особенно после вызова к “оперу”, я отказался от бригадирства. <…> Была и другая причина. <…> Еще в декабре 1949 в лагерь в Экибастузе привезли ксендза Станислава Рыжку, а затем — ксендза Станислава Богаткевича, священни-

лицо. С гневом, с презрением, с мукой он откинул голову от этого шествия за милостыней, выпрямился и злым звонким голосом крикнул: — Бригадир! Не будите меня на ужин! Я не пойду! Взобрался на верх вагонки, отвернулся к стене и — не встал! Он не получал посылок, он был одинок, всегда не сыт — и не встал. Видение дымящейся каши не могло заслонить для него — бестелесной Свободы! Если бы все мы были так горды и тверды — какой бы тиран удержался?»[20]

Друзья Ивана Денисовича в Варшаве, Кракове и Лодзи (1962–1967)

Упомянутую в самом начале статьи публикацию «Одного дня Ивана Денисовича» в варшавском еженедельнике «Политика»[21] в центральных газетах Польши — во главе с партийной варшавской «Трибуной народа» («Trybuna Ludu», можно сказать, польский аналог газеты «Правда») — сопровождали небольшие статьи, часто напрямую пришедшие из Москвы, подчеркивающие фундаментальное значение публикации «Одного дня...» в СССР.

ка из околиц Вильно. <…> Был совершенно обычным священником: крупный, осанистый, здоровый мужчина; откуда-то — вероятно, от прихожан — получал богатые посылки, но даже не думал кого-либо угощать <…>. Собственно, он не был примером христианской любви. Тем не менее его присутствие в нашей бригаде во время работы и в бараке сильно на меня повлияло. Не пристало в его присутствии ругаться и использовать нецензурную лексику. Ранним утром на своих нарах он проводил совершенно приватное богослужение. Со времени заключения в тюрьму на улице Лонцкого (во Львове. — *Г.П.*) я не имел возможности исповедаться… а причащался я еще до ареста. В один из вечеров в укромном уголке лагеря ксендз Богаткевич исповедал меня, а на следующее утро, когда все еще спали, а ксендз на своих нарах проводил мессу, он подал мне знак. Я подошел к его нарам в глубине барака, и он причастил меня. Следовало теперь изменить свою жизнь, а может, и не столько жизнь, поскольку ее никто из нас не был в состоянии изменить, сколько поведение. Проще это было сделать, отказавшись от бригадирства» (*Węgierski J.J.* Bardzo różne życie. S. 245. Пер. Д.К.). Кстати, весьма интересное дополнение к «Одному дню...», в котором молится только Алешка-баптист на койке, а крестятся перед едой лишь молодые бендеровцы, так как старые давно отвыкли, о русских уже не говоря: «Там, за столом, еще ложку не окунумши, парень молодой крестится. Бендеровец, значит, и то новичок: старые бендеровцы, в лагере пожив, от креста отстали. А русские — и какой рукой креститься, забыли» (*Солженицын А.И.* Один день Ивана Денисовича // Собр. соч. Т. 1. С. 21).

[20] *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч. Т. 6. С. 235–236.

[21] Сегодня даже в Польше уже никто не помнит, что небольшой фрагмент рассказа (а точнее, его последние шесть страниц, начиная с предложения «Слыхать было очень издали: где-то трактор гудел в поселке, в стороне шоссе экскаватор повизгивал») был также опубликован в краковском еженедельнике «Литературная жизнь» («Życie Literackie») в переводе известного польского военного писателя Ольгерда Терлецкого (1922–1986), который, кстати, сам прошел через суровую школу советских лагерей (1939–1941). См.: *Sołżenicyn A.* Jeden dzień Iwana Denisowicza // Życie Literackie. 1962. 30 grudnia. № 52. S. 4–6.

В гомулковской Польше — совсем иначе, чем в СССР времен хрущевской «оттепели», где произведение Солженицына читали простые люди, в том числе и недавние лагерники, — рассказ Солженицына будоражил умы прежде всего интеллигенции, питавшей надежду на постсталинские перемены у большого соседа, что должно было повлиять также на судьбу Польши. Об этом, конечно, открыто не писали, однако подобные настроения хорошо чувствуются между строк публиковавшихся в 1962–1963 годах статей о Солженицыне. Первую из них, под заглавием «День, которого забыть нельзя», опубликовал московский корреспондент «Трибуны народа» Михал Луцкий. Статья, занявшая почти целую газетную полосу, пропитана, с одной стороны, верой в поражение и уход в небытие культа личности, а с другой — надеждой на возрождение «правильных» коммунистических норм. Обращаясь к одному «дню невинно осужденного человека», Луцкий сравнивает произведение Солженицына — «рассказ о самой черной странице периода культа личности» — с только что опубликованной в «Новом мире» «Тишиной» Юрия Бондарева и — прежде всего! — с рассказом Григория Шелеста «Самородок», опубликованным в «Известиях», а затем напечатанным по-польски в № 46 «Политики» за 1962 год. Для польского журналиста эти два рассказа — в действительности такие разные и по художественному уровню, и по авторской мысли — являлись доказательством не только силы духа некоторых жертв культа личности, но и витальности самого коммунизма: «Проплывает перед читателем день Ивана: бессмысленные приказы, бессмысленная работа, торжествующее бесправие… Читатель думает: какой прекрасный каменщик был бы из Ивана на свободе. И каким оптимизмом веет в конечном счете от его упорства, его житейской мудрости, его внутренней силы и чистоты. <…> Солженицын превратил повествование об одном дне Ивана Денисовича в художественный документ большого значения, срывающий маски, а также полный веры в победу — окончательную победу Ивана Денисовича»[22].

В 1962 в польской печати появились еще два текста об «Одном дне…», в которых рассказ рассматривался в политическом ключе решений XX и XXII съездов КПСС. Автором первой публикации — статьи «Интелектуальное направление» — был Ежи Ярузельский, тогдашний корресподент «Жизни Варшавы» в Москве, уже упоминавшийся выше в связи с Ежи Венргерским[23]. В своей статье Ярузельский, осторожно ссылаясь на советскую критику, утверждал, что вышеупомянутый рассказ Шелеста «Самородок» попросту слаб, а великолепный рассказ Солженицына вписывается в более широкое «интелектуальное направление», являющееся в свою оче-

[22] *Łucki M.* Dzień, którego zapomnieć nie wolno (od własnego korespondenta «Trybuny Ludu» w Moskwie) // Trybuna Ludu. 1962. 25 listopada. № 327. S. 9. Пер. Д.К.

[23] См. выше, примеч. 8.

редь частью нравственного процесса «открывания правды», в том числе и о «лагерях времен Сталина», чтобы, «в частности, достичь материальных целей, поставленных КПСС»[24]. В сходном тоне был выдержан и сокращенный перевод статьи Эльзы Триоле под программным заголовком «Pour l'amour de l'avenir» — «Во имя любви к будущему» (полный текст появился в парижском коммунистическом еженедельнике «Lettres Françaises» от 7 декабря 1962). Польский текст был озаглавлен «Эльза Триоле о рассказе Солженицына». Рядовой читатель не мог знать, как наверняка знали редакторы варшавского журнала «Новая культура», на страницах которого польскоязычная версия статьи и была опубликована, что Эльза Триоле таким образом непосредственно включалась в полемику Ж.П. Сатра и А. Камю 1950-х годов о советских лагерях. Камю в своей книге «Бунтующий человек» (1951) с осуждением писал о всяких попытках порабощения личности, также и в «русских (точнее, в советских. — *Г.П.*) лагерях», а долгом художника считал защиту невинных жертв и осуждение как «правых» палачей, так и «левых»: «Русская система концентрационных лагерей, — писал Камю, — и впрямь осуществила диалектический переход от правления лицами к управлению вещами, спутав при этом личность с вещью. <…> Мы, именно мы, обязаны выступить от имени всех тех, кто страдает сегодня, каковы бы ни были мощь и сила, в прошлом или в будущем, государств и партий, их угнетающих: для художника не существует привилегированных палачей. Вот почему красота даже сегодня, особенно сегодня, не должна служить ни одной партии, она обязана помогать, на долгий или на короткий срок, лишь облегчению боли и достижению свободы человека. <…> И тогда урок, извлекаемый им из красоты, — если он извлечен честными средствами, — будет уроком не эгоизма, но сурового братства. Красота в таком понимании не поработила еще ни одного человека»[25]. Сартр на это отвечал, что европейскому интеллигенту не следует говорить о советских лагерях, чтобы не привести к унынию рабочих в Бийанкуре[26]. Эльза Триоле заняла промежуточную позицию — с одной стороны, она призывала во весь голос — как в прошлом не сумел этого сделать Маяковский — заявить свой протест против бесчеловечностей

---

[24] *Jaruzelski J.* Nurt intelektualny // Przegląd Kulturalny. Warszawa, 1962. 19–31 grudnia. № 51–52. S. 10.

[25] *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. И.А. Волевич, Ю.М. Денисов, А.М. Руткевич, Ю.Н. Стефанова. М.: Изд-во полит. лит., 1990. С. 304, 373.

[26] *Бийанкур* — рабочее предместье Парижа. Жорж Нива добавляет в этом контексте: «Нельзя было не только "приводить в отчаяние Бийанкур", как говаривал Сартр, но и отнимать надежду у интеллигенции, принимавшей участие в построении нового мира и новой истории — односторонней, однонаправленной» (*Нива Ж.* Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе / пер. с фр. Е.Э. Ляминой. М.: Высш. школа, 1999. С. 150).

сталинизма; с другой, считала, что такой поступок будет актом верности коммунистическому гуманизму и социалистическому реализму[27].

В январе 1963 года в Польше, еще до того, как вышел январский номер «Нового мира» с рассказами Солженицына «Случай на станции Кречетовка» и «Матренин двор», об «Одном дне...» высказался Анджей Дравич (1932–1997) — крупный русист, впоследствии исследователь творчества Солженицына. В своем первом печатном выступлении — это была короткая заметка в варшавском иллюстрированном молодежном еженедельнике «Дружба» («Przyjaźń») — умный Дравич сумел выйти за рамки трафаретов о Хрущеве и XX съезде, указав на стилистические связи рассказа Солженицына с «поисками в области языка 1920-х годов раннего Леонова, в какой-то степени Бабеля, возможно, более всего Андрея Платонова»: «Это распространенное, народное “просторечие”, насыщенное лагерной терминологией, уложенное в скупые и одновременно значительные, нераспространенные, лапидарные предложения. Этот стиль так же аскетичен, как аскетичны были реакции и инстинкты осужденных — “зэков”, краток, условен, синтетичен, полон неожиданностей. Просторечие не было здесь просто скопировано — оно прошло литературную обработку, и то, что получилось, — скорее его экстракт, отвар, синтез»[28]. Дравичу очень понравилось, что это абсолютно искреннее и острое произведение написано с огромным тактом, получившись как бы приглушенным, а оттого вдвойне острым. Сравнивая Шухова с Платоном Каратаевым, Дравич, с точки зрения интеллигента, утверждал, что этот герой «немногое понимает», но в лагере сидели и другие люди, не окончательно лишенные воли, и именно такие люди задавали тон: «В общем, сидит Иван Денисович, сидят русские, латыши, эстонцы, грузины; есть здесь капитан второго ранга, киноактер, художник, красноармеец, разоблаченный еще во время коллективизации как сын кулака, узник Бухенвальда, изувеченный немцами. Есть, как и везде, люди и гиены, честные и подлые; жестокие законы лагерной жизни уничтожают одних и закаляют других. <…> Концентрированная, обнаженная человеческая обида, воспоминания о которой в течение стольких лет сталкивались на самое дно одиночества, державшаяся за семью замками, застрявшая в горле обжигающим чувством несправедли-

[27] Elsa Triolet o opowiadaniu Sołżenicyna // Nowa Kultura. 1962. 23–30 grudnia. № 51–52. S. 16. Наиболее политизированным текстом о раннем Соженицыне стала переведенная на польский язык с русского опубликованная в польской версии журнала «Проблемы мира и социализма» (1964. № 19. С. 80–85) статья известного впоследствии Юрия Карякина «Эпизод из современной борьбы идей». Автор статьи встал на защиту Солженицына, Хрущева и XX съезда КПСС не столько перед внутренними сталинистами, сколько перед китайскими маоистами, выступающими против антисталинских разоблачений. Этот же текст перепечатан в сборнике: «“Ивану Денисовичу” полвека»: Юбилейный сборник 1962–2012. М.: Русский путь, 2012. С. 238–253.

[28] *Drawicz A.* Jeden dzień. Rozmowy o książkach // Przyjaźń: Tygodnik Ilustrowany. Warszawa, 1963. 13 stycznia. № 2. S. 2.

вости, наконец дождалась-таки выхода <…> Когда померкнут заслуги пионерства, “Один день...” не разделит судьбы проходных сезонных сенсаций, навсегда оставшись литературным фактом»[29].

В 1963–1966 — по мере того как в «Новом мире» Твардовского появлялись очередные рассказы Солженицына (уже упоминавшиеся «Случай на станции Кречетовка», «Матренин двор», а также «Для пользы дела» — в 1963, «Захар-Калита» — в 1966) — они сразу переводились и публиковались или в самой Польше[30], или в печатных изданиях польской эмиграции в Париже[31]. Появлялись и новые, все более глубокие, отзывы польских писателей на произведения Солженицына. Так, еще в 1963 Адольф Рудницкий, как явствует

---

[29] Там же. Напомним, что Дравич писал это ровно за год до появления в январском номере «Нового мира» за 1964 год громкой статьи Владимира Лакшина «Иван Денисович, его друзья и недруги», где, в частности, говорилось: «Повесть “Один день Ивана Денисовича” прожила в нашей литературе всего год и вызвала столько споров, оценок, толкований, сколько не вызывала за последние несколько лет ни одна книга. Но ей не грозит судьба сенсационных однодневок, о которых поспорят и забудут. Нет, чем дальше будет жить эта книга среди читателей, тем резче будет выясняться ее значение в нашей литературе, тем глубже будем мы сознавать, как необходимо было ей появиться. Повести об Иване Денисовиче Шухове суждена долгая жизнь» (*Лакшин В.* Солженицын и колесо истории. М.: Алгоритм, 2008. С. 96). Нам следует еще добавить, что в Польше об «Одном дне...» писали в конце 1963-го и начале 1964 года два писателя: Леон Гомолицкий (1903–1988) — уроженец Санкт-Петербурга, выходец из обрусевшей польской семьи, с 1931 живший в Варшаве, но вплоть до 1945 писавший по-русски, и Збигнев Жакевич (1933–2010), уроженец Вильно, проведший детство в г. Молодечно на реке Уша (сегодня Минская область Беларуси) и ставший свидетелем вступления в 1939 частей оккупационной Красной армии. См.: *Gomolicki L.* Spór o Sołżenicyna // Odgłosy. Łódź 1964. 8 marca. № 10. S. 2; *Żakiewicz Z.* W kręgu wielkiej tradycji // Twórczość. Warszawa. 1963. № 10. S. 89–92. Если Гомолицкий в своей статье рассматривает «Один день...» в оптимистическом контексте фильма «Чистое небо» Григория Чухрая времен «оттепели» и обращается к уже упомянутому тексту Владимира Лакшина «Иван Денисович, его друзья и недруги», то Жакевич рассматривает произведение Солженицына в контексте «Записок из Мертвого дома» Достоевского и — более оригинально — «Дон Кихота» Сервантеса. Шухов, по мнению Жакевича, в нравственном смысле стоит намного выше самовлюбленного Алексея Петровича Горянчикова (рассказчик и главный герой в романе Достоевского), выполняя роль Санчо Пансы при Цезаре Марковиче. См.: *Żakiewicz Z.* W kręgu wielkiej tradycji. S. 90–91.

[30] *Sołżenicyn A.* Zdarzenie na stacji Kreczetowka / przełożyła Henryka Broniatowska // Literatura Radziecka: Miesięcznik Związku Pisarzy ZSRR. 1963. № 6. C. 52–93. Та же публикация в журнале «Ветряные мельницы» — «Wiatraki» (Bydgoszcz. 1963. 1–15 listopada. № 21. S. 1–3; 16–30 listopada. № 22. S. 3; 1–15 grudnia. № 23. S. 2–3; 16–31 grudnia. № 24. S. 2–3; 1964. 1–15 stycznia. № 1. S. 2–3), затем в пятом томе рассказов советских писателей: Słoneczna dolina. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964. S. 229–290. *Sołżenicyn A.* Dla dobra sprawy / przełożył Ignacy Szenfeld // Kultura: Tygodnik społeczno-kulturalny. Warszawa, 29 września. 1963. № 16. S. 7–11; *Sołżenicyn A.* Zachar Kalita / przełożył Ryszard Kotowski // Życie Literackie: Tygodnik. Kraków, 1966. 27 marzec. № 13. S. 1, 5.

[31] *Sołżenicyn A.* Zdarzenie na stacji Kreczetowka / przeożył z rosyjskiego Leon Furatyk // Kultura. Paryż. 1963. № 7–8. C. 3–45; *Sołżenicyn A.* Zagroda Matriony / tłumaczenie Józefa Łobodowskiego // We własnych oczach: Antologia współczesnej literatury sowieckiej / wstęp Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Paryż: Instytut Literacki, 1963. S. 485–519.

из опубликованного в варшавском еженедельнике «Мир» эссе «Очищение» (из цикла «Голубые странички»)[32], был очарован главным образом «Случаем на станции Кречетовка», прочитанным в переводе. Хорошо помня первые дни войны 1941 на территории СССР, расширенного в сентябре 1939 за счет Польши (точнее — Второй Речи Посполитой), Рудниций писал: «Действие рассказа разворачивается в первые месяцы войны, о которых Черчилль позже заметил: “Ни одна страна на свете уже не поднялась бы после такого поражения”. В триумфе Гитлера было тогда что-то почти мистическое. Казалось, никто и ничто его не остановит. Каждая неделя приносила… новое окружение и новые миллионы военнопленных. Расползались немецкие границы. Я был тогда во Львове и наблюдал это вблизи. Почти не конвоируемые немногочисленными самоуверенными, улыбающимися немецкими солдатами, проходили по улицам Львова советские военнопленные. Среди них были и наши знакомые, с которыми мы недавно сидели в кафе. Мы ничего не знали о приближавшемся ударе, об опасности которого предостерегали нас письма из ГГ[33]: мы были как в коробке, выложенной ватой… За Днепром царил неописуемый хаос. Только вдали от него, на большом расстоянии можно было попытаться собрать какие-то силы, способные оказать сопротивление, не охваченные паникой разгрома. Первый, поначалу неощутимый удар нанесли Гитлеру именно эти расстояния»[34].

В своем эссе Рудницкий, демонстрируя незаурядное эстетическое чутье, анализирует фабулу рассказа, обращая внимание на каждую деталь. Очевидно, что симпатии Рудницкого — представителя старой польской ин-

---

[32] *Rudnicki A.* Oczyszczenie. Niebieskie kartki // Świat. 1963. 8 września. № 36. S. 11. Рус. пер.: *Рудницкий А.* Две-три фразы // Новая Польша. 2001. № 7–8. С. 38–40.

[33] Генерал-губернаторство — часть довоенной Польши с городами Краков (столица), Варшава, Люблин, Радом, оккупированная после 1 сентября 1939 немецкими войсками, но не включенная формально в состав Третьего рейха. Львов же (до 1772 года входивший в состав Речи Посполитой, в 1772–1918 годах — в состав Австрийской, а затем Австро-Венгерской империи, в 1918–1939 — в состав Второй Польской Республики) после 17 сентября 1939 года был оккупирован советскими войсками. В связи с положением на фронте многие польские писатели были вынуждены остаться в городе. Некоторые из них были затем отправлены в советские лагеря. Адольф Рудницкий (1909–1990) избежал этой судьбы, вступил 17 сентября 1940 года в Союз советских писателей Украины, потом принимал участие в Варшавском восстании (1944), написал «Эпоху газовых печей» (1948–1949), «Живое и мертвое море» (1952), «Сто лет тому умер Достоевский» (1984). В рассказах, написанных сразу после окончания войны, Рудницкий описал ужасы холокоста. В 1980-е писатель пересмотрел свое отношение к сотрудничеству с коммунистическими властями. Его рассказ «Чистый поток» (1946) Милан Кундера назвал лучшим произведением о любви, написанным в XX веке. Рудницкий был по происхождению евреем, выходцем из хасидской семьи. Следует добавить, что журнал «Мир» («Świat»), в котором Рудницкий опубликовал свое вдумчивое эссе о Солженицыне, был закрыт в 1968 в рамках антисемитской кампании во времена Гомулки. Поводом стало «чрезмерное» число сотрудников еврейской национальности.

[34] *Рудницкий А.* Две-три фразы. С. 38.

теллигенции — на стороне актера Тверитинова. Тверитинов не знает — и это тоже внушает симпатию польскому писателю — о переименовании Царицына в Сталинград. Но именно этим он и подписывает себе приговор… Нельзя не признать, что следующий фрагмент из эссе Рудницкого — одно из самых проникновенных истолкований «Случая на станции Кречетовка»: «На войне погибают миллионы. Погибают безвинно. Поэтому какой-то процент должен погибнуть, так сказать, еще более безвинно, еще более абсурдно, несправедливо. Нравственно нечистоплотный человек, возможно, не сделал бы того, что Вася Зотов, но люди чистые и наивные бывают особенно опасны. Впрочем, дело даже не в Васе Зотове, а в ситуации: на каждом шагу плакаты, предостерегающие от шпионов. К тому же у самого Зотова никогда не было уверенности, не совершил ли он ошибки. Той уверенности, которой проникаемся мы, услышав крик Тверитинова. Мне кажется, что своим огромным резонансом рассказ обязан двум фразам, выделенным самим автором: циничной “Надо будет только выяснить один вопросик”… и душераздирающей: “Ведь этого не исправишь!!” Велика сила подобных фраз, человечество порой ждет их десятилетиями. И лишь будучи написанными, произнесенными вслух, они позволяют людям передохнуть. Они отделяют правду от лжи, свет от тени, подлость от благородства. Они отдают последнюю справедливость безвинно погибшим. Благодаря подобным фразам человечество очищается. И они служат доказательством, что без очищения человечество жить не может»[35].

16 мая 1967 года Солженицын пишет смелое письмо IV Съезду советских писателей, приуроченному, кстати, к 50-летию Октябрьской революции: «Не предусмотренная конституцией и потому незаконная, нигде публично не называемая, цензура под затуманенным именем Главлита тяготеет над

[35] Там же. С. 40. Уже упоминавшийся ранее Збигнев Жакевич, признанный знаток русской классической литературы, особенно Достоевского, пишет о Зотове: «В “Случае на станции Кречетовка” Солженицын создает знакомый образ благородного героя, рассеянного, как Пьер Льва Толстого, интеллигента, преисполненного благих намерений, становящихся причиной трагических сложностей. Своим поведением, внешним видом и идейной бескомпромиссностью лейтенант Зотов напоминает рассказчика из “Конармии” Бабеля. Здесь появляется даже такая деталь — очки в проволочной оправе. Но конфликт, в котором оказался замешан этот положительный герой — наполовину Пьер, наполовину комиссар Лютов, начинает приобретать все больше черт, свойственных конфликту у Достоевского. Лейтенант Зотов, исполняющий обязанности заместителя коменданта станции Кречетовка, передает в руки службы безопасности старого московского актера — человека, трогательного в своей беззащитности, потерянного в огромном омуте войны. Есть в нем нечто от героев Достоевского» (*Żakiewicz Z.* W kręgu wielkiej tradycji. С. 91. Перевод Д.К.). Что касается «Матрениного двора», Жакевич видит в нем пример сближения русского интеллигента с миром «простого народа», «с настоящей, глубоко человечной натурой российского крестьянина». Сама же Матрена Васильевна напоминает польскому литературному критику бабку Каширину из автобиографического цикла Горького, тогда как ее «эгоистичное, порывистое, примитивное» окружение создает впечатление «взятого прямиком из купеческих повестей Горького» (Там же. С. 92).

нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно-неграмотных людей над писателями. Пережиток средневековья, цензура доволакивает свои мафусаиловы сроки едва ли не в XXI век! Тленная, она тянется присвоить себе удел нетленного времени: отбирать достойные книги от недостойных. <…> Отличные рукописи молодых авторов, еще никому не известных имен, получают сегодня из редакций отказы лишь потому, что они “не пройдут”. <…> А между тем сами цензурные ярлыки (“идеологически вредный”, “порочный” и т.д.) недолговечны, текучи, меняются на наших глазах. Даже Достоевского, гордость мировой литературы, у нас одно время не печатали (не полностью печатают и сейчас), исключали из школьных программ, делали недоступным для чтения, поносили. Сколько лет считался “контрреволюционным” Есенин (и за книги его даже давались тюремные сроки)? Не был ли и Маяковский “анархиствующим политическим хулиганом”? Десятилетиями считались “антисоветскими” неувядаемые стихи Ахматовой. Первое робкое напечатание ослепительной Цветаевой десять лет назад было объявлено “грубой политической ошибкой”. Лишь с опозданием в 20 и 30 лет нам возвратили Бунина, Булгакова, Платонова, неотвратимо стоят в череду Мандельштам, Волошин, Гумилев, Клюев, не избежать когда-то “признать” и Замятина, и Ремизова. Тут есть разрешающий момент — смерть неугодного писателя, после которой, вскоре или невскоре, его возвращают нам, сопровождая “объяснением ошибок”. Давно ли имя Пастернака нельзя было и вслух произнести, но вот он умер — и книги его издаются, и стихи его цитируются даже на церемониях. Воистину сбываются пушкинские слова: **Они любить умеют только мертвых!**»[36]

В начале 1980-х мы — тогдашние студенты отделения русской филологии краковского Ягеллонского университета — восхищались именно этими фрагментами письма Солженицына, прочитанного нами на языке оригинала… Я — счастливый ученик профессора Анджея Дравича — лично помню, что мужественное выступление писателя против цензуры виделось нами как верность Михаилу Афанасьевичу Булгакову, автору культового для нас романа «Мастер и Маргарита». Благодаря Дравичу, привозившему для своих студентов из Варшавы в Краков множество запрещенных русских книг, изданных в Париже, Мюнхене или в американском городке Анн-Арбор в штате Массачусетс, мы сразу получили возможность заметить, что Солженицын продолжает дело Булгакова, который в письме правительству СССР от 28 марта 1930 писал: «… когда германская печать пишет, что “Багровый остров” — это “первый в СССР призыв к свободе печати” (“Молодая гвардия” № 1 — 1929), — она пишет правду. Я в этом сознаюсь. Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, — мой писательский долг, так же как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что,

[36] Дело Солженицына. I. 2-е изд. P.: Ed. de la Seine, [Б.г. (ок. 1971)]. С. 45–47.

если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода»[37].

После выступления Солженицына его имя сразу же начало вытесняться из сознания его польских почитателей стараниями цензуры, действовавшей как в брежневском СССР, так и в гомулковской ПНР (в самой Польше «недругов», говоря языком Лакшина[38], пока не было, по крайней мере, они не осмелились проявиться до 1968). Но в 1967–1968 успели в польской печати появиться две последние статьи, в которых Солженицын описывался объективно и справедливо как «полифонический писатель» и интересный славянофильствующий мыслитель, ищущий смысл жизни и творчества также в сфере сверхчеловеческой, трансцендентной: «Талант сопряжен с обязательством. <…> В наши дни, когда техника играет все большую роль в современной жизни, когда материальный достаток считается наиважнейшим (здесь Солженицын употребил очень точное русское определение “когда люди заедаются”), когда влияние религии ослабло во всем мире, на писателя возлагается особая ответственность». И далее: «Какой литературный жанр кажется мне наиболее интересным? Полифонический роман с четким определением времени и пространства. Роман без главного героя. <…> А как я понимаю полифоничность? Каждое действующее лицо становится главным персонажем, когда ее начинает касаться действие. И пускай автор тогда отвечает даже за тридцать пять героев. Не отдает никому первенства. Каждого своего героя он должен понять и объяснить. Однако ему нельзя терять почву под ногами. Используя такой метод, я написал две книги и намереваюсь написать еще одну». Обе цитаты взяты из интервью Солженицына, данного им в марте 1967 словацкому журналисту Павлу Личко в Рязани и Москве. Писатель тогда уже знал, что в СССР его произведения публиковаться не будут, и хотел донести как можно больше о себе до общественного мнения за границей. Метод был чрезвычайно эффективным — в мае 1967 года интервью, данное Личко, появилось также в польском переводе на страницах краковского еженедельника «Литературная жизнь» («Życie Literackie»)[39]. Из этой весьма содержательной публикации польский читатель узнал не только ранее неизвестные страницы биографии писателя, но и впервые слышал о его «полифоническом методе», а также о полифоничности упомянутых писателем романов «Раковый корпус» и «В круге первом». Подобной информации, к сожалению, не было в вышедшей в 1968 книге Анджея Дравича «История советской литературы с 1917

---

[37] *Булгаков М.А.* Письма. Жизнеописание в документах. М.: Современник, 1989. С. 174.

[38] См. выше, примеч. 29.

[39] *Liczko P.* Jeden dzień u Aleksandra Isajewicza Sołżenicyna // Życie Literackie. Kraków, 1967. 21 maja. № 21. S. 9. Ср.: *Ličko P.* Jedného dňa u Alexandra Isajeviča Solženicyna // Kulturný Život. Bratislava. 1967. 31 marca. № 13. Русский перевод: Один день у Александра Исаевича Солженицына: Интервью словацкого журналиста Павла Личко // Посев: Еженед. обществ.-полит. мысли. Франкфурт. 1963. 23 июня. № 25. С. 3–4.

по 1967 год. Русские писатели» с фрагментом о Солженицыне (это вторая из упомянутых выше достойных публикаций в области солженицыноведения в Польше 1960-х – первой половине 1970-х). В позднем интервью, данном в Познани в ноябре 1992 Татьяне Косиновой, Дравич вспоминал: «Я начал систематически заниматься русской литературой и пользовался некоторым либерализмом польской цензуры по отношению к русской литературе, которой по-настоящему наша цензура не так уж интересовалась, не так хорошо в ней разбиралась, и поэтому много можно было сказать. Еще в 1968 г. вышла моя книжечка “История русской литературы с 1917 по 1967 год”[40], где, например, был хороший абзац об Александре Исаевиче Солженицыне. Единственное, что тогда потребовала от меня цензура, снять портрет. Фотографии не должно было быть, а писать можно было»[41]. Но не так уж много написал в своей «Истории…» Анджей Дравич, особенно по сравнению с интервью Личко и с тем, что сам уже рассказал об «Одном дне...» в варшавском иллюстрированном еженедельнике «Дружба» в январе 1963[42]. О существовании «Ракового корпуса» и романа «В круге первом» упомянуть было нельзя, и Дравич, в принципе, добавил к ранее уже сказанному только одно мнение и одну метафорическую констатацию: «В рассказах “Матренин двор” и “Захар-Калита” писатель пошел далее в направлении, определенном выбором героя в “Одном дне...”; однако если позиция Ивана Денисовича Шухова с его чрезвычайно упрощенной жизненной философией, примитивизмом, абсолютной готовностью к подчинению и неприязнью к интеллигенции представляется автором таким образом, чтобы дать возможность оценить ее по-разному, то рассказы являются совершенно однозначным восхвалением стойкости и жертвенности русского народа, являющегося, по мнению Солженицына, носителем наивысших моральных ценностей. Занятая здесь позиция sui generis писательского паломничества к истокам народной морали имеет давнюю и мощную традицию в русской литературе, особенно у Толстого и Достоевского. Что же касается рассказов “Случай на станции Кречетовка” и “Для пользы дела”, они отличаются как по заложенным в них принципам, так и по стилистике. Не боясь упрощений, Солженицын с доступностью наглядного урока продемонстрировал разрушительные процессы, происходящие в атмосфере подозрений и главенства принципа “цель оправдывает средства”»[43]. Эта «цель, оправдывающая средства» — конечно, «светлое будущее», во имя которого можно сажать беззащитных пожилых артистов за колючую проволоку или для нужд партии отбирать у молодежи учебное здание.

---

[40] Правильное заглавие см. выше.

[41] Я хотел открыть другую Россию: Интервью с Анджеем Дравичем (1992) // Новая Польша. 2011. № 3. С. 76.

[42] См. выше, примеч. 29.

[43] *Drawicz A.* Literatura radziecka 1917–1967. Pisarze rosyjscy. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. S. 265–266.

Атака недругов

Именно во имя этого «светлого будущего» в 1968–1988 в социалистической Польше — несмотря на то что она не только считалась самым веселым бараком в коммунистическом лагере, но и действительно была им — ругали Александра Солженицына с использованием стилистики, которой не погнушались бы даже сотрудники «Правды» и «Литературной газеты», развернувшие полномасштабную кампанию против автора «Ракового корпуса» и «Архипелага ГУЛАГа». В ПНР — характерно, что в тех же самых высокотиражных варшавских и краковских газетах, где совсем еще недавно публиковались положительные очерки о малой прозе Солженицына и о нем самом — в 1968, а затем особенно активно в 1974–1975 проводилась кампания по травле писателя, распланированная в Москве. Но характерно, что почти никто в Польше не захотел сочинять собственных антисолженицынских пасквилей, а если и сделал это, то не осмеливался подписываться полным именем. Впрочем, чаще пользовались московскими заготовками — приготовленными заранее для нужд всего социалистического лагеря текстами советских защитников «гуманизма и мира». Итак, в июле 1968 краковская «Литературная жизнь» в рубрике «Заглянем к соседям» публикует довольно обширный текст «Литературная газета о Солженицыне», подписанный криптонимом «Р.Н.», в котором автор излагает почти дословно редакционную статью «Идейная борьба. Ответственность писателя»[44] из «Литературной газеты», № 26 от 26 июня за 1968. В этой статье, кроме Солженицына, который «мог бы свои литературные способности целиком отдать Родине, а не ее злопыхателям. Мог бы, но не пожелал»[45], упомянуты в «антинародном контексте» Валерий Тарсис, Юрий Галансков и Александр Гинзбург[46]. Новый всплеск антисолженицынской кампании в ПНР приходится на 1974–1975, в связи с публикацией на Западе «Архипелага ГУЛАГа», лишением писателя советского гражданства и его «выдворением» из СССР. Список статей тоже небольшой — тексты «в защиту мира против происков Герострата-Солженицына» появлялись в варшавской «Трибуне народа», «Жизни Варшавы», краковской «Литературной жизни», международных, издаваемых также по-польски «Проблемах мира и социализма», в «Праве и жизни» («Prawo i Życie»), партийных «Новых дорогах» («Nowe Drogi») и варшавском «Культурном еженедельнике» («Tygodnik Kulturalny»). И опять практически все тексты или анонимные, как «Вокруг дела Солженицына» и

---

[44] См.: Идейная борьба. Ответственность писателя // Слово пробивает себе дорогу: Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1974. М.: Русский путь, 1998. С. 343–352.

[45] Там же. С. 352.

[46] *R.N.* Litieraturnaja Gazieta o Sołżenicynie // Życie Literackie. 1968. 14 sierpnia. № 28. S. 14.

«Новая антикоммунистическая кампания»[47], или сочиненные советскими авторами, а затем переведенные на польский язык. Первой в ряду публикаций стал позорный текст, подписанный криптонимом «А. Вит.». Польский, вне всякого сомнения, автор использовал метод, опробованный АП «Новости», называя Солженицына новым Геростратом, апологетом Гитлера и — авторская новация — защитником антипольского царского режима: «Относительно “царского либерализма”, над которым так расчувствовался Солженицын, мы, поляки, имеем собственное мнение, схожее с мнением рабочих Петрограда, и совершенно определенно отличающееся от мнения “помещиков” Ростовской губернии, к которым так охотно и, очевидно, не без оснований приписывают Солженицына его западные покровители»[48].

Из публикаций 1974–1975 следует упомянуть текст «Солженицын на Западе. Знаменательная встреча со свободным миром» Владимира Симонова, корреспондента АП «Новости», написанный специально для польского агентства «Интерпресс»: «Правда, кое-где Солженицыну будут рады. Например, в Иерусалиме, мэр которого заявил, что готов принять апологета гестапо и фашизма. Солженицын у Стены Плача — неплохая иллюстрация для его литературного кощунства»[49]. В другой публикации тогдашний пер-

---

[47] Wokół sprawy Sołżenicyna // Życie Literackie. 1974. 20 styeznia. № 3. С. 15; Nowa kampania antykomunistyczna // Nowe Drogi. Warszawa, 1974. № 2. S. 87–92. Значительно более коварный здесь второй текст, кончающийся — в духе «классово-патриотическом» — следующим образом: «Выступления Солженицына и антикоммунистическая кампания, развернутая вокруг них, вызывают глубокое сопротивление в нашей партии и польском обществе <…>. Мы занимаем такую позицию, исходя как из общественных, классовых причин, так и принципиальных национальных чаяний Польши. <…> Речь о том, что Солженицын пытается воскрешать и подогревать идеологию и политику Романовых, Колчаков и Деникиных, белогвадейцев и царского самодержавия. Впрочем, он и не скрывает своей симпатии к этим силам, вычеркнутым российским рабочим классом, ни в “Архипелаге ГУЛАГ”, ни в своем предыдущем произведении —“Августе Четырнадцатого” <…> Силы и традиции, симпатичные Солженицыну, — это крайне антипольские силы и традиции. Они несли Польше порабощение и вместе с польскими помещиками и капиталистами рыли пропасть между польским и русским народами. И наоборот: силы, на которые направлена закоренелая ненависть Солженицына, — это союзные и дружественные Польше силы, двукратно принесшие ей свободу и являющиеся сегодня надежным оплотом справедливых чаяний нашего народа» (Там же. С. 92–93. Перевод Д.К.). К этому насквозь фальшивому тексту мы вернемся в контексте печатных выступлений Солженицына в защиту свободной Польши, в том числе свободной и от своей коммунистической партии. Что же касается «двукратного освобождения» Польши советскими коммунистами, то «Новые дороги» имели в виду согласие Ленина в 1917 году на самоопределение, а также освобождение Польши от Германии Красной армией в 1944–1945 годах. Эти вопросы и по сей день являются предметами горячих споров в самой Польше.

[48] *Wit. A.* Sława Herostratesa czyli sensacja wokół książki Sołżenicyna // Życie Warszawy. 1974. 9 stycznia. № 7. S. 5. Перевод Д.К.

[49] *Simonow W.* Sołżenicyn na Zachodzie. Znamienne spotkanie z «wolnym światem» // Życie Warszawy. 1974. 24–25 lutego. № 47. S. 4. Пер. Д.К.

вый заместитель министра юстиции СССР Александр Сухарев оправдывает лишение автора «Архипелага ГУЛАГа» гражданства: «К числу лиц, лишенных гражданства СССР, сначала принадлежал Троцкий», а сегодня — несмотря на то что такой вид наказания применяется несоизмеримо реже — Президиум Верховного Совета СССР совершенно оправданно лишил гражданства Солженицына, поскольку «он вступил на путь предательства и продажности». Поэтому и факт изгнания из страны этого «ренегата» был, по мнению заместителя «министра юстиции», актом во всех смыслах справедливым[50]. Летом 1975 в краковском литературном еженедельнике был опубликован перевод открытого письма Солженицыну дочери Александра Твардовского, Валентины, защищавшей отца — что вполне понятно — от критики в мемуарах Солженицына «Бодался теленок с дубом» (1975), но заодно отдававшей дань режиму, обвинив Солженицына в «националистическом шовинизме»[51]. С этого момента фамилия «Солженицын» в польской печати уже не пропускалась — с одним существенным исключением: в 1977, конечно по наущению советских товарищей из КГБ, тиражом в сорок тысяч экземпляров был опубликован перевод воспоминаний бывшей жены Солженицына Натальи Решетовской (1919–2003) под модифицированным заглавием «Солженицын — реалии и мистификации»[52]. Независимо от обличительных целей, эта книга — особенно для тех, кто ориентировался в вопросе (меня просветил Дравич), — могла быть частично полезной, поскольку в тогдашней Польше даже в специальных библиографических сборниках нельзя было упоминать о выходе — пускай лишь в газетах и журналах — произведений Солженицына на языке Мицкевича и Тадеуша Боровского[53].

---

[50] *Suchariew A.* «Sprawa Sołżenicyna» widziana przez pryzmat prawa // Prawo i Życie. 1974. 28 kwietnia. № 17. S. 13. Стоит также упомянуть текст Гаса Холла (Hall; 1910–2000) — генерального секретаря КП США — который «изобличал» Солженицына даже по-польски. См.: *Hall G.* Zdemaskowanie awanturniczej antykomunistycznej afery // Problemy Pokoju i Socjalizmu. 1974. № 1. S. 135–139.

[51] List córki Aleksandra Sołżenicyna do Twardowskiego // Życie Literackie. 1975. 27 lipca. № 3. S. 2.

[52] *Rieszetowska N.* Sołżenicyn — realia i mistyfikacje / tłumaczył Szymon Marych. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1977. Русский оригинал «В споре со временем» (тираж не указан) был опубликован в 1975 АП «Новости», однако только для зарубежного распространения. Беспощадную критику книги Решетовской опубликовал в парижской «Культуре» М. Бронский. См.: *Broński M.* Panie opisują panów // Kultura. 1978. № 7–8. S. 207–210. Зато в самой Польше известный писатель Казимеж Орлось опубликовал в самиздатском толстом журнале отзыв о книге Решетовской, озаглавленный «Непреднамеренное свидетельство». См.: *Orłoś K.* Świadectwo mimo woli // Zapis. Warszawa. 1978. № 6. S. 120–123.

[53] Я был изумлен, когда, работая над статьей, не обнаружил в солидной 2-томной «Библиографии переведенной на польский язык литературы, изданной в 1945–1978 годах» фамилии «Солженицын», за исключением заглавия из воспоминаний Решетовской. См.: Bibliografia literatury tłumaczonej na język polski wydanej w latach 1945–1977. T. I–II. Warszawa: Czytelnik, 1978. Справедливости ради добавим, что газеты и журналы с переводами Солженицына из поль-

В пространстве польского зарубежья

О творчестве Александра Исаевича писала очень сильная и интеллектуально активная польская послевоенная эмиграция, особенно интеллектуалы, связанные с парижским толстым журналом «Культура» и его главным редактором Ежи Гедройцем (1906–2000). Он же издавал и серию «Библиотека “Культуры”», публикуя чрезвычайно важные произведения, запрещенные в советском блоке. Еще в 1953 в этой серии вышел польский перевод «1984» Оруэлла, «Трансатлантик» Гомбровича и «Порабощенный разум»[54] Милоша, в 1956-м — «Конец столетия идеологии» Раймонда Арона, в 1957-м — «Контра» Юзефа Мацкевича (о выдаче в 1945 англичанами Сталину казаков с генералом Красновым), в 1958-м — «Человек бунтующий» Камю, в 1959-м — «Доктор Живаго» в переводе Юзефа Лободовского, в 1960-м — «Глаз» Юзефа Чапского и «Возвращение в дивный новый мир» Хаксли, в 1961-м — «Фантастические повести» Абрама Терца (Андрея Синявского) на языке оригинала[55], в 1963-м — «Второе пришествие» Герлинга-Грудзинского, в 1966-м — «Русско-польская *entente cordiale* (ее начало и фундаменты, 1903–1905)» Вацлава Ледницкого (1891–1967), в 1968-м — «Размышления о прогрессе...» Андрея Сахарова, в 1969-м — «Духи революции» Герлинга-Грудзинского. Ежи Гедройц уже в 1960 издал на русском языке первый из трех номеров «Культуры»[56], на страницах которого с предложением диалога со свободно мыслящими русскими интеллектуалами выступили такие видные польские публицисты и писатели, как Юлиуш Мерошевский, Чеслав Милош, Юзеф Чапский, Юзеф Лободовский, Густав Герлинг-Грудзинский. Во вступительном заявлении редакция ссылалась на традиции Циприана Камиля Норвида[57], который в разгар жестокого подавления анти-

---

ских библиотек не изымались. Тем не менее когда я в середине 1980-х, публикуясь в краковском католическом журнале «Знак» (1983. № 3), попытался продвинуть фамилию Солженицына как соавтора «Из-под глыб» (1974) и в этом смысле наследника Владимира Соловьева, цензура этому помешала. Лет на десять раньше, 26 марта 1972 года, цензура зато пропустила во «Вроцлавском еженедельнике католиков» («Wrocławski Tygodnik Katolików») настолько пасквилянтский текст о Солженицыне некоего Ежи Романовского, что этот навет был даже перепечатан 7 апреля того же года в «Литературной России». Добавим, что «вроцлавские католики» — это члены тесно сотрудничающей с коммунистами организации с латинским названием PAX (в переводе на русский звучит уже по-оруэлловски — МИР).

[54] Ср.: *Милош Ч.* Порабощенный разум / пер. с польск. яз., предисл. и примеч. В. Британишского. СПб.: Алетейя, 2003.

[55] Именно это издание — вместе с опубликованными Гедройцем в 1963–1965 годах польскими переводами «Любимова» и «Мыслей врасплох» Синявского, а также книгой «Искупление и другие рассказы» Николая Аржака (Юлия Даниэля) — стало причиной суда над писателями. Гедройц в 1966 году опубликовал перевод сборника документов «Суд идет! Стенографический отчет из процесса Андрея Синявского и Юлия Даниэля».

[56] Очередные русскоязычные выпуски появились в 1971 и 1981 годах.

[57] *Циприан* Камил Норвид (1821–1883) — поэт, писатель, драматург, один из крупнейших польских поэтов.

российского восстания в Польше 1863 призывал «начать диалог с русскими», подчеркивал «необходимость существования сторонников Польши в России, как и сторонников России в Польше»: «Норвид указывает на то, что, помимо всех разногласий, которые разделяют Польшу и Россию, существует и то, что связывает эти два народа: целый мир общих переживаний, контактов, схожих черт характера, смешения крови…»[58] О самом важном, однако, написал Юлиуш Мерошевский (1906–1976), родовитый краковянин, бывший в то время лондонским корреспондентом парижской «Культуры» и ее главным, наряду с Гедройцем, политическим стратегом: «Россия (тогда все-таки СССР. — *Г.П.*) приступила в Восточной Европе к постройке своей империи сателлитов. Эта запоздалая концепция не имеет никаких шансов сохраниться в будущем… Поляк, выступающий с предложением нормализации русско-польских отношений, рискует тем, что соотечественники объявят его изменником, а русские отнесутся с величайшим недоверием. Условия, существующие ныне в наших странах, не дают возможности свободной дискуссии по этому вопросу. В качестве независимого польского журнала — представляющего значительный сектор польского общественного мнения как в самой Польше, так и за границей — мы берем на себя эту инициативу, будучи убежденными, что соглашению должен предшествовать обмен мнениями и попытка очистить атмосферу, по крайней мере, между нами здесь — в свободном мире. В прошлом главным источником раздоров между Польшей и Россией была борьба за гегемонию в Восточной Европе. Последним отголоском восточной политики давней Польши была киевская экспедиция И. Пилсудского. Эта глава истории окончательно закрыта. <…> Вместе с большинством наших соотечественников мы считаем настоящие границы Польши в принципе установленными и не предъявляем претензий ни к кому. Тем самым мы констатируем, что между Польшей и Россией нет споров о территории»[59]. В таком широком — геополитическом — контексте, актуальном и сегодня, Ежи Гедройц издавал с начала 1970-х основные произведения Солженицына: «В круге первом» (1970) и «Архипелаг ГУЛАГ» (1974–1978) в переводах Михала Каневского[60], а также «Раковый корпус» (1971) в переводе Юзефа Лободовского. Однако солженицынскую карту «Культуры» польские эмигранты начали заполнять еще в 1962 году, когда вышел 92-й том упомянутой выше «Библиотеки “Культуры”» — «Собственными глазами. Антология современной

---

[58] Kultura. Numer rosyjski. Paryż. 1960. S. 3 (Номер, посвященный польско-русским отношениям). Тем, что написали здесь в связи с польско-русскими отношениями Чапский, Милош, Лободовский, Герлинг-Грудзинский, я займусь подробно в будущей статье «Польские писатели о Солженицыне».

[59] *Мерошевский Ю.* К вопросу о польско-русских отношениях // Kultura. Numer rosyjski. Paryż. 1960. S. 10.

[60] Псевдоним Ежи Помяновского, основателя и главного редактора журнала «Новая Польша».

советской литературы», куда, в частности, вошли переводы «Жив человек» Владимира Максимова, «Вологодская свадьба» Александра Яшина, «Пережитое» Бориса Дьякова, «Вокруг да около» Федора Абрамова и «Матренин двор» (в переводе Лободовского), в коммунистической Польше по неизвестным причинам никогда не опубликованный.

Густав Герлинг-Грудзинский (1919–2000), автор глубокого и пронзительного «Иного мира» (1951–1953)[61], в написанном в октябре 1963 года предисловии к антологии подчеркивал — на фоне других авторов, представленных в издании, — значение раннего творчества Солженицына, который (вопреки «методу Хрущева» и почти всей тогдашней «обличительной литературе») описал страдания и русских беспартийных — как простых людей, так и представителей интеллигенции: «Прежняя концепция достаточно скромной “обличительной” литературы в России основывалась на том, что если источником зла был коммунист, то его жертвой также становился коммунист. <…> Предпринимались попытки свести всю проблему к балансу “обид в семье”, к партийной перекличке пострадавших и погибших <..>. Неверные были оставлены на обочине <…>. Солженицын нарушил этот заговор молчания. <…> Героями, жертвами в его рассказах стали темный колхозник Иван Денисович, неграмотная крестьянка Матрена, беспартийный актер из Москвы»[62]. Герлинг-Грудзинский обращал внимание также на весьма существенный момент в польско-русских отношениях: польские коммунисты, не разрешив публикации подобных антологий в самой Польше, по сути, боятся «усиления влияния советской “обличительной” литературы на существующую в Польше ненависть к России и русским: строй становится синонимом народа, нет различий между жертвами и палачами. Польский традиционный антирусский стереотип торжествует в тени “братской польско-советской дружбы”»[63]. Знаменательно, что прошедший через ад советских лагерей Герлинг-Грудзинский на страницах «Иного мира», иногда называемого «польским Архипелагом», сумел отделить жертв от палачей, т.е. русский народ от коммунистической системы.

Густав Герлинг-Грудзинский сразу сумел оценить масштаб таланта Солженицына и в 1963–1969 написал о нем еще две статьи: «Егор и Иван Денисович» и «Русский реализм». В них он пытался сравнить первый опубликованный рассказ Солженицына с «Островом Сахалин» Чехова и рассуждал — вслед за уже упомянутой публикацией П. Личко — о полифоничности ро-

---

[61] *Герлинг-Грудзинский Г.И.* Иной мир: Советские записки / пер. с польск. Н.Е. Горбаневской. Лондон: Overseas Publications Interchange, 1989. Второе издание: под ред. Э.И. Архиповой; пер. с польск. Н.Е. Горбаневской. М.: Прогресс, 1991.

[62] *Herling-Grudziński G.* Księga krzywd. We własnych oczach. Antologia Współczesnej Literatury Sowieckiej. Paryż: Instytut Literacki, 1953. S. 13–14. Пер. Д.К.

[63] Ibid. S. 15.

манов «В круге первом» и «Раковый корпус», тогда еще не переведенных на польский язык[64]. В статье «Егор и Иван Денисович» герой Солженицына выступает уже не только как жертва системы (так было во вступлении к антологии «Собственными глазами»), но и как ее пассивная опора, каковой был чеховский покорный Егор, инертный каторжанин: «Шестьдесят лет спустя мы наблюдаем на каторге правнука Егора, Ивана Денисовича Шухова. Послал ли ему Бог ума-разума? Помогла ли ему революция разобраться в своей доле? Выбил ли новый строй в нем “хотя бы искорку протеста”? Вернула ли ему новая власть “восприимчивость к своим и чужим страданиям”, наделила ли его способностью “отличить справедливость от беззакония”? Читая повесть Александра Солженицына, во всем этом можно усомниться»[65]. «Сколь же несчастно общество, — восклицает польский писатель, — которое для своей защиты вынуждено звать на помощь палача!» — и напоминает, что сегодняшний главный политик СССР Никита Хрущев — быть может, «внук или правнук Егора» — в сталинские времена фотографировался вместе с Ягодой и Кагановичем на Беломорканале[66]. Герлинг-Грудзинский не задает напрямую вопроса о том, где надежда и спасение, но этот вопрос подспудно звучит во всем его тексте: спасение в подвиге писателей, таких как Чехов и Солженицын — защитниках слабых, представителях нравственного трибунала. В статье «Русский реализм» Герлинг-Грудзинский, рассматривая проблему реализма в полифонических романах «В круге первом» и «Раковый корпус», вновь возвращается к защите личности (повторяя за Кантом: «Человека должно воспринимать как самодостаточную цель») и подчеркивает фундаментальную разницу между Шуховым и Глебом Нержиным («Раковый корпус»), а также Спиридоном («В круге первом»): «Узники “В круге первом” могут, вероятно, сказать о себе словами четвертой песни “Божественной комедии”: “Мы жаждем и надежды лишены”»[67]. Взамен они — парадоксально — свободны: «Спиридон и Нержин, очевидно, *вместе* ближе всего автору

---

[64] См.: *Herling-Grudziński G.* Jegor i Iwan Denisowicz // Herling-Grudziński G. Drugie przyjście oraz inne opowiadania i szkice. Paryż: Instytut Literacki, 1963. S. 244–250. В 1978 году перевод статьи — как «одного из первых иностранных откликов на выход “Одного дня Ивана Денисовича”» — был опубликован в парижском «Континенте» (№ 18. С. 203–211). Переводчик не указан, но можно смело утверждать, что это Наталья Горбаневская. Этот же текст перепечатан в кн.: «Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник: 1962–2012. М.: Русский путь, 2012. С. 386–391. См. также: *Herling-Grudziński G.* Realizm rosyjski // Kultura. 1963. № 10. С. 93–102. Статья, до сих пор не переведенная на русский язык, вошла также в авторский сборник Герлинга-Грудзинского «Духи революции»: *Herling-Grudziński G.* Realizm rosyjski // Herling-Grudziński G. Upiory rewolucji. Paryż: Instytut Literacki, 1969. S. 115–128.

[65] «Ивану Денисовичу» полвека. С. 389.

[66] Там же. С. 390–391.

[67] Из четвертой книги «Ада»: *Данте А.* Божественная коммедия / пер. с итал. М. Лозинского. М.: ГИХЛ, 1961. С. 38. Интересно, что действие этой книги происходит в лимбе — круге первом, согласно Данте.

“В круге первом”». В конце статьи Герлинга — полное надежды заключение: «Де Кюстин почти полтора века назад заявил в “Письмах из России”[68], что апатия управляемых является силой правящих. Солженицын, торжественно обещающий на заседании Секретариата Союза советских писателей никогда не отказываться от продолжения традиций русского реализма, оспаривает безволие управляемых в постсталинской России»[69].

В № 4 «Культуры» за 1971 был опубликован «Диалог о Солженицыне» Герлинга-Грудзинского с его итальянским другом Николо Кяромонте. В этой и сегодня вызывающей большой интерес публикации затрагивались вопросы, говоря языком Достоевского, «исторические и вековечные» — проблема внутренней свободы человека в тоталитарном мире, судьба России в настоящем и будущем, бессмертие человеческой души. Польский участник «Диалога...» подчеркивает, что Солженицын является писателем прежде всего религиозным, универсальным, свидетельством чему является, к примеру, рассказ «Пасхальный крестный ход», кстати, также опубликованный в вышеназванном номере «Культуры» в переводе Каневского[70]: «В маленьком шедевре “Пасхальный крестный ход” вероятно, куда более сильное воздействие, чем хулиганство насланной на Переделкино молодежи, оказывает образ просветленных и чистых лиц в праздник Муки и Воскресения»[71]. По мнению Герлинга-Грудзинского, Солженицын возвращает значение таким немодным и даже «устаревшим» на Западе 2-й половины XX века ценностям, как «душа, личность, правота, любовь, истина, тоска по бессмертию»[72]. Здесь мы находим также остроумные замечания польского писателя-лагерника о специфике языка Солженицына и качестве польских переводов его произведений: «Во время моего пребывания в России я выучил русский язык дважды. Сначала для нужд следствия и общения с товарищами по тюрьме и лагерю. Затем — для понимания всех аллюзий, молчаливых пауз, специальных выражений, значительно модулируемых или незаконченных во всех их рассказах о себе. Итак, вспоминая те времена и читая Солженицына в оригинале, я не мог избавиться от ощущения, что кто-то, кто за многие годы привык к шепоту, вдруг заговорил громко, во весь голос. Среди известных мне польских переводов особенный, драматичный тон двухуровневой солженицынской прозы я нашел лишь в переводе “В круге первом” Михала Каневского. Кто знает, быть может, здесь действует какой-то закон общего пространства национального и политического опыта?»[73]

---

[68] Русский перевод названия книги Кюстина — «Россия в 1839 году».

[69] «Ивану Денисовичу» полвека. С. 124, 121, 128.

[70] Kultura. 1971. № 4. S. 11–14. Стоит напомнить, что Михал Каневский — псевдоним Ежи Помяновского.

[71] Там же. С. 7. Пер. Д.К.

[72] Там же. С. 5.

[73] Там же. С. 9.

В контексте исследований творчества Солженицына в 1974 в «Культуре» появлялись, естественно, прежде всего статьи о первом и втором томах «Архипелага ГУЛАГа» — русского историка Михаила Геллера (1922–1997)[74], лауреата Нобелевской премии Генриха Белля (1917–1985) и постоянного публициста «Культуры» брюссельского поляка Матея Бронского[75]. Как отмечал Геллер, «новый Вергилий — Александр Солженицын — проводит читателя по всем — вплоть до последнего — кругам ада. Новый Данте говорит все»[76]. Белль же адресовал польскому читателю посвященный «Архипелагу…» текст «Божественная горечь Александра Солженицына» — публикация появилась в № 6 «Культуры» за 1974. В том же году текст Белля стал предисловием к первому тому польского перевода эпопеи Солженицына. «О нет, в этой книге нет ненависти к русскому народу, эта книга — просьба и призыв, чтобы все мы наконец освободились от сидящего глубоко в нас внутреннего страха. Эта книга как нельзя более человечна, хоть и посвящена нечеловеческим деяниям и событиям; она исключительно прекрасно написана»[77]. Текст Бронского с эпиграфом о тирании из «России в 1839» маркиза де Кюстина, является, в сущности, кратким изложением первого тома «Архипелага…» с акцентом на верховенстве нравственности над политикой у Солженицына и открытием двух начал «зла Архипелага»: «жажды власти и трусливости»[78]. Редакция успела сопроводить текст Бронского информацией, что Солженицын 13 февраля 1974 был лишен советского гражданства и «насильно выдворен из СССР, вывезен самолетом во Франкфурт к Генриху Беллю[79]. По воспоминаниям редактора «Культуры» Е. Гедройца, вскоре после этого в Цюрихе состоялась встреча его и Юзефа Чапского с автором «Архипелага…», и эта польско-русская группа «трех мушкетеров» поговорила от души по-русски о польских делах: «Вскоре после того, как Солженицын был принудительно выслан на Запад, он пригласил Юзя и меня в Цюрих. Был вечер, во время которого он делился своими воспоминаниями, а затем попросил нас остаться, и у нас состоялась чрезвычайно интересная дискуссия о польских делах, Солженицын знал о “Культуре”, хотя сам и не читал по-польски. Встреча с ним была для меня важным событием и навсегда осталась в моей памяти. Когда Максимов приехал в Париж, Солженицын посоветовал ему обратиться к нам по вопросу организации журнала, что привело к нашему вхождению

---

[74] В журнале Е. Гедройца Михаил Геллер публиковался на польском языке, используя псевдоним Адам Кручек.

[75] Псевдоним Войцеха Скальмовского (1933–2008).

[76] *Kruczek A.* Życie i śmierć w łagrach (tom II «Archipelagu Guług») // Kultura. 1974. № 7–8. S. 217. Перевод Д.К.

[77] *Böll H.* Boska gorycz Aleksandra Sołżenicyna / przekład z niemieckiego J. Stroynowski. Kultura. 1974. № 6. S. 38. Пер. Д.К.

[78] *Broński M.* Archipelag. Kultura. 1974. № 3. S. 41, 49.

[79] *Ibidem*. S. 40.

в “Континент”»[80]. Юзеф Чапский (1896–1993), также написавший мемуары о пребывании в СССР в качестве узника после 17 сентября 1939[81], вспоминал о цюрихской пресс-коференции Солженицына в ноябре 1974: «Сталинизм? Это слово он перечеркивает с презрением — оно ничего не значит, это лишь ширма, которой люди прикрывают уже мертвую идею. И добавляет: “Я сам попал за решетку, утверждая, что Сталин исказил идеи Ленина, что Ленин был хороший, а Сталин плохой. Я ошибался — Сталин прилежно продолжал ленинскую линию. Сегодня мы уже слышим, что и Ленин нехороший, потому что фальсифицировал идеи Маркса; может быть, на Западе Маркс все еще является движущей силой для тех или иных начинаний, но в России, в Стране Советов, благодаря власти этих советов, в течение ста лет имени Маркса даже упомянуть будет нельзя”»[82]. Две появившихся в то время публицистических статьи Солженицына были опубликованы не в «Культуре», а в другом польском эмигрантском журнале — «Приложении» («Aneks»), издававшемся сперва в Уппсале, а затем в Лондоне в 1973–1990. В № 4 за 1974 этого журнала появился анонимный перевод «Жить не по лжи!», а в №№ 7–8 за 1974–1975 — «Письмо вождям Советского Союза»[83]. Обширный одобрительный отклик на последнюю публикацию, подписанный «Н.Н. из Варшавы», был опубликован в № 7–8 «Культуры»[84]. Интересно, что

---

[80] *Giedroyc J.* Autobiografia na cztery ręce / opracował i posłowiem opatrzył Krzysztof Pomian. Warszawa: Czytelnik: 1999. S. 197. В письме Чеславу Милошу от 20 ноября 1974 года Гедройц писал, что он уговаривал Солженицына написать, в духе взаимопонимания, открытое письмо украинскому грекокатолическому кардиналу Иосифу Слипому, добавляя: «Кончилось тем, что Солженицын на прощание вдруг обнял меня и расцеловал… что было так сердечно и мило. Он, в общем, производит великолепное впечатление своей прямотой и большим личным обаянием. Кто знает, может быть, удастся нам организовать польскую партию в России, о которой так мечтал Норвид, а во всяком случае, это и есть первый серьезный шаг на пути нормализации отношений в Восточной Европе» (*Giedroyc J., Miłosz Cz.* Listy 1973–2000 / opracował Marek Kornat. Warszawa: Czytelnik, 2012. S. 493).

[81] *Чапский Ю.* На бесчеловечной земле. М.; Вроцлав: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака Езеранского, 2012. Предисловие к книге под названием «Русофил старого закала» написал Адам Михник.

[82] *Чапский Ю*. Солженицын // Новая Польша. 2015. № 6. С. 6. На польск. яз.: *Czapski J.* Sołżenicyn // Kultura. 1974. № 12. S. 3–9.

[83] *Sołżenicyn A.* Żyć bez kłamstwa // Aneks. 1974. № 4. S. 139–141; *Jdem.* List do przywódców Związku Radzieckiego // Ibid. № 7–8. S. 139–141.

[84] *N.N. z Warszawy.* Jak rozumiem list Sołżenicyna do przywódców // Kultura. 1974. № 7–8. S. 3–20 (*Н.Н. из Варшавы.* Как я понимаю «Письмо вождям Советского Союза»). См. также номер, посвященный польско-русским отношениям: 1981. № 3. С. 209–228. В этом русском номере опубликован также другой, уже редакционный, текст, озаглавленный «Ошибка Солженицына», где редакция — а практически сам Ежи Гедройц, — относясь к трем статьям Солженицына из сборника «Из-под глыб», пишет следующее: «Солженицын… шире развивает свой давний страстный протест против тезиса о советской системе как российском явлении. Он прав, клеймя опасную тенденциозность этого тезиса, доведенного до преувеличения, — но и сам грешит преувеличением. Резко предостерегая против универсального зла коммунизма, он теряет чувство меры, обеляя, идеализируя старую Россию, он заходит так далеко, что из ее образа мы вы-

польский автор практически полностью одобрял послание и, старательно излагая его тезисы, добавлял важное замечание: «Возвращаясь в этой связи к польскому делу, как не прибавить, что русский патриот, провозглашающий ликвидацию империи — хотя побуждают его к этому не столько наши интересы, сколько собственное понимание добра своего народа, — лучший союзник польского дела, и можно только желать, чтобы таких союзников было больше»[85]. Оказалось впоследствии, что автором этих слов был Виктор Ворошильский[86]. В 1970-х в «Культуре» публиковались также отзывы на следующие русские издания: «Август Четырнадцатого» (№ 3 за 1974), воспоминания «Бодался теленок с дубом» (№ 4 и 10 за 1975), «Ленин в Цюрихе» (№ 11 за 1975), сборник «Из-под глыб» (№ 1–2 за 1975) и 3-й том «Архипелага…» (№ 6 за 1976). В 1980-е «Культура» стала трибуной для защитников пытавшейся встать с колен Польши времен Иоанна Павла II и «Солидарности».

На возврате дыхания и сознания

Как уже отмечалось ранее, в 1970-е в Польше публично нельзя было упоминать даже имени Солженицына, однако сведения о писателе приходили в нашу страну через парижский журнал «Культура» и мюнхенское польскоязычное «Радио Свободная Европа». Об этом, в частности, писал 26 марта 1977 года самому Солженицыну в открытом письме Ян Новак, в период с 1951-го по 1976-й главный директор этой радиостанции: «“Радио Свободная Европа” в наших польских программах много лет — почти ежедневно — повторяло Ваше имя, и все, что вышло из-под Вашего пера, воспроизводилось по-польски и достигало миллионов моих соотечественников, которые, слушая

носим впечатление в принципе здорового организма, ни с того ни с сего пораженного революционно-коммунистическим раком, а отнюдь не уже гниющего ствола “русской традиции”, на котором прививка советской системы в конце концов могла приняться» (Там же. С. 230–231).

[85] *Голос из Варшавы. Редакция журнала «Культура»*. Как я понимаю «Письмо вождям» // Континент. 1974. № 1. С. 252. Очевидно, после прочтения именно этого перевода Солженицын в частном письме Гедройцу, от 11 июля 1974 года выражал радость, что автор из Восточной Европы — вопреки высказывающимся безумно критически о «Письме вождям» — так хорошо понял его идеи (это и другие письма Солженицына Гедройцу хранятся в архиве «Культуры» и «Литературного института» в Мезон-Лаффит, пригороде Парижа).

[86] Это известно благодаря Наталье Горбаневской: «В первом номере “Континента” была напечатана статья — отклик на солженицынское “Письмо вождям Советского Союза” за двойной подписью: “Голос из Варшавы” и “Редакция журнала ‘Культура’”. О том, чтобы подпись журнала была поставлена под статьей, просил Гедройц Максимова в одном из своих писем — видимо, чтобы подчеркнуть, что журнал разделяет взгляды анонимного автора. Этим автором был Виктор Ворошильский, который уже в 1990-е годы не без гордости напоминал, что был автором “Континента” с самого первого номера» (*Максимова Т., Горбаневская Н.* «Культура» — «Континент», Ежи Гедройц — Владимир Максимов // Новая Польша. № 2006. № 12. С. 81).

нас, с затаенным дыханием следили за Вашей судьбой. Мы были единственным отделом РСЕ, который благодаря помощи Ежи Гедройца, редактора парижского журнала “Культура”, целиком, изо дня в день, по пятнадцать минут ежедневно, передал Вашу горькую эпопею мук человеческих — “Архипелаг ГУЛаг”[87], не опустив ни одного слова, ни одной запятой. И я не преувеличу, утверждая, что благодаря “Культуре” и РСЕ ни один русский не был в истории польской нации предметом такого уважения и симпатии, какими Вы окружены сейчас в Польше»[88]. Несмотря на систематическое глушение властями коммунистической Польши, «Радио Свободная Европа» и в 1970-е с успехом вещало через железный занавес, а польские переводы книг Солженицына и других опальных авторов с огромным риском перевозились через границу отчаянными смельчаками. Несколько таких смельчаков — так называемые татранцы (taternicy), так как они организовали перевоз запрещенных книг из Франции в Словакию, а затем через Высокие Татры в Польшу — были схвачены в мае 1969 и в феврале 1970 приговорены к суровому, даже по тогдашним меркам, наказанию — от трех до пяти лет лишения свободы. Один из татранцев — историк и социолог Якуб Карпинский (1940–2003), осужденный на четыре года, — описал в парижской «Культуре» (№ 11 за 1971) этот «процесс против книг» прямо из тюрьмы. А другой свидетель того времени, Виктор Кулерский — ныне член редакции «Новой Польши», а тогда учитель в одной из варшавских школ — вспоминал уже в 1988, как один из его учеников, тринадцатилетний подросток, признавался, что прочитал тайком домашний экземпляр «Архипелага…», когда родителей не было дома[89]. Поэт Антоний Павляк писал, что впервые прочитал «Раковый корпус» в Гданьске в 1972 и поныне помнит, как во время чтения «сердце обрывалось в нем каждый раз, когда за дверью слышался звук шагов по лестнице»[90]. Другая ситуация, имевшая место в 1970-е: «“Вы читали Солженицына?” — спросил молодой поэт и актер из Познани Лех Дымарский у русского режиссера, который приехал на театральный фестиваль во Вроцлав. Такой разговор мог состояться благодаря распространению запрещенных текстов в Польше. Тот ответил, что хотел бы, но боится: “Даже разговор о Солженицыне может стать для меня опасным”, — резко бросил и замолчал»[91]. В Польше в среде читающей молодежи было стыдно не знать Солженицына, и прощали это великодушно только мечтателям, живущим в польском романтизме. Томаш Яструн, главный

---

[87] Добавим, что в конгениальном переводе Михала Каневского (Ежи Помяновского).

[88] *Новак Я.* Звуковые барьеры радиовещания: Открытое письмо Солженицыну // Континент. 1977. № 12. С. 261.

[89] См.: *Kulerski W.* Latająca biblioteka // O «Kulturze»: Wspomnienia i opinie / red. G. i K. Pomianowowie. L.: Puls, 1987. C. 121.

[90] *Pawlak A.* 91, avenue de Poissy // Ibid. C. 112.

[91] *Sowiński P.* Zakazana książka. Uczestnicy drugiego obiegu 1977–1989. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk, 2011. S. 28.

редактор варшавского подпольного журнала «Призыв» («Wezwanie»), говоря о первом собрании редакции в 1982, вспоминал: «Мы встретились у Ивоны Смолки, литературного критика и человека неистощимой энергии. <…> Все в большей или меньшей степени пережившие последствия военного положения. <…> Ярек Маркевич тогда только-только отошел от мистического времени Словацкого, поэтому никто не удивился его внезапному вопросу о том, кем был Солженицын»[92].

Знаменательно, что во второй половине 1970-х второй по счету книгой в рождавшемся в Люблине польском самиздате — вслед за расследованием «Katyn: Massacre dans la forêt» Я.К. Заводного — стал польский перевод «Архипелага…». Книгу подготовил в домашних условиях парижский стипендиат Петр Еглинский, который нелегально привез из Франции один из томов эпопеи, сфотографировал его страницы и сложил из фотографий увесистую пачку высотой в 10 сантиметров[93]. Если говорить о технике подготовки книг, польские независимые издатели сначала шли по следам «старшего брата» — самиздата в СССР[94]: книги переписывали на пишущих машинках, получая все больше копий. Однако вскоре ученик перерос учителя: в Польше запрещенные книги начали печатать на ротаторах, нелегально перебрасываемых из-за границы. Тиражи таких изданий варьировались в пределах от пятисот до нескольких тысяч экземпляров. Конечно, если речь идет о Солженицыне, проблема заключалась не только в том, как печатать, но и в том, что печатать. И здесь снова понадобился Гедройц — изданные им переводы «Архипелага ГУЛАГа», «Ракового корпуса», «В круге первом» в 1980-е печатались в маленьком формате в польских подпольных издательствах (два последних романа — только в 1987–1989 в Кракове, уже на закате правления коммунистов). Запрещенные книги, кстати, тайком печатались также в государственных типографиях — часто по ночам, благодаря рабочим-печатникам, зарабатывавшим за это немалые деньги. Именно так в государственной типографии в Торуни в 1981 было напечатано первое полное издание польского «Архипелага…». А в середине 1980-х, когда уровень подпольной типографии был уже достаточно высок, аналогичное издание вышло в домашних условиях во Вроцлаве. Нелегально отдельными книгами издавались и ста-

---

[92] *Olaszek J.* Rewolucja powielaczy. Niezależny ruch wydawniczy w Polsce 1976–1989. Warszawa: Trzecia Strona, 2015. S. 245. Пер. Д.К. Заглавие по-русски: «Революция полиграфических ротаторов. Вольное издательское движение в Польше 1976–1989».

[93] См.: Ibid. S. 20. Уже в 1977 году появился в польском самиздате, без обозначения места и даты издания, фрагмент перевода «Архипелага…» (24 страницы) Михала Каневского под заглавием «Свободная страна» («Wolny kraj»).

[94] Солженицын писал 12 февраля 1974 года в «Жить не по лжи!»: «Когда-то мы не смели и шёпотом шелестеть. Теперь вот пишем и читаем Самиздат...» (*Солженицын А.И.* Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 187). Наш польский самиздат начался позже, на рубеже 1970–80-х годов.

рые переводы: «Один день Ивана Денисовича», читавшийся повсеместно с 1980 благодаря стараниям варшавского подпольного издательства «НОВА» («NOWA»), «Рассказы» (1981), фрагменты из «Бодался теленок с дубом» (с 1980)[95], многократно «Гарвардская речь» под оригинальными заглавиями «Солженицын предостерегает» и «Закат мужества» (перепечатки перевода речи с французского, впервые опубликованного в 1978 в канадском Виннипеге в польском журнале «Время» («Czas»))[96], совсем новый, анонимный перевод пьесы «Олень и шалашовка» (с 1981)[97], «Письмо вождям Советского Союза» (с 1981), «Ленин в Цюрихе» (1983). В журнале «Критика» уже в 1978 (№ 1) появилась «Образованщина». Публиковались также — по эмиграционным изданиям — тексты о Солженицыне: «Мертвый дом Достоевского и Солженицына» Михайло Михайлова (1981, впервые — в «Культуре», № 9 за 1965), «Солженицын и Запад» А. Безансона (1980), полемика Солженицына и Сахарова (1981), полемика Ричарда Пайпса с Гарвардской речью (№ 9–10 за 1984 год краковского «Малопольского ежемесячного журнала» («Miesięcznik Małopolski»), издаваемого профессором Люцианом Суханеком). Уже в 1981 увидела свет — как перепечатка очередного, 236-го уже тома парижской «Библиотеки “Культуры”» (1973) — брошюра «Против рабства. Голос свободной России» с предисловием Лешека Колаковского, с текстом Солженицына «Мир и насилие» (сентябрь 1973), где была поддержана кандидатура Андрея Сахарова на получение Нобелевской премии мира[98], небольшой статьей Адама Кручека (Михаила Геллера) «Слово истины», с открытым письмом в защиту Сахарова и Солженицына Лидии Чуковской «Гнев народа»[99]. Важную роль сыграл переведенный Михалом Каневским «Концентрационный мир и советская литература» Михаила Геллера с предисловием Герлинга-Грудзинского «Диагноз — рак» (в 1974 опубликованный в «Библиотеке “Культуры”», а в 1981 перепечатанный варшавским подпольным издательством «НОВА»). «Архипелаг ГУЛАГ» издавался в общей сложности двадцать два раза (однако в основном фрагментарно), а вообще произведения Солженицына — пять-

---

[95] *Sołżenicyn A.* Łbem o mur. Warszawa: NOWA, 1980. 53 S. [=Biuletyn Informacyjny. Przegląd Prasy Zagranicznej. Numer specjalny]. Издание снабжено примечаниями и вступлением переводчика, фамилия которого не указана.

[96] *Sołżenicyn A.* Sołżenicyn ostrzega / tłumaczył K.Z. Hanff. Nowy York, 1975. *Idem.* Zmierzch odwagi. Warszawa: Biblioteka Literacka, 1980.

[97] *Sołżenicyn A.* Ladacznica i niewinny. Warszawa: Grot, 1981; *Idem.* Ladacznica i niewinny. Warszawa: Niezależna Spółdzielnia Wydawnicza, wrzesień [сент.], 1981. Dzieła Wybrane. T. I. Переводчик не указан.

[98] *Солженицын А.И.* Мир и насилие. Письмо в норв. газ. «Афтенпостен», 5 сент. 1973 // Русская мысль. 1973. 25 окт. С. 3. См. газ. «Aftenposten» от 11 сент. 1973.

[99] Przeciw niewolnictwu. Głos wolnej Rosji: Dokumenty. Warszawa: Signum, 1981. Тут еще опубликован сокращенный вариант интервью А.И. Солженицына для агентства Ассошиэйтед Пресс и газеты «Монд» (Москва, 23 августа 1973).

десят четыре раза, что давало ему первое место среди зарубежных авторов. В тройку лидеров входил Оруэлл (сорок пять изданий) и очень популярный в Польше Владимир Буковский (тридцать публикаций)[100]. Все это читалось и преподавалось студентам в краковском Ягеллонском университете, обсуждалось в коридорах вузов, в общежитиях и в разговорах сразу после антиправительственных манифестаций, организованных 13-го числа каждого месяца и приуроченных ко дню введения генералом Ярузельским военного положения — 13 декабря 1981. А накануне этого печального события — 11–12 декабря 1981 — Институт русской филологии Ягеллонского университета и Общество гуманитариев Независимого объединения студентов (Towarzystwo Humanistyczne Niezależnego Zrzeszenia Studentów) организовали научную конференцию «Лики России», которая начала работу в день рождения Александра Солженицына. Открывало конференцию чтение письма организаторов, адресованного автору «Архипелага ГУЛАГа»: «В послеавгустовской Польше возрос интерес к России, ее истории, культуре и литературе. Поляки желают познать истинный образ Вашей родины, иной, нежели тот тенденциозный, примитивный и фальсифицированный, который подавала пропаганда. До сих пор было много запретных тем, официальной идеологией признанных излишними, вредными, опасными. Наша конференция — это попытка, наверное не последняя, представить писателей, мыслителей и политиков, без которых знания о России, о ее прошлом и настоящем не могут быть полными»[101].

Краковская конференция вызвала небывалый интерес у широкой публики. Переполненный актовый зал, толпы у его дверей и в коридоре главного корпуса университета. В числе выступавших были Рышард Лужный[102] (говорил о Максимове), Юзеф Смага, Люциан Суханек (об Александре

---

[100] *Sowiński P.* Zakazana książka. S. 299–301. Вся библиография подпольных изданий в Польше была опубликована на 1156 страницах в книге: *Kandziora J., Szymańska* Z. Bez cenzury 1976–1989. Literatura. Ruch Wydawniczy. Teatr. Warszawa: Instytut Badań Literackich, 1999.

[101] Oblicza Rosji. Lublin: Fundusz Inicjatyw Społecznych, 1987 (изд. подпольное). Перевод фрагмента Н. Горбаневской. Автором письма был поныне действующий русист, известный специалист по культуре русской эмиграции, профессор Ягеллонского университета Люциан Суханек.

[102] *Лужный* Рышард (1927–1998) — выдающийся польский славист, писал о культуре Древней Руси, Аввакуме, Пушкине, Толстом, Тютчеве, Достоевском, Николае Федорове, старых и новых писателях украинских и белорусских, о «славянском учении» Иоанна Павла II. Автор програмной статьи «Может ли русистика прислужиться делу евангелизации?», опубликованной в польском самиздате, дословно в первые месяцы его существования (Czy rusycystyka może służyć dziełu ewangelizacji? // Spotkania. Niezależne pismo młodych katolików. Lublin. 1978. № 7. S. 34–39). Его краковское выступление опубликовано также по-русски: *Лужный Р.* Владимир Максимов и другие. Религиозное течение в современной русской литературе // В литературном зеркале: О творчестве Владимира Максимова. Париж; Нью Йорк: Третья волна, 1986. С. 61–73.

Зиновьеве), Анна Разьны (о Шаламове), Миловит Кунинский (об Амальрике), Юзеф Тишнер[103] («Гегель и Россия») и конечно Анджей Дравич, выступивший с докладом «А.И. Солженицын — человек, дело, творчество»[104]. Автор данной статьи, тогда студент, также имел возможность прочитать доклад «Приказ забыть, или Почему не опубликовали роман “Раковый корпус” Солженицына»[105]. С этого выступления началось мое долгое, продолжающееся по сей день путешествие с Солженицыным. Следующей вехой моей научной деятельности была защита в июне 1983, еще во время военного положения, дипломной работы на тему «А. Солженицын — писатель и мыслитель перед лицом славянофильской традиции», — вероятно, чуть ли не единственной на эту тему в коммунистическом блоке[106]. О Солженицыне тогда в Польше писали лишь в подпольных журналах, в частности в краковской «Арке»[107], которая тесно сотрудничала с парижской «Русской мыслью», и мне самому приходилось перевозить через границу в столицу Франции осенью 1987 13-й номер журнала за 1986. Там, в частности, было

---

[103] *Тишнер* Юзеф (1931–2000) — известный польский богослов и философ, друг Иоанна Павла II, первый капеллан профсоюза «Солидарность». Поклонник Макса Шеллера и Эммануэля Левинаса, проповедовал «философию диалога» и «этику солидарности». В своей работе «Спор о существовании человека» (1998) сравнивал трагический «опыт Колымы» с «опытом Аушвица», ссылаясь, в частности, на Шаламова. См.: *Тишнер Ю.* Избранное / пер., сост., авт. предисл. Е.С. Твердислова. М.: РОССПЭН, 2005. Т. I–II («Спор о существовании человека» находится во втором томе изд.). Ср.: *Пшебинда Г.* Юзеф Тишнер — капеллан Краковский и всея Польши // Новая Польша. 2000. № 7–8. С. 76–77.

[104] *Drawicz A.* Aleksander Isajewicz Sołżenicyn — człowiek, dzieło, sprawa // Ibid. S. 16–23.

[105] *Przebinda G.* Rozkaz: zapomnieć czyli dlaczego nie opublikowano «Oddziału chorych na raka» Aleksandra Sołżenicyna: Materiał faktograficzny z komentarzem // Ibid. S. 24–30.

[106] Н.Е. Горбаневская в 1997 году в своей корреспонденции из Кракова писала: «Были выступления поэтов “по специальности”… мы, трое русских, Александр Кушнер, Евгений Рейн и я, — перед студентами и преподавателями Института русской филологии Ягеллонского университета. Здесь, кстати, среди хозяев был еще один старый друг — мой, моих сыновей и нашей редакции, — Гжегож Пшебинда. Увы, мне пришлось перед ним извиниться (заодно извинюсь и перед читателями “РМ”): переводя его воспоминания об Анджее Дравиче и зная, что он давно уже занимается Вл. Соловьевым, я глазам своим не поверила, увидев в тексте, который переводила, слова о том, что он писал (в 1983 г., когда еще не было снято военное положение!) диплом о Солженицыне. Наверно, решила я, в “Тыгоднике повшехном” опечатка, и вместо Солженицына вставила Соловьева. Нет, не опечатка: Гжегож действительно защитил тогда диплом о Солженицыне, потом занялся Вл. Соловьевым, а теперь пишет докторскую об истории русской общественной мысли от Чаадаева до Бердяева» (*Горбаневская Н.* Сойтись ли вместе Востоку и Западу?: Заметки о краковской встрече поэтов // Русская мысль. 1997. 16–22 окт. № 4193. С. 14.

[107] Выходила в 1983–1989 годах. Главным редактором был известный поэт Ян Польковский. Заглавие по-польски имеет двойное значение — «арка» и «ковчег». В 1991 уже в легальном издательстве «Арка» будет опубликована 10-тысячным тиражом — по моей, руководителя издательства, инициативе — книга А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?: Посильные соображения».

опубликовано выступление А.И. Солженицына, датированное 31 декабря 1981, осуждающее введение военного положения в Польше[108]. Довольно много о Солженицыне — в связи с его Гарвардской речью — говорила в интервью, взятом мною в Париже в сентябре 1987 и опубликованном в № 25 за 1989 подпольной «Арки», Ирина Иловайская-Альберти[109]. Нужно также упомянуть единственную отдельную книгу об авторе «Архипелага…» — изданный в Кракове в 1983 «Урок Александра Солженицына» Енджея Боруты (псевдоним краковского слависта Юзефа Смаги, крупного специалиста по Достоевскому, выступившего на вышеупомянутой конференции «Лики России» с рефератом о Льве Троцком). В 1985 в варшавском журнале «Карта» (№ 3) был опубликован диалог поэта Петра Мицнера — ныне редактора «Новой Польши» — с Анджеем Дравичем об идеологических течениях в русской эмиграции (наиболее обширно говорилось о Солженицыне) под заглавием «Куда ты мчишься, Россия?»[110]. В 1986 Дравич приготовил подпольную брошюру «Вольная русская литература», в которой писал о самиздате и тамиздате, о трех волнах русской эмиграции, посвятив отдельную главу Солженицыну и его произведениям от «Одного дня...» до «Октября Шестнадцатого»[111]. Еще в 1989 в выходящем из подполья варшавском издательстве «Критика» появилось вдумчивое эссе о Солженицыне американского политолога и литературного критика Нормана Подгорца из сборника «Кровавый перекресток. Где встречаются литература и политика». В этом же году в Кракове были опубликованы «Крохотки 1958–1960» в новом переводе Ворошильского[112], а в томик вошли также «Правая кисть» и «Пасхальный крестный ход»[113].

---

[108] Небольшая статья, написанная в Вермонте в декабре 1991 года для французского журнала «Экспресс».

[109] Rozmowa z Iriną Iłowajską-Alberti, redaktorem naczelnym tygodnika «Russkaja Mysl» // Arka. 1989. № 25. С. 64–72. Русский обратный перевод с польского авторства Натальи Горбаневской опубликован под заглавием «“Процесс внутреннего освобождения будет продолжаться”: Беседа с Ириной Иловайской» (Новая Польша. 2008. № 5. С. 74–81).

[110] *Pławski J.* <Петр Мицнера>. «Dokąd pędzisz Rosjo?»: Rozmowa z Andrzejem Drawiczem // Karta. Warszawa. 1985. № 2. S. 30–38.

[111] *Drawicz A.* Wolna literatura rosyjska. Warszawa, 1986. (Zeszyty Edukacji Narodowej. Literatura). Польский ученый ссылался в своей работе на глубокую книгу Жоржа Нива о Солженицыне, изданную в 1980 году в Париже, которая была уже тогда и в моей библиотеке — я получил ее от самого автора, приехавшего к нам в Ягеллонский университет в конце ноября 1983 года на международную конференцию о Борисе Пастернаке, организованную профессором Суханеком.

[112] Первый перевод Юзефа Лободовского («Wiersze prozą»), перепечатанный в 1981 году в варшавском подпольном сборнике «Рассказы» (*Sołżenicyn A.* Opowiadania. Warszawa, NOWA: 1981), был опубликован в 1970 году в № 7–8 «Культуры». Ранее, в № 12 «Культуры» за 1969 год, Лободовский опубликовал свой перевод «Правой кисти».

[113] *Sołżenicyn A.* Okruchy / przełożył Wiktor Woroszylski. Kraków: Oficyna Literacka, 1989.

Бирнамский лес пошел

В 1980-е годы, читая очередные произведения Солженицына, как художественные, так и политико-философскую публицистику, я еще не вполне осознавал, что автор «Архипелага…» неоднократно, даже, можно сказать систематически, поддерживал попытки Польши освободиться от коммунистического правления и выйти из коммунистического блока, что могло дать начало его распаду. Солженицын делал это, конечно, во имя России — но ведь также «за нашу и вашу свободу», апеллируя, однако, не к совместной борьбе с оружием в руках, как это было среди революционной молодежи в XIX веке начиная с ноябрского восстания 1830, а к духовному возрождению на нравственно-религиозных основах. Сегодня уже мало кто помнит, что первое благосклонное высказывание Солженицына о Польше, а точнее о польской католической церкви, было сделано весной 1972 в «Великопостном письме» патриарху Пимену: «Сумеем ли мы восстановить в себе, — спрашивал писатель, — хоть некоторые христианские черты или дотеряем их все до конца и отдадимся расчетам самосохранения и выгоды? Изучение русской истории последних веков убеждает, что вся она потекла бы несравненно человечнее и взаимосогласнее, если бы Церковь не отреклась от своей самостоятельности и народ слушал бы голос ее, сравнимо бы с тем, как, например, в Польше. Увы, у нас давно не так»[114]. В 1974 в фундаментальной статье «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» Солженицын писал — как никто из великих русских писателей и мыслителей ни до, ни после него — о винах старой и новой России перед Польшей: «Три раздела Польши. Подавление восстаний 1830 и 1863 годов. После того русификация: вовсе запретили начальную польскую школу, в гимназиях даже польский язык преподавался на русском и был не обязателен, на квартирах ученикам между собою запрещалось говорить по-польски! В XX веке — упорное вымучивание, как не дать Польше независимость, лукавое двусмысленное поведение русского руководства в 1914–16 годах. <…> …высокоблагородный удар в спину гибнущей Польше 17 сентября 1939 года; и уничтожение цвета Польши в наших лагерях; и отдельно Катынь; и злорадное холодное наше стояние на берегу Вислы в августе 1944 года, наблюдение в бинокли, как на том берегу Гитлер давит варшавское восстание национальных сил — чтоб им не воспрять, а мы-то найдем, кого поставить в правительство (я был там рядом и говорю уверенно: при динамике нашего тогдашнего движения форсировка Вислы не была для нас затруднительна, а изменила бы судьбу Варшавы)»[115].

---

[114] *Солженицын А.И.* Всероссийскому патриарху Пимену великопостное письмо // Собр. соч.: в 9 т. М.: Терра, 1999. Т. 7. С. 34–38. Польский перевод послания (М. Каневский) опубликован в «Культуре» (№ 5 за 1972).

[115] *Солженицын А.И.* Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Из-под глыб: Сб. ст. P: YMCA-Press, 1974. С. 138–139. Солженицын писал здесь также о винах шляхетской Польши перед Россией, что станет предметом более подробного анализа в от-

27 октября 1978 Солженицын на вопрос парижской «Культуры», что может означать для христиан Восточной Европы недавний выбор поляка Кароля Войтылы на папский престол, отвечал: «В большей части благополучного мира христианство испытало развеянье, в иных местах — одеревенение. Западные люди во множестве утеряли ощущение масштабов жизни и сути ее. Эти масштабы и эту суть принесет в Католическую церковь, как я надеюсь, новый Папа из духовно стойкой Польши, поднявшийся сквозь притеснение христианства у себя на родине. Вместе с католиками восточно-европейских стран мы, русские, глубоко радуемся этому избранию. Мы верим, что оно поможет укреплению нашей общей христианской веры во всем мире, — только она сегодня и может спасти человечество. Поляков же хочется особенно поздравить»[116]. В телеграмме «Бастующим польским рабочим», отправленной в Гданьск 20 августа 1980, Солженицын писал: «Восхищаюсь вашим духом и достоинством. Вы даете высокий пример всем народам, угнетенным коммунистами. Ваш Александр Солженицын»[117]. Не забыл и о нас Александр Исаевич и в начале декабря 1980, когда СССР во главе с Брежневым серьезно планировал военную интервенцию в Польшу: «Кровавые последователи Ленина продолжают ломиться за своей несбыточной мечтой покорить мир — не считая, сколько народов, чужих и своих, будет перемолото и опозорено в той мясорубке. В эти дни сердце подневольного русского народа — вместе с польским»[118].

дельной статье, где буду также писать шире о полемике с Солженицыным в 70–80-е в польских эмиграционных и подпольных журналах. В качестве краткого резюме следует отметить, что почти все, о чем Солженицын писал в этом сложном контексте, поляки относят к своим винам, но не по отношению к России, а к Украине и Беларуси. Об этом, к примеру, говорится в статье Польского Анонима «Нация — религия — миссия — ответственность», опубликованной в № 16 «Континента» за 1978 год. Добавим, что в написанном в 1959 году в Рязани киносценарии «Знают истину танки», посвященном «ПАМЯТИ ПЕРВЫХ, ВОССТАВШИХ ОТ РАБСТВА, ВОРКУТЕ, ЭКИБАСТУЗУ, КЕНГИРУ, БУДАПЕШТУ, НОВОЧЕРКАССКУ…», Солженицын описывает поведение поляка-зека Р-863 Чеслава Гавронского, члена Армии Крайовой (Armia Krajowa), которого лагерный политрук называет «профессиональным убийцей» и представителем «фашистской агентуры». На это «пан Чеслав Гавронский» отвечает: «воодушевлённо глядя вверх»: «*С тех пор как Гитлер напал на Польшу, а в спину нам ударил Советский Союз, — Армия Краёва не выпускала оружия. Мы еще хотели быть друзьями Советов*… Вокруг головы его, в нижнем углу экрана, проносятся видения дымящейся огненной Варшавы. Фортепианный ливень (революционный этюд Шопена). …*Но после Варшавы! После преданной ими Варшавы!!.*» (*Солженицын А.И.* Знают истину танки: Киносценарий для экрана переменной формы // Собр. соч.: в 20 т. Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1978–1991. Т. 8. С. 444). Я с огромным изумлением обнаружил, что в недавнем издании киносценария Солженицына фрагмент о Варшаве начиная с «Вокруг головы его…» попросту отсутствует. Ср.: *Солженицын А.И.* Республика труда: Пьесы и киносценарии. СПб.: Азбука, 2016. С. 465.

[116] По-русски ответ опубликован в газете «Русская мысль» (1978. 16 нояб.), по-польски — в «Культуре» (1978. № 12).

[117] По-русски в нью-йоркском «Новом русском слове» 1980 (22 авг.) и в «Русской мысли» 1980 (28 авг.), по-польски — в «Культуре» (1980. № 10).

[118] Текст «Об угрозе Польше» от 4 декабря 1980 года опубликован в «Русской мысли» (1980. 11 дек.).

В сентябре 1981 Первый Всепольский съезд делегатов «Солидарности» обнародовал сенсационное — чрезвычайно дерзкое, по тогдашним меркам, «Послание трудящимся Восточной Европы»: «Собравшиеся в Гданьске на I съезд делегатов независимого самоуправляющегося профсоюза “Солидарность” передают рабочим Албании, Болгарии, Чехословакии, Германской Демократической Республики, Румынии, Венгрии и всех народов Советского Союза привет и выражение поддержки. Как первый независимый профсоюз в нашей послевоенной истории мы глубоко ощущаем общность наших судеб. Мы заверяем, что, вопреки лжи, распространяемой в ваших странах, мы представляем полноправное десятимиллионное объединение трудящихся, возникшее в результате забастовок рабочих. Наша цель — борьба за улучшение жизни всех людей труда. Мы поддерживаем тех из вас, кто решился встать на трудный путь борьбы за свободное профсоюзное движение. Мы верим, что уже скоро ваши и наши представители смогут встретиться с целью обмена профсоюзным опытом»[119]. Я еще и сегодня помню «возмущение советских людей» этим посланием, показанное по польскому телевидению, помню и грозное лицо самого Брежнева, а также возмущение других членов Политбюро — Тихонова, Горбачева, Гришина. Послание ругала московская «Правда», а по всему СССР — у нас показывали, по соседству, «возмущенный Калининград» — прошла волна демонстраций протестов. Также в Болгарии, Чехословакии и Венгрии были организованы «спонтанные» народные митинги возмущения, после которых начался шквал писем с протестами в адрес Польши[120].

Через год, в сентябре 1982, Солженицын отправил Нобелевскому комитету мира письмо с поддержкой кандидатуры руководителя профсоюза «Солидарность» на получение Нобелевской премии мира: «Мы все в долгу у Л. Валенсы — больше чем это, может быть, сознают сегодня в Европе»[121]. А после присуждения премии Валенсе — правда, не в 1982, а в 1983 — автор «Архипелага…» выражал огромное удовлетворение в эфире польской службы Би-би-си: «Сегодня этой премией награжден безоружный человек высокого духа, самый выдающийся борец не только за права народных масс, но и за будущность всего мира, на самом горячем участке борьбы и в самые мрачные месяцы Польши»[122]. В мае 1983, обращаясь в своей Темплтоновской лекции в Лондоне к проблеме беспощадного напора атеистического мира, порожденного Французской революцией и достигшего апогея в советском марксизме-большевизме, на мир христианский, писатель утверждал: «Боль-

---

[119] *Майхшак Г.* Антисоциалистическое послание // Новая Польша. 2012. № 3. С. 59.

[120] См.: Там же. С. 58.

[121] *Солженицын А.И.* Нобелевскому комитету мира (14 сентября 1982) // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Т. 3. С. 45.

[122] *Он же*. О присуждении Нобелевской премии Леху Валенсе (5 октября 1983) // Там же. С. 168.

ше полувека назад, еще ребенком, я слышал от разных пожилых людей в объяснение великих сотрясений, постигших Россию: “Люди забыли Бога, оттого и всё”. <…> Всё тот же Достоевский, судя по французской революции, кипевшей от ненависти к Церкви, вывел: “Революция непременно должна начинать с атеизма”. Но такого организованного, военизированного и злоупорного безбожия, как в марксизме, — мир ещё не знал прежде. В философской системе и в психологическом стержне Маркса и Ленина ненависть к Богу — главный движущий импульс, первее всех политических и экономических притязаний. Воинствующий атеизм — это не деталь, не периферия, не побочное следствие коммунистической политики, но главный винт её. Для её дьявольских целей надо владеть населением безрелигиозным и безнациональным, уничтожить и веру и нацию — и то и другое коммунисты повсюду совершенно открыто провозглашают и открыто осуществляют. Насколько атеистический мир нуждается взорвать религию, насколько она ему поперёк горла — можно видеть и по недавней паутине покушений на Папу Римского…»[123] А на вопрос польской службы Би-би-си о весьма сложной ситуации в Польше перед вторым апостольским визитом Иоанна Павла II Солженицын отвечал с сочувствием и надеждой: «Я уже публично дважды, даже трижды, говорил о польских событиях. Моя горячая поддержка движению “Солидарности”, я думаю, достаточно известна. <…> то, что делал Лех Валенса, меняло историю — не Польши, и не Европы, а всего XX века. В моей статье в “Экспрессе” о введении военного положения в Польше[124] я показывал, что, вот, в любой стране Европы можно найти достаточно людей, готовых поддерживать палаческий режим. Это произошло и с внутренними силами в Польше. Я не настолько информирован о положении и настроении разных польских кругов, чтобы дать вам сейчас точный прогноз, в какую сторону пойдут события, как повлияет визит Папы в июне, какую позицию займет польская Церковь — более строгую или менее строгую. Но я хотел бы сказать, что польские события по своему значению выходят далеко за пределы Польши. Польские события показывают нам, до какого размаха может дойти самоосвобождение народа. А в том исключительном интересе и волнении, с каким Запад воспринимает польские события, видно не только глубокое сочувствие к польской “Солидарности”, но и успокаивающая надежда, что как-нибудь обойдется без усилий Запада, как-нибудь Восток освободит сам себя, а тем освободит и Запад от угрозы»[125].

---

[123] *Он же*. Темплтоновская лекция. «Вестник Русского христианского движения». 1983. № 139. С. 90.

[124] *Он же.* Главный урок: Статья для журнала «Экспресс», 15 января 1982 // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Т. 3. С. 7–10. Польский перевод текста опубликован в краковской подпольной «Арке»: *Sołżenicyn A.* Podstawowa lekcja // Arka. 1986. № 13. S. 52–54.

[125] *Он же.* Пресс-конференция в Лондоне (11 мая 1983) // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Т. 3. С. 106–107.

Это были действительно трудные времена: я тогда заканчивал под научным руководством отважного профессора Рышарда Лужного дипломную работу о философско-общественной мысли Солженицына, которую защитил в июне 1983, еще до прибытия Папы, и слушал эти слова Солженицына с благодарностью и надеждой. Эта надежда сбылась в 1989–1991-м, а русский писатель успел еще поддержать организованный 6 февраля – 5 апреля 1989 года польский круглый стол, после которого начался действительный закат коммунизма в Польше и всей Центральной Европе. Тогда же началась новая эпоха в восприятии философско-политической мысли Александра Солженицына в Польше, что — ввиду сложности вопроса — заслуживает описания в отдельной статье.

Л.И. Сараскина

СЛОВО О ТОЛСТОМ[1]

Площадка перед домом Толстого,
9 сентября 2016

Дорогие друзья!

На писательские встречи я езжу с 2003 года — из двадцати встреч присутствовала и выступала на тринадцати. Наверное, могу считать себя ветераном этого замечательного движения. А впервые я приехала на писательские встречи по рекомендации Валентина Яковлевича Курбатова, который знал, что я собираю материал для книги о Солженицыне. Я привезла тогда уникальную пленку с видеоинтервью, которое взял у Солженицына в Троице-Лыкове режиссер-документалист Сергей Мирошниченко специально для Ясной Поляны, и выступила с сообщением «Солженицын как читатель Льва Толстого». Ведь прочитав еще школьником роман Толстого «Война и мир», Солженицын понял, о чем и как он должен писать сам. Толстой, как и Достоевский, были в его писательской судьбе путеводными звездами.

Спустя пять лет в серии «Жизнь замечательных людей» вышла моя книга о Солженицыне, и в том же 2008 году она была награждена премией «Ясная Поляна» шестого сезона. С гордостью ношу звание лауреата, которое для меня более чем награда: это еще и символ преемственности литературной жизни в России, символ целостности культуры, символ единства великих имен.

Больше всего я радуюсь, что за эти годы в писательской судьбе многих участников наших встреч органично соединились эти два имени: Толстой и Солженицын. Так, Павел Басинский, автор прекрасных биографических книг о Льве Толстом, — член жюри Яснополянской премии и жюри Литературной премии Александра Солженицына. Алексей Варламов, автор интереснейших книг о русских писателях XX века, лауреат Премии Александра

[1] Каждый год 9 сентября в Ясной Поляне празднуется день рождения Л.Н. Толстого. В этот день открываются и Международные яснополянские писательские встречи, в нынешнем году уже 21-е. Перед домом Толстого собираются окрестные жители, школьники и учителя, журналисты. По традиции приветственные речи в жанре «Слово о Толстом» произносятся представителями семьи Льва Николаевича, участниками писательских встреч, а также гостями Ясной Поляны. Публикуем одно из выступлений нынешнего сезона.

Солженицына и член жюри Яснополянской премии. Вместе с Владимиром Ильичом Толстым, председателем жюри премии «Ясная Поляна», мы входим в Оргкомитет по подготовке и проведению празднования 100-летнего юбилея Солженицына.

Михаил Николаевич Кураев написал сценарий для ВГТРК по эпопее Солженицына «Красное Колесо»: 10 томов эпопеи — пять полнометражных фильмов. И кстати, Михаил Николаевич был одним из тех, кто не промолчал, когда два года назад на Солженицына в очередной раз со страниц центральных газет обрушилась клевета. Завет Толстого «Не могу молчать» — сегодня выглядит как императив: «Не надо пропускать удары». Кураев сказал тогда, что для него Солженицын пример того, как можно быть свободным в несвободном обществе. И еще одно высказывание Михаила Николаевича мне хочется процитировать: «Если на философский спор приходит барабанщик, он всегда уходит победителем. Сегодня “барабаны” в руках прессы. Но пока у нас на полках Солженицын, пока его слово мы слышим, его жизнь способны осознать, его дух свободы впитать, он будет принадлежать и настоящему, и будущему»[2].

Несомненно, готовность отстоять справедливость и встать на защиту оклеветанного — это школа мысли и духа Льва Толстого.

Владислав Отрошенко, лауреат премии «Ясная Поляна», ставший позднее членом жюри этой премии, автор новаторских эссе о Гоголе, в прошлом году блестяще выступил в телепередаче Игоря Волгина «Игра в бисер», посвященной 50-летию рассказа Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Член жюри Яснополянской премии и всеми признанный бессменный куратор яснополянских писательских встреч Валентин Курбатов сегодня говорит о Солженицыне так: «А уважение к нему всемерное, а благодарность за чистоту судьбы несомненная, а понимание его величайшей любви к России именно через историческое полное неуступчивое знание навсегда живое. Мы долго будем по нему проверяться, пока не выздоровеем. А выздоровеем только благодаря ему, включив его “законы” в русскую классику с органической естественностью — такая тонкость и странность»[3].

Рассуждение это, как я его понимаю, глубокое и честное.

Я привела лишь малый перечень из того, что можно было бы сказать, как сегодня участники яснополянских встреч связывают два имени. Но главное для меня: Ясная Поляна, несмотря ни на каких «барабанщиков», как и при жизни Льва Николаевича, так и теперь продолжает оставаться камертоном культуры, литературной Меккой. Лев Толстой, как магнит, притягивает к себе писателей и читателей и словно ставит перед каждым из нас зеркало. Но это уже не зеркало русской революции, а зеркало совести, чести и справедливости.

---

[2] *Кураев М.Н.* Когда приходит барабанщик // Российская газета. 2014. 30 сент. С. 12.

[3] Из письма В.Я. Курбатова к Л.И. Сараскиной от 25 сентября 2015 года.

«КАК ЖАЛЬ» И ВОКРУГ

Вступительная заметка Н.Д. Солженицыной

В апреле 2013 года я получила из Гамбурга по обычной почте пакет, в котором нашла публикуемый ныне текст и письмо:

«Уважаемая Наталия Дмитриевна!

К столетию работы изыскательских партий под руководством проф. В.А. Васильева в долине реки Чу мной (вероятно, одним из последних знавших В.А.) изложены некоторые факты из жизни этого удивительного человека, известные мне из личных встреч и из архива Финка Константина Георгиевича, соратника по лагерю, ссылке и последующей совместной работе в Киргизии. Помня об уникальной встрече Александра Исаевича с Владимиром Александровичем в Джамбуле в феврале 1953 года, после которой Александр Исаевич написал трогательные и запоминающиеся строки о Васильеве в “Архипелаге” и рассказ “Как жаль”, мне показалось возможным послать Вам написанное как некоторое обобщение торжества инженерных идей В.А. Васильева в годы политического слабоумия общественного устройства. Мне кажется справедливым подстрочное указание к рассказу “Как жаль” о том, что истинными героями были проф. В.А. Васильев и его дочь Ирина Владимировна Васильева, преподававшая на географическом факультете МГУ.

С пожеланиями всего хорошего,

В.К. Финк

24.02.13»

Я тогда же подумала, что присланный текст следовало бы опубликовать в «Тетрадях», где из выпуска в выпуск печатаются материалы и воспоминания о героях произведений Солженицына или их прототипах, о его «невидимках», словом, о людях его жизни. Так уже появились воспоминания о Николае Ивановиче Зубове («Невидимка “номер один”», вып. 2), об Анне Васильевне Исаевой (Симочка в «Круге первом», вып. 3), о Наталье Мильевне Аничковой и Надежде Григорьевне Левитской («невидимки эНэНы», вып. 4), о Таисии Захаровне, матери А.И. (Ксенья Томчак в «Красном Колесе», вып. 4).

И вот, непреднамеренно и неожиданно для редакции, к настоящему выпуску «Тетрадей» сошлись две статьи о рассказе «Как жаль», до сих пор не

слишком избалованном вниманием критиков и литературоведов, — статьи И.Е. Дорожинской и А.Е. Аркатовой. Кажется естественным поместить в этом же выпуске работу В.К. Финка в качестве развернутого комментария к судьбе «молодого энтузиаста» из рассказа «Как жаль». А коль скоро возник вокруг рассказа такой объемный разговор, мы решили, для удобства читателей, предварить его и отрывком из «Архипелага…», и текстом «Как жаль».

Текст В.К. Финка мы публикуем без сокращений, несмотря на некоторую его специальность. Сожалеем, что ряд иллюстраций имеет невысокое качество, но и за них благодарим, памятуя, в каких местах и в какие времена эти кадры были сняты.

Однако не давали покоя сообщенные В.К. Финком данные: имя дочери профессора Васильева и упоминание геофака МГУ. Как часто бывает, стоит начать целенаправленные поиски — новые сведения одно за другим появляются с разных сторон. Вот они: Ирина Владимировна Васильева (1910–2005), географ с кандидатской степенью, была доцентом Московского педагогического института (МГПИ). Ее муж — Николай Адольфович Солнцев-Эльбе (1902–1991), доктор географических наук, профессор МГУ, создатель теории и школы отечественного ландшафтоведения. Семья двадцать лет жила на Гоголевском бульваре (где и происходит действие рассказа). Их дети, близнецы Оксана (1940–2003) и Владимир (р. 1940), тоже стали географами. Ирина Владимировна, ее муж и дочь похоронены на Миусском кладбище в Москве. Сын, Владимир Николаевич Солнцев, преподавал на географическом факультете МГУ, но затем следы его внезапно терялись, пока их не обнаружила И.Е. Дорожинская, написавшая статью о рассказе «Как жаль» и тоже вовлеченная в наши поиски. У нас почти не было сведений о жене В.А. Васильева, матери Ирины. Теперь мы узнали от В.Н. Солнцева, что его бабушка, Екатерина Ивановна Васильева (1878–1965), была дочерью известного педагога и выдающегося археолога Ивана Тимофеевича Савенкова (1846–1914), директора Красноярской учительской семинарии, первооткрывателя палеолитических стоянок человека в Сибири (на Афонтовой горе в Красноярске). После смерти мужа она жила с семьей дочери, похоронена на Новодевичьем кладбище. Старший брат В.А. Васильева, упоминаемый в «Архипелаге…», — Александр Александрович Васильев (1867–1953), известный востоковед, арабист, византинист. В 1919 году был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, в 1925-м занял кафедру древней истории в Висконсинском университете (США) и был исключен из академии за «невозвращенство», в 1990 году восстановлен посмертно. Был членом Американской академии Средневековья (Кембридж, Массачусетс) и председателем Международной ассоциации византинистов. В конце XX века по-русски издана двухтомная «История Византийской империи» А.А. Васильева (СПб.: Алетейя, 1998).

Теперь, по подсказке В.Н. Солнцева, найдено письмо, принесенное им в наш Фонд незадолго до смерти Александра Исаевича и его не достигшее:

«Глубокоуважаемый Александр Исаевич!

Я — внук инженера Владимира Александровича Васильева, встречу с которым на пересылке станции Джамбул Вы описали в “Архипелаге…”. И я — сын дочери В.А. Васильева Ирины Владимировны Васильевой, случай с которой послужил сюжетом для Вашего рассказа “Как жаль”.

Когда я впервые в списках прочел эти тексты (дело было в “застойные” 70-е), я поразился, насколько точно и скрупулезно изложены Вами сведения о моем деде и маме — те сведения, которые я слышал непосредственно от них. Я глубоко благодарен Вам за то, что с Вашего благословения мои предки сохранены в литературной памяти страны».

А.И. Солженицын
«И — ПРОСКОЧИЛА МЕЖДУ НАМИ ДУШЕВНАЯ ИСКРА!»

Из книги «Архипелаг ГУЛАГ»[1]

…Торопясь арестовывать, освобождать у нас не торопятся. Если б какого-нибудь несчастного демократического грека или социалистического турка задержали бы в тюрьме на один день сверх положенного, — да об этом бы захлёбывалась мировая пресса. А уж я рад был, что после конца срока меня передержали в лагере всего несколько дней и после этого… освободили? нет, после этого взяли на этап. И ещё месяц везли за счёт уже *моего* времени.

Всё же, и под конвоем выходя из лагеря, старались мы выполнить последние тюремные суеверия: ни за что не обернуться на свою последнюю тюрьму (иначе в неё вернешься), правильно распорядиться своею тюремной ложкой. (Но как правильно? одни говорили: взять с собой, чтоб за ней не возвращаться; другие: швырнуть тюрьме, чтоб тюрьма за тобой не гналась. Моя ложка была мной самим отлита в литейке, я её забрал.)

И замелькали опять Павлодарская, Омская, Новосибирская пересылки. Хотя кончились наши сроки, нас опять обыскивали, отнимали недозволенное, загоняли в тесные набитые камеры, в воронки, в арестантские вагоны, мешали с блатными, и так же рычали на нас конвойные псы, и так же кричали автоматчики: «Не оглядывайсь!!» <…>

На станции Джамбул нас высаживали из вагон-зака всё с теми же строгостями, вели к грузовику в живом коридоре конвойных и так же на пол сажали в кузове, как будто, пересидевши срок, мы могли потянуться на побег…

Привезли в тюрьму — и тюрьма приняла нас без приёмного шмона и без бани. Мягчели проклятые стены! Так с мешками и чемоданами затащились в камеру. Утром корпусной отпер дверь и вздохнул: «Выходи со всеми вещами».

Разжимались чёртовы когти…

Весеннее алое утро охватило нас во дворе. Заря теплила кирпичные тюремные стены. Посреди двора ждал нас грузовик, и в кузове уже сидели

---

[1] Из части VI, главы 5 (*Солженицын А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 6. С. 359–365).

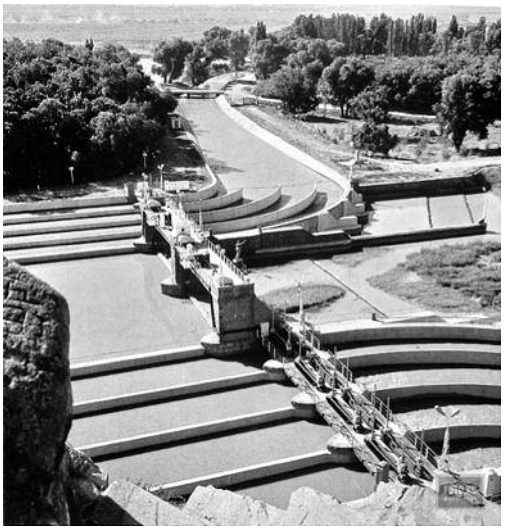
Владимир Александрович Васильев. 1910

Ирина Владимировна Васильева. Конец 1930-х

Архив В.Н. Солнцева

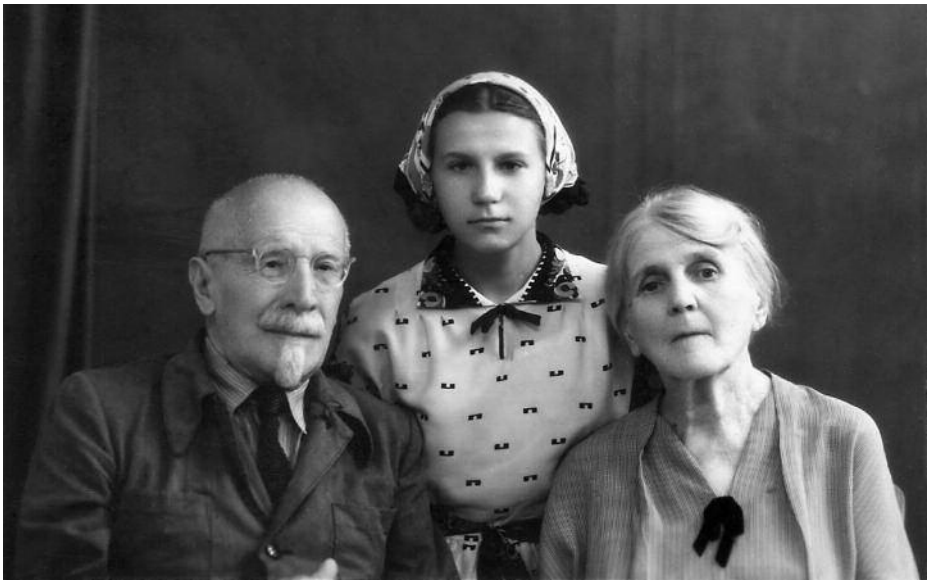
Орто-Токойская плотина

Чумышская плотина в долине реки Чу. Справа за рекой виден обелиск В.А. Васильеву

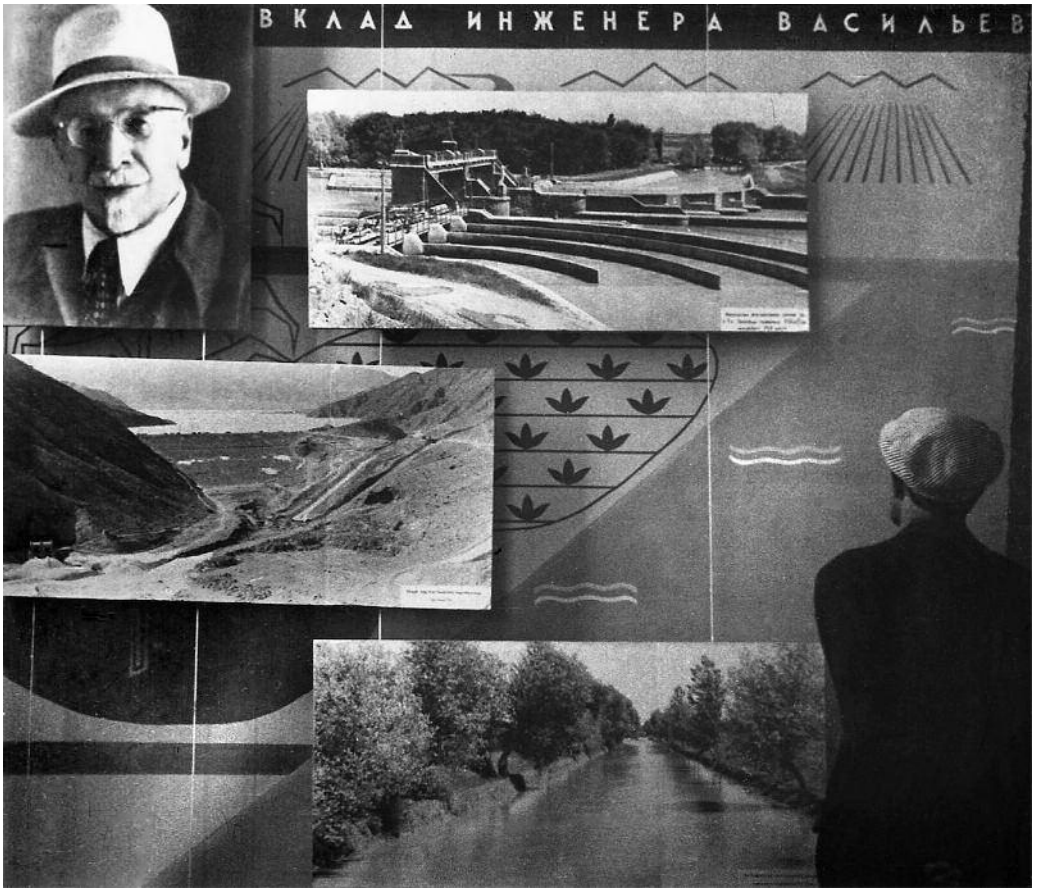


Орто-Токойское водохранилище

Ссыльные сотрудники Облводхоза на прогулке. В.А. Васильев на заднем плане в центре, К.Г. Финк справа от него. Джамбул. 2 мая 1953



В.А. Васильев с женой Екатериной Ивановной и внучкой Оксаной. Фрунзе. 1957



Плакат «Вклад инженера Васильева» на выставке достижений сельского хозяйства во Фрунзе. 1957

Начало Папанского каньона. По мостику идут директор Киргизгипроводхоза А.Ю. Юсупов и консультант Н.И. Биндеман. 1959

Группа специалистов Киргизгипроводхоза на склоне будущего Папанского водохранилища. Главный инженер проекта К.Г. Финк — с биноклем. 1959

Похороны В.А. Васильева у Чумышской плотины. У могилы — жена и дочь, крайний справа — К.Г. Финк. 1959

Обелиск на могиле В.А. Васильева

двое зэков, присоединяемых к нам. Надо бы дышать, оглядываться, проникаться неповторимостью момента — но никак нельзя было упускать нового знакомства! Один из новеньких — сухонький седой старик со слезящимися светлыми глазами — сидел на своих подмятых вещичках так выпрямленно, торжественно, как царь перед приёмом послов. Можно было подумать, что он или глух, или иностранец и не надеется найти с нами общий язык. Едва влезши в кузов, я решился с ним заговорить — и совсем не дребезжащим голосом на чистом русском языке он представился:

— Владимир Александрович Васильев.

И — проскочила между нами душевная искра! Чует сердце друга и недруга. Это — друг. В тюрьме спеши узнавать людей! — не знаешь, не разлучат ли через минуту. Да, бишь, мы уже не в тюрьме, но всё равно… И, пересиливая шум мотора, я интервьюирую его, не замечая, как грузовик сошёл с тюремного асфальта на уличный булыжник, забывая, что надо не оглянуться на последнюю тюрьму (сколько ж их будет, последних?), не посмотря даже на короткий кусочек *воли*, который мы проезжаем, — и вот уже снова в широком внутреннем дворе областного МВД, откуда выход в город нам опять-таки запрещён.

Владимиру Александровичу в первую минуту можно было дать девяносто лет — так сочетались эти вневременные глаза, острое лицо и хохолок седины. А было ему — семьдесят три. Он оказался одним из давнейших русских инженеров, из крупнейших гидротехников и гидрографов. В «Союзе Русских Инженеров» (а что это такое? я слышу первый раз; а это — сильное общественное создание технической мысли, да все такие у нас погибли) Васильев был видным деятелем, и ещё сейчас с твёрдым удовольствием вспоминает: «Мы отказывались притвориться, что можно вырастить финики на сухих палках».

За то и были разогнаны конечно.

Весь этот край, Семиречье, куда мы приехали сейчас, он исходил пешком и изъездил на лошади ещё полвека назад. Он ещё до Первой Мировой войны рассчитал проекты обводнения Чуйской долины, Нарынского каскада и пробития туннеля сквозь Чу-Илийские горы и ещё до Первой войны стал сам их осуществлять. Шесть «электрических экскаваторов» (все шесть пережили революцию и в 30-е годы представлялись на Чирчикстрое как советская новинка) были выписаны им ещё в 1912 году и уже работали здесь. А теперь, отсидев 15 лет за «вредительство», три последних — в Верхнеуральском изоляторе, он выпросил себе как милость: отбывать ссылку и умереть именно здесь, в Семиречьи, где он всё начинал. (Но и этой милости ему бы ни за что не оказали, если б не помнил его Берия по 20-м годам, когда инженер Васильев делил воды трёх закавказских республик.)

Так вот почему такой углублённый и сфинксоподобный сидел он сегодня на своём мешочке в кузове: у него не только был первый день свободы, но и

возврат в страну своей юности, в страну вдохновения. Нет, не так уж коротка человеческая жизнь, если вдоль неё оставишь обелиски.

Совсем недавно дочь В.А. остановилась на Арбате около витрины с газетой «Труд». Залихватский корреспондент, не жалея хорошо оплачиваемых слов, бойко рассказывал о своей поездке по Чуйской долине, обводнённой и вызванной к жизни созидателями-большевиками, о Нарынском каскаде, о мудрой гидротехнике, о счастливых колхозниках. И вдруг — кто ему о том нашептал? — закончил: «но мало кто знает, что все эти преобразования есть исполнение мечты талантливого русского инженера Васильева, не нашедшего сочувствия в старой бюрократической России[2]. Как жаль, что молодой энтузиаст не дожил до торжества своих благородных идей!» Дорогие газетные строки замутнились, слились, дочь сорвала газету с витрины и понесла под свисток милиционера.

Молодой энтузиаст сидел в это время в сырой камере Верхнеуральского изолятора. Ревматизм или какое-то костное недомогание перегнуло старика в позвоночнике, и он не мог разгибаться. Спасибо, сидел он в камере не один, с ним — некий швед, и вылечил ему спину спортивным массажем. <…>

А тем временем нас по одному начинают вызывать в областную комендатуру — это тут же, во дворе облМВД, это — такой полковник, майор и многие лейтенанты, которые заведуют всеми ссыльными Джамбульской области. К полковнику, впрочем, нам ходу нет, майор лишь просматривает наши лица, как газетные заголовки, а *оформляют* нас лейтенанты, красиво пишущие перьями.

Лагерный опыт отчётливо бьёт меня под бок: смотри! в эти короткие минуты решается вся твоя будущая судьба! Не теряй времени! <…> Не-ет, я уже не тот… Я не тот уже, каким начинал срок. Какая-то высшая малоподвижность снизошла на меня… Мне приятно не пользоваться суетливым лагерным опытом… Никто из людей ничего не знает наперёд. И самая большая беда может постичь человека в наилучшем месте, и самое большое счастье разыщет его — в наидурном. Да даже узнать, расспросить, какие районы области хорошие, какие плохие, — я не успел, я занят был судьбой старого инженера.

На его деле какая-то охранительная резолюция стоит, потому что ему разрешают выйти пешком своими ногами в город, дойти до облводстроя и спросить себе там работы. А всем остальным нам одно назначение: Кок-Терекский район. Это — кусок пустыни на севере области, начало безжизненной Бет-Пак-Дала, занимающей весь центр Казахстана…

Фамилию каждого из нас кругловато вписывают в бланк, отпечатанный на корявой рыжей бумаге, ставят число, подкладывают нам — распишитесь. <…>

---

[2] Ко времени октябрьского переворота Васильев практически возглавил департамент земельных улучшений.

Итак, что же мне «объявлено сего числа»? Что я, имярек, ссылаюсь *навечно* в такой-то район под гласный надзор районного МГБ и в случае самовольного отъезда за пределы района буду судим по Указу Президиума Верхсовета, предусматривающему наказание 20 (двадцать) лет каторжных работ.

Ну что ж, всё законно. Ничто не удивляет нас.

Мы охотно подписываем. В моей голове настойчиво закручивается эпиграмма, немного длинноватая, правда:

Чтоб сразу, как молот кузнечный
Обрушить по хрупкой судьбе, —
Бумажку: я сослан *навечно*
Под гласный надзор МГБ.
……
Мне лестно быть *вечным*, конечно!
Но — вечно ли МГБ?

Приходит Владимир Александрович из города, я читаю ему эпиграмму, и мы смеёмся — смеёмся, как дети, как арестанты, как безгрешные люди. У В.А. очень светлый смех — напоминает смех К.И. Страховича. И сходство между ними глубокое: это люди — слишком ушедшие в интеллект, и страдания тела никак не могут разрушить их душевное равновесие.

А между тем и сейчас у него мало весёлого. Сослали его, конечно, не сюда, ошиблись, как полагается. Только из Фрунзе могли назначить его в Чуйскую долину, в места его бывших работ. А здесь водстрой занимается арыками. Самодовольный полуграмотный казах, начальник водстроя, удостоил создателя Чуйской системы ирригации постоять у порога кабинета, позвонил в обком и согласился принять младшим гидротехником, как девчёнку после училища. А во Фрунзе — нельзя: другая республика.

Как одной фразой описать всю русскую историю? Страна задушенных возможностей.

Но всё же потирает руки седенький: знают его учёные, может быть, перетащат. Расписывается и он, что сослан навечно, а если отлучится — будет отбывать каторгу до 93 лет. Я подношу ему вещи до ворот — до черты, которую запрещено мне переступать. Сейчас он пойдёт снимать у добрых людей угол комнаты и грозится выписать старуху из Москвы. Дети?.. Дети не приедут. Говорят, нельзя бросать московские квартиры. А ещё родственники? Брат есть. Но у брата глубоко несчастная судьба: он историк, не понял октябрьской революции, покинул родину и теперь, бедняга, преподаёт историю Византии в Колумбийском университете. Мы ещё раз смеёмся, жалеем брата и обнимаемся на прощание. Вот промелькнул ещё один замечательный человек и ушёл навсегда.

КАК ЖАЛЬ

Оказался перерыв на обед в том учреждении, где Анне Модестовне надо было взять справку. Досадно, но был смысл подождать: оставалось минут пятнадцать, и она ещё успевала за свой перерыв.

Ждать на лестнице не хотелось, и Анна Модестовна спустилась на улицу.

День был в конце октября — сырой, но не холодный. В ночь и с утра сеялся дождик, сейчас перестал. По асфальту с жидкой грязцой проносились легковые, кто поберегая прохожих, а чаще обдавая. По середине улицы нежно серел приподнятый бульвар, и Анна Модестовна перешла туда.

На бульваре никого почти не было, даже и вдали. Здесь, обходя лужицы, идти по зернистому песку было совсем не мокро. Палые намокшие листья лежали тёмным настилом под деревьями, и если идти близко к ним, то как будто вился от них лёгкий запах — остаток ли не отданного во время жизни или уже первое тление, а всё-таки отдыхала грудь меж двух дорог перегоревшего газа.

Ветра не было, и вся густая сеть коричневых и черноватых влажных… — Аня остановилась — …вся сеть ветвей, па́ветвей, ещё меньших веточек, и сучочков, и почечек будущего года, — вся эта сеть была обнизана множеством водяных капель, серебристо-белых в пасмурном дне. Это была та влага, что после дождя осталась на гладкой кожице веток и в безветрии ссочилась, собралась и свесилась уже каплями — круглыми с кончиков нижних сучков и овальными с нижних дуг веток.

Переложив сложенный зонтик в ту же руку, где была у неё сумочка, и стянув перчатку, Аня стала пальцы подводить под капельки и снимать их. Когда удавалось это осторожно, то капля целиком передавалась на палец и тут не растекалась, только слегка плющилась. Волнистый рисунок пальца виделся через каплю крупнее, чем рядом, капля увеличивала, как лупа.

Но, показывая сквозь себя, та же капля одновременно показывала и над собой: она была ещё и шаровым зеркальцем. На капле, на светлом поле от облачного неба, видны были — да! — тёмные плечи в пальто, и голова в вязаной шапочке, и даже переплетение ветвей над головой.

Так Аня забылась и стала охотиться за каплями покрупней, принимая и принимая их то на ноготь, то на мякоть пальца. Тут совсем рядом она услышала твёрдые шаги и сбросила руку, устыдясь, что ведёт себя, как пристало её младшему сыну, а не ей.

Однако проходивший не видел ни забавы Анны Модестовны, ни её самой — он был из тех, кто замечает на улице только свободное такси или табачный киоск. Это был с явною печатью образования молодой человек с ярко-жёлтым набитым портфелем, в мягкошерстном цветном пальто и ворсистой шапке, смятой в пирожок. Только в столице встречаются такие ран-

неуверенные, победительные выражения. Анна Модестовна знала этот тип и боялась его.

Спугнутая, она пошла дальше и поравнялась с газетным щитом на голубых столбиках. Под стеклом висел «Труд» наружной и внутренней стороной. В одной половине стекло было отколото с угла, газета замокла, и стекло изнутри обводнилось. Но именно в этой половине внизу Анна Модестовна прочла заголовок над двойным подвалом: «Новая жизнь долины реки Чу».

Эта река не была ей чужа: она там и родилась, в Семиречьи. Протерев перчаткой стекло, Анна Модестовна стала проглядывать статью.

Писал её корреспондент нескупого пера. Он начинал с московского аэродрома: как садился на самолёт и как, словно по контрасту с хмурой погодой, у всех было радостное настроение. Ещё он описывал своих спутников по самолёту, кто зачем летел, и даже стюардессу мельком. Потом — фрунзенский аэродром и как, словно по созвучию с солнечной погодой, у всех было очень радостное настроение. Наконец он переходил собственно к путешествию по долине реки Чу. Он с терминами описывал гидротехнические работы, сброс вод, гидростанции, оросительные каналы, восхищался видом орошённой и плодоносной теперь пустыни и удивлялся цифрам урожаев на колхозных полях.

А в конце писал:

«Но немногие знают, что это грандиозное и властное преобразование целого района природы замыслено было уже давно. Нашим инженерам не пришлось проводить заново доскональных обследований долины, её геологических слоёв и режима вод. Весь главный большой проект был закончен и обоснован трудоёмкими расчётами ещё сорок лет назад, в 1912 году, талантливым русским гидрографом и гидротехником Модестом Александровичем В*, тогда же начавшим первые работы на собственный страх и риск».

Анна Модестовна не вздрогнула, не обрадовалась — она задрожала внутренней и внешней дрожью, как перед болезнью. Она нагнулась, чтобы лучше видеть последние абзацы в самом уголке, и ещё пыталась протирать стекло и едва читала:

«Но при косном царском режиме, далёком от интересов народа, его проекты не могли найти осуществления. Они были погребены в департаменте земельных улучшений, а то, что он уже прокопал, — заброшено.

Как жаль! — (кончал восклицанием корреспондент) — как жаль, что молодой энтузиаст не дожил до торжества своих светлых идей! что он не может взглянуть на преображённую долину!»

Кипяточком болтнулся страх, потому что Аня уже знала, что́ сейчас сделает: сорвёт эту газету! Она воровато оглянулась вправо, влево — никого на бульваре не было, только далеко чья-то спина. Очень это было неприлично, позорно, но…

Газета держалась на трёх верхних кнопках. Аня просунула руку в пробой стекла. Тут, где газета намокла, она сразу сгреблась уголком в сырой бумаж-

ный комок и отстала от кнопки. До средней кнопки, привстав на цыпочки, Аня всё же дотянулась, расшатала и вынула. А до третьей, дальней, дотянуться было нельзя — и Аня просто дёрнула. Газета сорвалась — и вся была у неё в руке.

Но сразу же за спиной раздался резкий дробный турчок милиционера.

Как опалённая (она сильно умела пугаться, а милицейский свисток её и всегда пугал), Аня выдернула пустую руку, обернулась…

Бежать было поздно и несолидно. Не вдоль бульвара, а через проём бульварной ограды, которого Аня не заметила раньше, к ней шёл рослый милиционер, особенно большой от намокшего на нём плаща с откинутым башлыком.

Он не заговорил издали. Он подошёл не торопясь. Сверху вниз посмотрел на Анну Модестовну, потом на опавшую, изогнувшуюся за стеклом газету, опять на Анну Модестовну. Он строго над ней высился. По широконосому румяному лицу его и рукам было видно, какой он здоровый — вполне ему вытаскивать людей с пожара или схватить кого без оружия.

Не давая силы голосу, милиционер спросил:

— Это что ж, гражданка? Будем двадцать пять рублей платить?..

(О, если только штраф! Она боялась — будет хуже истолковано!)

— …Или вы хотите, чтоб люди газет не читали?

(Вот, вот!)

— Ах, что вы! Ах, нет! Простите! — стала даже как-то изгибаться Анна Модестовна. — Я очень раскаиваюсь… Я сейчас повешу назад… если вы разрешите…

Нет уж, если б он и разрешил, газету с одним отхваченным и одним отмокшим концом трудновато было повесить.

Милиционер смотрел на неё сверху, не выражая решения.

Он уж давно дежурил, и дождь перенёс, и ему кстати было б сейчас отвести её в отделение вместе с газетой: пока протокол — подсушиться маненько. Но он хотел понять. Прилично одетая дама, в хороших годах, не пьяная.

Она смотрела на него и ждала наказания.

— Чего вам газета не нравится?

— Тут о папе моём!.. — Вся извиняясь, она прижимала к груди ручку зонтика, и сумочку, и снятую перчатку. Сама не видела, что окровянила палец о стекло.

Теперь постовой понял её и пожалел за палец, и кивнул:

— Ругают?.. Ну, и что́ одна газета поможет?..

— Нет! Нет-нет! Наоборот — хвалят!

(Да он совсем не злой!)

Тут она увидела кровь на пальце и стала его сосать. И всё смотрела на крупное простоватое лицо милиционера.

Его губы чуть развелись:

— Так что вы? В ларьке купить не можете?

— А посмотрите, какое число! — она живо отняла палец от губ и показала ему в другой половине витрины на несорванной газете. — Её три дня не снимали. Где ж теперь найдёшь?!

Милиционер посмотрел на число. Ещё раз на женщину. Ещё раз на опавшую газету. Вздохнул:

— Протокол нужно составлять. И штрафовать… Ладно уж, последний раз, берите скорей, пока никто не видел…

— О, спасибо! Спасибо! Какой вы благородный! Спасибо! — зачастила Анна Модестовна, всё так же немного изгибаясь или немного кланяясь, и раздумала доставать платок к пальцу, а проворно засунула всё ту же руку с розовым пальцем туда же, ухватила край газеты и потащила. — Спасибо!

Газета вытянулась. Аня, как могла при отмокшем крае и одной свободной рукой, сложила её. С ещё одним вежливым изгибом сказала:

— Благодарю вас! Вы не представляете, какая это радость для мамы и папы! Можно мне идти?

Стоя боком, он кивнул.

И она пошла быстро, совсем забыв, зачем приходила на эту улицу, прижимая косо сложенную газету и иногда на ходу посасывая палец.

Бегом к маме! Скорей прочесть вдвоём! Как только папе назначат точное жительство, мама поедет туда и повезёт сама газету.

Корреспондент не знал! Он не знал, иначе б ни за что не написал! И редакция не знала, иначе б не пропустила! Молодой энтузиаст — д о ж и л! До торжества своих светлых идей он дожил, потому что смертную казнь ему заменили, двадцать лет он отсидел в тюрьмах и лагерях. А сейчас, при этапе на вечную ссылку, он подавал заявление самому Берия, прося сослать его в долину реки Чу. Но его сунули не туда, и комендатура теперь никак не приткнёт этого безполезного старичка: работы для него подходящей нет, а на пенсию он не выработал.

1965

В.К. Финк

МОМЕНТЫ ЖИЗНИ ПРОФ. В.А. ВАСИЛЬЕВА

К столетию работ изыскательской партии ученого в долине реки Чу

Владимир Александрович Васильев (1880–1961) оставил значительный след в развитии орошаемого земледелия в долине реки Чу. Проведенные под его руководством в 1910–1912 годах изыскательские работы охватили гидрологические, почвенно-ботанические, климатические, топографические, гидротехнические, этнографические вопросы, явившиеся основой для разработки проектов гидротехнического строительства на десятилетия вперед. Чуйская долина в то время входила в состав Семиреченской области (включающей реки Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепса, Басхан, Сарканд) и являлась вместе с Туркестаном окраиной России, имевшей стратегическое значение в связи с необходимостью сдерживания английского влияния на эти регионы. Культурное освоение новых территорий было бы невозможно без транспортных магистралей, переселенческой деятельности и водохозяйственного строительства. Последнее было возложено на специалистов Отдела земельных улучшений Главного управления землепользования и земледелия Российской империи, финансировалось им и признавалось главным условием повышения доходности земель.

По результатам работ 1911 года В.А. Васильевым уже были обозначены наиболее предпочтительные места для орошения и гидротехнического строительства. Это плотина у Чумышских скал (восточнее с. Георгиевки, в 18 км от тогдашнего Пишпека) с возможным орошением земель на левом и правом берегах долины[1]. Далее отмечались ценные качества почв ниже Токмака, а также благоприятный рельеф и удобное место для заложения головы канала (будущий Краснореченский гидроузел, Западный Большой Чуйский канал и Краснореченский канал). Следующим местом заложения головы крупного канала был назван пункт вблизи мыса Таш-Уткуль (в переводе «каменный брод») с возможной площадью орошения на правобережье не менее 70 тыс. га.

[1] См. вклейку между с. 192–193 наст. изд. — Ред.

В.А. Васильев считал, что оросительную способность реки следует оценивать по расходу воды в реке за ирригационный период маловодных лет. Тем самым «более обеспечивались бы интересы населения, рискующего в маловодный год быть недостаточно обеспеченными при подсчете способности реки по среднему году». В этом случае удалось бы оросить, по оценке В.А. Васильева, 147–153 тыс. га, лишь небольшую часть имеющегося земельного фонда при уровне использования воды от 36% до 51% за поливной период среднего года. Увеличение площади поливных земель и уровня оросительной способности реки возможно при строительстве водохранилищ как регуляторов стока за период лет. Одним из наиболее подходящих мест для этого была названа естественная котловина близ тогдашней почтовой станции Орто-Кой (в переводе «среди гор»).

«Первые — в широком масштабе — опыты оросительных сооружений» в Чуйской долине В.А. Васильев рассматривал как толчок к развитию всего Семиречья. Он считал целесообразным сочетать орошение с утилизацией водных запасов для получения электрической энергии (и это задолго до ГОЭЛРО!) не только из-за бедности района топливом, а в особенности в связи с выгодой утилизации энергии при наличии ирригационных устройств. К столетию экспедиции В.А. Васильева эта проблема стала еще актуальней. Так, в программе развития малой энергетики Кыргызской Республики в качестве первоочередных ГЭС, предусмотренных к строительству на существующих водохозяйственных объектах, упомянута в том числе Орто-Токойская электростанция.

По результатам изысканий в 1912–1916 годах была подготовлена проектная документация для строительства ирригационных объектов, а в научных трудах обоснованы принятые решения (см. Каталог Российской государственной библиотеки). Книга В.А. Васильева «Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины», опубликованная в 1915 году, стала настолько популярна в связи с полезностью собранного в ней материала о Чуйской долине того периода и возможностями ее развития через ирригацию, энергетику, освоение орошенных земель, строительство железнодорожной магистрали (будущий Турксиб), что вошла в рубрику «Книжные памятники Киргизии» и используется до сих пор во многих современных диссертационных работах и научных трудах о республике.

В.А. Васильев вел активную подготовку к началу строительства Чумышской плотины, Атбашинского и Георгиевского каналов. Им уже в 1912 году были заказаны в Европе электрические экскаваторы и оборудование для будущего цементного завода. Планы были остановлены революционной сумятицей и Гражданской войной.

Инженерные проработки В.А. Васильева были актуальны и необходимы для развития региона. Смены политических режимов и последующие войны

(Гражданская и Отечественная) лишь отодвигали реализацию намеченного. Железная дорога, о которой мечтал В.А. Васильев, дошла до Чуйской долины и достигла Пишпека в 1924 году, как ответвление от станции Арысь завершенной в 1906 году дороги Оренбург — Ташкент. Связь с Сибирью обеспечил Турксиб (Семипалатинск — Луговая), построенный в 1926–1930 годах Чумышский гидроузел с каналами Атбашинским и Георгиевским введен в действие в ноябре 1932 года, Орто-Токойское водохранилище — в 1957 году, Большой Чуйский канал — в 1958 году, Ташуткульское водохранилище — в 1972 году.

Значение ирригационных работ в Чуйской долине высоко оценивалось в Госплане СССР. Примечательна напутственная фраза, предварившая командировку инженера Андрея Платонова (автора романа «Котлован») из Москвы на строительство Чумышской плотины: «Таких рек, как Чу, в России много, но те проблемы, которые с ней связаны, делают эту речку исключительной. “Волховстрой”, “Днепрострой” — это одна совершенно конкретная задача, и даже их нельзя сравнить с “Чустроем” где и сахар, и кендырь, скотоводство, цветная металлургия, промышленность, гидроэнергетика — все, что хотите. Это сложнее и труднее. И мы добьемся такого положения, когда Чуйская долина будет собой представлять цветущий край». Доподлино нам неизвестен автор этих слов, но можно предположить, что им является академик И.Г. Александров, работавший в начале XX века на строительстве железной дороги Оренбург — Ташкент, а с 1912 года приглашенный в Отдел земельных улучшений и с 1913 года руководивший изыскательскими работами в верховьях реки Сырдарьи и досконально знакомый с проблемами развития как Средней Азии по собственным работам, так и Чуйской долины по работам своего коллеги В.А. Васильева.

Чумышский гидроузел — первенец ирригационного строительства Киргизии — стал символом современного освоения Чуйской долины и на протяжении десятилетий был излюбленным объектом репортажей о социалистических достижениях. О чем сохранились кинофотодокументы. Известен факт посещения Чумышской плотины как реклама достижений в преобразовании природы и общества известным общественным деятелем Ю. Фучиком в ноябре 1935 года.

Восемьдесят лет исправно работает Чумышский гидроузел. В настоящее время он переживает этап модернизации, связанный с автоматизацией управления водораспределением. Ирригационная система всей Чуйской долины, зачинателем которой, безусловно, является В.А. Васильев, превратилась в сложнейший комплекс, требующий на современном этапе особого внимания к экологическим вопросам.

Посещавшие Чумышскую плотину и также некоторые специалисты знают, что на плотине В.А. Васильеву стоит обелиск. История жизни этого человека в советской действительности уместилась всего в одну строчку:

«Васильев Владимир Александрович 1880–1961, инж. путей сообщения, гидротехник, проф. МВТУ, заключенный, ссыльный» (Именной указатель к «Архипелагу ГУЛАГу»). Среди миллионов, попавших под Красное Колесо, оказался и В.А. Васильев[2]. По удивительному стечению обстоятельств судьба свела А.И. Солженицына с В.А. Васильевым в феврале 1953 года во дворе джамбульской тюрьмы. За плечами у обоих был лагерный срок. Восемь лет у Солженицына и пятнадцать лет у Васильева. Впереди была ссылка. За короткую встречу (в кузове тюремного грузовика на пути от тюрьмы до областного МВД) Солженицын успевает проинтервьюировать Васильева и оставить нам проникновенное и очень точное описание Владимира Александровича, мечтавшего вернуться «в страну своей юности, в страну вдохновения». И с сожалением замечает: «Вот промелькнул еще один замечательный человек и ушел навсегда». Широкая общественность могла познакомиться с этим эпизодом лишь после выхода в свет «Архипелага ГУЛАГа», т.е. после 1974 года, да и то за границей. Первый раз А.И. Солженицын описал драму жизни В.А. Васильева в рассказе «Как жаль» в 1965 году, не принятом в то время ни одним журналом к печати и появившемся опять же за рубежом лишь в 1978 году. Понятно, что в рассказе Васильев назван Модестом Александровичем В*, а его дочь Ирина Владимировна стала Анной Модестовной. Место действия рассказа — московский бульвар — автор выбрал не случайно. Семья И.В. Васильевой жила в то время на Гоголевском бульваре.

В том, что В.А. Васильев оказался в ссылке в Джамбуле, был элемент везения. Здесь в Облводхозе уже работал его коллега по лагерю инженер-гидротехник К.Г. Финк, тогда ссыльный, с которым его связывали не только совместные лагерные годы, но и общие инженерные интересы. Помощь и поддержка теперь для В.А. Васильева были весьма кстати, и он вышел за ворота областного МВД с новой надеждой.

Судьба свела В.А. Васильева и К.Г. Финка в одном из дальневосточных лагерей, где они были заняты на подневольной, будничной, малоинтересной работе. Им оставалось только мечтать о работе по специальности. В.А. Васильев, знавший Л.П. Берию со времени своей работы на Кавказе в двадцатых годах, где остро стояли вопросы распределения воды между республиками, обратился к нему с письменной просьбой о направлении их на объекты гидротехнического строительства. В августе 1945 года В.А. Васильев и К.Г. Финк по распоряжению ГУЛАГа были направлены на восстановительные работы Беломоро-Балтийского канала, но во время этапирования пришел приказ об изменении маршрута. Так они оказались в Карлаге. Там понадо-

[2] Сподвижник В.А. Васильева по туркестанским экспедициям гидролог Глушков Виктор Григорьевич (1883–1937), впоследствии член-корреспондент АН СССР (1932), академик ВАСХНИЛ (1935), участник подготовки плана ГОЭЛРО, один из организаторов и директор Государственного гидрологического института (1919–1934), был расстрелян 23 мая 1937 года.

бились гидротехники для восстановления прорванной паводком в 1945 году Джартасской плотины на р. Чурубай-Нуре.

В 1947 году у К.Г. Финка закончился десятилетний срок заключения, последовала ссылка в казахскую часть Чуйской долины, с. Успеновку, в Казчуйстрой. В июле 1949 года — вторичный арест Джамбульским МГБ, как и прежде без каких-либо на то оснований, и ссылка в Джамбульскую область, в с. Михайловка, с работой в Райводхозе. Затем перевод в г. Джамбул, в Облводхоз.

В феврале 1952 года случай вновь свел вместе В.А. Васильева и К.Г. Финка. С того времени сохранилась одна фотография. На ней коллектив ссыльных специалистов на совместной прогулке в джамбульской роще 2 мая 1953 года.

Владимира Александровича не оставляла мысль выхлопотать себе разрешение вернуться в долину реки Чу, где не все его задумки были реализованы и работали еще знакомые специалисты. Многолетние старания увенчались успехом лишь после реабилитации В.А. Васильева и под влиянием тогдашних директора Киргизгипроводхоза А.Ю. Юсупова и министра водного хозяйства Киргизии Б.М. Мамбетова (впоследствии председателя Совета министров республики).

1957 год стал знаменательным для Владимира Александровича. Он снова во Фрунзе (в прежнем Пишпеке), побывал на своем детище — Чумышской плотине, увидел завершение строительства Орто-Токойской плотины и начало заполнения котловины задуманного им водохранилища, получил квартиру, к нему из Москвы прилетели жена и внучка. Ему присвоено звание заслуженного ирригатора республики, на выставке достижений сельского хозяйства появился плакат «Вклад инженера Васильева».

Совместные годы заключения и ссылки с промежуточным расставанием сблизили Васильева с Финком. В одном из писем Васильев пишет: «На общем отвратительном фоне нашей странной жизни моя встреча и знакомство с Вами, несомненно, одно из редких светлых происшествий». Это, видимо, объясняет стремление этих двух энтузиастов гидротехники попытаться снова работать вместе. С 1958 года К.Г. Финк уже сотрудник Киргизгипроводхоза и по рекомендации В.А. Васильева начинает работать над проектом Папанского водохранилища на реке Ак-Бура. Здесь имелась широкая долина, подходящая для накопления воды и как бы запертая узким Папанским каньоном, удобным для возведения плотины. На снимке начало Папанского каньона летом 1959 года, по мостику идут директор Киргизгипроводхоза А.Ю. Юсупов и консультант Н.И. Биндеман. Рекогносцировочной поездкой группы специалистов началось проектирование Папанского водохранилища. Проектом предусматривалось орошение земель на юге Кыргызстана (Ошская область) и в Узбекистане при полезном объ-

еме водохранилища 240 млн. кубометров воды с бетонной арочной плотиной высотой 94.0 м и длиной по гребню 120.0 м (стенд на выставке достижений сельского хозяйства). Учитывая, что к 1960 году в бывшем СССР была построена только одна плотина такого вида, на Ладжанурской ГЭС (Грузия), позволившая сократить объем бетонных работ в 2,5 раза по сравнению с гравитационной плотиной, разработка арочной плотины на Папане, безусловно, была прогрессивным и ответственным шагом. Модельное испытание арочной плотины в Гидропроекте (Москва) подтвердило обоснованность выбранных параметров сооружения[3]. К этому времени Васильева уже не было в живых. Он умер в феврале 1961 года и похоронен на Чумышской плотине, где ему поставлен обелиск.

За первые 30–35 лет своей жизни Владимир Александрович сумел оставить Киргизии такое богатое наследие, что оно не было затемнено последующими мрачнейшими годами его жизни. Сооружения, над которыми он работал и построенные из-за политических и организационных сложностей на десятилетия позже их задумки, свидетельствуют о торжестве инженерной мысли и таланте этого человека. Несправедливо, что его сооружения знает почти каждый житель края, а о самом В.А. Васильеве сведения очень скупы. Известно, что Владимир Александрович — выпускник Института инженеров путей сообщения императора Александра I, работавшего по образцу военного кадетского корпуса и подготавливавшего инженеров путей сообщения широкого профиля — специалистов по проектированию, строительству и эксплуатации всех дорожных и гидротехнических сооружений. Отсюда понятно, что Владимир Александрович был и путейцем, и гидротехником. Он участвовал в строительстве Транссибирской магистрали в районе Красноярска. Там же познакомился со своей будущей женой Екатериной Ивановной. Во время работы в Чуйской долине он был уже гидротехником и после проектирования сооружений перешел к организации их строительства. Летом 1916 года он был вынужден доставить заказанное им оборудование цементного завода (в т.ч. вращающиеся печи) гужевым караваном в сопровождении охраны от ст. Арысь до Чумыша, тогда Семиречье было охвачено волнениями киргизов, протестующих против их привлечения на работы по устройству оборонительных сооружений в районе действующей армии в связи с Первой мировой войной.

---

[3] В 1968 году умирает К.Г. Финк, и реализация проекта Папанского водохранилища затягивается. Гравитационная плотина Папанского водохранилища по проекту Среднеазиатского отделения Гидропроекта (г. Ташкент) была построена лишь в 1980 году. Однако вскоре наблюдения выявили фильтрацию воды через тело плотины, и возникло опасение потери ее устойчивости. Наблюдалась также вибрация на выходном оголовке водовыпуска, в связи с чем уменьшалось наполнение водохранилища. В течении 2003–2005 годов были проведены дорогостоящие реабилитационные работы на плотине.

О работе В.А. Васильева после революции и до ареста известны только два факта (по рассказам В.А. Васильева К.Г. Финку): о работе на Кавказе, о чем упоминалось выше, и об участии в составе 200 специалистов в подготовке плана ГОЭЛРО. К сожалению, биография этого замечательного человека еще не написана, и, может быть, правнуки восстановят ее. На сайте Института инженеров путей сообщения императора Александра I упомянуты имена прославившихся воспитанников и профессоров. Своей работой В.А. Васильев заслужил быть в этом списке[4].

Гамбург, декабрь 2012

[4] Самый старый в этом списке — выпускник 1960 года. См.: Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I. Знаменитые выпускники // URL: http://www.pgups.ru/university/the-university-today/notable-alumni/ (дата обращения: 12.10.2016). — *Примеч. ред.*

И.В. Дорожинская

«МОСКОВСКИЙ СЛЕД» В РАССКАЗЕ «КАК ЖАЛЬ»[1]

Следование московской теме в произведениях Александра Солженицына неизменно приводит к новым, порой неожиданным, находкам, связанным с творческой лабораторией писателя. Мы уже представляли результаты изучения некоторых аспектов этой темы: пространства, архитектуры города, своеобразия быта, костюма, особое наше внимание было уделено выявлению русской литературной традиции в изображении города[2]. Характерной чертой «московских» текстов Солженицына является фактическая точность, основанная на личном опыте автора или работе с документами. При изображении дореволюционного города (в эпопее «Красное Колесо») писатель использует не только мемуарную литературу, но и газеты, фотографии, сам проходит маршрутами своих героев. В изображении Москвы 1941 года (в повести «Люби революцию») читатель видит практически задокументированный замечательной памятью Солженицына день 22 июня. Так же точно изображен в стихотворной «Дороженьке» путь по московским улицам к лубянской тюрьме. А три дня романа «В круге первом» содержат исчерпывающую картину московских реалий 1949 года.

Очень небольшой по объему рассказ «Как жаль» (1965) — еще одно «московское» произведение Солженицына. В сюжете отразилась история инженера-гидротехника Владимира Александровича Васильева (1880–1961), о знакомстве с которым в феврале 1953 года по дороге из Экибастузского лагеря в ссылку Солженицын подробно рассказывает в 5-й главе 6-й части «Архипелага ГУЛАГа». «Сухонький седой старик со слезящимися светлыми глазами», который «сидел на своих подмятых вещичках так выпрямленно, торжественно, как царь перед приёмом послов»[3],

---

[1] Сообщение, сделанное на заседании солженицынского семинара Дома русского зарубежья 5 апреля 2016 года.

[2] См.: *Дорожинская И.В., Тюрина Г.А.* Москва и москвичи Александра Солженицына: Перспективы изучения темы // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2013. Вып. 2. С. 136–149; *Дорожинская И.В.* Костюм в романе А.И. Солженицына «В круге первом» // Там же. М.: Русский путь, 2014. Вып. 3. С. 98–111.

[3] *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 6. С. 360.

оказался создателем ирригационной системы долины реки Чу. Биографические сведения об инженере В.А. Васильеве весьма скудны: учеба в петербургском Институте инженеров путей сообщения[4], дореволюционные изыскательские работы для составления проектов гидротехнических сооружений в Чуйской долине, участие в подготовке плана ГОЭЛРО (даже визит к Ленину в мае 1918 года с отчетом об освоении природных богатств Семиречья), затем арест, лагеря, ссылка[5]. Однако известно, что до ареста инженер Васильев жил в Москве, был профессором Московского высшего технического училища. В «Архипелаге…» Солженицын передает услышанный от Васильева рассказ, как дочь Владимира Александровича, в то время заключенного ГУЛАГа, случайно остановилась около газетного стенда в Москве, на Арбате. Здесь она прочитала восторженную статью неназванного «залихватского корреспондента» о поездке по обводненной Чуйской долине, о «талантливом русском инженере Васильеве, не нашедшем сочувствия в старой бюрократической России». В финале корреспондент восклицал: «Как жаль, что молодой энтузиаст не дожил до торжества своих благородных идей!» — не догадываясь, что семидесятитрехлетний (а на вид ему все девяносто) герой заметки добился как милости возможности «отбывать ссылку и умереть именно здесь, в Семиречьи, где он всё начинал»[6].

Еще прежде, чем войти в текст «Архипелага…», этот трагифарсовый сюжет стал основой рассказа «Как жаль» — над ним Солженицын начал работать в ноябре 1963 года, а закончил в ноябре 1965-го. Этот рассказ пронизан московскими ощущениями, московскими приметами, хотя напрямую о Москве в нем вообще не сообщается, лишь однажды употреблено слово «столица». Начинается рассказ с прогулки героини повествования Анны Модестовны осенью по бульвару. Солженицын не дает конкретного названия места, но точные, пусть и скупые черты создают легко узнаваемый, характерный облик уголка Бульварного кольца: «По середине улицы нежно серел приподнятый бульвар»[7]. Другие детали: зернистый песок, деревья «меж двух дорог перегоревшего газа», дневное безлюдье (время рабочее), «газетный щит на голубых столбиках» —

---

[4] Ныне это учебное заведение, основанное в 1809 году, называется Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I.

[5] Самая «обширная» статья (целых 4 страницы), посвященная Васильеву, напечатана в 1980 году. Сведения о его заключении и ссылке в ней, разумеется, отсутствуют. См.: *Стерликов А.Е.* «Он крепко любил реку…» // Вокруг света. 1980. № 4 (2475). С. 34–37. Примечательно, что этот номер журнала посвящен 110-летию со дня рождения В.И. Ленина — совершенно в духе истории с газетой в рассказе «Как жаль»!

[6] *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. С. 360–361.

[7] *Он же*. Рассказы и Крохотки // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 259.

плоды наблюдения добросовестного очевидца, придающие рассказу ненавязчивую документальность. Точная, емкая деталь — характерный признак прозы Солженицына, драгоценный штрих для воссоздания в рассказе московских и временных примет. Деталей такого рода множество и в других «московских» произведениях автора. Например, в романе «В круге первом» зримый образ станции московского метро, появляющийся перед пассажиром поезда, создается единственным штрихом: «замелькавший цветной мрамор станции»[8]. Или документальное и вместе с тем художественно необходимое описание телефонной трубки в «толсто-остекленной» будке на «Арбатской», которую держит Иннокентий Володин во время рокового разговора с американским посольством: «трубка чёрная с тяжёлой стальной цепью»[9]. Или деталь в описании кабинета Абакумова на Лубянке, придающая своей игривой неуместностью нечто зловещее этому начальственному кабинету: «потолок — высокий, лепной, на нём люстра, и нарисованы купидоны и нимфы в погоне друг за другом»[10].

В период работы над рассказом «Как жаль» Солженицын живет в Рязани и в Москве бывает редко, в основном приезжает по делам в редакцию «Нового мира». Однако Москва к этому времени неплохо знакома писателю, да и сам путь в редакцию, расположенную сначала в старинном доме на Малой Дмитровке, а в 1964 году переместившуюся в Малый Путинковский, давал материал для наблюдения, работы. Можно предположить, что находящиеся рядом Тверской или Страстной бульвары отразились в описании места действия. Интересно, что в недавней публикации В.К. Финк (сын инженера-гидротехника К.Г. Финка, сидевшего с В.А. Васильевым в одном из лагерей и сотрудничавший с ним в дальнейшем после освобождения) уверенно называет местом действия рассказа Гоголевский бульвар, объясняя это тем, что здесь жила семья дочери Васильева, Ирины Владимировны[11]. Это, конечно, нужно принять к сведению, хотя не известно, знал ли этот адрес Солженицын. Обращает на себя внимание то, что в автобиографическом повествовании «Бодался телёнок с дубом», где речь идет о жизни писателя в 1960–70-е годы и подробно изложена история несостоявшейся публикации рассказа[12], Гоголевский бульвар не упоминается ни разу, а Страстной — неоднократно. Более того, в описании драматичного времени перед арестом в 1974 году есть его яркая, сжатая характеристика совершенно в духе повествования рассказа «Как жаль»:

---

[8] *Он же.* В круге первом // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2011. Т. 2. С. 202.

[9] Там же. С. 17.

[10] Там же. С. 89.

[11] См. републикацию этой статьи на с. 200–206 наст. изд.

[12] См.: *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 133–136.

«Тот самый Страстной бульвар — уширенный конец его, почти кусочек парка…»[13]

Прогулка героини рассказа по осеннему бульвару — вынужденная. Анна Модестовна ожидает конца обеденного перерыва в нужном учреждении, где надо было взять справку. Эти скучные слова сразу создают ощущение советской эпохи, а нехитрые подсказки в тексте эту эпоху уточняют и помогают точно назвать год — 1952-й. Но стоит Анне Модестовне покинуть лестницу учреждения и выйти на бульвар, она оказывается словно вне времени, в ином пространстве, входит в лирический пейзаж: «Палые намокшие листья лежали тёмным настилом под деревьями, и если идти близко к ним, то как будто вился от них лёгкий запах», сеть веток «была обнизана множеством водяных капель, серебристо-белых в пасмурном дне»[14]. Анна Модестовна забывает о своем возрасте, забавляясь игрой водяными каплями. Показательно, что в более позднем повествовании «Архипелага…» Солженицын, ставя перед собой иные художественные задачи, обозначает московское пространство скупо-документально: «дочь В.А. остановилась на Арбате около витрины с газетой “Труд”»[15].

В рассказе идиллию разрушает встреча Анны Модестовны с неким молодым человеком «с твердой походкой». Он характеризуется автором как тип, встречающийся «только в столице». Туго набитый портфель, модное пальто и самое главное — «раннеуверенное, победительное выражение» создают образ карьериста, равнодушного ко всему, что не связано с его личными интересами. Подобные типы вызывают у Анны Модестовны испуг, тем самым делая и саму «столичность» признаком сугубо отрицательным. Такое звучание московской темы имеет своеобразное продолжение и в газетной заметке «Новая жизнь долины реки Чу», которую Анна Модестовна читает на щите под стеклом. С неуместной болтливостью, преувеличенным воодушевлением и показным оптимизмом автор разглагольствует о проблеме, в которой разобрался весьма поверхностно, хотя и щеголяет специальными терминами. Корреспондент с апломбом судит о деле всей жизни «талантливого русского гидрографа и гидротехника Модеста Александровича В*», не удосужившись хоть что-то узнать о его судьбе. Наглая иллюзия всезнайства автора статьи перекликается с обликом того молодого человека с «явною печатью образования», способного заметить на улице «только свободное такси или табачный киоск». Пустозвонный московский корреспондент, как и самодовольный московский службист, явно противопоставлены настоящему интеллектуалу, труженику, энтузиасту, еще сорок лет назад задумавшему

---

[13] *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. С. 360.

[14] *Он же.* Рассказы и Крохотки. С. 259.

[15] *Он же.* Архипелаг ГУЛАГ. С. 361.

и обосновавшему «грандиозное и властное преобразование целого района природы»[16]. Словно от прежней Москвы осталась лишь география, а былая деловая целеустремленность и интеллектуальная мощь 1912 года, о которой говорится в газетной статье, сменилась карьеризмом и словесной трескотнёй 1952-го.

В рассказе есть и другие интересные московские приметы, еще менее явные. Пока Анна Модестовна, трясясь от радостного переживания и страха, пыталась вынуть подмокшую газету, за ее спиной раздался милицейский свисток, еще больше ее напугавший. Героиня заранее предполагает, что ее стремление забрать газету может быть истолковано как политическая акция (да так и будет: «Вы хотите, чтобы люди газет не читали?»[17]). К появившемуся милиционеру надо присмотреться внимательнее. Ведь в «Архипелаге…» Солженицын ограничится только упоминанием милицейского свистка, под трель которого дочь Васильева уносит газету. Здесь на сцене появляется новый герой — постовой милиционер. Он кажется особенно большим «от намокшего на нём плаща с откинутым башлыком» (слово «башлык» здесь используется, конечно, в значении «капюшон»). Герой словно сошел с плаката 1953 года «Работник милиции! Будь бдителен!», где милиционер изображен в плаще с капюшоном военного образца, или появился из кадра кинофильма «Улица полна неожиданностей» (1957) в форменной темно-синей плащ-накидке. Это невозмутимый рослый человек, который строго, сверху вниз смотрит на Анну Модестовну, «по широконосому румяному лицу его и рукам было видно, какой он здоровый — вполне ему вытаскивать людей с пожара или схватить кого без оружия»[18]. Подчеркнуто высокий рост, уверенность в своей правоте, «крупное простоватое лицо», предполагаемые подвиги — хорошо знакомые читателям черты знаменитого дяди Степы, популярного персонажа эпохи[19]. Заметим, что михалковский герой не просто абстрактный образцовый милиционер, он именно *московский* милиционер (он живет «в доме восемь дробь один у заставы Ильича», «идет домой с Арбата», где ему приходится дежурить, а бывает, «высотный постовой» стоит на посту «у зданья, что на площади Восстанья»[20]). Столичный милиционер — настоящий супермен, наделен-

---

[16] *Он же.* Рассказы и Крохотки. С. 260–261.

[17] Там же. С. 262.

[18] Там же. С. 261–262.

[19] Ко времени написания рассказа «Как жаль» «Дядя Степа — милиционер», вторая часть будущей тетралогии С. Михалкова, уже была настоящим «хитом»: поэма, напечатанная впервые в 1954 году, была издана несколькими журналами, потом отдельной книгой многими тиражами, неоднократно исполнялась по радио, по ней был снят мультфильм. Знакомство Солженицына с этим текстом очевидно.

[20] *Михалков С.В.* Дядя Степа. М.: Детгиз, 1957.

ный не только силой, смекалкой, бесстрашием, но и великодушием и благородством. Точно такие же качества демонстрирует и персонаж рассказа «Как жаль»: он пытается понять поведение гражданки, а потом великодушно позволяет унести позавчерашнюю газету, еще и не штрафует. И рассказ вроде должен закончиться приторно-умилительной сценой в духе стихотворения Михалкова, когда дядя Степа возвращает маме потерявшегося сына. Но читатель замечает, как униженно «зачастила Анна Модестовна, всё так же немного изгибаясь или немного кланяясь: — О, спасибо! Спасибо! Какой вы благородный! Спасибо!» — и просит разрешения уйти. Героиня не может открыть милиционеру всю правду, почему, собственно, «прилично одетая дама, в хороших годах, не пьяная» безобразничает в общественном месте[21]. Ведь дядя Степа еще и знаток человеческих душ:

Кто с жезлом и с пистолетом
На посту зимой и летом?
Наш советский постовой —
Это — тот же часовой!

Ведь недаром сторонится
Милицейского поста
И милиции боится
Тот, чья совесть не чиста[22].

Душеведение дяди Степы для героини рассказа Солженицына опасно. Вполне симпатичные человеческие черты постового не смягчают внутренней настороженности Анны Модестовны, не избавляют ее от страха. «Спугнутая» молодым человеком на бульваре, героиня продолжает бояться, ждать наказания: не может дочь репрессированного чувствовать доверие к милиционеру. Солженицын тщательно, при помощи деталей показал ее состояние: героиня «сама не видела, что окровянила палец о стекло»[23]. Недавняя беззаботность сменилась страхом, капли воды на руках — кровью.

Заканчивается рассказ горьким ироническим замечанием: «Корреспондент не знал! Он не знал, иначе б ни за что не написал! И редакция не знала, иначе б не пропустила! Молодой энтузиаст — д о ж и л! До торжества своих светлых идей он дожил, потому что смертную казнь ему заменили, двадцать лет он отсидел в тюрьмах и лагерях»[24]. Подхваченная, даже усиленная автором восторженная интонация московского корреспондента подчеркивает

[21] *Солженицын А.И.* Рассказы и Крохотки. С. 262–263.

[22] *Михалков С.В.* Дядя Степа.

[23] *Солженицын А.И.* Рассказы и Крохотки. С. 262.

[24] Там же. С. 263.

абсурдный трагизм происходящего: жизнь замечательного талантливого инженера загублена напрасно, сведена к существованию «бесполезного старичка», а дочь и жена обречены на страх и полуправду, от которых не спасет никакой супермен.

В финале истории Васильева в «Архипелаге…» московская тема снова звучит, подчеркивая грустную прозу жизни. Владимир Александрович сослан навечно. Может быть, ему удастся «выписать старуху из Москвы», а дети не приедут, — «говорят, нельзя бросать московские квартиры»[25]. Разобщенность, ложь, страх — общие приметы московской жизни 1940–50-х годов в произведениях Солженицына.

Следующее десятилетие столичной «культурной» жизни, 1960-е, предстает перед читателем автобиографической книги «Бодался телёнок с дубом». Красноречивой московской деталью обнаруживается в ней история неудавшейся попытки публикации рассказа «Как жаль», обнажившая борьбу писательских самолюбий, чиновничьих страхов и амбиций[26].

---

[25] *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. С. 365. Вновь напрашивается сравнение с бодрыми михалковскими строчками о возвращении матери потерянного сына: «И увидел мальчик: прямо, / У аптечного ларька, / Утирает слезы мама, / Потерявшая сынка. // Слышит мама голос Колин: / — Мама! Мама! Вот где я! — / Дядя Стёпа был доволен: / «Не распалася семья!» (*Михалков С.В.* Дядя Степа).

[26] См. выше, примеч. 12.

А.Е. Аркатова

ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА: СКАЗОЧНЫЙ ПОДТЕКСТ РАССКАЗА «КАК ЖАЛЬ»

Многие рассказы и, местами, романы А. Солженицына — своего рода сказки[1]. В этих произведениях события истории и развивающиеся на историческом фоне человеческие отношения нередко осмыслены в волшебно-фольклорном контексте. В рассказе «Захар-Калита» (1965) поле Куликовской битвы — огромное таинственное пространство — постепенно вырисовывается перед путниками, как бы выплывая из чарующего тумана: «Задолго, с высоты, мы увидели на другой обширной высоте как будто иглу в небо. Спустились — потеряли её. Опять стали вытягивать вверх — и опять показалась серая игла, теперь уже явнее, а рядом с ней привиделась нам как будто церковь, но странная, постройки невиданной, какая только в сказке может примерещиться…»[2] Сам же Захар-Калита схож со встречающимся в русских народных сказках образом старичка-полевичка, который охраняет луговое или полевое пространство от происков злых сил, оберегает растения и пасущихся там животных[3].

В романе «В круге первом» (1955–1968) Иннокентий Володин и Клара Макарыгина попадают в деревню Рождество, где видят идущую им навстречу «девочку» (II, 306). По мере приближения к молодым людям «девочка» перевоплощается в «девушку» (II, 306), а через мгновение — в «женщину» «лет под сорок, странно маленького роста и с бельмами на обоих глазах» (II, 306). По мнению одного исследователя, «“девочка с плетеной кошелкой”, внезапно оборачивающаяся Бабой-Ягой, толкает читателя в сказочную стихию, и недобрая, зловещая эта сказочность становится… неотъемлемой частью

---

[1] При анализе произведений Солженицына учитываются как народные, так и литературные сказки, русские и других народов.

[2] *Солженицын А.И.* Рассказы и Крохотки // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 248; далее ссылки на это издание приводятся в скобках; римские цифры означают тома, арабские — страницы.

[3] См.: Русская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. С. 337–340.

картины советского “полумира”»[4]. Именно эта загадочная, в миг состарившаяся «девочка» сообщает Иннокентию и Кларе «необычное» (II, 306) название деревни, отсылающее читателя к евангельскому нарративу о рождении Спасителя. В том же романе «император земли» (II, 150) Иосиф Сталин, жаждущий бессмертия и вечной власти над человечеством, сатирически уподоблен Кощею: «А там, может быть, найдут средство такое, лекарство, чтобы сделать хоть его одного безсмертным?.. <…> Как же бросить человечество?» (II, 150). «Уж, кажется, все было сделано для безсмертия» (II, 155). Советский вождь сравним и с другими зловещими сущностями из сказочного мира, теперь уже не русского, а чужеземного: «Сталин у Солженицына предстает традиционным готическим злодеем вампирического толка… Точно вампиру, ему ненавистен солнечный свет, подобно графу Дракуле, он проводит светлое время суток в глубоком сне»[5].

В повести «Раковый корпус» (1963–1967) врач Вера Гангарт ассоциируется с образом спящей красавицы, героини любимого ею одноименного балета П. Чайковского, созданного по мотивам сказки Шарля Перро (1697). Слушая балетную музыку знаменитого композитора, Вера осмысливает свои романтически-платонические отношения с бывшим узником ГУЛАГа Олегом Костоглотовым, пациентом онкологической клиники, в которой она работает: «Шло адажио, потом “появление Фей”. Вега слушала, но не за себя. Она хотела представить, как должен был это адажио слушать с балкона оперного театра вымокший под дождём, распираемый болью, обречённый на смерть и никогда не видавший счастья человек» (III, 291). В балете принцесса Аврора пробуждается от зловещего сна, когда принц Дезире касается её губ своими губами. Во многом возродив Верино «уснувшее» за годы войны и сталинских репрессий ощущение себя как женщины, Олег так и не решился поцеловать ее, сделав это лишь в прощальном письме на последних страницах повести: «…Я открою вам: и тогда, когда мы говорили о самом духовном, и я честно тоже так думал и верил, мне всё время, всё время хотелось — вскинуть вас на руки и в губы целовать!» (III, 444).

Сказочные мотивы и подтексты присутствуют и в рассказе «Как жаль» (1965), действие которого происходит в последние годы правления Сталина. Автобиографическая основа рассказа изложена в опыте художественного исследования «Архипелаг ГУЛАГ» (1964–1968; часть 6, глава 5): Солженицын, только что закончивший лагерный срок, рассказывает о встрече с семидесятитрехлетним «стариком» (VI, 360), известным в прошлом инженером-гидрографом Владимиром Александровичем Васильевым. Перед

---

[4] *Заломкина Г.В.* Полумир, розенкрейцеры и госужас: готическая интерпретация советской действительности в романе А. Солженицына «В круге первом» // Вестник СамГУ. 2005. № 4. С. 109.

[5] Там же. С. 108.

читателем предстает отсидевший 15 лет в гулаговских тюрьмах и лагерях ученый, мечтающий «отбывать ссылку и умереть» (VI, 361) в родных местах, в Семиречье.

Центральный персонаж рассказа «Как жаль» — дочь инженера Анна Модестовна (Аня), с которой и происходит невероятное, отвечающее сказочным канонам приключение на одном из московских бульваров. Героиня приходит туда в пятнадцатиминутный перерыв в учреждении, где стояла в очереди за справкой (возможно, хлопотала за отца): «Ждать на лестнице не хотелось, и Анна Модестовна спустилась на улицу. <…> По середине улицы нежно серел приподнятый бульвар, и Анна Модестовна перешла туда» (I, 259). Молодая женщина на короткий миг выпадает из удручающей повседневности, сбрасывает груз казенно-бумажных тревог и наслаждается свежестью последождевого дня, любуется намокшими деревьями и «палыми листьями» (I, 259): «…отдыхала грудь меж двух дорог перегоревшего газа» (I, 259).

На бульваре Анна Модестовна ведет себя по-детски непосредственно и даже игриво: «…стала пальцы подводить под капельки и снимать их» (I, 259). Ее пугает проходящий мимо прохожий, одежда и портфель которого, а также его самоуверенная манера держаться свидетельствуют о том, что это — человек власти, представитель советского аппарата: «Это был с явною печатью образования молодой человек с ярко-жёлтым набитым портфелем, в мягкошерстном цветном пальто и ворсистой шапке, смятой в пирожок. Только в столице встречаются такие раннеуверенные, победительные выражения» (I, 260). Однако прохожий не обращает внимания на трепетную героиню.

Продолжая прогуливаться по бульвару, Анна Модестовна случайно замечает статью «Новая жизнь долины реки Чу», напечатанную в газете «Труд», которая вывешена на газетном щите. Автор статьи, «корреспондент нескупого пера» (I, 260), повествует о масштабных гидротехнических преобразованиях долины, щедро используя казенные клише и обороты: «Нашим инженерам не пришлось проводить заново доскональных обследований долины, её геологических слоёв и режима вод. Весь главный большой проект был закончен и обоснован трудоёмкими расчётами ещё сорок лет назад, в 1912 году, талантливым русским гидрографом и гидротехником Модестом Александровичем В*… <…> Но при косном царском режиме, далёком от интересов народа, его проекты не могли найти осуществления. <…> Как жаль!.. как жаль, что молодой энтузиаст не дожил до торжества своих светлых идей!..» (I, 260, 261).

Заметка вызывает сильный отклик в душе молодой женщины: речь в ней идет о ее малой родине, Семиречье, и об ее отце, который, вопреки мнению велеречивого газетчика, жив и находится на этапе распределения в вечную ссылку после долгих лет лагерей. Преодолевая страх, Анна Модестовна сры-

вает газету. Этот «неприличный» (I, 261) поступок замечен находящимся неподалеку милиционером, который после краткого расследования отпускает героиню, разрешив ей забрать с собой драгоценный номер газеты советских профсоюзов.

В произведениях Солженицына представлена своя, оригинальная схема сказочной топографии. Волшебное пространство, как правило, изолировано, спрятано. О «топографической модели» затерянного места в рассказах и романах Солженицына писал английский литературовед Майкл Николсон: «И что представится страннику, догадавшемуся попасть на такое место? Скорее всего, пространство непритязательное, разоренное или заброшенное, но одновременно чем-то милое. И рано или поздно желаемое место предстанет в истинном свете, как родной очаг, хранилище забытой мудрости, источник цельности и выздоровления. Хоть на короткое время оно наполнится высоким этическим, религиозным и историческим смыслом»[6]. Зачастую такое место становится для персонажей Солженицына убежищем, приютом и существует как бы отдельно от советских социально-политических реалий. Подобного рода локусами являются деревни Высокое Поле и Тальново в рассказе «Матрёнин двор» (1959) и озеро Сегден из одноименной «крохотки» писателя (1958–1963). Бульвар, по которому гуляет Анна Модестовна, тоже предстает как некая укромная, тайная — и таинственная — обитель чудес.

Классический исследователь русского фольклора В.Я. Пропп отмечает, что одним из «признаков сказки» является «необычайность события (фантастического, чудесного или житейского)»[7], другими словами, — осуществление чуда. Во время прогулки с Анной Модестовной случаются два чуда: *чудо спасения* — она неожиданно избегает наказания со стороны правоохранительных структур в лице патрульного — и *чудо исполненного желания* — милиционер, противно служебному долгу, но согласно сказочным канонам, разрешает героине унести газетную страницу. Вместо того чтобы наложить на Аню денежное взыскание или подвергнуть ее более суровой каре («О, если только штраф! Она боялась — будет хуже истолковано!» (I, 262)), он становится помощником героини в деле *спасения* ее отца — третье чудо, пока еще не осуществленное. Среди исторического зла, охватившего всю Россию и ее столицу, — арестов, расстрелов и всеобщей бесчеловечности, — этот «нежный» и «приподнятый» над Москвой бульвар предстает надмирным пространством, удлиненным по форме островом природной красоты, в котором осуществляется акт бес-

---

[6] *Николсон М.* Дом и «Дороженька» у Солженицына // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. М.: Русский путь, 2005. С. 274–275.

[7] *Пропп В.Я.* Русская сказка. М., 2008. С. 23.

корыстной помощи одного человека другому. Это место победы добра над злом — в мире зла.

Подъем на бульвар — это вхождение в сказочное измерение, где Анна Модестовна перевоплощается в Аню (уменьшительно-ласкательный вариант имени впервые употреблен в тексте именно в момент появления героини на бульваре). Она словно уменьшается в росте и молодеет, обретая в результате этого преображения непосредственное, детское восприятие окружающего. Аня приостанавливается, пораженная «серебристо-белыми» (I, 259) капельками, оставшимися на ветках деревьев после дождя: «Ветра не было, и вся густая сеть коричневых и черноватых влажных... — Аня остановилась — ...вся сеть ветвей, па́ветвей, ещё меньших веточек, и сучочков, и почечек будущего года, — вся эта сеть была обнизана множеством водяных капель… <…> Так Аня забылась и стала охотиться за каплями покрупней, принимая и принимая их то на ноготь, то на мякоть пальца» (I, 259–260). Аня соприкасается со стихией «влаги» (I, 259), то есть воды, которая в сказочном мире обладает волшебными свойствами. Там существует мертвая вода, приносящая смерть, и живая вода, плодотворная и целительная («Безручка», «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде»). Водяные капельки, которыми играет героиня, суть «живые»: отвлекая ее от тревог, они лечат Анины душевные раны и «омолаживают» ее саму.

Анина игра в «капельки» не только иллюстрирует «детскость» этого персонажа, но и расширяет пространственную перспективу бульвара: «…Аня стала пальцы подводить под капельки и снимать их. <…> Волнистый рисунок пальца виделся через каплю крупнее, чем рядом, капля увеличивала, как лупа. Но, показывая сквозь себя, та же капля одновременно показывала и над собой: она была ещё и шаровым зеркальцем. На капле, на светлом поле от облачного неба, видны были — да! — тёмные плечи в пальто, и голова в вязаной шапочке, и даже переплетение ветвей над головой» (I, 259–260). «Капельки», создающие эффект объемного зрительного ракурса, многомерного, всеобъемлющего простора, символизируют природу Аниного мировидения, ее способность воспринимать мир всеохватно и полно, отражаться в нем, как в «зеркале». «Капельная» игра героини отсылает читателя к роману-эпопее Льва Толстого «Война и мир» (1864–1869), а именно к образу водяного шара-глобуса, который снится Пьеру после смерти Платона Каратаева: «Глобус этот был живой, колеблющийся шар, не имеющий размеров. Вся поверхность шара состояла из капель, плотно сжатых между собой. И капли эти все двигались, перемещались и то сливались из нескольких в одну, то из одной разделялись на многие. Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другие, стремясь к тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались с нею»[8]. И в случае

[8] *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1940. Т. 12. С. 158.

Ани, и в случае Пьера капля — образ гармонического слияния человека с миром, растворение личностного в целостности мироздания. В воображении этих двух персонажей каждая капля самодостаточна, но в то же время частица единого космоса.

Ане, смотрящей в «шаровое зеркальце» (I, 259) капли, открыта небесная высь, доступна духовная высота. Неслучайно малая родина этой дочери безвинно осужденного человека — долина реки **Чу**, волшебная страна со**чу**вствия, **чу**ткости и **чу**да, которое она видит в природе и ожидает от общения с людьми даже в условиях жестокой исторической реальности. Бульвар для нее — это тоже волшебный мир, где она ведет и чувствует себя спонтанно и естественно, как ведут себя дети. Она всецело и органично принадлежит ему. Однако войти в такой мир может не каждый. Спугнувший Аню прохожий с портфелем лишь шествует сквозь него, не ощущая царящей здесь гармонии. Подобно черствому взрослому, оказавшемуся в мире ребенка, он не видит многомерности, яркости и красоты этой маленькой волшебной вселенной: «…он был из тех, кто замечает на улице только свободное такси или табачный киоск» (I, 260). Прохожий-чиновник существует в иной, сталинско-бюрократической реальности и не способен проникнуть в сказочное измерение воображения и добра. Именно поэтому он «не видел ни забавы Анны Модестовны, ни её самой» (I, 260). Сказочное не может быть постигнуто бытовым, повседневным сознанием, а требует уникальности и сверхчувственности мировидения.

Интересна и фигура милиционера. В отличие от прохожего, он, как и Аня, вхож в сказочный мир. В описании этого персонажа подчеркивается его высокий, сказочно-великанский рост. Патрульный — настоящий, вернее волшебный, гигант: «он строго над ней высился»; «смотрел на неё сверху» (I, 261–262). «Рослость» милиционера и его физическая сила придают этому образу фольклорный размах. Патрульный сравним с богатырем, былинным героем-спасителем: «По широконосому румяному лицу его и рукам было видно, какой он здоровый — вполне ему вытаскивать людей с пожара или схватить кого без оружия» (I, 261–262). На его фоне Аня как бы еще раз уменьшается в размерах, еще больше напоминая ребенка. Страж порядка напоминает известного персонажа детских стихов, милиционера-великана дядю Степу, всегда окруженного детьми и отличающегося добродушием и готовностью прийти на помощь: «Дядя Степа с тротуара / Достает до чердака. / Сквозь огонь и дым пожара / Тянется его рука»[9]. Да, именно *пожара*!

Общение Ани с милиционером перекликается с часто присутствующей в сказках сюжетной ситуацией, когда юная девушка встречает огромного и

---

[9] *Михалков С.В.* Дядя Степа — милиционер.

Аналогию милиционер — дядя Степа проводит и англо-американский славист Ричард Темпест, который выявляет сатирически-полемическую связь рассказа со стихотворением Михалкова (см.: *Tempest R.* The Geometry of Hell (book manuscript)).

на первый взгляд страшного монстра, пугается его, но, осознав скрытую за безобразной или угрожающей внешностью доброту, просит его о помощи. В частности, разговор двух действующих лиц воспроизводит модель общения персонажей — младшей дочери отца и чудовища — в сказке С.Т. Аксакова «Аленький цветочек» (1858). За исключением романтической ауры, которой проникнуто это произведение, рассказ Солженицына включает все основные композиционные составляющие аксаковской сказки.

Как отмечает Е.М. Мелетинский, «почти любая сказка начинается с описания семьи… в которой, как правило, есть родители и дети. <…> Родственники и свойственники составляют основное ядро персонажей волшебной сказки»[10]. И в сказке Аксакова, и в рассказе Солженицына семейный фактор является главенствующим. В центре повествования — родственная взаимосвязь дочь — отец. Сама встреча молодой героини с чудовищем («зверем лесным» и милиционером) обусловлена желанием любящей дочери выручить отца из беды. Героиня сказки Аксакова спасает отца от смертной кары, ожидающей его за кражу волшебного цветка из сада страшного зверя: «Благослови меня, государь мой батюшка родимый: я поеду к зверю лесному, чуду морскому, и стану жить у него. Для меня достал ты аленький цветочек, и мне надо выручить тебя»[11]. Аня, как мы видели, срывает газету, подвергает себя опасности, с тем чтобы вызволить отца из темного царства ГУЛАГа после двадцати лет страданий в тюрьмах и лагерях: «А сейчас, при этапе на вечную ссылку, он подавал заявление самому Берия, прося сослать его в долину реки Чу. Но его сунули не туда, и комендатура теперь никак не приткнёт этого безполезного старичка: работы для него подходящей нет, а на пенсию он не выработал» (I, 263).

Обе героини при встрече с чудовищем сначала испытывают страх, но вскоре замечают его доброту и отзывчивость к чужому несчастью: «Вздрогнула сначала молодая дочь купецкая, красавица писаная, услыхав голос зверя лесного… Видно, зверь лесной, чудо морское, на меня не гневается, и будет он ко мне господин милостивый. <…> Скоро страх ее совсем прошел»[12] // «Как опалённая (она сильно умела пугаться, а милицейский свисток её и всегда пугал), Аня выдернула пустую руку, обернулась… <…> (Да он совсем не злой!)» (I, 261–262).

Очевиден и момент учтивости и услужливости мужских персонажей по отношению к дочерям-спасительницам, несмотря на авторитарный статус этих на первый взгляд страшных фигур — «зверя лесного» как хозяина ко-

---

[10] *Мелетинский Е.М.* Структура волшебной сказки. Традиция — текст — фольклор: типология и семиотика. М.: Изд-во РГГУ, 2001. С. 138, 140.

[11] *Аксаков С.Т.* Аленький цветочек. Цит. по: URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_s_t/text_0040.shtml (дата обращения: 15. 09. 2015).

[12] Там же.

ролевства и постового как представителя советских правоохранительных органов, которые часто вели себя как органы карательные. И в том и в другом случае герои смягчают голос, дабы не испугать героинь: «Не господин я твой, а послушный раб. Ты моя госпожа, и все, что тебе пожелается, все, что тебе на ум придет, исполнять я буду с охотою. <…> Стала она его о том молить и просить; да зверь лесной, чудо морское, не скоро на ее просьбу соглашается, испугать ее своим голосом опасается»[13] // «Не давая силы голосу, милиционер спросил: — Это что ж, гражданка? Будем двадцать пять рублей платить?.. <…> Протокол нужно составлять. И штрафовать... Ладно уж, последний раз, берите скорей, пока никто не видел...» (I, 262).

В своем общении с милиционером Аня тактична и терпелива, опять же согласно правилам сказочного мира. Героиня не жалуется и не лжет, не настаивает на своих интересах (она даже предлагает повесить газету обратно), а проявляет искренность и смирение и тем самым как бы подчиняет милиционера — стража порядка — своим чарам. Как отмечает Мелетинский, «предварительное испытание имеет характер не сурового ритуального искуса, а проверки некоторых качеств героя или знания им довольно элементарных норм поведения. Герой должен проявить доброту, скромность, сообразительность, вежливость, а чаще всего — знание своеобразных правил игры… В предварительном испытании герой обнаруживает свои истинные качества и тем заслуживает получение чудесного средства…»[14]. В сказке «Аленький цветочек» «лесной зверь» превращается в прекрасного принца, возлюбленного героини, а в рассказе «Как жаль» милиционер становится Аниным сообщником: «…берите скорей, пока никто не видел…».

Согласно типологии сказочных персонажей, предложенной Проппом, постовой выступает в качестве «дарителя», «волшебного помощника»[15]. Даритель «всегда встречен случайно, и у него герой выслуживает себе или как-нибудь иначе добывает волшебное средство. Обладание волшебным средством предопределяет удачу и развязку»[16]. Вспомним, что Аня считает статью *чудо*действенной. Пропагандистская агитка, таким образом, играет роль «волшебного средства», при помощи которого персонаж может добиться заветной цели: «Бегом к маме! Скорей прочесть вдвоём! Как только папе назначат точное жительство, мама поедет туда и повезёт сама газету» (I, 263).

По Проппу, «даритель встречен случайно, но магическая оснащенность героя — не случайность. Она заслужена им. …Высокие моральные качества героя — не придаток, они органически входят в логику и построение

---

[13] Там же.

[14] *Мелетинский Е.М.* Указ. соч. С. 18.

[15] Там же. С. 197, 204.

[16] Там же. С. 197.

повествования»[17]. Именно в этом смысле образ Ани обретает свое тайное сказочное измерение, становится народно-собирательным. Читателю ясно, что героиня рассказа — взрослая женщина, любящая мать и в то же время исполненная чувством заботы об отце дочь. Однако в сказочном подтексте повествования Анна-Аня фигурирует и как маленькая девочка, что явствует из ее поведения, восприятия окружающего и некоторых особенностей речи. В отличие от «большой» Анны, «маленькая» Аня игрива и любопытна, совсем по-детски сосет пораненный о стекло палец, при этом по-взрослому — по-матерински — понимая, что «ведет себя, как пристало её младшему сыну» (I, 260). В разговоре с милиционером Аня просит позволения уйти не как взрослый человек, имеющий дело с представителем власти, а скорее как провинившийся ребенок: «если вы разрешите»; «можно мне идти?» (I, 262–263). Она честно признается, почему сорвала газету: «Тут о папе моем!..» (I, 262); «Вы не представляете, какая это радость для мамы и папы!» (I, 263). Несмотря на то что Анин собеседник — взрослый мужчина, наделенный официальными полномочиями, речь героини лишена «взрослости» и «официальности» (не отец, а «папа», не мать, а «мама»).

В русской литературе городское и бульварное пространство нередко осмысливается в волшебном либо фантастическом преломлении. На Патриарших прудах в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1929–1940) происходит необыкновенная встреча двух литераторов, Берлиоза и Бездомного, с дьяволом, в результате которой однофамилец знаменитого композитора (создателя *Фантастической* симфонии и оперы «Осуждение *Фауста*») в буквальном смысле теряет голову. Разбитый в начале XIX века вокруг этого места сквер первоначально назывался «бульвар Патриаршего пруда». Однако в рассказах и романах Солженицына нет фантастических персонажей и происходящих *наяву* фантастических событий. Сказочно-волшебное в произведениях писателя присутствует не на поверхности повествования, а скрыто под ним. Причем подобные Аниному бульвару островки волшебства и доброты встречаются не только в черте города, а также — и даже чаще — за его пределами, в сельской и даже в неизведанно-лесной местности. Таким местом является затерянное среди «замкнутого леса» (I, 534) озеро Сегден, околдованное «злодеем косоглазым» (I, 535) — советским чиновником, обладающим «земной властью» (I, 534) и «захватившим» (I, 535) этот уголок в свое единоличное пользование: «И заложены все дороги к нему, как к волшебному замку…» (I, 534). Или возьмем «избушку перекособоченную» (I, 118) в рассказе «Матрёнин двор», которая является доброжелательным (в смысле «добро пожаловать») вариантом избушки на курьих ножках, ибо живет в ней не злая Баба-яга, а праведница Матрена. Речь Матрены, как сообщает нам ее постоялец, Игнатьич, «начиналась каким-то низким тёплым мурчанием,

[17] *Мелетинский Е.М.* Указ. соч. С. 204.

как у бабушек в сказках» (I, 122). Пропп пишет, что «яга — очень сложный и далеко не однозначный персонаж»[18], и наряду с его отрицательными ролями выделяет «доброжелательный тип яги — дарительницы и советчицы»[19].

Пропп также замечает, что «события сказки совершаются как бы вне времени и пространства»[20]. В рассказе Солженицына «Как жаль» сказочный код введен в конкретное, узнаваемое историческое время — позднесталинский период — и в пространство конкретного, узнаваемого города — Москвы. На этом пересечении сказочного и реально-исторического начал добро одерживает маленькую победу над злом. «Жалость», сострадание оказываются сильнее норм поведения, которым обязаны следовать живущие в сталинском царстве-государстве люди — подданные и стражи. Это светлое и бескорыстное чувство сродни любви детей к родителям и родителей к детям: «Тут о папе моём!..<…> …Постовой понял её и пожалел за палец…» (I, 262).

---

[18] Там же. С. 196.

[19] Там же. С. 197.

[20] Там же. С. 14.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

ПРЕМИЯ 2016[1]

Решение жюри

Литературная премия Александра Солженицына 2016 года решением жюри от 24 февраля 2016 присуждена Григорию Михайловичу Кружкову за энергию поэтического слова, способного постичь вселенную Шекспира и сделать мир англоязычной лирики достоянием русской стихотворной стихии; за филологическое мышление, прозревающее духовные смыслы межъязыковых и межкультурных связей.

Павел Басинский
Борис Любимов
Виктор Москвин
Валентин Непомнящий
Людмила Сараскина
Александр Солженицын
Наталия Солженицына
Никита Струве

О лауреате

Григорий Михайлович Кружков — русский поэт, эссеист, переводчик поэзии, теоретик перевода, исследователь англо-русских литературных связей, лауреат Государственной премии России в области литературы (2003) — родился 14 сентября 1945 года в Москве. Окончил физический факультет Томского государственного университета и аспирантуру по физике высоких энергий (Протвино).

---

[1] Об истории Литературной премии Александра Солженицына и ее лауреатах за 1998–2012 годы см.: Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 251–302; о премиях за 2013–2015 годы см. соответственно: Там же. М., 2013. Вып. 2. С. 237–252, М., 2014. Вып. 3. С. 181–201, М., 2015. Вып. 4. С. 138–152. — *Ред*.

В 1971 году опубликованы его первые переводы из Теофиля Готье и Эдгара По. В 1992–1994 годах был редактором отдела поэзии журнала «Огонек». В 2000 году защитил диссертацию в Колумбийском университете (Нью-Йорк) на тему «Communio poetarum: W.B. Yeats and Russian Neoromanticism» и получил степень доктора философии (PhD) по русской литературе. С 2001 года преподает в РГГУ, профессор Института филологии и истории по кафедре теории и практики перевода.

Кружков — автор семи книг стихов, в том числе «На берегах реки Увы» (2002), «Гостья» (2004), «Новые стихи» (2008), «Двойная флейта: избранные и новые стихи» (2012). Один из крупнейших современных переводчиков англоязычной поэзии на русский язык. В переводах Кружкова вышли сборники стихотворений Томаса Уайетта, Джона Донна, Джона Китса, Уильяма Йейтса, Джеймса Джойса, Роберта Фроста, Уоллеса Стивенса, Спайка Миллигана, Шеймаса Хини.

В 2013 году опубликованы пьесы Шекспира «Король Лир» и «Буря» в новых переводах Кружкова. Постоянный участник заседаний Шекспировской комиссии РАН, он выразил свое видение спорного вопроса о «шекспировском авторстве» в статьях «Проделки вундеркиндов» (2002) и «Словарь Шекспира: мифы и цифры» (2007).

В 2014-м в «Золотой серии поэзии» вышла антология «Тысяча лет ирландской поэзии», где большая часть стихотворений переведена Кружковым.

Литературоведческие исследования и эссе Кружкова: «Ностальгия обелисков. Литературные мечтания» (2001); «Лекарство от Фортуны. Поэты при дворе Генриха VIII, Елизаветы Английской и короля Иакова» (2002); «Пироскаф. Из английской поэзии XIX века» (2008); «У.Б. Йейтс: Исследования и переводы» (2008); «Луна и дискобол. О поэзии и поэтическом» (2012); «Очерки по истории английской поэзии в 2 томах» (2015).

Кружков получил признание и как детский писатель. Он автор более двадцати книг для детей, переводных и оригинальных, в том числе: «Чашка по-английски» (1991, 1993), «Посыпайте голову перцем» (1994), «Неуловимый ковбой» (1995), «Сказки Биг-Бена» (1993), «Единорог» (2003), «Рукопись, найденная в капусте» (2007). Международный совет по детской и юношеской литературе ЮНЕСКО (International Board on Books for Young People) отметил его Почетным дипломом премии Г.Х. Андерсена (1997), а его книга «Нос картошкой: Сказки о кладах, ковбоях, поросятах в Стране Рутабага» (2006) была удостоена премии Московской международной книжной выставки-ярмарки «Лучшая книга года».

В 2015 году Г. Кружков был избран Почетным доктором литературы (Litt.D.) Тринити-колледжа (Дублин, Ирландия).

Беседа П.В. Басинского с Г.М. Кружковым

Незадолго до объявления имени лауреата член жюри Павел Басинский взял у Григория Кружкова интервью[2]. Разговор их шел не о премии (Г.К. еще не знал, что станет ее лауреатом), а о Шекспире, Джоне Донне, русско-английских связях, мастерстве перевода, поэзии и о многом другом.

Павел Басинский: В этом году весь мир отмечает 400-летие памяти Уильяма Шекспира. Вы сделали новые переводы «Короля Лира» и «Бури», хотя уже существуют переводы «Короля Лира» Щепкиной-Куперник, Пастернака и других. «Бурю», кроме Щепкиной-Куперник, переводил замечательный поэт Михаил Кузмин. В чем, на ваш взгляд, смысл новых переводов? И второй вопрос, который нельзя не задать. Какова ваша позиция в старом и бесконечном вопросе об авторстве пьес Шекспира? Пьесы Шекспира написал Шекспир?

Григорий Кружков: Смысл новых переводов я уже пытался с разных сторон объяснить в своих статьях, сопровождающих «Короля Лира» и «Бурю». Это ни в коем случае не соперничество. Пастернаковский «Король Лир» для меня непререкаемая высота; но этому переводу уже семьдесят лет. Это отнюдь не значит, что перевод устарел — наоборот, великие переводы не устаревают; это значит только, что возможность сделать еще одну попытку созрела. Помните, как Шекспир в своем завещании оставил жене «вторую по качеству кровать»? Вот так я ставил своей целью сделать «второй по качеству» перевод «Короля Лира», не более того. А сам труд для меня оправдан, прежде всего, моей особой, пристрастной любовью к этой пьесе… Подробней я объясняю в своих статьях; но если сказать одним словом, и «Король Лир», и «Буря» — пьесы прощания, в них есть много общего. И там и здесь в центре — могущественный старец, король или волшебник, который добровольно отказывается от своей власти (Король Лир отдает корону, Просперо швыряет в море свои книги и жезл волшебника), чтобы принять назначенную ему судьбу смертного. Известно, что Лев Толстой ожесточенно критиковал «Короля Лира», отвергал его как бессмыслицу, а сам в конце жизни чуть ли не буквально повторил судьбу Лира. Поставим здесь многоточие; мои статьи нетрудно найти в сети, они были опубликованы в журнале «Новая юность», а потом в книге.

Что касается вопроса об авторстве, то я тут неколебимый стратфордианец. Я согласен с Борисом Пастернаком: совершенно непонятно, зачем «простоту и правдоподобие шекспировской биографии заменять путаницей выдуманных тайн, подтасовок и мнимых раскрытий». Моя критика гилилов-

---

[2] *Басинский П.* Мосты и бездны // Российская газета. 2016. 1 марта. № 43. С. 14.
Полный текст см.: URL: http://rg.ru/2016/02/29/perevodchik-grigorij-kruzhkov-bez-svoej-krovi-nichego-ne-poluchitsia.html (дата обращения: 01.09.2016).

щины и тому подобных «теорий» — в статьях «Шекспир без покрывала» и «Проделки вундеркиндов».

П.Б.: Почему великий английский поэт, современник Шекспира, пришел в Россию так поздно? Фактически это имя стало известно благодаря роману Хемингуэя «По ком звонит колокол», эпиграфом к которому были строки из него. Его известности в России способствовало и то, что его поэзией увлекался молодой Бродский, перевел несколько его стихотворений и написал одно из лучших своих ранних стихотворений «Большая элегия Джону Донну». Вы — крупнейший в России специалист по Донну. Почему Донна открыли в России так поздно? У него и с родной Англией были проблемы? Ведь при жизни его не печатали?

Г.К.: Почему так поздно? Наивный вопрос для того, кто знает принципы книгоиздания зарубежной литературы в советский период. Что издавать, что нет, что допускать, что запрещать — было вопросом идеологическим. Это решали облеченные доверием партии зубры марксистского литературоведения. Допустимыми признавались очень немногие авторы — те, которые были признаны «прогрессивными». Скажем, английские романтики были разделены на три категории: революционные, реакционные и «ни то ни се». Революционных (Байрон, Шелли) можно было издавать (понемногу!), реакционных (Вордсворт, Кольридж, Саути) — ни в коем случае. А тех, которые ни то ни се (прежде всего Джона Китса), нежелательно… Но режим ветшал, и постепенно нормальным филологам и переводчикам удавалось протолкнуть новое, ранее запрещенное имя; каждый раз это была победа. Огромным свершением была «Библиотека всемирной литературы», энтузиастам которой удалось донести до читателей десятки и сотни неизвестных доселе советскому читателю имен. Вот тогда-то и появились переводы Китса, Вордсворта, Саути и так далее, — хотя до отдельного издания им еще пришлось ждать много лет. Джон Донн — поэт придворного круга, метафизический (!) и религиозный (!!) — помилуйте, кто бы его разрешил издавать в глухую советскую эпоху. Повторяю, его «пробили» энтузиасты, и процесс «пробития» был ой какой длинный.

По стечению обстоятельств Борису Томашевскому в Ленинграде удалось опубликовать книгу Донна, но это была, по единодушному мнению знатоков, малоудачная книга. Томашевским с самого начала был взят неверный тон; он максимально «облегчил» Донна, тем самым сделав его похожим на кого угодно, но только не на основателя метафизической школы в английской поэзии. Совсем другое дело — переводы Сергеева и Бродского. Андрей Сергеев перевел лишь пять стихотворений Донна, но совершенно замечательно; переводы Иосифа Бродского (семь стихотворений), я думаю, рекламировать излишне. Но, как вы совершенно верно заметили, породнили Донна с рус-

ской поэзией даже не переводы Бродского, а его гениальная «Большая элегия Джону Донну».

Что касается судьбы Донна на родине, то при жизни он сам не печатал своих стихов, вполне удовлетворенный их распространением в списках среди друзей и поклонников. Посмертное издание 1633 года оказало большое влияние на поэзию XVII века; но уже через сто лет сменились вкусы, и барочная поэзия Донна оказалась невостребованной в эпоху классицизма. В XIX его вообще перестали вставлять в антологии английской поэзии, лишь на рубеже XX века Джона Донна снова вспомнили и оценили по заслугам.

П.Б.: Поговорим о проблемах поэтического перевода. Я понимаю: это тема бездонная. Что важнее: максимально точная передача оригинала или самовыражение? Однажды я был поражен, когда прочитал перевод стихотворения Киплинга «Томлинсон» А.И. Оношкович-Яцыны, русской переводчицы 20–30-х годов XX века. Я знал оригинал. У Киплинга это скорее сатира на англичанина, который ни грехов серьезных не совершил, ни добра не сделал, и вот после смерти его ни в ад, ни в рай не пускают. У Оношкович-Яцыны это мощное, трагическое стихотворение о неприкаянной душе. И я бы сказал, что ее вариант… сильнее стихотворения Киплинга.

Г.К.: Разговор про перевод бесконечен. Тема точно бездонная. Все-таки попробую ответить по пунктам. Что важнее? И то и другое, эти вещи не мешают, но помогают друг другу. Сначала переводчик старается как можно точнее уяснить себе замысел поэта и средства, которые он используют, а затем повторяет — уже от себя — творческие усилия автора. Это похоже на искусство актера — или импровизатора. Помните из «Египетских ночей» Пушкина? Чарский, выслушав импровизацию итальянца, восклицает, пораженный: «Как! Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностию, как будто вы с нею носились, лелеяли, развивали ее беспрестанно… Удивительно, удивительно!..»

«Всякий талант необъясним, — отвечает тот. — …Никто, кроме самого импровизатора, не может понять эту быстроту впечатлений, эту тесную связь между собственным вдохновением и чуждой внешнею волею…»

Так чужое делается своим. Там, самовыражаясь, переводчик (если он сам поэт) доносит самое существенное в произведении переводимого автора. Обязательно надо добавить собственную кровь, иначе стихи получатся анемичными, вялыми, безжизненными. В этом худшее предательство автора, потому что первое, что переводчик обязан передать, это поэтическая сила оригинального произведения. Без своей крови ничего не получится.

Что же касается случая с Киплингом и Оношкович-Яцыной, то у меня была об этом статейка (в книге «Ностальгия обелисков»). У переводов Ады Оношкович-Яцыны оказался добрый и тщательный редактор — великий рус-

ский переводчик Михаил Лозинский. Между ними был роман, который запечатлелся в переводах и в дневнике Ады. Вот одна фраза из этого дневника: «Я успела поспать, пока он поправлял моего Киплинга…» Все понятно? Мастер такого класса, «поправляющий» работы своей ученицы, делает фактически главную часть работы. И не только в «Томлинсоне». А помните ее перевод стихотворения «Boots» — «И только пыль, пыль, пыль, пыль — от шагающих сапог». У кого хватило смелости заменить солдатские бутсы оригинала, повторяющиеся бесконечно в рефрене, на лезущую в горло «пыль» русской версии? У меня почти нет сомнений. «По когтям узнают льва».

П.Б.: Из ваших слов я понимаю, что существует некая алхимия перевода, недоступная непосвященным. Но при этом с переводами бывают удивительные метаморфозы, как со стихотворением Киплинга «За цыганской звездой» («Мохнатый шмель на душистый хмель…») в вашем переводе. Положенное на музыку Андреем Петровым и исполненное Никитой Михалковым в фильме «Жестокий романс» Эльдара Рязанова, это стихотворение вдруг стало народным шлягером, и кто сейчас помнит, что это Киплинг и Кружков? А Кружкова в этом романсе не меньше, чем Киплинга. Вас это не задевает?

Г.К.: Я ведь не знал, что Рязанов и Андрей Петров сделали из моего перевода романс; я неожиданно услышал в кино свой текст, и для меня это был шок. Помню, мне показалось, будто корове подарили седло. Ничего, прошло время, я привык к мелодии и к исполнению. Некоторые даже верят, что это цыганская народная песня, хотя литературность там, мне кажется, лезет из всех щелей. Фраза «за цыганской звездой» оказалась удачным рефреном, хотя в оригинале было «иди за патераном», и словарь объясняет это загадочное слово как знак, оставляемый цыганами для своих сородичей: это может быть по-особенному сломанная ветка и тому подобное… Я решил не мучиться с патераном и оказался прав.

П.Б.: Что вы как оригинальный поэт думаете о состоянии современной поэзии? Кто-то считает, что у нас сейчас поэтический расцвет, подобный Серебряному веку. А мне, увы, кажется, что поэзия стала «клубной» и поэты читают друг друга.

Г.К.: Мы слишком близки к предмету, чтобы его разглядеть. Точнее сказать, мы находимся внутри предмета. Пройдет время, время отодвинется, а пока о таких вещах говорить можно только с величайшей осторожностью и с максимумом оговорок. Сравнить наше время с Серебряным веком? Начнем с того, что настоящий расцвет русской поэзии был не в Серебряном веке, а сразу после его окончания, в послереволюционную эпоху. Именно тогда вышли книги Гумилева («Костер» и «Огненный столп»), Ходасевича («Путем зерна»

и «Тяжелая лира»), Пастернака («Сестра моя — жизнь» и «Темы и вариации»), Мандельштама («Tristia»), Ахматовой («Подорожник» и «Anno Domini») и так далее. Сейчас есть немало поэтов, пишущих хорошие, порой удивительно хорошие стихи, но книг-событий — событий на годы, а не на несколько месяцев до очередного розыгрыша поэтических премий, — боюсь, нет или почти нет. Поэзия стала «клубной»? Действительно, на поэтических вечерах публику составляют почти сплошь поэты, но и тогда, сто лет назад, тиражи поэтических книг (то, о чем мы можем объективно судить) были примерно такими же, как сейчас, а значит, качественно мало что изменилось.

Церемония награждения

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
21 апреля 2016

Выступления: *Л.И. Сараскина, Б.Н. Романов, В.А. Губайловский*
Ответное слово: *Г.М. Кружков*

Л.И. Сараскина, член жюри:

Уважаемые гости! Дорогие друзья!

Литературная премия Александра Солженицына 2016 года присуждена Григорию Михайловичу Кружкову «за энергию поэтического слова, способного постичь вселенную Шекспира и сделать мир англоязычной лирики достоянием русской стихотворной стихии, за филологическое мышление, прозревающее духовные смыслы межъязыковых и межкультурных связей».

Я радуюсь, что жюри поручило прокомментировать премиальную формулу именно мне. С удовольствием скажу: имя и статус Григория Кружкова давно не нуждаются в комментариях, и мы вполне могли бы провести нашу встречу как вечер поэзии; то есть читали бы стихи и переводы лауреата, его дивные сказки и забавные лимерики, которые вовсе не всегда смешные бессмыслицы. И среди нас наверняка нашелся бы человек с гитарой, который спел бы романс на слова Киплинга в переводе Кружкова «За цыганской звездой», ставший русским шлягером, — да не шесть строф, как в «Жестоком романсе», а все двенадцать, как в оригинале.

Я бы первым делом прочитала замечательную философскую миниатюру «Мюнхенскому муравью»:

Я наклонился завязать шнурок.
И вдруг у ног открылся мне мирок,
несущийся куда-то с жуткой прытью;

как беженцы, спешащие к отплытью
последнего эсминца,
муравьи
бежали, подхватив тюки свои,
в каком-то неизвестном направленье...
Я замер, глядя в праздном изумленье
на малых сих, спешащих что есть сил
к далеким миражам.
Потом спросил
у одного из них, что мчался с краю:
— Куда бежишь ты?
— Юность догоняю, —
ответил муравьишка
и исчез.
Я выпрямился. На меня с небес
высокий Аполлон, склонясь над лесом,
взирал —
по сути, с тем же интересом[3].

И еще я бы прочитала стихи про первую встречу Кружкова с Иосифом Бродским, и про то, как Пушкин идет по вагонам электрички, декламируя «Я помню чудное мгновенье…», и конечно напомнила бы переводы любовных посланий Джона Донна и Эндрю Марвелла.

Но есть устав премии, есть традиции наших восемнадцати церемоний — так что я дерзаю обосновать выбор жюри.

Григорий Кружков — поэт-виртуоз, мастерски владеющий и буквой, и духом поэзии. И, восхищаясь его поэтическими погружениями в стихии родного и неродного языков, резонно предположить, что эта необычайная глубина уходит корнями в традиции семьи — если не прадедов, то по крайней мере отцов и дедов.

Однако отец Григория Михайловича служил в военном оркестре и играл на ударных инструментах, а мать работала воспитательницей в детском саду. В доме совсем не было библиотеки, и первыми товарищами Григория были не благовоспитанные мальчики, а завсегдатаи подмосковной уличной вольницы — болшевской, монинской, мытищинской, перловской. «В детстве я постоянно с ними общался»[4], — деликатно признается Кружков, имея в виду шайки местных хулиганов.

---

[3] *Кружков Г.* Двойная флейта: Избранные и новые стихотворения. М.: Воймега: Арт Хаус медиа, 2012. С. 199.

[4] *Кружков Г.* Тяга к сферичности / беседовала Е. Калашникова // Русский журнал. 2001. 1 ноября; [Электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/krug/20011101_kalash.html (дата обращения: 01.09.2016).

Все же судьба благоволила к нашему лауреату и вовремя, с самых малых лет, посылала ему нужные встречи и впечатления. Заглядывая в букварь через плечо двоюродного брата-первоклассника, трехлетний молодой человек научился читать. У соседей по даче нашел свои первые толстые и тонкие книжки. А позже подружился с сорванцом из богатого дома, где нашел всего Жюля Верна и жадно проглотил его.

Оглядываясь назад, видишь, как торопился жить, как экономил время своей юности Григорий Михайлович: поступил на вечернее отделение Московского энергетического института, проучился там два года, днем работая слесарем, а потом перевелся на физический факультет Томского университета.

Сегодня на сайте этого учебного заведения имя Григория Кружкова значится в рубрике «выдающийся выпускник 1967 года»[5]. Его физическое образование продлилось еще три года в аспирантуре Института физики высоких энергий в Протвино. «Это было время великого увлечения физикой»[6], — вспоминает Григорий Михайлович и признается, что до двадцати пяти лет считал себя физиком-теоретиком.

Как же случились в его жизни стихи и английские переводы? Как физик стал поэтом? Оказывается, добрый ангел в лице бывшего летчика, худого и поджарого, как шотландская овчарка, явился в пятый класс школы, где учился Григорий, ненадолго обернулся преподавателем английского языка и так впечатлил школьника, что тот навсегда влюбился в английский язык, а любовь, как известно, творит чудеса. Перевод песенки, известной с XVIII века каждому британскому ребенку, «Twinkle, twinkle, little star...» стал первым опытом Григория. То есть перевод английских стихов был, как выясняется, *первой* любовью Кружкова, еще до всякой физики и ее высоких энергий, и этой любви он никогда не изменял, а только — как талантливый юноша — смотрел на мир широко открытыми глазами и увлекался научной новизной.

Когда худой и поджарый ангел ушел из школы, маленькие англоманы продолжали «дуть на огонь» и говорить друг с другом на языке учителя. А позже из букинистического магазина явились Григорию Лонгфелло и Теннисон — стихи этих поэтов были посложнее колыбельной песенки о маленькой звездочке, их очень хотелось переводить, но не было ни наставника, ни литературной компании.

Казалось, первая любовь забылась, ее вытеснили наука о структуре и свойствах элементарных частиц, теория их взаимодействий и столкновений, ядерные реакторы и большие адронные коллайдеры. Но *вдруг* — именно вдруг — во время учебы в физической аспирантуре Григорий перевел с

---

[5] См.: Томский государственный университет. Физический факультет // URL: https://phys.tsu.ru/index.php? page=1060 (дата обращения: 01.09.2016).

[6] *Кружков Г.* Тяга к сферичности...

английского несколько стихотворений Джона Китса, и один из переводов был напечатан в «Иностранной литературе». Так состоялся дебют Кружкова-переводчика; его заметили и оценили, и образовались в его жизни еще два ангела — переводчица Ольга Петровна Холмская, которая нежно любила творчество Китса, и Аркадий Акимович Штейнберг, легендарный человек, высококлассный переводчик, которого интересовали едва ли не все языки мира. У Кружкова появились наставники и литературная компания.

Нельзя, однако, думать, что ему все доставалось легко, с налету. Процитирую одно из его признаний — о том, как он бился над переводами Йейтса: «По 5–10 раз я вклеивал одни варианты поверх других, исправлял до бесконечности... Надо было знать круг идей европейского символизма, Серебряный век, творчество современников Йейтса. У меня были просто жуткие пробелы в знаниях. Если бы я вырос в центре Москвы, на Якиманке или на Остоженке, то наверняка родители некоторых моих одноклассников были бы гуманитариями, и я бы невольно вошел в эту среду, узнал, по крайней мере, имена»[7].

Как знакомо мне (и, может быть, многим из нас) это восклицание — про центр Москвы и жуткие пробелы в знаниях!

Пробелы в знаниях Григорию пришлось устранять самостоятельно, учась в аспирантуре Колумбийского университета в Нью-Йорке. Там он защитил докторскую диссертацию по русскому и ирландскому символизмам и стал признанным специалистом по Уильяму Батлеру Йейтсу, великому ирландцу, основателю Ирландского национального театра, лауреату Нобелевской премии 1923 года, сенатору Ирландской республики, разными гранями своего таланта похожему на русских поэтов Серебряного века.

Но что общего с физикой высоких энергий было у английского романтика Китса и ирландца Йейтса?

Ответ очевиден: столкновение поэтических стихий разных эпох и разных культур способно рождать высокую художественную энергию — в случае, если за дело берется мастер. Став великолепным мастером перевода, но не утратив мощный интеллект физика-теоретика, Кружков увидит общие законы двух сфер деятельности: закон сохранения энергии и закон сохранения импульса. «Первое, что следует сохранить в художественном переводе, — это сила, энергия оригинала. Если хлесткий афоризм, если слово страсти или скорби будут переданы по-русски вяло, блекло, косноязычно, что изменится? Да абсолютно все! Остроумие станет плоскостью, нежность — наглостью, искренность — пошлостью. И все знаки текста изменятся на обратные. Большего предательства по отношению к оригиналу и вообразить невозможно. Слабый перевод никогда не может быть верен, это — *a priori*, до всякого детального рассмотрения. Так физик даже и не начнет рассчитывать

[7] Там же.

вероятность какого-нибудь события, если увидит, что оно *энергетически невозможно*»[8].

Это утверждение Кружкова прозвучит в эссе «Квантовая механика и поэтический перевод», размещенном в его замечательной книге «Англасахаб. 115 английских, ирландских и американских поэтов»; среди них — Шекспир и Джон Донн, Байрон и Шелли, Эдгар По и Эмили Дикинсон, и — неожиданные Генрих VIII со своими придворными пиитами, а также Елизавета I Английская, Мария Стюарт, Иаков IV. Пять веков англоязычной поэзии.

Сделать чужое своим, «одомашнить» чужое, не жалея собственной крови; стремиться пробить сердечную корку читателя до самых артезианских глубин — вот высокие принципы перевода по Кружкову. Главный ориентир в переводческом труде для него — Борис Пастернак, в переводах которого уже нет границы между чужим и своим, а есть непостижимая магия и чудо. Со временем окажется, что такой, казалось бы, бесспорный гигант, как Пастернак, достойный лишь благодарного признания и восхищения, нуждается в профессиональной защите — и эту роль Григорий Михайлович будет выполнять со страстью и азартом.

Все же в случае Кружкова этапу магическому предшествуют пристальное чтение, сопоставление и анализ текстов, толкование смыслов, кропотливая словарная работа. Все это сформировало в нем высококлассного филолога, автора книги «Ностальгия обелисков»[9], фундаментального исследования о Йейтсе[10], двухтомных «Очерков по истории английской поэзии»[11].

В филологических эссе Кружкова удивительным образом проявились три грани уникального таланта — это когда *исследователь* внушает *поэту,* что его *переводы* есть акт любви. «Какова причина переводов? Та же, что и в любви: влечение к прекрасному... Как человеку, видящему прекрасный образ, недостаточно только любоваться им, но восхищение постепенно переходит в стремление овладеть предметом восхищения, так и поэт, влюбляясь в чужое, но прекрасное творение, стремится сделать “не свое” своим, слиться с ним — и доказать свою силу, способность этим “не своим” овладеть... Овладеть, но и отдаться, добровольно умалив свою свободу... Эту метафору можно распространять бесконечно. Все, что присуще любви мужчины и женщины, все это можно увидеть в переводе. Самоутверждение, удальство. Не смутиться перед внешней неприступностью, добиться своего. Чем труднее

---

[8] Англасахаб: 115 английских, ирландских и американских поэтов / сост., пер. и коммент. Г.М. Кружкова. Псков: Псков. обл. тип., 2002. С. 482.

[9] *Кружков Г.* Ностальгия обелисков. Литературные мечтания. М.: Нов. лит. обозр., 2001. 704 с.

[10] *Он же*. У.Б. Йейтс: Исследования и переводы. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. 671 с.

[11] *Он же*. Очерки по истории английской поэзии: в 2 т. Т. 1: Поэты эпохи Возрождения; Т. 2: Романтики и викторианцы. М.: Прогресс-Традиция, 2015.

цель, тем заманчивей. Как в сказке, допрыгнуть на коне до высокой башни, разгадать загадки, справиться с невыполнимой задачей»[12].

Кружков убежден: никакой филолог не сможет так пристально вглядеться в каждое слово, прочувствовать все его смыслы и оттенки, как переводчик. Поэтому перевод — высшая форма прочтения поэзии. Поэтому столь естественно для Кружкова обратиться от поэтов английской «озерной школы» к творчеству Пушкина, от ирландца Йейтса к его русским современникам-символистам, от трагедии Короля Лира к судьбе Льва Толстого.

Итак, главный секрет Кружкова-переводчика, что он — поэт, влюбленный в свой родной язык, который под его пером чутко отзывается на мировую поэтическую мысль с ее высокой музыкой, хаосом страстей, абсурдом, смехом и скорбью.

> ...Для стихотворения, как для иконы, важна
> надышанность. Оно должно отвисеться,
> вписаться в какой-то умопостигаемый контекст,
> даже, если хотите, намозолить глаза.
> Такова метафизика красоты[13].

Стихи Кружкова надышались всей мировой литературой, они плоть от плоти его переводов, ведь переводы — это еще и тоска по далекому, это приключение мысли, плавание в неизвестность. «Переведенное стихотворение, — пишет Кружков, — есть дитя, у него двойная наследственность <...> Иногда говорят: переводчика не должно быть видно, он должен стать прозрачным стеклом. Но дети не рождаются от прозрачных родителей; чтобы зачать ребенка, нужны создания из плоти и крови»[14].

Алексей Вадимович Бартошевич, известный российский шекспировед, в предисловии к недавним переводам Кружкова «Короля Лира» и «Бури» сказал о нем так: «...переводчик Шекспира не может не быть поэтом... Кружков, прекрасный современный поэт, переводит Шекспира во всеоружии филологической учености, стремясь в точности передать малейшие оттенки подлинника. <...> Переводы Григория Кружкова легко и свободно ложатся на язык. Они подарят настоящее счастье актерам»[15].

Шекспир для Кружкова — основа и мерило всех его представлений об искусстве, так что перевод «Короля Лира» и «Бури» стал воплотившейся мечтой и высшей точкой мастерства. Вчитываясь в Шекспира, Кружков суще-

---

[12] *Он же*. Перевод и Эрос // Англасахаб... С. 490–491.

[13] *Он же.* Камень, или Третий анекдот о Уоллесе Стивенсе // Кружков Г. Двойная флейта.... С. 55.

[14] *Он же.* По ту сторону чуда, или Антисоветский 66-й // Шекспир У. Сонеты / пер. с англ., сост., предисл., ст. Г. Кружкова. М.: Изд-во «Э», 2015. С. 346.

[15] *Бартошевич А*. О шекспировских переводах Григория Кружкова // Шекспир У. Король Лир; Буря: пьесы. М.: Эксмо, 2013. С. 5–6, 7.

ствует на одной волне с автором и переводит не только слова, но и воздух, пространство вокруг слов. Вглядываясь в эпоху Шекспира, он решительно оппонирует всем тем, для кого Шекспир — не автор великих пьес и сонетов, а презренный самозванец. Споря с отрицателями, Кружков выдвигает аргументы столь же яркие и веские, сколь и неотразимые. Он видит в Шекспире «обыкновенное чудо гения, в котором нет ничего сверхъестественного»[16].

Не раз Кружков-переводчик, недавний почетный доктор литературы Тринити-колледжа в Дублине (2015), имея в виду цели своих переводов и исследований, говорил, как важно приблизить англоязычную поэзию к русскому читателю, объяснить незнакомое через знакомое, осмыслить знакомое через незнакомое, сопоставить судьбы русских поэтов с судьбами поэтов Англии и Ирландии.

Но Кружков-поэт, помимо культурных задач, хотел бы видеть в своей поэзии и нечто большее.

Стихи мои, клочки, плоды безделья! —
напрасно я вас вымолил у Бога;
смотрю и вижу: мало в вас веселья
и горя настоящего не много.

О, если бы вам заново родиться,
чтоб стать на этом черном белом свете
игрушками, которыми в больнице
играют умирающие дети![17]

Может быть, поэтому в стихах Кружкова для детей (а он автор двадцати детских книг, переводных и оригинальных) так много игры со словами и смыслами, так много доброго юмора, веселого абсурда и нонсенса, столько нелепиц, небылиц и перевертышей. Одуванчиковые, совиные, кошачьи, рачьи, чемоданные, колдунские, полицейско-патрульные сказки Кружкова расскажут, откуда взялись и куда подевались поющая шляпа, чемоданы с ножками и привидение, которое хрустело печеньем... Станет известно, как воздушные шарики спасли мир от конца света, как обойные человечки совершили свое первое кругосветное путешествие. Мир узнает, как можно писать стихи вилкой по воде, кто такие Бабушка Погода и Пес Прогноз, где живут чеслики, лохлики и лысые зямлики...

«Я знаю тридцать пять языков: на пяти читаю, на десяти понимаю и на двадцати сам разговариваю»[18], — говорит о себе Кружков-сказочник, и это чистая волшебная правда. А Кружков, детский поэт, сочинил строки:

---

[16] *Кружков Г.* Шекспир без покрывала // Кружков Г. Ностальгия обелисков… С. 587.

[17] *Он же*. Двойная флейта… С. 185.

[18] *Он же*. Откуда взялись птицы // Кукумбер: лит. ил. журн. для детей. М., 2001. № 3. То же: [Электронный ресурс]. URL: http://www.kykymber.ru/stories.php?story=90 (дата обращения: 01.09.2016).

Если я был бы маленький-маленький гном,
Я б умывался каплей одной дождя,
Я бы на божьей коровке ездил верхом,
Удочку прятал в дырочку от гвоздя[19].

Но вот с дырочкой от гвоздя ничего у Вас не выйдет, Григорий Михайлович. Не спрячетесь. Мы сегодня чествуем Вас как поэта, самозабвенно влюбленного в родное слово, крупнейшего российского переводчика, тонкого интеллектуала, создавшего целую библиотеку первоклассной литературы и подарившего ее нам, Вашим благодарным читателям.

Сердечно поздравляем Вас и гордимся Вами!

Б.Н. Романов, поэт, переводчик:

У Григория Кружкова есть стихи, написанные на полях переводов. Например, удивительный «Сон, записанный на обороте перевода У.Б. Йейтса»: «Снится мне: лезу я к Ейцу в гнездо, / Ейцовы яйца хочу своровати…»[20]

Но есть и перевод, вернее, по признанию самого Кружкова, вольное подражание, определяемое им как «экстремальный случай перевода» и говорящее о заветном:

Что называют переводом?
Песнь кукушачьего птенца;
Лжеца полет перед народом
На бороде у мертвеца;
Крик попугая, визг мартышки,
Рассудка мелкие интрижки
И профанацию святынь,
Когда вульгарную латынь
Зовут псалмом царя Давида.
О ты, клекочущий орел!
Заткнись, тебя я перевел…[21]

Это переложение английских стихов Набокова. Набоковский призыв, предваряющий перевод «Евгения Онегина», «воспроизвести с абсолютной точностью весь текст и ничего, кроме текста», Кружков справедливо определил как задачу невозможную ни практически, ни теоретически.

И все же каждый переводчик в меру сил и понимания всегда устремлен к точности. Другое дело, как он ее понимает и что получается. Но и те, кто ратует за буквалистскую абсолютную точность, и те, кто готов в той или

[19] *Он же*. Если я был бы // Там же.

[20] *Он же*. На берегах реки Увы: Стихотворения. М.: Журн. поэзии «Арион», 2002. С. 61.

[21] *Он же*. Луна и дискобол. М.: РГГУ, 2012. С. 53.

иной мере жертвовать деталями ради целого или даже не чурается вольных переложений и подражаний, согласятся, что главное не намерения и даже не принципы, а результат. Победа поэзии. Без нее в переложении стихов смысла немного. Крылатой победой ее однажды определил Волошин. «Клекочущий орел» может заткнуться, если его клекот остался живым и в переводе…

Переводы Григория Кружкова и убеждают, захватывают прежде всего тем, что это живое поэтическое слово, в лучших достижениях осененное «крылатой победой». Так всегда и было в русской поэзии, переводное становилось самоценным у Жуковского, Пушкина, Тютчева, Анненского, Бунина, Пастернака…

Сделанное Григорием Кружковым поражает широтой. По меньшей мере пять веков английской поэзии, огромная антология не только переводов, но и интерпретаций, толкований, осмыслений, открытий нового для русского читателя.

Древнеирландская монастырская поэзия…

Драматургия Возрождения.

Шекспир — «Венера и Адонис», сонеты, «Буря» и «Король Лир».

Целые книги Джона Донна, Джона Китса, Уильяма Батлера Йейтса, Джеймса Джойса, Шеймаса Хини…

Поэзия нонсенса.

Десятки американских поэтов, книги Эмили Дикинсон, Роберта Фроста, Уоллеса Стивенса…

Переводы его трудно оторвать от статей и литературоведческой эссеистики, написанной с тем чувством необходимости сказать и рассказать, с теми свободой и артистизмом, которые делают эти тексты не просто литературоведческими штудиями на полях переводимых поэтов, но и прозой, требующей «мыслей и мыслей».

Его книга «Ностальгия обелисков» не просто итог занятий компаративистикой, но книга пылкой любви к английской и русской литературам, для него нераздельным, как дело жизни, связанным множеством сюжетов, перекличек, совпадений.

В его литературоведческой прозе, увлекательной и восхищающей внятностью речи, есть сознательная отстраненность от наукообразия. Но любопытно, что в ней он время от времени с артистизмом предлагает нам свои наблюдения и выводы, связывая их с физическими явлениями, используя графики или математические формулы. Известно его эссе «Перевод и квантовая механика»[22]. И физические процессы здесь не только меткие метафоры. Как говорит один из переведенных им поэтов — «все в мире — перевод».

Окончивший Томский университет, всерьез занимавшийся теоретической физикой, Григорий Кружков сохранил в себе — так мне кажется — трезвую дисциплину ума с той фантазией, которая, как известно, необходима как поэтам, так и математикам с физиками.

---

[22] *Кружков Г.* Луна и дискобол. С. 113–119.

Как сам Кружков говорит, переводчик в идеале должен быть переводчиком-артистом, соединяющим в одном лице качества «профессора» и «поэта». В нем мы и видим это редкое сочетание. Посмотрите, например, его работу «К вопросу о словаре Шекспира»[23], основанную на методах математической лингвистики.

Мне всегда казалось, в том, что Кружков учился именно в Томском университете, есть нечто провиденциальное, поскольку именно там не только хранится библиотека Василия Андреевича Жуковского, «гения перевода», но и многие годы изучается его наследие, подготавливается его академическое собрание сочинений.

Размышляя о переводах, Кружков говорит: «Стихотворение сохраняет живой голос человека, ритм его дыхания, сердцебиения. Движение стиха передает интонацию речи, создает эффект присутствия… Тот, кто умеет ощутить и воссоздать эти изгибы, это дыхание, совершает, по сути, нечто сакральное, мистическое»[24].

Ясно, что поэт, написавший стихотворение, уже этим совершил некое «сакральное» действо, «божественный глагол» касался его слуха, а переводчик должен произвести двойное чудо, войти в такое состояние, чтобы этот глагол коснулся и его и вновь прозвучал во всю силу на ином языке.

Знание и понимание чужой литературы, поэта, эпохи, а кроме того, и родной литературы во всей ее полноте — необходимы для этого чуда, требуя большого труда и любви. Трудолюбивых, однако, не так мало. Но в переводе чудо способен совершить только поэт. А «поэтами рождаются, ораторами становятся». Цицерон знал, что говорил, поскольку и сам грешил стихописанием.

Григорий Кружков, конечно, прежде всего поэт с необычайно чутким слухом, и в конечном счете это главное. Перед нами артистический, к тому же полифонический дар. И дар перевоплощения. В самом деле, много ли сегодня оригинальных поэтов такого диапазона — от изящного юмора до драматического трагизма, от метафорически насыщенного, богатого обертонами одического звучания до простодушного лиризма народной песенки? Такое стиховое богатство строфики и метрики, от сонета до верлибра, от дольника до раешника или гибкого белого стиха драматургии. Мне кажется, что Григорий Кружков и повлекся на переводческую стезю, чувствуя в себе тягу оркестранта, которому хочется играть сразу на всех инструментах.

В то же время в его работе мы видим необыкновенную цельность и логику пути, излюбленные сюжеты и мотивы, а главное, слышим его собственный поэтический голос, каковы бы ни были стилистика и тембр того или иного переводимого автора.

---

[23] Там же. С. 304–313.

[24] Там же. С. 51.

Поэт, и поэт-переводчик, не может быть безликим имитатором чужих индивидуальностей. Настоящее всегда самоценно.

Закончу переводом Григория Кружкова из Роберта Фроста, говорящим и о поэте, и о его переводчике, о чуде поэзии, — «Чтоб вышла песня»:

Был ветер не обучен пенью
И, необузданно горласт,
Ревел и выл, по настроенью,
И просто дул во что горазд.

Но человек сказал с досадой:
Ты дуешь грубо, наобум!
Послушай лучше — вот как надо,
Чтоб вышла песня, а не шум.

Он сделал вдох — но не глубокий,
И воздух задержал чуть-чуть,
Потом, не надувая щеки,
Стал тихо, понемногу дуть.

И вместо воя, вместо рева —
Не дуновение, а дух —
Возникли музыка и слово.
И ветер обратился в слух[25].

В.А. Губайловский, поэт, критик:

Когда Михаилу Гаспарову в 1995 году вручали Государственную премию, он иронически заметил: «Пушкин сказал: переводчики — почтовые лошади просвещения; я чувствую себя вот такой лошадью, которой после очень большого перегона засыпали овса»[26].

Кормление переводчиков сегодня продолжилось. И это можно только приветствовать. А вот пушкинскую фразу — очень популярную — хотелось бы уточнить. Ничего унизительного в сравнении переводчика с лошадью я не вижу. Если вы посмотрите даже краткую библиографию Григория Кружкова — вы поразитесь объему проделанной работы. Это десятки книг, это десятки тысяч переведенных строк. Такая работа под силу не всякой ломовой лошади.

А вот пушкинская метафора перевода как почтовой связи вызывает некоторые возражения. Особенно если речь идет о переводе стихотворения.

---

[25] *Кружков Г.* Избранные переводы: в 2 т. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2009. Т. 2. С. 317–318.

[26] *Гаспаров М.* Записи и выписки. М.: Нов. лит. обозр., 2012. С. 95.

Из этой метафоры как бы следует, что перевод — это непрерывная связь. Взяли груз на одной станции, доехали до следующей и так далее, пока не доставили почту адресату. А вот это-то как раз весьма сомнительно. Потому что, на мой взгляд, никакого непрерывного пути от пункта А до пункта Б — от оригинала до перевода — не существует.

Казалось бы, берем слово за словом, заменяем их подходящими по контексту переводными словами и получаем первое приближение — буквальный перевод или подстрочник. Но вот только остается проблема — всякое слово многозначно, а в стихотворном тексте востребовано не какое-то отдельное значение, а все сразу.

Мандельштам писал в «Разговоре о Данте»: «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку»[27].

Григорий Кружков пишет о прозаическом переводе Набоковым стихотворения Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков…»: «[Набоков] утверждает, что его перевод — “настоящий”, ибо равен оригиналу за вычетом “живости и рифм”, а между тем он отличается от стихотворения Мандельштама примерно так, как палка отличается от цветущего куста»[28].

Здесь можно добавить, что разница между цветущим кустом и палкой еще и в том, что куст — живой, а палка — нет.

Нет никакого пути последовательно от станции к станции. Потому что перевод и оригинал находятся не просто далеко друг от друга — они находятся на разных континентах.

Но вот есть люди, которые берутся доставить эту весть, перевести стихотворение или даже перенести с одного берега на другой.

Как это возможно?

Перевод начинается с того, что один поэт читает стихи другого поэта и в меру своих сил пытается восстановить то дословесное целое, которое этим другим поэтом выражено в словах. Что такое это дословесное целое? Может быть, музыка. Может быть, какая-то неартикулированная интуиция, «интуиция целого», как говорил Бахтин. Но это целое есть. И его надо схватить.

Вот этот момент схватывания целого — и есть разрыв, и этот разрыв нельзя преодолеть шаг за шагом.

Переводчик смотрит на оригинальный текст, как поэт смотрит на дерево или облако. Оригинал для него есть явление природы.

Но чтобы так смотреть на текст, нужно уметь так смотреть на дерево и облако, то есть здесь совершенно необходим поэтический дар, собственное поэтическое «я». Без него ничего не выйдет. И у Григория Кружкова этот дар есть.

---

[27] *Мандельштам О.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Арт-бизнес-центр, 1994. Т. 3. С. 225.

[28] *Кружков Г.* «Н» и «Б» // Новый мир. 2013. № 5.

Другое дело, что это поэтическое «я» нужно держать в узде (никуда мы от лошадиных метафор не денемся, судя по всему), не давать ему воли. Собственный поэтический жест нужно убрать почти до полного исчезновения, до жеста как такового. Это почти невозможно, но это необходимо. С этого все начинается, но этим отнюдь не заканчивается. После этого начинается работа.

Да, мы помним, что перевод должен быть эквиметрическим, то есть должен сохранять ритм, должен быть эквилинеарным, то есть сохранять строковый объем, что по возможности строчка перевода должна соответствовать строчке оригинала, что надо сохранять в переводе рифму…

Если применить математическую аналогию, то перевод, отвечающий такому набору правил, следует назвать изометрическим — он сохраняет размер и объем оригинала.

Григорий Кружков называет такие требования «арифметическими» и говорит, что нужна еще и высшая математика: «Аналогом “матанализа” в поэзии является мотивный анализ стихотворения. В хорошем стихотворении обязательно присутствует не меньше двух различных мотивов; их соотношением, взаимодействием и соответствующим приростом смысла определяются неповторимость, сила и красота произведения»[29].

Попробую прокомментировать эти слова. Мотив — это как бы интенция стиха и его простейший базис. Причем мотивов должно быть как минимум два и они должны друг с другом столкнуться, чтобы стало возможно их варьирование и словесное воплощение. Мотивы соотносятся друг с другом внутри текста и образуют устойчивый каркас, его-то и нужно сохранить в переводе. Мотив — это еще и отсылка к музыкальному началу поэзии.

Приведу такой пример: один из самых известных маршей — «Прощание славянки» — это тот редкий случай, когда марш написан в миноре. Это и есть столкновение мотивов. Бодрого марша и минорного плача.

Если продолжать математическую аналогию, подсказанную Григорием Кружковым, можно вспомнить, что великий французский математик Александр Гротендик считал одним из своих лучших достижений теорию мотивов. Гротендик называл мотивом самый утонченный и глубокий инвариант различных теорий, которые сами по себе оказываются разработкой этого основного мотива, каждая в своем ключе, темпе и ладу — минорном или мажорном[30]. Гротендик писал стихи, хотя ничего не опубликовал.

---

[29] *Кружков Г.* Лестница перевода // Литературная газета. 2007. 17 октября. № 42.

[30] См.: *Гротендик А.* Урожаи и посевы / пер. с фр. Ю. Фридман, М. Финкельберг // Московский центр непрерывного математического образования. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mccme.ru/free-books/grothendieck/RS.html (дата обращения: 01.09.2016).

Только уловив мотивную основу стиха, можно начать воплощение интуитивно схваченного целого на другом языке. То есть начать выращивать цветущий куст — перевод.

Замечательный пример такого перехлеста мотивов приводит Григорий Кружков. Переводя стихотворение Роберта Фроста, он столкнулся с довольно обычной проблемой, которая возникает при переводе с английского на русский, — английские слова короткие, а русские длинные, и сохранить ритм крайне трудно. Как перевести пять слов в строке трехстопного ямба и уложить их в тот же размер по-русски? Кружков отказывается от перевода слов, он переводит само ощущение краткости и для этого использует противопоставление — краткости и долготы. Строчку Фроста «Nature's first green is gold» Кружков переводит двумя: «Новорожденный лист / не зелен — золотист»[31]. Важнейшая здесь строчка — первая. Длинное русское слово «новорожденный» дает резкий контраст с коротким «лист», и этот контраст передает мотив краткости — и не только краткости слова, но и краткости драгоценной юности, чему, собственно, и посвящено стихотворение Фроста. Это безусловная удача. И только одна из множества удач, которые щедро рассыпаны по текстам Григория Кружкова.

Если вернуться к пушкинской метафоре, то следует сказать: если переводчики — почтовые лошади, то это лошади, которые умеют летать.

И мне остается поздравить Григория Кружкова с заслуженной наградой и пожелать счастливого полета.

Г.М. Кружков:

Новость о присуждении мне Премии Александра Солженицына — после первого шока неожиданности — была воспринята мной со смешанным чувством радости и смущения, и, говоря откровенно, смущения поначалу было больше, чем радости. Смущала несоразмерность масштаба этого имени и всего того огромного, что с этим именем связано, — и сугубой частности тех задач, которыми я занимался в литературе, с их достаточно узкой историко-филологической направленностью. Невольно возникало искушение спрятаться за спины поэтов, которых я изучал и переводил, а это были действительно широкие спины, достаточно назвать Уильяма Шекспира и Джона Донна, сэра Уолтера Рэли и других великих елизаветинцев — поэтов английского Возрождения. Как я сам определил свою роль в стихотворении о Фолджеровской шекспировской библиотеке в Вашингтоне, где мне довелось поработать:

Перелагатель слов, сиречь душеприказчик
Поэтов бешенных, давно сыгравших в ящик…

[31] *Кружков Г.* Лестница перевода…

И если в конечном итоге мне удалось сделать что-то стоящее в искусстве поэтического перевода, то лишь потому, что я всегда остро осознавал ответственность за поручение, которое дал мне умерший поэт, «приказав» мне свою душу. Тут уж делай все, что в твоих силах. Нужно мобилизовать все ресурсы языка и воображения, все наличные актерские способности, чтобы как должно сыграть порученную роль. Нужно помучиться и даже отчаяться — прежде чем из размятой горячими ладонями глины языка вылепится убедительное подобие оригинальной вещи. Зато какая радость почувствовать, что это удалось и из твоих уст раздался воскресший голос поэта. Вот Шекспир, его ранняя поэма «Венера и Адонис»:

Как алчущий орел, крылом тряся
И вздрагивая зобом плотоядно,
Пока добыча не исчезнет вся,
Ее с костями пожирает жадно,
    Так юношу прекрасного взахлеб
    Она лобзала — в шею, в щеки, в лоб.

Вот Джон Донн, послание графине Бедфорд, — какая восхитительная смесь богословия и придворной галантности:

Рассудок — левая рука души,
А вера — правая; кто зрит вас рядом,
Тот *разумеет*, как вы хороши,
Я ж *верую*, не досягая взглядом.

Вот поздний последователь Донна, занимающий уже переходное место между барокко и классицизмом, Эндрю Марвелл, стихотворение «Глаза и слезы»:

Сколь мудро это устроенье,
Что для рыданья и для зренья
Одной и той же парой глаз
Природа наградила нас.

Кумирам ложным взоры верят;
Лишь слезы, падая, измерят,
Как по отвесу и шнуру,
Превознесенное в миру.

Мне хочется, чтобы сегодня в этом зале прозвучали строки моих любимых поэтов, чтобы они тоже стали участниками сегодняшнего действа. Продолжу Ирландией. Средневековая ирландская поэзия, называемая так-

же «монастырской поэзией», на добрых полтысячи лет старше английского Возрождения, но это уже развитое и весьма изощренное по форме искусство. Вот святой отшельник славит свое лесное житье:

Тис нетленный —
Мой моленный
        Дом лесной,
Дуб ветвистый,
Многолистый —
        Сторож мой.

Вот монах-переписчик записывает на последней странице богослужебной книги:

Рука писать устала
        Писалом острым, новым;
Что клюв его впивает,
        То извергает словом.
Премудрости пребудет,
        Когда честнó и чисто
На лист чернила лягут
        Из ягод остролиста.

Он же радуется, с наступлением первых теплых дней перенеся свои занятия из душной кельи в летний лесок:

Рад ограде я лесной;
        За листвой свищет дрозд.
Над тетрадкою моей
        Шум ветвей и гомон гнезд.

А вот изображение бури:

Над долиной Лера гром,
Море выгнулось бугром;
        Это буря в бреги бьет,
        Буйным голосом ревет,
        Потрясая копием!

Вот из каких глубин прорастает новая ирландская поэзия, в частности стихи современника Александра Блока — Уильяма Батлера Йейтса. Почти сто лет назад, во время гражданской войны в Ирландии написано «Второе пришествие»:

Все шире — круг за кругом — ходит сокол,
Не слыша, как его сокольник кличет;
Все рушится, основа расшаталась,
Мир захлестнули волны беззаконья;
Кровавый ширится прилив и топит
Стыдливости священные обряды;
У добрых сила правоты иссякла,
А злые будто бы остервенились.

Так получилось, что Йейтс наряду с некоторыми другими авторами стал моим пожизненным увлечением и предметом не только переводческих усилий, но и сравнительно-литературных исследований. Увлекательно было посмотреть на него сквозь призму русской поэзии: как целое явление Йейтс не похож ни на кого в частности — так, чтобы можно было сказать: «Это ирландский Блок» или «Это ирландский Вячеслав Иванов», — но черты сходства обнаруживаются у него чуть ли не с каждым крупным поэтом Серебряного века, в том числе с Гумилевым, Волошиным, Ахматовой и Мандельштамом.

Занятия переводом развивают своего рода «двойное зрение», когда ты, с одной стороны, держишь в уме чужую литературную традицию, а с другой стороны, свою русскую — с обязательным намерением укоренить переводимого поэта в русской почве, чтобы он, как росток, не засох и не погиб, а налился бы свежими соками земли-восприемницы.

Кроме английских и ирландских поэтов я переводил также американцев, и американская поэзия подарила мне трех замечательных авторов, первым из которых надо называть изумительную поэтессу XIX века Эмили Дикинсон.

* * *

В такую пору — невзначай —
Одна из улетевших стай
Вдруг прилетит назад.

И солнце — нам внушая дурь —
Льет золотистую лазурь
В открытые глаза.

Тепло — но краткому теплу,
Увы, не обмануть Пчелу —
Прозрачный воздух чист,

Но луга поредел букет —
И медленно сквозь зябкий свет
Слетает зыбкий лист.

О Таинство закатных дней,
Причастие родных теней —
Ужель разрешено

Мне твой священный хлеб вкусить —
Принять твои дары — испить
Бессмертное вино!

Два других поэта — Роберт Фрост и Уоллес Стивенс. О Роберте Фросте что говорить — его все знают (хотя вряд ли понимают, как он того заслуживает), а вот о Уоллесе Стивенсе, его современнике, хочется рассказывать и хочется его цитировать, потому что это поэт загадочный и эксцентричный, часто ставящий в тупик, но глубокий и настоящий и ни на кого не похожий, узнаваемый с первых строк. Только он может рассказать, в чем состоит «Необъяснимая приятность кружения», что думает «Прилично одетый мужчина с бородой», «Как нужно сервировать бананы» и «Как следует обращаться к облакам».

Как следует обращаться к облакам

Унылые схоласты в светлых ризах,
Смиренны ваши бренные собранья,
А речи воскрешают блеск витийства
Старинного и проницают в души
Восторженною музыкой беззвучной.
Мыслителям подобны и пророкам
Вы, облака, клубящиеся важно,
И ваши благовременные гимны
В таинственном круговращенье года
К нам снова возвращаются. Согласно
Звучат напевы чуткие, сливаясь
В гармонии, не умершей доселе, —
Пока в своем кочевье одиноком
Плывете вы, и что-то в вас мерцает,
Помимо лунно-солнечного света.

У книги моих переводов «Англасахаб», изданной в 2002 году, был подзаголовок «115 английских, ирландских и американских поэтов». Напрашива-

ется вопрос: не многовато ли? Как они умещаются в голове переводчика и не порождает ли их множество хаос и какофонию? На этот вопрос лучше всего ответит сонет моего любимого Джона Китса:

Как много славных бардов золотят
Чертоги времени! Мне их творенья
И пищей были для воображенья,
И вечным, чистым кладезем отрад;
И часто этих важных теней ряд
Проходит предо мной в час вдохновенья,
Но в мысли ни разброда, ни смятенья
Они не вносят — только мир и лад.
Так звуки вечера в себя вбирают
И пенье птиц, и плеск, и шум лесной,
И благовеста гул над головой,
И чей-то оклик, что вдали витает...
И это все не дикий разнобой,
А стройную гармонию рождает.

Есть два мнения — одно, что важны только стихи, а интерес к биографии поэта нескромен и ничего не дает. Другое — что жизнь поэта представляет собой бесценный комментарий к его стихам. Я солидарен со вторым мнением. Судьба Китса, погибшего от чахотки, не дожив до двадцати шести лет, освещает трагическим светом его великие оды красоте и бессмертию, а одинокая жизнь амхерстской затворницы создает фон, на котором мы прочитываем грустные и задиристые стихи Эмили Дикинсон. Вчитываясь не только в строки, но и в жизни поэтов, я хотел поделиться с читателем приобретенными знаниями и наблюдениями, а порой и предложить свою интерпретацию трудных для понимания стихов. Конечно, я старался сделать это как можно деликатней и ненавязчивей, сознавая, что стихам приличествует тайна, и всегда помня слова Сергея Аверинцева, которыми он закончил одну из своих лекций: «А может быть, все как раз наоборот».

Переводя, я учился, и «мои» поэты были и моими наставниками. О русской поэзии, которая была моей нянькой и кормилицей, я здесь не говорю. Но хочу упомянуть некоторых из тех мастеров, у которых я учился писать и переводить — очно или заочно. Это Арсений Тарковский, Вильгельм Левик, Михаил Гаспаров, Андрей Сергеев, и не только. Моя благодарность им безгранична. В заключение моего слова хочу выразить глубокую признательность Русскому общественному фонду и жюри Премии Александра Солженицына за оказанную мне высокую честь. Спасибо.

«ОН ПРЕДПОЧЕЛ ВО ВСЕМ РАЗДЕЛЯТЬ ЖИЗНЬ СВОЕЙ КОМАНДЫ»

Письмо И.П. Скрябина к А.И. Солженицыну с воспоминаниями об отце писателя (1974)

Публикация, подготовка текста, предисловие и комментарии В.А. Астанкова

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в личном фонде В.В. Орехова (Ф. 10231)[1] среди его переписки отложился интересный документ об И.С. Солженицыне (1891–1918), отце писателя[2]. Это письмо однополчанина Исаакия Семеновича по Первой мировой войне (служба в 1-й гренадерской фельдмаршала Брюса артиллерийской бригаде), участника Белого движения и эмигранта первой волны капитана Игоря Петровича Скрябина, написанное под впечатлением от первого издания «Августа Четырнадцатого» (Париж, 1971). Как известно, отец автора был выведен в нем и в последующих Узлах «Красного Колеса» под именем Сани Лаженицына, в повествовании использовались реальные факты его истории.

Игорь Петрович Скрябин родился 12 мая 1896 года в Гродно, окончил Михайловское артиллерийское училище, служил в 1-й гренадерской артиллерийской бригаде, с 1918-го — участник Белого движения в Добровольческой армии на Юге России. В 1920 году эвакуировался из Крыма в Галлиполи в составе Русской армии генерала барона П.Н. Врангеля, к октябрю 1923-го состо-

---

[1] *Орехов* Василий Васильевич (1896–1990) — военный и общественный деятель, публицист, капитан, участник Первой мировой и Гражданской войн, с 1920 года в эмиграции, галлиполиец, один из основателей и бессменный редактор журнала «Часовой» (1929–1988), издававшегося в Париже и Брюсселе.

Материалы фонда поступили в ГА РФ в 2008 году от сына и дочери В.В. Орехова, Д.В. Орехова и С.В. Рар.

[2] Об И.С. Солженицыне см. публикацию Г.А. Тюриной: «Мы все милостью Божию пока живы и здоровы, а там как Бог даст»: Новые сведения о фронтовом пути И.С. Солженицына, отца писателя (1914–1918) // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2013. С. 253–279.

ял в списках чинов Корниловского артиллерийского дивизиона в Болгарии. В 1924 году Скрябин обосновался в Париже, где работал на заводе и учился на естественно-научном факультете Парижского университета, где приобрел специальность инженера-химика. В течение сорока лет (до 1965 года) работал на химическом заводе. Автор трудов по органической химии и научно-технических работ. В газете «Русская мысль» публиковал заметки о новостях науки и техники. Имел патенты на научные изобретения. Скончался 21 марта 1976 года в Париже, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа[3].

Возможно, что с В.В. Ореховым Скрябин был знаком еще со времен Гражданской войны и «галлиполийского сидения». Именно Орехову, который, как ему тогда думалось, еще до высылки А.И. Солженицына из Советского Союза поддерживал с писателем переписку[4], Скрябин в начале 1974 года направил письмо с воспоминаниями о своем фронтовом товарище Исаакии Солженицыне. После того как Александр Исаевич оказался в Европе, Орехов при личной встрече передал ему этот текст. «Удивительно: нашёлся старый артиллерист, который воевал в одной батарее с моим отцом в 1916 году, и теперь, по его сведениям, придётся переделывать уже написанные главы», — писал Солженицын Е.Ц. и Л.К. Чуковским 7 апреля 1974 года по прочтении письма Скрябина, имея в виду дальнейшую работу над «Красным Колесом»[5].

Тогда же, при встрече, Солженицын набросал на листке текст ответа Скрябину и попросил Орехова перепечатать и вручить письмо адресату — рукописный черновик с пометой Орехова об исполнении поручения выявлен в архиве писателя в Троице-Лыкове. Солженицын ждал от Скрябина новых воспоминаний об отце. «Ваше письмо Скрябину сразу же переслал, — сообщал Орехов Солженицыну 13 мая 1974 года, — но боюсь, что он больше вряд ли может быть полезным, хотя я просил его напрячь па-

---

[3] См.: Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: в 6 т. М., 2006. Т. 6, кн. 2. С. 15; Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биогр. слов.: в 3 т. М., 2010. Т. 3. С. 126; ГА РФ. Ф. Р-5843. Оп. 1. Д. 4. Л. 17 об.; Ф. Р-5951. Оп. 1. Д. 19. Л. 86.

[4] Как выяснилось позднее, при встрече Орехова и Солженицына в Цюрихе в 1974 году, «письма», якобы написанные Александром Исаевичем Орехову из СССР, оказались ловкой подделкой. И Орехов, и Солженицын не сомневались, что это была провокация органов государственной безопасности, конечной целью которой мог стать захват редактора «Часового» (по типу похищений генералов А.П. Кутепова и Е.К. Миллера в 30-е годы), выманенного в Чехословакию или Австрию. Об этом эпизоде см.: *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания // Новый мир. 1998. № 9. С. 71–72. Также о нем упоминается и в переписке Орехова (ГА РФ. Ф. 10231. Оп. 1. Д. 81. Л. 1; Д. 195. Л. 1–3). Ксерокопии двух поддельных писем Солженицына к Орехову от 21 ноября 1972 г. и 2 августа 1973 г. см.: ГА РФ. Ф. 10231. Оп. 1. Д. 180. Л. 1–4а.

[5] «Открытую почту нам Москва обрубила в оба конца…»: Из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской (1974–1977) // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М., 2012. Вып. 1. С. 59.

мять…»[6] И действительно, 1 февраля 1976 года, незадолго до кончины, Скрябин писал Орехову (который в свою очередь переслал письмо Солженицыну), что «после случившегося со мной удара память моя сильно ослабела, и я ничего не могу добавить к моим воспоминаниям об отце Солженицына»[7].

Любопытно, что оригинал публикуемого ныне письма Скрябина, адресованного лично Солженицыну, остался в архиве Орехова. Можно предположить, что, отправляясь в Цюрих на встречу с высланным из Советского Союза писателем, Орехов взял с собой машинописную копию, сделанную по причине не слишком презентабельного вида оригинала[8]. Подлинник представляет собой также машинопись, выполненную по новой орфографии, с подписью-автографом и рукописными вставками и исправлениями в тексте в соответствии с современными правилами правописания. Сокращения, имеющиеся в письме, раскрыты без оговорок.

Благодарим Наталию Дмитриевну Солженицыну за возможность напечатать и ответ писателя, который предполагал продолжение этой переписки, что, как уже было указано, не состоялось по причине болезни И.П. Скрябина. Его текст публикуется по рукописному черновику.

---

[6] ГА РФ. Ф. 10231. Оп. 1. Д. 180. Л. 8.

[7] Кроме цитируемого письма, в архиве А.И. Солженицына выявлены еще три записки Скрябина, переданные Ореховым адресату, датированные 25 апреля – 1 мая 1974 года, в которых Скрябин сообщает некоторые сведения о совместной службе с Исаакием Солженицыным, которые фактически дублируют уже изложенные в первом письме.

[8] Письмо, особенно второй лист, напечатано довольно неряшливо, что можно отнести на счет преклонного возраста Скрябина.

1. И.П. Скрябин — А.И. Солженицыну[1]

Париж, 9 января 1974

Глубокоуважаемый Александр Исаевич!

Прочитав «Август 14-го», я вынес убеждение, что Саня Лаженицын, Ваш отец и мой сослуживец в Первую мировую войну по 3-й батарее 1-й гренадерской артиллерийской бригады прапорщик Исаакий Семенович Солженицын — одно и то же лицо. Если у Вас сохранилось мало материалов о жизни Вашего отца в этот период, я надеюсь, что эти краткие воспоминания о нем последнего, кажется, оставшегося в живых его сослуживца смогут быть Вам интересны.

Весной 1915 г. в нашу батарею был прислан на пополнение в качестве вольноопределяющегося Исаакий Семенович Солженицын из Ростова. Рослый, сильный и статный, он сразу был назначен в отборную часть батареи, в команду конных разведчиков, которой я тогда заведовал в чине подпоручика. Он отказался пользоваться обычными в нашей бригаде привилегиями интеллигентных вольноопределяющихся, как общие с офицерами стол и квартира, уборщик для ухода за его лошадью, и предпочел во всем разделять жизнь своей команды, жить в той же землянке или хате, чистить и кормить своего коня и выполнять все общие наряды и работы. Отличный наездник с врожденным чувством ориентации, он быстро освоил все тонкости учебы артиллерийского разведчика, и приобретенные им в команде уважение и авторитет позволили в кратчайший срок произвести его в старшие фейерверкеры и поставить старшим в команде. В это время Западный фронт в Польше, где стояла батарея, еще не застыл в позиционной войне, и в первых же маневренных боях Исаакий заработал солдатский Георгиевский крест.

В 1916 г., не помню точно когда, он был произведен за отличие в прапорщики и заменил меня во главе команды разведчиков. С тех пор он стал разделять дружную жизнь нашей офицерской семьи. Больше, чем с более близкими ему по возрасту кадровыми офицерами, он сошелся с самым старшим из нас, Львом Александровичем Велиховым[2], членом Государственной думы от Петрограда, добровольно уехавшим прапорщиком на фронт, человеком высокой европейской культуры, братом поэтессы Мирры Лохвицкой[3], который в зимние вечера знакомил офицерскую молодежь с поэзией Серебряного века и держал нас в курсе столичных политических слухов[4]. Из одного из своих отпусков домой Исаакий привез Велихову и мне по кавказской бурке. Моя бурка впоследствии мне очень послужила в зимних степных походах Гражданской войны.

Зимой 1917–18 гг., когда стало ясно, что развал армии необратим и позорный конец войны неминуем, Солженицын получил отпуск на родину и таким образом избежал немецкого плена, т.к. вскоре после его отъезда на фронте началось всеобщее «братание», и вся бригада была без боя взята немцами в плен, и офицерский состав увезен в Германию. Около того же времени я уехал в Москву и летом через Украину и Дон пробрался на Кубань в Добровольческую армию. В начале 1919 г. горсти бывших в немецком плену офицеров гренадерской артиллерии удалось добраться из плена до Кубани, где они составили ядро формирования в армии Врангеля сводно-гренадерского артиллерийского дивизиона. Все мы надеялись, что, если Исаакий жив и у себя на родине, он присоединится к боевым друзьям, узнав об этом, но свидеться нам уже не пришлось[5].

Скрябин Игорь Петрович, бывший капитан артиллерии.

И. Скрябин

I. Skriabine, 46, bould St.-Jacques, 7514, Paris (France).

---

[1] ГА РФ. Ф. 10231. Оп. 1. Д. 180. Л. 5–6. Подлинник. Авторизованная машинопись. Синяя шариковая ручка, черный фломастер, карандаш.

[2] *Велихов* Лев Александрович (1875 – не ранее 1940), русский публицист, общественный деятель и политик, член IV Государственной думы, в которой входил во фракцию Конституционно-демократической партии. С началом Первой мировой войны по прошению был призван на военную службу в действующую армию. Служил фейерверкером в 3-й батарее 1-й артиллерийской бригады гренадерского корпуса. Участвовал в боях, был контужен, награжден рядом орденов, произведен в прапорщики, а затем в подпоручики. В октябре 1916 был отозван из армии для участия в работе Думы, входил в Прогрессивный блок. Член Учредительного собрания, участник Белого движения. После окончания Гражданской войны жил в Новочеркасске, преподавал в высших учебных заведениях Новочеркасска и Ростова-на-Дону. В 1938 году арестован, обвинен в «контрреволюционной деятельности», приговорен к 8 годам лагерей. После 1940 года судьба неизвестна. И.П. Скрябин ошибается, утверждая, что Велихов был братом М.А. Лохвицкой.

[3] *Лохвицкая* Мария Александровна (в браке Жибер, псевдоним Мирра Лохвицкая; 1869–1905), русская поэтесса, некоторыми исследователями рассматривается как основоположница «женской поэзии» XX века в России, предшественница А.А. Ахматовой и М.И. Цветаевой. Сестра писательницы и поэтессы Н.А. Тэффи.

[4] В уже цитировавшемся выше письме к Орехову от 1 февраля 1976 года Скрябин все же припоминает, что И.С. Солженицын «*имел довольно левые по тому времени убеждения* (здесь и далее подчеркнуто в письме А.И. Солженицыным. — *В.А.*), что отчасти объясняет его близость с *Л.А. Велиховым*, много старшим его по возрасту, который в Государственной думе был в сравнительно левой партии “кадет”» (Архив А.И. Солженицына).

[5] И.С. Солженицын скончался 15 июня 1918 года от ранения, полученного на охоте. Любопытно, как сам писатель оценивал впоследствии возможное участие отца в Гражданской войне, очевидно, с учетом воспоминаний И.П. Скрябина. «Когда я взялся описывать отца в те годы, — отмечал Александр Исаевич, — студента, изрядно левых настроений, как все тогда, но на войну пошедшего добровольно, но с георгиевским крестом за растаскивание горящих снарядных ящиков, но потом председателя батарейно-

го солдатского комитета, но досидевшего на фронте до февраля 1918, когда уже Ленин с Троцким предали и тот фронт, и тех последних солдат, и четверть России, — как силился я угадать, понять: с каким же настроением возвратился мой отец на Северный Кавказ? В начинавшейся борьбе — где были его симпатии? и поднял ли бы он оружие, и против кого именно? И как бы дальше-дальше-дальше протягивалась бы его судьба? как это мне теперь угадать? Я знаю, как неопытно, как искаженно бывает наше понимание вещей, я и сам потом отдал молодые симпатии чудовищному ленинизму — а по сегодняшнему своему чувству, конечно, горд бы я был, если б отец мой воевал против захватчиков, — в Белом ли движении, или еще лучше — в крестьянском, которое четыре года трясло их коминтерновскую империю по всем раздолам, никак не давая поджечь мировую революцию через Будапешт, Варшаву и Берлин. И в той борьбе если б и убили отца — это был бы подвиг его и зов ко мне. Но нет: он умер от несчастного случая на охоте, еще прежде, чем определились фронты гражданской войны» (*Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания // Новый мир. 1999. № 2. С. 115–116).

2. А.И. Солженицын — И.П. Скрябину[1]

[Апрель 1974]

Многоуважаемый Игорь Петрович!

Я был очень рад Вашей краткой и столь несомненной справке о моём отце. Она заставляет меня изменить уже написанное. Ещё более буду благодарен Вам, если Вы напишете мне подробнее:

— о 3-й батарее (и 1-м дивизионе) 1-й Гренадерской артбригады, их стояньи под Крошиным в 1916 г., об офицерах, солдатах, быте (чем больше вспомните, тем лучше), боевой деятельности

— о них же в Февральскую революцию

— о них же в течение 1917 г. (особенно — июнь-июль, юбилей бригады в августе 17 г.), осенью 17 и зимой на 18-й.

Во всех тех местах я был сам несколько лет назад, всё исходил (фольварк Узмошье, Дубровну, деревни Стайки, Торчицкие высоты, лес Голубовщину, Дряговец и т.д.)[2].

Перешлёте или прямо или через Василия Васильевича.

О моём отце — как можно больше, пожалуйста!

Заранее благодарю.

Крепко жму руку!

А. Солженицын

---

[1] Архив А.И. Солженицына. 1 л. Черновой автограф. Черная шариковая ручка. Имеет рукописные пометы В.В. Орехова, одна из них: «Письмо было точно перепечатано мною по просьбе А.И-ча».

[2] По местам своей фронтовой жизни в годы Великой отечественной и следам русской армии в Первую мировую Солженицын ездил в июле 1967 года.

«С ВАШИМ ВОЗВРАЩЕНИЕМ В РОССИЮ МНОГИМ ИЗ НАС СТАЛО ЛЕГЧЕ»

Из переписки В.Г. Распутина и А.И. Солженицына

Публикация О.В. Лосевой и Н.Д. Солженицыной,
вступительная заметка и комментарии Г.А. Тюриной

В 2000 году Валентин Распутин стал лауреатом Литературной премии Александра Солженицына. Согласно формулировке, выработанной жюри, премия присуждена «за пронзительное выражение поэзии и трагедии народной жизни, в сращённости с русской природой и речью; душевность и целомудрие в воскрешении добрых начал»[1]. Пронзительность, душевность, целомудрие, боль, отчаяние, надежда — каждый, кто берет в руки книгу Распутина, открывает свое сердце страданию (а главное — *со*страданию), источник которого — любовь автора к родной стороне и ее обитателям, в первую очередь к русской женщине.

Представляя лауреата на церемонии вручения премии, Солженицын отметил особенно важную для себя черту Распутина как художника, а именно его *безраздельное слитие* с двумя стихиями, природной и языковой: «Он — не описывает природу, а говорит её голосом, передаёт её нутряно. <…> Подобно тому — и с языком. Распутин — не использователь языка, а сам — живая непроизвольная струя языка. Он — не ищет слов, не подбирает их, — он льётся с ними в одном потоке»[2]. Писатель существует «как бы не сам по себе», но следует дару, который ему определен: «Распутин — из тех прозорливцев, которому приоткрываются слои бытия, не всем доступные и не называемые им прямыми словами»[3]. Причастность к Недоступному и Неназываемому — непременное для Солженицына свойство художника, служащего подлинному искусству[4].

---

[1] Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 259.

[2] *Солженицын А.И.* Слово на вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 // Новый мир. 2000. № 5. С. 189.

[3] Там же. С. 187.

[4] «Не все — называется. Иное влечет дальше слов. Искусство растепляет даже захоложенную, затемненную душу к высокому духовному опыту. Посредством искусства иног-

Высокая оценка Солженицыным плодов литературного труда Распутина была для младшего писателя очень важна. Он не раз говорил об этом в интервью последних лет[5]. Новым свидетельством творческих и человеческих отношений двух писателей стали письма, выявленные в Архиве Солженицына в Троице-Лыкове. После кончины Валентина Григорьевича его семья передала в этот архив копии трех писем Александра Исаевича 1995–2000 годов, что и положило начало работе над публикацией[6]. За эпистолярной подборкой мы сочли должным поместить слово Распутина памяти Солженицына, опубликованное в начале августа 2008 и ныне малодоступное читателю.

Присоединяем свой голос к потоку благодарностей Валентину Григорьевичу, который после знакомства с Домом русского зарубежья, где проходила церемония вручения литературной премии, стал его частым гостем и другом. Он интересовался работой Дома, старался не пропускать чествования лауреатов премии, приходил на дни памяти Александра Исаевича, участвовал в обсуждениях и конференциях, посвященных его творчеству. Его автограф хранится в архиве Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в книге отзывов выставки «Александр Солженицын: Из-под глыб: рукописи, документы, фотографии», первой презентации архива писателя в России[7].

Имя Валентина Распутина замкнуло список ушедших из жизни писателей, иногда называемых «деревенщиками», о которых не раз сердечно писал и говорил Солженицын, в частности на церемонии награждения Распутина в 2000 году: Василий Шукшин, Александр Яшин, Борис Можаев, Владимир Солоухин, Федор Абрамов, Георгий Семенов, Виктор Астафьев, Василий Белов… Обычно в таких случаях говорят, что кончилась эпоха. Но если и отошла в прошлое эпоха деревенщиков, то эпоха *нравственников*, как предпочитал называть этих писателей Солженицын, конца не имеет, ведь нравственные начала, *чувства добрые,* — та самая извечная традиция русской литературы, которой она дышит на протяжении столетий и которая, собственно, и определяет ее в потоке мирового искусства.

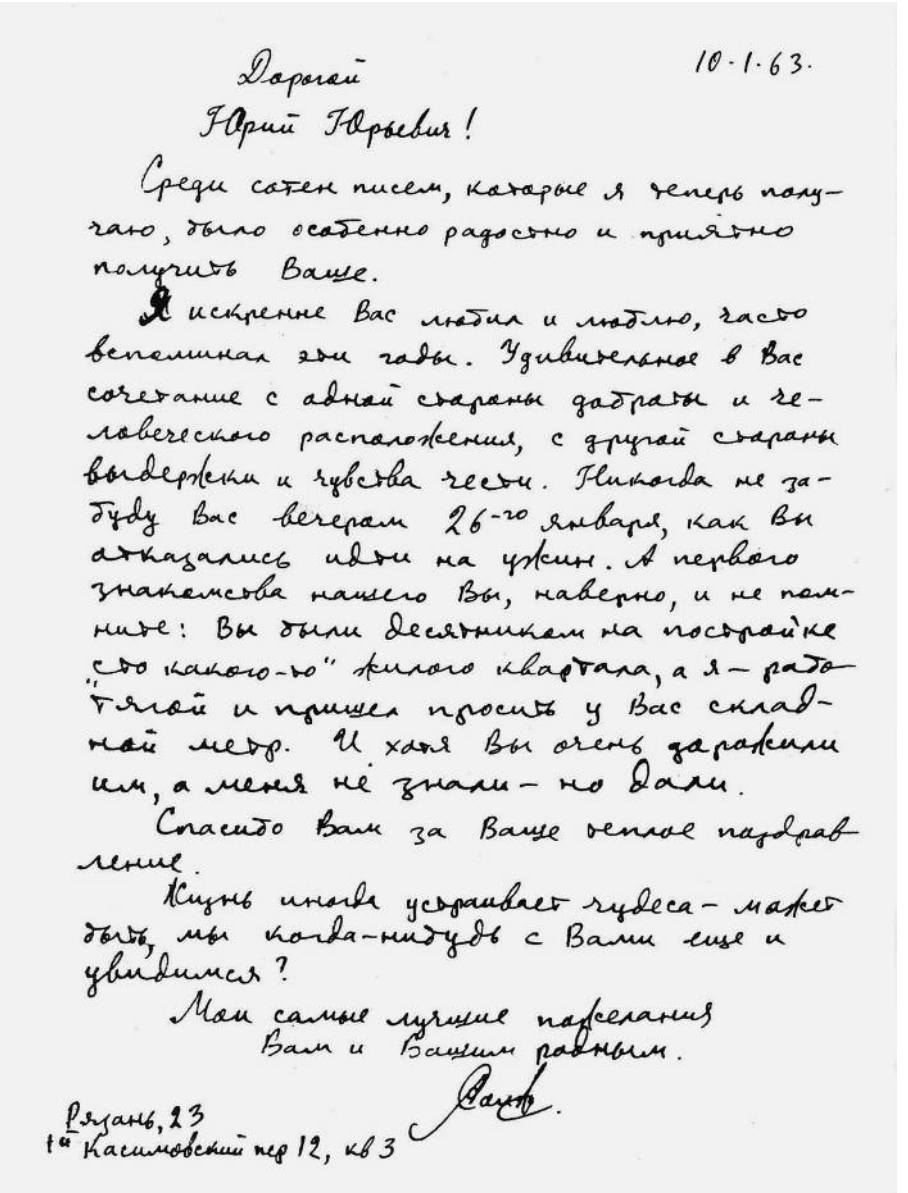
да посылаются нам, смутно, коротко, — такие откровения, каких не выработать рассудочному мышлению.

Как то маленькое зеркальце сказок: в него глянешь и увидишь — не себя, — увидишь на миг Недоступное, куда не доскакать, не долететь. И только душа занывает…» (*Солженицын А.И.* Нобелевская лекция // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 8–9).

[5] См., напр.: Валентин Распутин: «Он вернулся на родину как апостол» // Труд. 2008. 5 авг. (№ 143). С. 25.

[6] Оригиналы писем Солженицына находятся в фонде В.Г. Распутина в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ. Ф. 914. Картон 6. Ед. хр. 9).

[7] Запись В.Г. Распутина опубликована в числе других отзывов в отчете о выставке в ГМИИ. См.: Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2014. Вып. 3. С. 202–221.



Дорогой 10·1·63.

Юрий Юрьевич!

Среди сотен писем, которые я теперь получаю, было особенно радостно и приятно получить Ваше.

Я искренне Вас любил и люблю, часто вспоминал эти годы. Удивительное в Вас сочетание с одной стороны доброты и человеческого расположения, с другой стороны выдержки и чувства чести. Никогда не забуду Вас вечером 26-го января, как Вы отказались идти на ужин. А первого знакомства нашего Вы, наверно, и не помните: Вы были десятником на постройке "сто какого-то" жилого квартала, а я — работягой и пришел просить у Вас складной метр. И хотя Вы очень заражены им, а меня не знали — но дали.

Спасибо Вам за Ваше теплое поздравление.

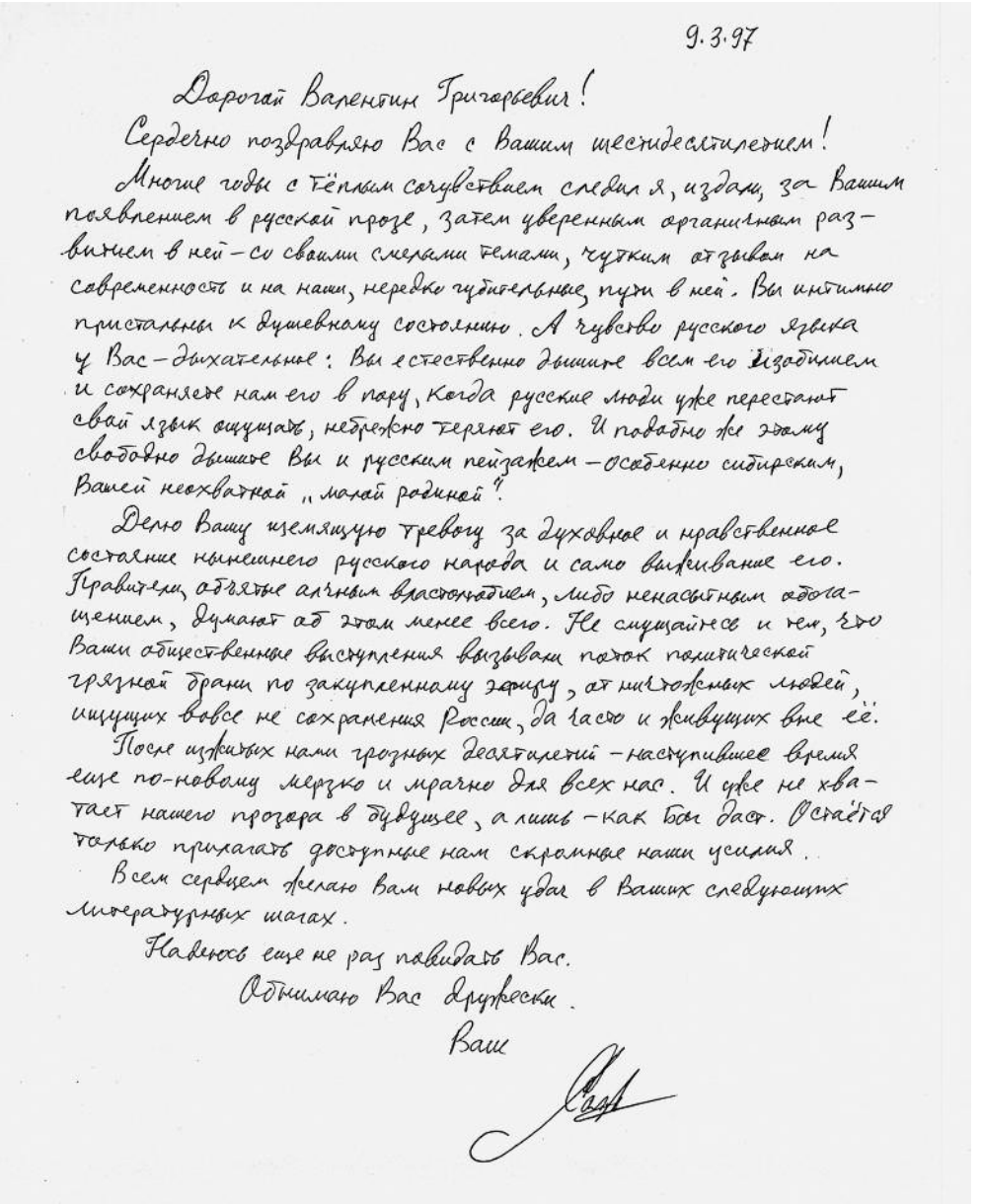
Жизнь иногда устраивает чудеса — может быть, мы когда-нибудь с Вами еще и увидимся?

Мои самые лучшие пожелания Вам и Вашим родным.

Ваш.

Рязань, 23
1-й Касимовский пер 12, кв 3

Письмо А.И. Солженицына к Ю.Ю. Венгерскому. 10 января 1963. Рязань. Публ. по факсимиле из изд.: Drogi Juriju Jurijewiczu...: Listy Aleksandra Sołżenicyna do Jerzego Juliana Węgierskiego / opracował i wstępem opatrzył W. Paźniewski. Katowice: Muzeum Śląskie, 2007. S. 18



9.3.97

Дорогой Валентин Григорьевич!

Сердечно поздравляю Вас с Вашим шестидесятилетием!

Многие годы с тёплым сочувствием следил я, издали, за Вашим появлением в русской прозе, затем уверенным органичным развитием в ней – со своими смелыми темами, чутким отзывом на современность и на наши, нередко щемительные, пути в ней. Вы интимно пристальны к душевному состоянию. А чувство русского языка у Вас – дыхательное: Вы естественно дышите всем его изобилием и сохраняете нам его в пору, когда русские люди уже перестают свой язык ощущать, небрежно теряют его. И подобно же этому свободно дышите Вы и русским пейзажем – особенно сибирским, Вашей неохватной „малой родиной".

Дело Вашу щемящую тревогу за духовное и нравственное состояние нынешнего русского народа и само выживание его. Правители, объятые алчным властолюбием, либо ненасытным обогащением, думают об этом менее всего. Не смущайтесь и тем, что Ваши общественные выступления вызывают поток политической грязной брани по закупленному заказу, от ничтожных людей, ищущих вовсе не сохранения России, да часто и живущих вне её.

После пережитых нами грозных десятилетий – наступившее время еще по-новому мерзко и мрачно для всех нас. И уже не хватает нашего прозора в будущее, а лишь – как бог даст. Остаётся только прилагать доступные нам скромные наши усилия.

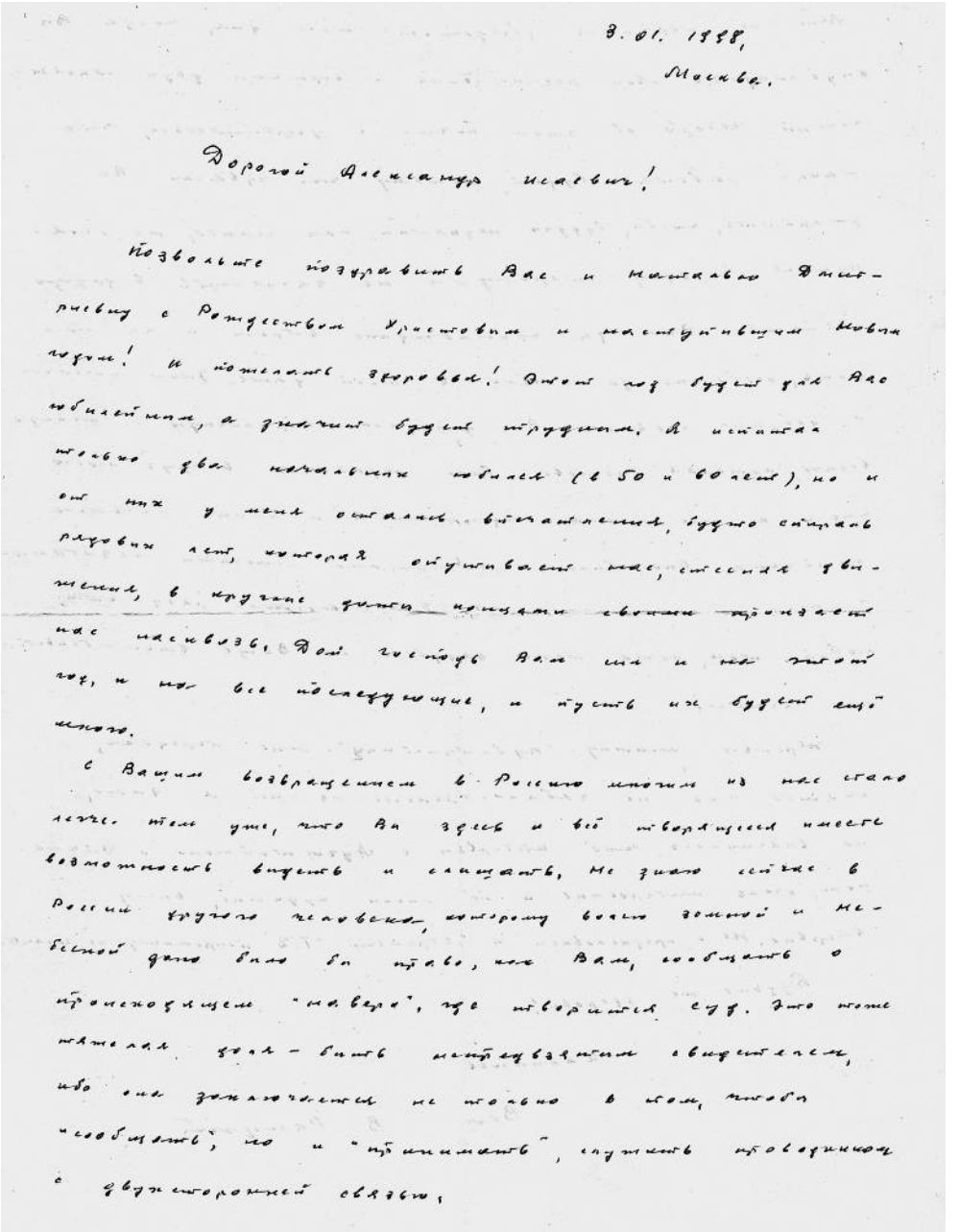
Всем сердцем желаю Вам новых удач в Ваших следующих литературных шагах.

Надеюсь еще не раз повидать Вас.

Обнимаю Вас дружески.

Ваш

Письмо А.И. Солженицына к В.Г. Распутину. 9 марта 1997. Москва.
1 л. Синяя шариковая ручка
ОР РГБ Ф. 914. К. 6. Ед. хр. 9. Л. 2



3.01. 1998,

Москва.

Дорогой Александр Исаевич!

Позвольте поздравить Вас и Наталью Дмитриевну с Рождеством Христовым и наступившим Новым годом! И пожелать здоровья! Этот год будет для Вас юбилейным, а значит будет трудным. Я испытал только два начальных юбилея (в 50 и 60 лет), но и от них у меня остались воспоминания, будто спираль родовых лет, которая опутывает нас, стесняя движения, в другие дни концами своими пронзает нас насквозь. Дай господь Вам их и нас этой год, и нас все последующие, и пусть их будет еще много.

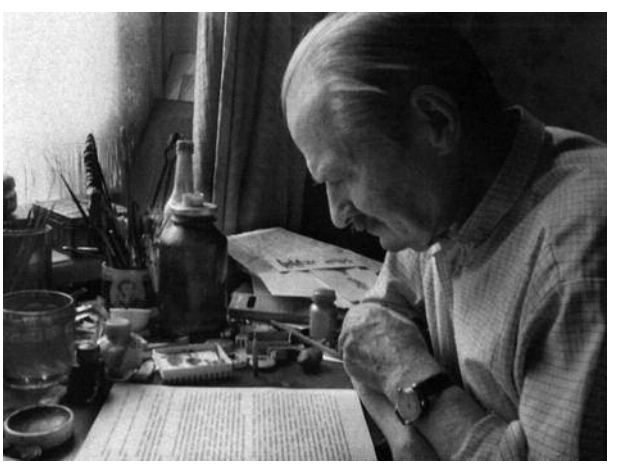
С Вашим возвращением в Россию многим из нас стало легче тем уже, что Вы здесь и всё творящееся имеете возможность видеть и слышать. Не знаю сейчас в России такого человека, которому вплоть земной и небесной дано было бы право, как Вам, сообщать о происходящем "на верху", где творится суд. Это тоже тяжелая доля – быть непредвзятым свидетелем, ибо она заключается не только в том, чтобы "сообщать", но и "принимать", служить проводником двусторонней связи,

Письмо В.Г. Распутина к А.И. Солженицыну. 3 января 1998. Москва.
1 л. с об. Синяя шариковая ручка
Архив А.И. Солженицына

«ЭТО БЫЛ ОБЫЧНЫЙ ЗАКАЗ»

История одного экслибриса

Экслибрис
А.И. Солженицына.
Ленинград. 1970
Архив Р.Б. Попова



Р.Б. Попов.
Санкт-Петербург. 2006
Фотография Н. Плунгян

ПИСЬМА

1. В.Г. Распутин — А.И. Солженицыну[1]

11 июня 1994

Многоуважаемый Александр Исаевич!

Очень благодарен Вам за приглашение на встречу. К огромному моему сожалению, быть в Иркутске в дни Вашего пребывания в связи с писательским съездом не смогу[2]. Надеюсь на встречу позднее.

Искренне

Валентин Распутин

---

[1] Телеграмма. Пункт отправления: Москва. Адрес получателя: «Иркутск, ул. Ленина 14, Городская администрация, Говорину для Солженицына Александра Исаевича». Почтовый штемпель: Иркутск, 11.06.1994. Архив А.И. Солженицына.

[2] Иркутск стал четвертой остановкой на пути Солженицына из Владивостока в Москву летом 1994 (после Хабаровска, Благовещенска, Улан-Удэ). Солженицын провел в нем несколько дней, с 13 по 16 июня. В Москве в это время проходил IX съезд Союза писателей России, на котором было избрано новое правление Союза, в которое вошел и В.Г. Распутин.

2. А.И. Солженицын — В.Г. Распутину[1]

27 августа 1995

27.8.95

Дорогой Валентин Григорьевич!

Получил в Иркутске Вашу теплую телеграмму и, от Вашего приятеля, тогда только что вышедшую «Россия: дни и времена»[2], которую прочел со вниманием и сочувствием.

Что до сих пор не повидались мы и в Москве — чувствую себя виноватым. Весь год был невытяжно трудным. В разные месяцы звонил Вам раза три — телефон не отзывался. А написать письмо собрался только сейчас (хотя почтового кода при адресе нет).

Я, конечно, читал все Ваши прежние книги и, из Вермонта, следил за Вашими последними публикациями: чудесные очерки о Сибири, Русское Устье, Алтай, верховья Лены.

Встретились мы с Вами во 2-м № «Москвы» за этот год[3]. А сейчас прочел Ваши последние рассказы: «В ту же землю», «Женский разговор» и «Пососедски» — и радуюсь, что Вы вернулись к прозе — да Вы из нее никогда и не уходили.

Коренная русская лексика для Вас естественна как воздух, она пропитывает насквозь все Ваши тексты, льется без усилия, без нарочитого поиска слов — какая это редкость сегодня! (Если Вы видели мой «Русский словарь языкового расширения» — Вы могли заметить, что я немало примеров там привожу из Ваших книг — а это всего лишь доля их[4]).

Очень радует свежесть передачи Вами пейзажа: никаких затрепанных штампов, все первичное и даже первозданное.

Разделяю всю горечь Вашего восприятия сегодняшней русской судьбы. Выбьемся ли мы из нее — Бог ведает. Но при моей протяжённости жизни скажу: по *всей* ее длине *ни одного* сладкого или покойного периода народной жизни не было — а у меня память с середины 20х годов.

Надеюсь встретиться с Вами в ближайшие месяцы. Сейчас уезжаю в несколько приволжских областей (предполагаю побывать и на 100-летии Есенина в Рязани)[5].

Обнимаю Вас дружески.

Ваш

А. Солженицын

---

[1] Автограф А.И. Солженицына. ОР РГБ. Ф. 914. Картон 6. Ед. хр. 9. Л. 1, 1 об.

[2] *Распутин В.Г.* Россия: дни и времена: публицистика. Иркутск: Изд-во журн. «Сибирь»; Т-во «Письмена», 1993.

[3] *Распутин В.Г.* Где моя деревня? // Москва. 1995. № 2. С. 3–5; *Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией // Там же. С. 146–162. Кроме того, портреты обоих авторов напечатаны в рубрике «Фотолетопись “Москвы”» (Там же. С. 6–7).

[4] *Солженицын А.И.* Русский словарь языкового расширения. М.: Наука, 1990. Распутин не был знаком с этим изданием. О высокой оценке Солженицыным языка распутинской прозы уже было сказано выше. В упомянутом слове на вручении премии он говорит также: «Объёмность его [Распутина] русского языка — редкая средь нынешних писателей. В “Словарь…” я от Распутина не мог включить и сороковой части его ярких, метких слов» (*Солженицын А.И.* Слово на вручении премии Солженицына Валентину Распутину. С. 189).

[5] В начале сентября 1995 года Солженицын побывал в Пензе, Самаре, Саратове. Его намерение посетить 3 октября 1995 года Константиново не осуществилось.

3. В.Г. Распутин — А.И. Солженицыну[1]

4 ноября 1995

4.11.1995
Москва

Многоуважаемый и дорогой Александр Исаевич!

Не все сумерки — пробиваются и светлые лучи. Большой радостью для меня стало Ваше письмо, которому пришлось, правда, почти два месяца ожидать меня в Москве. Но тем дороже оно стало, что и ожиданием не погнушалось.

Очень многое, дорогой Александр Исаевич, значит для меня Ваше мнение, пусть и умилостивленное. Его теперь можно взять с собой и для оправдания, когда придется предстать для ответа. Удивительно, как Вы успеваете еще и читать. За прозу не стыдно, даже если не дотягивает она до необходимого уровня. Но это мой уровень, выше которого теперь уже прыгать непосильно. А вот с собственной публицистикой у меня сложные отношения. Писалась она в прежние годы хоть и искренне, но при нечетких взглядах и недостаточных знаниях. Мое поколение, отстоящее от революции двумя десятками лет, в течение которых запасы во многом были исчерпаны, выросло в условиях духовной пустыни и в ней же прожило бóльшую часть жизни. В 50 лет приходилось делать открытия, которые полагалось иметь с юности. А сделав их, не терпелось делиться, и выходило так, что за истину выдавались очевидные вещи.

До 80-х годов к нам и с Запада, когда прорывались они, попадали книги по большей части лукавого происхождения и направления. Исключением были Ваши книги, исключение серьезное и все равно недостаточное. Я сейчас с удивлением вспоминаю, что Ваше влияние на Россию было не только книгами, но и тем, что Вы — верующий, над чем в газетах, разумеется, издевались, но — верующий, значит, нельзя без Бога. Это таким кажется теперь естественным, а всего 15 лет назад это составляло чуть ли не переворот в сознании.

А с тех пор, как Вы здесь, в России, стало спокойней. Уж Вы-то ни на чьем поводу не пойдете. Конечно, я был бы рад встрече с Вами, но, ради Бога, не считайте себя обязанным идти на нее (на них — потому что не я один в Вашей памятке) непременно в ближайшие недели или месяцы. Времени у Вас слишком в обрез. Раз уж Вы здесь, все равно где-нибудь пересечемся. А мне пока и письма надолго хватит.

Будьте только здоровы!

Низко кланяюсь

В. Распутин

[1] Автограф В.Г. Распутина. Архив А.И. Солженицына. 1 л. с об.

4. А.И. Солженицын — В.Г. Распутину[1]

9 марта 1997

9.3.97

Дорогой Валентин Григорьевич!

Сердечно поздравляю Вас с Вашим шестидесятилетием!

Многие годы с тёплым сочувствием следил я, издали, за Вашим появлением в русской прозе, затем уверенным органичным развитием в ней — со своими смелыми темами, чутким отзывом на современность и на наши, нередко губительные, пути в ней. Вы интимно пристальны к душевному состоянию. А чувство русского языка у Вас — дыхательное: Вы естественно дышите всем его изобилием и сохраняете нам его в пору, когда русские люди уже перестают свой язык ощущать, небрежно теряют его. И подобно же этому свободно дышите Вы и русским пейзажем — особенно сибирским, Вашей неохватной «малой родиной».

Делю Вашу щемящую тревогу за духовное и нравственное состояние нынешнего русского народа и само выживание его. Правители, объятые алчным властолюбием, либо ненасытным обогащением, думают об этом менее всего. Не смущайтесь и тем, что Ваши общественные выступления вызывают поток политической грязной брани по закупленному эфиру, от ничтожных людей, ищущих вовсе не сохранения России, да часто и живущих вне её.

После изжитых нами грозных десятилетий — наступившее время еще по-новому мерзко и мрачно для всех нас. И уже не хватает нашего прозора в будущее, а лишь — как Бог даст. Остаётся только прилагать доступные нам скромные наши усилия.

Всем сердцем желаю Вам новых удач в Ваших следующих литературных шагах.

Надеюсь еще не раз повидать Вас.

Обнимаю Вас дружески

Ваш

А. Солженицын

---

[1] Автограф А.И. Солженицына. ОР РГБ. Ф. 914. Картон 6. Ед. хр. 9. Л. 2.

5. В.Г. Распутин — А.И. Солженицыну[1]

3 января 1998

3.01.1998,
Москва

Дорогой Александр Исаевич!

Позвольте поздравить Вас и Наталью Дмитриевну с Рождеством Христовым и наступившим Новым годом! и пожелать здоровья! Этот год будет для Вас юбилейным, а значит, будет трудным. Я испытал только два начальных юбилея (в 50 и 60 лет), но и от них у меня остались впечатления, будто спираль рядовых лет, которая опутывает нас, стесняя движения, в круглые даты концами своими пронзает нас насквозь. Дай Господь Вам сил и на этот год, и на все последующие, и пусть их будет еще много.

С Вашим возвращением в Россию многим из нас стало легче. Тем уже, что Вы здесь и всё творящееся имеете возможность видеть и слышать. Не знаю сейчас в России другого человека, которому волею земной и небесной дано было бы право, как Вам, сообщать о происходящем «наверх», где творится суд. Это тоже тяжелая доля — быть непредвзятым свидетелем, ибо она заключается не только в том, чтобы «сообщать», но и «принимать», служить проводником с двухсторонней связью.

Мне не терпится дождаться того дня, когда Вы опубликуете свои размышления с вершины двух тысячелетий. Говорю об этом почти с уверенностью, что такая работа будет, потому что едва ли Вы утерпите, чтобы, будучи поднятым, как никто, не оглянуться в одну сторону и не заглянуть в другую.

Спасибо Вам за прошлогодние встречи и за помощь, особенно за письмо к моей дате. Этим письмом и добрыми словами Вы упредили неприличную и мелкую возню, которая готова была подняться вокруг моего имени и уже стала подниматься и была письмом пресечена. Оно было перепечатано многими газетами — и пришлось тон менять[2]. Я бы выдержал, разумеется, любой тон, кожа тоже задубела, но Ваше вмешательство мне лестно.

Третью книжку «публицистики» мне передали, спасибо, что не забыли. Многое из нее я знаю, но выяснилось, что интервью с Аугштайном и Эйкманом, очень интересные и по мысли крупные, вижу впервые. Но с предисловием к «Стремени «Т.Д.» по-прежнему не согласен[3].

Будьте же здоровы!

Кланяюсь

Ваш

В. Распутин

---

[1] Автограф В.Г. Распутина. Архив А.И. Солженицына. 1 л. с об.

[2] Напр.: *Солженицын А.И.* [Письмо В.Г. Распутину] // Труд. 1997. 14–20 марта. С. 4.

[3] Речь идет о вышедшем в свет последнем томе издания: *Солженицын А.И.* Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995–1997. Распутин пишет о

следующих публикациях: интервью Солженицына, данные Рудольфу Аугштайну для журнала «Шпигель» (9 октября 1987) и Дэвиду Эйкману для журнала «Тайм» (23 мая 1989), а также его предисловии к работе И.Н. Медведевой-Томашевской: Невырванная тайна. Предисловие к книге Д* «Стремя “Тихого Дона”» (январь 1974).

За публицистическими работами Солженицына Распутин следил с большим интересом. С докладом о публицистике Солженицына он выступил на Международной научной конференции «Александр Солженицын: проблемы художественного творчества. К 85-летию писателя» (Москва, 17–19 декабря 2003). См.: *Распутин В.Г.* Тридцать лет спустя: (публицистика А.И. Солженицына начала 1970-х годов, до высылки на Запад) // Между двумя юбилеями: 1998–2003. М.: Русский путь, 2005. С. 339–348.

6. А.И. Солженицын — В.Г. Распутину[1]

27 января 2000

27.1.00

Дорогой Валентин Григорьевич!

Звонил я сегодня потому, что нынче наше жюри присудило Вам нашу премию 2000 года. Хотелось сразу и поздравить, да неохота по телефону растрезвонивать раньше времени. (Объявлено будет только 28 февраля.) Да надо и кое-что другое обсудить. И Вы — заранее *никому* не разглашайте.

Первый вопрос: вручать премию, по нашему уставу, надо бы 4 мая. Сейчас Вы сказали, что от 7 марта уедете на 2 месяца? Как бы сделать так, чтобы Вы к сроку вернулись? Дальше за тем еще праздники начинаются, переносить нам неудобно.

На церемонии будет моя объяснительная речь, а затем ждем от Вас ответного слова минут на 15 (на свободную тему, любым образом связанную с Вашим творчеством)[2]. Вы можете пригласить (заранее нам назвать) человек 7–8, кого Вы желаете. (И кроме того, если надо, дать совет, кого б еще из писателей позвать.) Хорошо б Вы такой список Вы оставили у нас в конторе у Муниры еще до Вашего отлёта в марте[3].

Еще о других подробностях с Вами договорится Наталья Дмитриевна.

Сердечно рад видеть Вас нашим лауреатом.

Крепко обнимаю Вас.

Кланяюсь Светлане Ивановне.

Ваш

А. Солженицын

---

[1] Автограф А.И. Солженицына. ОР РГБ. Ф. 914. Картон 6. Ед. хр. 9. Л. 3.

[2] Церемония вручения премии состоялась 4 мая 2000 года. О выступлении Солженицына уже упоминалось (см. выше, примеч. 2 на с. 255 наст. изд.). Ответное слово лауреата см., напр.: *Распутин В.Г.* Новый ковчег // Литературная газета. 2000. 17–23 мая (№ 9–10). С. 1, 9, 10. В 2008 в серии «Литературная премия Александра Солженицына»

из печати вышла книга, включившая оба выступления: *Распутин В.Г.* В поисках берега: Повести, рассказы, статьи. М.: Русский міръ; Московские учебники, 2008.

[3] Мунира Уразова — в 1992–2008 годах секретарь литературного представительства Солженицына, которое располагалось в помещении Русского общественного фонда на Тверской. Состоявшееся в Доме русского зарубежья торжество, собравшее в одном зале деятелей от литературы разных политических взглядов и направлений, широко освещалось в прессе. Главный акцент в отчетах корреспондентов сделан на то, что напоминание о высоком призвании литературного труда, которое прозвучало в речах и Солженицына, и Распутина, придало церемонии особый смысл: «…литература должна служить не разделению, а единению». См., напр.: *Немзер А.С.* Чтобы помнили: Валентин Распутин получил премию Александра Солженицына // Время новостей. 2000. 5 мая (№ 34). С. 1.

7. В.Г. Распутин — А.И. Солженицыну[1]

26 апреля 2002

Христос Воскресе,
дорогой Александр Исаевич!

По TV узнал, что Вы в этом году не присутствовали на вручении премии. Но по бодрому настроению Натальи Дмитриевны можно было понять, что ничего страшного нет, а приступ пришелся как раз на эту пору. Не Вас подбадривать, чтобы Вы крепились, как Вы умеете крепиться, Вы доказали всею своею жизнью, но в эти праздничные дни многие, очень многие в России молятся за Ваше здоровье. Теперь уже и представить нельзя, что в это десятилетие, с тех пор, как Вы вернулись, мы могли бы обходиться без Ваших новых книг, без Ваших выступлений, без Вашего мнения. Без Вашего духовного влияния на Россию.

Спасибо за последних лауреатов премии. Это опять, как и в прошлом году, очень точное попадание: Леня Бородин как бы стоял в очереди, а А.С. Панарин… впечатление такое, что он был подготовлен, взращен ролью этой премии[2]. Кажется, не будь ее, и он был бы вполовину меньше, несмотря на свой дар и возраст. Это уже Ваши ученики и последователи, и со временем их должно прибывать.

Спасибо и за «Двести лет вместе», в котором тоже «вместе» и деликатность, и откровенность, правда как для одних, так и для других[3]. Я хотел сказать это Вам по телефону, еще в декабре, но дозвониться стало трудно. Должно быть, телефон «разошелся», и Наталья Дмитриевна правильно делает, что принимает предупредительные меры.

Храни Вас Господь, Александр Исаевич!
Наталье Дмитриевне кланяюсь.
Ваш

В. Распутин

Иркутск
26 апреля 2002

[1] Архив А.И. Солженицына. Автограф В.Г. Распутина. 1 л. с об.

[2] Премию 2002 года поделили писатель Леонид Бородин («за творчество, в котором испытания российской жизни переданы с редкой нравственной чистотой и чувством трагизма; за последовательное мужество в поисках правды») и философ Александр Панарин («за книги “Реванш истории” (1998) и ”Искушение глобализмом” (2000) — с их глубоким осмыслением нового мирового порядка, места в нём России и её ценностного самостояния»). См.: Солженицынские тетради: Материалы и исследования. Вып. 1. С. 260.

[3] *Солженицын А.И.* Двести лет вместе: в 2 т. М.: Русский путь, 2001–2002. — (Исследования новейшей русской истории).

8. В.Г. Распутин — А.И. Солженицыну[1]

5 марта 2004

5.03.2004

Св. Гора Афон

Досточтимые Александр Исаевич и Наталья Дмитриевна, сподобившись по воле Божией и заступничеству Борогодицы оказаться во вторую седмицу Великого Поста в русском Св. Пантелеимоновом монастыре, молимся о Вашем здравии, согласии и богоспасаемости.

Ваши молитвенники и почитатели

В. Распутин, Максим Шостакович, С. Ямщиков

[1] Почтовая открытка с изображением Пантелеимоновского монастыря на Афоне. Архив А.И. Солженицына. Текст написан рукой М.Д. Шостаковича, Распутин и Ямщиков подписали. Поездку на Афон Распутин описал в очерке, опубликованном в его лауреатском сборнике: *Распутин В.Г.* На Афоне // Распутин В.Г. В поисках берега. С. 435–460.

9. В.Г. Распутин — А.И. Солженицыну[1]

18 апреля 2006

Христос Воскресе, дорогой Александр Исаевич!

Пусть эти светлые дни прибавят Вам радости и бодрости и пусть притихнут хотя бы на время оное всякие болячки! Мой слабый дух (и не только мой) во многом поддерживают Ваше присутствие рядом с нами и Ваша неустанная могучая работа. Это не может быть для нас даже примером — слишком велико расстояние, но вспомнишь утром часов в восемь, что Вы уже с пяти-шести за столом и что все лучшие дары достались Вам — и поне-

воле с кряхтением и сам идешь добирать остатки. Это-то почти шутка (но не совсем), но я часто думаю о Вас, и все чаще по утрам, и представляю Вас за работой. Такого могущества, и физического, и духовного, и рабочего, нынче более нет.

В.И. Белов совсем сдал, из дому уже не выходит. Я передвигаюсь даже с охотой, но в моих передвижениях немало дорог из больницы в больницу. Нынче уверен был, что попаду на вручение Вашей премии[2], но в моей родной деревне наконец-то построили школу (и с моим участием), а открытие ее назначено в тот же день, когда мой поезд приходит в Иркутск.

Но пишу я Вам не для того, чтобы оправдаться, а чтобы в Христов день поклониться Вам и пожелать во всю Пасху благостного настроения.

Кланяюсь и Наталье Дмитриевне.

Искренне

В. Распутин

18.04.06

---

[1] Автограф В.Г. Распутина. 1 л. с об. Архив А.И. Солженицына.

[2] «За тонкое исслеживание в художественной прозе силы и хрупкости человеческой души, её судьбы в современном мире; за осмысление путей русской литературы XX века в жанре писательских биографий» лауреатом 2006 года стал писатель Алексей Варламов. См.: Солженицынские тетради: Материалы и исследования. Вып. 1. С. 261.

10. В.Г. Распутин — А.И. Солженицыну[1]

11 декабря 2007

С Днем рождения, дорогой Александр Исаевич! Господь хранит Вас и дает Вам силы и мудрость, чтобы Россия удостоверилась, что делать и куда идти. Хочется верить, что именно Ваше слово даст надежные плоды. Поздравляю также всех, кто рядом с Вами.

Ваш

Валентин Распутин

---

[1] Телеграмма. Пункт отправления: Москва. Адрес получателя: «Москва 9, Тверская 2, строение 8, кв. 169. Солженицыну Александру Исаевичу». Почтовый штемпель: Москва, 11.12.2007. Архив А.И. Солженицына.

В.Г. Распутин

НЕУСТАННЫЙ РЕВНИТЕЛЬ[1]

Памяти Александра Солженицына

На 90-м году жизни — и все равно смерть неожиданная и событие горькое… Совсем недавно, меньше месяца назад, я был у Александра Исаевича в его рабочем кабинете. Он сидел за столом, не пропуская ни одного дня… Да и последний день своей жизни он, должно быть, отдал работе. Отдаваться праздности он не умел, как многие из нас не умеют отдаваться постоянному трудничеству.

Это была поистине могучая фигура. И в литературе, и в общественной жизни это была одна из самых могучих фигур за всю историю России. Сейчас, когда его не стало, это понимается в особенности. Один человек бросил вызов огромной системе — и победил. Ни у кого, будь то самые знаменитые личности в искусстве, науке и политике, не было столь огромной прижизненной славы, популярности, как у Александра Исаевича. В эти дни должен скорбно ахнуть весь мир — не стало великого нравственника, справедливца, таланта.

Впрочем, почему же не стало? Он не все успел, как не успевают все много работающие люди, но оставленное им и для читателей, и для всякого, кто ищет справедливости, долго еще будет оставаться высоким мерилом гражданского подвига.

Его не все любили, но и как может ожидать всеобщей любви человек, безмерно любящий Россию? Его не все понимали, не все признавали, настолько он выделялся из общего порядка гражданина и писателя. Но его признавала Россия — достаточно вспомнить встречи при возвращении Александра Исаевича в Москву после многолетнего изгнания, встречи с огромными аудиториями, когда люди рвались поговорить с ним, поглядеть на него, как на апостола.

Но мы не прощаемся с Александром Исаевичем. Сказал поэт: «Нет, весь я не умру…» Столько правды и жизни оставил после себя Солженицын, что прощания быть не может, ни духовного, ни праведнического. Он так много сказал, и так хорошо, точно сказал, что теперь только слушать, внимать, понимать.

---

[1] Литературная газета. 2008. 6–12 авг. № 32 (6184).

Р.Б. Попов

«ЭТО БЫЛ ОБЫЧНЫЙ ЗАКАЗ»

История одного экслибриса

Предисловие и примечания Г.А. Тюриной

Экслибрис — непременная примета любого книжного собрания, составленного с попечением и вкусом. С возникновения книгопечатания этот знак не столько указывает на владельца библиотеки, сколько является художественным выражением его любовного отношения к книге[1]. История создания экслибриса для библиотеки Александра Солженицына — свидетельство читательской любви и поддержки в момент, когда такая поддержка была для писателя особенно важна. Эта работа была выполнена в Ленинграде летом 1970 года. Траектория литературной «карьеры» Солженицына уже определилась со всей ясностью: исключение из Союза писателей СССР в ноябре 1969 года окончательно подтвердило его полное несоответствие канонам официальной советской литературы, рядовые же читатели, как и многие представители мирового культурного сообщества, ценили его прозу за живое и живительное дыхание отодвинутой государственной идеологией литературы русской[2]. Выдвижение писателя на Нобелевскую премию и ее присуждение ставили Солженицына перед очередным жизненным выбором: руководство стра-

---

[1] Литература по истории экслибриса огромна. В связи с нашей публикацией обратим внимание на исследования, посвященные истории отечественного экслибриса, в частности попыткам его выживания в 1930–50-е годы, когда экслибрис относился к пережиткам буржуазного прошлого. На время «оттепели» приходится возрождение жанра, он становится популярным и востребованным среди представителей культурной среды. См., напр.: *Гетманский Э.Д.* Экслибрис — документ эпохи: в 3 т. Тула: Тульский полиграфист, 2015.

[2] Обстоятельства жизни Солженицына в это время подробно описаны им самим. Найдя приют на даче Мстислава Ростроповича в Жуковке, писатель приступил наконец к осуществлению замысла романа-эпопеи о русской революции, не оставаясь при этом в стороне от происходящих в стране событий. Так, его выступление в защиту Ж. Медведева летом 1970 года могло повлечь и собственные неприятности: «С дачи Ростроповича, где я жил безо всяких прав, непрописанный, да ещё в правительственной зоне, откуда выселить любого можно одним мизинцем — не выселяли, не проверяли, не приходили. И постепенно создалось у меня внешнее и внутреннее равновесие, гнал я свой “Август”, и в тот год, 70-й, сидел бы тише тихого, писка бы не произнёс. Если бы не несчастный случай с Жоресом Медведевым в начале лета. Имен-

ны, принявшее еще в конце 1969 года решение выдворить неугодного писателя за ее пределы, хотело использовать эту ситуацию в своих целях[3]. Сквозь ругань и брань очередной кампании, развернутой на страницах центральной советской печати против Солженицына, голосам почитателей его творчества прорваться было невозможно, тем не менее они находили пути поддержать гонимого писателя. Так, в разгар травли, в октябре 1970-го, Солженицына достиг увесистый конверт с подарком, изготовленным для него ленинградскими поклонниками: художником Рюриком Поповым, молодыми учеными-гидрологами Андреем Гордиковым и Сергеем Боголюбовым и дружившей с ними, направлявшей их литературные вкусы Ларисой Михайловной Сидоркиной[4].

Никто из этих людей не входил в круг общения писателя или его знакомых, и путь следования посылки был весьма замысловат. Андрей Гордиков приятельствовал с Дмитрием Резниковым, который доверил ему секрет, что его брат Иосиф был одноклассником Солженицына в школе в Ростове-на-Дону[5]. Их мать, Алита Михайловна Резникова-Ширман[6], была близкой под-

---

но в эти месяцы, конца первой редакции и начала второй, определялся успех или неуспех всей *формы* моего “Р-17”, а так потребна была удача! так нужен был систематический объёмный рассказ именно о революции: ведь замотают её скоро свои и чужие, что не доищешься правды. И благоразумные доводы о жребии писателя приводили мне отговаривающие друзья.

Но — разумом здесь не взвесить: вдруг запечёт под ногами, оказывается — сковорода, а не земля, — как не запляшешь? Стыдно быть историческим романистом, когда душат людей на твоих глазах. Хорош бы я был автор “Архипелага”, если б о продолжении его сегодняшнем — молчал дипломатично» (*Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 275).

[3] О планах советского руководства в отношении Солженицына в связи с присуждением ему Нобелевской премии см.: *Сараскина Л.И.* Солженицын и медиа в пространстве советской и постсоветской культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2014. С. 180–193.

[4] *Попов* Рюрик Борисович (р. 1928) — художник и коллекционер, мастер экслибриса, собравший оригинальную коллекцию из работ В.А. Фаворского, Д.И. Митрохина, С.В. Чехонина, К.А. Сомова, А.Н. Бенуа. Как и А.В. Гордиков, «подопечный» «Ленинградского мартиролога» (историю своей семьи Рюрик Борисович ниже расскажет сам).

Гордиков Андрей Владимирович (р. 1931) — географ-гидролог, коренной ленинградец, сын расстрелянного «врага народа» инженера Владимира Семеновича Гордикова, руководившего производством турбин для Днепрогэса. Вместе с матерью жил в ссылке в Южном Казахстане, в 12 лет осиротел. По окончании Ленинградского университета занимался научными изысканиями на Иртыше и степных реках, в местах, где пролегал путь побега из лагеря Георгия Тэнно, описанный в «Архипелаге ГУЛАГе». Позже, читая посвященную этому побегу главу, Гордиков отметил точность Солженицына в описании природных условий и местной обстановки.

[5] О причастности Иосифа Резникова к литературным опытам школьника Солженицына см.: *Сараскина Л.И.* Александр Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 130.

[6] Резниковы жили в Ростове до 1949 года, когда был арестован глава семейства, Лазарь Моисеевич Резников, зав. кафедрой философии в университете. Дмитрий уехал учиться в Вильнюс, впоследствии работал в Ленинграде. Алита Михайловна, тоже прежде преподававшая в РГУ, переехала в Москву, где воссоединилась с мужем после его освобождения. Сведения о ней присутствуют в публикациях, посвященных ее сестре, поэтессе Елене Ширман (1908–1942). См., напр.: *Папуловский И.* А жизнь одна…: Повести. Таллин: Ээсти раамат, 1998.

ругой Сары Эммануиловны Бабенышевой, тоже в прошлом ростовчанки, а ныне активной участницы столичной литературной и общественной жизни, имевшей возможность надежно передать посылку Солженицыну[7]. И хотя время для упорядочивания домашней библиотеки было не самым подходящим (собственно, и самого дома в привычном понимании этого слова в те годы у Солженицына не было — наиболее постоянным местом его пребывания был флигель на даче Ростроповича), писатель тепло принял подарок и письменно ответил незнакомым друзьям.

Сегодня мы знаем подробности этой истории благодаря свидетельствам Андрея Владимировича Гордикова и Рюрика Борисовича Попова (о судьбе двух других участников этого предприятия ничего узнать не удалось)[8]. Гордиков и Попов сохранили в личных архивах несколько экземпляров экслибриса и текст письма Солженицына, который ныне предоставили для публикации[9]. Письмо датируется 24 октября 1970 — в эти дни писатель был захвачен событиями, последовавшими за присуждением ему Нобелевской премии[10].

Примечательно и смысловое «схождение» ленинградского экслибриса с солженицынской нобелианой. Центральный образ работы Рюрика Попова — процветшее вязовое бревно, ветка со свежими, твердыми листьями, уверенно тянущимися кверху, несмотря на обрушившийся на них ливень. Внизу изображены «средства ухода» за этой веткой — каменная кладка и мастерок, знакомые всем читателям Солженицына символы ежедневного упорного труда. Проросшее зелеными листьями бревно венчает и живописную композицию, составленную из нескольких сцен рассказов и крохоток Солженицына шведским художником Гуннаром Брусевитцем, иллю-

---

[7] *Бабенышева* Сарра Эммануиловна (1910–2007) — литературный критик, правозащитница, эмигрировала в США в 1981 году.

[8] Приносим глубокую благодарность А.В. Гордикову и Р.Б. Попову за возможность этой публикации, а также за доброе, исключительно интересное общение. Выражаем здесь слова признательности и Анатолию Яковлевичу Разумову, редактору «Ленинградского мартиролога», руководителю Центра «Возвращенные имена», за помощь в розыске героев этой публикации.

[9] В архиве Солженицына экслибрис обнаружить пока не удалось. Вероятно, он был утрачен после ареста и высылки писателя.

[10] Именно в эти дни писатель должен был сделать главный выбор: «В 50 лет я клялся: “моя единственная мечта — оказаться достойным надежд читающей России”. А в 52 представился отъезд — и убежал?..

А что, правда: остаться и биться до последнего? И будь, что будет?

<…>

Я вот как сделать уже хотел: записать нобелевскую лекцию на магнитофон, *туда* послать ленту, и пусть в Стокгольме её слушают. А *я — здесь*. Это — сильно! Это — сильней всего!

Но в напряжённые эти полтора месяца (тут наложилось тяжёлого семейного много) я уже не в состоянии был составить лекцию» (*Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. С. 280).

стратором Нобелевского диплома писателя, изготовленного примерно в то же время[11]. Различие жизненных обстоятельств и культурных традиций не помешало двум художникам выделить один и тот же мотив, самый главный в творчестве Солженицына — торжество надежды, веру в победу жизни над смертью, что делает книги писателя понятными во все времена и для всех народов.

Солженицын так никогда и не воспользовался экслибрисом по назначению; напряженная творческая работа до конца жизни не оставила времени для забот по организации домашней библиотеки. Экслибрис остался замечательным свидетельством живого читательского отклика, выраженного художественными средствами. По прошествии 35 лет художник Рюрик Борисович Попов впервые рассказывает о своем участии в создании экслибриса для гонимого писателя.

[11] См.: Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии: К 95-летию со дня рождения: [Выставка в ГМИИ им. А.С. Пушкина, 9 декабря 2013 – 9 февраля 2014] / авт.-сост. Н.Д. Солженицына, Г.А. Тюрина. М.: Русский путь, 2013. С. 260–262.

Это был обычный заказ. Как-то раз ко мне пришли три человека: двое молодых людей и женщина постарше. Нашли они меня через «Лавку художника» на Невском, где в витрине были выставлены разные образцы экслибрисов, в том числе и мой. Он им понравился, и они разузнали мой адрес и телефон. После звонка они пришли ко мне. Мама угощала их чаем, а они расспрашивали меня, читал ли я что-нибудь у Солженицына. Я ответил, что, конечно, читал «Один день Ивана Денисовича» и другие рассказы. Вместе обсудили, что должно быть изображено на экслибрисе. Я сделал на листочке набросок карандашом и показал им. Они оставили заказ и ушли. Я принялся за работу. Надо сказать, что в это время Солженицына честили на чем свет стоит, и я подумал, что, пожалуй, не пойду я с этим делом в Артиллерийский музей[1] — там был один человек, который на машинке, называемой «американка», печатал за деньги тиражи моих работ[2]. Тут я решил, что в музее могут узнать о том, что именно печатается, и лучше я сделаю это дома сам. Я вырезал на самшитовой дощечке изображение и стал делать оттиски при помощи переплетного пресса, который мне подарил один приятель. Накатывал на дощечку краску, накладывал листочек, закручивал винт и прижимал. Это весьма тяжелый процесс, так что за один сеанс я делал не больше 20 экземпляров. В итоге получилось 300 штук, за которыми мои заказчики пришли по прошествии недели.

Еще через какое-то время я был приглашен в гости к той самой даме, что приходила ко мне, и там мне дали прочитать письмо, полученное от Солженицына. У меня был блокнотик для зарисовок, я туда письмо списал, и так у меня сохранился этот текст. Я обратил внимание на почтовый конверт, он был, скажем так, несколько несвежим, т.е., видимо, письмо прошло через множество рук (в первую очередь, — на почте?). Позже мне подарили очень красивую тетрадь, в которую я решил записать самое важное, что было в жизни, в том числе переписать в нее и письмо Солженицына. Но я подумал, что не стоит делать это с копии, а лучше — с оригинала, и пошел по знако-

---

[1] Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи Министерства обороны СССР (ныне — Российской Федерации).

[2] Речь идет об одной из разновидностей тигельных печатных машин, изобретенных в Америке еще в середине XIX века, которые широко использовались в дореволюционной России и впоследствии в СССР. Преимущественное назначение «американки» — выполнение мелких, т.н. акцидентных работ вроде квитанций и бланков.

мому мне адресу, чтобы попросить еще раз показать мне письмо. Но в той квартире жили уже совсем другие люди, так что пришлось мне переписать в тетрадь письмо со сделанной мной прежде копии. Вот этот текст:

«*Попову Рюрику Борисовичу,*

Гордикову Андрею Владимировичу,

Сидоркиной Ларисе Михайловне,

Боголюбову Сергею Сергеевичу.

Спасибо, друзья, за Ваш грандиозный труд.

Увы, жизнь ползет по таким лазам, до того скручена, что не знаю, когда доведётся мне приводить в порядок библиотеку.

Крепко жму руки!

А. Солженицын

24.10.70».

Тогда я работал художником в журнале «Костер», с 1960 по 1985 год иллюстрировал одну из его рубрик, которая называлась «Морская газета»[3], а до этого — в цеху комбинированных съемок Ленфильма. Окончил я живописный факультет Академии художеств в Риге, а прежде художественное училище в Казани, где мои родители работали в Большом драматическом театре, отец, Борис Николаевич, проектировал декорации, а мать, Елизавета Васильевна, была художником по росписи тканей. Вообще-то они оба окончили сельскохозяйственный институт в Детском Селе, отец коневодческий факультет, а мать птицеводство. Отец работал главным зоотехником ленинградского ипподрома. В 1935-м, после убийства Кирова, отец был арестован, вместе с семьей (женой и двумя детьми, у меня была старшая сестра Люда) выслан в Западную Сибирь. Спустя два дня после отца был арестован дед, выслан в Оренбург, там же повторно арестован и расстрелян.

А был дед, Николай Николаевич Попов, сыном купца, окончил юридический факультет Петербургского университета, служил присяжным поверенным, был товарищем председателя Императорского общества поощрения рысистого коннозаводства, жил в доме на Звенигородской улице, рядом с манежем и конюшнями лейб-гвардии Семеновского полка. После революции вывез своих лошадей в Козлов, где их национализировали, а его взяли на работу инструктором рысаков. Потом он вернулся в Ленинград, но, как я уже сказал, в 1935 выслан. В последние годы в Оренбурге он был стартером на ипподроме. И отец в Новосибирске сначала работал на ипподроме, но он любил рисование и оформлял обложки программок бегов, почему его и взяли в

[3] Старейший отечественный журнал для детей и юношества, основан при издательстве «Детская литература» в 1936 году. В журнале публикуются литературные произведения, познавательные статьи, очерки по искусству, проводятся викторины и читательские конкурсы. Любопытно, что в 1962 году одновременно с судьбоносной публикацией «Одного дня Ивана Денисовича» в № 11 «Нового мира» в 11-м же номере журнала «Костер» появилось первое в советской печати произведение Иосифа Бродского — «Баллада о маленьком буксире».

театр «Красный факел» помощником декоратора. Отец умер, когда мы были уже в Казани, там и сестра Люда умерла от туберкулеза. Меня после художественного училища по распределению хотели отправить преподавать черчение и рисование куда-то в глухомань, но мать настояла и отправила меня в Ленинград, где ее сестра преподавала английский в институте иностранных языков. Я успешно сдал экзамены в Таврическое училище[4], но меня из списков зачисленных вычеркнули, тогда я и уехал учиться в Ригу.

После возвращения в Ленинград я несколько раз пытался попасть в дедову квартиру на Звенигородской, откуда, с широченного подоконника, я мальчиком наблюдал за скачками и окружающей жизнью. Но там теперь живут совсем другие люди, которым это все не близко. А у меня с тех пор, через все переезды, сохранилось самое дорогое — страна оловянных солдатиков, которую дед придумал в 1912 году для своего сына, моего отца. Я всю жизнь ее обустраиваю, сейчас, к 86 годам, у меня их уже больше тысячи[5]. Вообще, много чего было, много было встреч с разными людьми, добрыми и недобрыми. Я рад, что рассказал вам историю моей работы с экслибрисом Солженицыну, в ней, собственно говоря, ничего примечательного и нет.

---

[4] Ленинградское художественное училище им. В.А. Серова, располагавшееся на углу Тверской и Таврической улиц. Ныне — Санкт-Петербургское художественное училище им. Н.К. Рериха.

[5] В 2009 году издательство «Детгиз» выпустило книгу Р.Б. Попова «История моих солдатиков», в которой живо и увлекательно представлены правила и история детского развлечения дореволюционной России на фоне трагической истории семьи автора.

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ НИКИТЫ АЛЕКСЕЕВИЧА СТРУВЕ *(1931–2016)*

Никита Алексеевич Струве родился 16 февраля 1931 года в парижском предместье Булонь в русской эмигрантской семье. Его прапрадед Василий Яковлевич Струве (1793–1864) — астроном, геодезист, основатель и первый директор Пулковской обсерватории. Прадед Бернгард Васильевич Струве (1827–1889) был губернатором в Астрахани, а затем в Перми. Дед Петр Бернгардович Струве (1870–1944), сыгравший большую роль в формировании подростка Никиты, — знаменитый публицист, экономист, философ, в 1917 году был избран академиком Российской академии наук (исключен волей властей в 1928-м; посмертно восстановлен в 1990-м); в молодости теоретик «легального марксизма», впоследствии лидер правых кадетов, после революции активный участник политической жизни эмиграции. Отец Алексей Петрович Струве (1899–1976) — библиограф, антиквар. Мать Никиты Алексеевича Екатерина Андреевна Струве (1896–1978), урожденная Катуар, происходила из старинного лотарингского аристократического рода Катуар де Бионкур. Катуары бежали от французской революции, в России вынуждены были записаться в купеческое сословие и заняться торговлей. Георгий Львович Катуар, дядя Ек.А., — композитор, профессор Московской консерватории, учитель композитора Д.Б. Кабалевского.

Образование Струве получил во французских школах, затем в Сорбонне. В доме, сочетавшем петербургские интеллектуальные традиции с московским радушием, часто бывали Н.А. Бердяев, Иван Бунин, Алексей Ремизов, мать Мария (Скобцова), прот. Сергий Булгаков. Сам Н.А. пишет, что для него «большое значение имела встреча с Русским студенческим христианским движением, открывшим возможность не только бытового, но и деятельного и высокоинтеллектуального христианства (Зеньковский, Флоровский, Зандер, Шмеман)». В 1951 году Струве стал сотрудником журнала «Вестник РСХД». В 1954-м женился на Марии Александровне Ельчаниновой, дочери известного педагога, затем священника, автора посмертно изданной книги «Записи». Отбывал двухлетнюю воинскую повинность, после чего стал адъюнктом в Сорбонне по кафедре славистики, которую тогда возглавлял проф.

Пьер Паскаль. После шести лет работы в Сорбонне переведен во вновь образовавшийся университет Париж X (Нантер).

В 1963 году на французском языке вышла книга Струве, посвященная истории Церкви при советском режиме «Христиане в СССР» («Les chrétiens en U.R.S.S.»). Книга вызвала общественный резонанс, была переведена на пять языков. В 1960-е годы получает большое развитие деятельность старейшего в Европе русскоязычного издательства «ИМКА-Пресс», управлением которого на общественных началах Струве занимался с 1956 года, а с 1978-го до конца дней был его директором. В издательстве выходят книги Бердяева, Франка, Лосского, Бунина, Зайцева, о. Сергия Булгакова, о. Павла Флоренского, Солженицына. Со второй половины 60-х годов «Вестник РСХД» печатает статьи «из-за железного занавеса», становится необходимым и непременным участником духовной и умственной жизни части российского общества. Струве более полувека был автором и бессменным ответственным редактором «Вестника…» и его французского варианта «Messager orthodoxe» (выходит с 1958 года). С конца 1970-х председатель общества «Центр помощи» (Монжерон). В 1979-м защитил докторскую диссертацию об О.Э. Мандельштаме (издана на французском (1982), впоследствии — на русском (1988) в авторском переводе). Тогда же стал полным профессором в Нантере, где возглавил кафедру славистики.

Переводил на французский язык произведения Пушкина, Лермонтова, Фета, Ахматовой, издал двуязычные антологии русской поэзии XIX и XX столетий (1994), опубликовал фундаментальное исследование «70 лет русской эмиграции» («Soixante-dix ans d'émigration russe», 1996).

В 1990 году впервые приехал в Россию, в 1991-м стал соучредителем московского издательства «Русский путь» («филиала» «ИМКА-Пресс»), а в 1995-м — Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» (впоследствии — Дом русского зарубежья им. А. Солженицына). С 1998 года был постоянным членом жюри солженицынской литературной премии. Передал в Дом русского зарубежья письма и рукописи Бунина, Шмелева, Федотова, о. Сергия Булгакова, Цветаевой и многих других.

У Н.А. и М.А. Струве трое детей и восемь внуков.

Никита Алексеевич Струве скончался в Париже 7 мая 2016 года.

Прощание с Н.А. Струве в парижском кафедральном Александро-Невском соборе

Надгробные слова: Н. Солженицына, свящ. Георгий Кочетков, проф. Жорж Нива, Т. Викторова

Прощание с Никитой Струве проходило в кафедральном Александро-Невском соборе на улице Дарю 13 мая 2016 года. Литургию и чин отпевания возглавил протопресвитер Анатолий Ракович, ему сослужили на литургии 8 священников, на отпевании — 11 (проводить приехали из России, из Англии). После богослужения о. Анатолий попросил сказать надгробные слова Наталию Солженицыну, священника Георгия Кочеткова, ректора Свято-Филаретовского института, и Жоржа Нива, почетного профессора Женевского университета.

Наталия Солженицына:

Во все годы изгнания (да и потом) не было у нас с Александром Исаевичем более близкого друга, чем Никита Струве.

Те четыре последних месяца 1973 года, от момента, когда КГБ схватил рукопись «Архипелага…», и до его громовой публикации, приготовленной — в строгой тайне и в страшном напряжении — издателем Никитой Струве и типографом Леонидом Лифарем, — на кону была голова Солженицына. Появление «Архипелага…» опередило карательные решения властей, и они ограничились высылкой автора. Так что качества Никиты как боевого друга были нам уже известны, а теперь, в изгнании, предстояло узнать его в «мирной» жизни.

Наше заочное знакомство началось 50 лет назад, когда просочился на родину тонкий ручеек книг из русского зарубежья, их читали жадно, особенно издаваемый Никитой «Вестник», сразу воспринятый как духовный мост между разорванными частями России. Потом, весной 1971 года, возникла переписка, а встреча произошла в феврале 1974-го, на третий день после высылки Александра Исаевича, он тогда записал: «С Никитой встретились сразу очень тепло: такой сразу близкий, понятный, чего бы ни коснулись, — хотя он всю жизнь эмигрант, а я всю жизнь советский».

О горечи эмигрантской жизни Никита нас предупреждал: «Быть эмигрантом — труднейшее из искусств», «отсутствие среды гложет», «очевидно, родина — это не только земля, не только история, а прежде всего “чувство локтя”».

Но изгнание — это и «небывалая свобода». И сам Никита Алексеевич, будучи, как он говорил, «эмигрантом от рождения», — был в то же время гражданином мира. Он был благороден, бескорыстен и щедр. Обладал остротой взгляда, большим и глубоким умом, был интеллектуально свободен, притягивал и самой манерой общения — лишенной всякого пафоса, ироничной, но скрыто-нежной.

Не так часто бывает, что близость в совместной работе сопровождается и личной, человеческой близостью. Взаимопонимание у нас было всегда и во всем, хотя это и не значит во всем согласие — было немало споров, но со вниманием к позиции и аргументам друг друга, и споры эти никогда не вели к отдалению, но лишь к еще большему взаимному уважению и любви.

Жизнь без Никиты будет труднее, холоднее и горше.

Сам же он прожил на редкость цельную жизнь.

И ушел на Светлой неделе, когда Небо распахнуто.

Всей душой верю, знаю, что Господь даст ему во блаженном успении вечный покой.

Георгий Кочетков, священник:

Христос воскрес! Дорогой владыка, дорогие отцы, братья и сестры! Очень трудно, глядя из наших краев, из Москвы, говорить о Никите Алексеевиче, о новопреставленном брате нашем Никите, потому что уже очень много сказано, много написано, и повторяться не хочется, но хочется сказать то, что можно сказать лишь у гроба.

И мне здесь вспоминается только одно его высказывание, которое произвело на меня какое-то огромное впечатление. Оно прозвучало в Москве в очень ответственной обстановке. Никита Алексеевич был человеком, очень заинтересованным в судьбе России, судьбе русской культуры, судьбах живых людей. Он очень высоко ставил законы, нормы церковной жизни. Но очень важно было то, что он хорошо понимал, что кроме этих норм, которые действуют веками и ценятся церковью, на которые и он сам ориентировался, существует еще некий закон христианской жизни: как он сказал тогда, «закон правды и совести». Сама культура, которой так беззаветно служил Никита Алексеевич, была для него свидетельством правды и совести. И по его мнению, церковь также должна всегда, во всех, даже самых трудных внешних и внутренних обстоятельствах своей жизни, действовать по этому закону.

Вот это и хочется сейчас прежде всего вспомнить, потому что в светлые пасхальные дни верится, что церковь будет восстановлена и станет жить в полноте не только своего канонического бытия, но и закона правды и совести.

Именно такая жизнь и такая культура действительно возрождает и действительно воскрешает человека во славу Христову и никогда не дает ему унывать или отступать с верного пути.

Вечная память брату нашему новопреставленному Никите!

Жорж Нива:

Дорогие друзья! Не только семья, но и ученики, коллеги, читатели, почитатели и друзья Никиты Струве сегодня скорбят. Но мы и радуемся, пото-

му что преставился человек, нагруженный плодами богатой интеллектуальной, духовной и просто человеческой жизни.

Он был французом по рождению, по образованию. В Сорбонне в Париже я был, я думаю, в числе его первых студентов в 1958 году. Мы читали и комментировали басни Крылова. Никита на тот момент стал «ассистентом» нашего общего учителя Пьера Паскаля. Он был на четыре года меня старше. Мы стали друзьями. Пьер Паскаль был и остался на всю жизнь нашим мэтром: француз классической культуры, влюбленный в Россию, одно время увлекшийся революцией, наставник для Никиты, для меня и для целого поколения славистов. Никита написал докторскую диссертацию о еще мало известном тогда на Западе поэте Осипе Мандельштаме. Он издал также воспоминания вдовы поэта-мученика Мандельштама. Его книга соблюдает академический канон, но является также настоящей живой и проницательной книгой, в которой поэт предстает как почти христианин. Это ясно видно при его расшифровке поздних стихов Мандельштама, особенно стихотворения «Тайная вечеря» («Небо вечери в стену влюбилось…»), где экзегеза Струве сама как бы влюбленность в стену Миланского монастыря с остатками фрески Леонардо. «Подлинно, человек этот — свет во тьме», — написал отец Александр Шмеман после прочтения этого текста.

Струве был стилистом, писал на прекрасном французском. Его переводы в двуязычной «Антологии русской поэзии» отточенны и изысканны. Тютчев, Блок, Ахматова здесь переходят языковую границу.

Его книга «Христиане в СССР» (1963) открыла катакомбную церковь множеству французских читателей. И получила высокую оценку Франсуа Мориака, известного католического романиста.

Но конечно, этот французский интеллигент был и русским. Его семья, его предки, его воспитание в православной вере сделали его «мостовщиком» между двумя поэзиями, культурами, ветвями христианства. В «Дневниках» отца Александра Шмемана часто упоминаются его беседы со Струве о поэзии, как о французской, так и о русской. На страницах «Вестника РСХД» немало написано о Блезе Паскале, о Шарле Пеги, великом поэте, авторе мистериальных поэм дантовских масштабов, погибшем на бойне Первой мировой войны. Делалось это теми блестящими «русскими европейцами», жившими «здесь» и «там», которых Никита сумел объединить в «Вестнике», Сергеем Аверинцевым и многими другими.

Ибо взяв в свои руки «Вестник», он в течение десятков лет возвращал к жизни и издавал произведения забытых поэтов и прозаиков (матери Марии (Скобцовой), Андрея Платонова) задолго до перестройки и открывал поэтов новых — например, Ольгу Седакову. Оживали философские споры, исторические, богословские, философские: его «Вестник» останется как огромный памятник, как «Колокол» Герцена или «Континент» Максимова. К тому же

Струве основал «Вестник» французский, это стало мостом понимания и надежды.

Никита Алексеевич перевел несколько поэм Шарля Пеги, в частности фрагменты из «Пяти молитв, произнесенных в Шартрском соборе». Если позволите, я зачитаю его перевод. Он прекрасен.

Мы не просим Тебя, чтоб душу заблудшую
На путь счастья поставили вновь,
Нам довлеет, царица, что мы честь соблюли.
Не хотим мы, чтоб помощь из жалости

Возвратила нас вновь на счастья стезю,
Не хотим мы того, чтоб любовь покупная
Возвратила нас вновь на стезю послушанья,
О владычица нашей строптивой души.

Владычица моря и гавани знатной,
Мы просим всего лишь в смиренных словах
Сохранить, о царица, под твоими наказами
Верность, что смерти сильней.

По просьбе Даниила Струве, сына Никиты Алексеевича, приготовила слово и Татьяна Викторова, последние 15 лет тесно сотрудничавшая с Н.А. как соредактор «Вестника». По недостатку времени слово не было произнесено, приводим его здесь.

Татьяна Викторова:

К этим венкам, сотканным из слов и жестов благодарности Никите Алексеевичу, мне хотелось бы добавить свой скромный цветок.

Прежде всего, вспомнив о том, что он сделал для России: его многочисленные поездки для передачи русским читателям наследия русской эмиграции, сохраненного благодаря деятельности возглавляемого им издательства «ИМКА-Пресс». Мы познакомились в это время, в начале 90-х годов. Я помню длинные очереди читателей перед залами Библиотеки иностранной литературы в Москве, где были представлены книги Н. Бердяева, С. Франка, Л. Шестова, Н. Зёрнова, привезенные на грузовиках из Парижа по инициативе Никиты Алексеевича, который должен был для этого пройти через, казалось, непреодолимые препятствия. Стремление прочесть эти книги, долгое время запрещенные или же вовсе неведомые, было огромным. Так я открыла для себя не только новые книги матери Марии (Скобцовой), о которой в это время писала диссертацию, но и «Чевенгур» Платонова, созданные в изгнании

стихи З. Гиппиус и неизвестного М. Волошина, которых Никита Алексеевич вернул русскому читателю, прежде издав их книги в Париже, а затем передав их, в буквальном смысле этого слова, во многие города России. Среди них — и мой родной город Тюмень, где и сегодня жива память о встрече с Никитой Алексеевичем, а книги, переданные в областную научную библиотеку, составляют ее «золотой фонд».

Наше сотрудничество началось в Москве в связи с проектом издания Полного собрания сочинений матери Марии в издательстве «Русский путь». Никита Алексеевич был для меня прямым преемником ее жизнетворчества, позволяя почувствовать его живое дыхание, воплощая ту свободу в Церкви и в жизни, обретенную в изгнании, о которой с такой силой пишет мать Мария.

Это первое представление о личности Никиты Алексеевича восполнилось в годы нашего сотрудничества в Париже, начиная с 2000 года, когда Никита Алексеевич пригласил меня участвовать в работе возглавляемого им с начала 50-х годов журнала «Вестник РХД». Мне пришлось убедиться, что чаемая свобода не так очевидна и в благоприятных, казалось бы, условиях эмиграции, где ей препятствуют свои подводные камни и лжеподобия. Но это позволило и с большей силой убедиться в качествах Никиты Алексеевича, в первую очередь — его предельной честности и бескомпромиссности. В своей неутомимой борьбе за истину он казался мне настоящим рыцарем, Дон Кихотом, сражающимся с ветряными мельницами. Ибо он был, несомненно, одним из немногих, умевших различить скрытых за ними настоящих великанов, реальные опасности наших дней, которые зачастую ускользают или недооцениваются нами. Об этом — каждая передовица «Вестника», ставшего благодаря таланту автора-редактора особым жанром журнала, определяющим его лицо.

Наряду с повседневной работой над журналом многие из нас были свидетелями свойственных Никите Алексеевичу порывов вдохновения, когда он выступал, в частности, на наших культурных вечерах в «ИМКА», посвященных франко-русскому диалогу и значительным фигурам русской эмиграции. Он щедро делился своими глубокими знаниями о литературе Серебряного века, личных встречах с А. Ахматовой, Ф. Мориаком, П. Паскалем, о. А. Шмеманом... Особой темой было его сотрудничество с А.И. Солженицыным. В стенах издательства, избранного Александром Исаевичем для выпуска в свет главных своих произведений, это звучало особенно сильно: вереница желающих купить «Архипелаг ГУЛАГ» в конце декабря 1973 года (пусть и не знающих русского языка!), тянувшаяся от ближайшей станции метро «Maubert-Mutualité», зримо представала перед нашими глазами; рассказы о «невидимках» (тайных помощниках Солженицына) обретали плоть личного свидетельства. Культурный и духовный горизонт Никиты Алексеевича был воистину необъятен: создавалось впечатление, что через него говорит целая

эпоха голосами самых удивительных людей, каждый из которых при этом сохраняет свойственные ему интонации. Этот дар Никиты Алексеевича не утерян: многие из этих текстов опубликованы в его книге «Православие и культура», переизданной в 2000 году в издательстве «Русский путь», одним из вдохновителей которого он был до последних месяцев жизни. В этой книге, в лучших традициях эмигрантских мыслителей, продолжая линию о. В. Зеньковского, К. Мочульского, В. Вейдле, он показывает тонкую связь между верой и культурой, — показывает, как язык иконы, поэзии, Красоты может открыть духовные богатства Церкви.

В его ораторском даре была особая черта: никакой риторики, точно выбранные слова, неприятие какой бы то ни было медоточивости, игры или притворства. Сам он говорил лишь о том, что знал наверняка и по существу, и был готов это защищать, со свойственным ему рвением.

Мне хотелось бы подчеркнуть и его трогательную любовь к детям — не только к своим внукам — но и окружающей его детворе на съездах Движения, в книжном магазине «Editeurs Réunis», в кафе. Несмотря на всю свою занятость, он всегда замечал их присутствие и был щедр на выдумки — незатейливого, но интересного для них разговора; игры, возникшей почти из воздуха. С неизменной улыбкой, к их большой радости. Вспоминается и его восприимчивость к красоте — и весенней пробуждающейся природы, и случайно встреченных людей... Во время нашей встречи 3 мая в реанимации, прикованный к постели, он упоминал о светлых лицах негритянок-медсестер.

Эта была замечательная встреча. Трудно назвать ее последней: сияющий, полный, как казалось, сил, Никита Алексеевич говорил о 205-м номере «Вестника», который мы готовили к выходу; об усилиях его сына Даниила поддержать два издаваемых им журнала, «Messager orthodoxe» и «Вестник РХД». Он был очень признателен дочери Мелании, осуществляющей его мечту — Центр А.И. Солженицына и Музей русской эмиграции в помещениях «ИМКА-пресс».

Большой радостью было видеть его настолько оживленным, полным проектов, которые простирались, как обычно, до России. Это состояние незабываемо. Оно передавалось — как если бы он уже услышал Зов и был готов следовать за ним, но прежде хотел поделиться им с нами.

Я ощущаю это как призыв совместно продолжить начатое им, по мере наших сил, на открывшейся благодаря ему духовной высоте.

Мне хотелось бы закончить словами поэта, который, быть может, вдохновлял Никиту Алексеевича более всего, которого он открыл не только для французского, но и для русского читателя. Речь идет об Осипе Мандельштаме, которому Никита Алексеевич посвятил свою диссертацию, а затем книгу, изданную в Лондоне, Париже и трижды переизданную в Москве[1]. Эти стро-

[1] Последнее издание: *Струве Н.А.* Осип Мандельштам. М.: Русский путь, 2016. — 308 с.

ки вошли в составленную и изданную им «Антологию русской поэзии XX века» — одно из звеньев длинной цепи в его деятельности посредника между русской и французской культурой[2].

В стихотворении «Золотистого меда струя из бутылки текла…» Мандельштам пишет:

И покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

Никита Алексеевич передает эти строки на прекрасном французском языке, сохраняя мандельштамовский ритм:

Et quittant son vaisseau, aux voiles fatiguées dans les mers,
Ulysse revient, riche d'espace et de temps[3].

После долгой одиссеи, связав пространства и объединяя поколения, Никита Алексеевич возвращается сейчас в последнюю гавань, на подлинную родину, оставляя нам свой богатый опыт как живой источник, продолжающий нас вдохновлять.

О.А. Седакова

«ОЧЕНЬ ПЕЧАЛЬНО, НЕВОЗМОЖНО ПЕЧАЛЬНО ПРОЩАТЬСЯ» [4]

Дорогой, любимый Никита Алексеевич, не могу о Вас говорить в третьем лице.

Как обычно, хочется обращаться к Вам. Спасибо Вам за всё, что Вы сделали для нас. Из Вашего «Вестника…», еще подпольного здесь в советские времена, мы узнавали русское христианство XX века. В «Вестнике…», в изданиях «ИМКА-Пресс» мы слышали лучшие голоса эпохи (и не одной). По

[2] Только что вышло переиздание, подготовленное Натальей Шмеман: Антология русской поэзии. Возрождение XX века / Anthologie de la poésie russe. La Renaissance du XX siècle / bibliographie complétée par T. Victoroff. Nouvelle éd., revue et corrigée. P.: YMCA-Press, 2016.

[3] Ibid. P. 187.

[4] На известие о кончине Н.А. Струве появилось много откликов в российской и французской печати и в сети. Из самых первых был отклик поэта, ученого, переводчика Ольги Седаковой на портале «Православие и мир»: *Седакова О*. Памяти Никиты Алексеевича Струве // Православие и мир. 2016. 8 мая. URL: http://www.pravmir.ru/pamyati-nikityi-alekseevicha-struve/ (дата обращения: 18.09.2016).

Вашей колонке редактора мы сверялись, как по камертону. Вы без малейшей дидактики строили душу своего читателя: его религиозное, историческое, гражданское самочувствие.

И конечно, который раз благодарю Вас за то, что Вы стали моим первым издателем (книга «Врата, окна, арки» вышла в 1986 году в «ИМКА-Пресс»). И за то, что пригласили меня участвовать в Вашем труде (введя в редакционный совет «Вестника…»). И за то, что Вы сказали прекраснейшее слово при вручении мне Премии Александра Солженицына (между прочим, строя свою речь во втором лице, в отличие от всех других, бестрепетно говоривших «она»).

Но больше всех этих вещей я хочу Вас поблагодарить за то, что жизнь в Вашем присутствии становилась яснее, веселее, светлее — точнее, Ваше присутствие в жизни такой ее делало. Каждого из нас, в конце концов, можно оценить очень просто: что сделалось с миром после его жизни, что сделала с миром его жизнь. Ваша жизнь сделала мир милее. И особенно наш советский, а потом и постсоветский мир. Очень печально, невозможно печально прощаться. В пасхальные дни эту печаль окружает свет. Почему-то с редкой уверенностью думаю, что мы не навсегда расстались. И что Ваша душа в том мире, который она любила больше всего, в мире Христовом. Царствие Вам небесное и вечная память, и светлая память на земле.

А в третьем лице напишу отдельно.

Ваша

ОС

Н.Д. Солженицына

«…НАШИ ГОДЫ И ГОДЫ СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ И ДРУЖБЫ»

Этими словами в «Невидимках» кончается очерк о трех надежных европейцах, которые помогли Александру Исаевичу выстоять в годы травли на родине, очерк «Опорный треугольник», где одна из опор — Никита Алексеевич Струве. На Западе же Никита стал, без сомнения, опорой главной. В работе, в издательских делах. В переплывании горьких вод изгнания, когда другого берега не видно и на плаву держит только надежда, что все-таки он есть и когда-нибудь откроется.

Это «двадцатилетнее общение-сотрудничество-сообщничество», как называет его Н.А., было насквозь прошито частыми стежками писем. Мы никогда не жили с Никитой в одной стране, он — всю жизнь во Франции,

мы — в СССР, потом коротко в Цюрихе и долго — в Вермонте. Компьютеров и электронной почты еще не было, письма писали традиционно, пером на бумаге или отстукивали на машинке. Переписка Струве и Солженицына огромна, несколько сот писем. Разумеется, по преимуществу деловых, но почти в каждом письме есть, с обеих сторон, вопросы и высказывания, представляющие общекультурный, литературный, мировоззренческий, биографический интерес.

Мне довелось быть участницей этой переписки: то, по просьбе А.И., добавлениями к его письмам, то письмами отдельными, наполненными не только работой, но и «репортажами» о жизни семьи. Впервые я увидела Никиту почти сразу по прилете в Цюрих к А.И.: были весенние школьные каникулы во Франции, и в первых числах апреля 1974-го, путешествуя на машине, Никита с Машей, тремя детьми и собакой заехали к нам. Эту первую встречу я помню нечетко, но сразу началось письменное и телефонное общение высокой интенсивности и теплоты, в первый же год мы дважды виделись в Париже, и они вновь приезжали к нам, и так потянулось на годы вперед — словом, мы дружили семьями. Когда пришлось уехать в Америку и мы поселились в Вермонте, Никита приезжал к нам каждое лето, и все радовались его приезду, и едва не больше всех — мальчики. У них не было на Западе ни братьев-сестер, ни дядей, ни тетей, хотя бы дальних, Никита же казался им своим, родным, как бы членом семьи. И его они тоже живо интересовали, он играл с ними, разговаривал, гулял по сосновым холмам, с каждым сложились особые отношения, продлившиеся и в их взрослой жизни. В нашем уединении это было бесценно, не устаю благодарить судьбу, что у сыновей оказался такой собеседник и друг. Вот Игнат, уже давно не мальчик, поздравляет Никиту Алексеевича с юбилеем:

> 16 февраля 2011, Нью-Йорк
>
> Дядя Никита! Не верится, что Вам сегодня — 80. Торжественная цифра, более чем подобающая живой легенде… тончайшему критику, глубокому философу, мужественному сыну отчизны, через перст судьбы и личный подвиг соединяющему, как никто другой, прошлое и будущее России. Но и — совсем не подходящая вечно-юному дяде Никите, с небезлукавым искристым взором, неизменно изящному как на теннисном корте, так и в шишечном бою, наслаждаясь любимой музыкой или же домашним ужином в сопровождении отличного бокала Бордо. Оставайтесь же всегда тем радостным воином Уордсворта, чей путь всегда светел. Всегда Ваш Игнат.

Собственные даты, даже и «круглые», Никита, чуждаясь всякого пафоса, не отмечал — и когда, спустя пять лет, подкатил следующий юбилей, и слышать не хотел о каком-либо в свою честь собрании. С трудом поддался

на уговоры прочитать в этот день доклад о Мандельштаме — в «ИМКЕ», на первом этаже. Из Москвы на 85-летие Никиты Алексеевича поехал Виктор Александрович Москвин. Теперь я сокрушаюсь: надо же было и мне поехать, Никита два года как не был в Москве, и невелика надежда, что вскоре приедет, и тревожит здоровье их обоих с Машей. Но тогда — даже не колебалась: так велик и постоянен был все годы разгон работы, да и дни рожденья у нас с А.И. не считались поводом для отвлечения. Послала с Виктором письмо:

16 февраля 2016, Москва

Наш дорогой, высокочтимый, родной Никита Алексеевич! Каждый из этих эпитетов — чистозвонная правда. Именно таким — дорогим, высокочтимым и родным — Вы были для нас с Александром Исаевичем и остаетесь сегодня. Пожалуйста, старайтесь быть здоровым в следующие пять лет Вашей замечательной жизни — Вы так нужны нам! Во всех нравственных коллизиях нашей неукладной российской реальности Ваш голос служит камертоном, а Ваш путь — примером. С подлинной любовью, Ваша НС.

Но ни пяти лет, ни даже пяти месяцев не было отпущено. Как-то на исходе дня в конце апреля позвонила Никите, подошел сын Даниил: «Мы с отцом уезжаем в госпиталь». Никита все же взял трубку: «Если не помру, позвоню». Шла Страстная. На Пасху Степан оказался в Париже, после заутрени поехал в госпиталь и так стал последним из нашей семьи, кто повидал Н.А. Когда Никиты не стало, я попросила Степана записать что помнит об их встрече. Вот его свидетельство, вероятно одно из последних:

На первый день Пасхи (1 мая 2016) я поехал к Никите Алексеевичу Струве (а для меня он с самого детства просто «дядя Никита»), в больницу Jacques Cartier (округ Antony, южнее Парижа). Вошел я к нему около 18.45, в одиночную палату 367.

Никита Алексеевич полулежал на койке, к нему прикреплен был добрый десяток проводов, и «клещи» на правом указательном пальце, выводя пульс на экраны. Что-то в аппаратуре было неисправно, каждые 5 секунд раздавались высокие гудки, но минут через 10 зашла сестра и исправила неполадку.

Он как раз заканчивал ужин. «Не особо вкусный, — сказал он, — но и грех жаловаться, тут и так за мной постоянный уход».

Сперва говорили о лечении, он объяснял процедуру, которую ему делали, и что в целом скептически относится к самому лечению, но вполне согласен, что, раз жив, надо и далее бороться за жизнь.

Поговорили чуть-чуть о бытовом, какими судьбами мы с женой в Париже. Плавно перешел к своему труду, записям, журналу. И разговорились мы о церкви. Речь зашла о светлом настроении в битком набитом соборе Александра Невского на rue Daru на Пасхальной заутрене в предыдущую ночь. Полон народу был и храм, и весь двор с папертью. «Раньше никогда такого не было», — обрадовался Никита.

Говорили о новом архиепископе Иоанне. Я передал наше впечатление — как он тепло служил. И как в Страстную Пятницу скромно и светло читал проповедь. Никита расцвел — появление архиепископа Иоанна спасительно, хотя бы на какое-то время, для Западно-Европейского экзархата, подчиняющегося Вселенскому Патриарху. И хотя он такие слова не говорил, но было ощутимо, какой груз с его плеч сняла эта победа.

Разговорились о делах церковных и чуть шире, о ситуации на Украине. «А что там сейчас?» Вспоминал покойного митрополита Владимира, которого хорошо знал, и яростного Филарета. Я рассказывал, что при Онуфрии, преемнике Владимира, формально остается Украинская Православная Церковь Московской Патриархии, но уже во многих приходах за Патриарха Кирилла на службах не молятся, не поминают во время ектении; и уже президент страны вмешался, чтобы всеми силами заставить всех — и внутри и вовне Украины — признать Филарета. «В конце концов у Украины будет своя поместная церковь», — сказал Никита. Но в более широком смысле это ничего не значит: «Не духовенство и не руководители объединяют Церковь, Она нечто большее».

На мой вопрос Никита ответил, что он в восторге от Папы Франциска: что в высочайшей степени уважает то, как он ребром поставил неудобные для Католической Церкви вопросы. Что его харизма — неподдельная и не политическая.

Разговор перетек на отношение к недавней истории. Мы сошлись на том, что не сумели мы за 25 лет после коммунизма как-то его переварить, разобраться. И теперь, вероятно, понадобится еще 25 (а отец, вспоминал я, говорил — 150 лет).

«Страстную Неделю и Пасху, — сказал Никита, — очень трудно ощутить на больничной койке». Маленькая книжка «Службы Страстной седмицы» лежала у него прямо на столе, — «но это совсем не то».

Под конец мы решили позвонить моей маме, но не дозвонились (благо, им еще удастся поговорить на Светлой неделе). На прощание я сказал ему: «Христос Воскресе» и смущенно добавил: «У Вас столько проводов, что обнять Вас не удастся», а он ответил: «Да ведь это же просто условный обряд». И вот таким — одновременно ироничным и светлым — он запомнится мне навсегда.

Таким запомнится… А еще запомнится его завороженность Россией, неотступная обращенность к ней, что и спаяло так крепко нашу дружбу. «Русскими делами Н.А. был заинтересован глубочайше, пристально», — вывел Солженицын, а ведь до своих шестидесяти Никита ни разу в России не бывал.

И вот пришла Перестройка, Париж наводнили гости из российских столиц, и Никита пишет: «Дорогие Вермонтцы, пишу Вам, чтобы отвести душу от напора России. Следовало бы, собственно, вести дневник встреч, даже в самых кратких записях…» (15 мая 1989). И навстречу Солженицын: «Все так же с большим интересом читаем Ваши впечатления о встречах с советскими. Да, вести “дневник встреч” — Вам бы очень хорошо, и не откладывайте эту идею, это может потянуться на годы, а уже многое и потеряно» (10 июня 1989). Понуждать Н.А. не надо, он сам переполнен и хочет разделить волнение и новизну впечатлений:

> Дорогой Александр Исаевич,
>
> Очень обрадовался Вашему письму, я всегда скучаю по общению с Вами… особенно в наши дни, когда Россия вдруг стала осязаема. Боюсь, что дневник моих встреч интересен только Вам, потому я с Вами о них делюсь. Они идут бесперебойно… Вначале была даже жажда ко встречам, как бы соприкосновение с Россией… Общее мое заключение о русском человеке скорее положительно, куда больше, чем от встреч 15 лет назад с третьей эмиграцией. Ну, раз Вам интересно, кое-какие встречи опишу (21 июня 1989).

А еще через год открылась возможность поехать в Россию, да не туристом, а привезти плоды многолетних трудов возглавляемого им издательства и устроить выставку, открытую для всех желающих, — можно ли было о том мечтать?

Свое первое десятидневное пребывание в России Никита Алексеевич описал в большом письме Александру Исаевичу, мы читали его в Вермонте с незабываемым чувством волнения и радости. Мне кажется, нельзя лучше почтить память Никиты Алексеевича Струве, чем публикацией этого письма о чаемой им всю жизнь Встрече.

«САМОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ — ЭТО ТО, ЧТО МЫ СРАЗУ ЖЕ ПОЧУВСТВОВАЛИ СЕБЯ ДОМА...»

Письмо Н.А. Струве к А.И. Солженицыну (1990)

Публикация, подготовка текста,
вступительная заметка и комментарии Н.Д. Солженицыной

В Москве с 17 сентября по 6 октября 1990 года проходила выставка прежде запрещенного эмигрантского издательства «ИМКА-Пресс», на которой экспонировалась самая полная коллекция книг, выпущенных за 70 лет его работы (около 500). Инициатором выставки было издательство «Книжная палата», организатором — Библиотека иностранной литературы, к которой присоединилось издательство «Художественная литература». По приглашению устроителей в Москву приехал директор издательства Никита Алексеевич Струве с женой Марией Александровной, известным иконописцем. Одновременно с выставкой в Библиотеке был открыт читальный зал, ставший на несколько лет постоянным, где книги ИМКА находились в открытом доступе. За несколько дней до открытия выставки огромный грузовик привез из Парижа в Москву 40 тысяч экземпляров книг, которые были распределены по заявкам библиотек, редакций, приходов (свыше 250 заявок), остальные проданы по доступным ценам, часть вырученных денег пошла на восстановление Валаамского монастыря. Выставка положила начало возвращению на родину исторического и литературного наследия русской эмиграции. Просьбы-приглашения привезти подобную выставку были получены из Ленинграда, Киева, Риги, Твери, Тбилиси, Рязани и др.

В 1991 году В.А. Москвин, тогда заместитель генерального директора Библиотеки иностранной литературы, подписал с Н.А. Струве соглашение о создании в Москве издательства «Русский путь» (как продолжение «ИМКА» на родине российских изгнанников). В последующие годы издательством были организованы поездки по городам России и республик бывшего СССР с выставками и дарением книг «ИМКА-Пресс». Никита Алексеевич лично участвовал более чем в 60 поездках, давал пресс-конференции, выступал в университетах, семинариях, библиотеках.

Ниже мы впервые публикуем письмо А.И. Солженицыну, написанное Н.А. Струве в ноябре 1990 года под впечатлением его первой поездки в Россию.

Дорогой Александр Исаевич,

Попытаюсь «скудными словесы» передать тот удар-угар впечатлений, который мы получили от десятидневного пребывания в Москве. Сначала выскажу основное, а затем уже по дням, собственно, для себя, так что можете и не читать.

Самое удивительное — это то, что мы сразу же почувствовали себя дома, и это ощущение не поколебалось, наоборот, только усилилось. Редко где и когда я себя чувствовал так непринужденно, так раскованно, несмотря на тяжелую атмосферу, нищету да еще отвратительную погоду. Лейтмотивом, внутренним, были все те же слова Ваши: «Россию жалко», но и блоковское — «да и такой — (а может быть, именно такой, как теперь, забитой, неприглядной) — ты всех краев дороже мне»[1]. Обобщать не берусь: воскресает ли народ или продолжает вырождаться неотвратимо (как думают многие, особенно среди молодых) — пожалуй, это ведомо только Богу. Удалось ощутить, несмотря на сдавленность, суровость лиц, не только долготерпеливость, но и доброту, а поверх всего — домашнесть русского образа быть на улице, в магазинах, в церквах. Это так далёко от западной чопорности…

Вероятно, этому настроению мы обязаны теплоте встречи и стечению обстоятельств: кто мог предугадать, что в последний воскресный день мы будем стоять на первой с 1917 г. литургии в Успенском соборе, супротив «правительства», а затем идти по Москве в первом крестном ходе, вокруг Патриарха, петь вместе с народом «Елицы во Христа креститеся…», «Победу православным людям…» и дойдем, в страшнейшей давке, до возвращенной в тот же день Вознесенской церкви, где венчался Пушкин…

Пятница 14-го (день нашей свадьбы[2])

Но ведь не было и заранее запланировано, что, вступив в салон аэропорта, первое, что я сделаю, это показ телезрителям Вашей брошюры «Как обустроить Россию»[3], а заодно и нашей об ИМКЕ, это как-то связало воедино и наше с Вами двадцатилетнее общение-сотрудничество-сообщничество, и дало сразу перспективу поездки…

---

[1] *«Россию жалко»* — ответ Сани Лаженицына на вопрос, зачем он добровольцем идет на войну (см.: *Солженицын А.И.* Август Четырнадцатого, гл. 1 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2007. Т. 7. С. 20); далее цитируются с пропуском обращения («моя Россия») последние строки стихотворения А. Блока «Грешить бесстыдно, непробудно…» (1914).

[2] Н.А. Струве и Мария Александровна Ельчанинова (р. 1925) венчались в Париже 14 сентября 1954 года.

[3] Статья «Как нам обустроить Россию?» почти одновременно вышла в Париже в издательстве «ИМКА-Пресс» в виде брошюры и в Москве в газетах «Комсомольская правда» и «Литературная газета» (18 сент. 1990; главные редакторы в 1990 году — соответственно В.А. Фронин и Ф.М. Бурлацкий).

Встречали нас пышно, с цветами, без прохода через таможню, все устроители (БИЛ, «Книжная палата», «Худлит», по два или три человека от каждого), редакция «Комсомольской правды», журналисты, пустили еще моего престарелого дядю и А.Н. Богословского…[4] Если вопросы телевизионщика были «обычными» (о выставке, о брошюре), то корреспондент «Московских ведомостей» сразу же поставил вопросы о монархии и о масонах, на которые я отвечал коротко, что первый меня не интересует, а второй принадлежит, в значительной мере, к области мифотворчества. Затесался среди встречающих и некто Сарачан (?) или что-то вроде, полубрат двух Григоровичей (кинорежиссера, мне знакомого еще по Парижу, и долголетнего директора Большого театра[5]), который настоял, чтобы мы садились в его «Чайку», и по дороге баял о каких-то фантастических планах: чистейший вид современного Хлестакова, якобы скупивший 300 или 3000 тонн бумаги, якобы имеющий два особняка для организации центра русского зарубежья и т.д. Но его появление, неожиданное, — до этого он звонил мне в Париж, что едет спасать Монжерон[6], — добавило необходимую нотку теперешней реальности или новой сверхреальности, при которой расцветают Хлестаковы и Маниловы.

Осмотр выставки вселил опасения: книги были представлены очень скученно, в до отказу набитых витринах, довольно-таки сумбурно, портреты оказались недостаточно большими и т.д. Кое-что благодаря выделению двух ротонд, одной посвященной Бердяеву, другой Солженицыну, удалось испра-

---

[4] *Богословский* Александр Николаевич (1937–2008) — литературовед, архивист, один из последних политзаключенных СССР (арестован в 1984, приговорен к трем годам заключения). Много сделал для возвращения литературы русского зарубежья, в частности подготовил книгу: *Поплавский Б.* «Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма» (М., 1996). Сотрудничал с «Вестником РХД». В первые годы после возвращения Солженицына на родину рецензировал поток рукописей и материалов, посылаемых в адрес писателя.

[5] *Григорович* Юрий Николаевич (р. 1927) — народный артист СССР, был не директором, а гл. балетмейстером Большого театра (1964–1995).

[6] *…спасать Монжерон…* — небольшой городок на юго-востоке от Парижа связан с именем Анны Ярославны, жены короля Франции Генриха I, купившей здесь землю и построившей аббатство (XI век), впоследствии разрушенное, на его месте стоит небольшой замок «Мельница Санлис». В 1953 году владение снова стало русским, в нем стараниями активной общественной деятельницы Софьи Мих. Зёрновой разместился православный приют для русских сирот, в 1957-м была построена церковь. Но к концу 1970-х приюта уже не было, «Санлисская мельница» (Замок) пришла в запустение, и ассоциация «Центр помощи», управлявшая поместьем, обратилась к Н.А. Струве с просьбой возглавить ассоциацию и помочь найти выход из положения. При Струве монжеронский замок стал превращаться в духовно-культурный центр, где читались богословские лекции при переполненных церкви и зале, регулярно устраивались выставки современных иконописцев, международные конференции по русской истории и культуре, посвященные, в частности, о. Сергию Булгакову, О. Мандельштаму, М. Цветаевой, проходили съезды РСХД. В те же годы в замке стали давать убежище беженцам из восточноевропейских стран. Однако устроителей преследовала постоянная нехватка средств на содержание Замка, положение в 1980–90-е годы не раз становилось критическим, и возникала необходимость «спасать Монжерон».

вить… При бóльшем помещении и бóльшем количестве витрин показ мог бы быть значительно ярче. Но следует признать, что и в устройстве, и в изготовлении аксессуаров не было погрешностей против вкуса…[7]

При первой же встрече с сотрудниками и работниками установились самые теплые и непринужденные отношения…

Суббота 15-го

Не успели мы обойти наш замоскворецкий квартал, насладиться первыми колдобинами, увидеть, как догорает без присмотра одноэтажный особнячок, как мы у посольства повстречали тех, кто имел счастливую идею отвезти нас в близкое подмосковное село Ромашково, где совсем недавно была возвращена богослужению полуразрушенная церковь[8]. Ухабы, рытвины, палисадники, тихая осенняя природа с оврагом над речкой, а посреди большая церковь, еще вся носящая следы разорения, с одним наскоро отремонтированным приделом…

В Ромашково прибыли также уже оканчивающие свою поездку в Россию внук С.Л. Франка с женой (диакон Петя Скорер, которого я знал с детства). Тут была придумка: соединить двух веховских внуков[9]. Скореры влились в общую группу, служили молебен о путешествующих, потом был теплый, веселый обед в тесноте церковной сторожки. Настоятель восстанавливающейся церкви, отец Алексей, врач-психиатр, недавно рукоположенный, основал Братство, в которое входит окружение вдовы А. Лосева…[10] Ходили по деревне, топая по грязи, проникаясь подмосковной природой, заговорили со стариком, везущим в коляске правнучку, бледную, вялую: «Вот рождают детей, а всё на нашу спину…» Хотелось так и пойти по дороге, впитывая пейзаж и заговаривая с людьми, но нас повезли в Москву, к вдове Лосева, где в атмосфере старомодно-интеллигентного дома собралась большая компания — ученики Лосева, члены Братства… Отец Алексей подъехал позже, так как тем временем должен был кого-то крестить. Новое застолье с тортами, разговорами. С Петей Скорер подписали, в качестве внуков, несколько экземпляров «Вех», которые выпустил АПН за 60 копеек! (экземпляры есть у всех).

---

[7] Выставка была устроена в Овальном зале Библиотеки иностранной литературы.

[8] Храм святителя Николая в селе Ромашково Одинцовского района Московской обл. (первые упоминания о нем — 1627 г.). Был закрыт в мае 1941-го, церковная утварь изъята, иконостасы и иконы уничтожены. Восстановление началось осенью 1989 года, настоятелем с 14 февраля 1990 назначен о. Алексей Бабурин.

[9] С.Л. Франк и П.Б. Струве — авторы сборника «Вехи» (1909). Протодьякон Петр Скорер (р. 1942) рукоположен митрополитом Антонием Сурожским в 1973 году. Служит в приходе св. пророка Илии в Девоне, доцент кафедры русского языка в университете города Эксетер (Великобритания). Сослужил настоятелю Александро-Невского собора в Париже 13 мая 2016 года в чине погребения Н.А. Струве.

[10] *…вдовы А. Лосева…* — Алексей Федорович Лосев (1893–1988) — философ и филолог-классик; его ученица и многолетняя спутница филолог-классик Аза Алибековна Тахо-Годи считалась женой учителя (тайного монаха).

Вернувшись домой, в посольский дом на Спасоналивковском переулке, отдыхали недолго и пошли снова бродить, зашли в соседнюю церковь Иоанна Война[11] (никогда не закрывавшуюся) и натолкнулись на конец «воскресной школы», происходящей в самой церкви перед всенощной, за неимением помещения… Нас мило попросили уйти, чтобы не мешать, и мы вернулись позже, к службе. Народу было немного, но люди входили, выходили, много женщин, много молодых, поразило нас тепло и домашнесть обстановки. У свечного ящика не только иконки, но и книжонки, в частности переизданный каким-то прицерковным кооперативом катехизис еп. Александра Семенова Тян-Шанского[12]. Вот он был бы рад…

Воскресенье 16-го

Нас повезли на Рогожское кладбище, в собор[13], на воскресную службу, где нас встретили два молодых старообрядца. Молиться в самой церкви «никонианам» нельзя, и мы отстояли службу на хорах. В огромном соборе было человек 200, почти все сплошь пожилые женщины, мужчин мало, молодых и детей просто нет. Пение не партесное, в унисон, с катавасией (схождением) двух хоров на середину храма. Отличий в переводе не ощущается, в обрядах единственное, что бросается в глаза, это всеобщий земной поклон всякий раз, когда благословляет архиепископ: каждый берет подушечку и подкладывают ее себе под руки, чтобы их не запачкать. После службы подробно осматривали старинные иконы, потом пошли в соседние «единоверческие» и «беспоповские» приходы, присутствовали при выходе архиепископа из собора в его старой «боярской» митре, но в одиночестве: никто из народа к нему не подходил (его сопровождали два иподиакона), и он, щупленький, тщедушный, как-то беспомощно озирался. Мы же с нашими двумя старообрядческими чичеронами пошли в канцелярский домик, написали какие-то теплые слова в «золотую» книгу, меня усиленно просили в чем-то сотрудничать, кажется в их периодическом органе, помогать книгами, сообщениями о старообрядцах в эмиграции (я рассказывал, что хорошо знал Рябушинских). Но общее впечатление создалось, что, по крайней мере здесь, в центре, старообрядчество умирает. Наши новоиспеченные друзья горько жаловались, что молодежи у них мало…

---

[11] Храм мученика Иоанна Воина (Б. Якиманка, 46). Сооружен в 1709–1717 годах, согласно преданию, по инициативе Петра I в ознаменование победы под Полтавой (предположительно, по проекту архитектора И.П. Зарудного).

[12] *Еп. Александр* (в миру Александр Дмитриевич Семенов-Тян-Шанский; 1890–1979), епископ Константинопольской Православной Церкви, автор «Вестника РХСД», его «Православный катихизис» был написан на русском языке, но впервые издан по-французски (Р., 1961), посмертное русское издание взял на себя приход храма Знамения Божией Матери (Париж, 1981), где еп. Александр более четверти века был настоятелем.

[13] Собор во имя Покрова Пресвятой Богородицы — главный кафедральный храм Рогожской старообрядческой общины (Рогожский поселок, 29). Сооружен в 1790–1792 годах М.Ф. Казаковым. В Покровском соборе проходят все важнейшие в старообрядческом мире России события.

Перед отъездом пошли осматривать огромное кладбище, заросшее высокими деревьями, с монументальными купеческими склепами, обнесенными тяжеловесными оградами, или же с современными могилами, большей частью уродливыми… Из Рогожского нас повезли на обед с духовенством в Николо-Кузнецкий храм[14]. Мы застали там большое оживление, венчание зараз трех пар, обучение совсем маленьких детей хоровому пению, один из них спросил священника: «А я могу есть торт, хотя мои имянины будут в постный день?», осмотрели только что законченное здание с библиотекой, пока пустой, крестильней, классами. В самой церкви обратили внимание на прекрасные современные иконы, в частности св. Андрея Рублева и патриарха Тихона, написанные живо и тонко, иконописная реставрационная работа идет в самой церкви. Пошли обедать со священниками Воробьевым, Асмусом, Салтыковым[15] (он подоспел позже) и еще каким-то. Довольно быстро завязался спор: Асмус меня спросил: «примирился ли я наконец с канонизацией Николая II», и сразу стало ясно, что они почти все карловацкого духа[16], хотя послание карловацкого Синода их уже успело сильно отрезвить. Асмус, даром что сын просвещенней-

---

[14] Храм свт. Николая Мирликийского в Кузнецкой слободе (Вишняковский пер., 15). Первая церковная постройка на месте храма известна с конца XV века. В советские годы не закрывался.

[15] *…со священниками Воробьевым, Асмусом, Салтыковым…* — В 1990 году клирики Николо-Кузнецкого храма.

Прот. Владимир Воробьев (р. 1941), окончил физический факультет МГУ, рукоположен в сан священника в 1979 году, с 1992-го ректор Православного Свято-Тихоновского богословского института (ныне университет), с 1997-го настоятель Николо-Кузнецкого храма.

Прот. Валентин Асмус (р. 1950), выпускник классического отделения филфака МГУ, рукоположен в сан диакона в 1979 году, в сан священника — в 1990-м, с 2000 года настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Красном селе, завкафедрой патрологии ПСТГУ.

Прот. Александр Салтыков (р. 1941), окончил искусствоведческое отделение истфака МГУ, рукоположен в сан священника в 1984 году, с 1993-го настоятель храма Воскресения Христова в Кадашах. Декан факультета церковных художеств ПСТГУ, старший научный сотрудник Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва.

[16] 21 ноября 1921 года в Сремских Карловцах (Югославия) начались заседания Общецерковного заграничного собрания, известного как Карловацкий Собор. В обращении Собора к чадам Русской Церкви, в рассеянии и изгнании сущим, содержалось упование на восстановление монархии в России и возвращение на престол «Православного Царя из дома Романовых». Треть членов Собора не поддержала обращение, посчитав, что оно носит политический характер и «как таковое обсуждению церковного собрания не подлежит». Произошел раскол, приведший к созданию Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) во главе с митрополитом Антонием (Храповицким) и Западноевропейского экзархата русских приходов во главе с митрополитом Евлогием (Георгиевским), выступавшим против вовлечения Церкви за рубежом в политическую деятельность монархического толка. С годами раскол только углублялся, примирение между карловчанами и евлогианцами так и не состоялось. Карловчане не состояли в церковном общении ни с кем, не причащали, не крестили и не отпевали членов других православных юрисдикций. В оппозиции к Зарубежной церкви были эмигрантские священники, богословы и философы — Николай Бердяев, отцы Сергий Булгаков, Георгий Флоровский, Василий Зеньковский, митрополит Антоний Сурожский, Антон Карташев, Георгий Федотов, Борис Вышеславцев, отцы Иоанн Мейендорф, Александр Шмеман и др.

шего философа[17], а сам отец десяти детей, необычайно сух и догматичен. Зато приход явно пышет жизнью (400 душ детей).

Вернувшись отдохнуть домой, решили использовать свободный вечер и посетить на дому представителя «Вестника» Александра Богословского, который нас поджидал еще накануне. Он настоял, что за нами приедет на метро и так же отвезет нас домой (к нему на север, за Рижский рынок, нужно ехать с пересадкой). В метро толпы не было (по сравнению с воскресным парижским), пассажиры нас поразили своим «европейским», не роскошным, но добротным видом (гораздо меньше инородцев, чем в Париже или тем более Нью-Йорке), страшила только невероятно глубина туннеля. Зато подходя к дому Богословского на Проспекте Мира, было неуютно от плохого освещения (когда оно вообще было), от бесконечных глубоких луж, а в самом доме от спертого запаха. Квартира Богословского убогая, с малюсенькими комнатами (а они еще принимали у себя двоюродного брата из Свердловска), ели на кухне, тоже малюсенькой, кормили нас обильно пельменями. У Богословского все счета и адреса подписчиков в полном порядке, кажется, в этом ему помогает дельная и милая жена.

Понедельник 17-го

В понедельник утром предстояла в большом зале Библиотеки пресс-конференция, она уже получила ряд откликов в советских газетах, так что подробно ее описывать не буду. Представляли меня и окружали все трое, Анджапаридзе от «Худлита», Кабанов от «Книжной палаты» и Е. Гениева от Библиотеки[18], зал был полон, но вопросы после моего краткого слова нам показались вялыми, без остроты. Впрочем, длилась пресс-конференция долго, я с трудом вырвался от окружившей меня толпы, и мы поехали перекусить перед открытием выставки к Анджапаридзе, живущему неподалеку. Большая квартира, молодая «советского» типа жена, милая девочка лет 8–10, устроившая пикник своим куклам «на воде с хлебом». Анджапаридзе — бывалый, в системе, как и в перестройке, свой, но собеседник не скучный и по-западному предупредительный (с ним, Гогой для близких, когда-то не то в гимназии, не то в университете училась Артамонова[19]).

---

[17] *Асмус* Валентин Фердинандович (1694–1975), философ, автор трудов по истории философии, логике, эстетике и литературоведению. Доктор философских наук, профессор МГУ с 1939 года.

[18] *Анджапаридзе* Георгий Андреевич (1943–2005), критик, литературовед, в 1990 году директор издательства «Художественная литература».

Кабанов Вячеслав Трофимович (р. 1937), в 1990 году главный редактор издательства «Книжная палата».

Гениева Екатерина Юрьевна (1946–2015), переводчик, литературовед, с 1972 сотрудник ВГБИЛ, в 1990 первый заместитель (и фактический руководитель) библиотеки, с 1993 генеральный директор.

[19] *Артамонова* Наталья Борисовна (р. 1946), родилась в Москве, во Франции с 1970-х, с 1977-го более двадцати лет сотрудница издательства «ИМКА-Пресс».

Особняк, где выставка, очарователен своим розовым двориком, зеленью за его стенами, благородством небольших зал и комнат. Народу на открытие набилось уйму, человек, говорят, 500, все по приглашениям. Появился митр. Питирим[20], вскоре за ним о. Глеб Якунин[21], сразу громко прошипевший: «Зачем Вы пустили этого типа» (про Питирима), я его обнял и умолил хоть в этот день быть «человеком мира», краткие речи Питирима, Якунина, Гениевой я не запомнил, из своей только помню, что я упомянул об убийстве о. А. Меня, омрачившем выставку[22], и сравнил его значение как просветителя со значением о. Александра Шмемана[23]. Потом началась невообразимая давка и калейдоскоп лиц и рукопожатий (тронуло меня, что пришел старик Залыгин[24] с женой)… На коктейль, для меньшего числа людей, надо было перейти в главное здание, перед которым стояла уже большая, как потом сказали, 6-часовая очередь за первой распродажей книг, после коктейля (а параллельно с коктейлем состоялась еще и небольшая пресс-конференция с молодыми журналистами…), на котором рекой лилось шампанское (виски в Москве днем с огнем не сыщешь), пришлось ехать на празднично-парадный ужин в «Прагу». Собралось человек 20, довольно эклектично подобранных: устроители, но каждый в удвоенном или утроенном составе, духовенство, наш патриарший ментор о. Иоанн Свиридов[25], человек скорее светский, но умный и просвещенный, о. Борис Даниленко[26], чью синодальную библиотеку мы в свое время очень помогли пополнить, скромный, неглупый, тонкий

---

[20] *Митр. Питирим* (в миру Константин Владимирович Нечаев, 1926–2003). В 1959 пострижен в монашество, с 1963 — епископ Волоколамский с назначением председателем Издательского отдела Московской Патриархии, который возглавлял 30 лет, с 1986 митрополит Волоколамский и Юрьевский.

[21] *О. Глеб Якунин* — Глеб Павлович Якунин (1934–2014), с 1962 года священник, с середины 1960-х церковный диссидент, в 1979 арестован, провел пять лет в лагере и два в ссылке. В 1987 амнистирован, в перестройку и первые постсоветские годы активный общественно-политический деятель, член Государственной думы (1993–1995). В 1997 отлучен от Церкви.

[22] *О. Александр Мень* — Александр Владимирович Мень (1935–1990), выдающийся богослов, проповедник, церковный писатель, был зверски убит 9 сентября 1990 года (за пять дней до приезда Н.А. Струве в Москву). Убийство осталось нераскрытым.

[23] *О. Александр Шмеман* — Александр Дмитриевич Шмеман (1921–1983), протопресвитер Православной Церкви в Америке, богослов, церковный писатель. В 1945–1951 преподаватель церковной истории в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. С 1951 доцент Свято-Владимирской духовной семинарии в США, с 1962 года до конца жизни ее ректор.

[24] *Залыгин* Сергей Павлович (1913–2000), писатель, с 1986 года главный редактор журнала «Новый мир».

[25] *О. Иоанн Свиридов* (Иван Александрович Свиридов, р. 1951), протоиерей, с 1982 по 1991 сотрудник Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата; ныне за штатом; публицист; основатель и гл. редактор радиостанции «София», вещавшей в Москве и Московской области с 1995 по 2009 год.

[26] *О. Борис Даниленко* (Борис Олегович Даниленко, р. 1958), протоиерей, богослов, директор Синодальной библиотеки Московского патриархата.

(я с ним встречался и в Париже, и в Женеве), прибежал с опозданием о. Глеб Якунин и, отхлебнув чего-то, немедленно заснул, вероятно, был и о. Иоанн Экономцев[27], но почему-то его не помню, из посторонних мой хлестаков Сарачан (как он затесался, не совсем понятно, зато на обеде он раскрыл во весь рот свою хлестаковскую сущность), скромнейший, молчаливо-сумрачный Богословский и наконец Котрелев[28], который, в отсутствие Комы[29] и Аверинцева[30], представлял собой (и вполне заслуженно) высшую интеллигенцию. Выступлениям, речам, взаимным поздравлениям не было конца, Анджапаридзе и Кабанов каялись, что к диссидентству не примыкали, Курилко, возглавитель «Книжной палаты», болтал пошлый вздор, один, пожалуй, Котрелев выступал осмысленно (в частности, о своеобразии струвинского рода). Наташа Артамонова, сидевшая рядом с Хлестаковым, довольно быстро сбежала. Еда была обильна и, за исключением икры, невкусна, а главное — после каждого сервиса нас всех заставляли выходить в коридор и ждать, чтобы переменили тарелки и освежили скатерть. Так было после закуски, потом после супа, потом после рыбы, но тут уж мы с Машей взмолились, попросили отменить жарко́е, что поставило в тупик главного официанта (поразительно похожего на тех, что были в эмиграции), а сами убежали на кухни, где стали общаться с поварами, прислугой и прочими. Тут нас на месте угостили среднего качества мороженым, посетовали на экономическую разруху, но нашему появлению нисколько не удивились и сочли вроде бы естественным. Эта эскапада несколько скрасила томительный, бесконечный ужин…

Вторник 18-го

был днем тяжелым. Утром Машу сотрудницы библиотеки повезли на машине осматривать Москву, а я поехал в Даниловский монастырь на свидание с о. Иоанном Экономцевым, нашим автором и заместителем начальника Отдела внешних сношений. Он уходил в отпуск и обязательно хотел меня повидать. Бегло осмотрев основные достопримечательности Данилова, мы с ним заперлись в его кабинет, и он стал угощать меня… долгим чтением своего сборника стихов. Человек он хороший, мягкий, тонкий, но явно вообразил себя поэтом и писателем. Слава Богу, издателя для стихов, какой-то драмы и еще неоконченного романа он нашел, но смысл его чтения заключался в том,

---

[27] *О. Иоанн Экономцев* (в миру Игорь Николаевич Экономцев, р. 1938), историк Церкви, писатель, в 1990 заместитель председателя Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата, архимандрит (с 2002), с 1991 по 2009 год настоятель Патриаршего подворья Высоко-Петровского монастыря.

[28] *Котрелев* Николай Всеволодович (р. 1941), историк русской литературы и религиозно-философской мысли, в 1990 сотрудник ВГБИЛ.

[29] *Кома* — домашнее имя Вячеслава Всеволодовича Иванова (р. 1929), филолога, академика РАН (с 2000); в 1990 году занимал должность директора ВГБИЛ.

[30] *Аверинцев* Сергей Сергеевич (1937–2004), филолог, академик РАН (с 2003).

чтобы я утвердил его в его литературном призвании. «Патриарх, — сказал он мне, — хочет мне предложить быть одним из его ближайших помощников, но вот я не знаю, не лучше ли мне посвятить себя литературе». Я не скрыл, что считаю его стихи внелитературными, хотя и благородными и волнующими, но что между Патриархом и литературой ему конечно следует выбрать церковную деятельность. О Патриархе он отзывался очень положительно, хотя сказал, что знает и его недостатки.

За нами заехали Маша и Ек. Гениева — и мы все вчетвером отправились на аудиенцию к Патриарху в Чистый переулок. Патриарх[31], проживающий временно в Переделкине, приезжал на свидание по ошибке еще накануне. Принял он нас непринужденно. Осанистый, благообразный, скорее моложавый (ему 61 год), подвижной (он несколько раз вскакивал за очередной справкой или подарком), он произвел на нас хорошее впечатление. Чувствуется в нем некоторая неуверенность, он не раз вспоминал о прежних грехах епископата и настаивал, что теперь будет иначе. Сетовал на католиков, что они ведут открытую войну (он только что исколесил всю Украйну от Харькова до Львова), сказал, что папу римского не примет и будет вообще просить Горбачева, чтобы он его не приглашал… Соглашаясь с ним в основном, я напомнил о грехах патриархии в униатском деле, на что он возразил, что патриархия вступила, когда уже все дело было сделано[32]. Сетовал и на карловчан, которым он, по-моему, придает слишком большое значение. Тепло вспоминал Малашу[33], по несколько раз, сказал, что он непременно ее повидает, когда [она] приедет в Москву (что он и сделал, пригласив ее вместе с

---

[31] *Патриарх* — Алексий II (в миру Алексей Михайлович Ридигер, 1929–2008); Патриарх Московский и всея Руси с 1990.

[32] В 1596 году большая часть епископов Киевской митрополии на Соборе в Бресте приняли решение о признании власти папы и католических догматов при сохранении византийского обряда (Брестская уния). С тех пор грекокатолическая (униатская) церковь в остром, подчас жестоком противостоянии укоренилась в западных областях Украины, в то время как на востоке сохранилось православие московского толка. На исходе Второй мировой войны, в марте 1945 года, в Совете по делам Русской православной церкви был разработан комплекс мероприятий (одобренный Сталиным) «по отрыву приходов грекокатолической церкви в СССР от Ватикана и последующему присоединению их к Русской православной церкви». Осуществлением «мероприятий» занимался НКВД. Через год, в марте 1946, для упразднения унии был созван Львовский Собор из представителей РПЦ, ни один униатский епископ в Соборе не участвовал. Униатские священники и монахи, отказавшиеся менять веру, попадали в тюрьмы и лагеря с большими сроками, 48 монастырей были закрыты, не перешедшие в юрисдикцию РПЦ приходы сняты с регистрации. Четыре последующих десятилетия, вплоть до 1990, грекокатолическая церковь была вне закона.

[33] *Малаша* — Мелания Никитична Струве (р. 1963), младшая дочь Н.А. и М.А. Струве, в 1988–1989 годах стажировалась (русский язык) в Петербурге, где служил будущий патриарх Алексий (тогда митрополит Ленинградский и Новгородский). Митрополит радушно встретил Малашу, на Великом посту пригласил в трехдневную поездку в Пюхтицкий монастырь, на Пасху — в Собор на клирос и на пасхальную трапезу.

Гениевой на какой-то обед с епископами, а потом и приняв ее наедине), пригласил нас на службу в Успенский собор (дал восемь билетов, нам четверым от Имки и сотрудникам библиотеки), показал Крестовую церковь, где происходят все наречения во епископы, упомянул, что, когда ездил в Молдавию, посвятил двух местных епископов, что с того дня, что он стал патриархом, уже двое епископов умерло (кстати, близкий ему престарелый митр. Рижский Леонид)[34], вообще, был готов продолжать беседу, но мы уже опаздывали на обед к митр. Питириму, от которого не имели храбрости отказаться.

Обед был отменно вкусен и с какими-то даже излюбленными митр. Питиримом винами, но общее впечатление — тяжелое. Как сели за стол, так Питирим стал тихим голосом нудно рассказывать о своих планах относительно Волоколамского монастыря, ни о чем никого из нас не спрашивая, так и продолжал сам говорить весь обед. До обеда показывал нам драгоценности издательского отдела, картины и пр., а после угостил нас в роскошном зале с роскошной видеоустановкой скучнейшим фильмом из слайдов о Волоколамском монастыре, который он, кстати, привозил уже в Париж в 1988 г. и демонстрировал у нас в Нантере. Сам он его не смотрел, а принимал тут же в зале какого-то кирпичных дел мастера… Я не выдержал и в какой-то момент сказал, что больше смотреть фильм не будем, так как опаздываем на дальнейшее свидание. На обеде и потом обращал внимание своим сумрачным видом какой-то таинственный тип, который оказался пресловутым неверующим и чуть ли не партийным редактором… «Московского церковного вестника». Хотелось поскорее отрясти прах от этого бюрократического заведения…

Но мы действительно торопились на открытие выставки «Современная иконопись» в нашей Библиотеке[35]. Говорил милейший иконописец, похожий на маленького Достоевского, потом мне пришлось изречь несколько слов приветствия, но, увы, выставленные иконы были более чем любительские, часто корявые, куда хуже, чем то, что мы видели в Николокузнецком, и то, что я успел увидеть в Даниловом…

Обезножевшая Маша вернулась восвояси, а мне предстояла первая лекция, о «веховцах в общественной жизни эмиграции», в переполненном большом зале, рассчитанном на 700 мест. Я пустился вплавь, лекция была не совсем готова (думал ее доработать в Москве и даже привез кой-какие материалы, но не тут-то было). Но как будто всё прошло гладко, было много вопросов, более интересных, чем на пресс-конференции, а по окончании

[34] Имелся в виду митрополит Иоанн (в миру Дмитрий Александрович Разумов, 1898–1990), с 1946 по 1953 наместник Троице-Сергиевой лавры, с 1954 более 30 лет правящий архиерей Псковской епархии и священноархимандрит Псково-Печерского Успенского монастыря; митрополит Леонид (в миру Лев Львович Поляков, 1913–1990), с 1966 года до конца дней правящий архиерей Рижский и Латвийский.

[35] Выставка проходила в те же дни в Мраморном зале ВГБИЛ.

меня обступила толпа, и я, как какая-то Бригитта Бардо, жал руки и раздавал несметное количество автографов. Вырваться было трудно, и я с большим опозданием добрался на ужин с сотрудниками «Книжной палаты» в каком-то рыбном ресторане с весьма вкусными блюдами и конечно икрой. Я был порядком без сил, разговор не клеился, да и общего с этими издателями у меня оказалось мало чего. Внимание мое было более обращено на какого-то завсегдатая-пьяницу, который всё повторял «Свят, свят, свят еси Господь», а при выходе неплохую жанровую картинку представляла танцующая под оркестр золотая ресторанная молодежь…

Среда 19-го

была, пожалуй, не легче. По утрам мы всегда старались немного пройтись по улицам, зайти в булочную. Но уже к 10 часам нас повезли в Кремль, где мы еще не были. Издалека и изблизи и Кремль, и Василий Блаженный нам показались куда красивее, чем то, что мы могли себе представить по фильмам и по репродукциям. Наш экскурсовод, говорят самый отменный, оказалось, училась вместе с Наташей Барабановой[36] и продолжает с ней дружить, хорошо знает Асю Дурову[37]. И Успенский собор, и Благовещенский тоже превзошли все наши ожидания: всё это так казалось знакомо по репродукциям, а вместе с тем такого биения света мы не ожидали. Пожалуй, такого нету нигде, даже в Равенне. От посещения Грановитой палаты и Дворца мы должны были отказаться (перенесли на другой день, но и тогда не пошли), так как были званы на обед к французскому послу, чьими гостями мы жили. После Кремля хоромы купеческого особняка показались нам жалкими, посол бессмысленно суетливым, он принимал и угощал единым махом всю французскую знать, находящуюся в Москве, от главного советника Миттерана — Атали (друга Клода Дюрана)[38], какого-то министра, представительниц парижской моды (часть из них не пришла, и мы без конца, стоя, их ждали), кончая более мелкой рыбой вроде нас и каких-то таможенных чиновников. Икры и шампанского, разумеется, было вдоволь. Вновь обезножевшая Маша пошла отдыхать, а я поехал на открытие второй выставки в Библиотеке,

---

[36] Первая жена Е.В. Барабанова (р. 1943), искусствоведа, историка русской философии и литературы, участника сборника «Из-под глыб» (1974).

[37] *Дурова* Анастасия Борисовна (1908–1999), родилась в России, выросла во Франции в семье эмигрантов, с 1964 года работала во французском посольстве в Москве, через нее на Запад переправлялись неизданные рукописи, в том числе о. Александра Меня, А.И. Солженицына. (См.: *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. М.: Согласие, 1996. Невидимки. С. 539–542; *Дурова А.* Россия — очищение огнем. *Свиньина Е.* Письма внучке. М.: Рудомино, 1999.)

[38] *Атали* Жак (р. 1943), экономист, публицист, писатель; в 1991 стал первым главой Европейского банка реконструкции и развития. *Дюран* Клод (1938–2015) — писатель, издатель и друг А.И. Солженицына; о Дюране и его отношениях с Солженицыным см.: Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2015. Вып. 4. С. 235–254.

«Храмы Москвы», на которой был приготовлен мне сюрприз: большой хор детей одной из музыкальных школ Москвы под управлением Георгия Александровича Струве[39]. Все одетые в красные платья и в белых бантиках, пропели несколько церковных песнопений. Тут было чему умилиться, и 50 детей, и церковная музыка, и вдобавок еще милейший — не то родственник, не то однофамилец. Были и речи, архитектора-реставратора и какого-то молодого священника (фамилию забыл), который говорил кратко, дельно и очень достойно, чтобы не сказать — смело (упоминал убийство о. Меня).

В 6 часов мне предстояла вторая лекция, о «Полночных стихах» Ахматовой, в этот раз по недавно отшлифованному тексту для публикации в актах симпозиума в Белладжио и в «Вестнике»[40] (в промежуток я, кажется, давал несколько интервью, их вставляли во все прорехи программы). Народу набралось еще больше, ни одного свободного места, и снова были и вопросы, и давка, и бесконечные автографы… С Машей вернулись домой (от ужина с Худлитом мы отказались), но мне еще поздним вечером, часам к половине одиннадцатого, надо было выступать по прямому эфиру с Анджапаридзе и с редактором «Студенческого меридиана»[41]. Эта «мужская» передача мне не показалась удачной (здание телевидения какое-то безумно мрачное, плохо освещенное), и у меня создалось впечатление, что я главным образом служил реабилитации подмоченной репутации Анджапаридзе…

Четверг 20-го

Если не ошибаюсь, мы вы́торговали себе свободное утро и прошли пешком до Арбата, который нам совсем не понравился своей полной искусственностью, зашли в книжную лавку, где продавались раритеты (Сабашниковский Чичерин[42] по 40 рублей, «По звездам» Вяч. Иванова[43]), но долго не задержались и вернулись к себе на троллейбусе «фуксом» (где и как покупать билеты — нам осталось не ясно), нас должны были везти на обед к наместнику Данилового монастыря, вернее осматривать монастырь и попутно там

---

[39] *Струве* Георгий Александрович (1931–2004) — композитор, дирижер, хормейстер, педагог, президент Федерации детских и молодежных хоров России, народный артист РСФСР (1991).

[40] Конференция, посвященная столетию Анны Ахматовой, прошла в Белладжио (Италия) в мае 1989 г. Публикации доклада см.: Вестник РХД. 1990. № 159. С. 197–204; *Струве Н.А.* Православие и культура. М.: Русский путь, 2000. С. 348–356.

[41] Имеется в виду Ростовцев Юрий Алексеевич (р. 1946), с 1988 года гл. редактор журнала «Студенческий меридиан», образованного в 1924 (под названием «Красная молодежь»). Составитель сборника статей А.Ф. Лосева «Дерзание духа» (М.: Политиздат, 1989), автор книги о В.П. Астафьеве в серии ЖЗЛ (М.: Мол. гвардия, 2009).

[42] *Сабашниковский Чичерин* — Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: [в 4 т.]. М.: М. и С. Сабашниковы, 1929–1934. *Б.Н. Чичерин* (1828–1904), правовед, философ, публицист.

[43] *«По звездам» Вяч. Иванова* — сборник «статей и афоризмов» поэта и теоретика символизма Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949) (СПб.: Оры, 1909).

пообедать. Обед был отменный, но наместник, этакий добрый былинный молодец, нам не показался убедительным. Зато мы насладились обществом о. Бориса Даниленко, осматривали прекрасную библиотеку, кабинет, посвященный Патриарху Тихону, с редкими фотографиями и автографами, иконописную мастерскую, любовались Зиноновским иконостасом[44], ужаснулись барочному собору, уродству новой патриаршей резиденции. Полюбились нам очаровательные нищенки-попрошайки (самые очаровательные были в Рогожском, самые милые у Иоанна Война, но и эти даниловские от них не отставали). После Данилова мы отправились на Немецкое кладбище, где нас ждали внучки о. Алексея Мечёва[45] и племянник о. Николая Голубцова[46]. Эти две внучки появились не то на открытии, не то на одной из лекций, и я, растроганный таким появлением, без конца с ними целовался и условился о панихиде на кладбище. Опять огромнейшее заросшее кладбище, с оградами, с многочисленными портретами на памятниках, мрачное и некрасивое[47]. Но панихиду бодро и убежденно служил прот. Александр Куликов, который становится настоятелем только что переданной Маросейки[48]. Ходили и на могилу о. Николая Голубцова, где отслужили уже только литию. С нами был и Богословский, который поддерживает близкие отношения с «маросейцами». Они купили на выставке 80 экземпляров книги об о. Алексее Мечеве[49], собираются ее переиздавать, заказали кому-то предисловие, но вынуждены были его отвергнуть и теперь просят, чтобы я подновил свое. Это несколько грозно: неужели нет никого в огромной России, чтобы написать предисловие?

Вечер мы себе выговорили спокойный, пытались пойти погулять к Кремлю, но дождь нас заставил вернуться обратно…

---

[44] *…любовались Зиноновским иконостасом…* — монах-иконописец архимандрит Зинон (в миру Владимир Михайлович Теодор, р. 1953) в 1983 году расписывал восстанавливаемый Данилов монастырь.

[45] *О. Алексей Мечёв* (Алексей Алексеевич Мечёв, 1859–1923). С 1983 и до конца жизни служил в московском храме свт. Николая в Кленниках. Был близок к Оптинским старцам. Духовник Н.А. Бердяева. В 2000 году прославлен в лике святых.

[46] *О. Николай Голубцов* (Николай Александрович Голубцов, 1900–1963). Сын профессора Московской духовной академии А.П. Голубцова (1860–1911). С 1949 служил в московской церкви Ризоположения Господня и в Малом соборе Донского монастыря. Среди его духовных чад были М.В. Нестеров, М.В. Юдина, С.И. Фудель, о. Александр Мень.

[47] Речь идет о Немецком, или Иноверческом, кладбище, появившемся в 1771 г. (во время эпидемии чумы), где первоначально хоронили католиков и протестантов, позднее и православных. Ныне именуется Введенским.

[48] *Прот. Александр Куликов* (Александр Сергеевич Куликов, 1933–2009); *Маросейка* — метонимическое обозначение (по московской улице) храма святителя Николая Чудотворца в Кленниках, где служили о. Алексей Мечёв и его сын, священномученик о. Сергей Мечёв. С 1990, когда храм был возвращен Церкви, до конца жизни о. Александр был его настоятелем.

[49] Отец Алексей Мечёв. Воспоминания, проповеди, письма / ред., примеч. и предисл. Н.А. Струве. Париж: ИМКА-Пресс, 1970. 2-е изд. —1989.

Пятница 21-го

За нами должна была довольно рано заехать машина, чтобы везти на литургию Рождества Богородицы в Новую Деревню[50], а потом в Лавру. Но машина страшно замешкала, Ек. Юрьевна страшно нервничала, убегала звонить, наконец машина приехала с опозданием в полтора часа, так что в Новую Деревню мы приехали уже к концу литургии. Храм был полон простым народом, какой-то молодой священник проповедовал и увещевал матерей не проклинать своих детей. Посередине стоял гроб с очередным покойником. Могила о. Александра в саду рядом с церковью, вся усыпанная живыми цветами. Староста нас провел и в кабинет о. Александра, сняв с двери печати: портрет Соловьева, под иконами изображения Терезы маленькой и кюре д'Арса[51], ничего специфически католического, скорее атмосфера выдает православного священника с широким универсалистическим кругозором. Ек. Юрьевна нам сказала, что следователь (кот., кстати, находился в церковной ограде, когда мы там были) очень интересовался, не католиком ли был о. Александр. Ек. Юрьевна это отрицает, хотя, говорила она, католиков он в своей церкви причащал.

В Лавре у ворот нас ждали о. Иоанн Свиридов, Павел Вас. Флоренский[52] и двое моих дружков-математиков, С.С. Денисов, с которым я познакомился в Бергамо, и А. Паршин[53], который бывал у нас в Вилебоне[54]. В Успенский собор попали к концу службы, потом пошли на обед к проректору, мирянину, профессору догматики, человеку явно бюрократического склада. В погоревшей и восстановленной части прекрасные новые фрески, кажется написанные иконописцем из Николо-Кузнецкого храма. Потом был тягучий осмотр музея с неплохими иконами, но все же второсортными, с бесконечными

---

[50] *В Новой Деревне* (микрорайон подмосковного города Пушкино) — храм Сретения Господня, в советские годы не закрывался. С 1970-х годов до конца жизни здесь служил о. Александр Мень, последние два года перед кончиной был настоятелем.

[51] *…портрет Соловьева… изображения Терезы маленькой и кюре д'Арса… — Соловьев* Владимир Сергеевич (1853–1900), философ, богослов, поэт; *святая Тереза Малая* (в миру Мария-Франсуаза-Тереза Мартен, 1873–1897), католическая монахиня, автор изданной посмертно книги «История одной души», канонизирована в 1925 году, одна из четырех женщин, носящих титул «Учитель Церкви»; *Жан-Батист Мари Вианне* (1786–1859), прозванный «кюре из Арса» (по месту служения); в последние годы жизни исповедовал по 16–18 часов в день. Канонизирован Католической церковью в 1925 году.

[52] *Флоренский* Павел Васильевич (р. 1936), внук о. Павла Флоренского, геолог, эколог, ныне — руководитель Экспертной группы по описаниям чудес при Синодальной богословской комиссии РПЦ.

[53] *Паршин* Алексей Николаевич (р. 1942), академик РАН (с 2011), специалист по алгебраической геометрии и теории чисел, занимается также историей науки, соотношением религиозной философии и современного естествознания.

[54] *Вилебон* (Villebon-sur-Yvette) — городок в 19 км от Парижа, где Н.А. Струве с семьей жил с конца 1970-х годов.

фотографиями патриарха Алексия I[55] и т.д. Проходя мимо студенческой столовой, мы решили в нее войти (там начинался обед). Математики признали сына своего коллеги, кинулись с ним здороваться (студентов уйма, всего 700), но тут вступился инспектор и довольно твердо всех нас вытурил. Кто-то попытался сказать, мол, приехал из Парижа Струве, но это на него нисколько не подействовало, и он стал пуще нас бранить и выталкивать, подчеркивая, «что старается быть любезным». Пошли к соборам, вошли в Успенский, где мывшие пол бабы взъелись: «Это еще что за компания сюда пришла», мы проворно выкатились, к некоторой неловкости наших спутников, и пошли в Троицкий собор. Феофаногрековский-рублевский иконостас, мощи св. Сергия, беспрестанный акафист с народным пением, молящиеся бабки, некоторые свернувшиеся калачиком, видно пришедшие издалёка или в церкви с раннего утра, — так на нас все это подействовало, что мы не хотели уже оттуда уходить. Это вызвало неудовольствие части наших спутников, в частности приставленного к нам экскурсовода. За нас вступился Павел Васильевич, и нам еще дали немного постоять в этом извечном и всё еще бьющемся сердце России. Прав Ключевский: пока это еще есть, Россия жива[56]. Из Лавры мы всей компанией поехали в домик, где жил Флоренский в старом деревенском квартале Посада. (А Загорск[57] весь застроен фабриками, которые подступают к Лавре, народ за водой ходит к водокачкам на улицу, стоит в бесконечных очередях за папиросами, водкой и прочим…) А тут былая благодать, хотя через обветшавшие домики и тут проглядывает нищета. На доме мемориальная доска, сад запущен. Ждали нас: зять о. Павла С.З. Трубачёв, духовный композитор[58] (его жена Ольга Павловна лежит в своей комнате после инсульта, и к ней пустили только Машу; последняя дочь Флоренского, тоже Маша, на год старше моей, как будто не совсем уравновешенная, живет с сестрой, но гостям не показывается), и внук о. Андроник Трубачёв, с недавнего вре-

---

[55] *Алексий I* (в миру Сергей Владимирович Симанский, 1877–1970), патриарх Московский и всея Руси с 1945 года.

[56] *Прав Ключевский: пока это еще есть, Россия жива.* — См. финал речи В.О. Ключевского «Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства» (1892): «Творя память преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота лавры преподобного Сергия затворятся, и лампады над его гробницей погаснут только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его» (*Ключевский В.О.* Литературные портреты. М.: Современник, 1991. С. 257).

[57] *Загорск* — советское (1930–1991) название Сергиева Посада, данное городу в честь большевика В.М. Загорского (1883–1919).

[58] *Трубачёв* Сергей Зосимович (1919–1995), сын священномученика протоиерея З.В. Трубачёва (1893–1938), муж дочери Флоренского Ольги Павловны (1918–1999). Дирижер, композитор, педагог. В 1995, за два месяца до кончины, был рукоположен во диакона.

мени настоятель Валаамского монастыря[59]. Мы все сели в «светлице» за стол (чай с тортами), и довольно быстро завязался спор. Оказалось, что о. Андроник отказался сослужить с паломниками из финского Валаамского монастыря за то, что Финская православная церковь празднует Пасху по западному исчислению (единственная из всех православных церквей). Делает она это с разрешения и Вселенского, и Московского патриархов. Тут я вскипел, получил очень толковую поддержку от о. Иоанна Свиридова, но совершенно оторопел от аргумента, выдвинутого о. Андроником: как они могут не праздновать в день, когда в Иерусалиме сходит огонь с неба… Услышать такое от внука Флоренского да еще игумена монастыря мне показалось диким. Наши с о. Иоанном усилия намекнуть, что это всего лишь благочестивая легенда, действия не возымели… После чая и спора нас с Машей повели в кабинет о. Павла Флоренского, где все осталось более или менее таким, каким он его покинул в 1933 году… Уходя, заметил, до чего примитивны санитарные условия дома…

Нас решили еще свести в соседний с Лаврой Черниговский скит, который сейчас возвращается церкви. Подъехать к самому скиту не удалось не то из-за колдобин, не то из-за военных сверхсекретных учреждений, которые окружают скит. Паки и паки обезножевшая Маша осталась на верхней дороге созерцать нестеровский пейзаж (до чего Нестеров реалист, ничего не придумал, все передал так, как есть, неподражаемую смесь хвои и трепещущих листьев), а я со всеми пошел к скиту: все вокруг, да и внутри облезлое, полуразрушенное, навстречу к нам вышло несколько красивых и вполне упитанных коз, огромная нижняя церковь уже начала реставрироваться, но верхние этажи еще заняты каким-то учреждением. Вокруг церкви было кладбище, теперь целиком сравненное, но зять о. Павла еще хорошо помнит те два места, где рядом были похоронены К. Леонтьев и В. Розанов (пока еще никакого отличительного знака не поставлено). Хотели с Машей опять чуть-чуть спокойно пройти по дороге, но снова не получилось, нас повезли в Москву. Ближе к Москве дорога оказалась оцепленной, и куда-то нас отправили вбок: потом оказалось, что незадолго до этого в этом месте какая-то машина врезалась в ельцинскую «Волгу»…

Вечером нам обоим предстояло выступать по прямому эфиру, но Маша решила не ехать. На этот раз передача была женская, с показом книг (к сожалению, в наше отсутствие наши ретивые сотрудницы, боясь разворачивать экспозицию, отказались дать некоторые книги и, в частности, фотографии, вокруг которых я хотел построить передачу). Передача все же удалась больше, чем предыдущая: ведущая, нарочито старомодно одетая, была несколько

[59] *О. Андроник* (в миру Александр Сергеевич Трубачёв, р. 1952), принял монашество в 1981; с 1986 игумен; основатель и директор Музея священника Павла Флоренского в Москве. О. Андроник стал первым настоятелем (1989–1993) возвращенного Церкви Валаамского монастыря (закрытого после советско-финской войны на 49 лет).

эмоциональна и провинциальна (но кое-что из нашего наследия она знала), Ек. Гениева рассказала о приезде грузовика с 40 000 книг, меня больше расспрашивали о моих знакомствах с писателями, от Бунина до Солженицына. Длилась передача около 40 минут (все в том же мрачном здании), и домой я вернулся к часу ночи.

Суббота 22-го

Утро у нас было свое, и мы пустились в большой игрушечный магазин на Дмитровке. Вероятно, в связи с праздником Москвы (в виде плакатов всюду по Москве был развешан Георгий Победоносец) игрушек выкинули на прилавки хоть отбавляй, и мы накупили внукам — и кубики с алфавитом, и марионеток по русским сказкам, и автомат для Рафаила (который произвел фурор в его поселке), и многое другое. Покупателей с детьми было много, без очередей и без грубостей со стороны продавщиц…

На улице один незнакомец меня опознал по телевидению, подошел пожать руку и сказал: «Я сам бывший партиец, но Вы совершенно правы: спасение придет только через церковь».

В конце утра за нами заехали сотрудницы Библиотеки на обед в Библиотеку, но мы еще успели с ними, правда быстрейшим шагом, добежать по Ордынке до Марфомариинской обители, куда нас в виде исключения впустили (там Нестеровская церковь и Грабарская мастерская[60], а в саду недавно поставленный памятник великой кн. Елизавете). Обед в Библиотеке с основным рядом сотрудников, занятых выставкой (каких-нибудь 7 человек из 700), нашими двумя Наташами[61], прошел бодро (и вкусно, хотя и не роскошно, тем вкуснее, что все было самодельное).

После обеда начались бесконечные интервью в разные газеты и радио. Наиболее приятное впечатление на меня произвели: Молодой представитель «Юности», передавший мне воспоминания внучки (или правнучки) Боратынского, совсем молоденький сотрудник «Журнала Московской Патриархии», ему, так как орган все же очень официальный, я дал сильно заостренное интервью (полагаю, что оно не пройдет), племянник Желудкова[62], не помню от какой газеты и т.д., и т.д.

---

[60] М.В. Нестеровым выполнены монументальные росписи в Покровском соборе Марфо-Мариинской обители (арх. Щусев). В 1926 году обитель закрыли, в Покровском соборе был кинотеатр, затем Дом санитарного просвещения, а после Второй мировой войны храм передали под Государственные реставрационные мастерские И.Э. Грабаря, выехавшие из него лишь в 2006 году.

[61] *…нашими двумя Наташами…* — на выставке во ВГБИЛ работали, чередуясь, четверо сотрудников издательства «ИМКА-Пресс». Вместе с директором Н.А. Струве приехали Н.Б. Артамонова (см. выше, примеч. 19) и Наталья Андреевна Шмеман, бывшая с 1978 года секретарем издательства, в частности ведшая издательские дела А.И. Солженицына.

[62] *О. Сергий* (Сергей) Алексеевич Желудков (1909–1984), церковный писатель, правозащитник.

Поехали на вечерню в Донской монастырь, к сожалению под страшным дождем; там вошли в собор, где какой-то художественный склад (всё в ужасном виде), посетили квартиру, где жил патриарх Тихон и где было на него покушение (там бюро директора музея, и оно в плохом состоянии), побродили по кладбищу (могилы Чаадаева, Ключевского, многих графьев и князей), наконец пришли в небольшую действующую церковь, где могила святителя Тихона (как недавно выяснилось, пустая, тело было большевиками сожжено)[63], а за стеной, в саду могила убитого при покушении на патриарха келейника Полозова (вдова келейника умерла в прошлом году, 90 лет). Служба шла бодро, особую бодрость ей придавал старый иеромонах (за 80), бывший регент[64], он и тут руководил хором с большой непосредственностью, одному цыкал «ты молчи» или «ты тише», а руками и голосом не переставал поддавать жару. Во время шестопсалмия он согласился (в виде исключения) нас исповедовать в боковом приделе. Во время чтения исповедальных молитв к нам подбегали разные женщины, желающие воспользоваться моментом, он их красочно отшивал: «Куда лезете, искушение какое, завтра приходите, ах, искушение же», так что Маша с трудом удержалась от смеха, но старичок был вполне умилительный и толковый (по рассказам, он еще застал патриарха Тихона). С нами в Донском были обе Наташи, а нас еще у входа поджидал Павел Вас. Флоренский. Вернулись мы все на разных машинах, я с Павлом Вас., который умолял меня никаких ни с кем соглашений не подписывать, ни с кем в сотрудничество не вступать, оставаться максимально самим собой, «так как мы тут все испорченные и чокнутые»… Утреню мы не стояли, поехали отдыхать домой. У меня же было назначено к 10 часам вечера быть у Лидии Корнеевны (Маша не поехала, желая набраться сил к литургии в Успенском соборе).

С Лидией Корнеевной мы довольно быстро спелись. Высокая, подобранная, она благообразней, чем на фотографиях, и вообще производит впечатление человека другой эпохи. Очень тепло говорила об Александре Исаевиче («гений»), очень зло о Надежде Яковлевне (мол, лезет на равенство с Ахматовой и Мандельштамом)[65], с презрением об А. Найма-

---

[63] Речь идет о Малом Донском соборе, где был погребен Патриарх Тихон (в миру Василий Иванович Белавин, 1865–1925). Мнение, что тело святителя было извлечено и сожжено чекистами в 1927 году, после закрытия Донского монастыря, было всеобщим и стойким. Однако 19 февраля 1992 года при восстановительных работах после пожара в Малом Донском соборе были обретены святые мощи Патриарха Тихона. Теперь они открыто покоятся в Большом Донском соборе Донского монастыря.

[64] Имеется в виду *Архимандрит Даниил* (в миру Иван Сергеевич Сарычев, 1912–2006), в 1990 старейший насельник Донского монастыря.

[65] Полемике со «Второй книгой» Н.Я. Мандельштам (1972) посвящена оставшаяся неоконченной книга «Дом поэта», завершенные семь глав опубликованы посмертно (см., напр.: *Чуковская Л.* Дом поэта. М.: Время, 2012). О работе над «Домом поэта» автор не раз сообщает в письмах к А.И. Солженицыну, публикуемых в «Солженицынских тетрадях» (М.: Русский путь, 2012. Вып. 1; 2013. Вып. 2; 2014. Вып. 3; см. также в наст. изд. «Тяжёл искус такой разлуки»: Из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской (1980–1993). Письма 4 и 14. С. 35 и 64).

не[66], сердится на тех, кто, вместо того чтобы работать, только и делают, что путешествуют по заграницам, считает «Память» сильной и опасной организацией. Долго обсуждали, что же ей нужно сперва делать: кончать ли третью книгу (как я считаю) или переделывать вторую для советского издания (как хочет она)[67]. Словом, говорили, пили чай, а тем временем пробил час ночи, и я решил возвращаться домой, к ее огорчению, так как она сидела бы с удовольствием всю ночь (ложится она к утру, а встает к четырем дня). Приезжали за мной оба Гениевы, муж и жена. Но Маша решила, что в единочасие меня похитили или пристукнули.

Воскресенье 23-го

Наш последний полный день оказался и верховной точкой нашего пребывания. Опять за нами заехала Гениева, чтобы вместе с нами и с двумя Наташами ехать в Успенский собор. Вся Красная площадь была оцеплена и совершенно в 9 часов утра пуста, пропускали в Кремль через одни только ворота, в самый Успенский собор по зеленым билетам пустили только 500 человек (архитекторы сказали, что из-за раскопок пол очень непрочен), вероятно, столько же по голубым билетам пустили наружу перед собором (но служба не транслировалась), у входа в собор нас встретили и провели вперед, налево перед солеей. Пел хор Лавры, разместившийся рядом с нами, напротив, справа встало правительство (Силаев, Лукьянов, Попов[68] и др.), они простояли всю трехчасовую службу не шелохнувшись, но и ни разу не перекрестившись. Был торжественный вход Патриарха, служба шла бодро, диаконы, несколько грубоватые, были динамичны, и «Верую» и «Отче наш» пропели со всем народом, красота собора (хоть фрески и 17-го века, но они по старым прорисям, не говоря о древних иконах: мы стояли перед знаменитым Дмитрием Солунским XII века), бодрый лаврский хор, все это способствовало тому, что мы времени не заметили и ничуть не устали. Перед причастием верующих секретарь Патриарха вышел к правительству и пригласил их пройти в правый притвор. Это вызвало среди народа некоторый ропот,

---

[66] *Найман* Анатолий Генрихович (р. 1936) — поэт, переводчик, прозаик, мемуарист. С 1959 года был знаком с Ахматовой, с 1963 ее литературный секретарь, соавтор переводов из Дж. Леопарди. Раздражение Л.К. Чуковской, видимо, вызвали мемуары «Рассказы о Анне Ахматовой» (журн. публикация — Новый мир. 1989. № 1–3; книгой — М.: Худож. лит., 1989).

[67] Имеются в виду трехтомные «Записки об Анне Ахматовой». Первый и второй тома были изданы в Париже в изд-ве «ИМКА-Пресс» (1976 и 1980 соответственно). На родине к 1990 году был издан только первый том (М.: Книга, 1989). Все три тома вышли в издательстве «Согласие» в 1997.

[68] *Силаев* Иван Степанович (р. 1930) — в 1990 году председатель Совета министров РСФСР.

Лукьянов Анатолий Иванович (р. 1930) — в 1990 году председатель Верховного совета СССР.

Попов Гавриил Харитонович (р. 1936) — в 1990 году председатель Моссовета.

кое-кто стал креститься, приговаривая: «Что же это делается». Правительство так же чинно вышло из церкви (очевидно, они пошли отдохнуть перед крестным ходом, особенно трудно было стоять Попову, когда-то поломавшему себе спину в горной экспедиции).

Крестный ход формировался на дворе, сначала ушло духовенство, а оставшаяся толпа столкнулась с узостью Троицких ворот и задержалась. Тут же на дворе возник огромный портрет Николая II, какие-то портреты поменьше, его же иконы…

Крестный ход продолжался минут сорок, в основном по Калининскому проспекту, на всем протяжении милиция оцепляла прохожих, но была и своя охрана в виде лаврских студентов. Колокольного звона не было. На каких-то отрезках пути посторонние люди могли бы присоединиться к крестному ходу, но в основном толпа стояла напряженно, вглядываясь, редко кто крестился, один, я слышал, сказал: «Видно, пошла мода на Христа». Шло, вероятно, несколько тысяч человек (две-три тысячи?), с воодушевлением пели все новые и новые песнопения, чаще всего возвращались «Елицы во Христа крестите́ся, во Христа облекостеся» или тропарь Воздвижения «…Победу на сопротивная даруя», со многими по дороге обменивались словами (благо меня многие видели по телевидению): шли многодетные семейства, объединившиеся в какое-то содружество, разные наши знакомые по Библиотеке, издалека увидели Горичеву[69]; шел почти весь Синод, а за ним, как я потом узнал, шло и «правительство». Мы шли скорее впереди, так как не хотели смешиваться с патриотической монархической группой, совершенно напрасно желавшей придать церковному торжеству политический оттенок. С одним из нее, несшим икону царя, пришлось в какой-то момент столкнуться, что вылилось в неприятную перепалку. Когда дошли до Вознесенской «пушкинской церкви», милиция резко перегородила дорогу, и началась страшнейшая давка. Не знаю, как духовенство попало на паперть и во двор церкви, но мы оказались безжалостно прижаты к милиции, и только необычайно твердое вмешательство Ек. Гениевой, на подмогу к которой подоспел христианский депутат Борщёв[70], позволило нам не быть задавленными и попасть снова в число «избранных». Патриарх произнес громким голосом прекрасное слово о торжестве, о бывших гонениях, о символическом соединении двух культур, средневековой (Успенский собор) и послепетровской (Пушкин), — уже в Париже я узнал, что он как будто сам его написал, — с Борщёвым мы пробрались и в саму церковь, похожую на огромный амбар с наскоро слаженным

[69] *Горичева* Татьяна Михайловна (р. 1947), христианский писатель, в 1980–1988 жила на Западе, в т.ч. в Париже.

[70] *Борщёв* Валерий Васильевич (р. 1943) — журналист, диссидент, с 1990 по 1993 год депутат Моссовета, с 1994 по 1999 член Государственной Думы первого и второго созывов, член фракции «Яблоко», член Политического консультативного совета при Президенте Российской Федерации.

иконостасом, но долго там не оставались, так как нас по соседству ждал к обеду Андрей Смирнов[71], а уже дело близилось к трем часам. Андрея я хотел навестить, так как он один из первых меня приглашал в Москву от кинематографистов прочесть лекцию, а я все упорно отказывался. А тут еще удобно было передохнуть после тощака, длинного стояния, хождения и сильных впечатлений. Большая квартира с высокими потолками, типичный состав семьи, очередная жена, кажется третья, с общей единственной дочкой лет восьми, очень радушный прием (милая жена казачка, актриса), вызвался, если бы я оставался, ехать со мной в Орел просматривать какие-то фильмы о Бунине и Ремизове, привезенные из Америки. Маша у них немного отлежалась, но долго мы у них не пробыли: надо было ехать на собрание, устроенное обществом «Радонеж» в клубе «Меридиан»[72]. В этом бесхарактерном комплексе (зал где-то на окраине, среди новостроек) нас сначала ждала телевизионная команда программы «Слово». Она мне очень понравилась своей скромностью и (относительной) культурностью… Три дня после нашего возвращения в Париж эта же команда приехала по нашим стопам, без конца снимала в издательстве, потом у нас на дому, и даже так расположила Машу, что она рассказала ряд интересных случаев из жизни матери Марии, о. Сергия Булгакова и других корифеев эмиграции.

Зал «Меридиана», рассчитанный на тысячу мест, не был полон, но народу было много. Я появился на эстраде порядочно «выжатым лимоном», в десятый раз рассказал про Имку и ее назначение, рядом со мной сидел Никифоров, секретарь «Радонежа»[73], шиковавший своей поездкой в Париж и немало рассказывал о себе. Потом посыпался град вопросов на бумажках, которые никто не сортировал, так что я даже не успевал их читать. Разумеется, были вопросы и повторные о жидомасонстве, на которые я ответил однозначно, м.б. слишком, но при аплодисментах половины залы. В Париже уже получил письмо от одного из присутствовавших, который жаловался, что не оправдал его надежд и что собрание было малоудачным. После него, тут же на эстраде, пришлось еще раз сниматься для какой-то всесоюзной программы для телезрителей школьного и студенческого возраста. Команда была симпатичная и отказать было трудно.

На этом наши труды как бы окончились, и мы вернулись восвояси, но к нам, уже начавшим харчить вареную картошку и томаты из подмосковных

---

[71] *Смирнов* Андрей Сергеевич (р. 1941), артист и кинорежиссер; жена — *Смирнова* Елена Иосифовна (урожд. Прудникова), актриса театра и кино.

[72] *«Радонеж»* — общественная организация (братство) религиозно ориентированных интеллигентов, зарегистрированная в 1987 году под названием «экспериментально-творческое объединение “Радонеж”». Мероприятия «Радонежа» проходили в Доме культуры «Меридиан» на Профсоюзной улице, близ станции метро «Калужская».

[73] *Никифоров* Евгений Константинович (р. 1955), председатель православного братства «Радонеж», директор радиостанции «Радонеж», вещающей с 1991 года.

садов, пробился мандельштамист Нерлер[74], харчил картошку с нами и что-то нам, совершенно ополоумевшим от такого дня, рассказывал о своих планах устроить международную ассоциацию Мандельштама и еще что-то, но я, будучи в ауте, никак не мог понять, чем, собственно, я могу пособить (у себя мы приняли только Диму Борисова[75] во второй вечер, и еще пробился корреспондент «Монда», интересовавшийся брошюрой Солженицына).

Понедельник 24-го,

и последний. К концу утра, сложившись, чуть погуляв по своим полюбившимся нам замоскворецким местам, зайдя к Иоанну Войну, отправились на свидание с редакцией «Нового мира». Это единственный журнал, который мы «удостоили своим посещением». Просили «Октябрь», «Литературная газета» и еще другие, но куда было их сунуть? Собралась вся редакция, какой-то малый зашел, сказал, хочу послушать, его тоже пустили, что-то говорил Залыгин, что-то лестное о «Новом мире» сказал я («единственный журнал, который имеет лицо»), просили о сотрудничестве (как до них десятки журналов и издательств), ничем не угостили, но все было очень мило и достойно. Уезжая от них, я умолил наших водителей проехать по Петровке, чтобы взглянуть на мамин, катуаровский дом[76], я думал, что он снесен, но оказалось, что он стоит в виде поликлиники, взглянуть не удалось, но что-то померещилось, а главное, нам понравился весь район, и мы с некоторой грустью почувствовали, что с Москвой едва знакомы.

В Библиотеке нас ждал перед самолетом последний прощальный прием. Сначала мы с Катей и Наташей подкрепились в столовой Библиотеки. На прием приехал замминистра культуры РСФСР, мой дружок по Парижу, Андрей Золотов[77] (я с ним рядом сидел на конференции ЮНЕСКО по тысячелетию). Он искренно и тепло говорил, несколько слов сказал также подвернувшийся случайно настоятель Иоанна Война (его загребли с выставки, которую он посещал)[78], был Котрелев, нас задарили подарками, цветами,

---

[74] *Нерлер* Павел Маркович (наст. фам. Полян; р. 1952), по основной специальности географ, с 1970-х годов занимается изучением творчества Мандельштама и публикациями из его наследия; председатель Мандельштамовского общества.

[75] *Борисов* Вадим Михайлович (1947–1997) — историк, литературовед, участник сборника «Из-под глыб», с 1988 по 1991 заместитель главного редактора журнала «Новый мир» и литературный представитель А.И. Солженицына в СССР.

[76] *…мамин, катуаровский дом…* — городская усадьба второй половины XVIII века на Петровском бульваре; первый владелец — Е.В. Татищев; в 1860-х годах дом был приобретен коммерции советником Львом Ивановичем Катуаром (1827–1899), прадедом Никиты Алексеевича по матери, Екатерине Андреевне (1896–1978).

[77] *Золотов* Андрей Андреевич (р. 1937) — искусствовед, в 1990–1992 заместитель министра культуры.

[78] Имеется в виду *прот. Николай Ведерников* (Николай Анатольевич Ведерников, р. 1928), клирик церкви св. Иоанна Воина, духовный руководитель воскресной школы, открытой при храме в 1990 году, композитор.

двумя березками с корнями (Маша как-то обронила такое желание или, вернее, намерение), я уже слов не говорил, а лез со всеми обниматься… Словом, раскисли под действием очередного и совсем приличного шампанского (на самом деле я надписал 30 своих книг, что тоже работа).

Поехали нас провожать все устроители и непременный Богословский. Опять без таможни, прямо в салон для сильных мира сего, и напоследок два интервью, одно звучащее для «Кругозора», другое для агентства ТАСС. Коньяк, пирожки, последние напутствия и поцелуи и проводы чуть ли не до самого трапа самолета.

Прошло больше месяца с нашего возвращения, и общее впечатление все то же: поруганности и тепла, разоренности, деградированности и света, и самое неожидаемое чувство, что были у себя.

Ноябрь 1990

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МОИСЕЕВИЧА ГОРЛОВА *(1931–2016)*

9 июня 2016 года ушел из жизни А.М. Горлов, человек, о котором, несомненно, помнят внимательные читатели книги «Бодался телёнок с дубом». О судьбе, личности и свершениях А.М. Горлова рассказывает самый близкий ему человек — его вдова (вместе они прожили 58 лет). Об отношении Солженицына к Горлову свидетельствуют три публикуемых далее материала: открытое письмо к председателю КГБ СССР Андропову, прежде не печатавшееся письмо В.П. Лукину (в 1992 году — послу России в США), фрагмент из телевизионной беседы писателя (в России не печатался)[1].

Э.С. Горлова[2]
ЖИЗНЬ ИНЖЕНЕРА ГОРЛОВА

Почти с самого рождения Сашина жизнь была полна трудностей, лишений и опасностей. Все, чего он достиг в жизни и профессии, он сделал не благодаря, а вопреки обстоятельствам и времени. Препятствий — и случайных, и преднамеренных — на его пути было немало. Сын репрессированного и расстрелянного отца, оторванный от матери в десятилетнем возрасте и эвакуированный «детским эшелоном» из блокадного Ленинграда в 1941 году,

---

[1] См. также вклейку между с. 320–321 наст. изд. — *Ред.*

[2] Элла Соломоновна Горлова — инженер-строитель, выпускница МИИТа, работала в строительно-проектных организациях Москвы, занималась испытаниями и расчетом сейсмостойких зданий. После вынужденной эмиграции в 1975 году, сдав квалификационный экзамен в США, участвовала во многих проектах, в том числе в проектировании ядерных электростанций, в проекте «Биг-Диг» («Большой котлован» — гигантский транспортно-дорожный комплекс в Бостоне). Активно сотрудничала в бостонской русскоязычной печати, публикуя очерки по социальной, градостроительной и культурной истории Бостона. Автор двух научно-популярных книг по истории Бостона и штата Массачусетс: «Из Бостона — о Бостоне» (вышли два издания, 2006 и 2010) и «Вдоль Узкой Земли — Кейп-Код, его города и их история» (2001).

он провел в суровой обстановке детдома военного времени четыре самых важных подростковых года — с десяти до четырнадцати лет — и выработал волевой бойцовский характер и умение рассчитывать всегда только на себя и свои силы. Но эти качества соединялись у него с идеализмом и благородством, верностью в дружбе вплоть до самопожертвования, постоянной готовностью оказать любую помощь и поделиться всем — временем, знаниями, не говоря уже о материальных вещах. Таким он оставался всю жизнь.

Мать Саши Сарра Филипповна Горлова приехала в Москву в конце 1920-х и вскоре вышла замуж за видного московского адвоката Моисея Ароновича Вассермана, вдовца с двумя детьми. Саша родился у них в 1931 году. В силу ряда трудностей молодая мать, забрав четырехлетнего сына, уехала в Ленинград, к матери и остальной родне. Моисея Ароновича арестовали в 1936 году, вскоре после ее отъезда, и почти сразу расстреляли без суда и следствия, как стало известно лишь после его посмертной реабилитации в 1956 году.

22 июня 1941 года застало Сашу ленинградским школьником. В организованном порядке эвакуировали многие школы: детям велели прийти «с вещами» — маленьким рюкзачком с самым необходимым — и поездом вывезли куда-то на северо-восток (Саша помнил лишь название первого места, где обосновался их детский дом, — село Гостевщина, но потом детдом многократно переезжал). Саша вспоминал, что они были постоянно голодны, и дети крали из-под стола друг у друга хлеб, который выдавали к обеду, поэтому его надо было во время еды всегда придерживать рукой. Привычку за столом прикрывать хлеб ладонью Саша сохранил на всю жизнь. Все свободное время детдомовцы были заняты поисками еды (то есть воровали все, что могли украсть и съесть), и хотя Саша не отставал от прочих (голод — не тетка), но учился хорошо и с интересом. Это да еще заметная еврейская внешность были причиной частых насмешек, но сильно его не обижали — он всегда был готов помочь другим в учебе и обыгрывал старших ребят в шахматы (научила еще мама), что вызывало у них снисходительное уважение. В здании бывшей церкви неподалеку были свалены книги — может, чья-то конфискованная библиотека, так как книги там были нетипичные и редкие для советских библиотек, и Саша был ее единственным и запойным читателем. По военному времени никто не обращал внимания, что берет и читает детдомовец. Ребята часто просили его что-нибудь рассказать из прочитанного. В детдоме же Саша научился стойкости и умению защищаться. А упорство у него было, очевидно, врожденным.

Почти все оставшиеся в Ленинграде родные Саши с материнской стороны умерли от голода, и когда в январе 1944 года блокада была прорвана, в живых оставались лишь двое — его мать и ее старшая сестра Густа Филипповна.

В дальнейшем сестры поселились одной семьей вместе с мужем Густы Филипповны Андреем Сергеевичем Коваленко. Дядя Андрей (как называл его всегда Саша) был донской казак. Его посадили еще в 1932 году и, согласно поговорке «раньше сядешь — раньше выйдешь», он успел освободиться к началу войны и даже воевал, но запрет жить ближе чем в 100 км от больших городов был причиной того, что семья перебралась в Краматорск. Сашу привезли туда лишь в 1946 году — из-за неоднократных перемещений детдома его долго не могли разыскать. Несмотря на то что в этой семье он прожил всего три года, влияние дяди Андрея на него было огромно: дядя обучил обращаться с бытовыми инструментами, ему Саша обязан умелыми руками и технической изобретательностью, а главное — интересом к технике. После девятого класса Сашу отправили в Москву к родственнице матери оканчивать школу, так как для поступления в институт аттестат московской школы был весомей аттестата провинциальной.

В 1949 году Саша окончил школу на все пятерки, но медали — ни золотой, ни серебряной — не получил. Эту несправедливость Саша запомнил на всю жизнь как личное оскорбление — и сколько их еще было впереди!

Он легко сдал вступительные экзамены в МИИТ (Московский институт инженеров железнодорожного транспорта) и поступил на один из лучших факультетов — мостов и тоннелей. МИИТ и тогда, и потом оставался надежным путем получения высшего технического образования для еврейской молодежи (шутили: «Аид — иди в МИИТ!»).

Первые два студенческих года Саша жил в семье Рохленко, с теткой и ее сыном Даней (Давидом) в их большой коммунальной квартире на Пушкинской площади (7 семей, больше 30 человек). Со своей технической сноровкой он даже в перенаселенной квартире был принят тепло — всем жильцам чинил электропроводку, делал «жучки» и каждой семье провел отдельный звонок в комнату. Даня был старше Саши лет на семь, успел побывать на фронте и как демобилизованный сумел поступить на филологический факультет МГУ, невзирая на свое еврейство. Но окончил он его уже в 51-м, когда в стране вовсю шла вакханалия борьбы с «безродными космополитами» (тогдашний эвфемизм для слова «еврей»), и найти работу ему было невозможно. И тогда он решился на отчаянный и безумный ход: написать письмо Сталину как бы от имени рядового советского черносотенца-антисемита с поддержкой «политики партии и правительства» по отношению к евреям. Даня наивно полагал, что Сталин ничего не знает и, получив такое письмо, увидит, что творится в стране, — и наведет порядок! В коммуналке кругом были глаза, поэтому каждый день Даня уходил в Ленинку, брал в читальном зале для виду книги, а потом садился и сочинял письмо. И вот однажды сдал книгу, по рассеянности забыв в ней черновик письма! Схватился уже дома — и понял, что погиб. Саша сразу почувствовал что-то неладное по поведению Дани: тот почему-то стал ежедневно обрывать электропроводку их звонка,

Саша ее упорно восстанавливал, не понимая, зачем Даня это делает, — а тот отчаянно надеялся, что когда придут его «брать», то не дозвонятся — и уйдут!!!

Разумеется, черновик обнаружили, Даню легко «вычислили» по библиотечному формуляру и поторопились сообщить в «соответствующие органы» — донести надо было прежде, чем донесли на тебя. И Даню вскоре арестовали по обвинению, которое в те годы звучало издевательски — антисемитизм и разжигание национальной вражды!

Дядю Андрея арестовали повторно в 1948 или 1949 году (тогда многих брали повторно), и тут уж мстительная рука советской власти дотянулась и до Сашиной мамы — ее тоже арестовали и отправили в лагерь. К счастью, приспела смерть Сталина, и их обоих выпустили через всего (!) четыре года.

Несмотря на свалившиеся на него несчастья, Саша в институте был одним из лучших студентов, членом СНО — студенческого научного общества, где сделал несколько интересных технических предложений. На кафедре тоннелей факультета мостов и тоннелей какое-то время работала Антонина Васильевна Пирожкова, вдова писателя И. Бабеля, она отличала талантливого студента и поддерживала его. Уже много лет спустя, когда в глубокой старости А.В. Пирожкова переехала в Нью-Йорк к своему внуку, Саша разыскал ее телефон, позвонил, назвался — и она его вспомнила! Причем не из вежливости — а привела несколько фактов и деталей. Замечательная память, замечательная женщина и удивительная жизнь![3]

Саша окончил институт в 1954 году, уже после смерти Сталина, получил диплом с отличием и был рекомендован в аспирантуру на кафедру теоретической механики. Распределение происходило весной, еще до выпуска, а экзамены в аспирантуру начинались в конце лета, но среди выпускников существовало благородное неписаное правило — тот, кто рекомендован в аспирантуру, хотя и имеет преимущество при распределении как отличник, должен выбрать как раз самое плохое место (оно все равно пропадет, если он поступит в аспирантуру, а хорошее место работы терять жалко). Следуя студенческому кодексу чести, Саша выбрал работу на строительстве железнодорожной ветки где-то далеко под Воркутой.

В аспирантуру были рекомендованы три студента, Саша был вторым по результатам приемных экзаменов, но приняли первого — и третьего (кампа-

---

[3] Антонина Васильевна *Пирожкова* (1909–2010), вдова И.Э. Бабеля, главный конструктор института «Метропроект», проектировала Московский метрополитен, в том числе станции «Маяковская», «Павелецкая», «Арбатская», «Киевская», «Площадь Революции». Автор (совместно с В.П. Волковым и С.Н. Наумовым) первого и единственного учебника по строительству тоннелей и метрополитенов (Тоннели и метрополитены. М., 1975). Уехала в США в 1996 году, там издала по-английски и по-русски книгу о Бабеле (Семь лет с Исааком Бабелем. N.Y.: Слово/Word, 2001). В России издана книга ее воспоминаний «О Бабеле — и не только о нем» (М.: АСТ, 2013). — *Ред.*

ния реабилитаций еще не началась, и Саша все еще числился сыном «врага народа»)! Это было настолько явной несправедливостью, что Саша решил бороться, сумел дойти до самых больших начальников — и добился того, что его приняли, но в заочную аспирантуру.

Три года Саша проработал на строительстве железнодорожных мостов в трудных северных условиях. Жил в вагончике, который отапливался дровяной печкой, нередко зимой по утрам волосы его покрывались инеем, но успешно сдал экзамены кандидатского минимума (конспекты лекций я одалживала у аспирантов-очников, мой папа переписывал их вечерами своим аккуратным почерком, и копии я отправляла по почте Саше). Он даже ухитрился принять участие в техническом конкурсе, объявленном МПС в 1956 году, и об этом удивительном случае стоит рассказать.

Конкурс был на лучшую идею новой конструкции железнодорожного полотна (рельсы-шпалы-балласт). Как известно, металлические рельсы опираются на поперечные деревянные шпалы и крепятся к ним сложной системой болтов и гаек (кто не знает, — пусть перечитает рассказ Чехова «Злоумышленник»). Саша предложил совершенно новое и необычное решение — каждый рельс в продольном направлении опирать на цепочку железобетонных блоков, а в поперечном направлении эти блоки попарно соединять металлическими толстыми прутами (заделывая их концы в бетон блоков). Саша сопроводил проект всеми необходимыми расчетами, которые подтверждали, что такая более гибкая конструкция позволяет резко увеличить скорости поездов. Предложение было отвергнуто как неграмотное (так было написано в заключении жюри), но черновики Саша хранил много лет и выбросил уже перед эмиграцией в 1975 году — а зря...

В 1983 году мы с Сашей стояли на платформе железнодорожной станции в Иокогаме, дожидаясь знаменитого скоростного поезда в Нагою (его называли «поезд-пуля»). Этим поездом японцы по праву гордились — он развивал скорость до 300 км/час! Мы как инженеры-путейцы по образованию давно мечтали увидеть и опробовать эту новинку. Я случайно глянула вниз на рельсы — и задохнулась от возбуждения: смотри, Саша, — конструкция «рельсы-шпалы» точно такая, как ты придумал почти 30 лет тому назад в Воркуте! И вот теперь она позволяет поездам развивать огромную скорость — как ты и предсказывал!

Но, как говорится, «поезд ушел» (каламбур нечаянный) — и ничего уже не докажешь. Разве что писать в МПС и просить их порыться в архивах — может, найдут «рацпредложение», полученное в 1956 году из далекой Воркуты от прораба-аспиранта, намного опередившего свое время?..

В 1958 году Саша окончил аспирантуру и диссертацию на теоретическую, но очень важную экономически тему («Вариационные методы расчета в механике»). Предстояла ее защита в Ученом совете МИИТа. Но тут подгадало очередное правительственное постановление, как бы нарочно направ-

ленное против него: «...с целью... улучшения качества подготовки научных сотрудников... защита диссертаций должна происходить не по месту учебы, а обязательно в другом институте аналогичного профиля...» Цель была, очевидно, создать более независимый научный климат, но результат получился точно по формуле незабвенного Черномырдина: «Хотели как лучше, а вышло как всегда». Научные и учебные институты старались избежать ответственности и не принимать незнакомые диссертации, аспиранты искали всевозможные пути, чтобы диссертацию приняли, и Саша опять оказался приезжим новичком без нужных знакомств в академическом мире. В конце концов Ученый совет Московского станкостроительного института принял его диссертацию к защите (хотя на это ушло еще полтора года), и Саша успешно защитил ее в 1961 году...

В своей дальнейшей работе Саша как инженер был всегда на передовых направлениях теории и техники строительства. В институте «Оргэнергострой» он входил в ведущую команду инженеров, проектировавших в 60-х годах по заказу Египта Асуанскую плотину. В институте «Гипротис» (позднее назывался ЦНИИПиАС — Центральный научно-исследовательский институт проектирования и автоматизации строительства) занимался оптимизацией строительного проектирования и был одним из авторов компьютерной программы поиска критического пути. Эта работа была удостоена золотой медали ВДНХ. Был одним из пионеров нового направления — расчета конструкций на электронных вычислительных машинах (ЭВМ), этих предках современных компьютеров, и автором нескольких компьютерных программ, которыми впоследствии пользовались многие проектные организации.

Именно в «Гипротисе» Саша познакомился и подружился с Екатериной Фердинандовной Светловой, что впоследствии привело и к близкому знакомству с Александром Исаевичем Солженицыным. Полностью разделяя взгляды писателя, восхищаясь его книгами и верный своим принципам самоотверженной дружбы, Саша стал одним из его многочисленных помощников — тех «невидимок», которых А.И. впоследствии описал в «Теленке». Именно эта помощь и была причиной обрушившихся на Сашу административных репрессий. Отправной точкой стало 12 августа 1971 года, когда он по просьбе Александра Исаевича поехал в его дачный домик у села Рождество, чтобы привезти оттуда нужную деталь для починки машины «Москвич», и нарвался там на работников КГБ, производивших в домике незаконный обыск. Его арестовали, избили и требовали скрыть факт обыска от Солженицына, грозя в противном случае его карьере и даже жизни, но Саша не поддался угрозам, не стал молчать. Последовали увольнение с работы, срыв защиты докторской диссертации, уже принятой Ученым советом Института оснований и фундаментов, регулярные вызовы в КГБ с целью принудить к эмиграции, — все эти злоключения последних лет жизни в СССР Саша по совету А.И. скрупулезно записывал под носом у КГБ и затем документально

изложил в своей книге «Случай на даче», впервые вышедшей в парижском издательстве «YMCA-Press» в 1977 году. В августе 1975 года Саша с семьей навсегда покинул страну — Россия навсегда потеряла разносторонне талантливого и энергичного инженера и ученого.

В США

Саша приехал в Бостон в январе 1976 года — и начал с нуля новую жизнь в новой стране с почти незнакомым английским языком. Но за его плечами был внушительный список инженерных проектов, и Северо-Восточный университет Бостона предложил ему преподавательскую работу на факультете инженерной механики. Прежде у Саши не было преподавательского опыта, но помогла прекрасная теоретическая подготовка, полученная за годы учебы в МИИТе. Начав внештатным преподавателем, Саша за 35 лет работы в университете прошел путь до полного профессора и завершил свою преподавательскую деятельность в звании «профессор-эмеритус» — почетное звание, присуждаемое лишь немногим особо выдающимся профессорам. За эти годы его лекции прослушали больше трех тысяч студентов, он привлекал их к работе над своими проектами и исследованиями, к полевым испытаниям. Многие под его влиянием выбрали инженерные профессии, он часто получал от бывших студентов письма благодарности.

По существующим в американских университетах правилам профессора должны сочетать преподавательскую работу с научными исследованиями и сами же должны добывать требуемое на это финансирование (гранты). Поиски таких грантов нелегки и отнимают много времени — надо представить программу работ и смету в различные организации, которые, предположительно, могут быть заинтересованы в результатах. Гранты очень выгодны университету финансово и политически. Сашин творческий потенциал был неиссякаем: сумма грантов, что он принес университету, велика, а список его изобретений насчитывает 25 патентов. В их основе так или иначе всегда присутствовал новый энергетический подход: от антитеррористической установки, не дающей «машинам-бомбам» проникнуть на территорию посольств или военных частей (несущаяся с большой скоростью, такая машина-бомба приводила в действие защитное устройство, которое ее и обезвреживало, — патент на это остроумное изобретение включен в «оборонный» список Госдепартамента США[4]), до получения чистой электрической энер-

[4] Не могу не отметить сходство в психологии работников «органов» США и СССР: несмотря на то, что сама установка была принята Госдепартаментом США, Саша как натурализованный, а не урожденный гражданин США уже не имел к ней допуска — подобно тому, как советские гебисты, следуя правилам секретности, запирали в сейфы работы физиков-атомщиков, не давая им допуска к секретам, ими же и открытым.

гии (источники которой возобновляемы и не требуют сжигать нефть, уголь или газ) от океанских приливов при помощи гидропневматической камеры и наконец до его главного детища — *геликоидной турбины*, теперь известной в мире как *турбина Горлова*.

Еще в бытность свою проектировщиком гидросооружений (в Египте и Армении) Саша ужаснулся вреду, который наносят природе большие плотины. При сооружении Асуанской плотины в Египте были затоплены плодородные земли и разрушены древнейшие памятники культуры; строительство гидросооружений на озере Севан в Армении поставило это дивное творение природы почти на грань исчезновения.

Поэтому свои силы Саша направил на поиски новых источников энергии, которые не разрушали бы природу, не представляли опасности для людей и при этом избавили бы мир от нефтяной зависимости. Один из его коллег по университету вспоминал: «Меня всегда восхищал его подход к решению задачи. Он всесторонне обдумывал ее — и зачастую выдавал блестящее и необычное решение».

Его геликоидная турбина — пример такого подхода. К ее изобретению Саша шел долгим путем, начав с идеи использования энергии океанских приливов. В созданной им в университете практически с нуля новой лаборатории гидропневматики он строил и испытывал разные варианты турбин в разных условиях работы, пока не пришел к окончательному решению и запатентовал свое изобретение в 1995 году.

Геликоидная турбина обладает двумя важными качествами: первое — ей *не нужен большой напор воды* (для его получения обычно и строят гигантские плотины), она надежно работает в естественных условиях любого движущегося потока (воздушного или водяного). Второе важное качество — непрерывность режима работы: начав вращаться, турбина *сохраняет направление своего вращения*, независимо от перемен направления водяного или воздушного потока. Конструкция турбины состоит из вала с тремя или четырьмя лопастями, и весь удивительный секрет ее работы заключается в форме лопастей — они изогнуты в виде спирали (геликоида). Турбина внешне похожа на молекулу ДНК, а лопасти в разрезе схожи с поперечным сечением крыла самолета — имеют форму вытянутой капли.

Турбина Горлова позволяет децентрализовать гидроэнергетику: не нужно сооружение огромных гидроэлектростанций с дальнейшей передачей энергии на большие расстояния, энергия каждого, даже небольшого потока может быть использована на месте с высокой эффективностью (до 30 процентов — очень высокий показатель в гидроэнергетике). Территории старых заброшенных плотин можно вернуть природе или развивать по новому назначению без порчи окружающей среды. И к тому же турбина проста и дешева в изготовлении и эксплуатации и легко варьируется в размерах — ее можно собирать в блоки из нескольких турбин, нанизывая на один вал. Сфе-

ра применения турбин практически безгранична: для получения энергии в небольших количествах для местных нужд — что чрезвычайно удобно для людей в труднодоступных местах (турбины Горлова сейчас работают даже в глухих поселениях вдоль реки Амазонки и на острове Фиджи); их можно устанавливать в океанских течениях, чтобы получать энергию, нужную для разложения воды с целью получения жидкого водорода как промежуточного экологически чистого топлива. Небольшие турбины Горлова могут обеспечивать энергией на месте многие измерительные приборы в открытом океане — и для этой цели их сейчас широко использует ведущий Институт океанских исследований США (он находится в городке Вудсхоул на Кейп-Коде[5]).

Александр Исаевич Солженицын всегда интересовался Сашиными энергетическими идеями, сразу оценил его турбину и, еще живя в Вермонте, предлагал Саше установить ее, в качестве «полевого эксперимента», на небольшом ручье, протекавшем в пределах участка вокруг их дома. Еще в 1992 году, во время телефонного звонка Б.Н. Ельцина в Вермонт, Александр Исаевич рассказывал ему о замечательных работах «гениального инженера» Горлова и призывал использовать их на благо России. По возвращении в Россию он несколько раз публично упоминал о них, пытаясь убедить в их огромной практической ценности. Он был одним из первых, кому Саша показал свою только что официально запатентованную турбину, приехав в Москву в 1995 году.

О своих разработках, проектах и их испытаниях и внедрениях Саша опубликовал более 100 статей в американских и британских научно-технических журналах (таких, как «Sea Technology», «Hydro Review»), и его неустанная работа по пропаганде преимуществ новой турбины дала результаты. Началось с небольших опытных установок на океанском побережье в штатах Мэн и Нью-Йорк, об его проектах появились статьи в престижной американской периодике — газетах «Нью-Йорк таймс» и «Уолл-стрит джорнал».

Еще в 1993 году Саша представил свою геликоидную турбину в Allied Signal Inc. — большую американскую компанию, и она приняла решение взять лицензию на использование этого изобретения и внедрение его во всем мире. Это был редкий теперь случай деловой дальновидности, и вскоре турбина вышла в мир. В 2009 году в Южной Корее была построена гидроэлектростанция в заливе Удольмок, где геликоидные турбины работают на мощных океанских приливах. Станция снабжает энергией поселение из 500 домов на острове Джиндо[6]. Саша непосредственно консультировал строительство, и за этот проект парламент республики наградил его званием

---

[5] *Кейп-Код* — полуостров на юге штата Массачусеттс, место первой стоянки корабля «Мэйфлауэр», и откуда началась вся современная история США.

[6] *Джиндо и Модо* — два острова, расположенные на юго-западе Южной Кореи. Два раза в год естественная дамба открывается из-за мощных отливов, и острова соединяются, образуется путь почти в 3 километра в длину и до 40 метров в ширину.

IN MEMORIAM

Никита Алексеевич Струве

Владивосток. 2006

Фотография В. Саяпина, ТАСС

Н.А. Струве
и А.И. Солженицын.
Нормандия.
Октябрь 1993

Фотография
Н.Д. Солженицыной

Александр Моисеевич Горлов

Нач. 1970-х

Установка геликоидных турбин Горлова в проливе Удольмок близ острова Джиндо, где они работают на мощных океанских приливах. Южная Корея. 2009

А.М. Горлов демонстрирует модель своей геликоидной турбины А.И. Солженицыну. Москва, Троице-Лыково. Февраль 1995

Воздушная геликоидная турбина в Форт-Лодердейле (Флорида). 2013

Турбина Горлова на вершине Эйфелевой башни. Париж. 2015

Дмитрий Михайлович Шаховской

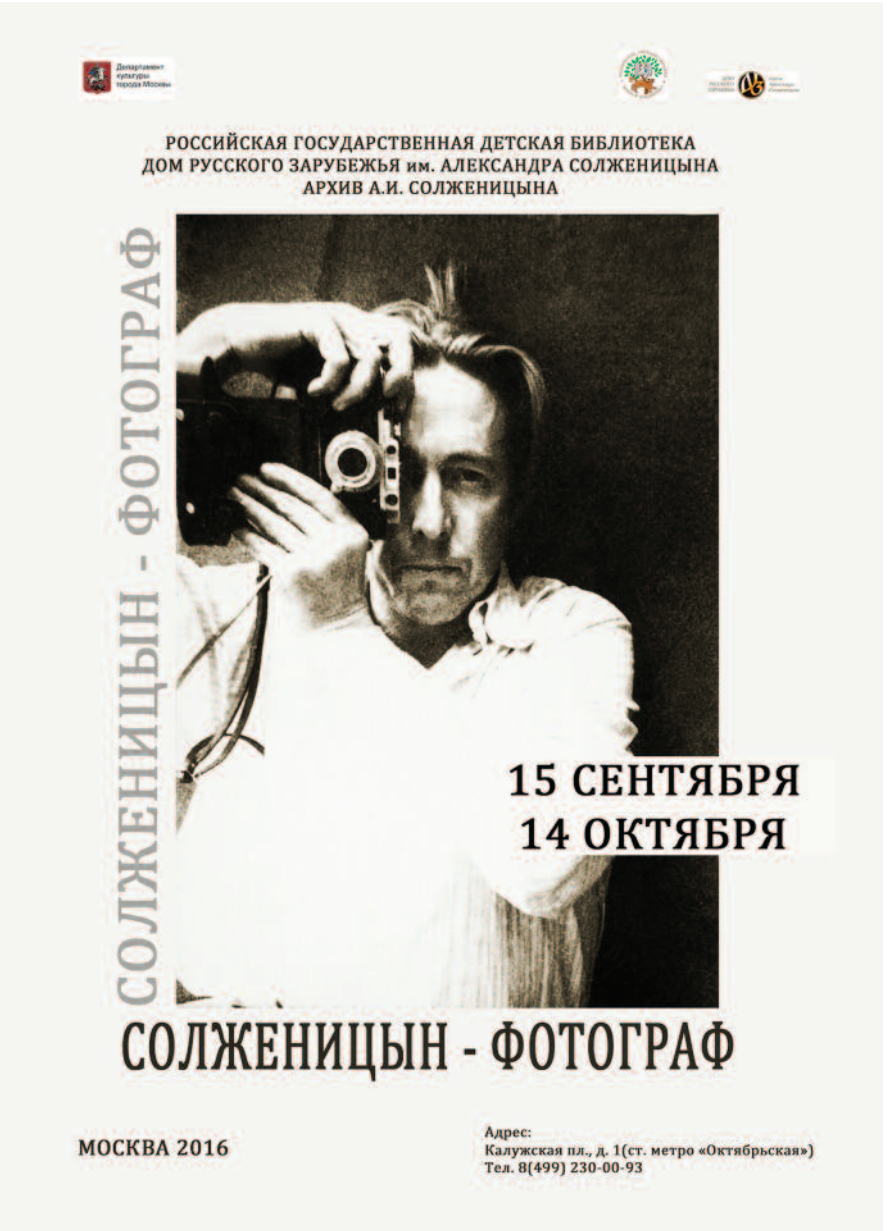
3 августа 2011. Донской монастырь

Д.М. Шаховской. Хлеб. 1967.
Дерево. 90×65×50.
Государственная Третьяковская галерея

Храм Новомучеников
и исповедников Российских
на Бутовском полигоне
Современная фотография

ВЫСТАВКА «СОЛЖЕНИЦЫН-ФОТОГРАФ»

Российская государственная детская библиотека



Афиша выставки

Улица Пионерская. Кок-Терек. 1954

В базарный день. Кок-Терек. 1954

Заведующий продовольственным магазином. Кок-Терек. 1955

Портрет старухи. Кок-Терек. 1955

Разлив на реке Трубёж. Рязань. Нижний Посад. Конец 1950-х

Вид на кремль из Нижнего Посада. Рязань. Конец 1950-х

Окрестности села Починки (Нижегородская обл.). 1957

Углич. Прачки полощут белье на набережной. 1957

Колокольня Никольского собора. Калязин. 1957

Закат на Енисее. 1962

На ипподроме. Уфа. 1962

Дом Н.Н. Ипатьева. Свердловск. 1962

«СОЛЖЕНИЦЫН В СОЛОТЧЕ»

Художественная галерея «Боровница»

Баннер выставки

Реконструкция быта Солженицына в годы его работы в Солотче

Панорама экспозиции

Разделяющая экспозиционное пространство репродукция фотографии 1963 года — Солженицын работает за столом, сооруженным в лесу

В.А. Мазаев на месте, где была сделана фотография 1963 года. Август 2016

МУЗЕЙ «ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА»
В ШКОЛЕ № 1948 «ЛИНГВИСТ-М»

Открытие музея. 29 января 2016. Хозяева (старшеклассники, учителя) и гости. *В центре*: заведующая сектором А.И. Солженицына Государственного литературного музея Л.К. Алексеева, Н.Д. Солженицына, С.М. Ушакова (*третья справа*)

Осмотр экспозиции

Стенды и витрины музея

БУКСИР «АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН»

Завершающий этап строительства — ходовые испытания.
Шанхай. Осень 2015

В бухте Нагаева. Магадан. Март 2016

почетного гражданина Южной Кореи, вручив диплом с трогательной надписью: *«От имени всех жителей провинции Джиндо — за выдающиеся заслуги по развитию нашей провинции. Мы ото всего сердца надеемся, что Вы никогда не забудете наши места».* Он был также удостоен личного приема у тогдашнего президента Южной Кореи.

За свои достижения Саша удостоился многих важных наград и международного признания. В 2001 году Саша стал одним из первых лауреатов очень престижной награды — медали Томаса Эдисона, учрежденной в 1997 году и присуждаемой ежегодно в единственном экземпляре за лучшее изобретение года в области инженерной механики. Сашин родной Северо-Восточный университет был особенно горд тем, что лауреат — из его стен, а не из знаменитого соседа — МТИ, где число разных, в том числе Нобелевских, лауреатов на душу населения — наверно, наивысшее в США.

В 2011 году Саша стал одним из трех номинантов-финалистов на звание «Изобретатель года» в категории «За пределами Европы», которое ежегодно присуждает Европейский парламент.

Геликоидная турбина Горлова увековечена даже в голливудском фильме 2013 года «Oblivion» (*англ.* «Забвение») — научно-фантастическом фильме о пришедшем на Землю апокалипсисе. Хотя имя Горлова как автора турбины там не было упомянуто, но в фильме (разруганном критиками, но имевшем внушительный коммерческий успех) Сашины турбины показаны как единственный источник энергии на разрушенной Земле.

В декабре 2015 года турбины Горлова были установлены на Эйфелевой башне в Париже, и получаемая от них «локальная» электроэнергия обеспечивает все энергетические — световые и механические — потребности башни (наружное и внутреннее освещение, работу лифтов и ресторана и т.д.).

Саша скончался 9 июня 2016 года, не увидев, как его турбины появились на новом небоскребе в Бостоне — впервые в городе, где он жил и работал 40 лет. Торжественная церемония открытия здания № 888 на Бойлстон-стрит состоялась 30 сентября, на ней присутствовали губернатор штата Чарльз Бэйкер и мэр Бостона Мартин Уэлш. Турбины работают, и зрелище их, особенно вечером, впечатляет: подсвеченные прожекторами, они парят над Бостоном, хотя многие и жители, и приезжие не знают, что это — детище ума и таланта выдающегося инженера, бывшего москвича Александра Моисеевича Горлова.

А.И. Солженицын

Открытое письмо министру госбезопасности СССР Андропову[7]

13 августа 1971

Многие годы я молча сносил беззакония Ваших сотрудников: перлюстрацию всей моей переписки, изъятие половины её, розыск моих корреспондентов, служебные и административные преследования их, шпионство вокруг моего дома, слежку за посетителями, подслушивание телефонных разговоров, сверление потолков, установку звукозаписывающей аппаратуры в городской квартире и на садовом участке и настойчивую клеветническую кампанию против меня с лекторских трибун, когда они предоставляются сотрудникам Вашего министерства.

Но после вчерашнего налёта я больше молчать не буду. Мой садовый домик (село Рождество, Наро-Фоминский район) пустовал, обо мне был расчёт у подслушивателей, что я в отъезде. Я же, по внезапной болезни вернувшись в Москву, попросил моего друга Александра Горлова съездить на садовый участок за автомобильной деталью. Но замка на домике не оказалось, а изнутри доносились голоса. Горлов вступил внутрь и потребовал от налётчиков документы. В маленьком строении, где еле повернуться троим-четверым, оказалось их до десятка, в штатском. По команде старшего: «В лес его! И заставьте молчать!» — Горлова скрутили, свалили, лицом о землю поволокли в лес и стали жестоко избивать. Другие же тем временем поспешно бежали кружным путём, через кусты, унося к своим автомобилям свёртки, бумаги, предметы (может быть — и часть своей привезенной аппаратуры). Однако Горлов энергично сопротивлялся и кричал, созывая свидетелей. На его крик сбежались соседи с других участков, преградили налётчикам путь к шоссе и потребовали документы. Тогда один из налётчиков предъявил красную книжечку удостоверения, и соседи расступились. Горлова же с изуродованным лицом, изорванным костюмом повели к машине. «Хороши же ваши методы!» — сказал он сопровождающим. «Мы — на *операции*, а на операции нам всё позволено».

По предъявленному соседям документу — капитан, а по личному заявлению — Иванов сперва повёз Горлова в нарофоминскую милицию, где местные чины почтительно приветствовали «Иванова». Там «Иванов» потребовал с Горлова же (!!) объяснительную записку о происшедшем. Хотя и

[7] *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 634–635 (Приложение № 19).

сильно избитый, Горлов изложил письменно цель своего приезда и все обстоятельства. После этого старший налётчик потребовал с Горлова подписку о *неразглашении*. Горлов наотрез отказался. Тогда поехали в Москву, и в пути старший налётчик внушал Горлову в следующих буквальных словах: «Если только Солженицын узнает, что произошло на даче, считайте, что ваше дело кончено. Ваша служебная карьера (Горлов — кандидат технических наук, представил к защите докторскую диссертацию, работает в институте Гипротис Госстроя СССР) дальше не пойдёт, никакой диссертации вам не защитить. Это отразится на вашей семье, на детях, а если понадобится — мы вас *посадим*».

Знающие нашу жизнь знают полную осуществимость этих угроз. Но Горлов не уступил им, подписку дать отказался, и теперь над ним нависает расправа.

Я требую от Вас, гражданин министр, публичного поименования всех налётчиков, уголовного наказания их и публичного же объяснения этого события. В противном случае мне остаётся считать их направителем — Вас.

А. Солженицын

Письмо послу России в США В.П. Лукину[8]

17 июня 1992

Многоуважаемый Владимир Петрович!

При этом письме посылаю Вам необходимые данные о профессоре А.М. Горлове, о котором я говорил Борису Николаевичу.

Я знаю Горлова уже больше 20 лет (он за связь со мной был вытеснен с работы и из СССР). Это — исключительный, если не гениальный изобретатель. У него множество разнообразных изобретений, уже применённых на деле. Но самым выдающимся по значению является его изобретение выработки электрической энергии как использованием морских приливов-отливов, так даже водного движения малых рек. Его электростанции экологически чисты, не уродуют природу своим устройством, не требуют топлива и дёшевы! Это — феноменальное изобретение нашего века.

Сам Горлов порывался служить и этим изобретением, и другими — именно родине. Но много лет (уже при Горбачёве) КГБ не давало ему даже краткосрочной визы в СССР. Когда наконец один раз такую дали — доклад проф. Горлова в министерстве энергетики — выслушали со вниманием, поблаго-

[8] Архив Э.С. Горловой. Публикуется впервые.

дарили — и на том всё дело кончилось. И вот, парадоксально: его устройства уже работают, с восторгом приняты в Англии, Японии, других местах, — а у нас и не пошевелились. <…>

Доложите, пожалуйста, Борису Николаевичу, что я Вам это всё прислал. В дальнейшем у него вряд ли найдётся на то время — но я очень прошу Вас самого проследить и посодействовать, чтобы на этот раз не захрясло.

Жму руку.
Всего Вам доброго.

А. Солженицын

Сибирские впечатления[9]

(Из телебеседы с А. Ревенко)

…Первый вопрос — о «водохранилищах». А я их называю «водогноилищами». Это сумасшедшее изобретение сталинской эпохи — равнинные ГЭС… Ну, не знаю, какой ещё народ-самоубийца затопляет свои угодные для сельского хозяйства земли, свои леса, свои возможные залежи, которые надобно добывать, затопляет огромные пространства?..

…Вот я ехал. Уже сейчас оставили «живьём» только 100 километров Ангары, кроме нижнего течения. Ангара — прежний символ чистоты, она сейчас очень грязная. Но еще в проточной части она всё-таки как-то самоочищается — в проточной. Ан нет, теперь у нас план: кончать злополучную Богучанскую ГЭС. Её строят 20 лет, сделали 60 процентов работ. Если её сейчас достроят, Ангара омертвеет уже до конца. Будет экологическая катастрофа. Затопляются удобные земли — я сам их видел, цветущие острова, на них сельское хозяйство, животноводство. Всё это затопят… Гибель осетровых будет! Гибель ондатры.

…Но и в общем виде, ставить принципиально Сибирь на обслуживание Китая — опасная игра. Так мыслить нельзя. Так очень легко Сибирь всю потерять.

Мне особенно наибольно потому, что я хорошо знаю нашего российского изобретателя Александра Горлова, который пострадал из-за меня: его выгнали из страны, и он уехал. За это время он — гениальный изобретатель! —

[9] Из цикла «Останкинские встречи с А.И. Солженицыным» на Общественном российском телевидении. Впервые напечатано в парижской «Русской мысли» (1994. 1–7 сент. № 4042). В России публикуется впервые.

запатентовал много изобретений в Соединённых Штатах. Все они достались Америке, не нам. А он хочет служить России! Он создал экологически чистые электростанции на использовании приливов и отливов, которых у нас полно. Но потом, имея в виду Россию, множество наших рек, усовершенствовал их так, что они работают просто на текущей воде. То есть вообще не надо ничего строить! Просто, вода как течёт, так и течёт какая энергия, а электростанция работает…

Я ещё два года назад в наши верхи сообщил об этом изобретении. Он хочет, чтобы Россия это применила. В Японии строят по его проекту, в Англии строят. У нас? сказали: ну, давайте, ну, поговорим. Поговорили-поговорили, два дня встречались. Всё! — ну, зачем центральной бюрократии ломать голову? Это же хлопотно! Она не может… Нет, мы будем строить Богучанскую ГЭС! Обычное дело…

22 августа 1994

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ШАХОВСКОГО *(1928–2016)*

Вступительное слово и примечания Г.А. Тюриной

28 июля 2016 в Москве скончался скульптор Дмитрий Михайлович Шаховской. Уникальный художник с неповторимой судьбой, глубокий, искренний и неравнодушный человек. Его труды открывают людям красоту и гармонию мира, прививают зрителям особый вкус, который чурается внешних эффектов и искусственного украшательства. «Самое важное — это пропорции, вся красота в них», — не раз повторял Дмитрий Михайлович.

Навещая могилу Солженицына в Донском монастыре, неизменно благодарно вспоминаешь Дмитрия Михайловича, создавшего изумительный по простоте и совершенству памятник-крест на месте упокоения писателя. Эта работа соединила имена двух художников прочными узами. 3 августа 2016-го, в восьмую годовщину кончины Александра Исаевича, о них слитно молились за панихидой в Донском. Дмитрий Михайлович вложил прочный камень в фундамент общей памяти невинно замученных, его трудами была проторена дорога на запретную территорию Бутовского полигона, возведен на ней первый храм. И потому память о нем самом будет всегда рядом с памятью Александра Исаевича, воздвигшего «Архипелаг ГУЛАГ», свою *окаменелую слезу*.

Будет жить память о Дмитрии Михайловиче Шаховском и в пространстве «Солженицынских тетрадей». Так случилось, что в прошлом году мы встретились с ним, его женой Марией Владимировной Фаворской-Шаховской и сыном Иваном Дмитриевичем Шаховским в работе над подготовкой к печати архивных материалов для четвертого выпуска альманаха. Из этого сотрудничества возникла одна из самых дорогих для нас публикаций[1].

Чтобы дать возможность напрямую пообщаться с художником, не заслоняя его живую интонацию пафосностью некролога, помещаем ниже фрагмент интервью, в котором он сам рассказывает о себе и своей работе.

Вечная и светлая память!

---

[1] «…Ваш портрет Достоевского — мой любимый, я его храню»: Переписка А.И. Солженицына с В.А. Фаворским и М.В. Фаворской-Шаховской (1964–1965) // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2015. Вып. 4. С. 153–160.

«СКАЗАТЬ ПРО СЕБЯ: “Я РЕАЛИСТ” — ЭТО ВСЕ РАВНО, ЧТО СКАЗАТЬ: “Я СВЯТОЙ”»

Интервью Д.М. Шаховского журналу «Нескучный сад»[1]

— Дмитрий Михайлович, вы росли в непростое время. Отец — священник, мать — дворянка[2]*, в стране — гонения на Церковь и построение нового общества на костях старого. У вас было трудное детство?*

— Да нет, я вообще думаю, детям никогда не трудно... Мне и тогда казалось, и сейчас кажется, да и мои братья и сестры подтверждают, что у нас было счастливое детство... В отличие от многих других, кто был лишен детства. Ведь на самом деле мы бедности особой не ощущали и не голодали никогда, во всяком случае, до войны. А всякие тревоги, которыми была окружена наша жизнь, нас не очень касались. В нашей семье было пятеро детей: Сережа, Маша, Лиза, потом я — четвертый — и последний Николай[3]. Хозяйство и воспитание в основном было на маме: в моем детстве она уже нигде не служила, занималась домом. Впрочем, помимо домашних дел она еще и литературным творчеством занималась: писала рассказы и выполняла переводческие работы.

— Как был устроен детский быт в вашей семье? Ваша мама была из дворян. Это сказывалось на ее воспитательных принципах?

— Специальным образом дворянское происхождение мамы, пожалуй, не сказывалось на нашем воспитании. Музыкой мы не занимались: у нас инструмента вообще в доме не было. Языкам, впрочем, немножко учили — французским и немецким занимались. А так — занимались дома обычными школьными предметами. У нас всегда кто-нибудь жил — в основном монахини, изгнанные из монастырей, все они были из близких кругов, интеллигентные. И вот они занимались с нами всякими предметами... Поэтому мы все шли в школу поздно: кто в третий, кто в четвертый класс. Кстати, в школе мы себя чувствовали очень свободно, потому что наша подготовка была лучше, чем у других. Что же касается воспитательных принципов, то они были продиктованы самой жизнью и заключались в том, что у нас было

---

[1] Беседа с Ф. Котрелевым. Впервые опубликовано: Нескучный сад. М., 2004. № 3. С. 90–97.

[2] Отец — священник Михаил Владимирович Шик (1887–1937); мать — урожденная княжна Наталья Дмитриевна Шаховская (1890–1942). В последние десятилетия опубликован ряд статей и интервью, посвященных истории их семьи. Отметим особо издание, составленное из взаимных писем о. Михаила и Натальи Дмитриевны 1911–1926 годов: «Непридуманные судьбы на фоне ушедшего века» (М.: Преображение, 2015).

[3] Все дети Шиков-Шаховских, за исключением Дмитрия Михайловича, стали учеными: Сергей Михайлович и Елизавета Михайловна — геологи, Мария Михайловна — ботаник, Николай Михайлович — астроном.

много обязанностей по дому. Я считаю, что это очень хорошо. У всех, даже у маленьких, были какие-то ежедневные задания по хозяйству. Сделал — будь свободен, играй. Была в воспитании и некоторая строгость. Вот, например, летом мы всегда ходили купаться. Шли все вместе, большой компанией. Но время этого купания было строго определенным — до завтрака. Часов в восемь или в полдевятого идем на речку — и не позже. То есть купание было не вечером, когда потеплее, когда можно расслабиться, поваляться, а в прохладное время — для бодрости. Правило строгое: к десяти утра быть дома к утреннему чаю.

— История вашей семьи, конечно, неразрывно связана с драматической судьбой вашего отца. Как сложилась его жизнь?

— Папа окончил историко-философский факультет Московского университета. До женитьбы, так же как и мама, он жил с родителями в Москве. А вот когда они поженились (это было в 1918-м), оказалось, что жить негде. Рассчитывать на собственное жилье в Москве в то время было невозможно, и они решили уехать в Сергиев Посад. Там он поступил работать в Комиссию по охране сокровищ Лавры, председателем которой был о. Павел Флоренский. Они составляли описи имущества Лавры, писали научные статьи. В 1925 году отец был рукоположен в диакона, а уже в 1926-м его арестовали. Какое-то время он провел в тюрьме, потом попал в ссылку, в Каракалпакию, город Турткуль. Мама с братом Сергеем к нему туда даже ездили, о чем сохранились мамины воспоминания — они не так давно были опубликованы[4]. В священники папа был рукоположен в ссылке: он вернулся в конце 1928 года уже священником.

Наступали трудные времена, пошли массовые аресты. И тогда родители решили, что надо срочно бежать из Посада — тогда уже Загорска — в более тихое место. Первое время жили где-то по подмосковным дачам. Снимали то в Томилине, то в деревне Хлыстово, то еще где-то. Отец служил на разных приходах в Москве. Сначала у Бориса и Глеба на Поварской, потом в церкви Девяти мучеников на Пресне и потом в храме на Соломенной сторожке — его пригласил близкий друг о. Владимир Амбарцумов, бывший там настоятелем[5]. В конце концов мы оказались в городе Малоярославце. Сначала сняли там какое-то помещение, а потом и дом купили. С покупкой дома это было чудо. Денег, конечно, не было никаких, чтобы купить дом. И вдруг деду, папиному отцу, который раньше занимался коммерцией, кто-то приносит старый, еще дореволюционный долг — три тысячи рублей. Деньги на тот момент были немалые, и на них купили дом. В нем мы и прожили до самой

---

[4] *Шаховская-Шик Н.Д.* Рассказы о детях // Альфа и Омега. 1997. № 3.

[5] Священномученик Владимир Амбарцумов (1892–1937). О нем см., напр.: Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии: Сентябрь – октябрь. Тверь, 2003. С. 202–216.

маминой смерти в 1942 году. А папу второй раз арестовали в 1937-м, и он уже не вернулся…

— *А вы его хорошо помните?*

— Да. Первые воспоминания о нем относятся к 1931 году. Это строительство пристройки к нашему дому в Малоярославце. В ту пору отец ушел за штат, и эта пристройка как раз была нужна для совершения домашних служб. Отец был из так называемых «непоминающих». Тогда создалась такая ситуация, что митрополита Сергия нужно было поминать как предстоятеля Церкви, хотя еще был жив митрополит Петр. Папа и его единомышленники до последнего пытались сохранить единство с Церковью. Когда было объявлено о поминании Сергия при живом Петре, они решили, что это каноническое нарушение. Многие тогда ушли, хотя папа некоторое время еще оставался в штате. У нас сохранилось папино письмо к его близкому другу, отцу Сергию Мансурову[6], где папа объясняет, почему он продолжает поминать митрополита Сергия. Но в конце концов и папа ушел за штат. Впрочем, это совсем не было разрывом с Церковью. Папа не хлопал дверью, он не был лишен сана. Он просто стал заштатным священником и продолжал служить дома. В этом не было никакого преступления перед Церковью, зато было серьезное нарушение государственного закона. По гражданскому закону он не имел права служить дома, вследствие чего службы были тайными. Поначалу на них бывали только самые близкие, проверенные люди, родственники — и мы, дети, конечно. Со временем стали приходить и несколько надежных семей из города.

— *А в школе у вас были какие-нибудь проблемы в связи с вашим происхождением — поповскими детьми или княжатами не дразнили?*

— Нет. Надо сказать, что и не особенно-то знали вокруг про происхождение. Папа служил тайно, ходил всегда в штатском. Но все же иногда с мальчишками на улице приходилось колотиться немножко. Надо сказать, Малоярославец того времени был городом своеобразным: там очень много было культурного населения, высланных. Это ведь уже за 101-м километром. Так что некоторая солидарность была. К нам даже с вступлением в пионеры не приставали, никто из нас и не был пионером. А позже и в комсомол тащили очень слабо: я, например, сразу говорил, что недостоин… Так что проблем с происхождением не было даже после ареста папы в 1937-м. Проблемы начались под немцами.

— *Ваша семья попала в оккупацию?*

— Да. Когда началась война, эвакуация для нашей семьи была невозможна, и мы остались в Малоярославце. Здесь было спокойнее, чем в Мо-

---

[6] Священник Сергий *Мансуров* (1890–1929), писатель, историк Церкви, вместе с о. Павлом Флоренским работал в Комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры. Несколько раз арестовывался. Священником стал в 1926 году.

скве, которую почти сразу стали бомбить. Так что к нам еще и бабушка с двумя сестрами из Москвы приехали. Они приехали летом, а потом уже выехать было нельзя: город был оккупирован. И вот бабушку, папину маму, еврейку, вызывают в комендатуру. Говорят: в Калуге организуется гетто и фрау придется туда поехать. И детям тоже, поскольку они полукровки. А было это в двадцатых числах декабря, прямо перед Рождеством. Но оказалось, что в Рождество у них комендатура целых три дня не работала. А числа 27–28-го немцы стали быстро сматываться: наши наступали, и им было уже не до нас. Первого числа наши вошли в город. Мы были спасены. Потом была очень голодная весна 1942 года. Мама была уже очень больна — туберкулезный процесс, она не выдержала. Той же весной ее отвезли с большими трудами, можно сказать чудом, в Москву, которая была еще закрыта. Полтора месяца она пробыла в больнице и скончалась. После ее смерти нас с младшим братом как несовершеннолетних усыновила тетка, мамина сестра. Фамилию пришлось поменять, поэтому мы с ним стали Шаховскими, а остальные так и остались Шиками.

— *Когда вы поняли, что хотите быть художником?*

— В детстве я рисовал, как и все дети. Но потом выяснилось, что я этим занимаюсь больше, чем другие. Где-то классе в шестом, в последний год моего обучения в школе, я стал ходить на кружок. У нас был хороший очень учитель рисования — Александр Ефимович Дмитриев. Он был краевед, собиратель исторических документов, по его инициативе был даже сделан маленький музейчик памяти 1812 года. Художник он был не выдающийся, но очень хороший человек. А потом я уехал в Москву и поступил в училище.

— *А как складывалась ваша жизнь в Москве?*

— Году в 1944-м или 1945-м вернулись из эвакуации Фаворские. Владимир Андреевич Фаворский был близким другом моего отца и моим крестным. Так вот, когда они вернулись из Самарканда, я уже стал, так сказать, «прислоняться» к Владимиру Андреевичу. А потом они предложили взять меня к себе жить. В тот момент, это был 1947 год, я уже поступил в Московский институт прикладного и декоративного искусства. Я стал жить у Фаворских и до сих пор живу в доме Владимира Андреевича[7].

— *Кого вы считаете своим учителем?*

— Больше всего я, наверное, получил как раз от Фаворского. Думаю — больше, чем за все обучение в училище и институте. Хотя и там были хорошие учителя: Дерунов Владимир Иванович, ученик Матвеева, Дейнека композицию преподавал.

---

[7] Знаменитый «Красный дом» в Новогиреево, названный по цвету неоштукатуренных стен — жилой дом с мастерскими, где с конца 1930-х годов жили и работали В.А. Фаворский и И.С. Ефимов. Ныне в доме продолжают жить и работать их многочисленные потомки, продолжившие творческую династию.

— Фаворский был графиком. Как же получилось, что вы избрали именно скульптуру?

— Ну, во-первых, он был довольно универсальным художником. А потом мне как-то больше понравилось отделение скульптуры. Я по природе своей больше люблю рукоделие. А живопись — мне казалось, что у меня не хватит усидчивости на нее. Там нужна большая волевая мобилизация. А тут имеешь дело уже с вещами, они как бы сами тебя направляют.

— Самая известная ваша работа из «государственных» — театр Образцова. Почему вы обратились к театру? Нельзя ли хотя бы вкратце рассказать о том, как и из чего делались знаменитые часы?

— Интерес к театральной тематике вырос из того, что вождей и официоза я производить не хотел, а тут можно было не кривя душой зарабатывать на жизнь. Вот так в 1970 году я и получил этот заказ. И кстати, это и есть одна из моих самых любимых работ — она из числа тех, что мне до сих пор нравятся. При изготовлении часов использовано много разных материалов: и нержавейка, и черный металл, и пластмасса. А куклы выполнены из стеклоткани по деревянным моделям, потом отформованы и сдублированы в более стойком материале. Все это мы делали сами. Ну, разве только обрамление этих домиков — эти щиты по эскизам делались на заводе. А еще часовой механизм — его делал один чудо-электронщик. Ему надо было дать только узлы движения и деревянные фигуры, а уж он сам все подключал. А вообще, мы сначала мечтали механические часы сделать, но оказалось, что их сейчас никто не делает, да и дорого это безумно.

— Кроме театра Образцова были еще другие работы в театрах?

— Да, вот, например, в Ташкенте театр кукол. Там я делал двери металлические — такие украшенные, парадные. У меня вообще была идея, что театр начинается не с гардероба, а именно с дверей. Двери театра — это, так сказать, вход в другой мир... Двери я делал из толстых стальных листов — 10-миллиметровых. И по этим листам газосваркой вырезаны полосы. Получается как бы драпировка. Варил их сварщик под моим руководством: я ему рисую мелом, а он ведет по рисунку. Ему плохо видно в очках, а я ему говорю: «Быстрее! Быстрее!..» — или там: «Расчеркни больше...» Можно ведь варить по-разному: где-то глаже, где-то более рыхло. И получилась такая вот игра линий. Потом там были вырезаны птицы — тоже с неровным, рисованным как бы краем. Потом на них еще наваривался рисунок электросваркой и наносилась гравировка[8].

---

[8] Кроме упомянутых Государственного академического центрального театра кукол имени С.В. Образцова в Москве и Республиканского театра кукол в Ташкенте, Д.М. Шаховской трудился над монументально-декоративным оформлением Тульского академического театра драмы, концертного зала Рязанской областной филармонии. В 1984 году он в составе авторского коллектива удостоен премии Совета министров СССР за художественное убранство Тувинского государственного музыкально-драматического театра имени В. Кокоола в городе Кызыле.

— Но ведь параллельно с госзаказами вы еще работали «для себя», в мастерской. Скажите, а все-таки вы делили искусство на две части: для себя и для заработка?

— Нет, я никогда не делил. От моих учителей, от Фаворского и его круга, я воспринял такую установку, что искусство — это все равно искусство, и ты за него отвечаешь в любом случае. Просто то, что я делал для государства, — это был единственно возможный заработок. Заработать личным творчеством в те времена рассчитывать не приходилось[9].

— Можете ли вы назвать себя реалистом в творчестве?

— Фаворский на каком-то собрании сказал: «Сказать про себя: “я реалист” — это все равно, что сказать: “я святой”». Настоящий реализм — это лишь желаемое. Я имею в виду подлинный реализм, а не какой-нибудь там социалистический или коммерческий. То есть такой, который дает не изображение, а образ. Творчество Андрея Рублева — вот высший реализм.

— А как вы относитесь к абстракции?

— Мне нравятся очень многие абстрактные работы. Но я никак не согласен с расхожим убеждением многих художников, критиков, да и публики, что абстракция как бы отменяет изобразительное искусство. Это не так. Изобразительность как таковую еще можно отменить, но образ отменить нельзя. Мне кажется, что это очень глубокий вопрос, касающийся христианской культуры. Христианство дало возможность видеть высокий образ. Ведь никакие другие религии лица Бога не видели, а христианство давало возможность увидеть Образ. А этим освящен и вообще всякий образ. Мне кажется, что отказ от образного искусства может означать вообще отказ от христианской культуры как таковой.

— В какой-то момент вы обратились к творчеству для Церкви. Расскажите об этом.

— Тут есть две причины. Во-первых, это стало возможно. Стали строить и восстанавливать храмы, появилась возможность в этом участвовать. И в то же время государственные заказы стали сокращаться. Ну и конечно еще вот что: когда началось церковное строительство, были некоторые надежды, что можно внести какую-то более свежую струю в него. То есть не повторять плохо понятые византийские мотивы, часто уже обессмысленные ремесленными повторами, а находить живые, новые.

— С церковными заказчиками легко найти общий язык?

— Когда как. Например, в храме Митрофания Воронежского было довольно просто[10]. Настоятель — отец Дмитрий Смирнов, человек с хорошим

---

[9] Наиболее широко творчество художника представлено в каталоге, составленном к персональной выставке в Государственной Третьяковской галерее, приуроченной к его 75-летию. См.: Дмитрий Шаховской: Скульптура, монументально-декоративное искусство, графика. М.: СканРус, 2003.

[10] Храм на 2-й Хуторской улице в Москве.

художественным образованием и вкусом. Он не вмешивался в работу, ему нравилось то, что мы делали. Но бывает и по-другому. Вот в Тушине, например, были некоторые досадные моменты[11]. Там мы не сумели довести до единства мозаики, элементы из камня, оформление окон. Когда мы пришли в этот храм, там все было сбито, обнаженный кирпич. Это было грандиозное пространство, такая мощная архитектура! Хотелось поддержать эту силу, включиться в эту пространственную звонкость... Но у тех, кто руководил работами, были другие устремления — чтобы все было как-то прилично, чистенько, как положено... И начались конфликты. Работа не была доведена до конца. А то, что оставалось незаконченным, было предложено совершенно другим мастерам. Они в мой камень встроили гипсовые, какие-то точеные элементы, стали резьбу мелкую кругом добавлять. И все потонуло в этом украшательстве.

— *Вы были одним из инициаторов и строителей храма в Бутове. Как родилась идея построить храм на бывшем полигоне НКВД?*

— В начале 1990-х годов стала открываться информация о массовых расстрелах, производившихся на Бутовском полигоне в 1930-е годы. Там только за 1937–38-й годы около 10 тысяч расстреляно было. А всего чуть ли не 100 тысяч человек там лежит. Так мы узнали, что там наши отцы. В 1994 году создалась община будущего храма в честь Новомучеников. В нее вошло 20 человек: кроме меня это были родственники отца Николая Кандаурова[12], отца Сергия Сидорова[13], отца Владимира Амбарцумова — в частности покойный отец Глеб Каледа, который был его зятем[14]. Мы составили церковный совет, потом собрали кое-какие пожертвования и начали подготовительные работы. Отвели землю, поставили поклонный крест, его и сейчас можно там видеть[15].

— *А почему решили построить именно деревянный храм?*

— Нам хотелось сделать все как можно быстрее — пока еще живы те, кто помнит своих отцов, лежащих в Бутове. Кроме того, мы исходили из того, что

---

[11] Московский храм Спаса Преображения в Тушине. За работу по его внутреннему убранству в 1995 году Д.М. Шаховскому была вручена Государственная премия Российской Федерации.

[12] Священномученик Николай *Кандауров* (1886–1938). О нем см.: *Дамаскин, игум*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь: Булат, 2001. Кн. 5. С. 54–61.

[13] Протоиерей Сергий *Сидоров* (1895–1937). См. подготовленное его дочерью издание: Записки священника Сергия Сидорова: С прил. его жизнеописания, сост. дочерью, В.С. Бобринской. М.: ПСТБИ, 1999.

[14] Протоиерей Глеб *Каледа* (1921–1994), церковный писатель, доктор геолого-минералогических наук, профессор. О нем см.: Священник Глеб Каледа — ученый и пастырь. М.: Изд-во Зачатьевского монастыря, 2007. Ныне сын отца Глеба протоиерей Кирилл Каледа является настоятелем храма Святых новомучеников и исповедников Российских в Бутове.

[15] Первый поклонный крест на Бутовском полигоне освящен 8 мая 1994.

это храм «на крови», то есть стоящий на земле, принявшей останки многих тысяч мучеников. Тревожить эту землю масштабными инженерными работами, необходимыми для глубокого фундамента, мы не хотели. Сразу было принято решение, что храм будет легким. Чтобы не связываться с долгим проектированием, предполагалось воспользоваться чем-то готовым. Вплоть даже до того, что мы рассматривали возможность просто поставить типовой ангар — такие, знаете, бывают полукруглые, из листового железа. Переоборудовать его немножко, барабан сделать, купол... Потом пришли к идее деревянного храма, стали искать место, где его рубить, искать мастеров. Наконец остановились на Солигаличе — это в Костромской области. Там нашлись мастера, которые и сделали сруб.

— *Архитектурный проект храма сделали вы?*

— Сначала я пытался привлечь архитекторов, потом оказалось, что это не сдвигает нас с места, потому что архитекторы идут по своему, так сказать, накатанному пути. А мне хотелось сделать что-то соответствующее этому месту и этим трагическим событиям. Облик будущего храма представлялся простым, таким, какими бывают раннехристианские храмы-мартирии. Я пытался соединить строгую ясность однокупольного каменного храма-куба XII–XIV веков с традицией деревянных храмов XVII–XIX веков. При этом старался избегать стилизаций и прямых повторений. Долго рисовал макет, долго изучал историю, нашел образцы, которые соответствовали моему замыслу. В результате храм вышел очень традиционный и в то же время немножечко новый по архитектуре. По типу он ближе всего к Георгиевскому храму на реке Ерга в Вологодской области и к Богоявленскому храму Ново-Иерусалимского монастыря. В нем нет никаких усложнений и излишеств — мне вообще нравятся простые формы. Самое важное — это пропорции, вся красота в них.

— *Как шло строительство?*

— Нашли в Солигаличе бригаду, показали им рисунки, размеры. Они посмотрели, сказали: все понятно, и стали рубить. Потом, когда они кое-что срубили, мы съездили посмотрели: все нормально. И они стали продолжать. Срубили они хорошо. Правда, собирали здесь, на месте, уже другие — те не захотели бросать свои хозяйства, да и лесхоз, через который мы вели расчет, их надул с оплатой. Эти работали хуже, и приходилось за всем присматривать. Но в результате все получилось как будто бы неплохо. В 1995 году закончили, в 1996-м храм был освящен[16].

<...>

[16] В 2004 году около полигона был заложен, а в 2007-м освящен новый величественный каменный собор в честь Воскресения Христова. Ныне службы совершаются в обоих храмах. Почти ежедневные панихиды по убиенным на полигоне служатся по-прежнему в деревянном.

ХРОНИКА

Раздел подготовлен Е.Н. Савельевой и Г.А. Тюриной

Издания произведений А.И. Солженицына

Альманах «Солженицынские тетради» продолжает публиковать прежде неизвестные работы писателя. В предыдущем, четвертом выпуске впервые напечатано эссе «Из пьес А.Н. Островского» (2005). Там же опубликованы шесть его писем 1953–1955 годов к М.В. Скороглядовой-Крамер, подруге Т.З. Щербак, матери писателя. В этих письмах звучит живой голос вчерашнего зэка, ныне ссыльного учителя, «вечного» поселенца глухого казахского аула. К письмам приложены репродукции фотографий, зафиксировавших детали быта Солженицына в те годы; снимки были сделаны им самим и его другом Н.И. Зубовым (оба материала подготовлены Н.Д. Солженицыной).

В архивном разделе альманаха напечатаны письма Солженицына 1964–1965 годов, направленные художнику В.А. Фаворскому и его дочери М.В. Фаворской-Шаховской, которая полвека спустя подготовила их к печати. Еще два прежде не публиковавшихся письма Солженицына 1963–1964 годов — к его верным помощникам, невидимкам «эНэНам», опубликованы в приложении к статье, приуроченной к 90-летнему юбилею Н.Г. Левитской (публикация Г.А. Тюриной).

Из новых переизданий произведений Солженицына выделим, в первую очередь, очередной том Собрания сочинений, работа над которым ведется в издательстве «Время» с 2006 года. В том «Раннее» вошли произведения тюремно-лагерно-ссыльных лет: поэма «Дороженька», стихи, неоконченная повесть «Люби революцию». Комментарии к текстам составил В.В. Радзишевский[1].

Публикацию лагерных и написанных в первые годы после освобождения сочинений Солженицына поддержала и питерская «Азбука»: после продолжительного перерыва переизданы пьесы писателя. Их сборник напечатан в продолжение библиотеки Солженицына в формате pocket book (рассказы, «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ» и «В круге первом» переиздаются в этой серии ежегодно). В новую книгу вошли драматическая трилогия «1945 год» («Пир Победителей», «Пленники», «Олень и Шалашовка»), «Свет,

[1] *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: в 30 т. М.: Время, 2016. Т. 18.

который в тебе» («Свеча на ветру»), киносценарии «Знают истину танки» и «Тунеядец»[2]. Еще одной новинкой серии стал сборник публицистики (первое издание на родине в таком формате). Под его обложкой напечатаны избранные выступления и интервью 1974–1994 годов, в их числе: Слово при получении премии «Золотое клише» Союза итальянских журналистов (1974), Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве (1976), Гарвардская речь (1978), Темплтоновская лекция (1983), Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения (1983), Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» (1989), Слово о Вандейском восстании (1993) и др.[3] Напомним, что издательство «Азбука» недавно напечатало и обычное, в твердой обложке, издание публицистики, в которое вошло около 50 статей и выступлений Солженицына 1967–2008 годов[4].

Интерес к публицистике Солженицына проявил и издательский дом «АСТ», задумавший несколько ее изданий в серии «Книги о России для думающих людей». К настоящему времени из печати вышли две книги. Сборник под названием «Русский вопрос на рубеже веков» предлагает вниманию читателей четыре крупные работы: «Письмо вождям Советского Союза» (1973), «Как нам обустроить Россию?» (1990), «“Русский вопрос” к концу XX века (1994) и «Россия в обвале» (1998)[5]. Вторая книга, озаглавленная «Прямая линия», составлена из выступлений Солженицына и ответов на вопросы во время встреч с читателями. Среди опубликованных текстов — «Ответ трём студентам» и выступление в Институте востоковедения (1966, 1967), «Беседа со студентами-славистами в Цюрихском университете» (1975), материалы многочисленных встреч по возвращении писателя на родину (в Новосибирском Академгородке, Ростовском и Саратовском университетах, Калуге, Твери, Угличе), телефонный разговор с читателями в Москве («Прямая линия» в «Комсомольской правде», 1996), замыкают сборник встреча с читателями Российской государственной библиотеки (2000) и беседа со студентами РГГУ (2002)[6].

Помимо перечисленных книг, «АСТ» выпустило в свет очередное переиздание произведений Солженицына в серии «Русская классика»: сборник рассказов и крохоток, «Раковый корпус» и «В круге первом»[7] (в двух форматах — в твердой и мягкой обложке). Роман «В круге первом» напечатан также в двух

---

[2] *Солженицын А.И.* Республика труда: Пьесы и киносценарии. СПб.: Азбука-классика, 2016.

[3] *Он же.* Подлинная свобода: Избранная публицистика в годы изгнания. СПб.: Азбука-классика, 2016.

[4] *Он же.* Как нам обустроить Россию? СПб.: Азбука, 2015. — (Культурный код).

[5] *Он же.* Русский вопрос на рубеже веков. М.: АСТ, 2016. — (Книги о России для думающих людей).

[6] *Он же.* Прямая линия. Надо думать об общей беде. М.: АСТ, 2016. — (Книги о России для думающих людей).

[7] *Он же.* Рассказы; Раковый корпус. М.: АСТ, 2015; *Он же.* В круге первом. М.: АСТ, 2016. — (Русская классика).

книгах в серии «История России в романах» издательством «Комсомольской правды»[8]. В Петербурге вышел сборник военной прозы Солженицына, который составили две повести («Люби революцию» и «Адлиг Швенкиттен»), рассказы («Случай на станции Кочетовка», «Всё равно», «Желябугские Выселки»), крохотка «Старое ведро», а также телебеседа автора на канале ОРТ 15 мая 1995 (автор вступительной статьи «Фронтовик Солженицын» — Юрий Кублановский)[9]. Долгожданным подарком стало четвертое издание «Русского словаря языкового расширения»[10].

Выпущена книга-буклет концерта Северо-Кавказской филармонии, приуроченного к открытию музея Солженицына в его родном городе Кисловодске в мае 2015. Помимо информации о концерте, в буклете напечатан весь корпус крохоток, а также взаимные письма Солженицына и Шостаковича 1960-х годов[11].

Издательство «Никея» включило произведения Солженицына в два сборника: «Пасхальный крестный ход» представлен в антологии, посвященной празднику Пасхи[12], фрагмент романа «В круге первом» — в томе «Рождественских рассказов русских писателей»[13]. Рассказ «Случай на станции Кочетовка» напечатан в еще одной антологии — «Железная дорога в русской литературе советской эпохи»[14].

Отметим также выход в свет второго издания воспоминаний Н.В. Волкова-Муромцева (первой книги «Всемирной мемуарной библиотеки»), где республиковано предисловие Солженицына к изданию первому (1983)[15]; вновь напечатано слово писателя памяти Марины Цветаевой[16].

---

[8] *Он же.* В круге первом. М.: Комсомольская правда; Директ-Медиа, 2016.

[9] *Он же.* Военное: Повести, рассказы. СПб.: Амфора, 2015. — (Великая Победа).

[10] Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. М.: Русский путь, 2015.

[11] Концерт для драматического актера, солиста и камерного театра: Александр Солженицын «Крохотки»; Дмитрий Шостакович «Прелюдии»: [буклет] / Северо-Кавказ. гос. филармония им. В.И. Сафонова. Кисловодск, 2015.

[12] *Солженицын А.И.* Пасхальный крестный ход // Праздников Праздник: Большая книга пасхальных произведений М.: Никея, 2015. С. 305–310. — (Пасхальный подарок).

[13] *Он же*. В круге первом: (отрывок) // Рождественские рассказы русских писателей. М.: Никея, 2015. С. 411–419.

[14] *Он же*. Случай на станции Кочетовка // Железная дорога в русской литературе советской эпохи: Антол. / авт.-сост. С.Ф. Дмитренко. М.: Издат. дом «Железнодорожное Депо», 2015. С. 160–185.

[15] *Волков-Муромцев Н.В.* Юность от Вязьмы до Феодосии: 1902–1920. 2-е изд. М.: Русский путь: Грааль, 2016. — (Всероссийская мемуарная библиотека. Наше недавнее).

[16] *Солженицын А.И.* Речь Александра Солженицына на открытии стелы памяти Марины Цветаевой (из газ. «Рус. мысль», 30 сент. – 6 окт. 1993) // Марина Цветаева в Вандее, 24 апр. 1926 – 2 окт. 1926 / сост. Л. Мнухин; Дом-музей М.И. Цветаевой в Болшеве; Дом-музей М. Цветаевой в Москве; Тургенев. б-ка в Париже. [М.; Париж], 2016. С. 38.

На албанский язык вновь переведены рассказы[17]. Итальянцы выпустили книгу публицистики, писавшейся до изгнания (1967–1974)[18]. Не сбавляют активности в освоении наследия писателя китайцы, в этом году напечатаны два тома нового перевода «Ракового корпуса».

Продолжен выпуск аудиокниг Солженицына. Издательский дом «Союз» осуществил запись чтения романа «В круге первом» в исполнении уже хорошо известного слушателям Александра Клюквина. Издание состоит из трех CD-дисков, общее время звучания 31 час.

Впервые в России в 2015 году опубликован DVD-диск с полной версией (4 части) фильма Александра Сокурова «Беседы с Солженицыным» (1998).

Литература о творчестве А.И. Солженицына

Библиография исследований, посвященных творчеству Солженицына, представлена главным образом статьями в периодических научных изданиях. В этот список вошли и работы, опубликованные в четвертом выпуске «Солженицынских тетрадей»: статьи А.Д. Шмелева («Возможное и действительное в произведениях Александра Солженицына»), И.Е. Мелентьевой («Народный календарь в “Матрёнином дворе”»), И.В. Дорожинской («Писатели и читатели в романе “В круге первом”»), И. Регеци («Пространственные отношения в романе “В круге первом”»), Б. Джан Эмир («Александр Солженицын в Турции. Вчера и сегодня»).

Результаты изучения текстов Солженицына напечатаны в трудах нескольких отечественных университетов: Рязанского, Костромского, Тамбовского, Тверского, Орловского и др.[19]; а также в специальных науч-

---

[17] *Sollzhenjicin A.* Një ditë e Ivan Denisoviçit / përkt. N. Sudar. Tiranë: Shtëpia botuese «Fan Noli», 2015.

[18] *Solzenicyn A.* Il respiro della coscienza: Saggi e interventi; Sulla vera liberta, 1967–1974: Con il discorso all’Universita di Harvard del 1978. Milano: Jaca Book, 2015.

[19] *Сафронов А.В.* Любовный дискурс в «Раковом корпусе» А.И. Солженицына // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2015. № 4 (49). С. 99–113; *Он же.* Свободный человек из «Ракового корпуса»: Образ Максима Чалого в повести А.И. Солженицына // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2016. Т. 22. Вып. 1. С. 104–107. — (Литературоведение); *Бай Я., Сорокина Н.В.* Пространственно-временные координаты событий в малой прозе А.И. Солженицына // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Филологические науки и культурология. Языкознание. 2015. Вып. 1. Ч. 1. С. 20–25; *Глушков С.В.* Антиномия «солдат — офицер» в «Красном колесе» А.И. Солженицына // Вестн. Твер. гос. ун-та. 2016. № 1. С. 217–223; *Филоненко Н.С.* Орёл и Орловщина в произведениях А.И. Солженицына // Уч. зап. Орлов. гос. ун-та. 2015. № 5(68). С. 184–187. — (Филология); *Ушакова А.В., Рягузова Л.Н.* Бродский и Солженицын: литературно-критические параллели // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: Материалы I Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (докторантов, аспирантов и магистрантов), 9 апр. 2016 г. / Кубан. гос. ун-т, филолог. фак-т. Краснодар, 2016. С. 145–147.

ных журналах[20]. Опубликованы новые методические рекомендации и разработки по изучению творчества Солженицына в рамках школьной программы[21].

Воспоминания и свидетельства, связанные с именем писателя, встречаем в текстах дневников А.К. Гладкова[22] и А.В. Жигулина[23]. Впечатления польского художника и писателя Юзефа Чапского от встречи с Солженицыным в Цюрихе в ноябре 1974 напечатаны в журнале «Новая Польша»[24]. О влиянии произведений Солженицына на свою жизнь рассказал в одной из глав автобиографической книги известный московский священник, протоиерей Максим Козлов[25]. Многократно к автору «Архипелага ГУЛАГа» апеллирует Энн Эпплбаум, чья книга по истории советской лагерной системы впервые издана на русском языке[26].

Для знакомства молодого поколения с биографией писателя, в течение почти двух десятков лет жившего по соседству с вермонтским городком Кавендиш, местное историческое общество напечатало небольшую

---

[20] *Горовая И.Г.* Коннотативный аспект семантики соматических окказионализмов А.И. Солженицына // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 12–18; *Малыгина И.Ю.* «Русский словарь языкового расширения» А.И. Солженицына как форма «диалога» с русскими писателями XX в. // Филологические науки: Вопр. теории и практики. 2016. № 1 (55). Ч. 2. С. 34–39; *Устименко Н.М.* Блоковский интертекст в рассказах А.И. Солженицына «Захар-Калита» и «Молодняк» // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 12 (55). С. 157–162; *Колобродова Л.И.* Особенности авторской позиции в двучастных рассказах А.И. Солженицына 1990-х годов // Евразийский союз ученых. 2015. № 8 (17). С. 58–61; *Кожевников А.Ю.* Настоящее и будущее России в публицистике А.И. Солженицына и И.Р. Шафаревича: Сборник «Из-под глыб» (1974) // Тетради по консерватизму: журн. Ин-та соц.-экон. и полит. исслед. 2015. № 4. С. 179–189.

[21] *Шапиро Н.А.* «Один день Ивана Денисовича» в школьном изучении // Литература. 2015. № 2 (762). С. 18–21. — (Я иду на урок); *Щербакова И.В.* «Окоём человечности»: К вопросу об актуальности изучения творчества А.И. Солженицына в средней школе // Филологические науки: Вопр. теории и практики. 2015. № 12 (54). Ч. 1. С. 207–210. —(Педагогические науки); *Шехурдина Е.А.* Проблема преподавания творчества А.И. Солженицына периода эмиграции в старших классах // Лингвориторическая парадигма : Теорет. и приклад. аспекты. 2015. № 20. С. 219–224; «Жить не по лжи!»: К 100-летию со дня рождения А.И. Солженицына: учеб.-метод. пособие / сост. Н.В. Киселева, Н.В. Лукьянчикова, М.А. Соловьёва; Ин-т развития образования; Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2016. — (Памятные даты).

[22] *Гладков А.К.* Дневник: [1967 год] / публ. и коммент. М. Михеева // Новый мир. 2015. № 5–6.

[23] *Колобов В.В.* Болью, раскаленной добела: Дневниковые записи Анатолия Жигулина об А.Т. Твардовском и А.И. Солженицыне // Подъем. 2016. № 1. С. 128–183.

[24] *Чапский Ю.* Солженицын // Новая Польша. 2015. № 6. С. 4–7. В этом журнале состоялась еще одна публикация, связанная с Солженицыным: *Бем П.* Русский круг чтения Войцеха Скальмовского // Там же. 2016. № 4 (184). С. 52–59.

[25] *Козлов М., прот.* Промысел — штука нелинейная: Рассказы и воспоминания. М.: Никея, 2016. С. 216–219.

[26] *Эпплбаум Э.* ГУЛАГ / пер. с англ. Л. Мотылева. М.: АСТ, 2015.

красочную книжечку в мягкой обложке о жизни и главных произведениях Солженицына, богато иллюстрированную фотографиями[27]. В Китае опубликован перевод книги французского слависта Жоржа Нива, презентация которой состоялась в Москве два года назад[28].

Конференции, лекции, обсуждения

Научно-практическая конференция «Наследие А.И. Солженицына в научно-образовательном пространстве (методический и методологический аспекты исследования)» была проведена 15 декабря 2015 в рамках Года литературы на факультете русской филологии и национальной культуры Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Приуроченная ко дню рождения писателя, конференция была посвящена также 100-летию РГУ. В конференции участвовали преподаватели кафедры литературы РГУ, студенты, гости из НИУ «Высшая школа экономики», учителя рязанских школ, занимающиеся разработкой методики преподавания произведений Солженицына. Работа шла в четырех секциях: «Новые образовательные технологии при изучении творчества А.И. Солженицына», «Вопросы анализа произведений А.И. Солженицына в школе и в вузе», «Проблематика и поэтика творчества А.И. Солженицына», «Публицистическое наследие А.И. Солженицына». Были подведены итоги конкурса студенческих научно-исследовательских работ (конкурс, посвященный освоению наследия Солженицына, проводится в университете ежегодно с 2013 года).

Постоянным партнером РГУ в проведении солженицынских мероприятий является Рязанская областная универсальная научная библиотека имени Горького. В Год литературы библиотека осуществила проект «С книгой по жизни», в котором участвовали деятели культуры, ученые, педагоги, представители Правительства Рязанской области. Каждая встреча была посвящена произведению, которое оставило важный след в жизни того или иного гостя библиотеки. Так, 18 сентября 2015 года в библиотеке выступила И.Е. Мелентьева, ведущий научный сотрудник отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья. Кроме постоянных читателей, аудиторию составили учащиеся гимназии № 2 (школа, где в 1957–1962 преподавал Солженицын), других школ города, курсанты Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища им. В.Ф. Маргелова, студенты Рязанского филиала Московского университета им. С.Ю. Витте, РГУ им. С.А. Есенина и московского Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. И.Е. Мелентьева рассказала о своем опыте чтения

[27] *Caulfield M.* The Writer Who Changed History: Aleksandr Solzhenitsyn. Cavendish Historical Society, 2016.

[28] *Нива Ж.* Александр Солженицын: Борец и писатель. СПб.: Вита нова, 2014.

Солженицына, началом которого стало знакомство с «Одним днем Ивана Денисовича». Обязательная часть проекта «С книгой по жизни» — чтение вслух. И.Е. Мелентьева выбрала главку «Улыбка Будды» из романа «В круге первом». 29 февраля 2016 года в библиотеке состоялась презентация четвертого выпуска «Солженицынских тетрадей», 26 апреля — методический семинар для педагогов Рязанской области.

Трехдневная солженицынская мини-конференция прошла в Смоленском государственном университете. По приглашению кафедры литературы и смоленского отделения Русского исторического общества 23–25 мая 2016 года в университетских стенах была организована выездная сессия семинара отдела по изучению наследия А.И. Солженицына московского Дома русского зарубежья. Научный десант составили сотрудники отдела В.А. Астанков, И.Е. Мелентьева, Е.Н. Савельева, Г.А. Тюрина, сотрудники солженицынского сектора Государственного литературного музея Л.К. Алексеева и Е.Я. Жукова, секретарь Русского благотворительного фонда Александра Солженицына Д.В. Топилина, сотрудник Института мировой литературы РАН Е.В. Иванова. Прошли научные заседания с участием преподавателей и студентов СмолГУ, а также лекции о жизни и творчестве Солженицына. Особенное внимание аудитории филологического факультета привлекла «новомирская» история писателя, его взаимоотношения с А.Т. Твардовским, главным героем литературоведческих штудий в Смоленске. Доклад Е.В. Ивановой «Александр Солженицын в воспоминаниях новомирцев» вызвал широкую, плодотворную дискуссию. С большим интересом было встречено иллюстрированное сообщение Д.В. Топилиной о документах архива Солженицынского фонда, подопечным которого в течение многих лет был брат поэта Иван Трифонович Твардовский (1914–2003). Гости и хозяева совершили поездку на родной хутор Твардовских в Загорье в 40 км от Смоленска. Хутор был полностью уничтожен пожаром во время войны, в начале 1980-х отстроен заново в том виде, как его сохранила память Ивана Трифоновича, посвятившего восстановлению Загорья последние десятилетия своей жизни. Ныне хутор — филиал Смоленского государственного музея-заповедника.

Сотрудники солженицынского отдела Дома русского зарубежья приняли участие в международном семинаре «Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия», проходившем 15–20 ноября 2015 года в Красноярске. Семинар состоялся при поддержке Министерства культуры Красноярского края, Общества «Знание» России, Ассоциации преподавателей русского языка и литературы высшей школы, Сибирского федерального университета, Астафьевского научно-исследовательского центра. На форум прибыли исследователи из отечественных научных центров, преподаватели Московского, Санкт-Петербургского, Алтайского, Воронежского, Иркутского, Красноярского, Омского, Приволжского (Казанского), Сибирского, Томского, Ульяновского, Уральского, Челябинского университе-

тов. В ходе работы было представлено более полусотни докладов, охвативших и современную литературу, и «классиков» традиционализма — писателей-«деревенщиков». В последний день семинара прозвучали доклады И.Е. Мелентьевой и Г.А. Тюриной, вызвавшие продолжительную и увлекательную дискуссию о разных аспектах творчества Солженицына. В завершение участникам семинара были представлены издания произведений Солженицына последних лет и исследования его творчества, переданные в дар Сибирскому федеральному университету и Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края. По окончании рабочей программы участники семинара посетили Мемориальный комплекс В.П. Астафьева в селе Овсянка (филиал Красноярского краевого краеведческого музея). В селе функционирует еще один музей — по инициативе Виктора Петровича в 1999 году такой статус получила сельская библиотека; ныне в ее фондах хранится архив Астафьева, в частности материалы, посвященные посещению Овсянки Солженицыным в июне 1994-го.

Доклады и лекции по творчеству Солженицына присутствовали в программах целого ряда конференций и просветительских встреч. Так, 5 сентября 2016 года в рамках Летней образовательной программы ВДНХ (цикл «Ясное лето», проводимый оргкомитетом литературной премии «Ясная Поляна») состоялось выступление биографа писателя Л.И. Сараскиной с лекцией «Тайны архивов А. Солженицына» («Как начинался Солженицын-писатель»). На открытии XXI Международных писательских встреч в Ясной Поляне 9 сентября 2016 года в «Слове о Толстом» Л.И. Сараскина говорила о глубокой связи Толстого и Солженицына[29].

И.Е. Мелентьева выступила с докладом «Александр Солженицын — писатель и историк» на XXIV Макариевских чтениях (Всероссийская научная конференция, посвященная памяти святителя Макария, митрополита Московского) «Труженики на историческом поприще» (22–24 мая 2016, Можайск). Прозвучал солженицынский доклад и на Международной научной конференции «Из века в век…», посвященной 120-летию открытия первого музея на Сахалине (12–17 сентября 2016). Масштабный форум был организован Сахалинским областным краеведческим музеем при поддержке Министерства культуры и архивного дела Сахалинской области. Действующий ныне краеведческий музей в Южно-Сахалинске является преемником самого первого музея на острове, который был открыт в посту Александровском в 1896 году, вскоре после публикации «путевых записок» А.П. Чехова. Трудами немногочисленной интеллигенции и администрации сахалинской каторги в музее были собраны этнографические, археологические, геологические, ботанические, зоологические и другие коллекции. Сегодня музей (во много раз за истекшее столетие приумноживший свои богатства) функционирует в тесном сотрудничестве с созданными в по-

[29] См. на с. 187–188 наст. изд. — *Ред.*

следние годы Литературно-художественным музеем книги А.П. Чехова «Остров Сахалин» (Южно-Сахалинск), Историко-литературным музеем «А.П. Чехов и Сахалин» (Александровск-Сахалинский) и Государственным историческим архивом Сахалинской области. В юбилейном форуме, который проходил в двух городах, Южно-Сахалинске и Александровске, приняли участие 65 ученых из Японии, Китая, Нидерландов, Польши, Франции. Россия была представлена исследователями из Москвы, Санкт-Петербурга, Хабаровска, Николаевска-на-Амуре, Владивостока и городов Сахалинской области. Речь шла обо всех сторонах культурной жизни острова — истории, этнографии, архивном и музейном деле. Доклад «“Остров Сахалин” Чехова в “Архипелаге ГУЛАГе” Солженицына» был прочитан Г.А. Тюриной в рамках секции, посвященной «сахалинскому тексту». В дар музею и историческому архиву от Солженицынского фонда докладчица передала корпус изданий писателя. Несколько комплектов сокращенного издания «Архипелага…» с методическим пособием по его изучению пополнили библиотеки школ города Александровска — «столицы» сахалинской каторги, описанной Чеховым[30].

Первое знакомство сотрудников солженицынского отдела Дома русского зарубежья с сахалинскими школьниками состоялось на семинаре, что прошел 26 апреля 2016 в московской школе № 2086 под руководством учителя литературы А.Ю. Закуренко. Тема семинара — «Человек и власть в изображении русских писателей XVII–XX веков» («Житие протопопа Аввакума», «Записки из Мертвого дома», «Остров Сахалин» и «Архипелаг ГУЛАГ»). С докладами выступили старшеклассники школы № 2086, учащиеся лицея «Воробьевы горы», ребята из гимназии № 406 Санкт-Петербурга и лицея № 2 Южно-Сахалинска, присоединившиеся к москвичам по скайпу.

Мероприятия, посвященные Солженицыну, были организованы в нескольких образовательных и культурных центрах в рамках подготовки к 100-летию со дня рождения писателя. Так, например, 3 декабря 2015 года разговор о жизни и творчестве Солженицына состоялся в библиотеке № 12 поселка Поведники (Мытищи); «Духовный путь Александра Солженицына» пытались осмыслить ученики воскресной школы храма Сретения Господня города Дмитрова (март 2016), литературное наследие писателя стал предметом обсуждения школьных учителей русского языка и истории славянских стран и стран ближнего зарубежья, стажировавшихся при Московском институте открытого образования (май 2016). Две лекции, посвященные Солженицыну, были прочитаны на площадках книжного фестиваля «Красная площадь» (4–6 июня 2016): Н.Д. Солженицына рассказывала о Солженицыне-читателе, И.Е. Мелентьева — о жанровом разнообразии сочинений писателя.

---

[30] *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования / сокращ. изд. под ред. Н.Д. Солженицыной. М.: Просвещение, 2010; *Ерёмина Т.Я.* Книга А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» в школьном изучении. М.: Просвещение, 2012.

Встречи с Н.Д. Солженицыной состоялись в нескольких московских школах и библиотеках (в их числе «Курчатовская школа» (18 апреля 2016) и Центральная библиотека № 197 им. А. Ахматовой (20 октября 2016)). По инициативе председателя Подольского отделения международного Пушкинского общества Г.Н. Сеничевой 10 марта 2016 Наталия Дмитриевна прочла лекцию о жизни и творчестве Солженицына во Дворце культуры «Октябрь» города Подольска. В связи с открытием выставки «Швейцарские годы Солженицына»[31] встречи с вдовой писателя состоялись в стенах Смоленского государственного университета (28 сентября 2015) и Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (22 сентября 2016).

22–23 ноября 2015 года по приглашению Департамента культуры Брянской области Наталия Дмитриевна посетила Брянск — на сцене областной филармонии состоялся концерт ансамбля народной музыки «Ватага» с премьерой песни «Птицы белые» (муз. А. Лебедева, сл. В. Артёмова), посвященной памяти жертв политических репрессий. Н.Д. выступила в Брянской областной научной универсальной библиотеке имени Ф.И. Тютчева, Брянском государственном университете имени академика И.Г. Петровского и городском лицее № 1 имени А.С. Пушкина. 23 сентября 2016 года Наталия Дмитриевна встретилась со студентами Вологодского государственного университета; 12 октября — в Калуге с учителями русского языка и литературы Калужской области.

Большой отклик в профессиональной среде (педагогов, библиотекарей, всех, кто причастен к *литературе*, которой был посвящен 2015 год) вызвало слово Н.Д. Солженицыной при вручении ей ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени 10 декабря 2015[32]. Ряд публикаций в средствах массовой информации был посвящен заседаниям оргкомитета по празднованию 100-летия со дня рождения Солженицына и участию Н.Д. Солженицыной в разработке направлений тем сочинений в выпускном классе средней школы[33].

---

[31] Книжно-иллюстративная выставка, посвященная жизни писателя в первые годы изгнания из СССР. Впервые представлена 11 декабря 2014 года в стенах Дома русского зарубежья. Экспозиция состоит из 24 стендов с репродукциями не публиковавшихся прежде фотографий из архива А.И. Солженицына в сопровождении фрагментов из автобиографической книги писателя «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов». Выставка доступна дистанционно — электронные макеты стендов можно распечатать в любом формате для любого помещения. О выставке подробней см.: Солженицынские тетради: Материалы и исследования / гл. ред. А.С. Немзер. М.: Русский путь, 2015. Вып. 4. С. 269–270.

[32] *Басинский П.В.* Что год минувший нам готовит? [Солженицына Н.Д. Речь на вручении ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени в Кремле] // Российская газета. 2015. 28 дек. (№ 294). С. 9.

[33] См., напр.: *Сеславинский М.В.* К юбилею Солженицына: [17 дек. в Доме правительства РФ состоялось первое заседание оргкомитета по подготовке и проведению празднования 100-летия Солженицына] // Независимая газета. 2015. 24 дек. (№ 278). С. 3 (прил. НГ Ex libris; № 48).

Выставки, музеи

31 мая 2016 года отметил годовщину открытия Информационно-культурный центр **«Музей А.И. Солженицына» в Кисловодске**. В стенах музея состоялось торжественное собрание, в котором приняли участие деятели культуры Кисловодска, Пятигорска и других городов Ставропольского края, а также сотрудники Дома русского зарубежья и Государственного литературного музея, филиалом которого является кисловодский центр. Главный «доклад» представил его заведующий А.Г. Подольский: он рассказал об экскурсиях, которые проводятся по экспозиции, а также о шагах, предпринимаемых сотрудниками с целью включения центра в культурную среду города.

Определенные успехи в этом направлении уже достигнуты. Кроме самого дома — единственного сохранившегося мемориального объекта Кисловодска, связанного с Солженицыным, — посетителей привлекает качество экспозиции, созданной художником-дизайнером О.В. Данильченко. Эта работа была признана и профессиональным сообществом: в октябре 2015 в столичном Экспоцентре в рамках IX Международной форум-выставки «РосБиоТех-2015» проект солженицынского музея был отмечен золотой медалью (конкурс дизайн-проектов проводился в четырех номинациях: графический дизайн, промышленный дизайн, средовой дизайн, дизайн костюма).

Можно говорить о сложившейся аудитории организованного в музее лектория, который ведет научный сотрудник, к.и.н. В.С. Яновский. В 2015 году он прочел цикл лекций «Кисловодск детских лет А.И. Солженицына. 1918–1924». На базе музея начата работа со школьниками в рамках туристско-краеведческого движения обучающихся Российской Федерации «Отечество». В сентябре 2016 в музее состоялось первое занятие астрономического кружка — не один год Солженицын преподавал астрономию в школе, и такой кружок для сегодняшних школьников, лишенных возможности познакомиться с этой наукой в рамках учебной программы, создатели музея обоснованно считают необходимой частью своей работы. Ведут кружок заведующий Кисловодской Горной астрономической станцией Главной (Пулковской) астрономической обсерватории РАН д. физ-мат. н. А.Г. Тлатов и ее молодые сотрудники Михаил Пащенко и Ярослав Чернов.

В октябре 2016 года Государственный литературный музей открыл фестиваль **«Солженицынское пространство: мультимедийное измерение»**, приуроченный к 100-летию со дня рождения писателя. По замыслу организаторов, фестиваль должен стимулировать творческое освоение наследия Солженицына молодежью России. К участию приглашаются старшеклассники, студенты художественных факультетов и факультетов дизайна из любого региона страны. В рамках фестиваля предусмотрен цикл лекций специалистов по творчеству Солженицына и мастер-классы экспертов в области создания мультимедийных продуктов и их применения в условиях музей-

ной экспозиции. Фестиваль будет проходить поэтапно в течение двух лет. Финалисты получат призы и возможность представить свои работы на профессиональных площадках в Москве.

Сотрудники солженицынского сектора Гослитмузея ведут исследовательскую работу, посвященную родителям писателя, его ставропольским корням. В 2016 году было предпринято несколько экспедиций по связанным с семьей Солженицына местам: в Георгиевск, где были похоронены его родители, Новокубанск, где находится дом деда по материнской линии, Захара Федоровича Щербака (его личность хорошо известна читателям «Августа Четырнадцатого»), Ростов-на-Дону, где будущий писатель жил до ухода на войну. Работа исследователей направлена не только на изучение, но и на создание проекта музейного объединения, призванного запечатлеть память о Солженицыне на его малой родине.

Продолжается работа музея «**Солженицын в Солотче**» (Рязанская область). Открытая в феврале 2015 года выставка, посвященная пребыванию писателя в Солотче, стала частью постоянной экспозиции художественной галереи, расположенной в стенах гостинично-ресторанного комплекса «Боровница». Это место — одно из самых популярных в Рязанской области. Поселок расположен в курортной зоне знаменитой Мещеры, в 15 минутах езды от центра Рязани. Замечательно уже природное пространство Солотчи: вековой сосновый бор, речка Старица, заливные луга. Солженицын приезжал сюда работать несколько раз в 1963–1969 годах. Впервые в феврале 1963 — тогда он поселился в гостинице (в то время она называлась «Загородная»), сейчас несущей и «музейную нагрузку». Именно сюда, в идеальное место для работы, он приглашал Варлама Шаламова. Впоследствии пребыванию в людной гостинице писатель предпочел уединенную жизнь в соседней деревне Давыдово, где снимал угол у «другой Матрёны», Агафьи Фоломкиной.

Солженицынская экспозиция в «Боровнице» занимает один зал и ведущий в него коридор, где развешаны снимки Солотчи 1960-х и сделанные в то время фотографии Солженицына. Над организацией выставочного пространства работали многолетний сотрудник Государственного музея-заповедника С.А. Есенина в Константинове К.П. Воронцов и заслуженный художник Российской Федерации Р.А. Лысенина. В экспозиции представлены репродукции фотографий, предметы быта Солженицына 1960-х, оригинальные архивные документы, книги. Предусмотрено использование мультимедийных материалов — большая плазма позволяет организовать коллективный просмотр фото и видеофильмов. В частности, посетители могут познакомиться с видеороликом о пребывании Солженицына в Солотче в 1994 году.

Создатели экспозиции развернули масштабную исследовательскую деятельность по выявлению и сохранению солженицынских мест в Солотче и ее окрестностях. Владелец гостиницы, известный рязанский меценат В.А. Мазаев, установил точное место в лесу, где находился стол, сделанный

Солженицыным для уединенной работы (ныне это место «теряется» из-за беспорядочной застройки солотчинского леса). Обнаружена и изба Агафьи, сохраненная хозяевами в неизменном виде. «Солженицынская» творческая группа в «Боровнице» поставила перед собой задачу создания экскурсионного маршрута по Солотче и ее окрестностям.

20 сентября 2016 года в рамках Ежегодного совещания директоров детских библиотек Российской Федерации в Российской государственной детской библиотеке состоялось торжественное открытие выставки **«Солженицын-фотограф»**. Здесь экспонировались репродукции 50 фотографий, сделанных Солженицыным в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Оригиналы снимков (черно-белые отпечатки формата 6×9 см) хранятся в архиве писателя. Солженицын не был профессиональным фотографом, освоением фотоискусства он занимался самостоятельно в обстановке, не самой для этого благоприятной — в годы своей «вечной» ссылки в казахском ауле Кок-Терек. Фотоаппарат ссыльный школьный учитель приобрел с конкретной целью — облегчить потаенное хранение плодов своего писательского труда. Снимки рукописей Солженицына того времени, к сожалению, не сохранились. Представленные на выставке фотографии — пейзажи, бытовые сценки, портреты — незаменимые свидетельства о жизни писателя в ссылке и по возвращении в Среднюю Россию: так, объектив Солженицына сохранил для нас, например, облик Матрены Васильевны Захаровой, героини его рассказа, картины летних путешествий, в которых рождались поэтичные крохотки.

Выставка вызвала большой интерес посетителей всех возрастов. Значительная часть представленных снимков сегодня является документом эпохи — например, те, что запечатлели виды Рязани или Москвы пятидесятилетней давности. Молодая аудитория библиотеки с любопытством разглядывала результаты фотоопытов Солженицына, знакомясь с процессом съемки, который полвека назад был совсем иным, нежели сегодня, и требовал не только разнообразной «техники» (аппарат, пленка, средства для проявки, увеличитель, фотобумага), но и нелегко дающихся специальных навыков. Представители современного профессионального сообщества отмечают, что Солженицын освоил процесс фотосъемки вполне основательно — лучшие его снимки отличает высокий художественный и технический уровень.

Дабы напомнить постоянным читателям и гостям библиотеки, что Солженицын был не только фотографом, организаторы развернули в стенах РГДБ еще одну экспозицию — книжно-иллюстративную выставку «Памяти Александра Солженицына (1918–2008)», созданную художником-дизайнером Ю.В. Решетниковым к 90-летию писателя[34].

Выставки стали частью большого солженицынского проекта, который РГДБ реализует в 2016 году. Главная составляющая проекта — два всерос-

[34] О ней см.: Солженицынские тетради. М., 2012. Вып. 1. С. 314.

сийских конкурса для детей и подростков: **конкурс чтецов «Солженицын вслух» и фотоконкурс «“Крохотки” в объективе»**. Оба конкурса проводятся в двух возрастных категориях: от 9 до 13 лет и от 14 до 17 лет. Первый предполагает чтение целого произведения (одной из крохоток) или фрагмента (на выбор предложены два рассказа, «Один день Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор»). В рамках второго конкурса участникам предлагается выполнить фотоработу по мотивам крохоток. Работа может быть сделана в любой технике (оригинальное фото, коллаж, фото с применением эффектов и т.д.) с приложением цитаты из крохоток или небольшого эссе.

В жюри конкурсов вошли М.А. Веденяпина, директор РГДБ, Н.Д. Солженицына, народный артист России Авангард Леонтьев, заслуженный деятель искусств РСФСР, ректор Высшего театрального училища имени М.С. Щепкина Б.Н. Любимов, корреспондент «Фотохроники ТАСС» Владимир Мусаэльян, фотожурналист, член Союза фотохудожников России Виктор Войтенко, заслуженный деятель искусств РФ, кинооператор Вячеслав Сачков. Итоги будут подведены в день рождения писателя — 11 декабря 2016. Победители конкурса чтецов примут участие в создании аудиокниги.

Солженицынские крохотки в исполнении старшеклассников звучали и 29 января 2016 года на торжественной церемонии открытия **музея писателя в московской школе № 1948 «Лингвист-М»** с углубленным изучением китайского и английского языков. Инициаторами создания музея выступили учителя (в первую очередь учитель литературы С.М. Ушакова) и руководство школы, обратившиеся за поддержкой в Русский благотворительный фонд Александра Солженицына и Государственный литературный музей. Общими усилиями был сформирован книжный фонд музея, оборудованы витрины и стенды. В экспозиции представлены книги, фотографии, копии документов и рукописей Солженицына.

Музей намерен споспешествовать углубленному изучению творчества Солженицына на уроках литературы. Сформирована лекторская группа учеников для взаимодействия с другими школами и учебными объединениями. В мае 2016 состоялась первая литературная экспедиция — ребята побывали на Куликовом поле, месте действия рассказа «Захар-Калита».

Семинар, посвященный трудам и дням писателя

Продолжает работу семинар отдела по изучению наследия Солженицына Дома русского зарубежья. Первое после летних «каникул» заседание состоялось 9 октября 2015 года и было посвящено важнейшему событию в солженицынском пространстве — открытию информационно-культурного центра «Музей А.И. Солженицына» в Кисловодске, первого в России государственного му-

зея, посвященного жизни и творчеству писателя[35]. Главный доклад представил Д.П. Бак, директор Государственного литературного музея, подразделением которого является Музей Солженицына. Д.П. Бак рассказал о нелегкой истории реставрационных работ в доме, где разместился музей, — дом лишь в 2008 году был признан объектом культурного наследия федерального значения, в 2009-м передан Государственному литературному музею. Здание было в ужасном состоянии, его реставрацию удалось завершить только в 2014 году.

Не была простой и работа над экспозицией — в музее нет мемориальных предметов и коллекций. Тем не менее авторы концепции музея сконцентрировали внимание на одной из магистральных тем творчества Солженицына — истории его семьи, так выразительно показанной в «Красном Колесе». Логика экспозиции следует логике творчества писателя — желанию найти «корни» того, что предопределит его основные жизненные устремления в будущем. В заключение Д.П. Бак рассказал о перспективах музея, выразив надежду, что его функции существенно расширятся.

Увлекательное иллюстрированное сообщение представил К.П. Воронцов, ведущий научный сотрудник Государственного музея-заповедника С.А. Есенина, рассказавший о работе над экспозицией, посвященной Солженицыну, в галерее гостиницы «Боровница» в Солотче[36]. Определившееся соседство Есенина и Солженицына (Константиново и Солотча находятся почти напротив друг друга на разных берегах Оки) стало темой научных исследований К.П. Воронцова, результаты которых дополнят экспозицию в «Боровнице».

18 февраля 2016 года заседание было посвящено результатам изысканий д.ф.н., ведущего научного сотрудника ИМЛИ РАН Е.В. Ивановой. Она представила доклад «Куликово поле: В поисках прототипа Захара-Калиты». Исследование проводилось совместно с учителем математики, заместителем директора ивановской средней школы (Тульская обл.) В.В. Спириной, также участвовавшей в работе семинара. Вначале Е.В. Иванова рассказала о месте рассказа «Захар-Калита» в русской литературной традиции: на протяжении двух последних веков многие художники слова обращались к сюжету битвы, определившей судьбу России, как правило наделяя его символическими смыслами. При этом, по замечанию докладчицы, Солженицын первым из русских писателей побывал на Поле и поведал об увиденном своими глазами. Действительно, даже самое прославленное сочинение о Куликовом поле — блоковский цикл 1908 года — создавалось по внутренним ощущениям автора, никогда на эту землю не ступавшего. Солженицын приехал сюда летом 1963, когда о величии Поля напоминала лишь «игла в небо» — установленная в 1848 году 28-метровая чугунная колонна, памятник в честь по-

[35] О нем см.: Солженицынские тетради. М., 2015. Вып. 4. С. 272–273.

[36] См. выше, с. 346–347 наст. изд. — *Ред*.

беды Дмитрия Донского над Золотой Ордой (архитектор А.П. Брюллов), увы, оскверненная многочисленными надписями. К середине XX века память о Поле в сердцах соотечественников была разрушена вместе с выдающимся шедевром, возведенной рядом с колонной в начале 1900-х годов церковью Сергия Радонежского (архитектор А.В. Щусев). В первой половине 1960-х территория Поля находилась в ведении местного сельсовета, решившего, что для сохранности памятника и руин храма нужен сторож. На эту должность поставили жителя соседней деревни Куликовки, «человека малопригодного даже и для пустячной работы», как сообщает энциклопедия «Куликово поле». О том, как он справлялся со своими обязанностями, знаем из рассказа «Захар-Калита». Анализу образа Захара Е.В. Иванова уделила особое внимание. Смотритель Куликова поля продолжает галерею солженицынских праведников. Захар с его бесхитростной преданностью Полю положил начало его возрождению. Публикация «Захара-Калиты» в январском номере «Нового мира» за 1966 год всколыхнула культурную общественность, побудила добиваться наведения порядка на Поле (еще в 1965 году оно было передано на баланс Тульского областного краеведческого музея, однако работы по реставрации памятников и благоустройству территории были начаты позже, первая постоянная экспозиция была открыта в стенах храма Сергия Радонежского к 600-летию Куликовской битвы, т.е. в 1980-м). Выявленные на сегодня сведения о прототипе солженицынского героя Захаре Федоровиче Дмитриеве (1909–1980) представила содокладчица В.В. Спирина. В течение нескольких лет она ведет краеведческую работу, собирает устные воспоминания очевидцев и документальные источники, связанные с историей Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (этот статус «объект» получил лишь в 1996 году). Особой заботой В.В. Спириной стало благоустройство местного кладбища, где находится могила Захара Федоровича. После доклада состоялось обсуждение вопросов, связанных с кругом источников по истории музея-заповедника «Куликово поле» и ее неотъемлемой части — биографии З.Д. Федорова.

Тексты докладов, представленных на заседаниях семинара 30 ноября 2015 года, 5 апреля и 27 мая 2016-го, публикуются в настоящем издании: 30 ноября «отчет» о научной работе представила Г.А. Тюрина, заведующая отделом по изучению наследия Солженицына, выступление было посвящено истории создания «Русского словаря языкового расширения»[37]; 5 апреля о Московских реалиях в произведениях Александра Солженицына говорила И.В. Дорожинская, ведущий научный сотрудник ДРЗ, учитель высшей категории[38]; 27 мая с докладом «Солженицын в Польше» выступил Гжегож Пшебинда, доктор гуманитарных наук, профессор Ягеллонского универси-

[37] См. на с. 134–148 наст. из. — *Ред.*

[38] См. на с. 207–213 наст. из. — *Ред.*

тета в Кракове, ректор Государственной высшей профессиональной школы имени С. Пигоня в Кросно[39].

Сотрудники солженицынского отдела приняли участие в подготовке и проведении вечера памяти Елены Цезаревны Чуковской (1931–2015), который прошел в Доме русского зарубежья 11 февраля 2016 года. Годовщина ухода Елены Цезаревны совпала с двадцатилетием кончины ее матери, Лидии Корнеевны Чуковской (1907–1996), так что вечер был посвящен всей литературной династии Чуковских. Были показаны многочисленные фотографии, предоставленные друзьями молодости Елены Цезаревны, прозвучал отрывок из её воспоминаний о борьбе за издание «Чукоккалы», фрагмент из книги Солженицына «Бодался телёнок с дубом» о её помощи писателю. Н.Д. Солженицына прочитала несколько еще не опубликованных писем, которыми обменивались Лидия Корнеевна и Александр Исаевич. Администратор сайта chukfamily.ru Ю.Б. Сычёва рассказала о роли Елены Цезаревны в публикации книг своей матери, о трудностях издания «Записок об Анне Ахматовой», выходе «Прочерка» и, наконец, о подготовке 12-томного собрания сочинений К.И. Чуковского. О своей боли от ухода Елены Цезаревны говорил писатель А.Г. Найман. Доктор химических наук В.А. Смит вспоминал о ней как о хорошем химике, прервавшем благополучную академическую карьеру ради работы над публикациями произведений матери и деда, и подчеркнул, что Елена Цезаревна с ее чувством долга и самоотверженностью — пример подлинного русского интеллигента. Священник Иоанн Привалов свидетельствовал, что Елена Цезаревна стала для него человеком, через которого Бог рассказал ему о любви. Об огромной работе Е.Ц. Чуковской вспоминала и ведущая вечера, Е.В. Иванова. Последней выступила Н.Н. Костюкова, старшая из пяти внуков Корнея Ивановича, от имени большой семьи Чуковских поблагодарившая всех участников вечера за добрые слова в память об удивительных людях.

In memoriam

Память об Александре Солженицыне замечательным образом увековечена на колымской земле. Имя писателя присвоено новому ледоколу-буксиру, который пришвартовался у причала Магаданского морского торгового порта в марте 2016 года. Буксир построен на верфи голландской компании «Damen» в китайском городе Чандэ. На церемонии «крещения» нового судна губернатор Магаданской области В.П. Печеный говорил о важности этого события, знаменующего начало возрождения важнейшего транспортного узла региона, и символичности названия буксира: «Александр Исаевич именно через Колыму в 1994 году вернулся в Россию. Я помню тот момент, когда

[39] См. на с. 149–186 наст. из. — *Ред.*

он прикоснулся к нашей земле, история которой отражена в его книге “Архипелаг ГУЛАГ”. Солженицын прошел через множество трудностей в своей жизни и вышел из них победителем. Считаю, что и новое судно, которое носит его имя, будет также преодолевать трудности в своей работе с успехом». «Александр Солженицын» — буксир усиленного ледового класса типа ASD 2609 ICE, длина — 26 м, ширина — 9,5 м, водоизмещение — 430 т. Судно укомплектовано двумя двигателями Caterpillar общей мощностью 3300 л.с. и двумя рулевыми колонками Rolls Royce. По словам капитана судна Владислава Полякова, благодаря мощным двигателям, современной схеме гребных винтов, обеспечивающих большую тягу и маневренность, буксир способен пробиваться через лед метровой толщины. Кроме того, судно может быть использовано в спасательных целях, на его борту есть система пожаротушения и кран грузоподъемностью до 900 кг. Экипаж буксира — восемь человек.

11 декабря 2015 года, в день рождения Александра Солженицына, в стенах Дома русского зарубежья, носящего его имя, вдова писателя Наталия Дмитриевна представила годовой «отчет» о книжных новинках, музеях, выставках, конференциях и других событиях солженицынского пространства. В завершение вечера был показан фрагмент интервью Александра Исаевича, которое состоялось в прямом эфире французского телевидения в 1975 году. По прошествии десятилетий эта запись, как и другие публицистические выступления Солженицына, приобрела особое звучание — многое из того, о чем говорил тогда писатель, имеет прямое отношение ко дню сегодняшнему, многих нынешних бед удалось бы избежать, если бы прислушались вовремя к его слову. О том, как важно сегодня внимательно читать Солженицына, говорили и 3 августа 2016-го, когда после панихиды на могиле писателя в Донском монастыре родные и близкие писателя, люди, чтящие его память, собрались в Доме русского зарубежья. Здесь состоялся просмотр фрагментов фильма, снятого Станиславом Говорухиным в 1992 году в Вермонте перед возвращением Солженицына на родину.

Столь актуальные сегодня издания публицистики были вручены победителям конкурса на соискание именной стипендии Александра Солженицына — в 2016 году этот конкурс, учрежденный Министерством образования и науки для студентов гуманитарных вузов, показавших выдающиеся успехи в литературном творчестве, политологии и журналистике, проводился уже в восьмой раз. Торжественная церемония чествования стипендиатов проходила на пленарном заседании IX Международного научного форума «Гуманитарные чтения РГГУ – 2016» 29 марта 2016 года в зале заседаний Ученого совета РГГУ. Солженицынские стипендиаты этого года учатся в Алтайском и Башкирском государственных университетах, Дальневосточном федеральном университете, Калмыцком государственном университете имени Б.Б. Городовикова, Пермском государственном национальном исследовательском университете, Северном (Арктическом) феде-

ральном университете имени М.В. Ломоносова, Северо-Кавказском федеральном университете, Уральском государственном педагогическом университете, Юго-Западном государственном университете, Санкт-Петербургском филиале Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». По традиции, дипломы вручали президент РГГУ Е.И. Пивовар и Н.Д. Солженицына. Ее приветственным словом завершаем нашу хронику:

Уважаемые члены жюри! Уважаемые гости!

Дорогие друзья!

Сегодня уже в восьмой раз мы вручаем дипломы победителям всероссийского конкурса на звание солженицынского стипендиата.

Как и в прежние годы, география соискателей, если можно так выразиться, а затем и география победителей — не может быть шире: от Владивостока до Архангельска, от Барнаула до Курска, студенты из университетов девяти федеральных округов. Однако бросается в глаза и существенное отличие.

Прежде среди победителей бывали поэты, молодые писатели, филологи, историки, — в этом году почти исключительно политологи (есть, правда, и журналисты, и психологи социальной направленности). Мне представляется это неслучайным. В такие времена, как то, которое мы с вами переживаем сегодня, желание понять ход и суть процессов, приведших к обострению мировой ситуации вообще и положению нашей страны в частности, овладевает гораздо большим числом людей, чем во времена спокойные. Естественно и повышенное стремление изучать всевозможные формы взаимодействия между государством и обществом, исследовать как механизмы власти, так и пружины общественных проявлений, озадачиться улучшением управленческих навыков, необходимых во всех видах человеческой деятельности, — словом, всем тем, что и составляет основное содержание политологии.

Надо сказать, дорогие друзья, что Александр Исаевич Солженицын, чье имя носит заслуженная вами стипендия, всю свою долгую жизнь размышлял о наилучших путях общественного и государственного устройства, о достойном будущем нашей родины, — этими размышлениями пронизано все его творчество, и уж несомненно вся его публицистика. Неслучаен сегодня и всплеск интереса к солженицынской публицистике, в прошлом году сразу несколько издательств занялись ею, а издательство АСТ намерено напечатать четыре тематических сборника статей, первый из которых я принесла вам в подарок, второй выходит на днях[40]. Характерен и поворот издательств к публицистике вообще, характерно и название серии, в которой выходят подобные книги, а именно: «Книги о России для думающих людей».

[40] См. выше, примеч. 5 и 6.

России очень нужны думающие люди. А думающим людям нужны нестандартные книги. Быть может, вам пригодятся мысли писателя о целях жизни отдельного человека и человеческих обществ, о сложных соотношениях между свободой и порядком, прогрессом и традицией, о том, что соблазн потребительства губителен для человечества, которому «не избежать платить за потерю чувства самоограничения, за несдерживание жадности и людей, и целых государств, за высыхание доброчеловеческих чувств»[41].

Человек думающий и знающий историю может разглядеть и черты будущего. Больше двадцати лет назад в одном из интервью Солженицын сказал: «XXI век будет очень бурным, очень тяжёлым, и даже, может быть, уже первая половина XXI века. Я думаю, что предстоит сильный штурм западной цивилизации со стороны Третьего мира»[42]. Начало этого штурма мы наблюдаем сегодня. Как и другое предвидение писателя: «Если смотреть далеко в будущее, то можно прозреть в XXI веке и такое время, когда США вместе с Европой ещё сильно вознуждаются в России как в союзнице»[43].

Убежденный противник революций и насильственных переворотов, Солженицын призывал «терпеливо улучшать то, что у нас есть в каждое “сегодня”». А отдавая силы, время, энергию на социальные преобразования — не забывать и того, что «гремливая цивилизация лишила нас сосредоточенной внутренней жизни, вытащила наши души на базар — партийный или коммерческий»[44]. Признавая высокую важность общественного строя, он утверждал, что нравственный строй — ещё важней. Хочется надеяться, что ваша жизнь и работа будут способствовать укреплению в нашем обществе чистого и здорового нравственного строя.

А каждому из вас я хочу пожелать, чтобы, вопреки всем испытаниям и трудностям, какие могут встретиться на вашем пути, вы были счастливы.

Актуальную информацию о новостях и событиях «солженицынского поля», эталонные тексты произведений писателя и литературу о нем можно найти на официальном сайте по адресу: www.solzhenitsyn.ru и на его странице в социальной сети Facebook.

---

[41] Из беседы Солженицына с Даниэлем Кельманом для журнала «Цицерон» (Москва, август 2006). Беседа опубликована в «Известиях» 11 декабря 2008.

[42] Интервью с Витторио Страда для «Коррьере делла Серра» (Москва, март 1995) напечатано в газете «Русская мысль», Париж, 1995. 3–9 авг. С. 9.

[43] Из последнего интервью Солженицына на Западе, опубликованного в апреле 1994 в журнале «Форбс».

[44] *Солженицын А.И.* Орбитальный путь: Слово при получении премии «Золотое клише» Союза итальянских журналистов. Цюрих, 31 мая 1974 // Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? СПб.: Азбука, 2015. С. 123.

ЗЛОБОДНЕВНОЕ

Материалы из прессы и соцсетей

Почему нельзя замолчать дикую выходку у музея ГУЛАГа? [1]

Члены мало кому известного РКСМ (Революционного коммунистического союза молодежи) совершили дикую выходку на грани мракобесия. У входа в Музей истории ГУЛАГа повесили манекен с портретом Александра Солженицына, а под ним примитивное стихотворение с хамским резюме: «Он Родины своей — первейший враг!»

В.П. Лукин, глава Паралимпийского комитета:

Я считаю, что это безобразная выходка. Думаю, что это симптом, и очень плохой. Не буду характеризовать этих людей, они вполне всем понятны. Хочу обратить внимание на самое очевидное — это вызывающе антипатриотический поступок. В таком виде выражать недовольство и несогласие с жизненной позицией лауреата Нобелевской премии, человека, пользующегося всемирной популярностью, являющегося гордостью нашей страны и культуры, это значит быть просто оборванцем и охламоном. А отнюдь не патриотом.

К сожалению, эта выходка тесно связана с обстановкой нетерпимости и ненависти, которая, к большому сожалению, распространяется и процветает сегодня в нашем обществе, и, к еще большему сожалению, является частью деятельности некоторых СМИ.

Что же касается сути вопроса, то нам надо очень серьезно взглянуть на себя. Чтобы увидеть, как мы умеем держать достоинство, спокойствие и человеческое лицо, когда выражаем свое мнение или свое несогласие с чем-либо. Безусловно, к Солженицыну можно относиться по-разному. Он может нравиться или не нравиться кому-то как писатель. Но уважать его как достояние России при этом нужно. Иначе это неуважение к стране — к ее высшим достижениям, наиболее одаренным и выдающимся людям.

---

[1] *Юферова Я., Яковлева Е.* Бодался комсомолец с великаном: Почему нельзя замолчать дикую выходку у музея ГУЛАГа? // Российская газета. 2016. 11 окт. № 7098 (230); URL: https://rg.ru/2016/10/11/reg-cfo/pochemu-nelzia-zamolchat-dikuiu-vyhodku-u-muzeia-gulaga.html (дата обращения: 27.10.2016).

Л.И. Сараскина, писатель, литературовед, автор книги «Александр Солженицын»:

Два дня назад некие молодые люди — написавшие о себе, что они члены Революционного коммунистического союза молодежи, — повесили на заборе музея ГУЛАГа чучело с портретом А.И. Солженицына, после чего скрылись.

Ключевые словосочетания в этой информации — не «РКСМ», не «молодые люди» и даже не «чучело с портретом А.И. Солженицына». Ключевое слово здесь — «скрылись». То есть сбежали с места совершения своей паскудной акции, поступив как презренная городская гопота, как шкодливое хулиганье. Если то, что они написали под портретом Солженицына («злейший враг, вравший про ГУЛАГ»), по их мнению, правда, то что ж они свою правду транслируют так подло, исподтишка, воровскими методами? Они именуют себя красной молодежью, вдохновляемой революционными идеями, но действуют как трусливые урки. А трусость, читаем мы у М. Булгакова, самый страшный из пороков.

Гопота, направленная «на дело» неким партийным руководством, отстаивать свою правду открыто не может. И не понимает, что, называя «Архипелаг ГУЛАГ» и музей ГУЛАГа предателями государства, встают в один ряд с теми, кто сажал и допрашивал, пытал и расстреливал. Обладай пакостники чувством хотя бы воровской чести, они должны были бы сказать во всеуслышание: мы — любители тюремных застенков, мы — приверженцы пуль в затылок. Конечно, они так не скажут, вернее, пока так не скажут. Ибо вслух это говорить не то чтобы стыдно, но стремно.

И как же угадал эту мерзкую породу великий Солженицын, как припечатал там, в «Архипелаге ГУЛАГе», какие слова и клейма для них нашел! На все времена, на века. Не отмыться, не отмазаться. Ведь это только простую татуировку можно свести лазерами безопасно и бесследно, без рубцов и боли. Потому и не дает им покоя Солженицын, ушедший в мир иной восемь лет назад. Мертвый богатырь — он все равно богатырь. Попробуйте, сразитесь с ним без подлых штучек, анонимных доносов и блудливых «молодежных акций»!

Не выйдет, рога обломаете.

Н.Д. Солженицына, президент Русского общественного фонда Александра Солженицына:

По поводу трусливой выходки новых коммунистических юнцов проскользнуло в печати, что это — «поступок детский, отчасти хулиганский».

«Детский» он разве только в том смысле, что исполнители — дети. Но за ними-то стоят большие дяди. В наше время это не ново: командиры ИГИЛ (запрещенная в России террористическая группировка. — *Ред.*) тоже посылают детей расстреливать неугодных. И задуматься нам надо — почему же такие «дети» вырастают в нашей стране, сколько их будет в подрастающих поколениях? Если растить их во лжи, в розовых очках, в представлении, что

все в нашей истории было светло и героично, а темных пятен не было, то и никакого урока из истории извлекать не надо — вали, ребята, вперед без оглядки!

Не было у нас в стране внятного осуждения преступлений компартии против собственного народа. И раскаяний мы не слышали. Подумали бы большие дяди, что те язвы, которые недолечены, те нарывы, которые не вскрылись, уйдут внутрь и будут там гнить. А по русской пословице — «с гнилым дуплом дерево не стоит».

А «хулиганский-то» он, конечно, хулиганский, но это поступок еще и политический. Наставники ком-юнцов — вот кто настоящие предатели родины. Известно, что в СССР Солженицын был «враг № 1». Они визжат, что и сегодня Солженицын «первейший враг». Так значит, знак равенства между СССР и нынешней Россией? Спасибо вам!

Наша страна сегодня в трудном положении. Мировые СМИ к нам необъективны, обвиняют в агрессии, империализме, сталинизме, мы якобы мечтаем вернуться в СССР — и вот им яркое доказательство даром, низкий поклон!

Наступает Семнадцатый год — столетие русских революций. Давайте же посмотрим наконец в лицо коммунизму, что он сделал с Россией. Давайте открыто разбираться вслух, в спорах друг с другом, что доброго было у нас в XX веке, а что злого. Что надо было осудить и проклясть как бесчеловечное, а что сохранить. Почти полвека назад сказал Солженицын, и никто не отменит справедливости его слов: «Честная и полная гласность — вот первое условие здоровья всякого общества. И кто не хочет нашей стране гласности — тот равнодушен к отечеству».

Е.М. Демченко и коллектив Централизованной библиотечной системы г. Кисловодска[2]:

Мы все возмущены этой трусливой выходкой. Если имя и творчество А.И. Солженицына до сих пор вызывает агрессию и ненависть таких лжепатриотов, то это только подтверждает неподкупность и правдивость убеждений, высказываний и всего литературного творчества Александра Исаевича Солженицына. А организаторов этой провокации — к ответу!

А.В. Урманов, профессор, зав. кафедрой русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета[3]:

Всем сердцем разделяю боль и негодование всех порядочных людей: произошедшее у Музея истории ГУЛАГа — поражающий воображение своей пещерной дикостью и злобной тупостью, беспримерный по степени подлости,

---

[2] Александр Исаевич Солженицын: официальная страница в фейсбук // URL: https://www.facebook.com/alexander.solzhenitsyn.info/ (дата обращения: 27.10.2016).

[3] Там же (дата обращения: 27.10.2016).

вызывающий омерзение акт, в котором, как в капле, отражаются духовно-нравственные и умственные изъяны и патологии современного российского общества. Патологии, которые прежде скрытно, а в последнее время все более явственно и даже демонстративно взращиваются, поощряются и провоцируются не только «вождями» откровенно мракобесных, ностальгирующих по ГУЛАГу и тоталитаризму политических группировок, не только худшей, морально ущербной и интеллектуально неполноценной частью властной вертикали, но и определенным слоем «просвещенной» публики, теми, кто без законных на то оснований причисляет себя к «культурной элите», к наследникам великой русской культуры. Немалую долю ответственности за эту варварскую акцию, позорящую Россию перед всем светом, выставляющую нас наследниками палачей и убийц, должны взять на себя и некоторые «мастера культуры», «респектабельные» редакторы некоторых «литературных» изданий, променявшие остатки совести и таланта на погоню за меняющейся конъюнктурой, на делание «карьеры», нарастившие «жирок» на выполнении очередной «социальной заказухи» — на культивировании «красивых» легенд и мифов о советской эпохе, героической и трагической одновременно — все те, кто отринул заветы великих писателей-современников — А. Твардовского («Одна неправда нам в убыток, и только правда ко двору») и А. Солженицына («Одно слово правды весь мир перетянет»).

Юные «бесы», бросившие всем нам циничный и наглый вызов, явно рассчитывавшие на поощрение со стороны своих идейных вдохновителей и покровителей, наверняка планировавшие с помощью столь дерзкого кощунства стать героями информационных сообщений, должны получить безусловное общественное осуждение и понести законное наказание. Государство обязано защитить от публичного поругания память великого русского писателя Александра Солженицына и миллионов безвинных мучеников ГУЛАГа.

И еще — люди, олицетворяющие собой государство, по долгу службы отвечающие не только за его экономическое благополучие и безопасность, но и, прежде того, за интеллектуальное состояние, моральное и духовное здоровье, должны задуматься о тех негативных процессах в сфере образования и культуры, которые порождают среди подрастающего поколения подобную дикость.

«Никакого антисталинизма в России больше не будет»

Из интервью А. Сокурова[4]

А. Сокуров: Нобелевская премия имеет такое прекрасное качество… это высокий каменный забор, за который всякие шелешперы не перелезут, и никакие укусы уже не страшны.

«Настоящее время»: Но вот намедни кто-то повесил чучело Александра Исаевича Солженицына на дверях московского музея ГУЛАГа.

А.С.: Невыносимо стыдно за это. Не буду говорить — почему. Репутации Солженицына это не повредит, и ничто не повредит его репутации. Только время может такой эксперимент провести — забвение какое-то, тень, которая вдруг опустится на него, как это периодически бывает с судьбами больших литераторов. Нежелание людей читать, нежелание читать «Красное Колесо» — это грандиозное произведение.

Если бы сейчас, например, Лев Николаевич Толстой написал «Войну и мир», это никто бы не прочел. Просто потому, что это большая толстая книга.

Ну, а репутация России в общественно-социальном смысле низкая, и низкая давно. Население страны постоянно убеждает президента, что демократические выборы — это не выбор России, России не нужен демократический путь. Постоянно намекают, давят на президента своей поддержкой самых беспощадных законопроектов, которые принимаются от имени наших удивительных русских женщин, ставших политиками, которые превращаются в саблезубых тигриц. Это, конечно, тяжелые акты, которые отмечают в Европе, видят это. И я в большей степени сейчас понимаю — может быть, не разумом, а душой, почему никакого антисталинизма в России больше не будет.

---

[4] «Никакого антисталинизма в России больше не будет»: Беседа А. Королева с А. Сокуровым // Настоящее время: телеканал. 2016. 20 окт.; URL: http://www.currenttime.tv/a/28052943.html (дата обращения: 27.10.2016).

Об авторах

Аркатова Анна Евгеньевна — филолог-славист, доктор философии, преподаватель Чжецзянского университета иностранных языков (Шаосин, КНР). Стипендиат премии Фулбрайта (2006). Автор ряда научных статей о произведениях А.И. Солженицына.

Астанков Василий Александрович — автор ряда статей по отечественной истории рубежа XIX–XX веков, кандидат исторических наук, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации, старший научный сотрудник отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья (Москва).

Горлова Элла Соломоновна — инженер-строитель, в Москве занималась испытаниями и расчетом сейсмостойких зданий. После вынужденной эмиграции в 1975 году участвовала во многих крупных проектах в США, в том числе в проектировании ядерных электростанций. Активно сотрудничает в русскоязычной печати, автор двух научно-популярных книг по истории Бостона и штата Массачусетс (Бостон).

Дорожинская Ирина Викторовна — автор статей и методических пособий по русской литературе XIX–XX веков, учитель высшей категории, учитель русского языка и литературы Московской гимназии на Юго-Западе № 1543, ведущий научный сотрудник отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья (Москва).

Мелентьева Ирина Евгеньевна — автор ряда статей по истории русской литературы XIX–XX веков, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья (Москва).

Попов Рюрик Борисович — художник, писатель, коллекционер, член Союза художников России (Санкт-Петербург).

Пшебинда Гжегож — автор статей и книг по истории русской философской мысли и духовной культуры, истории русско-украинско-польских отношений,

доктор гуманитарных наук, профессор Ягеллонского университета (Краков), ректор Государственной высшей профессиональной школы им. С. Пигоня (Кросно).

Савельева Елена Николаевна — автор-составитель справочника по библиографии А.Д. Сахарова, библиотекарь-библиограф, научный сотрудник отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья (Москва).

Сараскина Людмила Ивановна — автор статей и книг по истории русской литературы XIX–XX веков, биографий Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания РАН (Москва).

Солженицына Наталия Дмитриевна — редактор и публикатор текстов А.И. Солженицына, в том числе 20-томного («вермонтского») и 30-томного Собраний сочинений, куратор Архива А.И. Солженицына, президент Русского Благотворительного Фонда Александра Солженицына (Москва).

Тюрина Галина Андреевна — автор ряда статей и монографии по греческой палеографии, истории классической филологии и образования в России, источниковедческих исследований, связанных с творчеством А.И. Солженицына, кандидат исторических наук, заведующая отделом по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва).

Федянина Мария Евгеньевна — автор статей о творчестве Пелевина, Солженицына и др. Аспирантка Иллинойсского университета в Урбана-Шампейне (Шампейн, США). Сфера научных интересов: русский постмодернизм, авангард и поставангард, творчество А.И. Солженицына, культурные коды и их функционирование в литературе.

Финк Владимир Константинович — инженер-строитель, кандидат технических и доктор экономических наук. Работал на стройках, в проектных и научно-исследовательских организациях России (Гамбург).

Summary

In keeping with past practice, the current issue of *Studying Solzhenitsyn* opens with a section of **New Publications**. In 1986 Solzhenitsyn wrote a sketch titled "Anna Akhmatova," making use of entries in a journal devoted to literary meetings that he had started in 1962. He later decided, after some hesitation, to include the sketch in his "Literary Collection" series under the rubric of "Some of my literary meetings (according to notes made at the time)". The laconic narrative combines vivid recollections of these meetings (there were four) with an account of how Solzhenitsyn responded to Akhmatova's poetry in the early 1960s, including to the newly-revealed "Requiem" cycle. The dialogue between Solzhenitsyn and Akhmatova was earlier known from Akhmatova's words, recorded as they were with various degrees of accuracy in the memoirs of third parties. The present publication makes it possible to see this "literary subject" from another point of view. At the end of his sketch, Solzhenitsyn reproaches himself severely for not having received "even a twentieth part of what he could have derived" from those meetings — all because of the constraints he felt due to his secretive work on *The Gulag Archipelago.* In the untitled short text that follows Solzhenitsyn's sketch in the present publication, the writer summarizes his views of Akhmatova's poetical output, from her early lyrical works to the "Poem Without a Hero". Although the dominant theme is a sincere admiration of Akhmatova's verse, especially of its naturalness of expression and its laconic accuracy, Solzhenitsyn notes, as he does in virtually all his other sketches, aspects that he finds less successful. The publication is edited by N.D. Solzhenitsyna and supplied with an introduction and annotations that set the "Solzhenitsyn and Akhmatova" theme in a historical and literary context, specifically including an indication of the role of Lydia Chukovskaya's *Notes on Anna Akhmatova.*

In this sense, the section on Akhmatova is linked to the selections from the correspondence of Lydia Chukovskaya with Solzhenitsyn — «"This separation is an onerous trial…" (1980–1993)», which is the final publication of this invaluable material. (The letters of the 1967–1974 period appear in the second issue of *Solzhenitsyn Studies*, the letters of 1974–1977 in the first, and the letters of 1977–1979 in the third. All were edited and annotated by the late E.Ts. Chukovskaya and N.D. Solzhenitsyna.) As Solzhenitsyn indicates in his letter of November 30, 1985, he had already then considered the need to publish his correspondence with Chukovskaya in the future, given the detailed, closely reasoned, and passionately argued discussions of key issues bearing on Russia in its past, present, and future forms, on the fate of the Russian language, and on the condition of Russian literature both at home and abroad. Also of major interest are Chu-

kovskaya's thoughtful judgments of the parts of *The Red Wheel* that were then appearing in print, as well as of publicistic works (e.g. "Our Pluralists" and "Rebuilding Russia") and of a re-read *Cancer Ward*. Solzhenitsyn, in turn, comments on Chukovskaya's works. And beyond this, the very fact that the exchange of letters took place in a period of tremendous changes in the life of Russia and of the entire world ensures that we can sense the relentless movement of history and understand the degree to which the events of the late 1980s and early 1990s prepared the ground for our present circumstances.

The section titled **Articles and Addresses** opens with M.E. Fedyanina's article on *The Gulag Archipelago* considered as an epic. Fedyanina identifies features in the "experiment in literary investigation" that bear resemblance to archaic epics, with special attention devoted to various recurring metaphors (particularly nominatial ones) and aspects of composition (repetition). The article is closely related to the author's previous study titled «Innovation in the archaic mode: *The Gulag Archipelago* as a synthesis of the peasant world view with avant-garde poetics» that appears in the third issue of *Solzhenitsyn Studies.* — A similar situation obtains in the case of I.E. Melentyeva's article "The life of animals in *Cancer Ward*" with its organic link to her earlier study, "Horses and other animals in *The Gulag Archipelago*" (also published in the third issue of *SS*). The author points to Solzhenitsyn's serious interest in biology and gives a detailed description of the notion of a "solidarity" among animals that was elaborated by Peter Kropotkin, the mention of whose name in *Cancer Ward* is by no means accidental. Melentyeva lists a series of "zoological" metaphors in Solzhenitsyn's work, assigns interpretations to each, characterizes the "real" animals mentioned in *Cancer Ward*, and concludes that the "zoological code" of the work helps the author answer questions about the nature and meaning of human life. — The title of G.A. Tyurina's article, «Language itself knows what it needs: Solzhenitsyn's forty years of work on his "Russian dictionary of linguistic expansion"» is an absolutely accurate indication of its contents. The author shows the unbreakable link between Solzhenitsyn's lexicographic studies and his search for a unique and rich poetic language of his own, one that would always be accessible to readers. — The study by G. Przebinda, "Solzhenitsyn and Poland (1962–1989)" addresses the complex history of the assimilation and understanding of the Russian writer Solzhenitsyn in a country with which Russia has always had a difficult relationship, especially so during the existence of the so-called "Socialist camp." — The last item in this section is L.I. Saraskina's "On Tolstoy", the transcript of a talk delivered in Yasnaya Polyana on September 9, 2016 (the great novelist's birthday) that argues that contemporary Russian culture has an equal need of Tolstoy and Solzhenitsyn.

The section titled **The Story "What a Pity" and Its Contexts** introduces a feature that is new to *Solzhenitsyn Studies.* What is presented is a particular human story that had entered Solzhenitsyn's life and had then been transformed by him into literary categories. The way in which this set of materials came to be put together is explained in N.D. Solzhenitsyna's intoductory note. The editors found it necessary to republish an extract from *The Gulag Archipelago* that bears on the writer's meeting with V.A. Vasilyev and recounts his fate, as well as the text of the "What a Pity" story. This is followed by V.K. Fink's "factographic" article, «Episodes from the life of V.A. Vasilyev: On the centenary of the work of Vasilyev's research group in the Chu river valley» and

two interpretive essays. Although I.V. Dorozhinskaya›s study («“The mark of Moscow” in the story “What a Pity”») is oriented toward “life” with its consideration of topographic and historical realia, while A.E. Arkatova’s “Through the eyes of a child: The underlying fairy-tale structure of the “What a Pity” story” emphasizes folkloristic and literary traditions, the two interpretations do not contradict each other, revealing, instead, the multifaceted nature of this short masterpiece.

In 2016 the recipient of the **Aleksandr Solzhenitsyn Literary Prize** was G.M. Kruzhkov. In the words of the jury, the award was presented to the laureate “for the energy of his poetic gift that was capable of fathoming the Shakespearean universe and bringing the world of English lyric poetry into the Russian poetic realm; for the philological acumen that recognized spiritual meanings in interlingual and intercultural connections”. The section includes an interview of G.M. Kruzhkov by P.V. Basinsky, speeches at the award ceremony by L.I. Saraskina, B.N. Romanov, and V.A. Gubailovsky, followed by comments in response by G.M. Kruzhkov.

The section titled **From Personal Files** continues publications related to the parents of the writer (see the letters Solzhenitsyn sent from exile to his mother’s friend, M.V. Skorogliadova-Kramer, and her reminiscences of Taissia Zakharovna in issue four of *Studying Solzhenitsyn*). The current issue publishes a 1974 letter to Solzhenitsyn from I.P. Skriabin, who served in the same Russian artillery battery as the writer’s father, Isaaki Semyonovich, in 1915–1917 («“He chose to share the life of his team in every sense”»; edited, introduced, and annotated by V.A. Astankov). — Selections from the correspondence between Solzhenitsyn and V.G. Rasputin in the years 1994–2007 concern events of the recent past and testify to the profound interest the two writers had in each other (“When you returned to Russia, things became more bearable for many of us”; edited by O.V. Losevaya and N.D. Solzhenitsyna, intruductory note and annotations by G.A. Tyurina). — The section concludes with the reminiscences of the artist R.B. Popov about several young men, none of them personally acquainted with Solzhenitsyn, who decided to make a present for the persecuted writer («“It was the usual placement of an order”: The story of a bookplate»). G.A. Tyurina’s introduction and notes expand on the account of this telling episode, enhancing our understanding of Solzhenitsyn’s loyal readership and of the spiritual resistance to the Soviet ideological *diktat* among some members of the intelligentsia.

The year 2016 witnessed the passing of a number of extraordinary people, loyal and loving friends of Solzhenitsyn who had helped him in various ways and who remained dear to the writer until the end of his life. The In Memoriam section is dedicated to Nikita Alekseevich Struve (1931–2016), Aleksandr Moiseevich Gorlov (1931–2016), and Dmitri Mikhailovich Shakhovskoy (1928–2016).

Studying Solzhenitsyn is publishing the speeches made at the burial service for N.A. Struve by N.D. Solzhenitsyna, Rev. G. Kochetkov, Prof. Georges Nivat, T. Viktorova, and the remarks directed to the departed by O.A. Sedakova. This is followed by the publication of a letter in which N.A. Struve provides a detailed account of his first trip to Russia (September-October 1990). In her introduction to this letter, N.D. Solzhenitsyna gives an account of the long and enduring friendship that united not only Struve and Solzhenitsyn, but both families as well.

E.S. Gorlova, the widow of A.M. Gorlov, writes of the difficult, ever exemplary and unfailingly courageous "life of the engineer Gorlov", a man who was able to put his extraordinary talents to use only in exile. Solzhenitsyn's 1971 letter to the head of the KGB, republished here, describes Gorlov's loyalty and the price he paid for it, while his 1992 letter to V.P. Lukin, at that time Russia's ambassador to the USA, allows us to see just how high his estimation of Gorlov's engineering projects and of their significance was. The same thought is manifest in the fragment of Solzhenitsyn's 1994 statement on television, which is here published for the first time (as is also the case of the letter to Lukin).

The personality and fate of the sculptor D.M. Shakhovskoy, the designer of the tombstone on Solzhenitsy's grave, is revealed in his interview for the periodical "Neskuchnyi sad" [A lively garden], a publication that used to be available only to an extremely narrow circle of readers («To call myself a realist would be like saying "I am a saint"»; first published in 2004).

The next to last section, **Notes on Current Events**, contains information about the appearance of previously unpublished writings of Solzhenitsyn, new editions or translations of his works, scholarly studies published in 2016, conferences in Russia and abroad, museum projects, exhibitions, the continuing work of the Solzhenitsyn Seminar at the House of Russia Abroad, and other events related to the world of the author of *The Gulag Archipelago* and *The Red Wheel.*

We cannot remain indifferent to events that pass beyond being unfortunate to the status of positively dangerous. The editors of *Studying Solzhenitsyn* have accordingly introduced a section titled **Contemparary Tribulations** which presents items published in the press or reported in the social media in reaction to the act of vandalism next to Moscow's Gulag Museum. These are newspaper statements by V.P. Lukin, L.I. Saraskina, and N.D. Solzhenitsyna, letters from E.M. Demchenko and the staff of the Central Library System of Kislovodsk, A.V. Urmanov, and part of an interview by A.N. Sokurov.

Contents

NEW PUBLICATIONS

Selections from the papers of Aleksandr Solzhenitsyn

Aleksandr Solzhenitsyn. From the "Literary Collection" series
(On Anna Akhmatova) 5
Anna Akhmatova 7
["She is perfection incarnate from the first"] 17

Edited, intoduced, and annotated by N.D. Solzhenitsyna

"This separation is an onerous trial":
Selections from the correspondence of Aleksandr Solzhenitsyn and
Lydia Chukovskaya (1980–1993) 22

Edited and annotated by E.Ts. Chukovskaya *and N.D. Solzhenitsyna*
Introductory note by N.D. Solzhenitsyna

ARTICLES AND ADDRESSES

M.E. Fedyanina. A.I. Solzhenitsyn's *Gulag Archipelago* considered as an epic:
Features of the work's poetics 103
I.E. Melentyeva. The life of animals in *Cancer Ward.* (Essay I) 121
G.A. Tyurina. Language itself knows what it needs: Solzhenitsyn's forty
years of work on his «Russian dictionary of linguistic expansion» (*Russkii slovar' yazykovogo rasshirenia*) 134
G. Przebinda. Solzhenitsyn and Poland (1962–1989) 149
L.I. Saraskina. On Tolstoy 187

THE "WHAT A PITY" STORY AND ITS CONTEXTS

Introductory note by N.D. Solzhenitsyna

A.I. Solzhenitsyn.
"And a spark of sympathy jumped between us!" — Extract from *Gulag Archipelego*. 192

"What a Pity" 196
V.K. Fink. Some episodes from the life of V.A. Vasilyev: On the centenary of the work of Vasilyev's research group in the Chu river valley 200
I.V. Dorozhinskaya. "The mark of Moscow" in the story "What a Pity". 207
A.E. Arkatova. Through the eyes of a child: The underlying fairy-tale structure of the "What a Pity" story 214

THE ALEKSANDR SOLZHENITSYN PRIZE IN LITERATURE

The 2016 Prize
The jury's statement 224
On the laureate 224
P.V. Basinsky in conversation with G.M. Kruzhkov 226
The award ceremony 230

Comments by: L.I. Saraskina, B.N. Romanov, B.A. Gubailovsky
Comments in response by G.M. Kruzhkov

FROM PERSONAL FILES

"He chose to share the life of his team in every sense":
A 1974 letter from I.P. Skriabin to A.I. Solzhenitsyn with reminiscences of the writer's father 249

Edited, introduced, and annotated by V.A. Astankova

"When you returned to Russia, things became more bearable for many of us":
Selections from the correspondence of V.G. Rasputin and A.I. Solzhenitsyn 255

Edited by O.V. Losevaya and N.D. Solzhenitsyna, intruductory note and annotations by G.A. Tyurina

Letters 257
V.G. Rasputin. The tireless advocate. In memory of Aleksandr Solzhenitsyn 266

R.B. Popov. "It was the usual placement of an order": The story of a bookplate . 267

Introduced and annotated by G.A. Tyurina

IN MEMORIAM

In memory of Nikita Alekseevich Struve (1931–2016) 274
Taking leave of N.A. Struve in the Alexander Nevsky Cathedral (Paris) . . . 276

Funeral speeches by N. Solzhenitsyna, Rev. Georgy Kochetkov, Prof Georges Nivat, and T. Viktorova

O.A. Sedakova. "It is a sad thing, a terribly sad thing to say good-bye" 282

N.D. Solzhenitsyna. "...Our many years of collaboration and friendship" . . . 283
"What was most astonishing was that we immediately felt at home": *A 1990 letter from N.A. Struve to A.I. Solzhenitsyn* 288

Edted, introduced, and annotated by N.D. Solzhenitsyna

In memory of Aleksandr Moiseevich Gorlov (1931–2016) 312
E.S. Gorlova. The life of engineer Gorlov 322
A.I. Solzhenitsyn
Open letter to Andropov, the Minister of State Security of the USSR . . 322
Letter to V.P. Lukin, Russia's ambassador to the USA 323
Siberian impressions. *Televized conversation with A. Revenko* 324

In memory of Dmitri Mikhailovich Shakhovskoy (1928–2016) 326

Introduced and annotated by G.A. Tyurina

"To call myself a realist would be like saying 'I am a saint'": *2004 interview of D.M. Shakhovskoy for the journal* «Neskuchny sad» 327

NOTES ON CURRENT EVENTS

Compiled by E.N. Savelyeva and G.A. Tyurina

New editions of the works of A.I. Solzhenitsyn 335
Literature on the works of A.I. Solzhenitsyn 338
Conferences, lectures, discussions 340
Exhibits, museums 345
Seminar on the life and works of the writer 348
In memoriam 351

CONTEMPORARY TRIBULATIONS

Based on reports in the press and in social media

Why we cannot keep silent about the outrage committed next to the Gulag museum? 355

V.P. Lukin, L.I. Saraskina, N.D. Solzhenitsyna, E.M. Demchenko with the staff of the Central Library System of Kislovodsk, A.V. Urmanov

"There will no longer be any anti-Stalinism in Russia": *From an interview with A. Sokurov* 359

Notes on contributors 360
Summary 362

Содержание

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ
Из наследия Александра Солженицына

Александр Солженицын. Из «Литературной коллекции» (Об Анне Ахматовой) 5

Публикация, подготовка текста, вступительная заметка и комментарии Н.Д. Солженицыной

Анна Ахматова. 7
[«Она — отначала совершенство»] 17

«Тяжёл искус такой разлуки»: *Из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской (1980–1993)* 22

Публикация, подготовка текстов и комментарии Е.Ц. Чуковской и Н.Д. Солженицыной, вступительная заметка Н.Д. Солженицыной

СТАТЬИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ

М.Е. Федянина. «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына как эпопея: Особенности поэтики 103
И.Е. Мелентьева. Жизнь животных в «Раковом корпусе» *Статья первая* 121
Г.А. Тюрина. «Язык сам знает, чего он хочет»: Сорок лет работы Солженицына над «Русским словарем языкового расширения» 134
Г. Пшебинда. Солженицын и Польша. Годы 1962–1989 149
Л.И. Сараскина. Слово о Толстом 187

«КАК ЖАЛЬ» И ВОКРУГ

Вступительная заметка Н.Д. Солженицыной

А.И. Солженицын. «И — проскочила между нами душевная искра!»:
Из книги «Архипелаг ГУЛАГ» 192
Как жаль 196
В.К. Финк. Моменты жизни проф. В.А. Васильева: К столетию работ изыскательской партии ученого в долине реки Чу 200
И.В. Дорожинская. «Московский след» в рассказе «Как жаль» 207
А.Е. Аркатова. Глазами ребенка: Сказочный подтекст рассказа «Как жаль» 214

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Премия 2016
Решение жюри 224
О лауреате 224
Беседа П.В. Басинского с Г.М. Кружковым 226
Церемония награждения 230

Выступления: *Л.И. Сараскина, Б.Н. Романов, В.А. Губайловский*
Ответное слово: *Г.М. Кружков*

ИЗ АРХИВОВ

«Он предпочел во всем разделять жизнь своей команды»:
Письмо И.П. Скрябина к А.И. Солженицыну с воспоминаниями об отце писателя (1974) 249

Публикация, подготовка текста, предисловие и комментарии В.А. Астанкова

«С Вашим возвращением в Россию многим из нас стало легче»:
Из переписки В.Г. Распутина и А.И. Солженицына 255

Публикация О.В. Лосевой и Н.Д. Солженицыной, вступительная заметка и комментарии Г.А. Тюриной

Письма 257
В.Г. Распутин. Неустанный ревнитель.
Памяти Александра Солженицына 266

Р.Б. Попов. «Это был обычный заказ»: История одного экслибриса 267

Предисловие и примечания Г.А. Тюриной

IN MEMORIAM

Памяти Никиты Алексеевича Струве (1931–2016) 274
Прощание с Н.А. Струве в парижском кафедральном Александро-Невском соборе 276

Надгробные слова: Н. Солженицына, свящ. Георгий Кочетков, проф. Жорж Нива, Т. Викторова

О.А. Седакова. «Очень печально, невозможно печально прощаться» 282
Н.Д. Солженицына. «…Наши годы и годы совместной работы и дружбы» 283
«Самое удивительное — это то, что мы сразу же почувствовали себя дома…»: *Письмо Н.А. Струве к А.И. Солженицыну (1990)* . . . 288

Публикация, подготовка текста, вступительная заметка и комментарии Н.Д. Солженицыной

Памяти Александра Моисеевича Горлова (1931–2016)
Э.С. Горлова. Жизнь инженера Горлова 312
А.И. Солженицын
Открытое письмо министру госбезопасности СССР Андропову . . . 322
Письмо послу России в США В.П. Лукину 323
Сибирские впечатления *(Из телебеседы с А. Ревенко)* 324

Памяти Дмитрия Михайловича Шаховского (1928–2016) 326

Вступительное слово и примечания Г.А. Тюриной

«Сказать про себя: “я реалист” — это все равно, что сказать “я святой”»: *Интервью Д.М. Шаховского журналу «Нескучный сад» (2004)* 327

ХРОНИКА

Раздел подготовлен Е.Н. Савельевой и Г.А. Тюриной

Издания произведений А.И. Солженицына 335
Литература о творчестве А.И. Солженицына 338
Конференции, лекции, обсуждения 340
Выставки, музеи 345
Семинар, посвященный трудам и дням писателя 348
In memoriam 351

ЗЛОБОДНЕВНОЕ

Материалы из прессы и соцсетей

Почему нельзя замолчать дикую выходку у музея ГУЛАГа? 355

В.П. Лукин, Л.И. Сараскина, Н.Д. Солженицына, Е.М. Демченко и коллектив Централизованной библиотечной системы г. Кисловодска, А.В. Урманов

«Никакого антисталинизма в России больше не будет»:
Из интервью А. Сокурова 359

Об авторах 360
Summary 362
Contents 366

С-60 **Солженицынские тетради:** Материалы и исследования : [альманах]. Вып. 5 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына ; [гл. ред. А.С. Немзер]. — М. : Русский путь, 2016. — 376 с. : ил.

ISBN 978-5-85887-465-2

Альманах «Солженицынские тетради» призван способствовать общению профессиональных исследователей жизни и творчества писателя и его заинтересованных читателей. Альманах представляет неопубликованные тексты из наследия А.И. Солженицына, документы, связанные с жизнью и работой писателя, мемуары о нем и его эпохе, исследования, посвященные конкретным произведениям, их взаимосвязям, логике творческого пути писателя, его месту в литературе и культуре, роли в истории XX столетия и той истории, что творится сегодня.

В этом выпуске впервые публикуются очерки писателя из «Литературной коллекции» об Анне Ахматовой, фрагменты переписки А.И. Солженицына с Л.К. Чуковской (1980–1993), В.Г. Распутиным (1994–2007). Хроника происходящего в солженицынском пространстве включает информацию о значимых изданиях книг писателя, новинках исследовательской и учебной литературы, конференциях, выставках, очередных решениях жюри Литературной премии Александра Солженицына. Издание иллюстрировано репродукциями рукописей и фотоматериалами.

УДК 82.0
ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6

Литературно-художественное издание

Солженицынские
ТЕТРАДИ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

5

Редактор: О.Б. Василевская
Корректор: О.А. Савичева
Верстка: Л.А. Фирсова

Подписано в печать 14.11.2016. Формат 70x100/16.
Тираж 1000 экз.

ЗАО «Издательство “Русский путь”»
125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, стр. 6, оф. 64
Тел.: +7 (495) 629-04-82
E-mail: info@rp-net.ru
Сайт издательства: www.rp-net.ru
Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www. kmrz.ru

Отпечатано в типографии «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6

ISBN 978-5-85887-465-2
9 785858 874652 >

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКИЙ ПУТЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

РУССКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ

Сост. А.И. Солженицын

«Лучший способ обогащения языка — это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств», — пишет в предисловии к Словарю его автор-составитель А.И. Солженицын. Современная устная и письменная речь заметно оскудевает, становится бедной и невыразительной, и при этом мы неоправданно отказываемся от еще жизнеспособных полнокровных слов, которым грозит преждевременное отмирание. «Словарь языкового расширения» означает: собрание слов, смежных с обычно употребляемым языковым объемом, но по разным причинам из этого употребления выпавших. Задача Словаря — напомнить о них, то есть о «живом в нашем языке», по выражению А.И. Солженицына.

Для филологов, преподавателей, писателей, студентов, для всех, кому приходится иметь дело с письменной или устной русской литературной речью.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКИЙ ПУТЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН: ИЗ-ПОД ГЛЫБ

РУКОПИСИ, ДОКУМЕНТЫ, ФОТОГРАФИИ

К 95-летию со дня рождения А.И. Солженицына

В альбоме представлены материалы выставки в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина к 95-летию со дня рождения А.И. Солженицына — рукописи, документы, фотографии и личные вещи из архива писателя в Троице-Лыкове. Иллюстрации и описания экспонатов дополняют аннотации, раскрывающие обстоятельства появления того или иного документа или рукописи в жизни автора. Солженицын, возможно, один из последних писателей, оставивших колоссальный рукописный архив, и первая в России выставка, по определению автора ее концепции Н.Д. Солженицыной, — «своего рода биография в рукописях», сам вид и обстоятельства создания которых «делают их памятниками трудному веку России и подвигу его летописца».

Уникальные свидетельства времени дают возможность соприкосновения с «крутыми изломами» жизни Солженицына: «после безотцовских детства и юности — война, фронт; с 26 лет — тюрьмы, лагеря, ссылка; смертельная болезнь; жизнь провинциального учителя, таящего свое писательство; взлет известности с публикацией „Одного дня Ивана Денисовича“ и почти немедленно — стена, преградившая путь его следующим книгам; открытое инакомыслие, „бодание“ с властями; охота КГБ за его рукописями; взрыв „Архипелага“, изгнание из СССР; короткая жизнь в Европе и долгая — на вермонтских холмах; возвращение на родину в 1990-х»…

Эти и другие книги Вы можете приобрести
в магазине «Русское Зарубежье» и интернет-магазине издательства

Сайт магазина: www.kmrz.ru
Адрес: 109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: 8 (495) 915-11-45, 8 (495) 915-27-97
Отдел распространения и интернет-магазин:
Тел.: 8 (495) 915-10-05